

**В данной книге,
использованы журнальные иллюстрации**

Художника:

**Valter Edgar
(21.09.1929 - 4.03.2006)**

Вальтера Эдгара

ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»

«ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ»

ПУБЛИКАЦИИ:

**«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»
Pioneer (Tallinn). – 1980. – №№ 1-12; 1981. – № 1**

**«ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ»
Pioneer (Tallinn). – 1985. – №№ 9-12; 1986. – №№ 1-9**

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА

**БРАТЯ СТРУГАЦКИЕ
В ЖУРНАЛЬНЫХ
ИЛЛЮСТРАЦИЯХ**

Выпуск 7

(дополнительный)

Сборник

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Часть первая РОБИНЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел на небо. Небо здесь было низкое и какое-то твёрдое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно флуоресцировала. Максим искал в зените дыру, пробитую кораблём, но дыры там не было — там расплывались только две большие чёрные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настежь и соскочил в высокую сухую траву.

Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс; неподалёку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны. Всё было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому, неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река, большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошёл корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся и Максиму пришлось спешно перехватить управление, и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Чёрные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но всё равно рутинно. Скука. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим звоном налетела туча какой-то мошкары, потолклась перед лицом и отстала. Взрослые, солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои, взрослые, солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты, в сущности, своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился ещё ценить своё главное достояние — время, если у тебя нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет назад, остаётся не голова, а руки и ноги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда... конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй её собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдётся с кем, робинзонь поменьше, буде никого не обнаружишь... И не то, чтобы всё это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внёс посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но учитель при встрече спросит только: «Ты всё ещё в ГСП?» — и переведёт разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты всё ещё в ГСП, он берёт на себя. А отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Петер скажет: «Сколько можно? Хватит срамиться...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернёшься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмёшь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнёшь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примятая им трава, чернели на фоне неба корявые деревья, и светился маленький кружок раскрытого люка. Всё было очень привычно. «Ну и ладно, — сказал он себе. — Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию, мощную, древнюю, мудрую. И человеческую...» Он спустился к воде. Река действительно была большая, медленная, и простым глазом было видно, как она спускается с востока и поднимается на запад. (Рефракция здесь, однако, чудовищная...) И видно было, что другой берег пологий и зарос густым тростником, а в километре вверх по течению торчат из воды какие-то столбы и кривые балки, перекошенные решётчатые фермы, мохнатые от вьющихся растений. «Цивилизация», — подумал Максим без особенного азарта. Вокруг чувствовалось много железа, и ещё что-то чувствовалось, неприятное, душное, и когда Максим зачерпнул горстью воду, он понял, что это радиация, довольно сильная и злобная. Река несла с востока радиоактивные вещества, и Максиму стало ясно, что проку от этой цивилизации будет немного, что это опять не то, что контакта лучше и не затевать, а надо проделать стандартные анализы, раза два незаметно облететь планету по экватору и убираться восвояси, а на Земле передать материалы серьёзным, много повидавшим дядям из Совета галактической безопасности и поскорее забыть обо всём. Забыть обо всём...

Он брезгливо отряхнул пальцы и вытер их о песок, потом присел на корточки, задумался. Он попытался представить себе жителей этой планеты, вряд ли благополучной планеты. Где-то за лесами был город, вряд ли благополучный город: грязные заводы, дряхлые реакторы, сбрасывающие в реку радиоактивные помои, некрасивые, дикие дома под железными крышами, много стен и мало окон, грязные промежутки между домами, заваленные отбросами и трупами домашних животных, большой ров вокруг города и подъёмные мосты... Хотя нет, это было до реакторов. И люди. Он попытался представить себе этих людей, но не смог. Он знал только, что на них очень много надето, они были прямо-таки запакованы в толстую грубую материю, и у них были высокие белые воротнички, натирающие подбородок. Потом он увидел следы на песке.

Это были следы босых ног. Кто-то спустился с обрыва и ушёл в реку. Кто-то с большими широкими ступнями, тяжёлый, косопалый, неуклюжий — несомненно, гуманоид, но на ногах у него было по шесть пальцев. Постанывая и кряхтя, сполз с обрыва, проковылял по песку, с плеском погрузился в радиоактивные воды и, фыркая и

храпя, поплыл на другой берег, в тростники. Не снимая высокого белого воротничка...

Яркая голубая вспышка озарила всё вокруг, словно ударила молния, и сейчас же над обрывом загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Он уже знал, что случилось, только не понимал почему, и он не удивился, когда увидел на том месте, где только что стоял корабль, клубящийся столб раскалённого дыма, гигантским штопором уходящий в фосфоресцирующую небесную твердь. Корабль лопнул, лиловым светом полыхала керамитовая скорлупа, весело горела сухая трава вокруг, пылал кустарник, и занимались дымными огоньками корявые деревья. Яростный жар бил в лицо, и Максим заслонился ладонью и попятился вдоль обрыва — на шаг, потом ещё на шаг, потом ещё и ещё... Он пятился, не отрывая слезящихся глаз от этого великолепной красоты жаркого факела, сыплющего багровыми и зелёными искрами, от этого внезапного вулкана, от бессмысленного буйства распоясавшейся энергии.

«Нет, отчего же... — потерянно думал он. — Явилась большая обезьяна, видит — меня нет, забралась внутрь, подняла палубу — сам я не знаю, как это делается, но она сообразила, сообразительная такая была обезьяна, шестипалая, — подняла, значит, палубу... Что там в кораблях под палубой?.. Словом, нашла она аккумуляторы, взяла большой камень — и трах!.. Очень большой камень, тонны в три весом, — и с размаху... Здоровенная такая обезьяна... Доконала она всё-таки мой корабль своими булыжниками — два раза в стратосфере и вот здесь... Удивительная история... Такого, кажется, ещё не бывало. Что же мне, однако, теперь делать? Хватятся меня, конечно, скоро, но даже когда хватятся, то вряд ли подумают, что такое возможно: корабль погиб, а пилот цел... Что же теперь будет? Мама... Отец... Учитель...»

Он повернулся спиной к пожару и пошёл прочь. Он быстро шёл вдоль реки; всё вокруг было озарено красным светом; впереди металась, сокращаясь и вытягиваясь, его тень на траве. Справа начался лес, редкий, пахнувший прелью, трава сделалась мягкой и влажной. Две большие ночные птицы с шумом вырвались из-под ног и низко над водой потянули на ту сторону. Он мельком подумал, что огонь может нагнать его, и тогда придётся уходить вплавь и это будет неприятно; но красный свет вдруг померк и погас совсем, и он понял, что противопожарные устройства, в отличие от него, разобрались всё-

таки, что к чему, и выполнили своё назначение с присущей им тщательностью. Он живо представил себе закопчённые, оплавившиеся баллоны, нелепо торчащие посреди горячих обломков, испускающие тяжёлые облака пирофага и очень собой довольные...

«Спокойствие, — думал он. — Главное — не пороть горячку. Время есть. Собственно говоря, у меня масса времени. Они могут искать меня до бесконечности: корабля нет и найти меня невозможно. А пока они не поймут, что произошло, пока не убедятся окончательно, пока не будут полностью уверены, маме они ничего не сообщат... А я уж тут что-нибудь придумаю...»

Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой, потрескавшейся бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошёл к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и увидел ржавые, обросшие вьюном фермы, остатки какого-то крупного решётчатого сооружения, полупогруженные в воду, а на той стороне — продолжение дороги, едва различимое под светящимся небом. По-видимому, здесь когда-то был мост. И по-видимому, этот мост кому-то мешал, и его свалили в реку, отчего он не стал ни красивее, ни удобнее. Максим сел на край обрыва и спустил ноги. Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет, и стал размышлять.

«Главное я нашёл. Вот тебе дорога. Плохая дорога, грубая дорога и к тому же старинная дорога, но всё-таки это дорога, а на всех обитаемых планетах дороги ведут к тем, кто их строил. Что мне нужно? Пищи мне не нужно. То есть я бы поел, но это работают дремучие инстинкты, которые мы сейчас подавим. Вода мне понадобится не раньше, чем через сутки. Воздуху хватает, хотя я предпочёл бы, чтобы в атмосфере было поменьше углекислоты и радиоактивной грязи. Так что ничего низменного мне не нужно. А нужен мне небольшой, прямо скажем, примитивный нуль-передатчик со спиральным ходом. Что может быть проще примитивного нуль-передатчика? Только примитивный нуль-аккумулятор...» Он зажмурился, и в памяти отчётливо проступила схема передатчика на позитронных эмиттерах. Будь у него детали, он бы собрал эту штуку в два счёта, не раскрывая глаз. Он несколько раз мысленно проделал сборку, а когда раскрыл глаза, передатчика не было. И ничего не было. «Робинзон, — подумал он с некоторым даже интересом. — Максим Крузое. Надо же, ничего у меня нет. Шорты без карманов и кеды. Но зато остров у меня — обитаемый... А раз остров обитаемый, значит, всегда остаётся надежда на примитивный нуль-передатчик». Он старательно думал о нуль-передатчике, но у него плохо получалось. Он всё время видел маму, как ей

сообщают: «Ваш сын пропал без вести», и какое у неё лицо, и как отец трёт себе щёки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... «Нет, — сказал он себе, — об этом думать не разрешается. О чём угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Всё». Он поднялся и пошёл по дороге.

Лес, вначале робкий и редкий, понемногу смелел и подступал к дороге всё ближе. Некоторые наглые молодые деревца взломали бетон и росли прямо на шоссе. Видимо, дороге было несколько десятков лет — во всяком случае, несколько десятков лет ею не пользовались. Лес по сторонам становился всё выше, всё гуще, всё глуше, кое-где ветви деревьев переплетались над головой. Стало темно; то справа, то слева в чаще раздавались громкие гортанные возгласы. Что-то шевелилось там, шуршало, топотало. Один раз шагах в двадцати впереди кто-то приземистый и тёмный, пригнувшись, перебежал дорогу. Звенела мошкара. Максиму вдруг пришло в голову, что край настолько запущен и дик, что людей может не оказаться поблизости, что добраться до них придётся несколько суток. Дремучие инстинкты пробудились и вновь напомнили о себе. Но Максим чувствовал, что здесь вокруг очень много живого мяса, что с голоду здесь не пропадёшь, что всё это вряд ли будет вкусно, но зато интересно будет поохотиться. И поскольку о главном ему было думать запрещено, он стал вспоминать, как они охотились с Петером и с егерем Адольфом: голыми руками, хитрость против хитрости, разум против инстинкта, сила против силы. Трое суток, не останавливаясь, гнать оленя через бурелом, настигнуть и повалить на землю, схватив за рога... Оленей здесь, возможно, и нет, но в том, что здешняя дичь съедобна, сомневаться не приходится: стоит задуматься, отвлечься — и мошкара начинает неистово жрать, а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрёт... Недурно было бы здесь заблудиться и провести годик-другой, скитаясь по лесам. Завёл бы себе приятеля — волка какого-нибудь или медведя, ходили бы мы с ним на охоту, беседовали бы... Надоело бы, конечно, в конце концов, да и не похоже, чтобы в этих лесах можно было бродить с приятностью: слишком много вокруг железа — дышать нечем... И потом, всё-таки сначала нужно собрать нуль-передатчик...

Он остановился, прислушиваясь. Где-то в глубине чащи раздавался монотонный глухой рокот, и Максим вспомнил, что уже давно слышит этот рокот, но только сейчас обратил на него внимание. Это

было не животное и не водопад — это был механизм, какая-то варварская машина. Она хрипела, взрыкивала, скрежетала металлом и распространяла ржавые запахи. И она приближалась.

Максим пригнулся и, держась поближе к обочине, бесшумно побежал навстречу, а потом остановился, едва не выскочив с ходу на перекрёсток. Дорогу под прямым углом пересекало другое шоссе, очень грязное, с глубокими, безобразными колеями, с торчащими обломками бетонного покрытия, дурно пахнущее и очень, очень радиоактивное. Максим присел на корточки и поглядел влево. Рокот двигателя и металлический скрежет надвигались оттуда. Оно приближалось.

Через минуту оно появилось. Бессмысленно огромное, горячее, смрадное, всё из клёпаного металла, попирающее дорогу чудовищными гусеницами, облепленными грязью, не мчалось, не катилось — пёрло горбатое, неопрятное, дребезжа отставшими листами железа, начинённое сырым плутонием пополам с лантанидами, беспомощное, угрожающее, без людей, тупое и опасное перевалилось через перекрёсток и попёрло дальше, хрустя и визжа раздавливаемым бетоном, оставив за собой хвост раскалённой духоты, скрылось в лесу и всё рычало, ворочалось, взрывало, постепенно затихая...

Максим перевёл дух, отмахнулся от мошкары. Он был потрясён. Ничего столь нелепого и жалкого он не видел никогда в жизни. «Да, — подумал он,

— позитронных эмиттеров мне здесь не достать». Он поглядел вслед чудовищу и вдруг заметил, что поперечная дорога — не просто дорога, а просека, узкая щель в лесу: деревья не закрывали над нею неба, как над шоссе. «Может, догнать его? — подумал он. — Остановить, погасить котёл...» Он прислушался. В лесу стояли шум и треск, чудовище ворочалось в чаще, как гиппопотам в трясине, а потом рокот двигателя снова начал приближаться. Оно возвращалось. Снова сопение, рык, волна смрада, лязг и дребезг, и вот оно опять переваливает через перекрёсток и прёт туда, откуда только что вышло... «Нет, — сказал Максим, — не хочу я с ним связываться. Не люблю я злых животных и варварских автоматов...» Он подождал, вышел из кустов и одним прыжком перемахнул через заражённый перекрёсток.

Некоторое время он шёл очень быстро, глубоко дыша, освобождая лёгкие от испарений железного гиппопотама, а затем снова перешёл на походный шаг. Он думал о том, что увидел за первые два часа жизни на своём обитаемом острове, и пытался сложить все эти несообразности и случайности в нечто логически непротиворечивое. Однако это было слишком трудно. Картина получалась сказочной, а не реальной. Сказочным был этот лес, набитый старым железом, сказочные существа перекликались в нём почти человеческими голосами; как в сказке, старая, заброшенная дорога вела к заколдованному замку, и невидимые злые волшебники старались помешать человеку, попавшему в эту страну. На дальних подступах они забросали его метеоритами — ничего не получилось, и тогда они сожгли корабль, поймали человека в ловушку, а потом натравили на него железного дракона. Дракон, однако, оказался слишком стар и глуп, и они, наверное, уже поняли свою промашку и готовят теперь что-нибудь посовременнее...

— Послушайте, — сказал им Максим, — я ведь не собираюсь расколдовывать замков и будить ваших летаргических красавиц; я хочу только встретиться с кем-нибудь из вас, кто поумнее, кто поможет мне с позитронными эмиттерами...

Но злые волшебники гнули своё. Сначала они положили поперёк шоссе огромное гнилое дерево, затем разрушили бетонное покрытие, вырыли в земле большую яму и наполнили её тухлой радиоактивной жижей, а когда и это не помогло, когда мошकारа притомилась кусать и разочарованно отстала, уже к утру выпустили из леса холодный злой туман. От тумана Максиму стало зябко, и он пустился бегом, чтобы согреться. Туман был липкий, маслянистый, пахивал мокрым металлом и тлением, но вскоре запахло дымом, и Максим понял, что где-то неподалёку горит живой огонь.

Занимался рассвет, небо засветилось утренней серостью, когда Максим увидел в стороне от дороги костёр и невысокое каменное строение с провалившейся крышей, с пустыми чёрными окнами, старое, заросшее мохом. Людей, видно не было, но Максим чувствовал, что они где-то неподалёку, что они недавно были здесь и, может быть, скоро вернуться. Он свернул с шоссе, перескочил придорожную канаву и, утопая по щиколотку в гниющих листьях, приблизился к костру.

Костёр встретил его добрым первобытным теплом, приятно растревожившим дремучие инстинкты. Здесь всё было просто. Можно было, не здороваясь, присесть на корточки, протянуть руки к огню и молча ждать, пока хозяин, так же молча, подаст горячий кусок и горячую кружку. Хозяина, правда, не было, но над костром висел закопчённый котелок с остро пахнущим варевом, поодаль валялась пустая плетёная корзина с круглым дном, моток тонкого металлического троса и ещё какие-то металлические и пластмассовые предметы непонятного назначения.

Максим посидел у костра, погрелся, глядя на огонь, потом поднялся и зашёл в дом. Собственно, от дома осталась только каменная коробка. Сквозь проломленные балки над головой светлело утреннее небо, на гнилые доски пола было страшно ступить, а по углам росли гроздь малиновых грибов — ядовитых, но, если их хорошенько прожарить, вполне годных к употреблению.

Впрочем, мысль о еде сразу пропала, когда Максим разглядел в полутьме у стены чьи-то кости вперемешку с выцветшими лохмотьями. Ему стало неприятно, он повернулся, спустился по разрушенным ступенькам и, сложив ладони рупором, заорал на весь лес:

— Ого-го, шестипалые!

Эхо почти мгновенно увязло в тумане между деревьями, никто не отозвался, только сердито зацокали какие-то пичуги над головой.

Максим вернулся к костру, подкинул в огонь веток и заглянул в котелок. Варевое кипело. Он поглядел по сторонам, нашёл что-то вроде ложки, понюхал её, вытер травой и снова понюхал. Потом он осторожно снял сероватую накипь и стряхнул её на угли. Помешал вареву, зачерпнул с краю, подул и, вытянув губы, попробовал. Оказалось, недурственно, что-то вроде похлёбки из печени тахорга, только острее. Максим отложил ложку, бережно, двумя руками снял котелок и поставил на траву. Потом он снова огляделся и сказал громко:

— Завтрак готов!

Его не покидало ощущение, что хозяйева где-то рядом, но видел он только неподвижные, мокрые от тумана кусты, чёрные корявые

стволы деревьев, а слышал лишь треск костра, да хлопотливую птичью переключку.

— Ну ладно, — сказал он вслух. — Вы как хотите, а я начинаю контакт.

Он очень быстро вошёл во вкус. То ли ложка была велика, то ли дремучие инстинкты разыгрались не в меру, но он и оглянуться не успел, как выхлебал треть котелка. Тогда он с сожалением отодвинулся, посидел, прислушиваясь к вкусовым ощущениям, тщательно вытер ложку; но не удержался — ещё раз зачерпнул, с самого дна, этих аппетитных, тающих во рту коричневых ломтиков, похожих на трепанги, совсем отодвинулся, снова вытер ложку и положил её поперёк котелка. Теперь было самое время утолить чувство благодарности.

Он вскочил, выбрал несколько тонких прутиков и отправился в дом. Осторожно ступая по трухлявым доскам и стараясь не оглядываться на останки в тени, он принялся срывать грибы и нанизывать на прутик малиновые шляпки, выбирая самые крепкие. «Вас бы посолить, — думал он, — да поперчить немного, но ничего, для первого контакта сойдёт и так. Мы вас подвесим над огоньком, и вся активная органика выйдет из вас паром, и станете вы объединение, и станете вы первым моим взносом в культуру этого обитаемого острова...»

И вдруг в доме стало чуть-чуть темнее, и он тотчас же ощутил, что на него смотрят. Он вовремя подавил в себе желание резко повернуться, сосчитал до десяти, медленно поднялся и, заранее улыбаясь, повернул голову.

В окне смотрело на него длинное тёмное лицо с унылыми большими глазами, с уныло опущенными углами губ, смотрело без всякого интереса, без злобы и без радости, смотрело не на человека из другого мира, а так, на докучное домашнее животное, опять забравшееся, куда ему не велено. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Максим ощущал, как уныние, исходящее от этого лица, затопляет дом, захлёстывает лес, и всю планету, и весь окружающий мир, — и всё вокруг стало серым, унылым и плачевным: всё уже было, и было много раз, и ещё много раз будет, и не предвидится никакого спасения от этой серой, унылой, плачевной скуки. Затем в доме стало ещё темнее, и Максим повернулся к двери.

Там, расставив крепкие короткие ноги, загородив широкими плечами весь проём, стоял сплошь заросший рыжим волосом коренастый человек в безобразном клетчатом комбинезоне. Сквозь буйные рыжие заросли на Максима глядели буравящие голубые глазки, очень пристальные, очень недобрые и тем не менее какие-то весёлые — может быть, по контрасту с исходившим от окна всемирным

унынием. Этот волосатый молодчик тоже явно не впервые видел пришельцев из другого мира, но он привык обходиться с этими надоевшими пришельцами быстро, круто и решительно — без всяких там контактов и прочих ненужных сложностей. На шее у него висела на кожаном ремне толстая металлическая труба самого зловещего вида, и выхлопное отверстие этого орудия расправы с пришельцами он твёрдой грязной рукой направлял прямо Максиму в живот. Сразу было видно, что ни о высшей ценности человеческой жизни, ни о Декларации прав человека, ни о прочих великолепных изобретениях высшего гуманизма, как и о самом гуманизме, он слыхом не слыхал, а расскажи ему об этих вещах — не поверил бы.

Однако Максиму выбирать не приходилось. Он протянул перед собой прутик с нанизанными грибными шляпками, улыбнулся ещё шире и произнёс с преувеличенной артикуляцией:

— Мир! Всё в порядке! Всё хорошо!

Унылая личность за окном откликнулась на этот лозунг длинной неразборчивой фразой, после чего очистила район контакта и, судя по звукам снаружи, принялась наваливать в костёр сухие сучья. Взлохмаченная рыжая борода голубоглазого зашевелилась, и из медных зарослей понеслись рыкающие, взрывающиеся, лязгающие звуки, живо напомнившие Максиму железного дракона на перекрёстке.

— Да! — сказал Максим, энергично кивая. — Земля! Космос! — Он ткнул прутиком в зенит, и рыжебородый послушно поглядел на проломленный потолок. — Максим! — продолжал Максим, тыча себя в грудь. — Максим! Меня зовут Максим! — Для большей убедительности он ударил себя в грудь, как разъярённая горилла. — Максим!

— Махх-ссим! — рявкнул рыжебородый со странным акцентом.

Не спуская глаз с Максима, он выпустил через плечо серию громыхающих звуков, в которой несколько раз повторялось слово «Мах-сим», в ответ на что невидимая унылая личность принялась издавать жуткие тоскливые фонемы. Голубые глаза рыжебородого выкатились, раскрылась желтозубая пасть, и он загоготал. Очевидно, неведомый Максиму юмор ситуации дошёл наконец до рыжебородого. Отсмеявшись, рыжебородый вытер свободной рукой глаза, опустил своё смертоносное оружие и сделал Максиму недвусмысленный знак, означавший: «А ну выходи!»

Максим с удовольствием повиновался. Он вышел на крыльцо и снова протянул рыжебородому прутик с грибами. Рыжебородый взял прутик, повертел его так и сяк, понюхал и отбросил в сторону.

— Э, нет! — возразил Максим. — Вы у меня пальчики оближете...

Он нагнулся и поднял прутик. Рыжебородый не возражал. Он хлопал Максима по спине, подтолкнул к костру, а у костра навалился ему на плечо, усадил и принялся что-то втолковывать. Но Максим не слушал. Он глядел на унылого. Тот сидел напротив и сушил перед огнем какую-то обширную грязную тряпку. Одна нога у него была босая, и он всё время шевелил пальцами, и этих пальцев было пять. Пять, а вовсе не шесть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гай, сидя на краешке скамьи у окна, полировал обшлагом кокарду на берете и смотрел, как капрал Варибобу выписывает ему проездные документы. Голова капрала была склонена набок, глаза вытаращены, левая рука лежала на столе, придерживая бланк с красной каймой, а правая неторопливо выводила каллиграфические буквы. «Здорово у него получается, — думал Гай с некоторой завистью. — Экий старый чернильный хрен: двадцать лет в Легионе, и всё писарем. Надо же, как таращится, — гордость бригады... Сейчас ещё и язык высунет... Так и есть — высунул. И язык у него в чернилах. Будь здоров, Варибобу, старая ты чернильница, больше мы с тобой не увидимся. Вообще-то как-то грустно уезжать — ребята хорошие подобрались, и господа офицеры, и служба полезная, значительная...» Гай шмыгнул носом и посмотрел в окно.

За окном ветер нёс белую пыль по широкой гладкой улице без тротуаров, выложенной старыми шестиугольными плитами; белели стены длинных одинаковых домов администрации и инженерного персонала; шла, прикрываясь от пыли и придерживая юбку, госпожа Идоя, дама полная и представительная, — мужественная женщина, не побоявшаяся последовать с детьми за господином бригадиром в эти опасные места. Часовой у комендатуры, из новичков, в необмятом пыльнике и в берете, натянутом на уши, сделал ей «на караул». Потом проехали два грузовика с воспитуемыми — должно быть, делать прививки... Так его, в шею его: не высовывайся за борт, нечего тебе высовываться, здесь тебе не бульвар...

— Ты как всё-таки пишешься? — спросил Варибобу. — Гаал? Или можно просто — Гал?

— Никак нет, — сказал Гай. — Гаал моя фамилия.

— Жалко, — сказал Варибобу, задумчиво обсасывая перо. — Если бы можно было «Гал», как раз поместилось бы в строчку...

«Пиши, пиши, чернильница, — подумал Гай. — Нечего тебе строчки экономить. Капрал называется... Пуговицы зеленью заросли,

тоже мне капрал. Две нашивки у тебя, а стрелять толком не научился, это же все знают...»

Дверь распахнулась, и в канцелярию стремительно вошёл господин ротмистр Тоот с золотой повязкой дежурного на рукаве. Гай вскочил и щёлкнул каблуками. Капрал приподнялся, а писать не перестал, старый хрен. Капрал называется...

— Ага... — произнёс господин ротмистр, с отвращением сдирая противопылевую маску. — Рядовой Гаал. Знаю, знаю, покидаете нас. Жаль. Но рад. Надеюсь, в столице будете служить так же усердно.

— Так точно, господин ротмистр! — сказал Гай взволнованно. У него даже в носу защипало от восторженности. Он очень любил господина ротмистра Тоота, культурного офицера, бывшего преподавателя гимназии. Оказывается, и господин ротмистр тоже его отличал.

— Можете сесть, — сказал господин ротмистр, проходя за барьер к своему столу. Не присаживаясь, он бегло проглядел бумаги и взялся за телефон.

Гай тактично отвернулся к окну.

На улице ничего не изменилось. Протопало строем на обед родимое капральство. Гай грустно проводил его глазами. Придут сейчас в кантину, капрал Серембеш скомандует снять береты на «благодарственное слово», рявкнут ребята в тридцать глоток «благодарственное слово», а над кастрюлями уже пар поднимается, и блестят миски, и старина Дога уже готов отмочить известное своё коронное насчёт солдата и поварихи... Ей-богу, жалко уезжать. И служить здесь опасно, и климат нездоровый, и паёк очень уж однообразный — одни консервы, но всё равно... Здесь, во всяком случае, точно знаешь, что ты нужен, что без тебя не обойтись; здесь ты на свою грудь принимаешь зловещий напор Леса и чувствуешь этот напор: одних друзей сколько здесь похоронил — вон за посёлком целая роща шестов с ржавыми шлемами... А с другой стороны — столица. Туда какого-всякого не пошлют, и раз уж посылают, то не отдыхать... Там, говорят, из Дома Творцов все плацы просматриваются, так что за каждым построением кто-нибудь из творцов непременно наблюдает, то есть не то, что непременно, но нет-нет да и посмотрит. Гая бросило в жар: ни с того ни с сего он вдруг представил себе, что вот вызвали его из строя, а он на втором шаге поскользнулся и брякнулся носом командиру под ноги, загремел автоматом по брусчатке, разиня, и берет неизвестно куда съехал... Он передохнул и украдкой огляделся. Не дай бог... Да, столица! Все у них на глазах... Ну да ничего — другие же служат. А там Рада — сестрёнка, сестрица... Дядька смешной, со своими древними

костями, с черепахами своими допотопными... «Ох и соскучился же я по вас, милые вы мои!..»

Он снова взглянул в окно и озадаченно приоткрыл рот. По улице к комендатуре шли двое. Один был знакомый — рыжая морда Зеф, старшина сто четырнадцатого отряда сапёров, смертник, зарабатывающий себе жизнь расчисткой трассы. А другой был ну совершенное чучело, и чучело жутковатое. Сперва Гай принял его за выродка, но тут же сообразил, что вряд ли Зеф стал бы тащить выродка в комендатуру. Здоровенный голый парень, молодой, весь коричневый, здоровый как бык; одни трусы на нём, какие-то короткие, из блестящей материи... Зеф был при своей пушке, но не похоже было, чтобы он конвоировал этого чужака: шли они рядом, и чужак, нелепо размахивая руками, всё время что-то Зефу втолковывал. Зеф же только отдувался и вид собою являл совершенно одуревший. «Дикарь какой-то, — подумал Гай. — Только откуда он там взялся, на трассе? Может быть, зверями воспитанный? Были такие случаи. И похоже: вон мускулы какие, так и переливаются...»

Он смотрел, как эта пара подошла к часовому, как Зеф, утираясь, принялся что-то объяснять, а часовой — новичок, Зефа не знает и тычет ему автоматом под ребро, велит отойти на положенное расстояние. Голый парень, видя это, вступает в разговор. Руки у него так и летают, а лицо совсем уже странное: никак не поймать выражение — как ртуть, а глаза быстрые, тёмные... Ну всё, теперь и часовой обалдел. Сейчас тревогу поднимет. Гай повернулся.

— Господин ротмистр, — сказал он, — разрешите обратиться. Там старшина сто четырнадцатого кого-то привёл. Не взглянете ли?

Господин ротмистр подошёл к окну, посмотрел, брови у него полезли на лоб. Он толкнул раму, высунулся и прокричал, давась от во-
рвавшейся пыли:

— Часовой! Пропустить!

Гай закрывал окно, когда в коридоре затопали, и Зеф со своим диковинным спутником бочком взошёл в канцелярию. Следом, тесня их, ввалился начальник караула и ещё двое ребят из бодрствующей смены. Зеф вытянул руки по швам, откашлялся и, вылупив на господина ротмистра бесстыжие голубые глаза, прохрипел:

— Докладывает старшина сто четырнадцатого отряда, воспитуемый Зеф. На трассе задержан вот этот человек. По всем признакам — сумасшедший, господин ротмистр: жрёт ядовитые грибы, ни слова не понимает, разговаривает непонятно, ходит, как изволите видеть, голый.

Пока Зеф докладывал, задержанный бегал быстрыми глазами по помещению, жутко и странно улыбаясь всем присутствующим, — зубы у него были ровные и белые, как сахар. Господин ротмистр, заложив руки за спину, подошёл поближе, оглядывая его с головы до ног.

— Кто вы такой? — спросил он.

Задержанный улыбнулся ещё жутче, постучал себя ладонью по груди и невнятно произнёс что-то вроде «Махсим». Начальник караула гоготнул, караульные захихикали, и господин ротмистр тоже улыбнулся. Гай не сразу понял, в чём дело, а потом сообразил, что на воровском жаргоне «мах-сим» означает «съел ножик».

— По-видимому, это кто-то из ваших, — сказал Зефу господин ротмистр.

Зеф помотал головой, выбросив из бородищи облако пыли.

— Никак нет, — сказал он. — Мах-сим — это он так себя называет, а воровского языка он не понимает. Так что это не наш.

— Выродок, наверное, — предположил начальник караула. (Господин ротмистр холодно на него посмотрел.) — Голый... — проникновенно пояснил начальник караула, пятясь к двери. — Разрешите идти, господин ротмистр? — гаркнул он.

— Идите, — сказал господин ротмистр. — Пошлите кого-нибудь за штаб-врачом господином Зогу... Где вы его поймали? — спросил он Зефа.

Зеф доложил, что нынешней ночью он со своим отрядом прочёсывал квадрат 23/07, уничтожил четыре самоходных «баллисты» и одну установку неизвестного назначения, потерял двоих при взрыве, и всё было в порядке. Около семи часов утра на его костёр вышел по шоссе из лесу этот вот неизвестный. Они заметили его издали, следили за ним, укрывшись в кустарнике, а затем, выбрав удобный момент, взяли его. Зеф принял его вначале за беглого, потом решил, что это выродок, и совсем было собрался стрелять, но раздумал, потому что этот человек... Тут Зеф в затруднении подвигал бородой и заключил:

— Потому что мне стало ясно, что это не выродок.

— Откуда же это стало вам ясно? — спросил господин ротмистр, а задержанный неподвижно стоял, сложив руки на могучей груди, и поглядывал то на него, то на Зефа.

Зеф сказал, что объяснить это будет трудно.

— Во-первых, этот человек ничего не боялся и не боится. Дальше: он снял с костра похлёбку и отъел ровно треть, как и полагается товарищу, а перед этим кричал в лес, видимо звал, чувствуя, что мы где-

то поблизости. Далее: он хотел угостить нас грибами. Грибы были ядовитые, и мы их есть не стали и ему не дали, однако он явно порывался нас угостить — по-видимому, в знак благодарности. Далее: как хорошо известно, ни один выродок по своим физическим способностям не превосходит нормального хилого человека. Этот же по пути сюда загнал меня как мальчишку; шёл через бурелом, словно по ровному месту, через рвы перепрыгивал, а потом ждал меня на той стороне и вдобавок зачем-то — из удальства, что ли? — хватал меня в охапку и пробегал со мной шагов по двести...

Господин ротмистр слушал Зефа, всем видом своим изображая глубочайшее внимание, но едва Зеф замолчал, как он резко повернулся к задержанному и в упор пролаял по-хонтийски:

— Ваше имя? Чин? Задание?

Гай восхитился ловкостью приёма, однако задержанный явно не понимал и хонтийского. Он снова показал свои великолепные зубы, похлопал себя по груди, сказавши: «Махсим», ткнул пальцем в бок каторжнику, сказавши: «Зеф», и после этого начал говорить — медленно, с большими паузами, показывая то в потолок, то в пол, то обводя руками вокруг себя. Гаю казалось, что в этой речи он улавливает некоторые знакомые слова, но слова эти не имели к делу никакого отношения. Когда задержанный замолчал, капрал Варибобу подал голос.

— По-моему, это ловкий шпион, — заявила старая чернильница. — Надо доложить господину бригадиру.

Господин ротмистр не обратил на него внимания.

— Вы можете идти, Зеф, — сказал он. — Вы проявили рвение, это вам зачтётся.

— Премного благодарен, господин ротмистр! — рявкнул Зеф и уже повернулся было, чтобы идти, но тут задержанный вдруг издал негромкий возглас, перегнулся через барьер и схватил пачку чистых бланков, лежавших на столе перед капралом.

Варибобу перепугался до смерти (тоже мне капрал!), отшатнулся и швырнул в дикаря пером. Дикарь ловко поймал перо на лету и, припустившись тут же на барьере, принялся что-то чертить на бланке, не обращая внимания на Гая и Зефа, ухвативших его за бока.

— Отставить! — скомандовал господин ротмистр, Гай охотно повиновался: удерживать этого коричневого зверя было всё равно что пытаться остановить танк, схватившись за гусеницу.

Господин ротмистр и Зеф встали по сторонам задержанного и смотрели, что он там чёркает.

— По-моему, это схема Мира, — неуверенно сказал Зеф.

— Гм... — отозвался господин ротмистр.

— Ну конечно! Вот в центре у него Мировой Свет, это вот Мир... А здесь мы, по его мнению, находимся.

— Но почему всё плоско? — недоверчиво спросил господин ротмистр.

Зеф пожал плечами.

— Возможно, детское восприятие... Инфантилизм... Вот, смотрите! Это он показывает, как сюда попал.

— Да, возможно... Я слышал про такое безумие...

Гаю наконец удалось протиснуться между гладким твёрдым плечом задержанного и грубой, пропахшей потом курткой Зефа. Рисунок, который он увидел, показался ему смешным. Так детишки-первоклассники изображают Мир: посередине маленький кружок, обозначающий Мировой Свет, вокруг него большая окружность, обозначающая Сферу Мира, а на окружности жирная точка, к которой только пририсовать ручки и ножки, и получится «это — Мир, а это — я». Даже Сферу Мира несчастный псих не сумел изобразить правильной окружностью, получился у него какой-то овал. Ну ясно, ненормальный... И ещё нарисовал пунктиром линию, ведущую из-под Земли к точке: вот, мол, как я сюда попал.

Между тем задержанный взял второй бланк и быстро начертил две маленькие Сферы Мира в противоположных углах, соединил их пунктирной линией и ещё пририсовал какие-то закорючки. Зеф безнадежно присвистнул и сказал господину ротмистру:

— Разрешите идти?

Однако господин ротмистр не отпустил его.

— Э-э... Зеф, — сказал он, — помнится, вы подвизались в области... э... — Он постучал себя согнутым пальцем по темени.

— Так точно, — помедлив, ответил Зеф.

Господин ротмистр прошёлся по канцелярии.

— Не могли бы вы... э-э... как бы это сказать... сформулировать своё мнение по поводу этого субъекта? Профессионально, если можно так выразиться...

— Не могу знать, — сказал Зеф. — Потерял право выступать в профессиональном качестве.

— Я понимаю, — сказал господин ротмистр. — Всё это верно. Хвалю. Н-но...

Зеф, выкатив голубые глазки, стоял по стойке «смирно». Господин же ротмистр находился в очевидном замешательстве. Гай хорошо понимал его. Случай был важный, серьёзный случай. (А вдруг этот дикарь всё-таки шпион?) А господин штаб-врач Зогу, конечно,

прекрасный офицер, блестящий легионер, но всего лишь штаб-врач. В то время как рыжая морда Зеф, до того, как впасть в преступление, здорово знал своё дело.

— Ну что же, — сказал господин ротмистр. — Ничего не поделаешь... Но по-человечески... — Он остановился перед Зефом. — Понимаете? Просто по-человечески... вы действительно считаете, что это сумасшедший?

Зеф снова помедлил.

— По-человечески? — повторил он. — Ну конечно, по-человечески: человеку ведь свойственно ошибаться... Так вот, по-человечески я склонен полагать, что это ярко выраженный случай раздвоения личности с вытеснением и замещением истинного «я» воображаемым «я». По-человечески же, исходя из жизненного опыта, я рекомендовал бы электрошок и флеосодержащие препараты.

Капрал Варибобу всё это украдкой записал, но господина ротмистра не проведёшь. Он отобрал у капрала листок с записями и сунул в карман френча. Махсим снова заговорил, обращаясь то к господину ротмистру, то к Зефу, — чего-то он хотел, бедняга, что-то ему было не так, — но тут открылась дверь, и вошёл господин штаб-врач, по всему видно оторванный от обеда.

— Привет, Тоот, — брюзгливо сказал он. — В чём дело? Вы, я вижу, живы и здоровы, и это меня утешает... А это что за тип?

— Воспитуемые поймали его в лесу, — объяснил господин ротмистр. — Я подозреваю, что он сумасшедший.

— Симулянт он, а не сумасшедший, — проворчал господин штаб-врач и налил себе воды из графина. — Отправьте его обратно в лес, пусть работает.

— Это не наш, — возразил господин ротмистр. — И мы не знаем, откуда он взялся. Я думаю, что его в своё время захватили выродки, он у них свихнулся и перебежал к нам.

— Правильно, — проворчал господин штаб-врач. — Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам. — Он подошёл к задержанному и сразу же полез хватать его за веки. (Задержанный жутко ослабился и слегка оттолкнул его.) — Но-но! — сказал господин штаб-врач, ловко хватая его за ухо. — Стой спокойно!

Задержанный подчинился. Господин штаб-врач вывернул ему веки, ощупал, посвистывая, шею и горло, согнул и разогнул ему руку, потом, пыхтя, нагнулся и ударил его под колени, вернулся к графину и выпил ещё стакан воды.

— Изжога, — сообщил он.

Гай поглядел на Зефа. Рыжебородый, приставив к ноге свою пушку, стоял в сторонке и с подчёркнутым равнодушием смотрел в стену. Господин штаб-врач напился и снова взялся за психа. Он ощупывал его, обстукивал, заглядывал в зубы, два раза ударил кулаком в живот, потом достал из кармана плоскую коробку, размотал провод, подключил к штепселю и стал прикладывать коробку к разным частям дикарского тела.

— Так, — сказал он, сматывая провод. — И немой к тому же?..

— Нет, — сказал господин ротмистр. — Он говорит, но на каком-то зверином языке. Нас он не понимает. А вот его рисунки.

Господин штаб-врач посмотрел рисунки.

— Так-так-так, — сказал он. — Забавно... — Он выхватил у капрала ручку и быстро нарисовал на бланке кошку, как её рисуют дети, из палочек и кружочков. — Что ты на это скажешь, приятель? — сказал он, протягивая рисунок психу.

Тот, ни секунды не задумываясь, принялся царапать пером, и рядом с кошкой появилось странное, густо заросшее волосами животное с тяжёлым, неприятным взглядом. Такого животного Гай не знал, но он понял одно: это уже не был детский рисунок. Нарисовано было здорово, просто замечательно. Даже смотреть страшновато. Господин штаб-врач протянул руку за пером, но псих отстранился и нарисовал ещё одно животное — с огромными ушами, морщинистой кожей и толстым хвостом на месте носа.

— Прекрасно! — вскричал господин штаб-врач, хлопнув себя по бокам.

А псих не унимался. Теперь он рисовал уже не животное, а явно какой-то аппарат, похожий на большую прозрачную мину. Внутри мины он очень ловко изобразил сидящего человечка, постучал по человечку пальцем, а затем тем же пальцем постучал себя по груди и произнёс:

— Махх-ссим.

— Вот эту штуку он мог видеть у реки, — сказал неслышно подошедший Зеф. — Мы такую сожгли этой ночью. Но вот чудовища... — Он покачал головой.

Господин штаб-врач словно впервые заметил его.

— А, профессор! — вскричал он преувеличенно радостно. — То-то я смотрю — в канцелярии чем-то воняет. Не будете ли вы так любезны, коллега, произносить ваши мудрые суждения во-он из того угла? Вы меня очень обяжете...

Варибобу захихикал, а господин ротмистр строго сказал:

— Станьте у дверей, Зеф, и не забываетесь...

— Ну хорошо, — сказал господин штаб-врач. — И что вы думаете с ним делать, Тоот?

— Это зависит от вашего диагноза, Зогу, — ответил господин ротмистр. — Если он симулянт, я передам его в прокуратуру, там разберутся. А если он сумасшедший...

— Он не симулянт, Тоот! — с большим подъёмом произнёс господин штаб-врач. — Ему совершенно нечего делать в прокуратуре. Но я знаю одно место, где им очень интересуются. Где бригадир?

— Бригадир на трассе.

— Впрочем, это не существенно. Вы ведь дежурный, Тоот? Вот и отправьте этого любопытнейшего молодчика по следующему адресу... — Господин штаб-врач пристроился на барьере, закрывшись от всех плечами и локтями, и написал что-то на обороте последнего рисунка.

— А что это такое? — спросил господин ротмистр.

— Это? Это одно учреждение, которое будет нам благодарно, Тоот, за нашего психа. Я вам ручаюсь.

Господин ротмистр неуверенно покрутил в пальцах бланк, потом отошёл в дальний угол канцелярии и поманил к себе господина штаб-врача. Некоторое время они говорили там вполголоса, так что разобрать можно было только отдельные реплики господина Зогу: «...Департамент пропаганды... Отправьте с доверенным... Не так уж это секретно!.. Я вам ручаюсь... Прикажите ему забыть... Чёрт возьми, да сопляк всё равно ничего не поймёт!..»

— Хорошо, — сказал наконец господин ротмистр. — Пишите сопроводительную бумагу. Капрал Варибобу!

Капрал приподнялся.

— Проездные документы на рядового Гаала готовы?

— Так точно.

— Впишите в проездные документы подконвойного Махсима. Рядовой Гаал!

Гай щёлкнул каблуками и вытянулся:

— Слушаю, господин ротмистр!

— Прежде чем явиться на новое место службы в нашей столице, доставьте задержанного по адресу, означенному на этом листке. По исполнении приказа листок сдать дежурному офицеру на новом месте службы. Адрес забыть. Это ваше последнее задание, Гаал, и вы, конечно, выполните его, как подобает молодцу-легионеру.

— Будет исполнено! — прокричал Гай, охваченный неопишуемым восторгом.

Горячая волна оглушающего упоения захлестнула его, подхватила, понесла к небу. О, эти сладостные минуты восторга, незабываемые минуты, когда вырастают крылья, минуты ласкового презрения ко всему грубому, материальному, телесному... Минуты, когда жаждешь, чтобы приказ соединил тебя с огнём, швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов, в гущу диких орд, навстречу миллионам пуль, и это ещё не всё, будет ещё слаще, восторг ослепит и сожжёт... О огонь! О пламя! О ярость! И вот оно, вот оно!.. Он встаёт, этот рослый, сильный красавец, гордость бригады, наш капрал Варибобу, как огненный факел, как статуя славы и верности, и он запеваёт, а мы все подхватим, все, как один...

Вперёд, легионеры, железные ребята!
Вперёд, сметая крепости, с огнём в очах!
Железным сапогом раздавим супостата!
Пусть капли свежей крови сверкают на мечях...

И все пели. Пел блестящий господин ротмистр Тоот, образец легионера, образец среди образцов, за которого так хочется сейчас же, под этот марш, отдать жизнь, душу, всё. И господин штаб-врач Зогу, образец брата милосердия, грубый, как настоящий солдат, и ласковый, как руки матери... И наш капрал Варибобу, до мозга костей наш, старый вояка, ветеран, поседевший в схватках... О, как сверкают пуговицы и нашивки на его потёртом, заслуженном мундире, для него нет ничего, кроме службы, ничего, кроме служения!..

Железный наш кулак сметает все преграды.
Довольны Огненосные Творцы!
О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
Вперёд, легионеры-молодцы!

...Но что это? Он не поёт, он стоит, опершись на барьер, и вертит своей дурацкой коричневой головой, и бегаёт глазами, и всё оскалывается, всё щерится... На кого оскалываешься, мерзавец? О, как хочется подойти тяжёлым шагом — и с размаху, железным кулаком по этому гнусному белому оскалу... Но нельзя, нельзя, это недостойно легионера: он же всего лишь псих, жалкий калека, настоящее счастье недоступно ему, он слеп, ничтожен, жалкий человеческий обломок... А этот рыжий бандит скорчился в углу от невыносимой боли... Каторжник, преступная морда, за грудь тебя, за твою поганую бороду! Встать, мразь! Стоять смиренно, когда легионеры поют свой марш! И по башке,

по башке, по грязной морде, по наглým рачьим глазкам... Вот так, вот так...

Гай отшвырнул каторжника и, щёлкнув каблуками, повернулся к господину ротмистру. Как всегда, после приступа восторженного возбуждения что-то звенело в ушах и мир сладко плыл и покачивался перед глазами.

Капрал Варибобу, сизый от натуги, слабо перхал, держась за грудь. Господин штаб-врач, потный и багровый, жадно пил воду прямо из графина и тянул из кармана носовой платок. Господин ротмистр хмурился с отсутствующим выражением, словно пытался что-то припомнить. У порога грязной кучей клетчатого тряпья ворочался рыжий Зеф. Лицо у него было разбито, он хлюпал кровью и слабо постанывал сквозь зубы. А Максим больше не улыбался. Лицо у него застыло, стало совсем как обычное человеческое, и он неподвижными круглыми глазами, приоткрыв рот, смотрел на Гая.

— Рядовой Гаал, — надтреснутым голосом произнёс господин ротмистр. — Э-э... Что-то я хотел вам сказать... Подождите, Зогу, оставьте мне хоть глоток воды...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Максим проснулся и сразу почувствовал, что голова тяжёлая. В комнате было душно. Опять ночью закрыли окно. Впрочем, и от открытого окна толку мало — город слишком близко, днём видна над ним неподвижная бурая шапка отвратительных испарений, ветер несёт их сюда, и не помогает ни расстояние, ни пятый этаж, ни парк внизу. «Сейчас бы принять ионный душ, — подумал Максим, — да выскочить нагишом в сад, да не в этот паршивый, полусгнивший, серый от гари, а в наш, где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса, да пробежать вокруг озера километров пятнадцать во весь опор, во всю силу, да переплыть озеро, а потом минут двадцать походить по дну, чтобы поупражнять лёгкие, полазить среди скользких подводных валунов...» Он вскочил, распахнул окно, высунулся под морозящий дождик, глубоко вдохнул сырой воздух, закашлялся — в воздухе было полно лишнего, а дождевые капли оставляли на языке металлический привкус. По автостраде с шипением и свистом проносились машины. Внизу под окном желтела мокрая листва, на высокой каменной ограде что-то блестело. По парку ходил человек в мокрой накидке, сгребал в кучу опавшие листья. За пеленой дождя смутно виднелись кирпичные здания какого-то завода на окраине. Из двух

высоких труб, как всегда, лениво ползли и никли к земле толстые струи ядовитого дыма.

Душный мир. Неблагополучный, болезненный мир. Весь он какой-то неуютный и тоскливый, как то казённое помещение, где люди со светлыми пуговицами и плохими зубами вдруг ни с того ни с сего принялись вопить, надсаживаясь до хрипа, и Гай, такой симпатичный, красивый парень, совершенно неожиданно принялся избивать в кровь рыжебородого Зефа, а тот даже не сопротивлялся... Неблагополучный мир... Радиоактивная река, нелепый железный дракон, грязный воздух и неопрятные пассажиры в неуклюжей трёхэтажной металлической коробке на колёсах, испускающей сизые угарные дымы... И ещё одна дикая сцена — когда какие-то грубые люди довели хохотом и жестами до слёз пожилую женщину, и никто за неё не заступился, вагон набит битком и все смотрят в сторону, и только Гай вдруг вскочил, бледный от злости, а может быть, от страха, и что-то крикнул им, и они убралась... Но и сам Гай, явно добрый, симпатичный человек, иногда вдруг приходил в необъяснимую ярость, принимался бешено ссориться с соседями по купе, глядел на них зверем, а потом так же внезапно впадал в глубокую прострацию. И все прочие вели себя не лучше. Часами они сидели и лежали вполне мирно, негромко беседуя, даже пересмеиваясь, и вдруг кто-нибудь начинал сварливо ворчать на соседа, сосед нервно огрызается, окружающие, вместо того чтобы успокоить их, ввязывались в ссору, скандал ширился, и вот уже все орут друг на друга, грозятся, толкаются, и кто-то лезет через головы, размахивая кулаками, и кого-то держат за шиворот, во весь голос плачут детишки, им раздражённо обрывают уши, а потом всё постепенно стихает, все дуются друг на друга, разговаривают нехотя, отворачиваются... А иногда скандал превращается в нечто совершенно уж непристойное: глаза вылезают из орбит, лица идут красными пятнами, голоса поднимаются до истошного визга, и кто-то истерически хохочет, кто-то поёт, кто-то молится, воздев над головой трясущиеся руки... Сумасшедший дом...

Максим отошёл от окна, постоял немного посередине тесной комнатушки, расслабившись, ощущая апатию и душевную усталость, потом заставил себя собраться и размялся немного, используя в качестве снаряда громоздкий деревянный стул. «Так и опуститься можно, — подумал он озабоченно. — Ещё день-два я, пожалуй, вытерплю, а потом придётся удрать, побродить немного по лесам... В горы хорошо бы удрать — горы у них здесь на вид славные, дикие... Далековато, правда, за ночь не обернёшься... Как их Гай называл? Зартак...

Интересно, это собственное имя или горы вообще? Впрочем, какие там горы, не до гор мне. Десять суток я здесь, а ничего ещё не сделано...»

Он втиснулся в душевую и несколько минут фыркал и растирался под тугим искусственным дождиком, таким же противным, как естественный — чуть похолоднее, правда, — но жёстким, известковым.

Он вытерся продезинфицированным полотенцем и, всем недовольный: и этим мутным утром, и этим душным миром, и своим дурацким положением, и чрезмерно жирным завтраком, который ему предстоит сейчас съесть, — вернулся, в комнату, чтобы прибрать постель. Завтрак уже принесли — он дымился и вонял на столе. Рыба закрывала окно.

— Здравствуйте, — сказал ей Максим на местном языке. — Не надо. Окно.

— Здравствуйте, — ответила она, щёлкая многочисленными задвижками. — Надо. Дождь. Плохо.

— Рыба, — сказал Максим на линкосе. Собственно, её звали Нолу, но Максим с самого начала окрестил её Рыбой за общее выражение лица и невозмутимость.

Она обернулась и посмотрела на него немигающими глазами. Затем, уже в который раз, приложила палец к кончику носа и сказала: «Женщина», потом ткнула в Максима пальцем: «Мужчина», потом в сторону осточертевшего балахона, висящего на спинке стула: «Одежда. Надо». Не могла она почему-то видеть мужчину просто в шортах. Надо было ей, чтобы мужчина закутывался с ног до шеи.

Он принялся одеваться, а она застелила его постель, хотя Максим всегда говорил, что будет делать это сам, выдвинула на середину комнаты стол, который Максим всегда отодвигал к стене, решительно отвернула кран отопления, который Максим всегда заворачивал до упора, и все однообразные «не надо» Максима разбивались о её не менее однообразные «надо».

Застегнув балахон у шеи на единственную сломанную пуговицу, Максим подошёл к столу и поковырял завтрак двузубой вилкой. Произошёл обычный диалог:

— Не хочу. Не надо.

— Надо. Еда. Завтрак.

— Не хочу завтрак. Невкусно.

— Надо завтрак. Вкусно.

— Рыба, — сказал ей Максим проникновенно, — жестокий вы человек. Попади вы ко мне на Землю, я бы вдребезги разбился, но нашёл бы вам еду по вкусу.

— Не понимаю, — сказала она без выражения. — Что такое «рыба»?

С отворачиванием жуя жирный кусок, Максим взял бумагу и изобразил леща анфас. Она внимательно изучила рисунок и положила в карман халата. Все рисунки, которые делал Максим, она забирала и куда-то уносила. Максим рисовал много, охотно и с удовольствием: в свободное время и по ночам, когда не спалось, делать здесь было совершенно нечего. Он рисовал животных и людей, чертил таблицы и диаграммы, воспроизводил анатомические разрезы. Он изображал профессора Мегу похожим на бегемота и бегемотов, похожих на профессора Мегу; он вычерчивал универсальные таблицы линкоса, схемы машин и диаграммы исторических последовательностей; он изводил массу бумаги, и всё это исчезало в кармане Рыбы без всяких видимых последствий для процедуры контакта. У профессора Мегу, он же Бегемот, была своя метода, и он не намеревался от неё отказываться.

Универсальная таблица линкоса, с изучения которой должен начинаться любой контакт, Бегемота совершенно не интересовала. Местному языку пришельца обучала только Рыба, да и то лишь для удобства общения, чтобы закрывал окно и не ходил без балахона. Эксперты к контакту не привлекались вовсе. Максимом занимался Бегемот, и только Бегемот.

Правда, в его распоряжении находилось довольно мощное средство исследования — ментоскопическая техника, и Максим проводил в стендовом кресле по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки. Причём ментоскоп у Бегемота был хорош. Он позволял довольно глубоко проникать в воспоминания и обладал весьма высокой разрешающей способностью. Располагая такой машиной, можно было, пожалуй, обойтись и без знания языка. Но Бегемот пользовался ментоскопом как-то странно. Свои ментограммы он отказывался демонстрировать категорически и даже с некоторым негодованием, а к ментограммам Максима относился своеобразно. Максим специально разработал целую программу воспоминаний, которые должны были дать аборигенам достаточно полное представление о социальной, экономической и культурной жизни Земли. Однако ментограммы такого рода не вызывали у Бегемота никакого энтузиазма. Бегемот кривил физиономию, мычал, отходил, принимался звонить по телефону или, усевшись за стол, начинал нудно пилить ассистента, часто повторяя при этом сочное словечко «массаракш». Зато, когда на экране Максим взрывал на воздух ледяную скалу, придавившую корабль, или скорчером разносил в клочья панцирного волка, или отнимал экспресс-лабораторию у гигантского глупого псевдоспрута, Бегемота было за

уши не оттянуть от ментоскопа. Он тихо взвизгивал, радостно хлопал себя ладонями по лысине и грозно орал на изнурённого ассистента, следящего за записью изображения. Зрелище хромосферного протуберанца вызывало у профессора такой восторг, словно он никогда в жизни не видел ничего подобного, и очень нравились ему любовные сцены, заимствованные Максимом главным образом из кинофильмов специально для того, чтобы дать аборигенам какое-то представление об эмоциональной жизни человечества.

Такое нелепое отношение к материалу наводило Максима на печальные размышления. Создавалось впечатление, что Бегемот никакой не профессор, а просто инженер-ментоскопист, готовящий материал для подлинной комиссии по контакту, с которой Максиму предстоит ещё встретиться, а когда это случится — неизвестно. Тогда получалось, что Бегемот — личность довольно примитивная, вроде мальчишки, которого в «Войне и мире» интересуют только батальные сцены. Это обижало: Максим представлял Землю и — честное слово! — имел основания рассчитывать на более серьёзного партнёра по контакту.

Правда, можно было предположить, что этот мир расположен на перекрёстке неведомых межзвёздных трасс и пришельцы здесь не редкость. До такой степени не редкость, что ради каждого вновь

прибывшего здесь уже не создают специальных авторитетных комиссий, а просто выкачивают из него наиболее эффектную информацию и этим ограничиваются. За такое предположение говорила оперативность, с которой люди со светлыми пуговицами, явно не специалисты, разобрались в ситуации и без всяких ахов и охов направили пришельца прямо по назначению. А может быть, какие-нибудь негуманоиды, побывавшие здесь раньше, оставили по себе настолько дурное воспоминание, что теперь аборигены относятся ко всему инопланетному с определённым и оправданным недоверием, и тогда вся возня, которую разводит вокруг ментоскопа профессор Бегемот, есть только видимость контакта, оттяжка времени, пока некие высокие инстанции решают его судьбу.

«Так или иначе, а дело моё дрянь, — решил Максим, давясь последним куском. — Надо скорее учить язык, и тогда всё выяснится...»

— Хорошо, — сказала Рыба, забирая у него тарелку. — Пойдёмте.

Максим вздохнул и поднялся. Они вышли в коридор. Коридор был длинный, грязно-голубой, справа и слева тянулись ряды закрытых дверей, точно таких же, как дверь в комнату Максима. Максим никогда здесь никого не встречал, но раза два слышал из-за дверей какие-то странные, возбуждённые голоса. Возможно, там тоже содержались пришельцы, ожидающие решения своей судьбы.

Рыба шла впереди широким мужским шагом, прямая как палка, и Максиму вдруг стало очень жалко её. Эта страна, видимо, ещё не знала промышленности красоты, и бедная Рыба была предоставлена самой себе. С этими жидкими бесцветными волосами, торчащими из-под белой шапочки, с этими огромными, выпирающими под халатом лопатками, с безобразно тощими ножками совершенно невозможно было, наверное, чувствовать себя на высоте — разве что с инопланетными существами, да и то с негуманоидными. Ассистент профессора относился к ней пренебрежительно, а Бегемот и вовсе её не замечал, и обращался к ней не иначе как «Ы-ы-ы...», что, вероятно, соответствовало у него интеркосмическому «Э-э-э...». Максим вспомнил своё собственное, не бог весть какое к ней отношение и ощутил угрызения совести. Он догнал её, погладил по костлявому плечу и сказал:

— Нолу молодец, хорошая.

Она подняла к нему сухое лицо и сделалась, как никогда, похожей на удивлённого леща анфас. Она отвела его руку, сдвинула едва заметные брови и строго объявила:

— Максим нехороший. Мужчина. Женщина. Не надо.

Максим сконфузился и снова приотстал.

Так они дошли до конца коридора. Рыба толкнула дверь, и они очутились в большой светлой комнате, которую Максим называл про себя приёмной. Окна здесь были безвкусно декорированы прямоугольной решёткой из толстых железных прутьев; высокая, обитая кожей дверь вела в лабораторию Бегемота, а у двери этой всегда почему-то сидели два очень рослых, малоподвижных аборигена, не отвечающих на приветствия и находящихся как будто в постоянном трансе.

Рыба, как всегда, сразу прошла в лабораторию, оставив Максима в приёмной. Максим, как всегда, поздоровался; ему, как всегда, не ответили. Дверь в лабораторию осталась приоткрытой; оттуда доносился громкий, раздражённый голос Бегемота и звонкое щёлканье включённого ментоскопа. Максим подошёл к окну, некоторое время смотрел на туманный мокрый пейзаж, на лесистую равнину, рассеянную лентой автострады, на высокую металлическую башню, едва видимую в тумане, быстро соскучился и, не дожидаясь зова, вошёл в лабораторию.

Здесь, как обычно, приятно пахло озоном, мерцали дублирующие экраны, плешивый заморённый ассистент с незапоминаемым именем и с кличкой Торшер делал вид, что настраивает аппаратуру, и с интересом прислушивался к скандалу. В лаборатории имел место скандал.

В кресле Бегемота, за столом Бегемота сидел незнакомый человек с квадратным шелушащимся лицом и красными отёчными глазами. Бегемот стоял перед ним, расставив ноги, уперев руки в бока и слегка наклонившись. Он орал. Шея у него была сизая, лысина пламенела закатным пурпуром, изо рта далеко во все стороны летели брызги.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Максим тихонько прошёл к своему рабочему месту и негромко поздоровался с ассистентом. Торшер, существо нервное, задёрганное, в ужасе отскочил и поскользнулся на толстом кабеле. Максим едва успел подхватить его за плечи, и несчастный Торшер обмяк, закатив глаза. Ни кровинки не осталось в его лице. Станный это был человек: он до судорог боялся Максима. Откуда-то неслышно возникла Рыба с откупоренным флакончиком, который тут же был поднесён к носу Торшера. Торшер икнул и ожил. Прежде чем он снова ускользнул в небытие, Максим прислонил его к железному шкафу и поспешно отошёл.

Усевшись в стендовое кресло, он обнаружил, что шелушащийся незнакомец перестал слушать Бегемота и внимательно разглядывает его, Максима. Максим приветливо улыбнулся. Незнакомец слегка наклонил голову. Тут Бегемот с ужасным треском ахнул кулаком по

столу и схватился за телефонный аппарат. Воспользовавшись образовавшейся паузой, незнакомец произнёс несколько слов, из которых Максим разобрал только «надо» и «не надо», взял со стола листок плотной голубоватой бумаги с ярко-зелёной каймой и помахал им в воздухе перед лицом Бегемота. Бегемот досадливо отмахнулся и тотчас же принялся лаять в телефон. «Надо», «не надо» и непонятное «массаракш» сыпались из него как из рога изобилия, и ещё Максим уловил слово «окно». Всё кончилось тем, что Бегемот в раздражении швырнул наушник, ещё несколько раз рывкнул на незнакомца, заплывав его с головы до ног, и выкатился, хлопнув дверью.

Тогда незнакомец вытер лицо носовым платком, поднялся с кресла, открыл длинную плоскую коробку, лежавшую на подоконнике, и извлёк из неё какую-то тёмную одежду.

— Идите сюда, — сказал он Максиму. — Одевайтесь.

Максим оглянулся на Рыбу.

— Идите, — сказала Рыба. — Одевайтесь. Надо.

Максим понял, что в его судьбе наступает наконец долгожданный поворот, что где-то кто-то что-то решил. Забыв о наставлениях Рыбы, он тут же сбросил уродливый балахон и с помощью незнакомца облачился в новое одеяние. Одеяние это, на взгляд Максима, не отличалось ни красотой, ни удобством, но оно было точно такое же, как на незнакомце. Можно было предположить даже, что незнакомец пожертвовал своё собственное запасное одеяние, ибо рукава куртки были коротки, а штаны висели сзади мешком и сваливались. Впрочем, всем остальным присутствующим вид Максима в новой одежде пришёлся по душе. Незнакомец ворчал что-то одобрительное; Рыба, смягчив черты лица, насколько это возможно для леща, оглаживала Максиму плечи и одёргивала на нём куртку, и даже Торшер бледно улыбался, укрывшись за пультом.

— Идёмте, — сказал незнакомец и направился к двери, в которую выкатился разъярённый Бегемот.

— До свидания, — сказал Максим Рыбе. — Спасибо, — добавил он на линкесе.

— До свидания, — ответила Рыба. — Максим хороший. Здоровый. Надо.

Кажется, она была растрогана. А может быть, озабочена тем, что костюм неважно сидит. Максим махнул рукой бледному Торшеру и поспешил вслед за незнакомцем.

Они прошли через несколько комнат, заставленных неуклюжей, архаичной аппаратурой, спустились в гремящем и лязгающем лифте на первый этаж и оказались в обширном низком вестибюле, куда

несколько дней назад Гай привёл Максима. И как несколько дней назад, снова пришлось ждать, пока пишется какие-то бумаги, пока смешной человечек в нелепом головном уборе царапает что-то на розовых картонках, а красноглазый незнакомец царапает что-то на зелёных, а девица с оптическими усилителями на глазах делает на этих картонках фигурные вырезы, а потом все меняются картонками, причём запутываются, и кричат друг на друга, и хватаются за телефонный аппарат, и наконец человечек в нелепом головном уборе забирает себе две зелёные и одну розовую картонку, причём розовую картонку он рвёт пополам и половину отдаёт девице, делающей вырезы, а шелушащийся незнакомец получает две розовые картонки, синюю толстую картонку и ещё круглый металлический жетон с выбитой на нём надписью и всё это минуту спустя отдаёт рослому человеку со светлыми пуговицами, стоящему у выходной двери, в двадцати шагах от человечка в нелепом головном уборе, когда они уже выходят на улицу, рослый вдруг принимается сипло кричать, и красноглазый незнакомец снова возвращается, и выясняется, что он забыл забрать себе синий картонный квадратик, и он забирает себе синий картонный квадратик и с глубоким вздохом запикивает куда-то за пазуху. Только после этого уже успевший промокнуть Максим получает возможность сесть в нерационально длинный автомобиль по правую сторону от красноглазого, который раздражён, пыхтит и часто повторяет любимое заклинание Бегемота: «Массаракш».

Машина заворчала, мягко тронулась с места, выбралась из неподвижного стада других машин, пустых и мокрых, прокатилась по большой асфальтированной площадке перед зданием, обогнула огромную клумбу с вялыми цветами, мимо высокой жёлтой стены, выкатилась к повороту на шоссе и резко затормозила.

— Массаракш, — снова прошипел красноглазый и выключил двигатель.

По шоссе тянулась длинная колонна одинаковых пятнистых грузовиков с кузовами из криво склёпанного, гнutoго железа. Над железными бортами торчали ряды неподвижных округлых предметов, влажно отсвечивающих металлом. Грузовики двигались неторопливо, сохраняя правильные интервалы, мерно клокоча моторами и распространяя ужасное зловоние органического перегара.

Максим оглядел дверцу со своей стороны, сообразил, что к чему, и поднял стекло. Красноглазый, не глядя на него, произнёс длинную фразу, оказавшуюся совершенно непонятной.

— Не понимаю, — сказал Максим.

Красноглазый повернул к нему удивлённое лицо и, судя по интонации, спросил что-то. Максим покачал головой.

— Не понимаю, — повторил он.

Красноглазый как будто удивился ещё больше, полез в карман, вытащил плоскую коробочку, набитую длинными белыми палочками, одну палочку сунул себе в рот, а остальные предложил Максиму. Максим из вежливости принял коробочку и стал её рассматривать. Коробочка была картонная, от неё остро пахло какими-то сухими растениями. Максим взял одну из палочек, откусил кусочек и пожевал. Затем он поспешно опустил стекло, высунулся и сплюнул. Это была не еда.

— Не надо, — сказал он, возвращая коробочку красноглазому. — Невкусно.

Красноглазый, полуоткрыв рот, смотрел на него. Белая палочка, прилипнув, висела у него на губе. Максим в соответствии с местными правилами прикоснулся пальцем к кончику своего носа и представился:

— Максим.

Красноглазый пробормотал что-то, в руке у него вдруг явился огонёк, он погрузил в него конец белой палочки, и сейчас же автомобиль наполнился тошнотворным дымом.

— Массаракш! — вскричал Максим с негодованием и распахнул дверцу. — Не надо!

Он понял, что это за палочки; когда они ехали с Гаем, почти все мужчины отравляли воздух точно таким же дымом, но для этого они пользовались не белыми палочками, а короткими и длинными деревянными предметами, похожими на детские свистульки древних времён. Они вдыхали какой-то наркотик — обычай, несомненно, вреднейший, — и тогда Максим утешался только тем, что симпатичный Гай был, по-видимому, тоже категорически против этого обычая.

Незнакомец поспешно выбросил наркотическую палочку за окно и почему-то помахал ладонью перед своим лицом. Максим на всякий случай тоже помахал ладонью, а затем снова представился. Оказалось, что красноглазого зовут Фанк, на чём разговор и прекратился. Минут пять они сидели, благожелательно переглядываясь, и, по очереди указывая друг другу на бесконечную колонну грузовиков, повторяли: «Массаракш». Потом бесконечная колонна кончилась, и Фанк выбрался на шоссе.

Вероятно, он очень спешил. Во всяком случае, он немедленно сделал так, что двигатель заревел бархатным рёвом, затем включил какое-то гнусно воющее устройство и, не соблюдая, на взгляд Максима,

никаких правил безопасности, погнался по автостраде в обгон колонны, едва успевая увертываться от машин, мчавшихся навстречу.

Они обогнали колонну грузовиков; обошли, чуть не вылетев на обочину, широкий красный экипаж с одиноким, очень мокрым водителем; проскочили мимо деревянной повозки на огромных, в человеческий рост, вихляющихся колёсах, влекомой бесхвостым ископаемым животным; воем загнали в канаву группу пешеходов в брезентовых плащах; влетели под сень мокрых, раскидистых деревьев, ровными рядами высаженных по обе стороны дороги, — Фанк всё увеличивал скорость, встречный поток воздуха ревел в обтекателях, напуганные воем экипажи впереди прижимались к обочинам, уступая дорогу. Машина казалась Максиму не приспособленной для таких скоростей, слишком неустойчивой, и ему было немного неприятно.

Вскоре дорогу обступили дома, автомобиль ворвался в город, и Фанк был вынужден резко понизить скорость.

Улицы были несоразмерно узки и буквально забиты экипажами. Автомобиль Фанка еле плёлся, стиснутый со всех сторон самыми разнообразными механизмами. Впереди, заслоня полнеба, громоздилась задняя стенка фургона, покрытая аляповатыми разноцветными надписями и грубыми изображениями людей и животных. Слева, не обгоняя и не отставая, ползли два одинаковых автомобиля, набитых жестикулирующими мужчинами и женщинами. Красивыми женщинами, яркими, не то, что Рыба. Ещё левее, железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиромата, поминутно сыплющая синими и зелёными искрами, дочерна заполненная пассажирами. Справа был тротуар — неподвижная полоса асфальта, запрещённая для транспорта. По тротуару густым потоком шли люди в странной одежде фиолетовых и чёрных тонов, сталкивались, обгоняли друг друга, увертывались друг от друга, протискивались плечом вперёд, то и дело забегали в раскрытые, ярко освещённые двери и смешивались с толпами, кишачими за огромными, запотевшими витринами, а иногда вдруг собирались большими группами, создавая пробки и водовороты, вытягивая шеи, заглядывая куда-то. Здесь было очень много худых и бледных лиц, очень похожих на лицо Рыбы; почти все люди были некрасивы, излишне, не по-здоровому сухопары, излишне бледны, неловки, угловаты. Но они производили впечатление людей довольных: они часто и охотно смеялись, они вели себя непринуждённо, глаза их блестели, повсюду раздавались громкие, оживлённые голоса. Пожалуй, это скорее всё-таки достаточно организованный мир, думал Максим. Дома выглядят довольно жизнерадостно — почти во всех окнах свет по случаю сумеречного

дня, а значит, недостатка в электроэнергии у них во всяком случае нет. Очень весело перемигиваются разноцветные огни над крышами, улицы чисто вымыты, почти все люди одеты аккуратно, а что до осунувшихся лиц, что ж, мир бедный, не совсем здоровый... и тем не менее достаточно благополучный на вид.

И вдруг на улице что-то переменялось. Раздались возбуждённые крики. Какой-то человек полез на стеклянный киоск и, повиснув на нём, стал энергично кричать, размахивая свободной рукой. На тротуаре запели. Люди останавливались, срывали головные уборы, выкатывали глаза и пели, кричали до хрипа, поднимая узкие лица к огромным разноцветным надписям, вспыхнувшим поперёк улицы.

— Массаракш... — прошипел Фанк, и машина вильнула.

Максим посмотрел на него. Фанк был смертельно бледен, лицо его исказилось. Мотая головой, он с трудом оторвал руку от руля и уставился на часы.

— Массаракш... — простонал он и сказал ещё несколько слов, из которых Максим узнал только «не понимаю».

Потом он оглянулся через плечо, и лицо его исказилось ещё сильнее. Максим тоже оглянулся, но позади не было ничего особенного. Там двигался закрытый ярко-жёлтый автомобиль, квадратный, как коробка.

На улице кричали совершенно уже нестерпимо, но Максиму было не до того. Фанк явно терял сознание, а машина продолжала двигаться, а фургон впереди затормозил, вспыхнули его яркие сигнальные огни, и вдруг размалёванная стенка надвинулась, раздался отвратительный скрежет, глухой удар, и дыбом встал исковерканный капот.

— Фанк! — крикнул Максим. — Фанк! Не надо!

Фанк лежал, уронив руку и голову на овальный руль, и громко, часто стонал. Вокруг визжали тормоза, движение останавливалось, выли сигналы. Максим потряс Фанка за плечо, бросил, распахнул дверцу и, высунувшись, закричал:

— Сюда! Ему плохо!

У автомобиля уже собралась поющая, орущая, галдящая толпа, энергично взмахивали руки, сотрясались над головами вздетые кулаки, десятки пар налитых, выкаченных глаз бешено вращались в орбитах. Максим совершенно ничего не понимал: то ли эти люди были возмущены аварией, то ли они чему-то без памяти радовались, то ли кому-то грозили. Кричать было бесполезно — не слышно было самого себя, и Максим снова вернулся к Фанку. Теперь тот лежал, откинувшись на спину, запрокинув лицо, и изо всех сил мял ладонями виски,

щёки, череп, на губах его пузырилась слюна. Максим понял, что его мучает нестерпимая боль, и крепко взял его за локти, торопливо напрягаясь, готовясь перелить боль в себя. Он не был уверен, что это получится с существом другой планеты; он искал и не мог найти нервный контакт, а тут ещё вдобавок Фанк, оторвав руки от висков, стал изо всех своих невеликих сил толкать Максима в грудь, что-то отчаянно бормоча плачущим голосом. Максим понимал только: «Идите, идите...» Было ясно, что Фанк не в себе.

Тут дверца рядом с Фанком распахнулась, в машину просунулись два разгорячённых лица под чёрными беретами, сверкнули ряды металлических пуговиц, и сейчас же множество твёрдых, крепких рук взяли Максима за плечи, за бока, за шею, оторвали от Фанка и вытащили из машины. Он не сопротивлялся — в этих руках не было угрозы или злого намерения, скорее наоборот. Отодвинутый в галдящую толпу, он видел, как двое в беретах повели согнутого, скрюченного Фанка к жёлтой квадратной машине, а ещё трое в беретах оттесняли от него людей, размахивающих руками. Потом толпа с рёвом сомкнулась вокруг покалеченной машины, машина неуклюже зашевелилась, приподнялась, повернулась боком, мелькнули в воздухе медленно крутящиеся резиновые колёса, и вот она уже лежит крышей вниз, а толпа лезет на неё, и все кричат, поют, и все охвачены каким-то яростным, бешеным весельем.

Максима оттеснили к стене дома, прижали к мокрой стеклянной витрине, и, вытянув шею, он увидел поверх голов, как жёлтый квадратный автомобиль, издавая медный клёкот, задвигался, засверкал множеством ярких огней, протиснулся через толпу людей и машин и исчез из виду.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Поздно вечером Максим понял, что сыт по горло этим городом, что ему больше ничего не хочется видеть, а хочется чего-нибудь съесть. Он провёл на ногах весь день, увидел необычайно много, почти ничего не понял, узнал простым подслушиванием несколько новых слов и отождествил несколько местных букв на вывесках и афишах. Несчастный случай с Фанком смутил и удивил его, но, в общем, он был даже доволен, что снова предоставлен самому себе. Он любил самостоятельность, и ему очень не хватало самостоятельности всё это время, пока он сидел в Бегемотовом пятиэтажном термитнике с плохой вентиляцией. Поразмыслив, он решил временно потеряться. Вежливость вежливостью, а информация информацией. Процедура

контакта, конечно, дело священное, но лучшего случая получить независимую информацию, наверное, не найдётся...

Город поразил его воображение. Он жался к земле, всё движение здесь шло либо по земле, либо под землёю; гигантские пространства между домами и над домами пустовали, отданные дыму, дождю и туману. Город был серый, дымный, бесцветный, какой-то везде одинаковый — не зданиями своими, среди которых попадались довольно красивые, не однообразным кишением толп на улицах, не бесконечной своей сыростью, не удивительной безжизненностью сплошного камня и асфальта, — одинаковый в чём-то самом общем, самом главном. Он был похож на гигантский часовой механизм, в котором нет повторяющихся деталей, но всё движется, вращается, сцепляется и расцепляется в едином вечном ритме, изменение которого означает только одно: неисправность, поломку, остановку. Станный, ни на что не похожий, невиданный мир! Вероятно, он был достаточно сложен и управлялся многими законами, но один — и главный — закон Максим уже открыл для себя: делай то же, что делают все, и так же, как делают все. Впервые в жизни ему хотелось быть, как все. И Максим делал, как все. Вместе с толпой он вваливался в гулкие общественные склады под грязными стеклянными крышами, вместе со всеми покидал эти склады, вместе со всеми спускался под землю, втискивался в переполненные электрические поезда, мчался куда-то в невообразимом грохоте и лязге, подхваченный потоком, снова выходил на поверхность, на какие-то улицы, совершенно такие же, как старые...

Потом наступил вечер, зажглись несильные фонари, подвешенные высоко над землёй и почти ничего не освещающие, на больших улицах стало совсем уже тесно, и, отступая перед этой теснотой, Максим оказался в каком-то полупустом и полутёмном переулке. Здесь он понял, что на сегодня с него довольно, и остановился.

Он увидел три светящихся золотистых шара, мигающую синюю надпись, свитую из стеклянных газосветных трубок, и дверь, ведущую в полуподвальное помещение. Он уже знал, что тремя золотистыми шарами обозначаются, как правило, места, где кормят. Он спустился по щербатым ступенькам и увидел зальцу с низким потолком, десяток пустых столиков, пол, толсто посыпанный довольно чистыми опилками, стеклянный буфет, уставленный подсвеченными бутылками с радужными жидкостями. В этом кафе почти никого не было. За никелированным барьером возле буфета медлительно двигалась рыхлая пожилая женщина в белой куртке с засученными рукавами; поодаль, за круглым столиком, сидел в небрежной позе малорослый, но

крепкий человек с бледным квадратным лицом и толстыми чёрными усами.

Максим вошёл, выбрал себе столик в нише подальше от буфета и уселся. Рыхлая женщина за барьером поглядела в его сторону и что-то хрипло громко сказала. Усатый человек тоже взглянул на него пустыми глазами, отвернулся, взял стоявший перед ним длинный стакан с прозрачной жидкостью, пригубил и поставил на место. Где-то хлопнула дверь, и в зале появилась молоденькая и милая девушка в белом кружевном переднике, нашла Максима глазами, подошла, опёрлась пальцами о столик и стала смотреть поверх его головы. У неё была чистая нежная кожа, лёгкий пушок на верхней губе и красивые серые глаза. Максим галантно прикоснулся пальцем к кончику своего носа и произнёс:

— Максим.

Девушка с изумлением посмотрела на него, словно только теперь увидела. Она была так мила, что Максим невольно улыбнулся до ушей, и тогда она тоже улыбнулась, показала себе на нос и сказала:

— Рада.

— Хорошо, — сказал Максим. — Ужин.

Она кивнула и что-то спросила. Максим на всякий случай тоже кивнул. Он, улыбаясь, посмотрел ей вслед — она была тоненькая, лёгкая, и приятно было вспомнить, что в этом мире тоже есть красивые люди.

Рыхлая женщина у буфета произнесла длинную ворчливую фразу и скрылась за своим барьером. Тут Максим обнаружил, что усатый смотрит на него. Неприятно смотрит, недружелюбно. И если приглядеться, то и сам он какой-то неприятный. Трудно сказать, в чём здесь дело, но он ассоциируется почему-то не то с волком, не то с обезьяной. Ну и пусть. Не будем о нём...

Рада снова появилась и поставила перед Максимом тарелку с дымящейся кашей из мяса и овощей и толстую стеклянную кружку с пенной жидкостью.

— Хорошо, — сказал Максим и приглашающе похлопал по стулу рядом с собой.

Ему очень захотелось, чтобы Рада посидела тут же, пока он будет есть, рассказала бы ему что-нибудь, а он бы послушал её голос, и чтобы она почувствовала, как она ему нравится и как ему хорошо рядом с нею.

Но Рада только улыбнулась и покачала головой. Она сказала что-то — Максим разобрал слово «сидеть» — и отошла к барьеру. «Жалко», — подумал Максим. Он взял двузубую вилку и принялся

есть, пытаясь из тридцати известных ему слов составить фразу, выражающую дружелюбие, симпатию и потребность в общении.

Рада, прислонившись спиной к барьеру, стояла, скрестив руки на груди, и поглядывала на него. Каждый раз, когда глаза их встречались, они улыбались друг другу, и Максима несколько удивляло, что улыбка Рады с каждым разом становилась всё бледнее и неуверенней. Он испытывал весьма разнородные чувства. Ему было приятно смотреть на Раду, хотя к этому ощущению примешивалось растущее беспокойство. Он испытывал удовольствие от еды, оказавшейся неожиданно вкусной и довольно питательной. Одновременно он чувствовал на себе косой давящий взгляд усатого человека и безошибочно улавливал истекающее из-за барьера неудовольствие рыхлой женщины... Он осторожно отпил из кружки — это было пиво, холодное, свежее, но, пожалуй, излишне крепкое. На любителя.

Усатый что-то сказал, и Рада подошла к его столику. У них начался какой-то приглушённый разговор, неприятный и неприязненный, но тут на Максима напала муха, и ему пришлось вступить в борьбу. Муха была мощная, синяя, наглая: она наскакивала, казалось, со всех сторон сразу, она гудела и завывала, словно объясняясь Максиму в любви, она не хотела улетать, она хотела быть здесь, с ним и с его тарелкой, ходить по ним, облизывать их, она была упорна и многословна. Кончилось всё тем, что Максим сделал неверное движение, и она обрушилась в пиво. Максим брезгливо переставил кружку на другой столик и стал доедать рагу. Подошла Рада и уже без улыбки, глядя в сторону, спросила что-то.

— Да, — сказал Максим на всякий случай. — Рада хорошая.

Она глянула на него с откровенным испугом, отошла к барьеру и вернулась, неся на блюдечке маленькую рюмку с коричневой жидкостью.

— Вкусно, — сказал Максим, глядя на девушку ласково и озабоченно. — Что плохо? Рада, сядьте здесь говорить. Надо говорить. Не надо уходить.

Эта тщательно продуманная речь произвела на Раду неожиданно дурное впечатление. Максиму показалось даже, что она вот-вот заплачет. Во всяком случае, у неё задрожали губы, она прошептала что-то и убежала из зала. Рыхлая женщина за барьером произнесла несколько негодующих слов. «Что-то я не так делаю», — обеспокоенно подумал Максим. Он совершенно не мог себе представить — что. Он только понимал: ни усатый человек, ни рыхлая женщина не хотят, чтобы Рада с ним «сидеть» и «говорить». Но поскольку они явно не были представителями администрации и стражами законности и

поскольку он, Максим, очевидно, не нарушал никаких законов, мнение этих рассерженных людей не следовало, вероятно, принимать во внимание.

Усатый человек произнёс нечто сквозь зубы, негромко, но с совсем уж неприятной интонацией, залпом допил свой стакан, извлёк из-под стола толстую чёрную полированную трость, поднялся и не спеша приблизился к Максиму. Он сел напротив, положил трость поперёк стола и не глядя на Максима, но обращаясь явно к нему, принялся цедить медленные, тяжёлые слова, часто повторяя «массаракш», и речь его казалась Максиму такой же чёрной и отполированной от частого употребления, как его уродливая трость, и в речи этой была чёрная угроза, и вызов, и неприязнь, и всё это как-то странно замывалось равнодушием интонации, равнодушием на лице и пустотой бесцветных, остекленелых глаз.

— Не понимаю, — сказал Максим сердито.

Тогда усатый медленно повернул к нему белое лицо, поглядел как бы насквозь, медленно, отдельно задал какой-то вопрос и вдруг ловко выхватил из трости длинный блестящий нож с узким лезвием. Максим даже растерялся. Не зная, что сказать и как реагировать, он взял со стола вилку и повертел её в пальцах. Это произвело на усатого неожиданное действие. Он мягко, не вставая, отскочил, повалив стул, нелепо присел, выставив перед собою свой нож, усы его приподнялись, и обнажились жёлтые длинные зубы. Рыхлая женщина за барьером оглушительно завизжала. Максим от неожиданности подскочил. Усатый вдруг оказался совсем рядом, но в ту же секунду откуда-то появилась Рада и встала между ним и Максимом и принялась громко и звонко кричать — сначала на усатого, а потом, повернувшись, на Максима. Максим совсем уже ничего не понимал, а усатый неприятно заулыбался, взял свою трость, спрятал в неё нож и спокойно пошёл к выходу. В дверях он обернулся, бросил несколько негромких слов и скрылся.

Рада, бледная, с дрожащими губами, подняла поваленный стул, вытерла салфеткой пролитую на стол коричневую жидкость, забрала грязную посуду, унесла, вернулась и что-то сказала Максиму. Максим ответил «да», но это не помогло. Рада повторила то же самое, и голос у неё был раздражённый, хотя Максим чувствовал, что она не столько рассержена, сколько испугана. «Нет», — сказал Максим, и сейчас же женщина за барьером ужасно заорала, затрясла щеками, и тогда Максим наконец признался: «Не понимаю».

Женщина выскочила из-за барьера, ни на секунду не переставая кричать, подлетела к Максиму, встала перед ним, уперев руки в бока,

и всё вопила, а потом схватила его за одежду и принялась грубо шарить по карманам. Ошеломлённый Максим не сопротивлялся. Он только твердил: «Не надо» — и жалобно взглядывал на Раду. Рыхлая женщина толкнула его в грудь и, словно приняв какое-то страшное решение, помчалась обратно к себе за барьер и там схватила телефонный наушник. — Фанк! — произнёс Максим проникновенно. — Фанк плохо! Идти. Плохо.

Потом всё как-то неожиданно разрядилось. Рада сказала что-то рыхлой женщине, та бросила наушник, поклокотала ещё немного и успокоилась. Рада посадила Максима на прежнее место, поставила перед ним новую кружку с пивом и, к его неописуемому удовольствию и облегчению, села рядом. Некоторое время всё шло очень хорошо. Рада задавала вопросы, Максим, сияя от удовольствия, отвечал на них: «Не понимаю», рыхлая женщина бурчала в отдалении. Максим, напрягшись, построил ещё одну фразу и объявил, что «дождь ходит массаракш плохо туман», Рада залилась смехом. А потом пришла ещё одна молоденькая и довольно симпатичная девушка, поздоровалась со всеми, они с Радой вышли, и через некоторое время Рада появилась уже без фартука, в блестящем красном плаще с капюшоном и с большой клетчатой сумкой в руке.

— Идём, — сказала она, и Максим вскочил. Однако так сразу уйти не удалось. Рыхлая женщина опять подняла крик. Опять ей что-то не нравилось, опять она чего-то требовала. На этот раз она размахивала пером и листком бумаги. Некоторое время Рада спорила с нею, но подошла вторая девушка и встала на сторону женщины. Речь шла о чём-то очевидном, и Рада в конце концов уступила. Тогда они все втроём пристали к Максиму. Сначала они по очереди и хором задавали один и тот же вопрос, которого Максим, естественно, не понимал. Он только разводил руки. Затем Рада приказала всем замолчать, легонько похлопала Максима по груди и спросила:

— Мак Сим?

— Максим, — поправил он.

— Мак? Сим?

— Максим. Мак — не надо. Сим — не надо. Максим.

Тогда Рада приставила палец к своему носику и произнесла:

— Рада Гаал. Максим...

Максим понял наконец, что им зачем-то понадобилась его фамилия, — это было странно, но гораздо больше его удивило другое.

— Гаал? — произнёс он. — Гай Гаал? Воцарилась тишина. Все были поражены.

— Гай. Гаал, — повторил Максим обрадованно. — Гай хороший мужчина.

Поднялся шум. Все женщины говорили разом. Рада теребила Максима и что-то спрашивала. Очевидно было, что её страшно интересует, откуда Максим знает Гая. Гай, Гай, Гай — мелькало в потоке непонятных слов. Вопрос о фамилии Максима был забыт.

— Массаракш! — сказала наконец рыхлая женщина и захохотала, и девушки тоже засмеялись, и Рада вручила Максиму свою клетчатую сумку, взяла его под руку, и они вышли под дождь.

Они прошли до конца эту плохо освещённую улочку и свернули в ещё менее освещённый переулочок с деревянными покосившимися домами по сторонам грязной мостовой, неровно мощённой булыжником; потом свернули ещё раз и ещё раз; кривые улочки были пусты, ни один человек не встречался им на пути.

Сначала Рада оживлённо болтала, часто повторяя имя Гая, а Максим то и дело подтверждал, что Гай хороший, но добавлял по-немецки, что нельзя бить людей по лицу, что это странно и что он, Максим, этого не понимает. Однако по мере того, как улицы становились всё уже, темнее и слякотнее, речь Рады всё чаще прерывалась. Иногда она останавливалась и вглядывалась в темноту, и Максим думал, что она выбирает дорогу посуше, но она искала в темноте что-то другое, потому что луж она не видела, и Максиму приходилось каждый раз легонько оттягивать её на сухие места; а там, где сухих мест не было, он брал её под мышку и переносил — ей это нравилось, каждый раз она замирала от удовольствия, но тут же забывала об этом, потому что она боялась. Чем дальше они уходили от кафе, тем больше она боялась. Сначала Максим пытался найти с нею нервный контакт, чтобы передать ей немного бодрости и уверенности, но, как и с Фанком, это не получалось. И когда они вышли из тупика и оказались на совсем уже грязной, немощёной дороге, справа от которой тянулся бесконечный мокрый забор с ржавой колючей проволокой наверху, а слева — непроглядно чёрный, зловонный пустырь без единого огонька, Рада совсем увяла — она чуть не плакала, и Максим, чтобы хоть немножко поднять настроение, принялся во всё горло петь подряд самые весёлые из известных ему песен; и это помогло, но ненадолго, лишь до конца забора. А потом снова потянулись дома, длинные, жёлтые, двухэтажные, с тёмными окнами; из них пахло остывающим металлом, органической смазкой, ещё чем-то душным и чадным, редко и мутно горели фонари, а вдали, под какой-то глухой аркой, стояли нахохлившиеся мокрые люди, и Рада остановилась.

Она вцепилась в его руку и заговорила прерывистым шёпотом: она была полна страха за себя и ещё больше за него. Шепча, она потянула его назад, и он повиновался, думая, что ей от этого станет лучше, но потом понял, что это просто безрассудный акт отчаяния, и упёрся.

— Пойдёмте, — сказал он ей ласково. — Пойдёмте, Рада. Плохо нет. Хорошо.

Она послушалась, как ребёнок. Он повёл её, хотя и не знал дороги, и вдруг понял, что она боится этих мокрых фигур, и очень удивился, потому что в них не было ничего страшного и опасного — так себе, обыкновенные, скрючившиеся под дождём аборигены, стоят и трясутся от сырости. Сначала их было двое, потом откуда-то появились третий и четвёртый с огоньками наркотических палочек.

Максим шёл по пустой улице между жёлтыми домами прямо на эти фигуры, а Рада всё теснее прижималась к нему, и он обнял её за плечи. Ему вдруг пришло в голову, что он ошибается, что Рада дрожит не от страха, а просто от холода. В мокрых людях не было совершенно ничего опасного; он прошёл мимо них, мимо этих сутулых, длиннолицых, озябших, засунувших руки глубоко в карманы, притопывающих, чтобы согреться, жалких, отравленных наркотиком, и они как будто даже не заметили его с Радой, даже не подняли глаз, хотя он прошёл так близко, что слышал их нездоровое, неровное дыхание. Он думал, что Рада хоть теперь успокоится, — они были уже под аркой, — и вдруг впереди, как из-под земли, будто отделившись от жёлтых стен, появились и встали поперёк дороги ещё четверо, таких же мокрых и жалких, но один из них был с длинной толстой тростью, и Максим узнал его.

Под облупленным куполом нелепой арки болталась на сквозняке голая лампочка, стены были покрыты плесенью и трещинами, под ногами был растрескавшийся грязный цемент с грязными следами многих ног и автомобильных шин. Позади гулко затопали. Максим оглянулся — те четверо догоняли, прерывисто и неровно дыша, не вынимая рук из карманов, выплёвывая на бегу свои отвратительные наркотические палочки... Рада сдавленно вскрикнула, отпустила его руку, и вдруг стало тесно. Максим оказался прижатым к стене, вокруг вплотную к нему стояли люди; они не касались его, они держали руки в карманах, они даже не смотрели на него, просто стояли и не давали ему двинуться, и через их головы он увидел, что двое держат Радку за руки, а усатый подошёл к ней, неторопливо переложил трость в левую руку и правой рукой так же неторопливо и лениво ударил её по щеке...

Это было настолько дико и невозможно, что Максим потерял ощущение реальности. Что-то сдвинулось у него в сознании. Люди исчезли. Здесь было только два человека — он и Рада, а остальные исчезли. Вместо них неуклюже и страшно топтались по грязи жуткие и опасные животные. Не стало города, не стало арки и лампочки над головой — был край непроходимых гор, страна Оз-на-Пандоре, была пещера, гнусная западня, устроенная голыми пятнистыми обезьянами, и в пещеру равнодушно глядела размытая жёлтая луна, и надо было драться, чтобы выжить. И он стал драться, как дрался тогда на Пандоре.

Время послушно затормозилось, секунды стали длинными-длинными, в течение каждой можно было сделать очень много разных движений, нанести много ударов и видеть всех сразу. Они были неповоротливы, эти обезьяны, они привыкли иметь дело с другой дичью, наверное, они просто не успели сообразить, что ошиблись в выборе, что лучше всего им было бы бежать, но они тоже пытались драться... Максим хватал очередного зверя за нижнюю челюсть, рывком вздёргивал податливую голову и бил ребром ладони по бледной пульсирующей шее, и сразу же поворачивался к следующему, хватал, вздёргивал, рубил и снова хватал, вздёргивал, рубил — в облаке зловонного, хищного дыхания, в гулкой тишине пещеры, в жёлтой, слезящейся полутьме, — и грязные кривые когти рванули его за шею и соскользнули, жёлтые клыки

глубоко впились в плечо и тоже соскользнули... Рядом уже никого не было, а к выходу из пещеры торопился вожак с дубиной, потому что он, как и все вожаки, обладал самой быстрой реакцией и первым понял, что происходит. И Максим мельком пожалел его, как медленна его быстрая реакция — секунды тянулись всё медленнее, и быстроногий вожак едва перебирал ногами, — и Максим, проскользнув между секундами, поравнялся с ним и зарубил его на бегу и сразу остановился... Время вновь обрело нормальное течение, пещера стала аркой, луна — лампочкой, а страна Оз-на-Пандоре снова превратилась в непонятный город на непонятной планете, более непонятной, чем Пандора...

Максим стоял, отдыхая, опустив зудящие руки. У ног его трудно копошился усатый вожак. Кровь текла из пораненного плеча Максима. И тут Рада взяла его руку и, всхлипнув, провела его ладонью по своему мокрому лицу. Он огляделся. На грязном цементном полу мешками лежали тела. Он машинально сосчитал их — шестеро, включая вожака, — и подумал, что двое успели убежать. Ему было невыразимо приятно прикосновение Рады, и он знал, что поступил так, как должен был поступить, и сделал то, что должен был сделать, — ни каплей больше, ни каплей меньше. Те, кто успел уйти, ушли, он не догонял их, хотя мог бы догнать — даже сейчас он слышал, как панически стучат их каблуки в конце тоннеля. А те, кто не успел уйти, — те лежат, и некоторые из них умрут, а некоторые уже мертвы, и он понимал теперь, что это всё-таки люди, а не обезьяны и не панцирные волки, хотя дыхание их было зловонно, прикосновения — грязны, а намерения — хищны и отвратительны. И всё-таки он испытывал какое-то сожаление и ощущал потерю, словно потерял некую чистоту, словно потерял неотъемлемый кусочек души прежнего Максима, и знал, что прежний Максим исчез навсегда, и от этого ему было немножко горько, и это будило в нём какую-то незнакомую гордость....

— Пойдём, Максим, — тихонько сказала Рада.

И он послушно пошёл за нею.

— Короче говоря, вы его упустили.

— Я ничего не мог сделать... Вы сами знаете, как это бывает...

— Чёрт побери, Фанк! Вам и не надо было ничего делать. Вам достаточно было взять с собой шофёра.

— Я знаю, что виноват. Но кто мог ожидать...

— Хватит об этом. Что вы предприняли?

— Как только меня выпустили, я позвонил Мегу. Мегу ничего не знает. Если он вернётся, Мегу сейчас же сообщит мне... Далее: я взял под наблюдение все дома умалишённых... Он не может уйти далеко, ему просто не дадут, он слишком бросается в глаза...

— Дальше.

— Я поднял своих людей в полиции. Я приказал следить за всеми случаями нарушения порядка, вплоть до нарушения правил уличного движения. У него нет документов. Я распорядился сообщать мне обо всех задержанных без документов... У него нет ни одного шанса скрыться, даже если он захочет... По-моему, это дело двух-трёх дней... Простое дело.

— «Простое» ... Что могло быть проще: сесть в машину, съездить в телецентр и привезти сюда человека... Но вы даже с этим не справились.

— Виноват. Но такое стечение обстоятельств...

— Я сказал, хватит об обстоятельствах. Он действительно похож на сумасшедшего?

— Трудно сказать... Больше всего он, пожалуй, похож на дикаря. На хорошо отмытого и ухоженного горца. Но я легко представляю себе ситуацию, в которой он выглядит сумасшедшим... И потом, эта вечная идиотская улыбка, кретинический лепет вместо нормальной речи... И весь он какой-то дурак...

— Понятно. Я одобряю ваши меры... И вот что ещё, Фанк... Свяжитесь с подпольем.

— Что?

— Если вы не найдёте его в ближайшие дни, он непременно объявится в подполье.

— Не понимаю, что делать дикарю в подполье.

— В подполье много дикарей. И не задавайте глупых вопросов, а делайте, что я вам говорю. Если вы упустите его ещё раз, я вас уволю.

— Второй раз я его не упущу.

— Рад за вас... Что ещё?

— Любопытный слух о Волдыре.

— О Волдыре? Что именно?

— Простите, Странник... Если разрешите, я предпочёл бы об этом шёпотом, на ухо...

Часть вторая ЛЕГИОНЕР

ГЛАВА ПЯТАЯ

Окончив инструктаж, господин ротмистр Чачу распорядился:
— Капрал Гаал, останьтесь. Остальные свободны.

Когда остальные командиры секций вышли гуськом в затылок друг другу, господин ротмистр некоторое время разглядывал Гая, покачиваясь на стуле и насвистывая старинную солдатскую песню «Уймись, мамаша». Господин ротмистр Чачу был совсем не похож на господина ротмистра Тоота. Он был приземист, темнолиц, с большой лысиной, он был гораздо старше Тоота, в недавнем прошлом — участник восьми приморских инцидентов, обладатель Огненного Креста и трёх значков «За ярость в огне»; рассказывали о его фантастическом поединке с белой субмариной, когда его машина получила прямое попадание и загорелась, а он продолжал стрелять, пока не потерял сознание от страшных ожогов; говорили, что на теле его нет живого места, сплошь чужая, пересаженная кожа, а на левой руке у него не хватало трёх пальцев. Он был прям и груб, как настоящий вояка, и, не в пример сдержанному ротмистру Тооту, никогда не считал нужным скрывать своё настроение ни от подчинённых, ни от начальства. Если он был весел, вся бригада знала, что господин ротмистр Чачу нынче весел; но если уж он был не в духе и насвистывал «Уймись, мамаша».

Глядя ему в глаза уставным взглядом, Гай испытывал отчаяние при мысли, что ему каким-то неизвестным пока образом привелось огорчить и рассердить этого замечательного человека. Он торопливо перебирал в памяти свои собственные проступки и проступки легионеров своей секции, но ничего не мог вспомнить такого, что уже не было отстранено небрежным движением беспалой руки и хриплым, ворчливым: «Ладно, на то и Легион. Плевать...»

Господин ротмистр перестал свистеть и покачиваться.

— Не люблю болтовни и писанины, капрал, — произнёс он. — Либо ты рекомендуешь кандидата Сима, либо ты его не рекомендуешь. Что именно?

— Так точно, рекомендую, господин ротмистр, — поспешно сказал Гай. — Но...

— Без «но», капрал! Рекомендуешь или не рекомендуешь?

— Так точно, рекомендую.

— Тогда как я должен понимать эти две бумажки? — Господин ротмистр нетерпеливым движением извлёк из нагрудного кармана сложенные бумаги и развернул их на столе, придерживая искалеченной рукой. — Читаю: «Рекомендую вышеозначенного Мака Сима, как преданного и способного...» Н-ну, это понятно... «...для утверждения в высоком звании кандидата в рядовые Боевого Легиона». А вот твоя вторая писулька, капрал: «...В связи с вышеизложенным считаю своим долгом обратить внимание командования на необходимость тщательной проверки означенного кандидата в рядовые Боевого Легиона М. Сима». Массаракш! Чего ж тебе, в конце концов, надо, капрал?

— Господин ротмистр! — взволнованно сказал Гай. — Но я действительно в трудном положении! Я знаю кандидата Сима как способного и преданного задачам Легиона гражданина. Я уверен, что он принесёт много пользы. Но, полагая, что в Легионе место только кристально чистым...

— Да, да! — нетерпеливо сказал господин ротмистр. — Короче говоря, вот что, капрал. Одну из этих бумаг ты сейчас же заберёшь и порвёшь. Надо же соображать. Я не могу явиться к бригадиру с двумя бумажками. Либо да, либо нет. Мы в Легионе, а не на философском факультете, капрал! Две минуты на размышление.

Господин ротмистр извлёк из стола толстую папку с делами и с отворачиванием бросил её перед собой. Гай уныло посмотрел на часы. Было ужасно трудно сделать этот выбор. Бесчестно и недостойно легионера было скрыть от командования своё недостаточное знание рекомендуемого, даже если речь шла о Максиме. Но, с другой стороны, бесчестно и недостойно легионера было уклониться от ответственности, взваливая решение на господина ротмистра, который видел Максима только два раза, да и то в ротном строю. Ну хорошо. Ещё раз. За: горячо и близко к сердцу принял задачи Легиона; без сучка и задоринки прошёл освидетельствование в Департаменте общественного здоровья; будучи направлен господином ротмистром Тоотом и господином штаб-врачом Зогу в какое-то секретное учреждение, по-видимому, для проверки, проверку эту выдержал. (Правда, это показание самого Максима, документы он потерял, но как же иначе он мог оказаться не под надзором?); наконец, отважен, прирождённый боец — в одиночку справился с бандой Крысолова, — симпатичен, прост в общении, добродушен, абсолютно бескорыстен. И вообще человек необычайных способностей. Против: совершенно неизвестно, кто он и откуда; о прошлом своём либо ничего не помнит, либо не желает сообщать... и у него нет никаких документов. Но так ли уж всё это

подозрительно? Правительство контролирует только границы и центральный район. Две трети территории страны до сих пор погрязают в анархии, там голод, эпидемия, народ оттуда бежит, и все без документов, а молодые даже не знают, что такое документы. И сколько среди них больных, потерявших память, даже выродков... В конце концов, главное — что Максим не выродок...

— Ну, капрал? — произнёс господин ротмистр.

— Так точно, господин ротмистр! — отчаянным голосом сказал Гай. — Разрешите...

Он взял свой рапорт с просьбой проверить Максима и медленно разорвал его.

— Пр-равильное решение! — гаркнул господин ротмистр. — Молодец, легионер! Бумаги, чернила, проверки... Всё проверит бой! Вот когда мы сядем в наши машины и двинем в зону атомных ловушек, тогда мы сразу увидим, кто наш, а кто — нет.

— Так точно, — без особой уверенности сказал Гай. Он хорошо понимал старого вояку, но не менее хорошо он видел, что герой приморских инцидентов несколько заблуждается. Бой, конечно, боем, но и чистота чистотой. Впрочем, Максима это не касается. Максим-то как раз чист.

— Массаракш! — произнёс господин ротмистр. — Департамент здоровья его пропустил, а остальное — дело наше. — Произнеся эту загадочную фразу, он сердито посмотрел на Гая и добавил: — Легионер другу доверяет полностью, а если не доверяет, значит, это не друг, гнать его в шею. Ты меня удивил, капрал. Ну ладно, марш к своей секции. Времени осталось мало... На операции я сам присмотрю за этим кандидатом.

Гай щёлкнул каблуками и вышел. За дверь он позволил себе улыбнуться. Всё-таки старый вояка не удержался и принял ответственность на себя. Хорошее всегда хорошо. Теперь можно с чистой совестью считать Максима своим другом. Мака Сима. Настоящую его фамилию не произнести. То ли он её придумал, пока был в бреду, то ли всё-таки действительно он родом из этих горцев... Как, бишь, звали ихнего древнего царя?.. Заремчичакбешмусарайи... Гай вышел на плац и поискал глазами свою секцию. Неутомимый Панди гонял ребят через верхнее окно макета трёхэтажного здания. Ребята взмокли, и это было плохо, потому что до операции оставался всего час.

— О-отста-вить! — крикнул Гай ещё издали.

— От-ставить! — заорал Панди. — Становись!

Секция быстро построилась. Панди скомандовал:

— Смирно! — строевым шагом подошёл к Гаю и доложил: — Господин капрал, секция занимается преодолением штурмового городка.

— Встаньте в строй, — приказал Гай, стараясь интонацией выразить неодобрение, как это превосходно умел делать капрал Серембеш. Он прошёлся перед строем, заложив руки за спину, вглядываясь в знакомые лица.

Серые, голубые и синие глаза, выражающие готовность выполнить любой приказ и потому слегка выкаченные, следили за каждым его движением. Он ощутил, как они близки и дороги ему, эти двенадцать здоровенных парней — шестеро действительных рядовых Легиона на правом фланге и шестеро кандидатов в рядовые на левом, — все в ладных чёрных комбинезонах с начищенными пуговицами, все в блестящих сапогах с короткими голенищами, все в беретах, лихо сдвинутых на правую бровь... Нет, не все. Посередине строя, на правом фланге кандидатов, башней возвышался кандидат Мак Сим, очень ладный парень, любимец, как это ни прискорбно для командира иметь любимцев, но... гм... То, что у него не выкачены его странные коричневые глаза, ладно, научится со временем. Но вот... гм...

Гай подошёл к Максиму и застегнул ему верхнюю пуговицу. Затем встал на цыпочки и поправил берет. Кажется, все... Опять он в строю растянул рот до ушей... Ну ладно. Отвыкнет. Кандидат всё-таки, самый младший в секции...

Чтобы сохранить видимость справедливости, Гай поправил пряжку у соседа Максима, хотя надобности в этом не было. Потом он сделал три шага назад и скомандовал «вольно». Секция встала «вольно» — слегка отставила правую ногу и заложила руки за спину.

— Ребята, — сказал Гай, — сегодня мы в составе роты выступаем на регулярную операцию по обезвреживанию агентуры потенциального противника. Операция проводится по схеме тридцать три. Господа действительные рядовые, несомненно, помнят свои обязанности по этой схеме, господам же кандидатам, забывающим застёгивать пуговицы, я считаю полезным напомнить. Секция получает один подъезд. Секция делится на четыре группы: три тройки и наружный резерв. Тройки в составе двух действительных рядовых и одного кандидата, не поднимая шума, последовательно обходят квартиры. Вступив в квартиру, каждая тройка действует следующим образом: кандидат охраняет парадный вход, второй рядовой, ни на что, не отвлекаясь, занимает чёрный ход, старший производит осмотр помещений. Резерв из трёх кандидатов во главе с командиром секции — в данном случае со мною — остаётся внизу в подъезде с задачей, немедленно

оказать помощь той тройке, которой это понадобится. Состав троек и резерва вам известен... Внимание! — сказал он, отступая ещё на шаг. — На тройки и резерв — разберись!

Произошло короткое множественное движение. Секция разобралась. Никто не ошибся местом, никто не сцепился автоматами, никто не поскользнулся и не потерял берет, как это случалось на прошлых занятиях. На правом фланге резерва возвышался Максим и опять улыбался во весь рот. У Гая вдруг возникла дикая мысль, что Максим смотрит на всё это как на забавную игру. Это было, конечно, не так, потому что так это быть не могло. Во всём была виновата, несомненно, эта дурацкая улыбочка...

— Недурственно, — проворчал Гай в подражание капралу Серембешу и благосклонно поглядел на Панди: молодец старик, вымуштровал ребят. — Внимание! — сказал он. — Секция, стройся!

Снова короткое множественное движение, прекрасное своей чёткостью и безукоризненностью, и снова секция стояла перед ним одной шеренгой. Хорошо! Просто замечательно! Даже внутри всё как-то холодеет. Гай опять заложил руки за спину и прошёлся.

— Легионеры! — сказал он. — Мы — опора и единственная надежда Огненосных Творцов. Только на нас они могут без оглядки положиться в своём великом деле. (Это была правда, самая истинная правда, и было в этом очарование и отрешённость.) Боевой Легион есть железный кулак истории. Он призван смести все преграды на нашем гордом пути. Меч Боевого Легиона закалён в огнях сражений, он жжёт нам руки, и остудить его могут только потоки вражеской крови. Враг хитёр. Он труслив, но упорен. Огненосные Творцы приказали нам сломить это коварное упорство, с корнем вырвать его, что влечёт нас назад, к хаосу и растлевающей анархии. Таков наш долг, и мы счастливы исполнить его. Мы идём на многие жертвы, мы нарушаем покой наших матерей, братьев и детей, мы лишаем заслуженного отдыха честного рабочего, честного чиновника, честного торговца и промышленника. Они знают, почему мы вынуждены вторгаться в их дома, и встречают нас как своих лучших друзей, как своих защитников. Помните это и не давайте себе увлечься в благородном пылу выполнения своей задачи. Друг — это друг, а враг — это враг... Вопросы есть?

— Нет! — рывкнула секция в двенадцать глоток.

— Смир-рна! Тридцать минут на отдых и проверку снаряжения. Р-разойдись!

Секция бросилась врассыпную, а затем легионеры группами по двое и по трое направились к казарме. Гай неторопливо пошёл

следом, ощущая приятную опустошённость. Максим ждал его поодаль, заранее улыбаясь.

— Давай поиграем в слова, — предложил он.

Гай мысленно застонал. Одёрнуть бы его, одёрнуть! Что может быть более противоестественно, нежели кандидат, молокосос, за полчаса до начала операции пристающий с фамильярностями к капралу!

— Сейчас не время, — по возможности сухо сказал он.

— Ты волнуешься? — спросил Максим сочувственно.

Гай остановился и поднял глаза к небу. Ну что делать, что делать? Оказывается, совершенно невозможно цукать такого вот добродушного наивного гиганта, да ещё спасителя твоей сестры, да ещё — чего греха таить — человека, во всех иных отношениях, кроме строевого, гораздо выше тебя самого... Гай огляделся и сказал просительно:

— Послушай, Мак, ты ставишь меня в неловкое положение. Когда мы в казарме, я твой начальник, я приказываю — ты подчиняешься. Я тебе сто раз говорил...

— Но я же готов подчиняться, приказывай! — возразил Максим. — Я знаю, что такое дисциплина. Приказывай.

— Я уже приказал. Займись подгонкой снаряжения.

— Нет, извини меня, Гай, ты приказал не так. Ты приказал отдыхать и подгонять снаряжение. Ты забыл? Снаряжение я подогнал, теперь отдыхаю. Давай поиграем, я придумал хорошее слово...

— Мак, пойми: подчинённый имеет право обращаться к начальнику, во-первых, только по установленной форме, а во-вторых, исключительно по службе.

— Да, я помню. Параграф девять... Но ведь это во время службы. А сейчас мы с тобой отдыхаем...

— Откуда ты взял, что я отдыхаю? — спросил Гай. Они стояли за макетом забора с колючей проволокой, и здесь их, слава богу, никто не видел: никто не видит, как эта башня привалилась плечом к забору и всё время порывается взять своего капрала за пуговицу. — Я отдыхаю только дома, но даже дома я никакому подчинённому не позволил бы... Послушай, отпусти мою пуговицу и застегни свою...

Максим застегнулся и сказал:

— На службе — одно, дома — другое. Зачем?

— Давай не будем об этом говорить. Мне надоело повторять тебе одно и то же... Кстати, когда ты перестанешь улыбаться в строю?

— В уставе об этом не сказано, — немедленно ответил Максим. — А что касается «повторять одно и то же», то вот что. Ты не обижайся, Гай, я знаю: ты не говорец... не речевик...

— Кто?

— Ты не человек, который умеет красиво говорить.

— Оратор?

— Оратор... Да, не оратор. Но всё равно. Ты сегодня обратился к нам с речью. Слова правильные, хорошие. Но когда ты дома говорил мне о задачах Легиона и о положении страны, это было очень интересно. Это было очень, по-твоему. А здесь ты в седьмой раз говоришь одно и то же, и всё не по-твоему. Очень, верно. Очень одинаково. Очень скучно. А? Не обиделся?

Гай не обиделся. То есть некая холодная иголочка кольнула его самолюбие: до сих пор ему казалось, что он говорит так же убедительно и гладко, как капрал Серембеш или даже господин ротмистр Тоот. Однако, если подумать, капрал Серембеш и господин ротмистр тоже повторяли всё одно и то же в течение трёх лет. И в этом нет ничего удивительного и тем более зазорного — ведь за три года никаких существенных изменений во внутреннем и во внешнем положении не произошло...

— А где это сказано в уставе, — спросил Гай, усмехаясь, — чтобы подчинённый делал замечания своему начальнику?

— Там сказано противоположное, — со вздохом признался Максим. — По-моему, это неверно. Ты ведь слушаешь мои советы, когда решаешь задачи по баллистике, и ты слушаешь мои замечания, когда ошибаешься в вычислениях.

— Это дома! — проникновенно сказал Гай. — Дома всё можно.

— А если на стрельбах ты неправильно даёшь нам прицел? Плохо учёл поправку на ветер. А?

— Ни в коем случае, — твёрдо сказал Гай.

— Стрелять неправильно? — изумился Максим.

— Стрелять как приказано, — строго сказал Гай. — За эти десять минут, Мак, ты наговорил суток на пятьдесят карцера. Понимаешь?

— Нет, не понимаю... А если в бою?

— Что — в бою?

— Ты даёшь неправильный прицел. А?

— Гм... — сказал Гай, который ещё никогда в бою не командовал.

Он вдруг вспомнил, как капрал Вахту во время разведки боем запутался в карте, загнал секцию под кинжальный огонь соседней роты, сам там остался и полсекции уложил, а ведь мы знали, что он запутался, но никто не подумал его поправить.

«Господи, — сообразил вдруг Гай, — да нам бы и в голову не пришло, что можно его поправить. А вот Максим этого не понимает и даже не то, что не понимает — понимать тут нечего, — а просто не признаёт. Сколько раз уже так было: берёт самоочевидную вещь и

отвергает её, и никак его не убедишь, и даже наоборот — сам начинаешь сомневаться, голова идёт кругом, и приходишь в полное обалдение... Нет, он всё-таки не обыкновенный человек... редкий, небывалый человек... Язык выучил за месяц. Грамоту осилил в два дня. Ещё в два дня перечитал всё, что у меня есть. Математику и механику знает лучше господ преподавателей, а ведь у нас на курсах преподают настоящие специалисты. Или вот взять дядюшку Каана...»

Последнее время старик все свои монологи за столом обращал исключительно к Максиму. Более того, он не раз уже дал понять, что Максим является, пожалуй, единственным человеком, который в наше время проявляет такие способности и такой интерес к ископаемым животным. Он рисовал Максиму на бумажке каких-то ужасных зверей, и Максим рисовал ему на бумажке каких-то ещё более ужасных зверей, и они спорили, который из этих зверей более древний, и кто от кого произошёл, и почему это случилось; в ход шли научные книги из дядюшкиной библиотеки, и всё равно бывало, что Максим не давал старику рта открыть, причём Гай с Радой не понимали ни слова из того, что говорилось, а дядюшка то кричал до хрипоты, то рвал на клочки рисунки и топтал их ногами, обзывал Максима невеждой, хуже дурака Шапшу, то вдруг принимался яростно чесать обеими руками реденькие седые волосы на затылке и бормотал с потрясённой улыбкой: «Смело, массаракш, смело... У вас есть фантазия, молодой человек!» Особенно запомнился Гаю один вечер, когда старикана громом ударило заявление Максима, будто некоторые из этих допотопных тварей передвигались на задних ногах, каковое заявление, по видимому, очень просто и естественно разрешало некий давний научный спор...

Математику он знает, механику он знает, военную химию он знает превосходно, палеонтологию — господи, да кому в наше время известна палеонтология! — палеонтологию он тоже знает... Рисует как художник, поёт как артист... и добрый, неестественно добрый. Разогнал и перебил бандитов, один — восьмерых, голыми руками, другой бы на его месте ходил петухом, на всех поплёвывал, а он мучился, ночи не спал, огорчился, когда его хвалили и благодарили, а потом однажды взорвался: весь побелел и крикнул, что это нечестно — хвалить за убийство... Господи, это же какая проблема была — уговорить его в Легион! Всё понимает, со всем согласен, хочет, но ведь там, говорит, придётся стрелять. В людей. Я ему говорю: в выродков, а не в людей, в отребье, хуже бандитов... Договорились, слава богу, что сначала, пока не привыкнет, будет просто обезоруживать... И смешно, и страшно как-то. Нет, недаром он всё проговаривается, будто пришёл

из другого мира. Знаю я этот мир. Даже книга об этом есть у дядюшки — «Туманная Страна Зартак». Лежит, дескать, в Алебастровых горах долина Зартак, где живут счастливые люди... По описанию все они там такие, как Максим. И вот что удивительно: если кто-нибудь из них покинет свою долину, то сразу забывает, откуда он родом и что с ним было раньше, помнит только, что из другого мира... Дядюшка, правда, говорит, что никакой такой долины нет, всё это выдумка, есть только хребет Зартак, а потом, говорит, в ту войну долбанули по этому хребту супербомбами, так что у горцев там на всю жизнь память отшибло...

— Ты почему молчишь? — спросил Максим. — Ты обо мне думаешь?

Гай отвёл глаза.

— Ты вот что... — сказал он. — Я тебя только об одном прошу: в интересах дисциплины никогда не показывай виду, что ты больше меня знаешь. Смотри, как ведут себя другие, и веди себя точно так же.

— Я стараюсь, — грустно сказал Максим. Он подумал немного и добавил: — Трудно привыкнуть. У нас всё это не так.

— А как твоя рана? — спросил Гай, чтобы сменить тему.

— Мои раны заживают быстро, — рассеянно сказал Максим. — Слушай, Гай, давай после операции поедем прямо домой. Ну что ты так смотришь? Я очень соскучился по Раде. А ты нет? Ребят мы завезём в казарму, а потом на грузовике поедем домой. Шофёра отпустим...

Гай набрал в грудь побольше воздуха, но тут серебристый ящик громкоговорителя на столбе почти над их головами зарычал, и голос дежурного по бригаде скомандовал:

— Шестая рота, выходи строиться на плац! Внимание, шестая рота...

И Гай только рявкнул:

— Кандидат Сим! Прекратить разговоры, марш на построение! — Максим рванулся, но Гай поймал его за ствол автомата. — Я тебя очень прошу... — сказал он. — Как все! Держись, как все! Сегодня сам ротмистр будет за тобой наблюдать...

Через три минуты рота построилась. Уже стемнело, над плацем вспыхнули прожектора. Позади строя мягко ворчали двигателями грузовики. Как всегда перед операцией, господин бригадир в сопровождении господина ротмистра Чачу молча обошёл строй, осматривая каждого легионера. Он был спокоен, глаза прищурены, уголки губ приветливо приподняты. Потом, так ничего и не сказав, он кивнул господину ротмистру и удалился. Господин ротмистр, переваливаясь

и помахивая искалеченной рукой, вышел перед строем и повернул к легионерам своё тёмное, почти чёрное лицо.

— Легионеры! — каркнул он голосом, от которого у Гая пошли мурашки по коже. — Перед нами дело. Выполним его достойно... Внимание, рота! По машинам! Капрал Гаал, ко мне!

Когда Гай подбежал и вытянулся перед ним, господин ротмистр сказал негромко:

— Ваша секция имеет специальное задание. По прибытии на место из машины не выходить. Командовать буду я сам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У грузовика были отвратительные амортизаторы, и это очень чувствовалось на отвратительной булыжной мостовой. Кандидат Максим, зажав автомат между коленями, заботливо придерживал Гая за поясной ремень, рассудив, что капралу, который так заботится об авторитете, не к лицу реять над скамейками, как какому-нибудь кандидату Зойзе. Гай не возражал, а может быть, он и не замечал предупредительности своего подчинённого. После разговора с ротмистром Гай был чем-то сильно озабочен, и Максим радовался, что по расписанию им придётся быть рядом и он сможет помочь, если понадобится.

Грузовики миновали Центральный театр, долго катились вдоль вонючего Имперского канала, потом свернули по длинной, пустой в этот час Сапожной улице и принялись колесить кривыми переулочками какого-то предместья, где Максим никогда ещё не бывал. А побывал он за последнее время во многих местах и изучил город основательно, по-хозяйски. Он вообще много узнал за эти сорок с лишним дней и разобрался наконец в положении. Положение оказалось гораздо менее утешительным и более причудливым, чем он думал.

Он ещё корпел над букварём, когда Гай пристал к нему с вопросом, откуда он, Максим, взялся. Рисунки не помогали: Гай воспринимал их с какой-то странной улыбкой и продолжал повторять всё тот же вопрос: «Откуда ты?» Тогда Максим в раздражении ткнул пальцем в потолок и сказал: «Из неба». К его удивлению, Гай нашёл это вполне естественным и стал с вопросительной интонацией сыпать какими-то словами, которые Максим вначале принял за названия планет местной системы. Но Гай развернул карту мира в меркаторской проекции, и тут выяснилось, что это вовсе не названия планет, а названия стран-антиподов. Максим пожал плечами, произнёс все известные ему выражения отрицания и стал изучать карту, так что разговор на этом временно прекратился.

Вечером дня через два Максим и Рада смотрели телевизор. Шла какая-то очень странная передача, нечто вроде кинофильма без начала и конца, без определённого сюжета, с бесконечным количеством действующих лиц — довольно жутких лиц, действующих довольно дико, с точки зрения любого гуманоида. Рада смотрела с интересом, вскрикивала, хватала Максима за рукав, два раза всплакнула, а Максим быстро соскучился и задремал было под уныло-угрожающую музыку, как вдруг на экране мелькнуло что-то знакомое. Он даже глаза протёр. На экране была Пандора, угрюмый тахорг тащился через джунгли, давя деревья, и вдруг появился Петер с манком в руках; очень сосредоточенный и серьёзный, он пятился задом, споткнулся о корягу и полетел спиной прямо в болото. С огромным изумлением Максим узнал собственную ментограмму, а потом ещё одну и ещё, но не было никаких комментариев, играла всё та же музыка, и Пандора исчезла, уступив место слепому тощему человеку, который полз по потолку, плотно затянутому пыльной паутиной. «Что это?» — спросил Максим, тыча пальцем в экран. «Передача, — нетерпеливо сказала Рада. — Интересно. Смотри». Он так и не добился толку, и в голову ему пришла мысль о многих десятках разнообразных пришельцев, добросовестно вспоминающих свои миры. Однако он быстро отказался от этой мысли: миры были слишком страшны и однообразны — глухие душные комнатки, бесконечные коридоры, заставленные мебелью, которая вдруг прорастала гигантскими колючками; спиральные лестницы, винтом уходящие в непроглядный мрак узких колодцев; зарешечённые подвалы, набитые тупо копошащимися телами, между которыми выглядывали болезненно-неподвижные лица, как на картинках Иеронима Босха, — это было больше похоже на бредовую фантазию, чем на реальные миры. На фоне этих видений ментограммы Максима ярко сияли реализмом, переходящим из-за Максимова темперамента в романтический натурализм. Такие передачи повторялись почти каждый день, назывались они «Волшебное путешествие», но Максим так до конца и не понял, в чём их соль. В ответ на его вопросы Гай и Рада недоуменно пожимали плечами и говорили: «Передача. Чтобы было интересно. Волшебное путешествие. Сказка. Ты смотри, смотри! Бывает смешно, бывает страшно». И у Максима зародились самые серьёзные сомнения в том, что целью исследований профессора Бегемота был контакт и что вообще эти исследования были исследованиями.

Этот интуитивный вывод косвенно подтвердился ещё декаду спустя, когда Гай прошёл по конкурсу в заочную школу претендентов на первый офицерский чин и принялся зубрить математику и механику.

Схемы и формулы из элементарного курса баллистики привели Максима в недоумение. Он пристал к Гаю; Гай сначала не понял, а потом, снисходительно ухмыляясь, объяснил ему космографию своего мира. И тогда выяснилось, что обитаемый остров не есть шар, не есть геоид и вообще не является планетой.

Обитаемый остров был Миром, единственным миром во Вселенной. Под ногами аборигенов была твёрдая поверхность Сферы Мира. Над головами аборигенов имел место гигантский, но конечного объёма газовый шар неизвестного пока состава и обладающий не вполне ясными пока физическими свойствами. Существовала теория о том, что плотность газа быстро растёт к центру газового пузыря, и там происходят какие-то таинственные процессы, вызывающие регулярное изменение яркости так называемого Мирового Света, обуславливающие смену дня и ночи. Кроме короткопериодических, суточных, изменений состояния Мирового Света, существовали долгопериодические, порождающие сезонные колебания температуры и смену времён года. Сила тяжести была направлена от центра Сферы Мира перпендикулярно к её поверхности. Короче говоря, обитаемый остров существовал на внутренней поверхности огромного пузыря в бесконечной тверди, заполняющей остальную Вселенную.

Максим, совершенно обалдевший от неожиданности, пустился было в спор, но очень скоро оказалось, что они с Гаем говорят на разных языках, что понять друг друга им гораздо труднее, чем убеждённому коперниканцу понять убеждённого последователя Птолемея. Всё дело было в удивительных свойствах атмосферы этой планеты. Во-первых, необычайно сильная рефракция непомерно задирала горизонт и спокон веков внушала аборигенам, что их земля не плоская и, уж во всяком случае, не выпуклая — она вогнутая. «Встаньте на морском берегу, — рекомендовали школьные учебники, — и проследите за движением корабля, отошедшего от пристани. Сначала он будет двигаться как бы по плоскости, но чем дальше он будет уходить, тем выше он будет подниматься, пока не скроется в атмосферной дымке, заслоняющей остальную часть Мира». Во-вторых, атмосфера эта была весьма плотна и фосфоресцировала днём и ночью, так что никто никогда здесь не видел звёздного неба, а случаи наблюдения солнца были записаны в хрониках и служили основой для бесчисленных попыток создать теорию Мирового Света.

Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение тысячелетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать,

если судить по распространённому проклятию «массаракш», что дословно означало «мир наизнанку»; кроме того, Гай рассказал о чисто абстрактной математической теории, рассматривавшей Мир иначе. Теория эта возникла ещё в древние времена, преследовалась некогда официальной религией, имела своих мучеников, получила математическую стройность трудами гениальных математиков прошлого века, но так и осталась чисто абстрактной, хотя, как и большинство абстрактных теорий, нашла себе наконец практическое применение — совсем недавно, когда были созданы сверхдальнобойные снаряды.

Обдумав и сопоставив всё, что стало ему известно, Максим понял, во-первых, что всё это время выглядел здесь сумасшедшим и что недаром его ментограммы включены в шизоидное «Волшебное путешествие». Во-вторых, он понял, что до поры до времени он должен молчать о своём инопланетном происхождении, если не хочет вернуться к Бегемоту. Это означало, что обитаемый остров не придёт к нему на помощь, что рассчитывать он может только на себя, что постройка нуль-передатчика откладывается на неопределённое время, а сам он застрял здесь, по-видимому, надолго и, может быть — массаракш! — навсегда. Безнадёжность ситуации едва не сбила его с ног, но он стиснул зубы и принудил себя рассуждать чисто логически. Маме придётся пережить тяжёлое время. Ей будет безмерно плохо, и одна эта мысль отбивает всякую охоту рассуждать логически. «Будь он неладен, этот бездарный, замкнутый мир!.. Но у меня есть только два выхода: либо тосковать по невозможному и бессильно кусать локти, либо собраться и жить. По-настоящему жить, как я хотел жить всегда, — любить друзей, добиваться цели, драться, побеждать, терпеть поражения, получать по носу, давать сдачи — всё, что угодно, только не заламывать в отчаянии руки...» Он прекратил разговоры о строении Вселенной и принялся расспрашивать Гая об истории и социальном устройстве своего обитаемого острова.

С историей дело обстояло неважно. Гай имел из неё только отрывочные сведения, и серьёзных книг у него не было. В городской библиотеке серьёзных книг не оказалось тоже. Но можно было понять, что приютившая Максима страна была раньше значительно обширней и владела огромным количеством заморских колоний, из-за которых в конце концов и вспыхнула разрушительная война с ныне уже забытыми соседними государствами. Война эта охватила весь мир, погибли миллионы и миллионы, были разрушены тысячи городов, десятки малых и больших государств оказались сметены с лица земли, в мире и в стране воцарился хаос. Наступили дни жестокого голода и эпидемии. Попытки народных восстаний кучка

эксплуататоров подавляла ядерными снарядами. Страна и мир шли к гибели. Положение было спасено Огненосными Творцами. Судя по всему, это была анонимная группа молодых офицеров генерального штаба, которые в один прекрасный день, располагая всего двумя дивизиями, очень недовольными тем, что их направляют в атомную мясорубку, организовали путч и захватили власть. С тех пор положение в значительной степени стабилизировалось, и война утихла как-то сама собой, хотя мира никто ни с кем не заключал.

Максим понимал, что политическое устройство страны весьма далеко от идеального. Однако ясно было, что популярность Огненосных Творцов чрезвычайно велика, причём во всех слоях общества. Экономическая основа этой популярности оставалась Максиму непонятна, но дело было, очевидно, в том, что военная верхушка сумела укротить аппетиты промышленников, чем завоевала популярность у рабочих и привела в подчинение рабочих, чем завоевала популярность у промышленников. Впрочем, это были только догадки. Гаю, например, такая постановка вопроса вообще казалась диковинной: такое понятие, как «класс», для него не существовало, и противоречий между социальными группами он представить себе не мог...

Внешнее положение страны продолжало оставаться крайне напряжённым. К северу от неё располагались два больших государства — Хонти и Пандея, — бывшие не то провинции, не то колонии. Об этих странах никто ничего не знал, но было известно, что обе страны питают самые агрессивные намерения, непрерывно засылают диверсантов и шпионов, организуют инциденты на границах и готовят войну. Цель этой войны была Гаю неясна, да он никогда и не задавался таким вопросом. На севере были враги, с агентурой он дрался насмерть, и это ему было вполне достаточно.

К югу, за приграничными лесами, лежала пустыня, выжженная ядерными взрывами, образовавшаяся на месте целой группы стран, принимавших в военных действиях наиболее активное участие. О том, что происходит на этих миллионах квадратных километров, тоже не было известно ничего, да это никого и не интересовало. Южные границы подвергались непрерывным атакам колоссальных орд полудикарей-выродков, которыми кишели леса за рекой Голубая Змея. Проблема южных границ считалась чуть ли не важнейшей. Там было очень трудно, и именно там концентрировались отборные части Боевого Легиона. Гай прослужил в этих частях три года и рассказывал невероятные вещи.

Южнее пустыни, на другом конце единственного материка планеты, тоже могли сохраниться какие-то государства, но они не давали

о себе знать. Зато постоянно и неприятно давала о себе знать так называемая Островная Империя, обосновавшаяся на трёх мощных архипелагах антарктической зоны. Мировой Океан принадлежал ей. Радиоактивные воды бороздил огромный флот подводных лодок, вызывающе окрашенных в снежно-белый цвет, оснащённых по последнему слову истребительной техники, с бандами специально выдрессированных головорезов на борту. Жуткие, как призраки, белые субмарины держали под страшным напряжением прибрежные районы, производя неспровоцированные обстрелы и высаживая пиратские десанты. Этой белой угрозе также противостоял Легион.

Картина всемирного хаоса и разрушения потрясла Максима. Перед ним была планета-могильник, планета, на которой еле-еле теплилась разумная жизнь, и эта жизнь готова была окончательно погасить себя в любой момент.

Максим слушал Раду, её спокойные и страшные рассказы о том, как мать получила известие о гибели отца (отец, врач-эпидемиолог, отказался покинуть заражённый район, а у государства в те годы не было ни времени, ни возможностей бороться с эпидемией регулярными средствами, и на район была просто сброшена бомба); о том, как после смерти матери она, Рада, чтобы прокормить маленького Гая и совершенно беспомощного дядюшку Каана, по восемнадцать часов в сутки работала судомойкой на пересылочном пункте, потом уборщицей в роскошном притоне для спекулянтов, потом выступала в «женских бегах с тотализатором», потом сидела в тюрьме, правда недолго, но осталась без работы и несколько месяцев просила милостыню...

Максим слушал дядюшку Каана, когда-то крупного учёного, как в первый же год войны упразднили Академию наук, составили Его Императорского Величества Академии батальон; как во время голода сошёл с ума и повесился создатель эволюционной теории; как варили похлёбку из кузнечиков и сорной травы; как голодная толпа разгромила зоологический музей и захватила в пищу заспиртованные препараты...

Максим слушал Гая, его бесхитростные рассказы о строительстве башен противобаллистической защиты, как по ночам людоеды подкрадываются к строительным площадкам и похищают воспитуемых и сторожевых легионеров; как в темноте неслышными призраками нападают беспощадные упыри, полулюди, полужвери, полусобаки; слушал его восторженную хвалу системе ПБЗ, которая создавалась ценой невероятных лишений в последние годы войны, которая, по сути, и прекратила военные действия, защитив страну с воздуха,

которая и теперь является единственной гарантией безопасности от агрессии с севера... А эти мерзавцы устраивают нападения на отражательные башни, — продажные шкуры, убийцы женщин и детей, купленные на грязные деньги Хонти и Пандеи, выродки, мразь хуже всякого Крысолова... Нервное лицо Гая искажилось ненавистью. «Здесь самое главное, — говорил он, постукивая кулаком по столу, — и поэтому я пошёл в Легион, не на завод, не в поле, не в контору — в Боевой Легион, который сейчас спасает всё...»

Максим слушал жадно, как страшную, невозможную сказку, тем более страшную и невозможную, что всё это было на самом деле, что многое и многое из этого продолжало быть, а самое страшное и самое невозможное из этого могло повториться в любую минуту. Смешно и стыдно стало ему думать о собственных неурядицах, игрушечными сделались его собственные проблемы — какой-то там контакт, нуль-передатчик, ломанье рук...

Грузовики круто свернули в неширокую улицу с многоэтажными кирпичными домами, и Панди сказал: «Приехали». Прохожие на тротуаре шаркнулись к стенам, закрываясь от света фар. Грузовик остановился, над кабиной выдвинулась длинная телескопическая антенна.

— Выходи! — в один голос гаркнули командиры второй и третьей секции, и легионеры посыпались через борта.

— Первой секции остаться на месте! — скомандовал Гай.

Вскочившие было Панди и Максим снова сели.

— На тройки разберись! — орали капралы на тротуаре. — Вторая секция, вперёд! Третья секция, за мной! Вперёд, марш!

Прогрохотали подкованные сапоги, кто-то восторженно взвизгнул:

— Господа! Боевой Легион!

— Да здравствует Боевой Легион!

— Ура! — закричали бледные люди, прижимавшиеся к стенам, чтобы не мешать. Эти прохожие словно ждали здесь легионеров и теперь, дождавшись, радовались им, как лучшим друзьям.

Сидевший справа от Максима кандидат Зойза, совсем ещё мальчишка, длинный как жердь, с белёсым пухом на щеках, ткнул Максима острым локтем в бок и радостно подмигнул. Максим улыбнулся в ответ. Секции уже исчезли в подъездах; у дверей стояли только капралы, стояли твёрдо, надёжно, с неподвижными лицами под бортами набекрень. Хлопнула дверь кабины, и голос ротмистра Чачу прокаркал:

— Первая секция, выходи, стройся!

Максим прыжком перемахнул через борт. Когда секция построилась, ротмистр движением руки остановил Гая, подбежавшего с рапортом, подошёл к строю вплотную и скомандовал:

— Надеть каски!

Действительные рядовые словно ждали этой команды, а кандидаты несколько замешкались. Ротмистр, нетерпеливо постукивая каблуком, дождался, пока Зойза справится с подбородочным ремнём, и скомандовал «направо» и «бегом вперёд». Он сам побежал впереди, неуклюже-ловкий, сильно отмахивая покалеченной рукой, ведя секцию под тёмную арку во двор, узкий и мрачный, как колодец, свернул под другую арку, такую же мрачную и вонючую, и остановился перед облупленной дверью под тусклой лампочкой.

— Внимание! — каркнул он. — Первая тройка и кандидат Сим пойдут со мной. Остальные останутся здесь. Капрал Гаал, по свистку тройку ко мне наверх, на четвёртый этаж. Никого не выпускать, брать живыми, стрелять только в крайнем случае. Первая тройка и кандидат Сим, за мной!

Он толкнул облупленную дверь и исчез. Максим, обогнав Панди, кинулся следом. За дверью оказалась крутая каменная лестница с железными перилами, узкая, озарённая тусклым светом. Ротмистр резво, через три ступеньки, бежал вверх. Максим нагнал его и увидел в его руке пистолет. Тогда Максим на бегу снял с шеи автомат; на секунду он ощутил тошноту при мысли, что сейчас, может быть, придётся стрелять в людей, но отогнал эту мысль — это были не люди, это были животные, хуже усатого Крысолова, хуже пятнистых обезьян. Гнусная слякоть под ногами, мутный свет, захарканые стены подтверждали и поддерживали это ощущение.

Второй этаж. Кухонные ароматы, в щели приоткрытой двери испуганное старушечье лицо. С мявом шарахается из-под ног ополоумевшая кошка. Третий этаж. Какой-то болван оставил посередине площадки ведро с помоями. Ротмистр сшибает ведро, помои летят в пролёт. «Массаракш!..» — рычит снизу Панди. Парень и девушка, обнявшись, прижались в тёмном углу, лица у них испуганно-радостные. «Прочь, вниз!» — каркает на бегу ротмистр. Четвёртый этаж. Безобразная коричневая дверь с облезшей масляной краской, исцарапанная жестяная дощечка с надписью «Гобби, зубной врач. Приём в любое время». За дверью кто-то протяжно кричит. Ротмистр останавливается и хрипит: «Замок!» По его чёрному лицу катится пот. Максим не понимает. Набежавший Панди отталкивает его, приставляет дуло автомата к двери под ручкой и даёт очередь. Сыплются искры, летят куски дерева, и сейчас же, словно в ответ, за дверью глухо, сквозь

протяжный крик, хлопают выстрелы, снова с треском летят щепки, что-то горячее, плотное с гнусным визгом проносится у Максима над головой. Ротмистр распахивает дверь — там темно, жёлтые вспышки выстрелов озаряют клубы дыма. «За мной!» — хрипит ротмистр и ныряет головой вперёд навстречу вспышкам. Максим и Панди рвутся вслед за ним; дверь узкая, придавленный Панди коротко вякает. Коридор, духота, пороховой дым. Угроза слева. Максим выбрасывает руку, ловит горячий ствол, рвёт оружие от себя и вверх. Тихо, но ужасающе отчётливо хрустят чьи-то вывернутые суставы, большое мягкое тело застывает в безвольном падении. Впереди, в дыму, ротмистр каркает: «Не стрелять! Братъ живьём!» Максим бросает автомат и врывается в большую освещённую комнату. Здесь очень много книг и картин, и стрелять здесь не в кого. На полу корчатся двое мужчин. Один из них всё время кричит, уже охрип, но всё кричит. В кресле, откинув голову, лежит в обмороке женщина — белая до прозрачности. Комната полна болью. Ротмистр стоит над кричащим человеком и озирается, засовывая пистолет в кобуру. Сильно толкнув Максима, в комнату вваливается Панди, за ним легионеры волокут грузное тело того, кто стрелял. Кандидат Зойза, мокрый и взволнованный, без улыбки протягивает Максиму брошенный автомат. Ротмистр поворачивает к ним своё страшное чёрное лицо. «А где ещё один?» — каркает он, и в тот же момент падает синяя портьера, с подоконника тяжело соскакивает длинный худой человек в белом запятнанном халате. Он как слепой идёт на ротмистра, медленно поднимая два огромных пистолета на уровень стеклянных от боли глаз. «Ай!» — кричит Зойза...

Максим стоял боком, и у него не оставалось времени повернуться. Он прыгнул изо всех сил, но человек всё-таки успел один раз нажать на спусковые крючки. Максиму опалило лицо, пороховая гарь забила рот, а пальцы его уже сомкнулись на запястьях белого халата, и пистолеты со стуком упали на пол. Человек опустил на колени, уронил голову и, когда Максим отпустил его, мягко повалился ничком.

— Ну-ну-ну, — сказал ротмистр с непонятной интонацией. — Кладите этого сюда же, — приказал он Панди. — А ты, — сказал он бледному и мокрому Зойзе, — беги вниз и сообщи командирам секций, где я нахожусь. Пусть доложат, как у них дела. (Зойза щёлкнул каблуками и метнулся к двери.) Да! Передай Гаалу, пусть поднимается сюда... Перестань орать, мразь! — прикрикнул он на стонавшего человека и легонько стукнул его носком сапога в бок. — Э, бесполезно. Хлипкая дрянь, мусор... Обыскать! — приказал он Панди. — И положите их

всех в ряд. Тут же, на полу. И эту тоже, а то расселась в единственном кресле...

Максим подошёл к женщине, осторожно поднял её и перенёс на кровать. У него было смутно на душе. Не этого он ожидал. Теперь он и сам не знал, чего ожидал — жёлтых, оскаленных от ненависти клыков, злобного воя, свирепой схватки не на жизнь, а на смерть?.. Ему не с чем было сравнить свои ощущения, но он почему-то вспомнил, как однажды подстрелил тахорга и как это огромное, грозное на вид и беспощадное, по слухам, животное, провалившись с перебитым позвоночником в огромную яму, тихо,

жалобно плакало и что-то бормотало в смертной тоске, почти членораздельно...

— Кандидат Сим! — гаркнул ротмистр. — Я приказал — на пол!

Он смотрел на Максима своими жуткими прозрачными глазами, губы у него словно свело судорогой, и Максим понял: не ему судить здесь и определять, что верно и что неверно. Он ещё чужак, он ещё не знает их ненависти и их любви... Он поднял женщину и положил её рядом с грузным человеком, который стрелял в коридоре. Панди и второй легионер, пыхтя, старательно выворачивали карманы арестованных. А арестованные были без памяти. Все пятеро.

Ротмистр уселся в кресло, бросил на стол фуражку, закурил и пальцем поманил к себе Максима. Максим подошёл, браво щёлкнув каблуками.

— Почему бросил автомат? — негромко спросил ротмистр.

— Вы приказали не стрелять.

— Господин ротмистр.

— Так точно. Вы приказали не стрелять, господин ротмистр.

Ротмистр, прищурившись, пускал дым в потолок.

— Значит, если бы я приказал не разговаривать, ты бы откусил себе язык?

Максим промолчал. Разговор ему не нравился, но он хорошо помнил наставления Гая.

— Кто отец? — спросил ротмистр.

— Учёный, господин ротмистр.

— Жив?

— Так точно, господин ротмистр.

Ротмистр вынул изо рта сигарету и посмотрел на Максима.

— Где он?

Максим понял, что сболтнул. Надо было выкручиваться.

— Не знаю, господин ротмистр. Точнее, не помню.

— Однако то, что он учёный, ты помнишь... А что ты ещё помнишь?

— Не знаю, господин ротмистр. Помню многое, но капрал Гаал полагает, что это ложная память.

В коридоре слышались торопливые шаги, в комнату вошёл Гай и вытянулся перед ротмистром.

— Займись этими полугруппами, капрал, — сказал ротмистр. — Наручников хватит?

Гай поглядел через плечо на арестованных.

— С вашего разрешения, господин ротмистр, одну пару придётся взять во второй секции.

— Действуй.

Гай выбежал, а в коридоре уже опять топали сапоги, появились командиры секций и доложили, что операция проходит успешно, двое подозрительных уже взяты, жильцы, как всегда, оказывают активную помощь. Ротмистр приказал скорее заканчивать, а по окончании передать в штаб парольное слово «Тамба». Когда командиры секций вышли, он закурил новую сигарету и некоторое время молчал, глядя, как легионеры снимают со стеллажей книги, перелистывают их и бросают на кровать.

— Панди, — сказал он негромко, — займись картинами. Только вот с этой осторожнее, не попорти, я возьму её себе... — Затем он снова повернулся к Максиму. — Как ты её находишь? — спросил он.

Максим посмотрел. На картине был морской берег, высокая водная даль без горизонта, сумерки и женщина, выходящая из моря. Ветер. Свежо. Женщине холодно.

— Хорошая картина, господин ротмистр, — сказал Максим.

— Узнаёшь места?

— Никак нет. Этого моря я никогда не видел.

— А какое видел?

— Совсем другое, господин ротмистр. Но это ложная память.

— Вздор. Это же самое. Только ты смотрел не с берега, а с мостика, и под тобой была белая палуба, а позади, на корме, был ещё один мостик, только пониже. А на берегу была не эта баба, а танк, и ты наводил под башню... Знаешь ты, щенок, что это такое, когда

болванка попадает под башню? Массаракш... — прошипел он и раздавил окурок об стол.

— Не понимаю, — сказал Максим холодно. — Никогда в жизни ничего никуда не наводил.

— Как же ты можешь знать? Ты же ничего не помнишь, кандидат Сим!

— Я помню, что не наводил.

— Господин ротмистр!

— Помню, что не наводил, господин ротмистр. И я не понимаю, о чём вы говорите.

Вошёл Гай в сопровождении двух кандидатов. Они принялись надевать на задержанных тяжёлые наручники.

— Тоже ведь люди, — вдруг сказал ротмистр. — У них жёны, у них дети. Они кого-то любили, их кто-то любил...

Он говорил, явно издеваясь, но Максим сказал то, что думал:

— Да, господин ротмистр. Они, оказывается, тоже люди.

— Не ожидал?

— Да, — господин ротмистр. Я ожидал чего-то другого. — Краем глаза он видел, что Гай испуганно смотрит на него. Но ему уже до тошноты надоело врать, и он добавил: — Я думал, что это действительно выродки. Вроде голых пятнистых... животных.

— Голый пятнистый дурак, — веско сказал ротмистр. — Деревня. Ты не в лесу... Здесь они как люди. Добрые милые люди, у которых при сильном волнении отчаянно болит головка. «А у тебя не болит головка при волнении?» — спросил он неожиданно.

— У меня никогда ничего не болит, господин ротмистр, — ответил Максим. — А у вас?

— Что-о?

— У вас такой раздражённый тон, — сказал Максим, — что я подумал...

— Господин ротмистр! — каким-то дребезжащим голосом крикнул Гай. — Разрешите доложить... Арестованные пришли в себя.

Ротмистр поглядел на него и усмехнулся.

— Не волнуйся, капрал. Твой дружок показал себя сегодня настоящим легионером. Если бы не он, ротмистр Чачу валялся бы сейчас с пульей в башке... — Он закурил третью сигарету, поднял глаза к потолку и выпустил толстую струю дыма. — У тебя верный нюх, капрал. Я бы хоть сейчас произвёл этого молодчика в действительные рядовые... Массаракш, я бы произвёл его в офицеры! У него бригадирские замашки, он обожает задавать вопросы офицерам... Но я теперь очень хорошо тебя понимаю, капрал. Твой рапорт имел все основания. Так что... погодим пока производить его... — Ротмистр поднялся, тяжело ступая, обошёл стол и остановился перед Максимом. — Не будем даже производить его пока в действительные рядовые. Он хороший боец, но он ещё молокосос... Мы займёмся его воспитанием... Внимание! — заорал он вдруг. — Капрал Гаал, вывести арестованных! Рядовой Панди и кандидат Сим, забрать мою картину и всё, что здесь есть бумажного! Отнести ко мне в машину!

Он повернулся и вышел из комнаты. Гай укоризненно посмотрел на Максима, но ничего не сказал. Легионеры поднимали задержанных, пинками и тычками ставили их на ноги и вели к двери. Задержанные не сопротивлялись. Они были как ватные, они шатались, у них подгибались ноги. Грузный человек, стрелявший в коридоре,

громко постанывал и ругался шёпотом. Женщина беззвучно шевелила губами. У неё странно светились глаза.

— Эй, Мак, — сказал Панди, — возьми вон одеяло с кровати, заверни в него книжки, а если не хватит, возьми ещё и простыню. Как сложишь, тащи всё вниз, а я картину понесу... Да не забудь автомат, дурья голова! Ты думаешь, чего на тебя господин ротмистр взъелся? Автомат ты бросил. Разве можно оружие бросать? Да ещё в бою... Эх, ты!..

— Прекрати разговоры, Панди, — сердито сказал Гай, — бери картину и иди.

В дверях он обернулся к Максиму, постучал себя пальцем по лбу и скрылся. Было слышно, как Панди, спускаясь по ступенькам, во всё горло распевает «Уймись, мамаша». Максим вздохнул, положил автомат на стол и подошёл к груде книг, сваленных на кровать и на пол. Его вдруг осенило, что он здесь нигде ещё не видел такого количества книг, разве что в библиотеке. В книжных лавках книг было, конечно, тоже больше, но только по количеству, а не по названиям.

Книги были старые, с пожелтевшими страницами. Некоторые немного обгорели, а некоторые, к удивлению Максима, оказались ощутимо радиоактивными. Не было времени как следует рассмотреть их.

Максим упаковал два узла и несколько секунд постоял, оглядывая комнату. Пустые, перекошенные стеллажи, тёмные пятна там, где были картины, сами картины, выданные из рам, затоптанные... и никаких следов зубоврачебной техники. Он взял узлы и направился к двери, но потом вспомнил и вернулся за автоматом. На столе под стеклом лежали две фотографии. На одной — та самая прозрачная женщина, и на коленях у неё мальчик лет четырех с изумлённо раскрытым ртом, а женщина — молодая, удовлетворённая, гордая... На второй фотографии — красивая местность в горах, тёмные купы деревьев, старинная полуразрушенная башня... Максим закинул автомат за спину и вернулся к узлам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По утрам после завтрака бригада выстраивалась на плацу для зачитания приказов и развода на занятия. Это была самая тяжкая для Максима процедура, если не считать вечерних проверок. Зачтение любых приказов завершалось каждый раз настоящим пароксизмом восторга. Максим заставлял себя подавлять невольное отвращение к этому внезапному безумию, которое охватывало всю бригаду от командира до последнего кандидата; он ругал себя за скептицизм

инородца и чужака; старался вдохновиться сам, твердил мысленно, что должен понять и проникнуться. Но ему было очень трудно.

С детства воспитанный в правилах сдержанно-иронического отношения к себе, в неприязни к громким словам, он почти злился на товарищей по строю, на ребят, добрых, простодушных, отличных, в общем, ребят, когда они вдруг, после зачтения приказа о наказании тремя сутками карцера кандидата имярек за пререкания с действительным рядовым таким-то, разевали рты, теряли присущее им добродушие и чувство юмора и принимались восторженно реветь «ура», а потом запевали со слезами на глазах «Марш Боевого Легиона» и повторяли его дважды, трижды, а иногда и четырежды. При этом из бригадной кухни высыпали даже повара и с энтузиазмом подхватывали, неистово размахивая черпаками и ножами, благо были вне строя. Памятуя, что в этом мире надо быть, как все, Максим тоже пел и тоже старался утратить чувство юмора, и это ему удавалось, но было противно, потому что сам он никакого подъёма не испытывал, а испытывал одну лишь неловкость.

На этот раз взрыв энтузиазма последовал после приказа номер 127 о производстве действительного рядового Димбы в капралы, приказа номер 128 о вынесении благодарности кандидату в действительные рядовые Симу за проявленную в операции отвагу и приказа номер 129 о переводе казармы четвёртой роты на ремонт. Едва бригадный адъютант засунул листки приказов в кожаный планшет, как бригадир, сорвав с себя фуражку, набрал полную грудь воздуха и скрипучим фальцетом закричал: «Вперёд!.. Легионеры!.. Железные!..» И пошло, и пошло... Сегодня было особенно неловко, потому что Максим увидел, как по тёмным щекам ротмистра Чачу покатались слёзы. Легионеры ревели быками, отбивая такт прикладами на массивных ремённых пряжках. Чтобы не видеть этого и не слышать, Максим поплотнее зажмурился и взревел распалённым тахоргом, и голос его покрыл все голоса — во всяком случае, так ему казалось «Вперёд, бесстрашные!..» — ревел он, уже никого больше не слыша, кроме себя. До чего же идиотские слова... Наверное, какой-нибудь капрал сочинил. Нужно очень любить своё дело, чтобы ходить в бой с такими словами. Он открыл глаза и увидел стаю чёрных птиц, всполошённо и беззвучно мечущихся над плацем... «Алмазный панцирь не спасёт тебя, о враг...»

Потом всё кончилось так же внезапно, как и началось. Бригадир обвёл строй посоловевшими глазами, вспомнил, где он находится, и рыдающим, сорванным голосом скомандовал: «Господам офицерам развести роты на занятия!» Ребята, поматывая головами, оторопело косились друг на друга. Кажется, они ничего не соображали, и

ротмистру Чачу пришлось дважды крикнуть «равняйся!», прежде чем ряды приняли должный вид. Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку. Р-разой-дись!»

Разошлись. Гай построил свою секцию и распределил посты. Максиму с действительным рядовым Панди достался пост в допросной камере. Гай наскоро объяснил ему обязанности: стоять смирно справа и позади арестованного, при малейшей попытке арестованного подняться со скамьи — препятствовать силой, подчиняться непосредственно командиру бригады, старший — рядовой Панди... Короче говоря, смотри на Панди.

— Я бы тебя ни за что не поставил на этот пост, не положено кандидату, но господин ротмистр приказал... Ты держи ухо востро, Макс. Что-то я господина ротмистра не пойму. То ли он тебя хочет продвинуть поскорее — очень ты ему понравился в деле; вчера на разборе операции с командирами секций он много о тебе говорил, да и в приказ послал... То ли он тебя проверяет. Почему так — не знаю. Может быть, я виноват со своим рапортом, а может быть, ты сам со своими разговорчиками... — Он озабоченно оглядел Максима. — Почисти-ка ещё раз сапоги, подтяни ремень и надень парадные перчатки... Да, у тебя же нет, кандидатам не положено... Ладно, беги на склад, да живее, через тридцать минут выходим.

На складе Максим застал Панди, который менял треснувшую кокарду.

— Во, капрал! — сказал Панди, обращаясь к начальнику склада и хлопая Максима по плечу. — Видал? Девятый день парень в Легионе — и уже благодарность. В камеру его со мной поставили... Небось за белыми перчатками прибежал? Выдай ему хорошие перчатки, капрал, он заслужил. Парень — герой!

Капрал недовольно заворчал, полез в стеллажи, заваленные вещевым довольствием, бросил на прилавок перед Максимом несколько пар белых нитяных перчаток и сказал пренебрежительно:

— Герой!.. Это вы здесь с очумелыми герои. Конечно, когда у него от боли всё нутро потрескалось, подходи да клади его в мешок. Тут бы и мой дед героем был. Без рук, без ног...

Панди обиделся.

— Твой дед без памяти удрал бы, — сказал он, — если бы на него вот так с двумя пистолетами наскочили... Я было подумал, конец господину ротмистру...

— «Конец, конец» ... — брюзжал капрал. — Вот загремите через полгода на южную границу, тогда посмотрим, кто без памяти удирать будет...

Когда они вышли из склада, Максим спросил со всевозможной почтительностью (старина Панди любил почтительность):

— Господин Панди, почему у этих вырожденков такие боли? И у всех сразу. Как это так?

— От страху, — ответил Панди, для важности понизив голос. — Выродки, понимаешь? Читать тебе надо больше, Мак. Есть такая брошюра «Выродки, кто они и откуда». Прочти, а то как был ты дураком, так и останешься. На одной храбрости далеко не уедешь... — Он помолчал. — Вот мы волнуемся, например, злимся, скажем, или испугались — у нас ничего, только вспотеет разве или, скажем, поджилки затрясутся. А у них организм ненормальный, вырожденный. Злитесь он на кого-нибудь, или, например, струсил, или вообще — у него сразу сильные боли в голове и по всему телу. До беспомысленности. Понял? По такой особенности мы их узнаём и, конечно, задерживаем... берём... А хороши перчаточки, как раз на меня. Как ты полагаешь?

— Тесноваты они мне, господин Панди, — пожаловался Максим. — Давайте поменяемся: вы эти возьмите, а мне свои дайте, разношенные.

Панди был очень доволен. И Максим был очень доволен. И вдруг он вспомнил Фанка, как тот корчился в машине, катался от боли... и как его забрали патрульные легионеры. Только чего Фанк мог испугаться? И на кого он мог так злиться? Ведь он не волновался, спокойно вёл автомобиль, посвистывал, очень ему чего-то хотелось... вероятно, курить. Впрочем, он обернулся, увидел патрульную машину... Или это было после?... Да, он очень торопился, а фургон загорался... Может быть, он разозлился?... «Да нет, чего я выдумываю? Мало ли какие приступы бывают у людей... А задержали его за аварию. Интересно, однако, куда он меня вёз, и кто он такой? Фанка надо бы найти...»

Он начистил сапоги, привёл себя в совершенный порядок перед большим зеркалом, навесил на шею автомат, снова погляделся в зеркало, и тут Гай приказал строиться.

Придирчиво всех оглядев и проверив знание обязанностей, Гай побежал в ротную канцелярию доложить. Пока его не было, легионеры сыграли в «мыло», было рассказано три истории из солдатской жизни, которые Максим не понял из-за незнания некоторых специфических выражений; потом к Максиму пристали, чтобы он рассказал, откуда он такой здоровенный — это стало уже привычной шуткой

в секции, — и упросили его скатать в трубочку пару монеток на память. Затем из канцелярии вышел ротмистр Чачу в сопровождении Гая. Он тоже придиричиво всех осмотрел, отошёл, сказавши Гаю: «Веди секцию, капрал», и секция направилась к штабу.

В штабе ротмистр приказал действительному рядовому Панди и кандидату Симу следовать за собой, а Гай увёл остальных. Они вошли в небольшую комнату с плотно занавешенными окнами, пропахшую дымом курительных палочек. В далёком конце стоял огромный пустой стол, вокруг стола были расставлены трёхногие стулья, а на стене висела потемневшая картина, изображающая старинное сражение: лошади, щетинистые панцири из дранки, обнажённые пилообразные мечи и целый лес копий, похожих на вилы. В десяти шагах от стола и правее двери Максим увидел железное дырчатое сиденье. Единственная ножка под сиденьем была привинчена к полу здоровенными болтами.

— Встать по местам! — скомандовал ротмистр, прошёл вперёд и сел у стола.

Панди заботливо установил Максима справа и позади железного сиденья, сам встал слева и шёпотом приказал «смирно». И они с Максимом застыли. Ротмистр сидел, положив ногу на ногу, покуривал и безразлично разглядывал легионеров. Он был очень безразличен и равнодушен, однако Максим явственно чувствовал, что ротмистр самым внимательным образом наблюдает за ним, и только за ним.

Потом за спиной Панди распахнулась дверь. Панди мгновенно сделал два шага вперёд, шаг вправо и поворот налево. Максим тоже дёрнулся было, но сообразил, что он на дороге не стоит и к нему это не относится, а потому просто выкатил глаза подальше. Всё-таки было в этой взрослой игре что-то заразительное, несмотря на примитивность её и очевидную неуместность при бедственном положении обитаемого острова.

— Смирно! — гаркнул Панди.

Ротмистр поднялся, гася сигарету в пепельнице, и лёгким щёлканьем каблуков поприветствовал идущих к столу бригадира, какого-то незнакомого человека в штатском и бригадного адъютанта с толстой папкой под мышкой. Бригадир уселся за стол посередине, лицо у него было кислое, недовольное; он засунул палец подшитый воротник, оттянул и покрутил головой. Штатский, невзрачный маленький человек, плохо выбритый, с вялым желтоватым лицом, неслышно двигаясь, устроился рядом. Бригадный адъютант, не садясь, раскрыл папку и принялся перебирать бумаги, передавая некоторые бригадиру.

Панди, постояв немного как бы в нерешительности, теми же чёткими передвижениями вернулся на место. За столом негромко разговаривали. «Ты будешь сегодня в собрании, Чачу?» — спрашивал бригадир. «У меня дела», — ответил ротмистр, закуривая новую сигарету. «Напрасно. Сегодня там диспут». — «Поздно спохватились. Я уже высказался по этому поводу». — «Не лучшим образом, — мягко заметил ротмистру штатский. — Кроме того, меняются обстоятельства — меняются мнения». — «У нас в Легионе это не так», — сухо сказал ротмистр. «Право же, господа, — капризным голосом произнёс бригадир. — Давайте всё-таки встретимся сегодня в собрании...» — «Я слышал, свежие озёрные грибы привезли», — не переставая рыться в бумагах, сообщил адъютант. «В собственном соку, а? Ротмистр!» — поддержал его штатский. «Нет, господа, — сказал ротмистр. — У меня одно мнение, и я уже высказал его. А что касается озёрных грибов...» Он добавил ещё что-то непонятное, вся компания расхохоталась, а ротмистр Чачу с довольным видом откинулся на спинку стула. Потом адъютант перестал рыться в бумагах, нагнулся к бригадиру и что-то шепнул ему. Бригадир покивал. Адъютант сел и произнёс, обращаясь как бы к железному сиденью:

— Ноле Ренаду.

Панди толкнул дверь, высунулся и громко повторил в коридор:

— Ноле Ренаду!

В коридоре послышалось движение, и в комнату вошёл пожилой, хорошо одетый, но какой-то измятый и встрёпанный мужчина. Ноги у него слегка заплетались. Панди взял его за локоть и усадил на сиденье. Щёлкнула, закрываясь, дверь. Мужчина громко откашлялся, упёрся руками в колени и гордо поднял голову.

— Та-ак... — протянул бригадир, разглядывая бумаги, и вдруг зачастил скороговоркой: — Ноле Ренаду, пятьдесят шесть лет, домовладелец, член магистратуры... Та-ак... Член клуба «Ветеран» ... (Штатский зевнул, прикрывая рот рукой, вытянул из кармана пёстрый журнал, положил себе на колени и принялся перелистывать.) Задержан тогда-то там-то... при обыске изъято... та-ак... Что вы делали в доме номер восемь по улице Трубачей?

— Я владелец этого дома, — с достоинством сказал Ренаду. — Я совещался со своим управляющим.

— Документы проверены? — обратился бригадир к адъютанту.

— Так точно. Всё в порядке.

— Та-ак, — сказал бригадир. — Скажите, господин Ренаду, вам знаком кто-нибудь из арестованных?

— Нет, — сказал Ренаду. Он энергично потряс головой. — Каким образом?.. Впрочем, фамилия одного из них... Кетшеф... По-моему, у меня в доме живёт некий Кетшеф... А впрочем, не помню. Может быть, я ошибаюсь, а может быть, не в этом моём доме. У меня есть ещё два дома, один из них...

— Виноват, — перебил штатский, не поднимая глаз от журнала. — А о чём разговаривали в камере остальные арестованные, вы не обратили внимания?

— Э-э-э... — протянул Ренаду. — Должен признаться... У вас там... э-э-э... насекомые... Так вот мы главным образом о них... Кто-то шептался в углу, но мне было, признаться, не до того... Я предпочёл иметь дело с насекомыми, хе-хе!..

— Естественно, — согласился бригадир. — Ну что же, мы не извиняемся, господин Ренаду. Вот ваши документы, вы свободны... Начальник конвоя! — сказал он, повысив голос.

Панди распахнул дверь и крикнул:

— Начальник конвоя, к бригадиру!

— Ни о каких извинениях не может быть и речи, — важно произнёс Ренаду. — Виноват только я, я один... И даже не я, а проклятая наследственность... Вы разрешите? — обратился он к Максиму, указывая на стол, где лежали документы.

— Сидеть, — негромко сказал Панди.

Вошёл Гай. Бригадир передал ему документы, приказал вернуть господину Ренаду изъятое имущество, и господин Ренаду был отпущен.

— Раше Мусаи, — сказал адъютант железному сиденью.

— Раше Мусаи, — повторил Панди в открытую дверь.

Раше Мусаи оказался худым, совершенно замученным человеком в потрёпанном домашнем халате и в одной туфле. Едва он сел, как бригадир, налившись кровью, заорал: «Скрываешься, мерзавец?» — на что Раше Мусаи принялся многословно и путано объяснять, что он совсем не скрывается, что у него больная жена и трое детей, что у него за квартиру не плачено, что его уже два раза задерживали и отпускали, что работает он на фабрике, мебельщик, что ни в чём не виноват. И Максим уже ожидал, что его выпустят, но бригадир вдруг встал и объявил, что Раше Мусаи, сорока двух лет, женатый, имеющий два задержания, приговаривается, согласно закону о профилактике, к семи годам. Примерно минуту Раше Мусаи осмысливал этот приговор, а затем разыгралась ужасная сцена. Несчастный мебельщик плакал, несвязно умолял о прощении, пытался падать на колени и

продолжал кричать и плакать, пока Панди выволакивал его в коридор. И Максим снова поймал на себе взгляд ротмистра Чачу.

— Киви Попшу, — сказал адъютант.

В дверь втокнули плечистого парня, с лицом, изуродованным какой-то кожной болезнью. Парень оказался квартирным вором-рецидивистом, был захвачен на месте преступления и держался нагло-заискивающе. Он то принимался молить господ начальников не предавать его лютой смерти, то вдруг истерически хихикал, отпускал остроты и затевал рассказывать истории из своей жизни, которые все начинались одинаково: «Захожу я в один дом...» Он никому не давал говорить. Бригадир после нескольких безуспешных попыток задать вопрос откинулся на спинку стула и возмущённо поглядел направо и налево от себя. Ротмистр Чачу сказал ровным голосом:

— Кандидат Сим, заткни ему пасть.

Максим не знал, как затыкают пасть, поэтому он просто взял Киви Попшу за плечо и встряхнул. У Киви Попшу лязгнули челюсти, он прикусил язык и замолчал. Тогда штатский, давно уже с интересом наблюдавший арестованного, произнёс:

— Этого я возьму. Пригодится.

— Прекрасно! — сказал бригадир и приказал отправить Киви Попшу обратно в камеру.

Когда парня вывели, адъютант сказал:

— Вот и весь мусор. Теперь пойдёт группа.

— Начинайте прямо с руководителя, — посоветовал штатский. — Как там его — Кетшеф?

Адъютант заглянул в бумаги и сказал железному сиденью:

— Гэл Кетшеф.

Ввели знакомого — человека в белом халате. Он был в наручниках и поэтому держал руки перед собой, неестественно вытянув их. Глаза у него были красные, лицо отекло. Он сел и стал смотреть на картину поверх головы бригадира.

— Ваше имя — Гэл Кетшеф? — спросил бригадир.

— Да.

— Зубной врач?

— Был.

— В каких отношениях находитесь с зубным врачом Гобби?

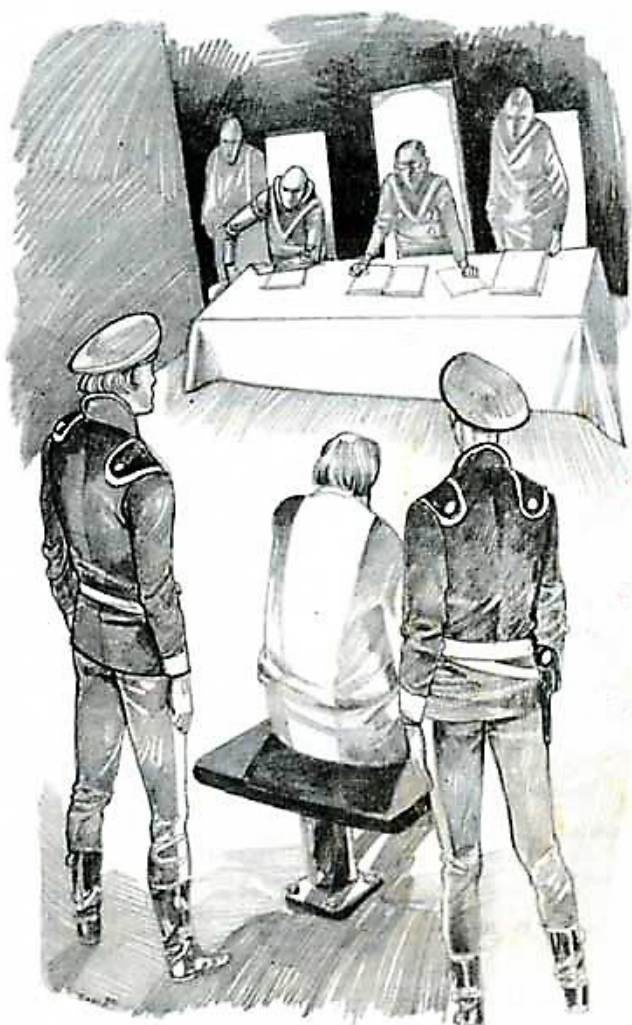
— Купил у него практику.

— Почему же не практикуете?

— Продал кабинет.

— Почему?

— Стеснённые обстоятельства, — сказал Кетшеф.

— В каких отношениях находитесь с Орди Тадер?

— Она моя жена.

— Дети есть?

— Был. Сын.

— Где он?

— Не знаю.

— Чем занимались во время войны?

— Воевал.

— Почему решили заняться антигосударственной деятельностью?

— Потому что в истории мира не было более отвратительного государства, — сказал Кетшеф. — Потому что любил свою жену и своего ребёнка. Потому что вы убили моих друзей и растлили мой народ. Потому что всегда ненавидел вас. Достаточно?

— Достаточно, — спокойно сказал бригадир.

— Более чем достаточно.

Скажите нам лучше, сколько вам платят хонтийцы? Или вам платит Пандея?

Человек в белом халате засмеялся. Жуткий это был смех, так мог бы смеяться мертвец.

— Кончайте эту комедию, бригадир, — сказал он. — Зачем это вам?

— Вы руководитель группы?

— Да. Был.

— Кого вы можете назвать из членов организации?

— Никого.

— Вы уверены? — спросил вдруг человек в штатском.

— Да.

— Видите ли, Кетшеф, — мягко сказал человек в штатском, — вы находитесь в крайне тяжёлом положении. Мы знаем о вашей группе всё. Мы даже знаем кое-что о связях вашей группы. Вы должны понимать, что эта информация получена нами от какого-то лица, и теперь только от нас зависит, какое имя будет у этого лица — Кетшеф или какое-нибудь другое...

Кетшеф молчал, опустив голову.

— Вы! — каркнул ротмистр Чачу. — Вы, бывший боевой офицер! Вы понимаете, что вам предлагают? Не жизнь, массаракш! Честь!

Кетшеф опять засмеялся, закашлялся, но ничего не сказал. Максим чувствовал, что этот человек ничего не боится. Ни смерти, ни позора. Он уже всё пережил. Он уже считает себя мёртвым и опозоренным... Бригадир пожал плечами, поднялся и объявил, что Гэл Кетшеф, пятидесяти лет, женатый, зубной врач, приговаривается на основании закона об охране общественного здоровья к уничтожению. Срок исполнения приговора — сорок восемь часов. Приговор может быть заменён в случае согласия приговорённого дать показания.

Когда Кетшефа вывели, бригадир с неудовольствием сказал штатскому: «Не понимаю тебя. По-моему, он разговаривал довольно охотно. Типичный болтун — по вашей же классификации. Не понимаю...» Штатский засмеялся: «Вот потому-то, дружище, ты командуешь бригадой, а я... а я — у себя». — «Всё равно, — обиженно сказал бригадир. — Руководитель группы... склонен пофилософствовать... Не понимаю». — «Дружище, — сказал штатский. — Ты видел когда-нибудь философствующего покойника?» — «А, вздор...» — «А всё-таки?» — «Может быть, ты видел?» — спросил бригадир. «Да, только что, — сказал штатский веско. — И заметь, не в первый раз... Я жив, он мёртв — о чём нам говорить? Так, кажется, у Верблибена?..» Ротмистр Чачу вдруг поднялся, подошёл вплотную к Максиму и прошипел ему в лицо снизу вверх: «Как стоишь, кандидат? Куда смотришь? Смир-рна! Глаза перед собой! Не бегать глазами!» Несколько секунд он, шумно дыша, разглядывал Максима — зрачки его бешено сужались и расширялись, — потом вернулся на своё место и закурил.

— Так, — сказал адъютант. — Остались: Орди Тадер, Мемо Грамену и ещё двое, которые отказались себя назвать.

— Вот с них и начнём, — предложил штатский.

— Номер семьдесят три — тринадцать, — сказал адъютант.

Номер семьдесят три — тринадцать вошёл и сел на табурет. Он тоже был в наручниках, хотя одна рука у него была искусственная, сухой, жилистый человек с болезненно толстыми, распухшими от кусков губами.

- Ваше имя? — спросил бригадир.
- Которое? — весело спросил однорукий.

Максим даже вздрогнул: он был уверен, что однорукий будет молчать.

- У вас их много? Тогда назовите настоящее.
- Настоящее моё имя — номер семьдесят три — тринадцать.
- Та-ак... Что вы делали в квартире Кетшефа?
- Лежал в обмороке. К вашему сведению, я это очень хорошо умею. Хотите, покажу?
- Не трудитесь, — сказал человек в штатском. Он был очень зол.
- Вам ещё понадобится это умение.

Однорукий вдруг захохотал. Он смеялся громко, звонко, как молодой, и Максим с ужасом понял, что он смеётся искренне. Люди за столом молча, словно окаменев, слушали этот смех.

— Массаракш! — сказал наконец однорукий, вытирая слёзы плечом. — Ну и угроза!.. Впрочем, вы ещё молодой человек... Вашу работу нужно делать по возможности сухо, казённо — за деньги. Это производит на подследственного огромное впечатление. Ужасно, когда тебя пытается не враг, а чиновник. Вот посмотрите на мою левую руку. Мне её отпилили специалисты его императорского величества в три приёма, и каждый акт сопровождался обширной перепиской... Палачи выполняли тяжёлую, неблагодарную работу, им было скучно, они пилили мою руку и ругали нищенские оклады. И мне было страшно. Только очень большим усилием воли я удержался тогда от болтовни. А сейчас... Я же вижу, как вы меня ненавидите. Вы — меня, я — вас. Прекрасно! Но вы меня ненавидите меньше двадцати лет, а я вас — больше тридцати. Вы тогда ещё пешком под стол ходили и мучили кошек, молодой человек...

— А-а, — сказал штатский. — Старая ворона. Я думал, вас уже всех перебили.

— И не надейтесь, — возразил однорукий. — Надо всё-таки разбираться в мире, где вы живёте... А то и разговаривать с вами не о чём...

— По-моему, достаточно, — сказал бригадир, обращаясь к штатскому.

Тот быстро написал что-то на журнале и дал бригадиру прочесть. Бригадир очень удивился, побарабанил пальцами по подбородку и с сомнением поглядел на штатского. Штатский улыбнулся. Тогда бригадир пожал плечами, подумал и обратился к ротмистру:

- Свидетель Чачу, как вёл себя обвиняемый при аресте?
- Валялся на полу, — мрачно ответил ротмистр.

— То есть сопротивления он не оказывал... Та-ак... — Бригадир ещё немного подумал, поднялся и огласил приговор: — Обвиняемый номер семьдесят три — тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, впредь до исполнения приговора обвиняемый имеет пребывать в ссылке на воспитании.

На лице ротмистра Чачу проступило презрительное недоумение, а однурукий, когда его выводили, тихонько смеялся и тряс головой, как бы говоря: «Ну и ну!»

Затем был введён номер семьдесят три — четырнадцать. Это был тот самый человек, который кричал, корчась на полу. Он был полон страха, но держался вызывающе. Прямо с порога он крикнул, что отвечать не будет и снисхождения не желает. Он действительно молчал и не ответил ни на один вопрос, даже на вопрос штатского: нет ли жалоб на дурное обращение? Кончилось тем, что бригадир посмотрел на штатского и вопросительно мыкнул. Штатский кивнул и сказал: «Да, ко мне». Он казался очень довольным.

Потом бригадир перебрал оставшиеся бумаги и сказал:

— Пойдёмте, господа, поедим. Невозможно...

Суд удалился, а Максиму и Панди разрешили стоять вольно. Когда ротмистр тоже вышел, Панди возмущённо сказал:

— Видал гадов? Хуже змей, ей-богу. Главное ведь, что? Не боли у них головы, ну как бы ты узнал, что они выродки? Подумать страшно, что бы тогда было...

Максим промолчал. Говорить ему не хотелось. Картина мира, ещё сутки назад казавшаяся такой логичной и отчётливой, сейчас размылась, потеряла очертания. Впрочем, Панди не нуждался в репликах. Снявши, чтобы не запачкать, перчатки, он извлёк из кармана кулёк с жареными орешками, угостил Максима и принялся рассказывать, как он не терпит этот пост. Во-первых, страшно было заразиться от выродков. Во-вторых, некоторые из них, вроде этого однурукого, вели себя ну до того нагло, что сил нет как хотелось дать по шее. Один раз он вот так терпел-терпел, а потом и дал — чуть в кандидаты не разжались. Спасибо ротмистру, отстоял. Засадил только на двадцать суток и ещё сорок суток без увольнения...

Максим грыз орешки, слушал вполуха и молчал. «Ненависть, — думал он. — Те ненавидят этих, эти ненавидят тех. За что? Самое отвратительное государство... Почему? Откуда он это взял?.. Растлили народ... Как? Что это может значить?.. И этот штатский... Не может быть, чтобы он намекал на пытки. Это же было давно, в средние века... Впрочем, фашизм. Да. Гитлер. Освенцим. Расовая теория, геноцид. Мировое господство. Гай — фашист? И Рада? Нет, не похоже...

Господин ротмистр? Гм... Хорошо бы понять, какая существует связь между больной головой и пристрастием к неповиновению властям. Почему систему ПБЗ стремятся разрушить только выродки? И при этом даже не все выродки?»

— Господин Панди, — сказал он, — а хонтийцы — это всё выродки, вы не слышали?

Панди глубоко задумался.

— Как тебе... понимаешь... — произнёс наконец он. — Мы в основном насчёт выроdkов как городских, так и диких, которые в лесах. А что там в Хонти или, скажем, ещё где, — этому, наверно, армейцев обучают. Главное, что ты должен знать, что хонтийцы есть злейшие внешние враги нашего государства. До войны они нам подчинялись, а теперь злобно мстят... Вот и всё. Понял?

— Более или менее, — сказал Максим, и Панди сейчас же закатил ему выговор: в Легионе так не отвечают, в Легионе отвечают «так точно» или «никак нет», а «более или менее» есть выражение штатское, это капраловой сестрёнке можешь так отвечать, а здесь служба, здесь так нельзя...

Вероятно, он долго ещё разглагольствовал бы, тема была благодарная, близкая его сердцу, и слушатель был внимательный, почтительный, но тут вернулись господа офицеры. Панди замолчал на полуслове, прошептал «смирно» и, совершив необходимые эволюции между столом и железной табуреткой, застыл. Максим тоже застыл.

Господа офицеры были в прекрасном настроении. Ротмистр Чачу громко и с пренебрежительным видом рассказывал, как в девяносто шестом они лепили сырое тесто прямо на раскалённую броню и пальчики облизывали. Бригадир и штатский возражали, что боевой дух боевым духом, но кухня Боевого Легиона должна быть на высоте, и чем меньше консервов, тем лучше. Адьютант, полузакрыв глаза, вдруг принялся цитировать наизусть какую-то поваренную книгу, и все замолчали и довольно долго слушали его со странным умилением на лицах. Потом адъютант захлебнулся и закашлялся, а бригадир, вздохнув, сказал:

— Да... Но надо, однако, кончать.

Адьютант, всё ещё кашляя, раскрыл папку, покопался в бумагах и произнёс сдавленным голосом:

— Орди Тадер.

И вошла женщина, такая же белая и почти прозрачная, как и вчера, словно она всё ещё была в обмороке; но когда Панди, по обыкновению, протянул руку, чтобы взять её за локоть и усадить, она резко отстранилась от него, как от гадины, и Максиму почудилось, что она

сейчас ударит. Она не ударила, у неё были скованы руки, она только отчётливо произнесла:

— Не тронь, подлец! — обошла Панди и села.

Бригадир задал ей обычные вопросы. Она не ответила. Штатский напомнил ей о ребёнке, о муже, и ему она тоже не ответила. Она сидела выпрямившись; Максим не видел её лица, видел только напряжённую, худую шею под растрёпанными светлыми волосами. Потом она вдруг сказала спокойным низким голосом:

— Вы все отъявленные мерзавцы. Убийцы. Вы все умрёте. Ты, бригадир, я тебя не знаю, я тебя вижу в первый и последний раз. Ты умрёшь скверной смертью. Не от моей руки, к сожалению, но очень, очень скверной смертью. И ты, кровавый подонок. Двоих таких, как ты, я прикончила сама. Я бы сейчас убила тебя, я бы до тебя добралась, если бы не эти подлецы у меня за спиной... — Она перевела дыхание. — И ты, черномордый, пушечное мясо, ты ещё попадёшься к нам в руки. Но ты умрёшь просто. Гэл промахнулся, но я знаю людей, которые не промахнутся...

Они не перебивали её, они внимательно слушали. Можно было подумать, что они готовы слушать её часами, а она вдруг поднялась и шагнула к столу, но Панди поймал её за плечо и бросил обратно на сиденье. Тогда она плюнула изо всех сил, но плевок не долетел до стола, и она вдруг обмякла и заплакала. Некоторое время они смотрели, как она плачет. Потом бригадир встал и приговорил её к уничтожению в сорок восемь часов, и Панди взял её за локоть и вышвырнул за дверь, а штатский сильно потёр руки, улыбнулся и сказал: «Это удача. Отличное прикрытие». А бригадир ответил ему: «Благовари ротмистра». А ротмистр Чачу сказал только: «Языки», — и все замолчали.

Потом адъютант вызвал Мемо Грамену, и с этим совсем уже не церемонились. Это был человек, который стрелял в коридоре. С ним всё было ясно: при аресте он оказал вооружённое сопротивление, и ему даже не задавали вопросов. Он сидел грузный, сторбленный, и пока бригадир зачитывал ему смертный приговор, он равнодушно глядел в потолок, нянча левой рукой правую, вывихнутые пальцы которой были обмотаны тряпкой. Максиму почудилось в нём какое-то противоестественное спокойствие, какая-то деловитая уверенность, холодное равнодушие к происходящему, но он не сумел разобраться в своих ощущениях...

Грамену не успели ещё вывести, а адъютант уже с облегчением складывал бумаги в папку, бригадир затеял со штатским разговор о порядке чиновного производства, а ротмистр Чачу подошёл к Панди и

Максиму и приказал им идти. В его прозрачных глазах Максим ясно увидел издёвку и угрозу, но не захотел думать об этом. С каким-то отчуждённым любопытством и сочувствием он думал о том человеке, которому предстоит убить женщину. Это было чудовищно, это было невозможно, но кому-то предстояло это сделать в ближайшие сорок восемь часов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гай переоделся в пижаму, повесил мундир в шкаф и повернулся к Максиму. Кандидат Сим сидел на своём диванчике, который Рада поставила ему в свободном углу; один сапог он стянул и держал в руке, а за другой ещё не принимался. Глаза его были устремлены в стену, рот приоткрыт. Гай подкрался сбоку и щёлкнул его по носу. И, как всегда, промахнулся — в последний момент Мак отдёрнул голову.

— О чём задумался? — игриво спросил Гай. — Горюешь, что Рады нет? Тут тебе, брат, не повезло, у неё сегодня дневная смена.

Мак слабо улыбнулся и принялся за второй сапог.

— Почему — нет? — сказал он рассеянно. — Ты меня не обманешь... — Он снова замер. — Гай, — сказал он, — ты всегда говорил, что они работают за деньги...

— Кто? Выродки?

— Да. Ты об этом часто говорил — и мне, и ребятам... Платные агенты хонтийцев... И ротмистр всё время об этом твердит, каждый день одно и то же...

— Как же иначе? — сказал Гай. Он решил, что Мак опять заводит разговор об однообразии. — Ты всё-таки чудачина, Мак. Откуда у нас могут появиться какие-то новые слова, если всё остаётся по-старому? Выродки как были выродки, так и остались. Как они получали деньги от врага, так и получают. Вот в прошлом году, например, накрыли одну компанию за городом — у них целый подвал был набит денежными мешками. Откуда у честного человека могут быть такие деньги? Они не промышленники, не банкиры...

Мак аккуратно поставил сапоги у стены, встал и принялся расстёгивать комбинезон.

— Гай, — сказал он, — у тебя бывает так, что говорят тебе про человека одно, а ты смотришь на этого человека и чувствуешь: не может этого быть. Ошибка. Путаница.

— Бывало, — сказал Гай, нахмурившись. — Но если ты о выродках...

— Да, именно о них. Я сегодня на них смотрел. Это люди как люди, разные, получше и похуже, смелые и трусливые, и вовсе не звери, как я думал... и как вы все считаете... погоди, не перебивай. И не знаю я, приносят они вред или не приносят, то есть, судя по всему, приносят, но я не верю, что они куплены.

— Как это не веришь? — сказал Гай, хмурясь ещё сильнее. — Ну, предположим, мне ты можешь не верить, я человек маленький. Ну, а господину ротмистру? А бригадиру?

Максим сбросил комбинезон, подошёл к окну и стал смотреть на улицу, прижавшись лбом к стеклу и держась обеими руками за раму.

— А если они ошибаются? — проговорил он наконец.

— Ошибаются... — с недоумением повторил Гай, глядя ему в голую спину. — Кто ошибается? Господин бригадир? Вот чудак...

— Ну, пусть, — сказал Мак, оборачиваясь. — Мы не о нём сейчас говорим. Мы говорим о вырождаках. Вот ты, например... Ты ведь умрёшь за своё дело?

— Умру, — сказал Гай. — И ты умрёшь.

— Правильно! Умрём. Но ведь за дело умрём — не за паёк легионерский и не за деньги. Дайте мне хоть тысячу миллионов ваших бумажек, не соглашусь я ради этого идти на смерть!.. Неужели ты согласишься?

— Нет, конечно, — сказал Гай. «Чудачина этот Мак, вечно что-нибудь выдумает...»

— Ну?

— Что — ну?

— Ну как же! — сказал Мак с нетерпением. — Ты за деньги не согласен умирать. Я за деньги не согласен умирать. А вырождаки, значит, согласны! Что за чепуха!

— Так-то вырождаки! — сказал Гай проникновенно. — На то они и вырождаки! Им деньги дороже всего, у них нет ничего святого. Им ничего не стоит ребёнка задушить — бывали такие случаи... Ты пойми: если человек старается уничтожить систему ПБЗ, что это может быть за человек? Это же хладнокровный убийца!

— Не знаю, не знаю, — сказал Мак. — Вот их сегодня допрашивали. Если бы они назвали сообщников, могли бы остаться живы, отделались бы каторгой... А они не назвали! Значит, сообщники им дороже, чем деньги? Дороже, чем жизнь?

— Это ещё неизвестно, — возразил Гай. — Они по закону все приговорены к смерти, без всякого суда, ты же видел, как их судят.

Он смотрел на Мака и видел, что друг его колеблется, растерян. Доброе у него сердце, зелен ещё, не понимает, что жестокость с врагом

неизбежна. Трахнуть бы кулаком по столу да прикрикнуть, чтобы молчал, не болтал зря, не молол бы глупостей, а слушал старших, пока не научился разбираться сам. Но ведь Мак не дубина какая-нибудь необразованная, ему нужно только объяснить, как следует, и он поймёт...

— Нет! — упрямо сказал Мак. — Ненавидеть за деньги нельзя. А они ненавидят... так ненавидят нас, я даже и не знал, что люди могут так ненавидеть. Ты их ненавидишь меньше, чем они тебя. И вот я хотел бы знать: за что?

— Вот послушай, — сказал Гай. — Я тебе ещё раз объясню. Во-первых, они выродки. Они вообще ненавидят всех нормальных людей. Они по природе злобны, как крысы. А потом, мы им мешаем! Они хотели бы сделать своё дело, получить денежки и жить себе припеваючи. А мы им говорим: стоп! Руки за голову! Что ж они, любить нас должны за это?

— Если они все злобны, как крысы, почему же тогда этот... домовладелец... не злобный? Почему его отпустили, если все они подкуплены?

Гай засмеялся.

— Домовладелец — трус. Таких тоже хватает. Ненавидят нас, но боятся. Таким выгоднее жить с нами в дружбе... А потом, он домовладелец, богатый человек, его так просто не подкупишь. Это тебе не зубной врач... Смешной ты, Мак, как ребёнок! Люди ведь не бывают одинаковые, и выродки не бывают одинаковые...

— Это я уже знаю, — нетерпеливо прервал Мак. — Но вот, кстати, о зубном враче. То, что он неподкупен, за это я головой ручаюсь. Я не могу тебе это доказать, я это чувствую. Это очень смелый и хороший человек...

— Выродок!

— Хорошо. Это смелый и хороший выродок. Я видел его библиотеку. Это очень знающий человек. Он знает в тысячу раз больше, чем ты или ротмистр... Почему он против нас? Если всё так, как ты говоришь, почему он не знает этого — образованный, культурный человек? Почему он на пороге смерти говорит нам в лицо, что он за народ и против нас?

— Образованный выродок — это выродок в квадрате, — сказал Гай поучающе. — Как выродок он нас ненавидит. А образование помогает ему эту ненависть обосновать и распространить. Образование — это, дружок, тоже не всегда благо. Это как автомат — смотря в чьих руках...

— Образование — всегда благо, — сказал Мак.

— Ну уж нет. Я бы предпочёл, чтобы хонтийцы все были необразованные. Тогда бы мы, по крайней мере, могли жить как люди, а не ждать всё время смертельного удара. Мы бы их живо усмирили.

— Да, — сказал Мак с непонятной интонацией. — Усмирять мы умеем. Жестокости нам не занимать.

— И опять ты как ребёнок. Мы бы и рады уговорами обойтись, и дешевле бы это было, и без кровопролития. А что прикажешь? Если их никак не переубедить...

— Значит, они убеждены? — прервал его Мак. — Значит, убеждены? А если знающий человек убеждён, что он прав, то, при чём тут хонтийские деньги...

Гаю надоело. Он хотел уже, как к последнему средству, прибегнуть к Кодексу Творцов и покончить с этим бесконечным глупым спором, но тут Мак перебил сам себя, махнул рукой и крикнул:

— Рада! Хватит спать! Легионеры проголодались и скучают по женскому обществу!

К огромному изумлению Гая, из-за ширмы послышался голос Рады:

— А я давно не сплю. Вы тут раскричались, господа легионеры, как у себя на плацу.

— Ты почему дома? — гаркнул Гай.

Рада, запахивая халатик, вышла из-за ширмы.

— Меня рассчитали, — объявила она. — Мамаша Тэй закрыла своё заведение, наследство получила и собирается в деревню. Но она меня уже рекомендовала в хорошее место... Мак, почему у тебя всё разбросано? Прибери в шкаф. Мальчики, я же просила вас не ходить в комнату в сапогах! Где твои сапоги, Гай?.. Накрывайте на стол, сейчас будем обедать... Мак, ты похудел. Что они там с тобой делают?

— Давай, давай! — сказал Гай. — Неси обед...

Она показала ему язык и вышла. Гай взглянул на Мака. Мак смотрел ей вслед со своим обычным добрым выражением.

— Что, хороша девочка? — спросил Гай и испугался: лицо Мака вдруг окаменело. — Ты что?

— Слушай, — сказал Мак. — Всё можно. Даже пытаться, наверное, можно. Вам виднее. Но женщин расстреливать... женщин мучать... — Он схватил свои сапоги и пошёл из комнаты.

Гай крикнул, сильно почесал обеими руками затылок и принялся накрывать на стол. От всего этого разговора у него остался неприятный осадок. Какая-то раздвоенность. Конечно, Мак ещё зелен и не от мира сего. Но как-то опять у него всё удивительно получилось. Логик

он, вот что, логик замечательный. Вот ведь сейчас — чепуху же порол, но как у него всё логично выстроилось!

Гай вынужден был признаться, что, если бы не этот разговор, сам он вряд ли дошёл бы до очень простой, в сущности, мысли: главное в выродах то, что они выродки. Отними у них это свойство, и все остальные обвинения против них превращаются в чепуху. Да, всё дело в том, что они выродки и ненавидят всё нормальное. Этого достаточно, и можно обойтись без хонтийского золота... А хонтийцы что — тоже, значит, выродки? Этого нам не говорили. А если они не выродки, тогда наши выродки должны их ненавидеть, как и нас... А, массаракш! Будь она проклята, эта логика!..

Когда Мак вернулся, Гай набросился на него:

— Откуда ты знал, что Рада дома?

— Ну как — откуда? Это и так было ясно...

— А если тебе было ясно, так почему ты меня не предупредил? И почему ты, массаракш, распускаешь язык при посторонних? Тридцать три раза, массаракш...

Мак тоже разозлился:

— Это кто здесь посторонний, массаракш? Рада? Да вы все со своими ротмистрами для меня более посторонние, чем Рада!

— Массаракш! Что в уставе сказано о служебной тайне?

— Массаракш и массаракш! Что ты ко мне пристал? Я же не знал, что ты не знаешь, что она дома! Я думал, ты меня разыгрываешь! И потом, о каких таких служебных тайнах мы тут говорили?

— Всё, что касается службы...

— Провалитесь вы со своей службой, которую нужно скрывать от родной сестры! И вообще от кого бы то ни было, массаракш! Поразвели секретов в каждом углу, повернуться негде, рта не раскрыть!

— И ты же ещё на меня орёшь! Я тебя, дурака, учу, а ты на меня орёшь!..

Но Мак уже перестал злиться. Он вдруг мгновенно оказался рядом; Гай не успел пошевелиться — сильные руки сдавили ему бока, комната завертелась перед глазами, и потолок стремительно надвинулся. Гай придушенно ахнул, а Мак, бережно неся его над головой в вытянутых руках, подошёл к окну и сказал:

— Ну, куда тебя девать с твоими тайнами? Хочешь за окно?

— Что за дурацкие шутки, массаракш! — закричал Гай, судорожно размахивая руками в поисках опоры.

— Не хочешь за окно? Ну ладно, оставайся...

Гая поднесли к ширме и вывалили на кровать Рады. Он сел, поправил задравшуюся пижаму и проворчал:

— Зверь здоровенный...

Он тоже больше не сердился. Да и не на кого было сердиться, разве что на выроdkов...

Они принялись накрывать на стол. Потом пришла Рада с кастрюлей супа, а за нею, дядюшка Каан со своей заветной флягой, которая одна только, по его заверениям, спасала его от простуды и других старческих болезней. Уселись, принялись за суп. Дядюшка выпил рюмку, потянул носом воздух и принялся рассказывать про своего врага, коллегу Шапшу, который опять написал статью о назначении такой-то кости у такой-то древней ящерицы, причём вся статья была построена на глупости, ничего, кроме глупости, не содержала и рассчитана была на глупцов...

У дядюшки Каана все были глупцы. Коллеги по кафедре — глупцы, одни старательные, другие обленившиеся. Ассистенты — болваны от рождения, коим место в горах пасти скотину, да и то, говоря, по правде, неизвестно, справятся ли. Что же касается студентов, то молодёжь сейчас вообще словно подменили, а в студенты к тому же идёт самая отборная дурость, которую рачительный предприниматель не подпустил к станкам, а знающий командир отказался принять в солдаты. Так что судьба науки об ископаемых животных предрешена... Гай не слишком об этом сожалел, бог с ними, ископаемыми, не до них сейчас, и вообще непонятно, зачем и кому эта наука может когда-либо понадобиться. Но Рада дядюшку очень любила и всегда ужасалась вместе с ним по поводу глупости коллеги Шапшу и горевала, что университетское начальство не выделяет средств, необходимых для экспедиций...

Сегодня, впрочем, разговор пошёл о другом. Рада, которая, масса-ракш, всё-таки всё слышала у себя за ширмой, спросила вдруг дядю, чем выроdkи отличаются от обычных людей. Гай грозно посмотрел на Мака и предложил Раде не портить родным и близким аппетита, а читать лучше литературу. Однако дядюшка заявил, что эта литература написана для глупейших из дураков; что в Департаменте общественного просвещения воображают, будто все такие же невежды, как они сами; что вопрос о выроdkах совсем не так прост и совсем не так мелок, как его пытаются изобразить для создания определённого общественного мнения, и что либо, мы будем здесь как культурные люди, либо как наши бравые, но — увы! — малообразованные офицеры в казармах. Мак предложил ради разнообразия побыть как культурные люди. Дядюшка выпил ещё рюмку и принялся излагать имеющую сейчас хождение в научных кругах теорию о том, что

выродки есть не что иное, как новый биологический вид, появившийся на лице Мира в результате радиоактивного облучения.

— Выродки, несомненно, опасны, — говорил дядюшка, подняв палец. — Но они гораздо более опасны, чем ты думаешь, Гай. Они борются за место в этом мире, за существование своего вида, и эта борьба не зависит ни от каких социальных условий, а кончится она только тогда, когда уйдёт с арены биологической истории либо последний человек, либо последний выродок-мутант. Хонтийское золото — вздор! — орал разбушевавшийся профессор. — Диверсии против системы ПБЗ — чепуха! Смотрите за Голубую Змею, господа! За Голубую Змею! Вот откуда идёт настоящая опасность. Вот откуда, размножившись, двинутся колонны человекоподобных чудовищ, чтобы растоптать нас и превратить в ничто! Ты — слепец, Гай. И командиры твои — слепцы! Спасти цивилизацию! Не один какой-нибудь народ, не просто матерей и детей наших, но всё человечество целиком!..

Гай разозлился и сказал, что судьбы человечества его занимают мало. Он в этот кабинетный бред не верит. И если бы ему сказали, что есть возможность натравить диких выродков на Хонти, минуя нашу страну, он бы этому всю жизнь посвятил. Профессор снова взбеленился и опять назвал его слепым слепцом. Он сказал, что Огненосные Творцы — настоящие мученики: им приходится вести поистине неравную борьбу, если в их распоряжении только такие жалкие, слепые исполнители, как Гай. Гай решил с ним не спорить. Дядюшка ничего не смыслил в политике и сам был в известной степени ископаемым животным. Мак попытался вмешаться и начал рассказывать про однорукого выродка, но Гай эти поползновения разгласить служебную тайну пресёк и велел Раде подавать второе. Маку же он приказал включить телевизор. Слишком много разговоров сегодня, сказал он. Дайте немного отдохнуть солдату, прибывшему в увольнение...

Однако воображение его было возбуждено, по телевизору показывали какую-то глупость, и Гай, не удержавшись, принялся рассказывать о диких выродках. Он о них кое-что знал — слава богу, три года воевал с ними, а не отсиживался в тылу, как некоторые философы... Рада обиделась за старика и обозвала Гая хвастуном, но дядюшка и Мак почему-то приняли его сторону и стали просить продолжать. Гай объявил, что не скажет больше ни слова. Во-первых, он в самом деле был несколько обижен, а во-вторых, пошарив в памяти, он не смог найти там ничего, что опровергало бы измышления старого пьяницы. Потом его осенило — он вспомнил, что рассказывал однажды старшина сто четырнадцатой группы смертников Зеф, и с удовольствием преподнёс эту теорию дядюшке. Рыжая морда Зеф говорил, что

выродки потому проявляют всё усиливающуюся активность, что на них самих наступает радиоактивная пустыня и деваться этим беднягам некуда, кроме как пытаться с боем пробиться в районы, свободные от радиоактивности.

— Кто это тебе рассказал? — спросил дядя с презрением. — Какому деревянному дураку могла прийти в голову столь примитивная мысль?

Гай посмотрел на него со злорадством и веско ответил:

— Таково мнение некоего Аллу Зефа, крупнейшего нашего медика-психиатра.

— Где это ты с ним встречался? — ещё более презрительно осведомился дядюшка. — Уж не на ротной ли кухне?

Гай сгоряча хотел было сказать, где он с ним встречался, но прикусил язык, придал своему лицу значительное выражение и с подчёркнутым вниманием стал слушать телевизионного диктора, сообщающего прогноз погоды.

И тут в разговор, массаракш, опять влез этот Мак.

— Я готов признать, — объявил он, — в этих чудовищах на юге некую новую породу людей, но что общего между ними и домохозяином Ренаду, например? Ренаду тоже считается выродком, но он явно относится не к новой, а, прямо скажем, к очень старой породе людей... Гай об этом никогда не думал, и поэтому он был очень рад, что отвечать на этот вопрос бросился дядюшка. Обозвав Мака развесистым пнём, дядюшка принялся объяснять, что скрытые выродки, они же выродки городские, есть не что иное, как уцелевшие в борьбе за существование остатки нового вида, почти начисто уничтоженного в наших центральных районах ещё в колыбели... Он ещё помнит эти ужасы: их убивали прямо при рождении, иногда вместе с матерями... Уцелели только те, у которых новые видовые признаки ничем наружно не проявляются... Дядя Каан хватил пятую рюмку, разошёлся и развил перед слушателями чёткий план поголовного тотального медицинского обследования населения, которым неизбежно придётся заняться рано или поздно, и лучше рано, чем поздно. И никаких исключений! Никакого попустительства! Сорная трава должна быть выполота без пощады...

На этом обед кончился. Рада принялась мыть посуду, дядя, не дождавшись никаких возражений, победно всех оглядел, закупорил флягу и понёс её к себе, пробормотав, что идёт писать ответ этому дураку Шапшу. При этом он зачем-то захватил с собой и рюмку. Гай посмотрел ему вслед — на ветхий его пиджачок, на старые, залатанные брюки, на штопаные носки и стоптанные туфли — и пожалел старика.

Проклятая война! Раньше дяде принадлежала вся эта квартира, у него была прислуга, жена, был сын, была роскошная посуда, много денег, даже поместье где-то было, а теперь — пыльный, забитый книгами кабинет, он же спальня, он же всё прочее, поношенная одежда, одиночество, забвение... Да. Он пододвинул единственное кресло к телевизору, вытянулся и стал сонно смотреть на экран. Мак некоторое время сидел рядом, потом мгновенно и бесшумно, как он один умел это делать, исчез и обнаружился уже в другом углу. Он покопался в небольшой библиотечке Гая, выбрал какой-то учебник и принялся листать его стоя, прислонившись плечом к платяному шкафу. Рада прибрала со стола, села рядом с Гаем и стала вязать, изредка поглядывая на экран. В доме воцарились покой, мир, удовлетворение. Гай задремал.

Ему приснилась чепуха: будто он поймал двух вырожденков в каком-то железном тоннеле, начал снимать с них допрос и вдруг обнаружил, что один из вырожденков — Мак, а другой вырожденков, мягко и добро улыбаясь, говорил Гаю: «Ты всё время ошибался, твоё место с нами, а ротмистр — просто профессиональный убийца, без всякого патриотизма, без настоящей верности, ему просто нравится убивать, как тебе нравится суп из креветок...» И Гай вдруг ощутил душное сомнение, почувствовал, что вот сейчас поймёт всё до конца, ещё секунда — и не останется больше ни одного вопроса. Это непривычное состояние было настолько мучительно, что сердце остановилось и он проснулся.

Мак и Рада тихонько говорили о какой-то ерунде — о морских купаниях, о песке, о ракушках... Он их не слушал. Ему в голову вдруг пришла мысль: неужели он способен на какие-то сомнения, колебания, на неуверенность? Но ведь сомневался же он во сне... Значит ли это, что он и наяву в такой же ситуации засомневался бы? Некоторое время он старался во всех деталях припомнить свой сон, но сон ускользал, как мокрое мыло из мокрых рук, расплывался и в конце концов стал совсем неправдоподобным, и Гай с облегчением подумал, что всё это чушь. И когда Рада, заметив, что он не спит, спросила, что, по его мнению, лучше — море или река, он ответил по-солдатски, в стиле старины Дога: «Лучше всего хорошая баня».

По телевизору передавали «узоры». Было скучно. Гай предложил выпить пива. Рада сходила на кухню и принесла из холодильника две бутылки. За пивом говорили о том о сём, и как-то между делом выяснилось, что Мак за последние полчаса одолел учебник по геополитике. Рада восхитилась. Гай не поверил. Он сказал, что за это время можно пролистать учебник, может быть, даже прочитать, но только механически, без всякого понимания. Мак потребовал экзамена. Гай

потребовал учебник. Было заключено пари: проигравшему предстояло пойти к дядюшке Каану и объявить ему, что коллега Шапшу — умный человек и прекрасный учёный. Гай раскрыл учебник наугад, нашёл в конце главы контрольные вопросы и спросил: «В чём заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?» Мак ответил своими словами, но очень близко к тексту и добавил, что, на его взгляд, нравственное благородство здесь ни при чём, всё дело, как он понимает, в агрессивности режимов Хонти и Пандеи. Гай почесал обеими руками затылок, лизнув палец, перекинул несколько страниц и спросил: «Каков средний урожай злаков в северо-западных районах?» Мак засмеялся и сказал, что данных о северо-западных районах не имеется. Поймать его не удалось; очень обрадованная Рада показала Гаю язык. «А каково удельное демографическое давление в устье Голубой Змеи?» — спросил Гай. Мак назвал цифру, назвал погрешность и не преминул добавить, что понятие демографического давления кажется ему смутным. Во всяком случае, он не понимает, зачем оно введено. Гай принялся было ему объяснять, что демографическое давление есть мера агрессивности, но тут вмешалась Рада. Она сказала, что Гай крутит и хочет уклониться от дальнейшего экзамена, потому что понимает, что дела его плохи.

Гаю страшно не хотелось идти к дяде Каану, и он, чтобы затянуть время, вступил в пререкания. Мак некоторое время слушал, а потом вдруг ни с того ни с сего заявил, что Раде не следует ни в коем случае снова поступать в официантки; ей надо учиться, сказал он. Гай, обрадованный переменной темы, вскричал, что он уже тысячу раз говорил ей то же самое и уже предлагал ей похлопотать о приёме в женский корпус Легиона, где из неё сделают по-настоящему полезного человека. Однако нового разговора не получилось. Мак только покачал головой, а Рада, как и раньше, отозвалась о женском корпусе в самых непочтительных выражениях.

Гай не стал спорить. Он бросил учебник, полез в шкаф, достал гитару и принялся её настраивать. Рада и Максим сейчас же отодвинули в сторону стол и встали друг перед другом, готовые оторвать «да-да, нет-нет». Гай выдал им «да-да, нет-нет» с подстукном и перезвоном. Он смотрел, как они танцуют, и думал, что пара подобралась отменная, что жить вот только негде, и если они поженятся, то придётся ему совсем перебраться в казарму. Ну что же, многие капралы живут в казармах... Впрочем, по Маку не видно, чтобы он собирался жениться. Он относится к Раде скорее как к другу, только более нежно и почтительно, а Рада, надо понимать, втюрилась. Ишь как глаза блестят! Да и как не втюриться в такого парня! Даже мадам Го, старая ведь карга,

за шестьдесят, а туда же — как Мак идёт по коридору, так она откроет дверь, выставит свой череп и ослабляется. А впрочем, чёрт его знает, Мака весь дом любит, и ребята его любят, только вот господин ротмистр к нему странно относится... но и он не отрицает, что парень — огонь.

Пара утанцевалась до упаду. Мак отобрал у Гая гитару, перестроил её на свой чудной манер и начал петь странные свои горские песни. Тысячи песен, и ни одной знакомой. И каждый раз что-нибудь новое. И вот что странно: ни одного слова не понять, а слушаешь, и — то плакать хочется, то смеёшься без удержу... Некоторые песни Рада уже запомнила и теперь пыталась подпевать. Особенно ей нравилась смешная песня (Мак перевёл) про девушку, которая сидит на горе и ждёт своего дружка, а дружок никак не может до неё добраться — то одно ему мешает, то другое... За гитарой и пением они не услышали звонка в парадную дверь. Раздался стук, и в комнату ввалился вестовой господина ротмистра Чачу.

— Господин капрал, разрешите обратиться! — рявкнул он, косясь на Раду.

Мак перестал играть. Гай сказал:

— Обращайтесь.

— Господин ротмистр приказали вам и кандидату Симу срочно явиться в канцелярию роты. Машина внизу.

Гай вскочил.

— Ступайте, — сказал он. — Подождите в машине, мы сейчас спустимся. Одевайся, быстро, — сказал он Максиму.

Рада взяла гитару на руки, как ребёнка, и встала у окна, отвернувшись.

Гай и Мак торопливо одевались.

— Как ты думаешь — зачем? — спросил Мак.

— Откуда мне знать? — проворчал Гай. — Может быть, учебная тревога будет...

— Не нравится мне это, — сказал Мак.

Гай посмотрел на него и на всякий случай включил радио. По радио передавали ежедневные «праздные разговоры деловитых женщин».

Они оделись, затянули ремни, и Гай сказал:

— Рада, ну, мы пошли.

— Идите, — сказала Рада не оборачиваясь.

— Пошли, Мак, — сказал Гай, нахлобучивая берет.

— Позвоните, — сказала Рада. — Если задержитесь, обязательно позвоните... — Она так и не обернулась.

Вестовой предупредительно распахнул перед Гаем дверцу. Сели, поехали. Видимо, дело было срочное: шофёр гнал, включив сирену на полную громкость. Гай с некоторым сожалением подумал, что вот пропал вечерок, редкий, хороший вечерок, уютный, домашний, беззаботный. Но такова жизнь легионера. Сейчас прикажут, ты возьмёшь автомат и будешь стрелять — сразу после бутылки пива, после уютной пижамы, после песенок под гитару. Такова прекрасная жизнь легионера, лучшая из всех возможных. И не нужно нам ни подружек, ни жён, и правильно, Мак не хочет жениться на Раде, хотя и жалко сестрёнку, конечно... Ничего, подождёт. Любит — так подождёт...

Машина ворвалась на плац и затормозила у входа в казарму. Гай выскочил, взбежал по ступенькам. Перед дверью канцелярии он остановился, проверил положение берета, пряжки, быстро оглядел Мака, застегнул ему пуговицу на воротнике — массаракш, вечно она у него расстёгнута! — и постучал.

— Войдите! — каркнул знакомый голос.

Гай вошёл и доложил. Господин ротмистр Чачу в суконной накидке и фуражке сидел за своим столом. Он курил и пил кофе; снарядная гильза перед ним была полна окурками. Сбоку на столе лежали два автомата. Господин ротмистр медленно поднялся, тяжело упёрся в стол обеими руками и, уставясь на Мака, заговорил:

— Кандидат Сим! Ты проявил себя незаурядным бойцом и верным боевым товарищем. Я ходатайствовал перед командиром бригады о досрочном производстве тебя в достоинство действительного рядового Боевого Легиона. Экзамен огнём ты выдержал вполне успешно. Остаётся последний экзамен — экзамен кровью...

У Гая радостно подпрыгнуло сердце. Он не ожидал, что это случится так скоро. «Молодец ротмистр! Вот что значит старый вояка! Я-то, дурак, вообразил, будто он копает под Мака...» Гай посмотрел на Мака, и радость его несколько поубавилась. Лицо Мака было совершенно деревянным, глаза выкачены, всё по уставу, но именно сейчас можно было бы не придерживаться так строго уставных правил.

— Я вручаю тебе приказ, кандидат Сим, — продолжал господин ротмистр, протягивая Маку лист бумаги. — Это первый письменный приказ, адресованный тебе лично. Надеюсь, не последний. Прочти и распишись.

Мак взял приказ и пробежал его глазами. У Гая снова ёкнуло сердце, но уже не от радости, а от какого-то тяжёлого предчувствия. Лицо Мака оставалось по-прежнему неподвижным, и всё было как будто в порядке, но он чуть-чуть помедлил, прежде чем взял перо и

расписался. Господин ротмистр осмотрел подпись и положил листок в планшет.

— Капрал Гаал, — сказал он, беря со стола запечатанный конверт. — Ступай в караульное помещение и приведи приговорённых. Возьми автомат... нет, вот этот, с краю.

Гай взял конверт, повесил автомат на плечо, повернулся кругом и направился к двери. Он ещё услышал, как господин ротмистр сказал Маку:

— Ничего, кандидат, не трусь. Это страшно только по первому разу...

Гай бегом направился через плац к зданию бригадной тюрьмы, вручил начальнику караула конверт, расписался где нужно, сам получил необходимые расписки, и ему вывели приговорённых. Это были давешние заговорщики — толстый дядька, которому Мак вывернул пальцы, и женщина. Массаракш, этого только не хватало! Женщина — это совсем лишнее... Это не для Мака... Он вывел арестованных на плац и погнал их к казарме. Мужчина плёлся нога за ногу и всё баюкал свою руку, а женщина шла прямая как жердь, засунув руки глубоко в карманы жакетки, и, казалось, ничего не видела и не слышала. Массаракш, а почему, собственно, не для Мака? Какого дьявола! Эта баба такая же гадина, как и мужик. Почему мы должны давать ей какие-то льготы? И почему это, массаракш, надо предоставлять какие-то льготы кандидату Симу? Пусть привыкает, массаракш и массаракш!..

Господин ротмистр и Мак были уже в машине. Господин ротмистр — за рулём. Мак с автоматом между колен — на заднем сиденье. Он открыл дверцу, и приговорённые залезли внутрь. «На пол!» — командовал Гай. Они послушно сели на железный пол, а Гай — на сиденье напротив Мака. Он попытался поймать его взгляд, но Мак глядел на приговорённых. Нет, он глядел на эту бабу, которая съёжилась на полу, обхватив колени. Господин ротмистр, не оборачиваясь, сказал: «Готовы?» — и машина тронулась.

По дороге не разговаривали. Господин ротмистр гнал машину на безумной скорости — видимо, хотел всё кончить до сумерек, да и чего медлить... Мак всё время глядел на женщину, словно ловил её взгляд, а Гай всё ловил взгляд Мака. Приговорённые, цепляясь друг за друга, ёрзали по полу; толстяк попытался было заговорить с бабой, но Гай прикрикнул на него. Машина выскочила за город, миновала южную заставу и сразу же свернула на заброшенный просёлок, знакомый, очень знакомый просёлок, ведущий к Розовым Пещерам. Машина подпрыгивала всеми четырьмя колёсами, держаться было неудобно.

Мак не желал поднимать глаз, а тут ещё эти полупокройники всё время хватались за колени, спасаясь от немилосердной тряски. Гай наконец не вытерпел и треснул толстого гада сапогом под рёбра, но это не помогло — тот всё равно продолжал хвататься. Господин ротмистр ещё раз повернул, резко затормозил, и машина медленно, осторожно съехала в карьер. Господин ротмистр выключил двигатель и скомандовал: «Выходи!»

Было уже около восемнадцати часов, в карьере собирался лёгкий вечерний туман, выветрившиеся каменные стены отсвечивали розовым. Когда-то здесь добывали мрамор. А кому он сейчас нужен, этот мрамор?..

Дело подходило к развязке. Мак по-прежнему держался, как идеальный солдат: ни одного лишнего движения, лицо равнодушно-деревянное, глаза в ожидании приказа устремлены на начальство. Толстяк вёл себя хорошо, с достоинством. С ним хлопот, по-видимому, не будет. А вот баба под конец расклеилась. Она судорожно стискивала кулаки, прижимала их к груди и снова опускала, и Гай решил, что будет истерика, но волочить её на руках к месту казни всё-таки, кажется, не придётся. Господин ротмистр закурил, посмотрел на небо и сказал Маку:

— Веди их по этой тропинке. Дойдёшь до пещер — сам увидишь, где их ставить. Когда закончишь, обязательно проверь и при необходимости добей контрольным выстрелом. Что такое контрольный выстрел, знаешь?

— Так точно, — произнёс Мак деревянным голосом.

— Врёшь, не знаешь. Это — в голову. Действуй, кандидат. Сюда ты вернёшься уже действительным рядовым.

Женщина вдруг сказала:

— Если среди вас есть хоть один человек... сообщите моей матери... Посёлок Утки, дом два... это рядом... Её зовут...

— Не унижайся, — басом произнёс грузный.

— Её зовут Илли Тадер...

— Не унижайся, — повторил грузный, повысив голос, и господин ротмистр, не размахиваясь, ткнул его кулаком в лицо. Грузный замолчал, схватившись за щеку, и с ненавистью посмотрел на господина ротмистра.

— Действуй, кандидат, — повторил господин ротмистр.

Мак повернулся к приговорённым и сделал движение автоматом. Приговорённые пошли по тропинке. Женщина обернулась и ещё раз крикнула:

— Посёлок Утки, дом два, Илли Тадер!

Мак, выставив перед собой автомат, медленно шёл за ними. Господин ротмистр распахнул дверцу, боком сел за руль, вытянул ноги и сказал:

— Ну вот, четверть часика подождём.

— Так точно, господин ротмистр, — машинально ответил Гай.

Он смотрел вслед Маку, смотрел до тех пор, пока вся группа не скрылась за розоватым выступом. «На обратном пути нужно будет купить бутылку, — подумал он. — Пусть напьётся. Говорят, это помогает».

— Можешь курить, капрал, — сказал господин ротмистр.

— Благодарю вас, господин ротмистр, я не курю.

Господин ротмистр далеко сплюнул сквозь зубы.

— Не боишься разочароваться в своём приятеле?

— Никак нет... — нерешительно сказал Гай. — Хотя, с вашего позволения, мне очень жаль, что ему досталась женщина. Он горец, а у них там...

— Он такой же горец, как мы с тобой, — сказал господин ротмистр.

— И дело здесь не в женщинах... Впрочем, посмотрим. Чем вы занимались, когда вас вызвали?

— Пели хором, господин ротмистр.

— И что же вы пели?

— Горские песни, господин ротмистр. Он знает очень много песен.

Господин ротмистр вышел из машины и принялся прохаживаться взад-вперёд по тропинке. Больше он не разговаривал, а минут через десять принялся насвистывать «Марш». Гай всё ждал выстрелов, но выстрелов не было, и он начал беспокоиться. Убежать от Мака невысказано. Обезоружить его — ещё более невысказано. Но тогда почему он не стреляет? Может быть, он повёл их дальше обычного места?.. На обычном месте слишком сильно пахнет, боедомы зарывают неглубоко, а у Мака слишком сильное обоняние... Он из одной своей брезгливости лишних километров пять пройти способен...

— Н-ну, так... — сказал господин ротмистр, останавливаясь. — Вот и всё, капрал Гаал. Боюсь, что мы не дождёмся твоего дружка. И боюсь, что тебя сегодня в последний раз называют капралом.

Гай с изумлением посмотрел на него. Господин ротмистр ухмылялся.

— Ну, что смотришь? Что ты таращишься, как свинья на ветчину? Твой приятель бежал, дезертировал, он трус и изменник! Понятно, рядовой Гаал?

Гай был поражён. И не столько словами господина ротмистра, сколько его тоном. Господин ротмистр был в восторге. Господин

ротмистр торжествовал. У господина ротмистра был такой вид, словно он выиграл крупное пари. Гай машинально поглядел в глубину карьера и вдруг увидел Мака. Мак возвращался один, автомат он нёс в руке за ремень.

— Массаракш! — прохрипел господин ротмистр. Он тоже увидел Мака, и вид у него сделался обалделый.

Больше они не говорили, они только смотрели, как Мак неторопливо приближается к ним, легко шагая по каменному крошеву, на его спокойное, доброе лицо со странными глазами, и в голове у Гая царил сумятица: выстрелов всё-таки не было... Неужели он задушил их... или забил прикладом... он, Мак, женщину? Да нет, чепуха... Но выстрелов ведь не было...

В пяти шагах от них Мак остановился и, глядя господину ротмистру в лицо, швырнул автомат ему под ноги.

— Прощайте, господин ротмистр, — сказал он. — Тех несчастных я отпустил и теперь хочу уйти сам. Вот ваше оружие, вот одежда... — Он повернулся к Гаю и, расстёгивая ремень, сказал ему: — Гай, это нечистое дело. Они нас обманули, Гай...

Он стянул с себя сапоги и комбинезон, свернул всё в узел и остался таким, каким Гай увидел его впервые на южной границе — почти голым, в одних серебристых трусах и теперь даже без обуви. Он подошёл к машине и положил узел на радиатор. Гай ужаснулся. Он посмотрел на господина ротмистра и ужаснулся ещё больше.

— Господин ротмистр! — закричал он. — Не надо! Он сошёл с ума! Он опять...

— Кандидат Сим! — каркнул господин ротмистр, держа руку на кобуре. — Немедленно садитесь в машину! Вы арестованы.

— Нет, — сказал Мак. — Это вам только кажется. Я свободен. Я пришёл за Гаем. Гай, пошли! Они тебя надули. Они — грязные люди. Раньше я сомневался, теперь я уверен. Пошли.

Гай замотал головой. Он хотел что-то сказать, что-то объяснить, но не было времени и не было слов. Господин ротмистр вытащил пистолет.

— Кандидат Сим! В машину! — каркнул он.

— Ты идёшь? — спросил Мак.

Гай снова замотал головой. Он смотрел на пистолет в руке господина ротмистра, и думал только об одном, и знал только одно: Мака сейчас убьют. И он не понимал, что надо делать.

— Ладно, — сказал Мак. — Я тебя найду. Я всё узнаю и найду тебя. Тебе здесь не место... Поцелуй Раду.

Он повернулся и пошёл, так же легко ступая по каменному крошеву босыми ногами, как и в сапогах, а Гай, трясаясь словно в лихорадке, немо смотрел на его широкую треугольную спину и ждал выстрела и чёрной дырки под левой лопаткой.

— Кандидат Сим, — сказал господин ротмистр, не повышая голоса. — Приказываю вернуться. Буду стрелять.

Мак остановился и снова повернулся к нему.

— Стрелять? — сказал он. — В меня? За что? Впрочем, это не важно... Дайте сюда пистолет.

Господин ротмистр, держа пистолет у бедра, навёл дуло на Мака.

— Я считаю до трёх, — сказал он. — Садись в машину, кандидат.

Раз!

— А ну, дайте сюда пистолет, — сказал Мак, протягивая руку, и направляясь к господину ротмистру.

— Два! — сказал господин ротмистр.

— Не надо! — крикнул Гай.

Господин ротмистр выстрелил. Мак был уже близко. Гай видел, как пуля попала ему в плечо и как он отшатнулся, словно налетел на препятствие.

— Глупец! — сказал Мак. — Дайте сюда оружие, злобный глупец!

Он не остановился, он всё шёл на господина ротмистра, протянув руку за оружием, и из дырки в плече вдруг толчком выплеснулась кровь. А господин ротмистр, издавши странный, скрипящий звук, попятился и очень

быстро выстрелил три раза подряд прямо в широкую коричневую грудь. Мака отбросило, он упал на спину, сейчас же вскочил, снова упал, приподнялся, и господин ротмистр, присев от напряжения, выпустил в него ещё три пули. Мак перевалился на живот и застыл.

У Гая всё поплыло перед глазами, и он опустился на подножку машины. Ноги его не держали. В ушах его всё ещё звучал отвратительный плотный хруст, с которым пули входили в тело этого странного и любимого человека. Потом он опомнился, но ещё некоторое время сидел, не рискуя подняться на ноги.

Коричневое тело Мака лежало среди бело-розовых камней и само было неподвижно, как камень. Господин ротмистр стоял на прежнем месте и, держа пистолет наготове, курил, жадно затягиваясь. На Гая он не смотрел. Потом он докурил до конца, до самых губ, обжёгся, отбросил окурок и сделал два шага в сторону убитого. Но уже второй шаг был очень короткий. Господин ротмистр Чачу так и не решился подойти вплотную. Он произвёл контрольный выстрел с десяти шагов, но промахнулся. Гай видел, как каменная пыль брызнула рядом с головой Мака.

— Массаракш, — прошипел господин ротмистр и принялся засовывать пистолет в кобуру.

Он засовывал долго, никак не мог застегнуть кобуру, а потом подошёл к Гаю, взял его искалеченной рукой за мундир на груди, рывком поднял и, громко дыша в лицо, проговорил, растягивая слова, как пьяный:

— Ладно. Ты останешься капралом. Но в Легионе тебе делать нечего... Напишешь рапорт о переводе в армию. Полезай в машину.

Часть третья ТЕРРОРИСТ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сопровождающий негромко сказал: «Ждите здесь» — и ушёл — скрылся между кустами и за деревьями. Максим сел на пенёк посередине полянки, засунул руки глубоко в карманы брезентовых штанов и стал ждать. Лес был старый, запущенный, подлесок душил его, от древних, морщинистых стволов несло трухлявой гнилью. Было сыро. Максим ёжился, он чувствовал дурноту, хотелось посидеть на солнышке, погреть плечо.

В кустах неподалёку кто-то был, но Максим не обращал внимания — за ним следили от самого посёлка, и он ничего не имел против. Странно было бы, если бы они поверили сразу же.

Сбоку на полянку вышла маленькая девочка в огромной залатанной кофте и с корзинкой на руке. Она уставилась на Максима и так, не отрывая от него любопытных глаз, прошла мимо, спотыкаясь и путаясь в траве. Какой-то зверёк вроде белки мелькнул между кустами, взлетел на дерево, глянул вниз, испугался и исчез. Было тихо, только где-то далеко стучала неровным стуком машина — резала тростник на озере.

Человек в кустах не уходил — буравил спину недобрым взглядом. Это было неприятно, но надо привыкать. Теперь всегда будет так. Обитаемый остров ополчился на него, стрелял в него, следил за ним, не верил ему. Максим задремал. Последнее время он часто задрёмывал в самые неподходящие моменты. Засыпал, просыпался, опять засыпал. Он не пытался с этим бороться: так хотел организм, а ему виднее. Это пройдёт, только не надо сопротивляться.

Зашуршали шаги, и сопровождающий сказал: «Идите за мной». Максим поднялся, не вынимая рук из карманов, и пошёл за ним, глядя на его ноги в мягких мокрых сапогах. Они углубились в лес и принялись ходить, описывая круги и сложные петли, постепенно приближаясь к какому-то жилью, до которого от полянки напрямик было совсем близко. Потом сопровождающий решил, что он достаточно запутал Максима, и полез напрямки через бурелом, причём, как человек городской, производил много шума и треска, так что Максим даже перестал слышать шаги того человека, который крался следом.

Когда бурелом кончился, Максим увидел за деревьями лужайку и покосившийся бревенчатый дом с заколоченными окнами. Лужайка заросла высокой травой, но Максим видел, что здесь ходили — совсем недавно и давно. Ходили осторожно, стараясь каждый раз подойти к дому другим путём. Сопровождающий открыл скрипучую дверь, и они вошли в тёмные затхлые сени. Человек, который шёл следом, остался снаружи. Сопровождающий отвалил крышку погребца и сказал: «Идите сюда, осторожнее...» Он плохо видел в темноте. Максим спустился по деревянной лестнице.

В погребе было тепло, сухо, здесь были люди; они сидели вокруг деревянного стола и смешно таращились, пытаясь разглядеть Максима. Пахло свежепогашенной свечой. По-видимому, они не хотели, чтобы Максим видел их лица. Максим узнал только двоих: Орди, дочь старой Илли Тадер, и толстого Мемо Грамену, сидевшего у самой лестницы с пулемётом на коленях. Вверху тяжело грохнула крышка люка, и кто-то сказал:

— Кто вы такой? Расскажите о себе.

— Можно сесть? — спросил Максим.

— Да, конечно. Идите сюда, на мой голос. Наткнётесь на скамью.

Максим сел за стол и обвёл глазами соседей. За столом, кроме него, было четверо. В темноте они казались серыми и плоскими, как на старинной фотографии. Справа сидела Орди, а говорил плотный широкоплечий человек, сидевший напротив. Он был неприятно похож на ротмистра Чачу.

— Рассказывайте, — повторил он.

Максим вздохнул. Ему очень не хотелось начинать знакомство прямо с вранья, но делать было нечего.

— Своего прошлого я не знаю, — сказал он. — Говорят, я — горец. Может быть. Не помню... Зовут меня Максим, фамилия — Каммерер. В Легионе меня звали Мак Сим. Помню себя с того момента, когда меня задержали в лесу у Голубой Змеи...

С враньём было покончено, и дальше дело пошло легче. Он рассказывал, стараясь быть кратким и в то же время не упустить то, что казалось ему важным.

— ...Я отвёл их как можно дальше в глубь карьера, велел им бежать, а сам не торопясь вернулся. Тогда ротмистр расстрелял меня. Ночью я пришёл в себя, выбрался из карьера и вскоре набрёл на пастбище. Днём я прятался в кустах и спал, а ночью подбирался к коровам и пил молоко. Через несколько дней мне стало лучше. Я взял у пастухов какое-то тряпье, добрался до посёлка Утки и нашёл там Илли Тадер. Остальное вам известно.

Некоторое время все молчали. Потом человек деревенского вида, с длинными волосами до плеч, сказал:

— Не понимаю, как это он не помнит прошлой жизни. По-моему, так не бывает. Пусть вот Доктор скажет.

— Бывает, — коротко сказал Доктор. Он был худой, заморённый и вертел в руках трубку. Видимо, ему очень хотелось курить.

— Почему вы не бежали вместе с приговорёнными? — спросил широкоплечий.

— Там оставался Гай, — сказал Максим. — Я надеялся, что Гай пойдёт со мной... — Он замолчал, вспоминая бледное, потерянное лицо Гая, и страшные глаза ротмистра, и горячие толчки в грудь и в живот, и ощущение бессилия и обиды. — Это, конечно, была глупость, — сказал он. — Но тогда я этого не понимал.

— Вы принимали участие в операциях? — спросил позади грузный Мемо.

— Я уже рассказывал.

— Повторите!

— Я принимал участие в одной операции, когда были захвачены Кетшеф, Орди, вы и ещё двое, не назвавших себя. Один из них был с искусственной рукой.

— Как же вы объясняете такую поспешность вашего ротмистра? Ведь для того, чтобы кандидат получил право на испытание кровью, ему нужно сначала принять участие по меньшей мере в трёх операциях.

— Не знаю. Я знаю только, что он мне не доверял. Я сам не понимаю, почему он послал меня расстреливать...

— А почему он, собственно, стрелял в вас?

— По-моему, он испугался. Я хотел отобрать у него пистолет...

— Не понимаю я, — сказал человек с длинными волосами. — Ну, не доверял он вам. Ну, для проверки послал казнить...

— Подождите, Лесник, — сказал Мемо. — Это всё разговоры, пустые слова. Доктор, на вашем месте, я бы его осмотрел. Что-то я не очень верю в эту историю с ротмистром.

— Я не могу осматривать в темноте, — раздражённо сказал Доктор.

— А вы зажгите свет, — посоветовал Максим. — Всё равно я вас вижу.

Наступило молчание.

— Как так видите? — спросил широкоплечий.

Максим пожал плечами.

— Вижу, — сказал он.

— Что за вздор, — сказал Мемо. — Ну что я сейчас делаю, если вы видите?

Максим обернулся.

— Вы наставили на меня — то есть это вам кажется, что на меня, а на самом деле на Доктора — ручной пулемёт. Вы — Мемо Грамену, я вас знаю. На правой щеке у вас царапина, раньше её не было.

— Нокталопия, — проворчал Доктор. — Давайте зажигать свет. Глупо. Он нас видит, а мы его не видим. — Он нащупал перед собой спички и стал чиркать одну за другой. Они ломались.

— Да, — сказал Мемо. — Конечно, глупо. Отсюда он выйдет либо нашим, либо не выйдет.

— Позвольте-ка... — Максим протянул руку, отобрал у Доктора спички и зажёл свечу.

Все зажмурились, прикрывая ладонью глаза. Доктор немедленно закурил.

— Раздевайтесь, — сказал он, треща трубкой. Максим стянул через голову брезентовую рубаху. Все уставились на его грудь. Доктор выбрался из-за стола, подошёл к Максиму и принялся вертеть его в разные стороны, ощупывая крепкими холодными пальцами. Было тихо. Потом длинноволосый сказал с каким-то сожалением:

— Красивый мальчик. Сын у меня был... тоже...

Ему никто не ответил; он тяжело поднялся, пошарил в углу, с трудом поднял и водрузил на стол большой оплетённый кувшин. Потом выставил три кружки.

— Можно будет по очереди, — объяснил он. — Ежели кто хочет покушать, то сыр найдётся. И хлеб...

— Погодите, Лесник, — раздражённо сказал широкоплечий. — Отодвиньте ваш кувшин, мне ничего не видно... Ну что, Доктор?

Доктор ещё раз прошёлся по Максиму холодными пальцами, окутался дымом и сел на своё место.

— Налей-ка мне, Лесник, — сказал он. — Такие обстоятельства надобно запить... Одевайтесь, — сказал он Максиму. — И не улыбайтесь, как рыба-пугало. У меня будет к вам несколько вопросов.

Максим оделся. Доктор отхлебнул из кружки, сморщился и спросил:

— Когда, вы говорите, в вас стреляли?

— Сорок семь дней назад.

— Из чего, вы говорите, стреляли?

— Из пистолета. Из армейского пистолета.

Доктор снова отхлебнул, снова сморщился и проговорил, обращаясь к широкоплечему:

— Я бы голову дал на отсечение, что в этого молодчика действительно стреляли из армейского пистолета, причём с очень короткой дистанции, но не сорок семь дней назад, а по меньшей мере сто сорок семь... Где пули? — спросил он вдруг Максима.

— Они вышли, и я их выбросил.

— Слушайте, как вас... Мак! Вы врётё. Признайтесь, как вам это сделали?

Максим покусал губу.

— Я говорю правду. Вы просто не знаете, как у нас быстро заживают раны. Я не вру. — Он помолчал. — Впрочем, меня легко проверить. Разрежьте мне руку. Если надрез будет неглубокий, я затаю его за десять — пятнадцать минут.

— Это правда, — сказала Орди. Она заговорила впервые за всё время. — Это я видела сама. Он чистил картошку и обрезал палец. Через полчаса остался только белый шрам, а на другой день вообще уже ничего не было. Я думаю, он действительно горец. Гэл рассказывал про древнюю горскую медицину — они умеют заговаривать раны.

— Ах, горская медицина... — сказал Доктор, снова окутываясь дымом. — Ну что ж, предположим. Правда, порезанный палец — это одно, а семь пуль в упор — это другое, но предположим... То, что раны заросли так поспешно, не самое удивительное. Я хотел бы, чтобы мне объяснили другое. В молодом человеке семь дыр. И если эти дыры были действительно проделаны настоящими пистолетными пулями, то по крайней мере четыре из них — каждая в отдельности, заметьте! — были смертельными.

Лесник охнул и молитвенно сложил руки.

— Какого чёрта? — сказал широкоплечий.

— Нет уж, вы мне поверьте, — сказал Доктор. — Пуля в сердце, пуля в позвоночнике и две пули в печени. Плюс к этому общая сильная потеря крови. Плюс к этому неизбежный сепсис. Плюс к этому отсутствие каких бы то ни было следов квалифицированного врачебного вмешательства. Массаракш, хватило бы и одной пули в сердце!

— Что вы на это скажете? — сказал широкоплечий Максиму.

— Он ошибается, — сказал Максим. — Он всё верно определил, но он ошибается. Для нас эти раны не смертельны. Вот если бы ротмистр попал мне в голову... но он не попал... Понимаете, Доктор, вы даже представить себе не можете, какие это жизнеспособные органы — сердце, печень...

— Н-да, — сказал Доктор.

— Одно мне ясно, — проговорил широкоплечий. — Вряд ли они бы направили к нам такую грубую работу. Они же знают, что среди нас есть врачи.

Наступило длительное молчание. Максим терпеливо ждал. «А я бы поверил? — думал он. — Я бы, наверное, поверил. Но я вообще, кажется, слишком легковверен для этого мира. Хотя уже не так легковверен, как раньше. Например, мне не нравится Мемо. Он чего-то всё время боится. Сидит с пулемётом среди своих и чего-то боится. Странно. Впрочем, он, наверное, боится меня. Наверное, он боится, что я отберу у него пулемёт и опять вывихну ему пальцы. Что ж, может быть, он прав. Я больше не позволю в себя стрелять. Это слишком гадко, когда в тебя стреляют...» Он вспомнил ледяную ночь в карьере, мёртвое фосфоресцирующее небо, холодную липкую лужу, в которой он лежал. «Нет, хватит. С меня хватит... Теперь лучше я буду стрелять...»

— Я ему верю, — сказала вдруг Орди. — У него концы с концами не сходятся, но это просто потому, что он — странный человек. Такую историю нельзя придумать, это было бы слишком нелепо. Если бы я ему не верила, я бы, услышав такую историю, сразу бы его застрелила. Он же громоздит нелепость на нелепость. Может быть, он сумасшедший. Это может быть... Но не провокатор... Я за него, — добавила она, помолчав.

— Хорошо, Птица, — сказал широкоплечий. — Помолчи пока... «Вы проходили комиссию в Департаменте общественного здоровья?» — спросил он Максима.

— Да.

— Вас признали годным?

— Конечно.

— Без ограничений?

— В карточке было написано просто: «Годен».

— Что вы думаете о Боевом Легионе?

— Теперь я думаю, что это безмозглое оружие в чьих-то руках. Скорее всего, в руках этих пресловутых Огненосных Творцов. Но я ещё многого не понимаю.

— А что вы думаете об Огненосных Творцах?

— Я думаю, что это верхушка военной диктатуры. В средствах они неразборчивы, но какие у них цели... — Максим покачал головой.

— Что вы думаете о выродках?

— Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы — заговорщики. Цели ваши тоже представляю довольно смутно. Но мне понравились

люди, которых я видел сам. Все они показались мне честными и, как бы это сказать... действующими сознательно.

— Так, — сказал широкоплечий. — У вас бывают боли?

— В голове? Нет, не бывают.

— Зачем об этом спрашивать? — сказал Лесник. — Если бы были, он бы здесь не сидел.

— Вот я и хочу понять, зачем он здесь сидит, — сказал широкоплечий. — Зачем вы пришли к нам? Вы хотите участвовать в нашей борьбе?

Максим покачал головой.

— Я бы так не сказал. Это была бы неправда. Я хочу разобраться. Сейчас я скорее с вами, чем с ними, но ведь и о вас я знаю слишком мало.

Все переглянулись.

— У нас так не делается, милый, — сказал Лесник. — У нас так: либо ты наш, и тогда на тебе оружие и иди воевать. Либо ты, значит, не наш, и тогда, извини, тогда мы тебя... сам понимаешь... куда тебя — в голову надо, да?

Опять наступило молчание. Доктор тяжело вздохнул и выколотил трубку о скамью.

— Редкий и тяжёлый случай, — объявил он. — У меня есть предложение. Пусть он нас спрашивает... У вас же есть вопросы, не так ли, Мак?

— Да, я пришёл спрашивать, — отозвался Максим.

— У него много вопросов, — подтвердила Орди, усмехаясь. — Он матери жить не давал вопросами. Да и ко мне приставал.

— Задавайте, — сказал широкоплечий. — А вы, Доктор, будете отвечать. А мы слушаем.

— Кто такие Огненосные Творцы и чего они хотят? — начал Максим.

Все зашевелились — очевидно, этого вопроса не ждали.

— Огненосные Творцы, — сказал Доктор, — это анонимная группа наиболее опытных интриганов из военных, финансистов и политиков. У них две цели: одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения. Все они хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы... Вы удовлетворены?

— Нет, — сказал Максим. — Всё это я и так подозревал... Их экономическая программа? Их идеология? Их база, на кого они опираются?..

Все опять переглянулись. Лесник, раскрыв рот, смотрел на Максима.

— Экономическая программа... — сказал Доктор. — Вы слишком многого от нас хотите. Мы не теоретики, мы — практики. Для нас важнее всего то, что они хотят нас уничтожить. Собственно говоря, мы боимся за свою жизнь... — Он стал раздражённо набивать трубку.

— Я не хотел никого обидеть, — сказал Максим. — Я просто хочу разобраться... — Он бы с удовольствием изложил Доктору основы теории исторических последовательностей, но у него не хватало слов. И без того ему временами приходилось переходить на линкос. — Ладно. Но чего хотите вы? К чему вы стремитесь, кроме сохранения жизни? И кто вы?

Трубка Доктора шуршала и трещала, тяжёлый смрад распространился от неё по подвалу.

— Дайте мне, — сказал вдруг Лесник. — Дайте я ему скажу... Мне дайте... Ты, друг симпатичный, того... Не знаю, как там у вас в горах, а у нас тут люди любят жить. Как это так — кроме, говорит, сохранения жизни? А мне, может быть, кроме этого, ничего и не надо!.. Ты что полагаешь — этого мало? Ишь ты какой храбрый нашёлся! Ты поживи-ка в подвале, когда у тебя дом есть, жена, семья и все от тебя отреклись... Ты это брось!

— Подождите, Лесник, — сказал широкоплечий.

— Нет, это пусть он подождёт! Ишь ты какой нашёлся! Общество ему подавай, базу всякую...

— Подожди, дядя, — сказал Доктор. — Не сердись. Видишь, человек ничего не понимает... Видите ли, — сказал он Максиму, — наше движение очень разнородно. Какой-то единой политической программы у нас нет, да и быть не может: все мы убиваем, потому что убивают нас. Это надо понять. Вы это поймите. Все мы смертники, шансов выжить у нас не много. И всю политику у нас заслоняет, по существу, биология. Выжить — вот главное. Тут уж не до базы. Так что, если вы явились с какой-нибудь социальной программой, ничего у вас не выйдет.

— В чём же дело? — спросил Максим.

— Нас считают вырожденками. Откуда это пошло, теперь и не вспомнишь. Но сейчас Огненосным Творцам выгодно нас травить: это отвлекает народ от внутренних проблем, от коррупции финансистов, загребующих деньги на военных заказах и на строительстве башен.

— Это уже нечто, — сказал Максим. — Значит, в основе всего опять же деньги. Значит, Творцы служат деньгам. Кого они ещё прикрывают?

— Творцы никому не служат. Они сами — деньги. Они — всё. И они, между прочим, ничто, потому что они анонимны и всё время жрут друг друга... Ему бы с Вепрем поговорить, — сказал он широкоплечему. — Они бы нашли общий язык.

— Хорошо, о Творцах я поговорю с Вепрем. А сейчас...

— С Вепрем вы уже не поговорите, — сказал Мемо злобно. — Вепря расстреляли.

— Это однорукий, — пояснила Орди. — Да, вы же должны знать...

— Я знаю, — сказал Максим. — Но его не расстреляли. Его приговорили к ссылке на воспитание.

— Не может быть, — сказал широкоплечий. — Вепря? К ссылке?

— Да, — сказал Максим. — Гэла Кетшефа — к смертной казни, Вепря — к ссылке, а ещё одного, который не назвал своего имени, забрал к себе штатский. По-видимому, в контрразведку.

И снова все замолчали. Доктор хлебнул из кружки. Широкоплечий сидел, опершись головой на руки. Лесник, с горестью покряхтывая, жалостно глядел на Орди. Орди, сжав губы, смотрела в стол. Это было горе, и Максим жалел, что заговорил на эту тему. Это было настоящее горе, и только Мемо в углу не столько горевал, сколько боялся... «Таким нельзя поручать пулемёт, — мельком подумал Максим. — Он нас тут всех перестреляет».

— Ну хорошо, — сказал широкоплечий. — У вас есть ещё вопросы?

— У меня много вопросов, — медленно сказал Максим. — Но я боюсь, что все они в той или иной степени бестактны.

— Что ж, давайте бестактные.

— Хорошо, последний вопрос. При чём здесь башни ПБЗ? Почему они вам мешают?

Все неприятно засмеялись.

— Вот дурак, — сказал Лесник. — А туда же — базу ему подавай...

— Это не ПБЗ, — сказал Доктор. — Это наше проклятие. Они изобрели излучение, при помощи которого создали понятие о выродке. Большинство людей — вот и вы, например, — не замечают этого излучения, словно бы его и нет. А несчастное меньшинство из-за каких-то особенностей своего организма испытывает при облучении адские боли. Некоторые из нас — таких единицы — могут терпеть эту боль, другие не выдерживают, кричат, третьи теряют сознание, а четвёртые вообще сходят с ума и умирают... Так вот, башни — это излучатели. Они включаются два раза в сутки по всей стране, и нас отлавливают, пока мы валяемся беспомощные от боли. Плюс ещё установки локального действия на патрульных автомобилях... плюс самоходные излучатели... плюс нерегулярные лучевые удары по ночам... Нам

негде укрыться, экранов не существует, мы сходим с ума, стреляемся, делаем глупости от отчаяния, вымираем...

Доктор замолчал, схватил кружку и залпом осушил её. Потом он принялся яростно раскуривать свою трубку, лицо у него подёргивалось.

— Да-а, жили — не тужили, — с тоской сказал Лесник. — Гады, — добавил он, помолчав.

— Ему это бессмысленно рассказывать, — сказал вдруг Мемо. — Он же не знает, что это такое. Он понятия не имеет, что это значит — ждать каждый день очередного сеанса...

— Хорошо, — сказал широкоплечий. — Не имеет понятия — значит, и говорить не о чём. Птица высказалась за него. Кто ещё — «за» и «против»?

Лесник открыл было рот, но Орди опередила его:

— Я хочу объяснить, почему я — «за». Во-первых, я ему верю. Это я уже говорила, и это, может быть, не так важно, это касается только меня. Но этот человек обладает способностями, которые могут быть полезны всем. Он умеет заживлять не только свои, но и чужие раны... Гораздо лучше вас, Доктор, не в обиду вам будет сказано...

— Какой я доктор, — сказал Доктор. — Я так, судебная медицина...

— Но это ещё не всё, — продолжала Орди. — Он умеет снимать боль.

— Как это? — спросил Лесник.

— Я не знаю, как он это делает. Он массирует виски, шепчет что-то, и боль проходит. Меня дважды схватывало у матери, и оба раза он мне помог. В первый раз не очень, но всё-таки я не потеряла сознания, как обычно. А во второй раз боли не было совсем...

И сразу всё переменилось. Только что они были судьями, только что они решали, как им казалось, вопрос его жизни и смерти, а теперь судьи исчезли, и остались измученные, обречённые люди, которые вдруг ощутили надежду. Они смотрели на него, будто ждали, что он вот сейчас, немедленно снимет с них кошмар, терзавший их ежеминутно, каждый день и каждую ночь много лет подряд... «Ну что же, — подумал Максим, — здесь я, по крайней мере, буду нужен не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы лечить...» Но почему-то эта мысль не доставила ему никакого удовлетворения. «Башни, — думал он. — Какая гадость... Это же надо было придумать. Надо быть садистом, чтобы это придумать...»

— Вы действительно это умеете? — спросил Доктор.

— Что?

— Снимать боль...

— Снимать боль... Да.

— Как?

— Я не могу вам объяснить. У меня не хватит слов, а у вас не хватит знаний... Я не понимаю: разве у вас нет лекарств, каких-нибудь болезащитных препаратов?

— От этого не помогают никакие лекарства... Разве что в смертельной дозе.

— Слушайте, — сказал Максим. — Я, конечно, готов снимать боль... я постараюсь... Но это же не выход! Надо искать какое-нибудь массовое средство... У вас есть химики?

— У нас всё есть, — сказал широкоплечий, — но эта задача не решается, Мак. Если бы она решалась, государственный прокурор не мучался бы от боли, как и мы. Уж он-то раздобыл бы лекарство. А сейчас он перед каждым регулярным сеансом напивается пьян и парится в горячей ванне.

— Государственный прокурор — выродок? — спросил Максим озадаченно.

— По слухам, — сказал широкоплечий сухо. — Но мы отвлеклись. Птица, ты закончила? Кто хочет ещё?

— погоди, Генерал, — сказал Лесник. — Это что же получается? Это же получается, что он наш благодетель? Ты и у меня можешь боль снимать?.. Да ведь этому человеку цены нет, я его из подвала не выпущу! У меня же, извиняюсь, такие боли, что терпеть невозможно... А может быть, он и порошки выдумает? Ведь выдумает, а?.. Нет, господа мои, товарищи, такого человека надо беречь...

— То есть ты — «за», — сказал Генерал.

— То есть я так «за», что ежели кто его тронет...

— Понятно. Вы, Доктор?

— Я был бы «за» и без этого, — проворчал Доктор, попыхивая трубкой. — У меня такое же впечатление, как у Птицы. Пока он ещё не наш, но он станет нашим, иначе быть не может. Им он, во всяком случае, никак не подходит. Слишком умён.

— Хорошо, — сказал Генерал. — Вы, Копыто?

— Я — «за», — сказал Мемо. — Полезный человек.

— Ну что же, — сказал Генерал. — Я тоже «за». Очень рад за вас, Мак. Вы — симпатичный парень, и мне было бы жалко убивать вас... — Он посмотрел на часы. — Давайте поедим, — сказал он. — Скоро сеанс, и Мак покажет нам своё искусство. Налейте ему пива, Лесник, и давайте на стол ваш хваленый сыр... Копыто, ступайте и подмените Зелёного — он не ел с утра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Последнее совещание перед операцией Генерал собрал в замке Двуглавой Лошади. Это были заросшие плющом и травой развалины загородного музея, разрушенного в годы войны, — место уединённое, дикое, горожане не посещали его из-за близости малярийного болота, а у местного населения оно пользовалось дурной славой как пристанище воров и бандитов. Максим пришёл пешком вместе с Орди. Зелёный приехал на мотоцикле и привёз Лесника. Генерал и Мемо-Копыто уже ждали их в старой канализационной трубе, выходящей прямо на болото. Генерал курил, а мрачный Мемо остервенело отмахивался от комаров ароматической палочкой.

— Привёз? — спросил он Лесника.

— Обязательно, — сказал Лесник и вытащил из кармана тюбик репеллента.

Все намазались, и Генерал открыл совещание.

Мемо расстелил схему и снова повторил ход операции. Всё это было уже известно наизусть. В час ночи группа подползает с четырёх сторон к проволочному ограждению и закладывает удлинённые заряды. Лесник и Мемо действуют в одиночку — соответственно с севера и с запада. Генерал в паре с Орди — с востока. Максим в паре с Зелёным — с юга. Взрывы производятся одновременно ровно в час ночи, и сейчас же Генерал, Зелёный, Мемо и Лесник бросаются в проходы, имея задачей добежать до капонира и забросать его гранатами. Как только огонь из капонира прекратится или ослабнет, Максим и Орди с магнитными минами подбегают к башне и подготавливают взрыв, предварительно бросив в капонир ещё по две гранаты для страховки. Затем они включают запалы, забирают раненых — только раненых! — и уходят на восток через лес к просёлку, где возле межевого знака будет ждать Малыш с мотоциклом. Тяжелораненые грузятся в мотоцикл, легкораненые и здоровые уходят пешком. Место сбора — домик Лесника. Ждать на месте сбора не более двух часов, после чего уходить обычным порядком. Вопросы есть? Нет? Всё.

Генерал бросил окурок, полез за пазуху и извлёк пузырёк с жёлтыми таблетками. — Внимание, — сказал он. — По решению штаба план операции несколько меняется. Начало операции переносится на двадцать два ноль-ноль...

— Массаракш! — сказал Мемо. — Что ещё за новости!

— Не перебивайте, — сказал Генерал. — Ровно в десять ноль-ноль начинается вечерний сеанс. За несколько секунд до этого каждый из нас примет по две таких таблетки. Далее всё по старому плану с одним

исключением: Птица наступает как гранатомётчик вместе со мной. Все мины будут у Мака, башню подрывает он один.

— Это как же? — задумчиво сказал Лесник, разглядывая схему. — Это мне никак не понятно. Двадцать два часа — это же вечерний сеанс... Я же, извиняюсь, как лягу, так и не встану, пластом лежать буду... Меня, извиняюсь, колом не поднимешь...

— Одну минуту, — сказал Генерал. — Ещё раз повторяю: без десяти секунд десять все примут этот болеутолитель. Понимаете, Лесник? Болеутолитель примете. Таким образом, к десяти часам...

— Я эти пилюли знаю, — сказал Лесник. — Две минутки облегчения, а потом совсем в узел завяжешься... знаем, пробовали.

— Это новые пилюли, — терпеливо сказал Генерал. — Они действуют до пяти минут. Добежать до капонира и бросить гранаты мы успеем, а остальное сделает Мак.

Наступило молчание. Они думали. Туго соображающий Лесник со скрипом копался в волосах, закусив нижнюю губу. Видно было, как идея медленно доходит до него; он часто заморгал, оставил в покое шевелюру, оглядел всех просветлевшим взглядом и, оживившись, хлопнул себя по коленям. Чудесный дядька, добряк, с ног до головы исполосованный жизнью и ничего о жизни так и не узнавший. Ничего ему не надо было, и ничего он не хотел, кроме как чтобы оставили его в покое, дали бы вернуться к семье. Войну всю провёл он в окопах и пуше атомных снарядов боялся своего капрала, такого же мужика, но хитрого и большого подлеца. Максима он очень полюбил, век благодарен был, что залечил ему Максим старый свищ на голени, и с тех пор уверовал, что, пока Максим тут, ничего плохого с ними случиться не может. Максим весь этот месяц ночевал у него в подвале, и каждый раз, когда они укладывались спать, Лесник рассказывал Максиму сказку, одну и ту же, но с разными концами: «А вот жила на болоте жаба, большая была дура, прямо даже никто не верил, и вот повадилась она, дура...» Никак не мог Максим вообразить его в кровавом деле, хотя говорили ему, что Лесник — боец умелый и беспощадный.

— Новый план даёт следующие преимущества, — говорил Генерал. — Во-первых, нас в это время не ждут. Преимущество внезапности. Во-вторых, прежний план разработан уже давно, и достаточно велика опасность, что противнику он известен. Теперь мы противника опережаем. Вероятность успеха увеличивается...

Зелёный всё время одобрительно кивал. Хищное лицо его светилось злорадным удовольствием, ловкие длинные пальцы сжимались и разжимались. Он любил всякие неожиданности — очень

рискованный был человек. Прошрое его было темно. Он был вор и аферист, ворами воспитанный, ворами вскормленный, ворами выбитый; сидел в тюрьме, бежал — нагло, неожиданно, как делал всё, — попытался вернуться к своему вору, но времена переменились, дружки не потерпели выродка, хотели его выдать, но он отбилсЯ и снова бежал, скрывался по деревням, пока не нашёл его покойный Гэл Кетшеф. Зелёный был умница, фантазёр, землю полагал плоской, небо — твёрдым, и именно в силу своего невежества, взбадриваемого бурной фантазией, был единственным человеком на обитаемом острове, который, кажется, подозревал в Максиме не горца какого-то («Видал я этих горцев, во всех видах видал»), не странную игру природы («Мы от природы все везде одинаковые, что в тюрьме, что на воле»), а прямо-таки пришельца из невозможных мест, скажем, из-за небесной тверди. Открыто об этом он Максиму никогда не говорил, но намёки делал и относился к нему с почтением, переходящим в подхалимаж. «Ты у нас главным станешь, — говаривал он. — И вот тогда я под тобой развернусь...» Как и куда он собирался разворачиваться, было совершенно непонятно, но одно было ясно: очень любил Зелёный рискованные дела и терпеть не мог никакой работы. И ещё не понравилась в нём Максиму дикая его и первобытная жестокость. Это была та же пятнистая обезьяна, только приручённая, натасканная на панцирных волков.

— Мне это не нравится, — сказал Мемо угрюмо. — Это авантюра. Без подготовки, без проверки... Нет, мне это не нравится.

Ему никогда ничего не нравилось, этому Мемо Грамену, по прозвищу Копыто Смерти. Его никогда ничто не удовлетворяло, и он всегда чего-то боялся. Прошрое его скрывалось, потому что в подполье он сначала занимал весьма высокий пост. Потом он однажды попался в лапы жандармерии и выжил только чудом — изуродованный пытками был вытащен соседями по камере, устроившими побег. После этого, по законам подполья, его вывели из штаба, хотя он и не внушал никаких подозрений. Он был назначен помощником к Гэлу Кетшефу, дважды участвовал в нападениях на башни, лично уничтожил несколько патрульных машин, выследил и собственноручно застрелил командира одной из бригад Легиона, был известен как человек фанатической смелости и отличный пулемётчик. Его уже собирались сделать руководителем группы в каком-то городке на юго-западе, но тут группа Гэла попалась. Подозрений Копыто по-прежнему не вызывал, его даже назначили руководителем новой группы, но он, видимо, всё время чувствовал на себе косые взгляды, которых не было, но которые вполне могли бы быть: в подполье не жаловали людей, которым

слишком везёт. Он был молчалив, придирчив, хорошо знал науку конспирации и требовал безусловного выполнения всех её правил, даже самых незначительных. На общие темы никогда ни с кем не говорил, занимался только делами группы и добился того, что у группы было всё: и оружие, и продукты, и деньги, и хорошая сеть явок, и даже мотоцикл. Максима он недолюбливал. Это чувствовалось, и Максим не знал почему, а спрашивать ему не хотелось: Мемо был не из тех людей, с кем приятно откровенничать. Может быть, всё дело было в том, что Максим единственный чувствовал его вечный страх — остальным и в голову не могло прийти, что угрюмый Копыто Смерти, запросто разговаривающий с любым представителем штаба, один из зачинателей подполья, террорист до мозга костей, может чего-нибудь бояться.

— Мне непонятны резоны штаба, — продолжал Мемо, с отвращением размазывая по шее новую порцию репеллента. — Я знаю этот план сто лет. Сто раз его хотели испытать и сто раз отказывались, потому что это почти верная гибель. Пока нет излучения, мы ещё имеем шанс в случае неудачи хотя бы улизнуть и попробовать ударить снова в другом месте. Здесь — первая же неудача, и все мы погибли. Странно, что в штабе не понимают таких элементарных вещей.

— Ты не совсем прав, Копыто, — возразила Орди. — Теперь у нас есть Мак. Если что-нибудь и не получится, он сумеет нас вытащить и, может быть, даже сумеет взорвать башню.

Она лениво курила, глядя вдаль, на болото, сухая, спокойная, ничему не удивляющаяся и ко всему готовая. Она вызывала у людей робость, потому что видела в них только более или менее подходящие механизмы истребления. Она вся была как на ладони — ни в прошлом её, ни в настоящем, ни в будущем не было тёмных и туманных пятен. Происходила она из интеллигентной семьи, отец погиб на войне, мать и сейчас работала учительницей в посёлке Утки, и сама Орди работала учительницей до тех пор, пока её не выгнали из школы как выродка. Она скрывалась, пыталась бежать в Хонти, встретила за границей Гэла, переправлявшего оружие, и он сделал её террористкой. Сначала она работала из чисто идейных соображений — боролась за справедливое общество, где каждый волен думать и делать что хочет и может, но семь лет назад жандармерия напала на её след и забрала её ребёнка заложником, чтобы заставить её выдать себя и мужа. Штаб не разрешил ей явиться: она слишком много знала; о ребёнке она больше ничего не слышала, считала его мёртвым, хотя втайне не верила этому, и вот уже семь лет ею двигала прежде всего ненависть. Сначала ненависть, а потом уже изрядно потускневшая мечта о

справедливом обществе. Потерю мужа она пережила удивительно спокойно, хотя очень любила его. Вероятно, она просто задолго до ареста свыклась с мыслью, что ни за что в мире не следует держаться слишком крепко. Теперь она была, как Гэл на суде, — живым мертвецом, только очень опасным мертвецом.

— Мак — новичок, — мрачно сказал Мемо. — Кто поручится, что он не растеряется, оставшись один? Смешно на это рассчитывать. Смешно отвергать старый, хорошо рассчитанный план из-за того, что у нас есть новичок Мак. Я сказал и повторяю: это авантюра.

— Да брось ты, начальник, — сказал Зелёный. — Такая у нас работа. По мне, что старый план, что новый план — всё авантюра. А как же по-другому? Без риска нельзя, а с этими пилюлями риск меньше. Они же там под башней обалдеют, когда мы в десять часов на них наскочим. Они там небось в десять часов шнапс пьют и песни орут, а тут мы наскочим, а у них, может, и автоматы не заряжены и сами они пьяные лежат... Нет, мне нравится. Верно, Мак?

— Я, это самое, тоже... — сказал Лесник. — Я рассуждаю как? Если такой план даже мне удивителен, то уж legionерам этим и подавно. Правильно Зелёный говорит: обалдеют они... Опять же лишних пять минуток не помучаемся, а там, глядишь, Мак башню повалит, и совсем будет хорошо. «Да ведь как хорошо-то!» — сказал он вдруг, словно озарённый новой идеей. — Ведь никто же до нас башен не валит, только хвастались, а мы первыми будем... И опять же, пока они эту башню снова наладят, это сколько времени пройдёт! Хоть месяц-то по-человечески проживём... без приступов этих гадских...

— Боюсь, что вы меня не поняли, Копыто, — сказал Генерал. — В плане ничего не меняется, мы только нападаем неожиданно, усиливаем атаку за счёт Птицы и несколько меняем порядок отступления.

— А если ты беспокоишься, что Маку всех нас будет не вытащить, — по-прежнему лениво проговорила Орди, глядя на болото, — так ты не забывай, что тащить ему придётся одного, от силы двоих, а он мальчик сильный.

— Да, — сказал Генерал, глядя на неё. — Это правда...

Генерал был влюблён в Орди. Никто, кроме Максима, этого не видел, но Максим знал, что это любовь старая, безнадёжная, началась она ещё при Гэле, а теперь стала ещё безнадёжнее, если это возможно. Генерал был не генерал. До войны он был рабочим на конвейере, потом попал в школу субалтерн-офицеров, воевал в пехоте, кончил войну ротмистром. Он хорошо знал ротмистра Чачу, имел с ним счёты (были какие-то беспорядки в каком-то полку сразу после войны) и давно и безуспешно охотился за ним. Он был работником

штаба подполья, но часто принимал участие в практических операциях, был хорошим воякой, знающим командиром. Работать в подполье ему нравилось, но что будет после победы, он представлял себе плохо. Впрочем, в победу он и не верил. Прирождённый солдат, он легко приспособлялся к любым условиям и никогда не загадывал дальше, чем на десять — двадцать дней вперёд. Своих идей у него не было, кое-чего он нахватался от однорукого, кое-что перенял у Кетшефа, кое-что ему внушили в штабе, но главным в его сознании оставалось то, что вдолбили ему в школе субалтерн-офицеров. Поэтому, теоретизируя, он высказывал странную смесь взглядов: власть богатых надобно свергнуть (это от Вепря, который в представлении Максима был чем-то вроде социалиста или коммуниста), во главе государства поставить надлежит инженеров и техников (это от Кетшефа), города скрыть, а самим жить в единении с природой (какой-то штабной мыслитель-буколист), и всего этого можно добиться только беспрекословным подчинением приказу вышестоящих командиров, и поменьше болтовни на отвлечённые темы. Два раза Максим с ним сцепился. Было совершенно непонятно, зачем разрушать башни, терять на этом смелых товарищей, время, средства, оружие — через десять — двадцать дней башню всё равно восстановят, и всё пойдёт по-прежнему, с той только разницей, что население окрестных деревень своими глазами убедится, какие гнусные дьяволы эти выродки. Генерал так и не сумел толком объяснить Максиму, в чём смысл диверсионной деятельности. То ли он что-то скрывал, то ли сам не понимал, зачем это нужно, но каждый раз он твердил одно и то же: приказы не обсуждаются, каждое нападение на башню — удар по врагу, нельзя удерживать людей от активной деятельности, иначе ненависть скиснет в них и жить станет совсем уж не для чего... «Надо искать центр! — настаивал Максим. — Надо бить сразу по центру, всеми силами сразу! Что у вас в штабе за головы, если не понимают такой простой вещи?» — «Штаб знает, что делает, — веско отвечал Генерал, вздёргивая подбородок и высоко задирая брови. — Дисциплина в нашем положении — прежде всего, и давай-ка без крестьянской вольницы. Мак, всему своё время, будет тебе и центр, если доживёшь...» Впрочем, он относился к Максиму с уважением и охотно прибегал к его услугам, когда лучевые удары застигали его в подвале Лесника...

— Всё равно я против, — упрямо сказал Мемо. — А если нас положат огнём? А если мы не успеем за пять минут, а понадобится нам шесть? Безумный план. И всегда он был безумным.

— Удлиненные заряды мы применяем впервые, — сказал Генерал, с трудом отрывая взгляд от Орди. — Но если брать прежние способы

прорыва через проволоку, то судьба операции определяется в среднем через три-четыре минуты. Если мы застанем их врасплох, у нас ещё останется одна или даже две минуты в запасе.

— Две минуты — время большое, — сказал Лесник. — За две минуты я их там всех голыми руками передавлю. Добежать бы только.

— Добежать бы... да-а... — с какой-то зловещей мечтательностью протянул Зелёный. — Верно, Мак?

— Ты ничего не хочешь сказать, Мак? — спросил Генерал.

— Я уже говорил, — сказал Максим. — Новый план лучше старого, но всё равно плох. Дайте я всё сделаю сам. Рискните.

— Не будем об этом, — сказал Генерал раздражённо. — Об этом — всё. Дельные замечания у тебя есть?

— Нет, — сказал Максим. Он уже жалел, что снова затеял этот разговор.

— Откуда взялись новые таблетки? — спросил вдруг Мемо.

— Таблетки старые, — сказал Генерал. — Маку удалось немного улучшить их.

— Ах, Маку...

Копыто произнёс это таким тоном, что всем стало неловко. Его слова можно было понять так: новичок, да ещё не совсем наш, да ещё пришедший с той стороны, — а не пахнет ли дело засадой, такие случаи бывали...

— Да, — резко сказал Генерал. — И довольно разговоров. Приказ штаба. Изволь подчиняться, Копыто.

— Я подчиняюсь, — сказал Мемо, пожав плечами. — Я против этого, но я подчиняюсь. Куда же деваться...

Максим грустно смотрел на них. Они сидели перед ним, очень разные, — в обычных условиях, наверное, им и в голову бы не пришло, что они могут собраться вместе: бывший фермер, бывший уголовник, бывшая учительница... То, что они собирались сделать, было бессмысленно; пройдёт несколько часов, и большинство из них будут мертвы, а в мире ничего не изменится, и те, кто останется в живых, в лучшем случае получат передышку от адских болей, но они будут изранены, измучены бегством, их будут травить собаками, им придётся отсиживаться в душных норах, а потом всё начнётся сначала. Действовать с ними заодно было глупо, но покинуть их было бы подло, и приходилось выбирать глупость. А может быть, здесь у них вообще нельзя иначе, а если хочешь что-нибудь сделать, приходится пройти через глупость, через бессмысленную кровь, а может быть, и через подлость придётся пройти. Жалкий человек... глупый человек... подлый человек... А что ещё можно ожидать от человека в таком жалком,

глупом и подлом мире? Надо помнить только, что глупость есть следствие бессилия, а бессилие проистекает из невежества, из незнания верной дороги... Но ведь не может же быть так, чтобы среди тысячи дорог не нашлось верной! «По одной дороге я уже прошёл, — думал Максим, — это была неверная дорога. Теперь надо пройти по этой, хотя уже сейчас видно, что это тоже неверная дорога. И может быть, мне ещё не раз придётся ходить по неверным дорогам и забираться в тупики. А перед кем я оправдываюсь? — подумал он. — И зачем? Они мне нравятся, я могу им помочь, вот и всё, что мне нужно знать сейчас...»

— Сейчас мы разойдёмся, — сказал Генерал. — Копыто идёт с Лесником, Мак — с Зелёным, я — с Птицей. Встреча в девять ноль-ноль у межевой отметки, идти только лесом, без дорог. Парам не разлучаться, каждый отвечает за каждого. Идите. Первыми уходят Мемо и Зелёный. — Он собрал окурки на лист бумаги, свернул и положил в карман.

Лесник потёр колени.

— Кости болят, — сообщил он. — К дождичку. Хорошая нынче будет ночь, тёмная...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

От лесной опушки до проволоки надо было ползти. Впереди полз Зелёный, он волочил шест с удлинённым зарядом и едва слышно ругал колючки, впивавшиеся в руки. Максим, придерживая мешок с магнитными минами, полз следом. Небо было затянуто тучами, моросил дождь. Трава была мокрая, и в первые же минуты они промокли до нитки. За дождём ничего не было видно, Зелёный полз по компасу и ни разу не отклонился — опытный был человек этот Зелёный. Потом резко запахло сырой ржавчиной, и Максим увидел проволоку в три ряда, а за проволокой — смутную решётчатую громаду башни, а приподняв голову, разглядел у основания башни приземистое сооружение с прямоугольными очертаниями. Это был капонир, там сидели трое легионеров с пулемётом. Сквозь шорох дождя слышались неразличимые голоса, потом там зажгли спичку, и слабым жёлтым светом озарилась длинная амбразура.

Зелёный, шёпотом чертыхаясь, просовывал шест под проволоку. «Готово, — шепнул он. — Отползай». Они отползли на десяток шагов и стали ждать. Зелёный, зажав в кулаке шнур детонатора, глядел на светящиеся стрелки часов. Его трясло. Максим слышал, как он постукивает зубами и сдавленно дышит. Максима тоже трясло. Он сунул

руку в мешок и потрогал мины — они были шероховатые, холодные. Дождь усилился, шуршание заглушало теперь все звуки. Зелёный приподнялся и встал на четвереньки. Он всё время что-то шептал: то ли молился, то ли ругался. «Ну, гады!» — сказал он вдруг громко и сделал резкое движение правой рукой. Раздался пистонный щелчок, шипение, и впереди ахнуло из-под земли полотнище красного пламени, и взметнулось широкое полотнище далеко слева, ударило по ушам, посыпалась горячая мокрая земля, клочья тлеющей травы, какие-то раскалённые кусочки. Зелёный рванулся вперёд, крича чужим голосом, и вдруг стало светло как днём, светлее, чем днём, ослепительно светло. Максим зажмурился и ощутил холод внутри, и в голове мелькнула мысль: «Всё пропало», но выстрелов не было, тишина продолжалась, ничего не было слышно, кроме шуршания и шипения.

Когда Максим открыл глаза, он сквозь слепящий свет увидел серый капонир, широкий проход в проволоке и каких-то людей, очень маленьких и одиноких на огромном пустом пространстве вокруг башни, — они со всех ног бежали к капониру, молча, беззвучно, спотыкались, падали, снова вскакивали и бежали. Потом послышался жалобный стон, и Максим увидел Зелёного, который никуда не бежал, а сидел, раскачиваясь, на земле сразу за проволокой, обхватив голову руками. Максим бросился к нему, оторвал его руки от лица, увидел закаченные глаза и пузыри слюны на губах... А выстрелов всё не было; прошла уже целая вечность, а капонир молчал. И вдруг там грянули знакомую песню.

Максим повалил этого разгильдяя навзничь, шаря одной рукой в кармане и радуясь, что Генерал такой недоверчивый, что он и Максиму дал на всякий случай болезащитные пилюли. Он разжал Зелёному сведённый судорогой рот и засунул пилюли глубоко в хрипящую чёрную глотку. Потом он схватил автомат Зелёного и повернулся, ища, откуда свет, почему столько света, не должно быть столько света... Выстрелов всё не было, одинокие люди продолжали бежать, один был уже совсем недалеко от капонира, другой немного отстал, а третий, который бежал справа, вдруг с размаху упал и покатился через голову. «О, как рыдает враг!..» — ревели в капонире, а свет бил сверху, с высоты десятка метров — наверное, с башни, которую нельзя было теперь разглядеть. Пять или шесть ослепительных бело-синих дисков, и Максим вскинул автомат и нажал на спусковой крючок, и самодельный автомат, маленький, неудобный, непривычный, забился у него в руках. И словно в ответ засверкали красные вспышки в амбразуре капонира, и вдруг автомат вырвали у него из рук, он ещё не попал ни в один из ослепительных дисков, а Зелёный уже вырвал

у него автомат, и кинулся вперёд, и сразу же упал, споткнувшись на ровном месте...

Тогда Максим лёг и пополз обратно к своему мешку. Позади торопливо трещали автоматы, гулко и страшно ревел пулемёт, и вот — наконец-то! — хлопнула граната, потом другая, потом две сразу, и пулемёт замолчал; трещали только автоматы, и снова захлопали взрывы, кто-то завизжал нечеловеческим визгом, и стало тихо. Максим подхватил мешок и побежал. Над капониром столбом поднимался дым, несло гарью и порохом, а вокруг было светло и пусто, только чёрный сутулый человек

брёл возле самого капонира, придерживаясь за стенку; добрался до амбразуры, бросил туда что-то и повалился. Амбразура озарилась красным, донёсся хлопок, и снова всё стихло...

Максим споткнулся и чуть не упал. Через несколько шагов он снова споткнулся и тогда заметил, что из земли торчат колышки, толстые короткие колышки, спрятанные в траве... «Вот оно как... Вот оно как здесь... Если бы Генерал пустил меня в одиночку, я бы сразу разmozжил себе обе ноги и сейчас валялся бы замертво на этих гнусных ехидных колышках... Хвастун... невежда...» Башня была уже совсем близко. Он бежал и смотрел под ноги, он был один, и ему не хотелось думать об остальных.

Он добежал до огромной железной лапы, бросил мешок. Ему очень хотелось тут же прилепить тяжёлую шершавую лепёшку к мокрому железу, но был ещё капонир... Железная дверь была приоткрыта, из неё высовывались ленивые языки пламени, на ступеньках лежал легионер — тут всё было кончено. Максим пошёл вокруг капонира и нашёл Генерала. Генерал сидел, прислонившись к бетонной стенке; глаза у него были бессмысленные, и Максим понял, что срок действия таблеток кончился. Он огляделся, поднял Генерала на руки и понёс от башни. Шагах в двадцати лежала в траве Орди с гранатой в руке. Она лежала ничком, но Максим сразу понял, что она мертва. Он стал искать дальше и нашёл Лесника, тоже мёртвого. И Зелёный тоже был убит, и не с кем было положить живого Генерала...

Он шёл по полю, отбрасывая множественную чёрную тень, оглушённый всеми этими смертями, хотя минуту назад думал, что готов к ним, и ему не терпелось вернуться и взорвать башню, чтобы закончить то, что они начали, но сначала надо было посмотреть, что с Копытом, и он нашёл Мемо совсем рядом с проволокой. Мемо был ранен и, наверное, пытался уползти и полз к проволоке, пока не свалился без сознания. Максим положил Генерала рядом и снова побежал к башне. Странно было думать, что теперь эти несчастные двести метров можно спокойно пройти, ничего не опасаясь.

Он принялся прилаживать мины к опорам, по две штуки на каждую опору для верности. Он торопился; время было, но Генерал истекал кровью, и Мемо истекал кровью, а где-то уже неслись по шоссе грузовики с легионерами, и Гая подняли по тревоге, и теперь он трясся по булыжнику рядом с Панди, и в окрестных деревнях уже проснулись люди: мужчины хватали ружья и топоры, дети плакали, а женщины проклинали кровавых шпионов, из-за которых ни сна, ни покоя. Он всей кожей чувствовал, как морозящая тьма вокруг оживает, шевелится, становится грозной и опасной...

Запалы были рассчитаны на пять минут; он поочерёдно включил их все и побежал назад, к Генералу и Мемо. Что-то мешало ему, он остановился, поискал глазами и понял: Орди. Бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, он вернулся к ней, поднял на плечо лёгкое тело и снова бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, — к проволоке, к северному проходу, где мучались Генерал и Мемо, но им недолго уже оставалось мучаться. Он остановился возле них и обернулся к башне.

И вот исполнилась эта бессмысленная мечта террористов. Быстро, одна за другой, треснули мины, основание башни заволокло дымом, а затем слепящие огни погасли, стало непроглядно темно, в темноте

заскрежетало, загрохотало, тряхнуло землю, с лязгом подпрыгнуло и снова тряхнуло землю.

Максим поглядел на часы. Было семнадцать минут одиннадцатого. Глаза привыкли к темноте, снова стала видна развороченная проволока, и стала видна башня. Она лежала в стороне от капонира, где всё ещё горело, растопырив изуродованные взрывами опоры.

— Кто здесь? — прохрипел Генерал, завозившись.

— Я, — сказал Максим. Он нагнулся. — Пора уходить. Куда вам попало? Вы можете идти?

— Погоди, — сказал Генерал. — Что с башней?

— Башня готова, — проговорил Максим.

Орди лежала на его плече, и он не знал, как сказать о ней.

— Не может быть, — сказал Генерал, приподнимаясь. — Массаракш! Неужели?.. — Он засмеялся и опять лёг. — Слушай, Мак, я ничего не соображаю... Сколько времени?

— Двадцать минут одиннадцатого.

— Значит, всё верно... Мы её прикончили... Молодец, Мак... Подожди, а это кто рядом?

— Копыто, — сказал Максим.

— Дышит, — сказал Генерал. — Подожди, а кто ещё жив? Это у тебя кто?

— Это Орди, — с трудом сказал Максим.

Несколько секунд Генерал молчал.

— Орди. — повторил он нерешительно и встал, пошатываясь. — Орди, — снова повторил он и приложил ладонь к её щеке.

Некоторое время они молчали. Потом Мемо хрипло спросил:

— Который час?

— Двадцать две минуты, — сказал Максим.

— Где мы? — спросил Мемо.

— Нужно уходить, — сказал Максим.

Генерал повернулся и пошёл через проход в проволоке. Его сильно шатало. Тогда Максим нагнулся, взвалил на другое плечо грузного Мемо и двинулся следом. Он догнал Генерала, и тот остановился.

— Только раненых, — сказал он.

— Я донесу, — сказал Максим.

— Выполняйте приказ, — сказал Генерал. — Только раненых.

Он протянул руки и, постанывая от боли, снял тело Орди с плеча Максима. Он не мог удержать её и сразу положил на землю.

— Только раненых, — сказал он странным голосом. — Бегом... марш!

— Где мы? — спросил Мемо. — Кто тут? Где мы?

— Держитесь за мой пояс, — сказал Максим Генералу и побежал.

Мемо вскрикнул и обмяк. Голова его болталась, руки болтались, ноги поддавали Максиму в спину. Генерал, громко и сипло дыша, бежал по пятам, держась за пояс.

Они вбежали в лес. По лицу захлестали мокрые ветви. Максим увёртывался от деревьев, бросавшихся навстречу, перепрыгивая через выскакивающие пни, — это оказалось труднее, чем он думал, он был уже не тот, и воздух здесь был не тот, и вообще всё было не так, всё было неправильно, всё было ненужно и бессмысленно.

Позади оставались поломанные кусты, и кровавый след, и запах, а дороги уже давно оцеплены, рвутся с поводков собаки, и ротмистр Чачу с пистолетом в руке, каркая команды, косолапо бежит по асфальту, перемахивает кювет и первым ныряет в лес. Позади оставалась дурацкая поваленная башня, и обгоревшие легионеры, и трое мёртвых, уже закоченевших товарищей, а здесь было двое, израненных, полумёртвых, не имеющих почти никаких шансов, — и всё ради одной башни, одной дурацкой, бессмысленной, грязной, ржавой башни, одной из тысяч таких же... «Больше я никому не позволю совершать такие глупости. «Нет, — скажу я, — я это видел...» Сколько крови, и всё за груды бесполезного ржавого железа, одна молодая глупая жизнь за ржавое железо, и одна старая глупая жизнь за жалкую надежду хоть несколько дней побыть как люди, и одна расстрелянная любовь — даже не за железо и даже не за надежду... «Если вы хотите просто выжить, — скажу я, — то зачем же так просто умираете, так дешево умираете...» Массаракш, я не позволю им умирать, они у меня будут жить, научатся жить!.. Какой болван, как я пошёл на это, как я им позволил пойти на это?!»

Он стремглав выскочил на просёлок, держа Мемо на плече и волоча Генерала под мышки, огляделся — Малыш уже бежал к нему от межевого знака, мокрый, пахнувший потом и страхом.

— Это всё? — спросил он с ужасом, и Максим был ему благодарен за этот ужас.

Они дотащили раненых до мотоцикла, впихнули Мемо в коляску, а Генерала посадили на заднее седло, и Малыш привязал его к себе ремнём. В лесу было ещё тихо, но Максим знал, что это ничего не означает.

— Вперёд, — сказал он. — Не останавливайся, прорывайся...

— Знаю, — сказал Малыш. — А ты?

— Я постараюсь отвлечь их на себя. Не беспокойся, я уйду.

— Безнадёжно, — сказал Малыш с тоской, дёрнул стартёр, и мотоцикл затрещал. — Ну хоть башню-то взорвали? — крикнул он.

— Да, — сказал Максим, и Малыш умчался. Оставшись один, Максим несколько секунд стоял неподвижно, потом кинулся обратно в лес. На первой же попавшейся полянке он сорвал с себя куртку и швырнул в кусты. Потом бегом вернулся на дорогу и некоторое время бежал изо всех сил по направлению к городу; остановился, отцепил от пояса гранаты, разбросал их на дороге, продрался сквозь кусты на другой стороне, стараясь сломать как можно больше веток, бросил за кустами носовой платок и только тогда побежал прочь через лес, перестраиваясь на ровный охотничий бег, которым ему предстояло пробежать десять или пятнадцать километров.

Он бежал, ни о чём не думая, следя только за тем, чтобы не отклоняться сильно от направления на юго-запад, и выбирая место, куда ставить ногу. Дважды он пересекал дорогу, один раз — просёлочную, на которой было пусто, и другой раз — Одиннадцатое шоссе, где тоже никого не было, но здесь он впервые услышал собак. Он не мог определить, какие это собаки, но на всякий случай дал большой крюк и через полтора часа оказался среди пакгаузов городской сортировочной станции.

Здесь светились огни, жалобно посвистывали паровозы, сновали люди. Здесь, вероятно, ничего не знали, но бежать было уже нельзя — могли принять за вора. Он перешёл на шаг, а когда мимо грузно покатился в город тяжёлый товарный состав, вскочил на первую же попавшуюся платформу с песком, залёг и так доехал до самого бетонного завода. Тут он соскочил, отряхнул песок, слегка запачкал руки мазутом и стал думать, что делать дальше.

Пробираться в дом Лесника не имело никакого смысла, а это была единственная явка поблизости. Можно было попытаться переночевать в посёлке Утки, но это было опасно — это был адрес, известный ротмистру Чачу, и, кроме того, Максиму было страшно подумать — явиться сейчас к старой Илли и рассказать ей о смерти дочери. Идти было некуда. Он зашёл в захудалый ночной трактирчик для рабочих, поел сосисок, выпил пива, подремал, привалившись к стене. Все здесь были такие же грязные и усталые, как он, рабочие после смены, опоздавшие на последний трамвай. Ему приснилась Рада, и он подумал во сне, что Гай сейчас, вероятно, в облаве, и это хорошо. А Рада его любит и примет, даст переодеться и умыться; там ещё должен остаться его гражданский костюм, тот самый, который дал ему Фанк... А утром можно будет уехать на восток, где находится вторая известная ему явка... Он проснулся, бросил на стол мятую кредитку и вышел.

Идти было недалеко и неопасно. Народу на улицах не было, только у самого дома он заметил человека — это был привратник. Привратник сидел в подъезде на своём табурете и спал. Максим осторожно прошёл мимо, поднялся по лестнице и позвонил так, как звонил всегда. За дверью было тихо, потом что-то скрипнуло, послышались шаги, и дверь приоткрылась. Он увидел Раду.

Она не закричала только потому, что задохнулась и зажала себе рот ладонью. Максим обнял её, прижал к себе, поцеловал в лоб; у него было такое чувство, как будто он вернулся домой, где его давно уже перестали ждать. Он закрыл за собой дверь, и они тихо прошли в комнату, и Рада сразу заплакала. В комнате было всё по-прежнему, только не было его диванчика, а на кровати сидел Гай в ночной рубашке и ошалело тарасился на Максима испуганными, дикими от удивления глазами. Так прошло несколько минут: Максим и Гай смотрели друг на друга, а Рада плакала.

— Массаракш, — сказал наконец Гай беспомощно. — Ты живой?.. Ты не мёртвый?

— Здравствуй, дружище, — сказал Максим. — Жалко, что ты дома. Я не хотел тебя подводить. Если ты скажешь, я сразу уйду.

И сейчас же Рада крепко вцепилась в его руку.

— Ни-ку-да! — сказала она сдавленно. — Ни за что! Никуда не уйдёшь... Пусть попробует... Тогда я тоже... я не посмотрю...

Гай отшвырнул одеяло, спустил с кровати ноги и подошёл к Максиму. Он потрогал его за плечи, за руки, испачкался мазутом, вытер себе лоб, испачкал лоб.

— Ничего не понимаю, — сказал он жалобно. — Ты живой... Откуда ты взялся? Рада, перестань реветь... Ты не ранен? У тебя ужасный вид... И вот кровь...

— Это не моя, — сказал Максим.

— Ничего не понимаю, — повторил Гай. — Слушай, ты же жив! Рада, грей воду! Разбуди старого, пусть даст водки...

— Тихо, — сказал Максим. — Не шумите, за мной гонятся.

— Кто? Зачем? Чепуха какая... Рада, дай ему переодеться!.. Мак, садись, садись... Или, может быть, ты хочешь лечь? Как это получилось? Почему ты жив?..

Максим осторожно сел на краешек стула, положил руки на колени, чтобы ничего не испачкать, и, глядя на этих двоих, в последний раз глядя на них, как на своих друзей, ощущая даже какое-то любопытство к тому, что произойдёт дальше, сказал:

— Я ведь теперь преступник, ребята. Я только что взорвал башню.

Он не удивился, что они поняли его сразу, мгновенно поняли, о какой башне идёт речь, и не переспросили. Рада только стиснула руки, не отрывая от него взгляда, а Гай крикнул, фамильным жестом почесал шевелюру обеими руками и, отведя глаза, сказал с досадой:

— Болван. Отомстить, значит, решил... Кому мстишь? Эх ты, как был псих, так и остался. Ребёнок маленький... Ладно. Ты ничего не говорил, мы ничего не слышали. Ладно... Ничего не желаю знать. Рада, иди грей воду. Да не шуми там, не буди людей... Раздевайся, — сказал он Максиму строго. — Извозился, как чёрт, где тебя носит...

Максим поднялся и стал раздеваться. Сбросил грязную, мокрую рубаху (Гай увидел шрамы от пуль и гулко проглотил слюну), с отвращением стянул безобразно грязные сапоги и штаны. Вся одежда была в чёрных пятнах, и, освободившись от неё, Максим почувствовал облегчение.

— Ну вот и славно, — сказал он и снова сел. — Спасибо, Гай. Я ненадолго, только до утра, а потом уйду...

— Привратник тебя видел? — мрачно спросил Гай.

— Он спал.

— Спал... — сказал Гай с сомнением. — Он, знаешь... Ну, может быть, конечно, и спал. Спит же он когда-нибудь...

— Почему ты дома? — спросил Максим.

— В увольнении.

— Какое может быть увольнение? — сказал Максим. — Весь Легион, наверное, сейчас за городом...

— А я больше не легионер, — сказал Гай, криво усмехаясь. — Выгнали меня из Легиона, Мак. Я теперь всего-навсего армейский капрал, учу деревенщину, какая нога правая, какая — левая. Обучу — и айда на хонтийскую границу, в окопы... Такие вот у меня дела, Мак.

— Это из-за меня? — тихо спросил Максим.

— Да как тебе сказать... В общем, да.

Они посмотрели друг на друга, и Гай отвёл глаза. Максим вдруг подумал, что если бы Гай сейчас выдал его, то, наверное, вернулся бы в Легион и в свою заочную офицерскую школу; и ещё он подумал, что каких-нибудь два месяца назад такая мысль не могла бы прийти ему в голову. Ему стало неприятно, захотелось уйти, сейчас же, немедленно, но тут вернулась Рада и позвала его в ванную. Пока он мылся, она приготовила поесть, согрела чай, а Гай сидел на прежнем месте, подперев щёки кулаками, и на лице его была тоска. Он ни о чём не спрашивал — должно быть, боялся услышать что-нибудь страшное, что-нибудь такое, что прорвёт последнюю линию его обороны, пережмет последние ниточки, ещё соединяющие его с Максимом. И Рада

ни о чём не спрашивала — должно быть, ей было не до того; она не спускала с него глаз, не отпускала его руки и время от времени всхлипывала — боялась, что он вдруг исчезнет, любимый человек. Исчезнет и никогда больше не появится. И тогда Максим — времени оставалось мало — отодвинул недопитую чашку и принялся рассказывать сам.

О том, как помогла ему мать террористки, как он встретился с выродками, кто они такие, выродки, на самом деле, почему они выродки, и что такое башни, какая дьявольская, отвратительная выдумка эти башни. О том, что произошло сегодня ночью, как люди бежали на пулемёт и умирали один за другим, как рухнула эта гнусная груда мокрого железа и как он нёс мёртвую женщину, у которой отняли ребёнка и убили мужа...

Рада слушала жадно, и Гай тоже в конце концов заинтересовался, он даже стал задавать вопросы, ехидные, злые вопросы, глупые и жестокие, и Максим понял, что он ничему не верит, что всё это отталкивается от его сознания, как вода от жира, что ему неприятно это слушать и он с трудом сдерживается, чтобы не оборвать Максима.

И когда Максим закончил рассказ, он сказал, нехорошо усмехаясь:

— Здорово они обвели тебя вокруг пальца.

Максим посмотрел на Раду, но Рада отвела глаза и, покусывая губу, проговорила нерешительно:

— Не знаю... Может быть, конечно, была одна такая башня... Понимаешь, Мак, это просто не может быть, то, что ты рассказываешь...

Она говорила замирающим, тихим голосом, явно стараясь не обидеть его, просительно заглядывала ему в глаза, поглаживала по плечу, а Гай вдруг расвирепел и стал говорить, что это же глупо, что Максим просто не представляет себе, сколько таких башен стоит по стране, сколько их строится ежегодно, ежедневно, — так неужели же эти огромные миллиарды тратятся только для того, чтобы дважды в день доставлять неприятности жалкой кучке уродов?!

— На одну охрану сколько денег уходит, — добавил он после паузы.

— Об этом я думал, — сказал Максим. — Наверное, всё действительно не так просто. Но хонтийские деньги здесь ни при чём... И потом, я сам видел: как только башня свалилась, им всем стало лучше. А что касается ПБЗ... Пойми, Гай, для защиты с воздуха башен слишком много. Чтобы перекрыть воздушное пространство, их нужно гораздо меньше... И потом, зачем ПБЗ на южной границе? Разве у диких выродков есть баллистические средства?

— Там много чего есть, — сказал Гай зло. — Ты ничего не знаешь, а всему веришь... Извини, Мак, но если бы ты был не ты... Все мы слишком доверчивы, — горько добавил он.

Максиму больше не хотелось спорить и вообще говорить на эту тему. Он стал расспрашивать, как идёт жизнь, где работает Рада, почему не пошла учиться, как дядюшка, как соседи... Рада оживилась, принялась рассказывать, потом спохватилась, собрала грязную посуду и ушла на кухню. Гай почесался двумя руками, похмурился на тёмное окно, а потом решился и начал серьёзный мужской разговор.

— Мы тебя любим, — сказал он. — Я тебя люблю, Рада тебя любит, хотя и беспокойный ты человек и всё у нас из-за тебя пошло как-то не так. Но ведь вот в чём дело: Рада тебя не просто любит, не так, понимаешь... а как бы тебе сказать... в общем, ты понимаешь... в общем, нравишься ты ей, и всё это время она проплакала, а первую неделю даже проболела. Она девушка хорошая, хозяйственная, многие на неё заглядываются, и это не удивительно... Не знаю, как ты к ней, но что бы я тебе посоветовал? Брось ты все эти глупости, не для тебя они, не твоего ума дело, запутают тебя, сам погибнешь, многим невинным людям жизнь испортишь — ни к чему всё это. А поезжай ты обратно к себе в горы, найди своих, головой не вспомнишь — сердце подскажет, где твоя родина... Искать тебя там никто не будет, устроишься, наладишь жизнь, тогда приезжай, забирай Раду, и будет вам там хорошо. А может, мы к тому времени уже и с хонтийцами покончим. Пандею прижмём покрепче, наступит наконец мир, и заживём как люди...

Максим слушал его и думал, что, если бы он был действительно горцем, он бы, наверное, так и поступил: вернулся бы на родину и женился бы потихоньку с молодой женой, забыл бы обо всех этих ужасах, о сложностях... Нет, не забыл бы, а организовал бы оборону, так что чиновники Творцов и носу бы туда не сунули; а явились бы туда легионеры, бился бы у родного порога до последнего... «Только я не горец. В горах мне делать нечего, а дело моё здесь, я всего этого терпеть не намерен... Рада? Что же, Рада... если действительно любит, тогда поймёт, должна будет понять... Не хочу сейчас об этом думать, не хочу любить, не время мне сейчас любить...»

Он задумался и не сразу осознал, что в доме что-то переменилось. Кто-то ходил по коридору, кто-то шептался за стеной. И вдруг в коридоре завопили, Рада отчаянно крикнула: «Мак!..» — и сразу же замолчала, словно ей зажали рот. Он вскочил и бросился к окну, но дверь распахнулась, и на пороге появилась Рада, без кровинки в лице. Пахнуло знакомым запахом казармы, застучали, больше не таясь, подкованные сапоги, Раду впахнули в комнату, и следом повалили

люди в чёрных комбинезонах, и Панди с озверелым лицом навёл на него автомат, а ротмистр Чачу, хитрый, как всегда, и умный, как всегда, стоял рядом с Радой, держа её за плечо и уперев ствол пистолета ей в бок.

— Ни с места! — крикнул он. — Пошевелишься — стреляю!

Максим замер. Он ничего не мог, ему нужно было по меньшей мере две десятых секунды, может быть, полторы, но этому убийце хватило бы и одной.

— Руки вперёд! — каркнул Чачу. — Капрал, наручники! Двойные наручники! Шевелись, массаракш!

Панди, которого Максим неоднократно на занятиях бросал через голову, с большой осторожностью приблизился, отстёгивая от пояса тяжёлую цепь. Озверелость на его лице сменилась озабоченным выражением.

— Ты смотри, — сказал он Максиму. — Ежели что, господин ротмистр её сразу... того... любовь твою...

Он защёлкнул стальные браслеты на запястьях Максима, присел на корточки и сковал ему ноги. Максим мысленно усмехнулся. Он уже знал, что будет делать дальше. Но он недооценил ротмистра. Ротмистр не отпустил Раду. Все вместе они спустились по лестнице, все вместе сели в грузовик, и ротмистр ни на секунду не отвёл пистолета. Затем в грузовик втокнули скованного Гая. До рассвета было ещё далеко, по-прежнему моросил дождь, размытые огни едва освещали мокрую улицу. На скамьях в кузове с грохотом рассаживались легионеры, огромные мокрые псы молча рвались с поводков и, осаженные, нервно, с прискуливанием, зевали. А в подъезде, прислонившись к косяку, стоял, сложив руки на животе, привратник. Он дремал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Государственный прокурор откинулся на спинку кресла, бросил в рот несколько сушёных ягод, пожевал и запил глотком целебной воды. Зажмурившись и придавив пальцами утомлённые глаза, он прислушался. Вокруг на многие сотни метров было хорошо. Здание Дворца юстиции было пусто, в окна монотонно барабанил ночной дождь, не слышно было сирен и скрипа тормозов, не стучали и не жужжали лифты. И никого не было, только в приёмной за высокой дверью, тихий, как мышь, томился в ожидании приказаний ночной референт. Прокурор медленно разжмурился и сквозь плывущие цветные пятна взглянул на кресло для посетителей, сделанное по особому заказу. «Кресло надо будет взять с собой. И стол надо взять тоже, я к

нему привык... А ведь жалко будет, пожалуй, уходить отсюда — нагрел местечко... И зачем мне уходить? Странно устроен человек: если перед ним лестница, ему обязательно надо вскарабкаться на самый верх. На самом верху холодно, дуют очень вредные для здоровья сквозняки, падать оттуда смертельно, ступеньки скользкие, опасные, и ты отлично знаешь это, и всё равно лезешь, карабкаешься — язык на плечо. Вопреки обстоятельствам — лезешь, вопреки любым советам — лезешь, вопреки сопротивлению врагов — лезешь, вопреки собственным инстинктам, здравому смыслу, предчувствиям — лезешь, лезешь, лезешь... Тот, кто не лезет вверх, тот падает вниз, это верно. Но и тот, кто лезет вверх, тоже падает вниз...»

Писк внутреннего телефона прервал его мысли. Он взял наушник и, досадливо морщась, сказал:

— В чём дело? Я занят.

— Ваше превосходительство... — прошелестел референт. — Некто, назвавший себя Странником, звонит по вашей личной линии и настоятельно просит разговора с вашим...

— Странник? — Прокурор оживился. — Соедините. В наушнике щёлкнуло, референт прошелестел:

— Его превосходительство вас слушает.

Снова щёлкнуло, и знакомый голос произнёс, твёрдо, по-пандейски, выговаривая слова:

— Умник? Здравствуй. Ты сильно занят?

— Для тебя — нет.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Когда?

— Сейчас, если можно.

— Я в твоём распоряжении, — сказал прокурор. — Приезжай.

— Я буду через десять — пятнадцать минут. Жди. Прокурор положил наушник и некоторое время сидел неподвижно, пощипывая нижнюю губу. «Явился, голубчик, — подумал он. — И опять как снег на голову. Массаракш, сколько денег я убил на этого человека, больше, наверное, чем на всех прочих, вместе взятых, а знаю о нём только то, что все прочие, взятые по отдельности. Опасная фигура. Непредсказуемая. Испортил настроение...» Прокурор сердито посмотрел на бумаги, разложенные по столу, небрежно сгрёб их в кучу и сунул в стол. «Сколько же времени его не было?.. Да, два месяца. Как всегда. Исчез неизвестно куда, два месяца никаких сведений, и вот, пожалуйста, как чёртик из коробки... Нет, с этим чёртиком надо что-то делать, так работать нельзя... Ну хорошо, а что ему от меня нужно? Что, собственно, случилось за эти два месяца? Свалили

Ловкача... Вряд ли это его интересует. Ловкача он презирал. Впрочем, он всех презирает... По его линии ничего не было, да и не придёт он ко мне из-за такой чепухи — пойдёт прямо к Канцлеру или к Барону... Может быть, нащупал что-нибудь любопытное и хочет в альянс войти? Дай бог, дай бог... А только я бы на его месте ни с кем в альянс не вступал... Может быть, процесс?.. Да нет, при чём здесь процесс. А, чего гадать, примем-ка лучше необходимые меры».

Он выдвинул потайной ящик и включил все фонографы и скрытые камеры. «Эту сцену мы сохраним для потомства. Ну, где же ты, Странник?» От возбуждения он вспотел, его ударило в дрожь; чтобы успокоиться, он бросил в рот несколько ягод, пожевал, закрыл глаза и стал считать. Когда он досчитал до семисот, дверь отворилась, и, отстранив референта, в кабинет вошёл этот верзила, этот холодный шутник, эта надежда Творцов, ненавидимый и обожаемый, ежесекундно повисающий на волоске и никогда не падающий, тощий, сутулый, с круглыми зелёными глазами, с большими оттопыренными ушами, в своей вечной нелепой куртке до колен, лысый, как локоть, чародей, вершитель, пожиратель миллиардов... Прокурор поднялся ему навстречу. С этим человеком не надо было притворяться и говорить вымученные слова.

— Привет, Странник, — сказал прокурор. — Пришёл похвастаться?

— Чем? — спросил Странник, проваливаясь в известное всем кресло и нелепо задирая колени. — Массаракш! Каждый раз я забываю про это чёртово устройство. Когда ты прекратишь издеваться над посетителями?

— Посетителю должно быть неудобно, — сказал прокурор поучающе. — Посетитель должен быть смешон, иначе какое мне от него удовольствие? Вот я сейчас смотрю на тебя, и мне весело.

— Да, я знаю, ты весёлый человек, — сказал Странник. — Только очень уж неприятный у тебя юмор... Между прочим, ты можешь сесть.

Прокурор обнаружил, что всё ещё стоит. Как всегда, Странник быстро сровнял счёт. Прокурор сел поудобнее и хлебнул целебной дряни.

— Итак? — сказал он.

Странник приступил прямо к делу.

— У тебя в когтях, — деловито сказал он, — человек, который мне нужен. Некто Мак Сим. Ты упёк его на перевоспитание, помнишь?

— Нет, — сказал прокурор искренне. Он ощутил некоторое разочарование. — А когда я его упёк? По какому делу?

— Недавно. По делу о взрыве башни.

— А, помню... Ну и что?

— Всё, — сказал Странник. — Он мне нужен.

— погоди, — сказал прокурор с досадой. — Процесс вёл не я, не могу же я помнить каждого осуждённого.

— А я думал, что это всё твои люди.

— Там был только один мой, остальные — настоящие... Как, ты сказал, его зовут?

— Мак Сим.

— Мак Сим... — повторил прокурор. — А! Этот горский шпион... Помню. Там с ним случилась какая-то странная история — его расстреляли, и неудачно.

— Да, кажется.

— Силач какой-то необыкновенный... Да, мне что-то докладывали... А зачем он тебе нужен?

— Это мутант, — сказал Странник. — У него любопытные ментограммы, и он мне нужен для работы.

— Вскрывать его будешь?

— Возможно. Мои люди заметили его давно, когда его ещё использовали в Специальной студии, но потом он удрал...

Прокурор, испытывая сильнейшее разочарование, набил рот ягодами.

— Ладно, — сказал он. — Ну, а как у тебя дела?

— Как всегда, прекрасно, — ответил Странник. — У тебя, я слышал, тоже. Подкопался-таки под Дергунчика. Поздравляю... Так, когда я получу своего Мака?

— Да завтра отправлю депешу, дней через пять — семь его доставят.

— Неужели даром? — сказал Странник.

— Любезность, — сказал прокурор. — А что ты можешь мне предложить?

— Первый же защитный шлем.

Прокурор усмехнулся.

— И Мировой Свет в придачу, — сказал он. — Между прочим, имей в виду: первый шлем мне не нужен. Мне нужен единственный... Кстати, правда, что твоей банде поручили разработку направленного излучателя?

— Возможно, — сказал Странник.

— Слушай, а на кой чёрт нам это надо? Мало у нас неприятностей? Прижал бы ты эту работу, а?

Странник оскалил зубы.

— Боишься, Умник? — сказал он.

— Боюсь, — сказал прокурор. — А ты не боишься? Или ты, может быть, вообразил, что у тебя любовь с Графом на века? Он ведь тебя же твоим же излучателем...

Странник снова оскалился.

— Убедил, — сказал он. — Договорились. — Он встал. — Я сейчас к Канцлеру. Передать что-нибудь?

— Канцлер на меня сердится, — сказал прокурор. — Мне это чертовски неприятно.

— Хорошо, — сказал Странник. — Я ему это передам.

— Шутки шутками, — сказал прокурор, — а если бы ты замолвил словечко...

— Ты у нас умник, — сказал Странник голосом Канцлера. — Попробую.

— Процессом он, по крайней мере, доволен?

— Откуда я знаю! Я только что приехал.

— Ну вот, узнай... А насчёт твоего... как ты его назвал? Дай-ка я запишу...

— Мак Сим.

— Так... Насчёт него я завтра же.

— Будь здоров, — сказал Странник и вышел. Прокурор хмуро посмотрел ему вслед. «Да, можно только позавидовать. Вот положение у человека! Единственный, от кого зависит защита. Поздно сожалеть, но, может быть, следовало с ним сблизиться. Но как с ним сблизиться? Ему ничего не надо, он и так самый важный, все мы от него зависим, все мы на него молимся... Ах, взять бы такого человека за горло — как бы это было здорово! Если бы он хоть что-нибудь хотел! А то вот, пожалуйста — каторжник ему нужен, драгоценность какая... Ментограммы, видите ли, у него интересные... Вообще-то каторжник этот — горец, а Канцлер в последнее время что-то часто говорит о горах. Может, стоит заняться... Как там ещё с войной получится, а Канцлер есть Канцлер... Массаракш, работать всё равно сегодня больше невозможно...» Он сказал в микрофон:

— Кох, что у вас есть по осуждённому Симу? — Он вдруг вспомнил: — Вы, кажется, составляли по нему какую-то компиляцию...

— Так точно, ваше превосходительство, — прошелестел референт.

— Я имел честь обратить внимание вашего...

— Давайте сюда. И принесите ещё воды.

Он положил наушник, и тотчас в двери появился неосязаемый, как тень, референт. Перед прокурором легла на стол толстая папка, тихонько звякнуло стекло, булькнула вода, и рядом с папкой возник полный стакан. Прокурор отхлебнул, разглядывая папку.

«Извлечение из дела Мака Сима (Максима Каммерера). Подготовил референт Кох». «Толстая-то какая, ничего себе извлечение...» Он раскрыл папку и взял первую пачку сброшюрованных листков.

Показания ротмистра Тоота... Показания подсудимого Гаала... Кроки какого-то пограничного района за Голубой Змеёй... «Другой одежды на нём не было. Речь показалась мне членораздельной, но совершенно непонятной. Попытка заговорить с ним по-хонтийски не привела ни к чему...» Ох уж эти мне пограничные ротмистры! Хонтийский шпион на южной границе... «Рисунки, выполненные задержанным, показали мне искусными и удивительными...» Ну, за Голубой Змеёй много удивительного. К сожалению. И обстоятельства появления этого Сима не слишком выделяются на фоне прочих тамошних обстоятельств. Хотя, конечно... Но посмотрим...

Прокурор отложил пачку, выбрал две ягодки покрупнее, сунул в рот и взял следующий лист. «Заключение экспертной комиссии в составе сотрудников Института тканей и одежды... «Мы, нижеподписавшиеся...» Гм... так... так... «...обследовали всеми доступными нам лабораторными методами ткань предмета одежды, присланного нам из Департамента юстиции... («Чепуха какая-то».) и пришли к следующему заключению: 1. Указанный предмет представляет собой короткие штаны четвёртого размера второго роста, каковые могут быть использованы для ношения как мужчинами, так и женщинами; 2. Покрой штанов не может быть отнесён к какому-либо известному стандарту и не может, собственно, называться докромом, ибо штаны не сшиты, а изготовлены неким способом, нам неизвестным; 3. Штаны изготовлены из мягкой упругой ткани серебристого цвета, каковая, собственно, не может быть названа тканью, ибо даже микроскопическое исследование не обнаружило в ней структуры. Материал этот не горюч, не смачиваем и обладает чрезвычайной прочностью на разрыв. Химический анализ...» Странные штаны. Надо понимать, что это его штаны... Прокурор взял тонко отточенный карандаш и написал на полях: «Референту. Почему не даёте сопроводительного объяснения? Чьи штаны? Откуда штаны?» Так... А выводы? Формулы... опять формулы... Массаракш, снова формулы... Ага! «...Технология не известна ни в нашей стране, ни в других цивилизованных государствах (по довоенным данным)».

Прокурор отложил заключение. Ну, штаны... пусть. Штаны есть штаны... Что там дальше? «Акт медицинского освидетельствования». Любопытно. Что, это у него такое кровяное давление?.. Ого, вот это лёгкие!.. Что такое? Следы четырёх смертельных ранений... Это уже мистика. Ага... «Смотри показания свидетеля Чачу и обвиняемого

Гаала». Семь пуль, однако! Гм... Некоторое расхождение имеет место: Чачу показывает, что применил оружие в видах самообороны и под угрозой смерти, а этот Гаал утверждает, будто Сим только хотел отобрать у Чачу пистолет. Ну, это не моё дело... Две пули в печень — это слишком много для нормального человека... Та-ак, скручивает монетки в трубочку... бежит с человеком на плечах... Ага, это я уже читал. Помнится, на этом месте я подумал, что парень на редкость здоровенный и что обычно такие глупы. И дальше читать не стал... А это что? А-а, старый приятель... «Извлечение из донесения агента № 711». «...Видит совершенно отчётливо дождливой ночью (может даже читать) и в полной темноте (различает предметы, видит выражение лица на расстоянии до десяти метров)... обладает очень чувствительным нюхом и вкусом — различал членов группы по запаху на расстоянии до пятидесяти метров, на спор различал напитки в плотно закупоренных сосудах... ориентируется по странам света без компаса... с большой точностью определяет время без часов... Имел место следующий случай: была куплена и сварена рыба, которую он запретил нам есть, утверждая, что она радиоактивная. Будучи проверена радиометром, рыба действительно оказалась радиоактивной. Обращаю внимание на тот факт, что сам он эту рыбу съел, сказавши, что ему она не опасна, и действительно остался здоров, хотя излучение превышало тройную санитарную норму (почти 77 единиц) ...»

Прокурор откинулся в кресле. «Нет, это уже слишком. Может быть, он ещё и бессмертен заодно? Да, Страннику всё это должно быть интересно. Посмотрим, что там дальше. Вот серьёзный документ. «Заключение Особой комиссии Департамента общественного здоровья. Материал: Мак Сим. Реакция на белое излучение отсутствует. Противопоказаний к несению службы в специальных войсках не имеется». Ага... Это когда он вербовался в Легион. Белое излучение, массаракш... Палачи, чёрт бы их побрал!.. А это, значит, их экспертиза для целей следствия... «Будучи испытан на белое излучение различных интенсивностей, вплоть до максимальной, никакой реакции не обнаружил. Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах. Реакция на Б-излучение нулевая. Примечание: считаем своим долгом присовокупить, что данный материал (Мак Сим, ок. 20 лет) представляет опасность ввиду возможных генетических последствий. Рекомендуются полная стерилизация или уничтожение...». Ого! Эти не шутят. Кто там у них сейчас? А, Любитель. Да, не шутник, не шутник, что и говорить. Помнится, Весельчак-Жеребчик рассказывал по этому поводу отличный анекдот... Массаракш, не помню... А хорошо, никого

вокруг нет. Вот мы сейчас ягодку съедем, водичкой запьем... Экая гадость, но, говорят, помогает... Ладно. Что дальше?

О-о, он уже и там успел побывать! Ну-ка, ну-ка... Опять, наверное, реакция нулевая... «Подвергнутый форсированным методам, последственный Сим показаний не дал. В соответствии с параграфом 12 относительно непричинения видимых физических повреждений последственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании, применялись только: А. Иглохирургия до самой глубокой с проникновением в нервные узлы (реакция парадоксальная, форсируемый засыпает); Б. Хемообработка нервных узлов алкалоидами и щелочами (реакция аналогичная); В. Световая камера (реакции нет, форсируемый удивлён); Г. Паротермическая камера (потеря веса без неприятных ощущений). На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить». Бр-р-р... Ну и бумага! Да, Странник прав: это какой-нибудь мутант. Нормальные люди так не могут... Да, я слышал, что случаются удачные мутации, правда редко... Это всё объясняет... кроме штанов, впрочем. Штаны, насколько я понимаю, не мутируют...»

Он взял следующий лист. Бумага оказалась неинтересной: показание директора Специальной студии. «Дурацкое заведение. Записывают бред разных психов на потеху почтеннейшей публики. Помнится, эту студию придумал Калу-Мошенник, который сам был немного того... Надо же, сохранилась студия! Мошенника давно уже нет, а идея его бредовая процветает... Из показаний директора следует, что Сим был образцовым объектом и что крайне желательно было бы получить его назад... Стоп, стоп, стоп! «Передан в распоряжение Департамента специальных исследований на основании ордера номер такой-то от такого-то числа...» И вот он, ордер, и подписан он Фанком... Прокурор ощутил некое слабое озарение. Фанк... Что-то ты здесь, Странник... Нет, не будем спешить с выводами. Он досчитал до тридцати, чтобы успокоиться, и взял следующую бумагу, вернее, довольно толстую пачку бумаг: «Извлечение из акта Специальной этнолингвистической комиссии по проверке предположения о горском происхождении М. Сима».

Он начал рассеянно читать, всё ещё думая о Фанке и о Страннике, но неожиданно для себя заинтересовался. Это было любопытное исследование, в котором сводились воедино и обсуждались все доносы, показания и свидетельства очевидцев, так или иначе затрагивающие вопросы о происхождении Мака Сима; антропологические, этнографические, лингвистические данные и их анализ; результаты изучения фонограмм, ментограмм и собственноручных рисунков

подследственного. Всё это читалось как роман, хотя выводы были весьма скудны и осторожны. Комиссия не причисляла М. Сима ни к одной из известных этнических групп, обитающих на материке. (Особняком было приведено мнение известного палеоантрополога Шапшу, который усмотрел в черепе подследственного большое сходство, но не идентичность с ископаемым черепом так называемого Человека Древнего, жившего на Архипелаге более ста пятидесяти тысяч лет назад.) Комиссия утверждала полную психическую нормальность подследственного в настоящий момент, но допускала, что в недавнем прошлом он мог страдать одной из форм амнезии в совокупности с интенсивным вытеснением истинной памяти памятью ложной. Комиссия произвела лингвистический анализ фонограмм, оставшихся в архиве Специальной студии, и пришла к выводу, что язык, на котором в то время говорил подследственный, не может быть причислен ни к одной группе известных современных или мёртвых языков. По этому поводу комиссия допускала, что этот язык мог быть плодом воображения подследственного (так называемый рыбий язык), тем более что в настоящее время он, по собственному утверждению, этого языка больше не помнит. Комиссия воздерживается от определённых выводов, но склонна полагать, что в лице М. Сима приходится иметь дело с неким мутантом неизвестного ранее типа... «Хорошие идеи приходят в умные головы одновременно», — с завистью подумал прокурор и быстро пробежал «Особое мнение члена комиссии профессора Поррумоварруи». Профессор, сам горец по происхождению, напоминал о существовании в глубине гор полулегендарной страны Зартак, населённой племенем Птицеловов, которое до сих пор не попало в поле зрения этнографии и которому цивилизованные горцы приписывают владение магическими науками и способность летать по воздуху без аппаратов. Птицеловы, по рассказам, чрезвычайно рослы, обладают огромной физической силой и выносливостью, а также имеют кожу коричнево-золотистого оттенка. Всё это удивительно совпадает с физическими особенностями подследственного... Прокурор поиграл карандашиком над профессором Порру... и так далее, потом отложил карандаш и громко сказал: «Под это мнение, пожалуй, и штаны подойдут. Несгораемые штаны...»

Он съел ягоду и проглядел следующий лист: «Извлечение из стенограммы судебного процесса». Гм... Это ещё зачем?

«ОБВИНИТЕЛЬ. Вы не будете отрицать, что вы — образованный человек?

ОБВИНЯЕМЫЙ. Я имею образование, но в истории, социологии и экономике разбираюсь очень плохо.

ОБВИНИТЕЛЬ. Не скромничайте. Вам знакома эта книга?

ОБВИНЯЕМЫЙ. Да.

ОБВИНИТЕЛЬ. Вы читали её?

ОБВИНЯЕМЫЙ. Естественно.

ОБВИНИТЕЛЬ. С какой целью вы, находясь под следствием, в тюрьме, занялись чтением монографии «Тензорное исчисление и современная физика»?

ОБВИНЯЕМЫЙ. Не понимаю... Для удовольствия... с целью развлечения, если угодно... Там есть очень забавные страницы.

ОБВИНИТЕЛЬ. Я думаю, суду ясно, что только очень образованный человек станет читать столь специальное исследование для развлечения и для удовольствия...» Что за чушь? Зачем мне это подсовывают? А дальше? Массаракш, опять процесс...

«ЗАЩИТНИК. Вам известно, какие средства выделяют Огненные Творцы на преодоление детской преступности?

ОБВИНЯЕМЫЙ. Не совсем вас понимаю. Что такое «детская преступность»? Преступления против детей?

ЗАЩИТНИК. Нет. Преступления, совершаемые детьми.

ОБВИНЯЕМЫЙ. Я не понимаю. Дети не могут совершать преступлений...»

Гм, забавно... А что там в конце?

«ЗАЩИТНИК. Я надеюсь, мне удалось показать суду наивность моего подзащитного, доходящую до житейского идиотизма. Ему неизвестны понятия детской преступности, благотворительности, социального вспомоществования...»

Прокурор улыбнулся и отложил листок. Понятно. Действительно, странное сочетание: математика и физика для удовольствия, а элементарных вещей не знает. Прямо-таки чудак-профессор из дрянного романа.

Прокурор просмотрел ещё несколько листков. «Непонятно, Мак, что это ты так держишься за эту девочку... как её... Рада Гаал. Любовной связи у тебя с нею нет, ничем ты ей не обязан, и общего у вас нет с нею ничего: дурак обвинитель совершенно напрасно пытается припутать её к подполью... А создаётся впечатление, что, держа её под прицелом, можно заставить тебя делать всё, что угодно. Очень полезное качество для нас, а для тебя очень неудобное... Та-ак, в общем, все эти показания сводятся к тому, что ты, братец, раб своего слова и вообще человек негибкий. Политический деятель из тебя бы не получился. И не надо... Гм, фотографии... Вот ты какой. Приятное лицо,

очень, очень... Глаза странноватые... Где это тебя снимали? На скамье подсудимых... Гляди-ка, свеж, бодр, глаза ясные, поза непринуждённая. Где это тебя научили так изящно сидеть и вообще держаться, ведь скамья подсудимых вроде моего кресла, непринуждённо на ней не посидишь... Любопытный человечек... Впрочем, всё это вздор, не в этом дело».

Прокурор вылез из-за стола и прошёлся по кабинету. Что-то сладко щекотало в мозгу, что-то возбуждало и подталкивало... «Что-то я нашёл в этой папке... что-то важное... что-то важнейшее... Фанк? Да, это важно, потому что Странник употребляет своего Фанка только по очень важным, самым важным делам. Но Фанк — это только подтверждение, а что же главное? Штаны... Чепуха... А! Да-да-да. Этого в папке нет». Он взял наушник.

— Кох. Что там было с нападением на конвой?

— Четырнадцать суток назад, — сейчас же зашелестел референт, словно читая заранее подготовленный текст, — в восемнадцать часов тридцать три минуты на полицейские машины, переправлявшие подсудимых по делу номер 6981-84 из здания суда в городскую тюрьму, было совершено вооружённое нападение. Нападение было отбито, в перестрелке один из нападавших был тяжело ранен и умер, не приходя в сознание. Труп не опознан. Дело о нападении прекращено.

— Чья работа?

— Выяснить не удалось. Официальное подполье не имеет к этому никакого отношения.

— Соображения?

— Возможно, действовали террористы, пытавшиеся освободить подсудимого Дэка Потту, по кличке Генерал, известен тесными связями с левым крылом...

Прокурор бросил наушник. Что ж, всё это может быть. И всё это может быть не так... Ну-ка, перелистаем ещё раз. Южная граница, дурак ротмистр... Штаны... Бежит с человеком на плечах... Радиоактивная рыба, 77 единиц... Реакция на А-излучение... Хемообработка нервных узлов... Стоп! Реакция на А-излучение. «Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах». Нулевая. В обоих смыслах. Прокурор прижал ладонью забившееся сердце. Идиот! НУЛЕВАЯ В ОБОИХ СМЫСЛАХ!

Он снова схватил наушник.

— Кох! Немедленно подготовить специального курьера с охраной. Отдельный вагон на юг... Нет! Мою электромотриссу... Массаракш! — Он сунул руку в ящик и выключил все регистрирующие аппараты. — Действуйте!

Всё ещё прижимая левую руку к сердцу, он извлёк из бювара личный бланк и стал быстро, но разборчиво писать: «Государственная важность. Совершенно секретно. Генерал-коменданту Особого Южного Округа. Под личную сугубую ответственность — к срочному неукоснительному исполнению. Немедленно передать в опеку подаателю сего осуждённого каторжника Мака Сима, дело № 6983. С момента передачи считать воспитуемого Мака Сима пропавшим без вести, о чём иметь в архивах соответствующие документы. Государственный прокурор...»

Он схватил второй бланк: «Предписание. Настоящим приказываю всем чинам военной, гражданской и железнодорожной администрации оказывать предъявителю сего, специальному курьеру государственной прокуратуры с сопровождающей его охраной, содействие по категории ЭКСТРА. Государственный прокурор...»

Потом он допил стакан, налил ещё и уже медленно, обдумывая каждое слово, начал на третьем бланке: «Дорогой Странник! Получилась глупая история. Как только что выяснилось, интересующий тебя материал пропал без вести, как это частенько бывает в южных джунглях...»

Часть четвёртая КАТОРЖНИК

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Первым выстрелом ему раздробило гусеницу, и оно впервые за двадцать с лишним лет покинуло разъезженную колею, выворачивая обломки бетона, вломилось в чашу и начало медленно поворачиваться на месте, с хрустом наваливаясь широким лбом на кустарник, отталкивая от себя содрогающиеся деревья. И когда оно показало необъятную грязную корму с болтающимся на ржавых заклёпках листом железа, Зеф аккуратно и точно, так, чтобы, упаси бог, не задеть котла, всадил ему фугасный заряд в двигатель — в мускулы, в сухожилия, в нервные сплетения, — и оно ахнуло железным голосом, выбросило из сочленений клуб раскалённого дыма и остановилось навсегда; но что-то ещё жило в его нечистых бронированных недрах, какие-то уцелевшие нервы ещё продолжали посылать бессмысленные сигналы, ещё включались и тут же выключались аварийные системы, шипели, плевались пеной, и оно ещё дрябло трепетало, еле-еле скребя уцелевшей гусеницей, и грозно и бессмысленно, как брюхо раздавленной осы, поднималась и опускалась над издыхающим драконом облезлая решётчатая труба ракетной установки. Несколько секунд Зеф смотрел на эту агонию, а потом повернулся и пошёл в лес, волоча гранатомёт за ремень. Максим и Вепрь двинулись следом, и они вышли на тихую лужайку, которую Зеф наверняка приметил ещё по пути сюда, повалились в траву, и Зеф сказал:

— Закурим.

Он свернул сигарку одностороннему, дал ему прикурить и закурив сам. Максим лежал, положив подбородок на руки, и сквозь редколесье всё смотрел, как умирает железный дракон — жалобно дребезжит какими-то последними шестерёнками и со свистом выпускает из разодранных внутренностей струи радиоактивного пара.

— Вот так и только так, — сказал Зеф менторским тоном. — А если будешь делать не так, надеру уши.

— Почему? — спросил Максим. — Я хотел его остановить.

— А потому, — ответил Зеф, — что граната могла рикошетом засадить в ракету, и тогда нам был бы капут.

— Я целился в гусеницу, — сказал Максим.

— А надо целиться в корму, — сказал Зеф. Он затаился. — И вообще, пока ты новичок, никуда не суйся первым. Разве что я тебя попрошу. Понял?

— Понял, — сказал Максим.

Все эти тонкости Зефа его не интересовали. И сам Зеф его не очень интересовал. Его интересовал Вепрь. Но Вепрь, как всегда, равнодушно молчал, положив искусственную руку на обшарпанный кожух миноискателя. Всё было, как всегда. И всё было не так, как хотелось.

Когда неделю назад новоприбывших каторжников выстроили перед бараками, Зеф прямо подошёл к Максиму и взял его в свой сто четырнадцатый отряд сапёров. Максим обрадовался. Он сразу узнал эту огненную бородищу и квадратную коренастую фигуру, и ему было приятно, что его узнали в этой душной клетчатой толпе, где всем было наплевать на каждого и никому ни до кого не было дела. Кроме того, у Максима были все основания предполагать, что Зеф — бывший знаменитый психиатр Аллу Зеф, человек образованный и интеллигентный, не чета полууголовному сброду, которым был набит арестантский вагон, — как-то связан с подпольем. А когда Зеф привёл его в барак и указал место на нарах рядом с одноруким Вепрем, Максим решил было, что судьба его здесь окончательно определилась. Но очень скоро он понял, что ошибся. Вепрь не пожелал разговаривать. Он выслушал торопливый, шёпотом, рассказ Максима о судьбе группы, о взрыве башни, о процессе, неопределённо, сквозь зевок, промямлил: «Бывает и не такое...» — и лёг, отвернувшись. Максим почувствовал себя обманутым, и тут на нары забрался Зеф. «Здорово я сейчас нажрался», — сообщил он Максиму и без всякого перехода, нахально, с примитивной назойливостью принялся вытягивать из него имена и явки. Может быть, он когда-нибудь и был знаменитым учёным, образованным и интеллигентным человеком, может быть, и даже наверняка, он имел какое-то отношение к подполью, но сейчас он производил впечатление обыкновенного отъевшегося провокатора, решившего от нечего делать, на сон грядущий, обработать глупого новичка. Максим отделался от него не без труда, а когда Зеф вдруг захрапел сытым довольным храпом, ещё долго лежал без сна, вспоминая, сколько раз его здесь уже обманывали люди и обстоятельства.

Нервы его расходились. Он вспомнил процесс, явно подготовленный ещё до того, как группа получила приказ напасть на башню; и письменные доносы какой-то гадины, которая знала о группе всё и была, может быть, даже членом группы; и фильм, заснятый с башни во время нападения, и свой стыд, когда он узнал на экране себя

самого, палящего из автомата по прожекторам... нет, по юпитерам, освещавшим сцену этого страшного спектакля... В наглухо закупоренном бараке было отвратительно душно, кусались паразиты, воспитуемые бредили, а в дальнем углу барака при свете самодельной свечки резались в карты и хрипло орали друг на друга уголовники.

А на другой день обманул Максима и лес. Здесь шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на железо: на мёртвое, проржавевшее насквозь железо; на притаившееся железо, готовое во всякую минуту убить; на тайно шевелящееся, целящееся железо; на движущееся железо, слепо и бестолково распаивающее остатки дорог. Земля и трава отдавали ржавчиной, на дне лощин копились радиоактивные лужи, птицы не пели, а хрипло вопили, словно в предсмертной тоске, животных не было, и не было даже лесной тишины — то справа, то слева бухали и грохотали взрывы, в ветвях клубилась сизая гарь, а порывы ветра доносили рёв изношенных двигателей... И так пошло: день — ночь, день — ночь. Днём они уходили в лес, который не был лесом, а был древним укреплённым районом. Он был буквально нафарширован автоматическими боевыми устройствами, танкерами, самоходными баллистами, ракетами на гусеницах, огнемётами, газомётами, и всё это не умерло за двадцать с лишним лет, всё продолжало жить своей ненужной механической жизнью, всё продолжало целиться, наводиться, изрыгать свинец, огонь, смерть, и всё это нужно было задавить, взорвать, убить, чтобы расчистить трассу для строительства новых излучающих башен. А ночью Вепрь по-прежнему молчал, а Зеф снова и снова приставал к Максиму с расспросами и был то прямолинеен до глупости, то хитроумен и ловок на удивление. И была грубая пища, и странные песни каторжников, и кого-то били по лицу legionеры, и дважды в день все в бараках и в лесу корчились под лучевыми ударами, и раскачивались на ветру повешенные беглые... День — ночь, день — ночь... Освенцим, лагерь уничтожения. Фашизм.

— Зачем вы хотели его остановить? — спросил вдруг Вепрь.

Максим быстро сел. Это был первый вопрос, который ему задал однорукий.

— Я хотел посмотреть, как он устроен.

— Бежать собрались?

Максим покосился на Зефа и сказал:

— Да нет, дело не в этом. Всё-таки боевая машина...

— А зачем вам боевая машина? — спросил Вепрь. Он говорил так, словно рыжего провокатора здесь не было.

— Не знаю, — проговорил Максим. — Над этим ещё надо подумать. Их здесь много таких?

— Много, — вмешался рыжий провокатор. — И машин здесь много, и дураков здесь тоже всегда хватало... — Он зевнул. — Сколько раз уже пробовали. Залезут, покопаются-покопаются, да и бросят. А один дурак — вот вроде тебя, — тот и вовсе взорвался.

— Ничего, я бы не взорвался, — холодно сказал Максим. — Эта машина не из сложных.

— А зачем она вам всё-таки? — спросил однорукий. Он курил, лёжа на спине, держа сигарету в искусственных пальцах. — Предположим, вы наладите её. Что дальше?

— На прорыв через мост, — сказал Зеф, хохотнув.

— Почему бы и нет? — спросил Максим. Он положительно не знал, как себя держать. Этот рыжий, кажется, всё-таки не провокатор. Мас-сараکش, чего они вдруг пристали?

— Вы не доберётесь до моста, — сказал однорукий. — Вас тридцать три раза расстреляют. А если даже доберётесь, то увидите, что мост разведён.

— А по дну реки?

— Река радиоактивна, — сказал Зеф и сплюнул. — Если бы это была человеческая река, не надо было бы никаких танков. Переплывай её в любом месте, берега не охраняются. — Он снова сплюнул. — Впрочем, тогда бы они охранялись... Так что, юноша, не размахивай руками. Ты попал сюда надолго, приспособляйся. Приспособишься — дело будет. А не станешь слушаться старших, ещё сегодня можешь узреть Мировой Свет...

— Убежать нетрудно, — сказал Максим. — Убежать я мог бы прямо сейчас...

— Ай да ты! — восхитился Зеф.

— ...и, если вы намерены и дальше играть в конспирацию... — продолжал Максим, демонстративно обращаясь только к Вепрю, но Зеф снова прервал его.

— Я намерен выполнить сегодняшнюю норму, — заявил он, поднимаясь. — Иначе нам не дадут жрать. Пошли!

Он ушёл вперёд, шагая вперевалку между деревьями, а Максим спросил однорукого:

— Разве он тоже подпольщик?

Однорукий быстро взглянул на него и сказал:

— Что вы, как можно!

Они пошли за Зефом, стараясь ступать след в след. Максим шёл замыкающим.

— За что же он здесь?

— За неправильный переход улицы, — сказал однорукий, и у Максима опять пропала охота разговаривать.

Они не прошли и сотни шагов, как Зеф скомандовал: «Стой!» — и началась работа. «Ложись!» — заорал Зеф. Они бросились плашмя на землю, а толстое дерево впереди с протяжным скрипом повернулось, выдвинуло из себя длинный тонкий орудийный ствол, пошевелило им из стороны в сторону, как бы примериваясь, затем что-то зажужжало, раздался щелчок, и из чёрного дула лениво выползло облачко жёлтого дыма. «Протухло», — сказал Зеф деловито и поднялся первым, отряхивая штаны. Дерево с пушкой они подорвали. Потом было минное поле, потом холм-ловушка с пулемётом, который не протух и долго прижимал их к земле, грохоча на весь лес; потом они попали в настоящие джунгли колючей проволоки, еле продрались, а когда всё-таки продрались, по ним открыли огонь откуда-то сверху, всё вокруг рвалось и горело. Максим ничего не понимал, однорукий молча и спокойно лежал лицом вниз, а Зеф палил из гранатомёта в небо и вдруг заорал: «Бегом, за мной!» — и они побежали, а там, где они только что были, вспыхнул пожар. Зеф ругался страшными словами, однорукий посмеивался. Они забрались в глухую чащу, но тут вдруг засвистело, засопело, и сквозь ветви повалили зеленоватые облака ядовитого газа, и опять надо было бежать, продираться через кусты, и Зеф опять ругался страшными словами, а однорукого мучительно тошнило...

Потом Зеф наконец притомился и объявил отдых. Они разожгли костёр, и Максим, как младший, принялся готовить обед — варить суп из консервов в том самом котелке. Зеф и однорукий, чумазые, ободранные, лежала тут же и курили. У Вепря был замученный вид, он был уже стар, ему приходилось труднее всех.

— Уму непостижимо, — сказал Максим, — как это мы ухитрились проиграть войну при таком количестве техники на квадратный метр.

— Что значит «ухитрились проиграть»? — возразил однорукий. — Эту войну проиграли все. Выиграли только Огненосные Творцы.

— К сожалению, мало кто это понимает, — сказал Максим, помешивая похлёбку.

— Отвык я от таких разговоров, — сказал Зеф. — У нас тут всё больше «Молчать, воспитуемый!» да «считаю до одного» ... Эй, парень, как тебя...

— Максим.

— Да, верно... Ты, Мак, помешивай, помешивай. Смотри, если пригорит!

Максим помешивал. А потом Зеф заявил, что пора, сил больше нет терпеть. В полном молчании они съели суп. Максим чувствовал: что-то изменилось, что-то сегодня будет сказано. Но после обеда однорукий снова улёгся и стал глядеть в небо, а Зеф с неразборчивым ворчаньем забрал котелок и принялся вымазывать дно коркой хлеба.

— Подстрелить бы что-нибудь... — бормотал он. — В брюхе пусто, как и не ел... только аппетит растравил...

Чувствуя неловкость, Максим попытался завести разговор об охоте в этих местах, но его не поддержали. Однорукий лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал. Зеф, дослушав до конца Максимовы соображения, проворчал только:

— Какая здесь охота, всё грязное, активное... — и тоже повалился на спину.

Максим вздохнул, взял котелок и побрёл к ручейку, который слышался неподалёку. Вода в ручейке была прозрачная, на вид чистая и вкусная, так что Максиму захотелось попить, и он зачерпнул горстью. Увы, мыть котелок здесь было нельзя, да и пить не стоило: ручеек был заметно радиоактивный. Максим присел на корточки, поставил котелок рядом и задумался.

Сначала он почему-то подумал о Раде, как она всегда мыла посуду после еды и не разрешала помогать под нелепым предлогом, что это — дело женское. Он вспомнил, что она его любит, и ощутил гордость, потому что до сих пор его не любила ещё никакая женщина. Ему очень захотелось увидеть Раду, и он тут же, с крайней непоследовательностью, подумал, как это хорошо, что её здесь нет. Здесь не место даже для самых скверных мужчин, сюда надо было бы пригнать тысяч двадцать кибердворников, а может быть, просто распылить все эти леса со всем содержимым и вырастить новые, весёлые или пусть даже мрачные, но чистые и с мрачностью природной.

Потом он вспомнил, что сослан сюда навечно, и подивился наивности тех, кто сослал его сюда и, не взявши с него никакого слова, вообразил, будто он станет добровольно тут существовать, да ещё помогать им тянуть через эти леса линию лучевых башен. В арестантском вагоне говорили, что леса тянутся на юг на сотни километров, а военная техника встречается даже в пустыне... «Ну нет, я здесь не задержусь. Массаракш, ещё вчера я эти башни валил, а сегодня буду расчищать для них место? Хватит с меня... Так. Уясним положение».

Несколько минут он уяснял положение.

«Вепрь мне не верит. Зефу он верит, а мне — нет. А я не верю Зефу, и, кажется, напрасно. Наверное, я какюсь Вепрю таким же назойливо-подозрительным, каким мне кажется Зеф... Ну хорошо, Вепрь мне не

верит, значит, я опять один. Можно, конечно, надеяться на встречу с Генералом или с Копытом, но это слишком маловероятно. Можно, конечно, попытаться сколотить группу из незнакомых, но — массаракш! — надо быть честным с самим собой: я для этого не гожусь. Пока я для этого не годен. Слишком доверчив... Погоди, давай всё-таки уясним задачу. Чего я хочу?»

Несколько минут он уяснял задачу.

«Вот если бы Гай был здесь... Но Гая в наказание услали в какую-то особую часть с очень странным названием. Что-то вроде Blitzräger'ы — «носители молнии». Да, скорее всего, придётся одному.

Во всяком случае, отсюда надо уходить. Я, конечно, попытаюсь собрать какую-нибудь группу, но, если не получится, уйду один... И обязательно — танк. Здесь оружия — на сто армий... Потрёпанное, правда, за двадцать лет, да ещё автоматическое, но надо попытаться его приспособить... Неужели Вепрь мне так и не поверит?» — подумал он почти с отчаянием, подхватил котелок и побежал обратно к костру.

Зеф и Вепрь не спали; они лежали голова к голове и о чём-то тихо, но горячо спорили. Увидев Максима, Зеф торопливо сказал: «Хватит!» — и поднялся. Задрав рыжую бородищу и выкатив глаза, он заорал:

— Где тебя носит, массаракш? Кто тебе разрешил уходить? Работать надо, а не то жрать не дадут, тридцать три раза массаракш!

И тут Максим взбеленился. Кажется, впервые в своей жизни он гаркнул на человека во весь голос:

— Чёрт бы вас подрал, Зеф! Вы можете ещё о чём-нибудь думать, кроме жратвы? Целый день я только и слышу от вас: жрать, жрать, жрать! Можете сожрать мои консервы, если это так вас мучает!..

Он швырнул оземь котелок и, схватив рюкзак, принялся продевать руки в ремни. Присевший от акустического удара Зеф ошеломлённо смотрел на него, потом раздалось бульканье, всхрапывание, и Зеф загоготал на весь лес. Однорукий вторил ему, что было только видно, но не слышно. Максим не выдержал и тоже засмеялся, несколько смущённый.

— Массаракш, — прохрипел наконец Зеф. — Вот это голосина!.. Нет, дружище, — обратился он к Вепрю, — ты запомни мои слова. А впрочем, я сказал: хватит... Встать! — заорал он. — Вперёд, если хотите... гм... жрать сегодня вечером.

И всё. Поорали, посмеялись, посерьёзнили и отправились дальше. Максим с ожесточением разряжал мины, выламывал из гнёзд спаренные пулемёты, свинчивал боеголовки у зенитных ракет, торчавших из раскрытых люков; снова были огонь, шипящие струи

слезоточивых газов, отвратительный смрад от разлагающихся трупов животных, расстрелянных автоматами. Они стали ещё грязнее, ещё злее, ещё оборваннее, а Зеф хрипел Максиму: «Вперёд, вперёд! Жрать хочешь — вперёд!», а однорукий Вепрь окончательно вымотался и еле тащился далеко позади, опираясь на свой миноискатель, как на клюку...

За эти часы Зеф осточертел Максиму окончательно, и Максим даже обрадовался, когда рыжебородый вдруг взревел и с шумом провалился под землю. Максим, вытирая пот с грязного лба грязным рукавом, неторопливо подошёл и остановился на краю мрачной узкой щели, скрытой в траве. Щель была глубокая, непроглядная, из неё несло холодом и сыростью, ничего не было видно, и слышался только какой-то хруст, дребезг и невнятная ругань. Прихрамывая, подошёл Вепрь, тоже заглянул в щель и спросил Максима:

— Он там? Что он там делает?

— Зеф! — позвал Максим, нагнувшись. — Где вы там, Зеф?

Из щели гулко донеслось:

— Спускайтесь сюда! Прыгайте, здесь мягко... Максим поглядел на однорукого. Тот покачал головой.

— Это не для меня, — сказал он. — Прыгайте, а я потом спущу вам верёвку.

— Кто здесь? — заорал вдруг внизу Зеф. — Стрелять буду, масса-ракш!

Максим спустил ноги в щель, оттолкнулся и прыгнул. Почти сейчас же он по колени погрузился в рыхлую массу и сел. Зеф был где-то рядом. Максим закрыл глаза и несколько секунд посидел, привыкая к темноте.

— Иди сюда, Мак, тут кто-то есть, — прогудел Зеф. — Вепрь! — крикнул он. — Прыгай!

Вепрь ответил, что устал как собака и с удовольствием посидит наверху.

— Как хочешь, — сказал Зеф. — Но, по-моему, это — Крепость. Потом пожалеешь...

Однорукий ответил невнятно, голос у него был слабый: его, кажется, опять мутило и было ему не до Крепости. Максим открыл глаза и огляделся. Он сидел на куче земли посередине длинного коридора с шершавыми цементными стенами. Дыра в потолке была не то вентиляционным отверстием, не то пробоиной. Зеф стоял шагах в двадцати и тоже осматривался, светя фонариком во все стороны.

— Что это здесь? — спросил Максим.

— Откуда я знаю? — сказал Зеф сварливо. — Может, укрытие какое-нибудь. А может быть, и в самом деле Крепость. Знаешь, что такое Крепость?

— Нет, — сказал Максим и стал сползать с кучи.

— Не знаешь... — сказал Зеф рассеянно. Он всё оглядывался, шаря фонариком по стенам. — Что же ты тогда знаешь... Массаракш, — сказал он, — здесь только что кто-то был...

— Человек? — спросил Максим.

— Не знаю, — ответил Зеф. — Прокрался вдоль стены и пропал... А Крепость, приятель, — это такая штука, что мы могли бы за один день закончить всю нашу работу... Ага, следы...

Он присел на корточки. Максим присел рядом и увидел цепочку отпечатков в пыли под стеной.

— Странные следы, — сказал он.

— Да, приятель, — сказал Зеф, оглядываясь. — Я таких следов не видал.

— Словно кто-то на кулаках прошёл, — сказал Максим. Он сжал кулак и сделал отпечаток рядом со следом.

— Похоже, — с уважением признал Зеф. Он посветил в глубь коридора. Там что-то слабо мерцало, отсвечивая, то ли поворот, то ли тупик. — Сходим посмотрим? — сказал он.

— Тише, — сказал Максим. — Молчите и не двигайтесь.

В подземелье стояла ватная сырая тишина, но коридор не был безжизненным. Кто-то там, впереди, — Максим не мог точно определить, где и как далеко, — стоял, прижимаясь к стене, кто-то небольшой, слабо и незнакомо пахнувший, наблюдающий за ними и недовольный их присутствием. Это было что-то совсем неизвестное, и намерения его были неуловимы.

— Нам обязательно надо идти? — спросил Максим.

— Хотелось бы, — сказал Зеф.

— Зачем?

— Надо посмотреть, может быть, это всё-таки Крепость... Если бы мы нашли Крепость, тогда бы, друг мой, всё стало бы по-другому. Я в Крепость не верю, но раз говорят — как знать... Может быть, и не всё врут...

— Там кто-то есть, — сказал Максим. — Я не понимаю кто.

— Да? Гм... Если это Крепость, здесь, по легенде, живут либо остатки гарнизона... Они, понимаешь, тут сидят и не знают, что война кончилась, они, понимаешь, в разгар войны объявили себя нейтральными, заперлись и пообещали, что взорвут весь материк, если к ним полезут...

— А они могут?

— Если это Крепость, они всё могут... Да-а... Наверху ведь всё время взрывы, стрельба... Очень может быть, что они считают, что война ещё не кончилась... Принц здесь какой-то командовал или герцог... Хорошо было бы с ним встретиться и поговорить.

Максим опять прислушался.

— Нет, — сказал он уверенно. — Нет там ни принца, ни герцога. Там какой-то зверь, что ли... Нет, не зверь... Либо?

— Что — либо?

— Вы сказали: либо остатки гарнизона, либо?..

— А-а... Ну, это чепуха, бабьи сказки... Пойдём посмотрим.

Зеф зарядил гранатомёт, взял его навскидку и двинулся вперёд, светя фонариком. Максим пошёл рядом. Несколько минут они брели по коридору, потом упёрлись в стену и свернули направо.

— Вы очень шумите, — сказал Максим. — Там что-то происходит, а вы так сопите...

— Что же мне — не дышать? — немедленно ощетинился Зеф.

— И фонарик мне ваш мешает, — сказал Максим.

— То есть как это — мешает? Темно...

— В темноте, я вижу, — сказал Максим, — а вот из-за вашего фонарика ничего разобрать не могу... Давайте я пойду вперёд, а вы останьтесь. А то мы так ничего не узнаем.

— Н-ну, как хочешь... — произнёс Зеф непривычно неуверенным голосом.

Максим снова зажмурился, отдохнул от неверного света, пригнулся и пошёл вдоль стены, стараясь никак не шуметь. Незвестный был где-то недалеко, и Максим приближался к нему с каждым шагом. Коридору конца не было. Справа объявились двери, все они были железные и все заперты. Навстречу тянуло сквознячком. Воздух был сыроват, наполнен запахом плесени и ещё того, неизвестного, живого и тёплого. Позади осторожно шумел Зеф; ему было не по себе, и он боялся отстать. Почувствовав это, Максим засмеялся про себя. Он отвлёкся буквально на секунду, и за эту секунду неизвестный исчез. Максим остановился в недоумении. Незвестный только что был впереди, совсем рядом, а затем в одно мгновение словно растворился в воздухе и так же мгновенно возник за спиной, тоже совсем рядом.

— Зеф! — позвал Максим.

— Да! — гулко отозвался рыжебородый.

Максим представил себе, как неизвестный стоит между ними и поворачивает голову на голоса.

— Он, между нами, — сказал Максим. — Не вздумайте стрелять.

— Ладно, — сказал Зеф, помолчав. — Ни черта не видно, — сообщил он. — Как он выглядит?

— Не знаю, — ответил Максим. — Мягкое.

— Животное?

— Непохоже, — сказал Максим.

— Ты же сказал, что видишь в темноте.

— Я не глазами вижу, — сказал Максим. — Помолчите.

— Не глазами... — проворчал Зеф и затих. Незвестный постоял, пересёк коридор, исчез и через некоторое время снова появился впереди. Ему тоже любопытно, подумал Максим. Он очень старался вызвать в себе ощущение симпатии к этому существу, но что-то мешало — вероятно, неприятное сочетание незвериного интеллекта с полузвериной внешностью. Он снова пошёл вперёд. Незвестный отступал, сохраняя постоянную дистанцию.

— Как дела? — спросил Зеф.

— Всё то же, — ответил Максим. — Возможно, он нас куда-то ведёт или заманивает.

— А справимся? — спросил Зеф.

— Он не собирается нападать, — сказал Максим. — Ему самому интересно.

Он замолчал, потому что неизвестный снова исчез, и Максим сейчас же почувствовал, что коридор кончился. Вокруг было большое помещение. Всё-таки здесь было слишком темно. Максим почти ничего не видел. Он ощущал присутствие металла, стекла, припахивало ржавчиной, и был здесь ток высокого напряжения. Несколько секунд Максим стоял неподвижно, потом, разобрав, где выключатель, потянулся к нему, но тут неизвестный появился снова. И не один. С ним был второй, похожий, но не точно такой же. Они стояли у той же стены, что и Максим, он слышал их дыхание — частое и влажное. Он замер, надеясь, что они подойдут поближе, но они не подходили, и тогда он, изо всех сил сузив зрачки, нажал на клавишу выключателя.

По-видимому, что-то было не в порядке в цепи — лампы вспыхнули лишь на долю секунды, где-то с треском лопнули предохранители, и свет снова погас, но Максим успел увидеть, что неизвестные существа были небольшие, ростом с крупную собаку, стояли на четвереньках, были покрыты тёмной шерстью, и у них были большие, тяжёлые головы. Глаза их Максим разглядеть не успел. Странные существа немедленно исчезли, как будто их и не было.

— Что там у тебя? — спросил Зеф встревоженно. — Что за вспышка?

— Я зажигал свет, — отозвался Максим. — Идите сюда.

— А где этот? Ты его видел?

— Почти не видел. Похожи всё-таки на животных. Вроде собак с большими головами...

По стенам запрыгали отсветы фонарика. Зеф говорил на ходу:

— А, собаки... Знаю, живут здесь такие в лесу. Живых я их, правда, никогда не видел, но подстреленных — много раз...

— Нет, — сказал Максим с сомнением. — Это всё-таки не животные.

— Животные, животные, — сказал Зеф. Голос его гулко отдался под высоким сводом. — Зря мы с тобой перетрусили. Я было подумал, что упыри... Массаракш! Да это же Крепость!

Он остановился посередине помещения, шаря лучом по стенам, по рядам циферблатов, по распределительным щитам. Сверкало стекло, никель, выцветшая пластмасса.

— Ну, поздравляю, Мак. Всё-таки мы её с тобой нашли. Зря я не верил. Зря... А это что такое? Ага... Это электронный мозг, и ведь всё под током! Ах, чёрт возьми, сюда бы Кузнеца!.. Слушай, а ты ничего в этом не понимаешь?

— В чём именно? — спросил Максим, подходя.

— Вот во всей этой механике... Это же пульт управления! Если в нём разобраться, весь край наш! Вся эта техника наверху управляется отсюда! Ах, если бы разобраться, массаракш!..

Максим отобрал у него фонарик, поставил так, чтобы свет рассеивался по помещению, и огляделся. Везде лежала пыль, лежала уже много лет, а на столе в углу на расстеленной истлевшей бумаге стояла тарелка, заляпанная чёрным, и рядом — вилка. Максим прошёлся вдоль пультов, потрогал верньеры, попытался включить электронную машину, взялся за какой-то рубильник — рукоять осталась у него в пальцах...

— Вряд ли, — сказал он наконец. — Вряд ли отсюда можно чем-нибудь особенным управлять. Во-первых, слишком здесь всё просто, скорее всего это либо станция наблюдения, либо одна из контрольных подстанций... Тут всё какое-то вспомогательное... И машина слабая, не хватит даже, чтобы десятком танков управлять... А потом, здесь же всё развалилось, ни к чему нельзя притронуться. Ток, правда, есть, но напряжение ниже нормы: котёл, наверное, совсем забило... Нет, Зеф, всё это не так просто, как вам кажется.

Он вдруг заметил торчащие из стены длинные трубки, соединённые резиновым наглазником, пододвинул алюминиевый стул, уселся и сунул лицо в наглазник. К его удивлению, оптика оказалась в превосходном состоянии, но ещё больше он удивился тому, что увидел. В

поле зрения был совершенно незнакомый пейзаж: бело-жёлтая пустыня, песчаные дюны, остов какого-то металлического сооружения... Там дул сильный ветер, бежали по дюнам струйки песка, мутный горизонт заворачивался чашей.

— Посмотрите, — сказал он Зефу. — Где это?

Зеф прислонил гранатомёт к пульту, подошёл и посмотрел.

— Странно, — сказал он, помолчав. — Это пустыня. Это, друг мой, от нас километров четыреста... — Он отодвинулся от окуляров и поднял глаза на Максима. — Сколько же они труда во всё это вбили, мерзавцы... А что толку? Вон ветер гуляет по пескам, а какой это был край!.. Меня до войны мальчишкой ещё на курорт возили... — Он встал. — Пойдём отсюда к чёрту, — сказал он горько и взял фонарик. — Мы с тобой тут ничего не поймём. Придётся ждать, когда Кузнеца спапают и посадят... Только его не посадят, а расстреляют, наверное... Ну, пошли?

— Да, — сказал Максим. Он разглядывал странные следы на полу. — Вот это меня интересует гораздо больше, — сообщил он.

— И напрасно, — сказал Зеф. — Тут, наверное, много всякого зверья бегаёт...

Он закинул за спину гранатомёт и пошёл к выходу из зала. Максим, оглядываясь на следы, двинулся за ним.

— Есть хочется, — сказал Зеф.

Они пошли по коридору. Максим предложил взломать одну из дверей, но, по мнению Зефа, это было ни к чему.

— Этим делом надо заниматься серьёзно, — сказал он. — Что мы тут будем время тратить, мы ещё норму не отработали, а сюда нужно прийти со знающим человеком...

— На вашем месте, — возразил Максим, — я бы не очень рассчитывал на эту вашу Крепость. Во-первых, здесь всё сгнило, а во-вторых, она уже занята.

— Кем это? Ах, ты опять про собак?.. И ты туда же. Те про упырей твердят, а ты...

Зеф замолчал. По коридору пронёсся гортанный возглас, многократным эхом отразился от стен и затих. И сразу же, откуда-то издали, отозвался другой такой же голос. Это были очень знакомые звуки, но Максим никак не мог вспомнить, где слышал их.

— Так вот кто это кричит по ночам! — сказал Зеф. — А мы думали, птицы...

— Станный крик, — сказал Максим.

— Станный — не знаю, — возразил Зеф, — но страшноватый. Ночью как начнут орать по всему лесу, душа в пятки уходит. Сколько об

этих криках сказок рассказывают... Был один уголовник, так он хвастался, будто знает этот язык. Переводил.

— И что же он переводил? — спросил Максим.

— А, вздор. Какой там язык...

— А где этот уголовник?

— Пропал без вести, — сказал Зеф. — Он был в строителях, партия в лесу заблудилась...

Они свернули налево, и далеко впереди показалось мутное бледное пятно света. Зеф выключил фонарик и спрятал в карман. Он шёл теперь впереди, и когда он вдруг резко остановился, Максим чуть не налетел на него.

— Массаракш, — пробормотал Зеф.

На полу поперёк коридора лежал человеческий костяк. Зеф снял с плеча гранатомёт и огляделся.

— Этого здесь не было, — пробормотал он.

— Да, — сказал Максим. — Его только что положили.

Сзади, в глубине подземелья, вдруг разразился целый хор гортанных протяжных воплей. Вопли мешались с эхом; казалось, что вопит тысяча глоток, и все они вопили хором, словно скандируя какое-то странное слово из четырёх слогов. Максиму почудилась издёвка, вызов, насмешка. Затем хор умолк так же внезапно, как начался.

Зеф шумно перевёл дыхание и опустил гранатомёт. Максим снова посмотрел на скелет.

— По-моему, это намёк, — сказал он.

— По-моему, тоже, — пробурчал Зеф. — Пойдём поскорее.

Они быстро дошли до пролома в потолке, забрались на земляную кучу и увидели над собой встревоженное лицо Вепря. Он лежал грудью на краю пролома, спустив вниз верёвку с петлёй.

— Что там у вас? — спросил он. — Это вы кричали?

— Сейчас расскажем, — сказал Зеф. — Верёвку закрепил?

Они выбрались наверх; Зеф свернул себе и однорукому по цигарке, закурил и некоторое время молчал, видимо пытаясь составить какое-то мнение о том, что произошло.

— Ладно, — сказал он наконец. — Коротко — было вот что. Это — Крепость. Там есть пульта, мозг и всё такое. Все в плачевном состоянии, но энергия есть, и пользу мы из этого извлечём, нужно только найти понимающих людей... Дальше. — Он затаился и, широко раскрыв рот, выпустил клуб дыма, совсем как испорченный газомёт. — Дальше. Судя по всему, там живут собаки. Помнишь, я тебе рассказывал? Собаки такие — голова огромная... Кричали они... А если подумать, то, может, и не они, потому что, видишь ли... Как бы тебе

сказать... Пока мы с Маком там бродили, кто-то выложил в коридоре человеческий скелет. Вот и всё.

Однорукий посмотрел на него, потом на Максима.

— Мутанты? — спросил он.

— Возможно, — сказал Зеф. — Я вообще никого не видел, а Мак говорит, что видел собак... только не глазами. Чем ты их там видел, Мак?

— Глазами я их тоже видел, — сказал Максим. — И хочу, кстати, добавить, что никого, кроме этих ваших собак, там не было. Я бы знал. И собаки эти ваши — не то, что вы думаете. Это не звери.

Вепрь не сказал ничего. Он поднялся, смотал верёвку, подвесил её к поясу и снова сел рядом с Зефом.

— Чёрт его знает, — пробормотал Зеф, — может быть, и не звери... Здесь всё может быть. Здесь у нас Юг...

— А может быть, эти собаки и есть мутанты? — спросил Максим.

— Нет, — сказал Зеф. — Мутанты — это просто очень уродливые люди. И дети людей самых обыкновенных. Мутанты. Знаешь, что это такое?

— Знаю, — сказал Максим. — Но весь вопрос в том, как далёко может зайти мутация.

Некоторое время все молчали, раздумывая. Потом Зеф сказал:

— Ну, раз ты такой образованный, хватит болтать. Вставай! — Он поднялся. — Осталось нам немного, но время поджимает. А жрать охота... — он подмигнул Максиму, — прямо-таки патологически. Ты знаешь, что такое «патологически»?

Оставалось ещё расчистить юго-западную четверть квадрата, но ничего расчищать они не стали. Какое-то время назад здесь, вероятно, взорвалось что-то очень мощное. От старого леса остались только полусгнившие поваленные стволы да обгорелые пни, срезанные как бритвой, а на его месте уже поднялся молодой редкий лесок. Почва почернела, обуглилась и была нашпигована испорошенной ржавчиной. Никакая техника не могла уцелеть после такого взрыва, и Максим понял, что Зеф привёл их сюда не для работы.

Навстречу им из кустарника вылез обросший человек в грязном арестантском балахоне. Максим узнал его: это был первый абориген, которого он встретил, старый Зефов напарник, сосуд мировой скорби.

— Подождите, — сказал Вепрь, — я с ним поговорю.

Зеф велел Максиму сесть, где стоит, уселся сам и принялся переобуваться, дудя в бороду уголовный романс «Я мальчик лихой, меня знает окраина». Вепрь подошёл к сосуду скорби, и они, удалившись за кусты, принялись разговаривать шёпотом. Максим слышал их

прекрасно, но понять ничего не мог, потому что говорили они на каком-то жаргоне, и он узнал только несколько раз повторённое слово «почта». Скоро он перестал прислушиваться. Он чувствовал себя утомлённым, грязным: сегодня было слишком много бессмысленной работы, бессмысленного нервного напряжения, слишком долго он дышал сегодня всякой гадостью и принял слишком много рентген. И опять за весь этот день не было сделано ничего настоящего, ничего нужного, и ему очень не хотелось возвращаться в барак.

Потом сосуд скорби исчез, а Вепрь вернулся, сел перед Максимом на пень и сказал:

— Ну, давайте поговорим.

— Всё в порядке? — спросил Зеф.

— Да, — сказал Вепрь.

— Я же тебе говорил, — сказал Зеф, рассматривая на свет дырявую подошву. — У меня на таких чутьё.

— Ну так вот, Мак, — сказал Вепрь. — Мы вас проверили, насколько это возможно при нашем положении. Генерал за вас ручается. С сегодняшнего дня вы будете подчиняться мне.

— Очень рад, — сказал Максим, криво улыбаясь. Ему хотелось сказать: «За вас-то Генерал передо мной не поручился», но он только добавил: — Слушаю вас.

— Генерал сообщает, что вы не боитесь радиации и не боитесь излучателей. Это правда?

— Да.

— Значит, вы в любой момент можете переплыть Голубую Змею и это вам не повредит?

— Я уже сказал, что могу бежать отсюда хоть сейчас.

— Нам не нужно, чтобы вы бежали... Значит, насколько я понимаю, патрульные машины вам тоже не страшны?

— Вы имеете в виду передвижные излучатели? Нет, не страшны.

— Очень хорошо, — сказал Вепрь. — Тогда ваша задача на ближайшее время полностью определяется. Вы будете связным. Когда я вам прикажу, вы переплывёте реку и пошлёте из ближайшего почтового отделения телеграммы, которые я вам дам. Понятно?

— Это мне понятно, — медленно проговорил Максим. — Мне непонятно другое...

Вепрь смотрел на него не мигая — сухой, жилистый, искалеченный старик, холодный и беспощадный боец, с самых пелёнок боец, страшное и восхищающее порождение мира, где ценность человеческой жизни равна нулю, ничего не знающий, кроме борьбы, ничего не имеющий, кроме борьбы, всё отстраняющий, кроме борьбы, — и в

его внимательных прищуренных глазах Максим, как в книге, читал свою судьбу на ближайшие несколько лет.

— Да? — сказал Вепрь.

— Давайте договоримся сразу, — твёрдо сказал Максим. — Я не желаю действовать вслепую. Я не намерен заниматься делами, которые, на мой взгляд, нелепы и ненужны.

— Например? — сказал Вепрь.

— Я знаю, что такое дисциплина. И я знаю, что без дисциплины вся наша работа ничего не стоит. Но я считаю, что дисциплина должна быть разумной, подчинённый должен быть уверен, что приказ разумен. Вы приказываете мне быть связным. Я готов быть связным, я годен на большее, но, если это нужно, я буду связным. Но я должен знать, что телеграммы, которые я посылаю, не послужат бессмысленной гибели и без того несчастных людей...

Зеф задрал было бородищу, но Вепрь и Максим одинаковым движением остановили его.

— Мне было приказано взорвать башню, — продолжал Максим. — Мне не объясняли, зачем это нужно. Я видел, что это глупая и смертельная затея, но я выполнил приказ. Я потерял троих товарищей, а потом оказалось, что всё это — ловушка государственной прокуратуры. И я говорю: хватит! Я больше не намерен нападать на башни. И более того, я намерен всячески препятствовать операциям такого рода...

— Ну и дурак! — сказал Зеф. — Сопляк.

— Почему? — спросил Максим.

— Погодите, Зеф, — сказал Вепрь. Он по-прежнему не спускал глаз с Максима. — Другими словами, Мак, вы хотите знать все планы штаба?

— Да, — сказал Максим. — Я не хочу работать вслепую.

— А ты, братец, наглец, — объявил Зеф. — У меня, братец, слов не хватает, чтобы описать, какой ты наглец!.. Слушай, Вепрь, а он мне нравится. Не-ет, глаз у меня верный...

— Вы требуете слишком большого доверия, — холодно сказал Вепрь. — Такое доверие надо заслужить.

— И для этого валить дурацкие башни? — сказал Максим. — Я, правда, всего несколько месяцев в подполье, но всё это время я слышу только одно: башни, башни, башни... А я не хочу валить башни, это бессмысленно! Я хочу драться против тирании, против голода, разрухи, коррупции, лжи... Я понимаю, конечно, башни мучают вас, просто физически мучают... Но даже против башен вы выступаете как-то

по-дурацки. Совершенно очевидно, что башни ретрансляционные, а значит, надо бить в Центр, а не сколупывать их по одной...

Вебрь и Зеф заговорили одновременно.

— Откуда вы знаете про Центр? — спросил Вебрь.

— А где ты его, этот Центр, найдёшь? — спросил Зеф.

— То, что Центр должен быть, ясно каждому мало-мальски грамотному инженеру, — сказал Максим пренебрежительно. — А как найти Центр, это и есть задача, которой мы должны заниматься. Не бегать на пулемёты, не губить зря людей, а искать Центр...

— Во-первых, всё это мы и без тебя знаем, — сказал Зеф, закипая. — А, во-вторых, массаракш, никто не погиб зря! Каждому мало-мальски грамотному инженеру, сопляк ты сопливый, должно быть ясно, что, повалив несколько башен, мы нарушим систему ретрансляции и сможем освободить целый район! А для этого надо уметь валить башни. И мы учимся это делать — понимаешь ты или нет? И если ты ещё раз, массаракш, скажешь, что наши ребята гибнут зря...

— Подождите, — сказал Максим. — Уберите руки. Освободить район... Ну хорошо, а дальше?

— Всякий сопляк здесь приходит и говорит, что мы гибнем зря, — сказал Зеф.

— А дальше? — настойчиво повторил Максим. — Легионеры подвезут излучатели, и вам конец?

— Чёрта с два! — сказал Зеф. — За это время население района перейдёт на нашу сторону, и не так-то просто им будет сунуться. Одно дело — десяток так называемых вырожденков, а другое дело — десять тысяч, сто тысяч озверевших...

— Зеф, Зеф! — предостерегающе сказал Вебрь.

Зеф нетерпеливо отмахнулся от него.

— Сотни тысяч озверевших горожан, фермеров... а может быть, и солдат, которые поняли и на всю жизнь запомнили, что их бесстыдно дурачат...

Вебрь махнул рукой и отвернулся.

— Погодите, погодите, — сказал Максим. — Что это вы говорите? С какой это стати они вдруг поймут? Да они вас на куски разорвут. Ведь они-то считают, что это противобалистическая защита...

— А ты что считаешь? — спросил Зеф, странно усмехаясь.

— Ну, я-то знаю, — сказал Максим. — Мне рассказывали...

— Кто?

— Доктор... и Генерал... А что — это тайна?

— Может быть, хватит на эту тему? — сказал Вебрь тихо.

— А почему хватит? — возразил Зеф тоже тихо и как-то очень интеллигентно. — Почему, собственно, хватит, Вепрь? Ты знаешь, что я об этом думаю. Ты знаешь, почему я здесь сижу и почему я здесь останусь до конца жизни. А я знаю, что думаешь по этому поводу ты. Так почему же хватит? Мы оба считаем, что об этом надо кричать на всех перекрёстках, а когда доходит до дела, вдруг вспоминаем о дисциплине и принимаемся послушно играть на руку всем этим вождистам, либералам, просветителям... А теперь перед нами этот мальчик. Ты же видишь, какой он. Неужели и такие не должны знать?

— Может быть, именно такие и не должны знать, — всё так же тихо ответил Вепрь.

Максим, не понимая, переводил взгляд с одного на другого. Они вдруг сделались очень непохожи сами на себя, они как-то поникли, и в Вепре уже не ощущался стальной стержень, о который сломало зубы столько прокуратур и полевых судов, а в Зефе исчезла его бесшабашная вульгарность и прорезалась какая-то тоска, какое-то скрытое отчаяние, обида, покорность... Словно они вдруг вспомнили что-то, о чём должны были и честно старались забыть.

— Я расскажу ему, — сказал Зеф. Он не спрашивал разрешения и не советовался. Он просто сообщал.

Вепрь промолчал, и Зеф стал рассказывать.

То, что он рассказывал, было чудовищно. Это было чудовищно само по себе, и это было чудовищно потому, что больше не оставляло места для сомнений. Всё время, пока он говорил — негромко, спокойно, чистым интеллигентным языком, вежливо замолкая, когда Вепрь вставлял короткие реплики, — Максим изо всех сил старался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны. Картина получалась стройная, примитивная, безнадёжно логичная; она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъяснённым. Это было самое большое и самое страшное открытие из всех, которые Максим сделал на своём обитаемом острове.

Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Физиологический механизм воздействия известен не был, но суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причём верующего иступлённо, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было самыми элементарными средствами внушать всё, что угодно, и он принимал

внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для неё, страдать за неё, умирать во имя её.

А поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение в словах и делах Огненосных Творцов. Огненосные Творцы направляли волю и энергию миллионных масс, куда им заблагорассудится. Они внушали массам отвратительные идеи насилия и агрессии; они могли бросить миллионы под пушки и пулемёты; они могли бы заставить эти миллионы убивать друг друга во имя чего угодно; они могли бы, возникни у них такой каприз, вызвать массовую эпидемию самоубийств... Они могли всё.

А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми. Все подспудные напряжения, накопившиеся в подсознании из-за несоответствия между внушённым и реальным, высвобождались в пароксизме горячечного энтузиазма, в восторженном экстазе раболепия. Такие лучевые удары полностью подавляли рефлексy и инстинкты и замещали их чудовищным комплексом преклонения и долга перед Огненосными Творцами. В этом состоянии облучаемый полностью терял способность рассуждать и действовал, как робот, получивший приказ.

Опасность для Творцов могли представлять только люди, которые в силу каких-то физиологических особенностей были невосприимчивы к внушению. Их называли вырожденками. Постоянное поле на них не действовало вовсе, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Выродков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул. Только они сохраняли способность трезво оценивать обстановку, воспринимать мир, как он есть, воздействовать на мир, изменять его, управлять им. И самое гнусное заключалось в том, что именно они поставляли обществу правящую элиту, называемую Огненосными Творцами. Все Огненосные Творцы были вырожденками, но далеко не все вырожденки были Огненосными Творцами. И те, кто не сумел войти в элиту, или не захотел войти в элиту, или не знал, что существует элита, были объявлены врагами воинствующего государства и с ними поступали соответственно.

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населён на самом деле не людьми, а куклами. Огромный аппарат гитлеровской пропаганды ничего не стоил в сравнении с системой лучевых башен. Радио можно было не включать,

речи Геббельса можно было не слушать, газеты можно было не читать. Но избавиться от поля было невозможно. В истории земного человечества ничего подобного не было. И на опыт Земли рассчитывать было нельзя. Надеяться было не на что. План Зефа захватить скольконибудь значительный район представлялся попросту авантюрой. Перед ними была огромная машина, слишком простая, чтобы эволюционировать, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить её небольшими силами. Не было силы в стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен, выпавший, по выражению Вепря, из хода истории. Эта машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым малым возмущениям. Будучи частично разрушена, она немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, она немедленно и однозначно реагировала на раздражение, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов. Единственную надежду оставляла мысль, что у машины был Центр, пульт управления, мозг. Этот Центр теоретически можно было разрушить, тогда машина замрёт в неустойчивом равновесии, и наступит момент, когда можно будет попытаться перевести этот мир на другие рельсы, вернуть его на рельсы истории. Но местонахождение Центра было величайшей тайной, да и кто будет его разрушать? Это не атака на башню. Это операция, которая потребует огромных средств и прежде всего — армии людей, не подверженных действию излучения. Нужны были люди, невосприимчивые к излучению, или простые, легкодоступные средства защиты. Ничего этого не было и даже не предвиделось. Несколько сотен тысяч вырожденков были раздроблены, разрознены, преследуемы, многие вообще относились к категории так называемых легальных, но если бы даже их удалось объединить и вооружить, эту маленькую армию Огненосные Творцы уничтожили бы, выслав ей навстречу передвижные излучатели...

Зеф давно уже замолчал, а Максим всё сидел понурившись, ковыряя прутиком чёрную сухую землю. Потом Зеф покашлял и сказал неловко:

— Да, приятель. Вот оно как на самом-то деле...

Кажется, он уже раскаивался в том, что рассказал, как оно на самом деле.

— На что же вы надеетесь? — проговорил Максим.

Зеф и Вепрь молчали. Максим поднял голову, увидел их лица и пробормотал:

— Простите... Я... Это всё так... Простите.

— Мы должны бороться, — ровным голосом произнёс Вепрь, — мы боремся, и мы будем бороться. Зеф сообщил вам одну из стратегий штаба. Существуют и другие, столь же уязвимые для критики и ни разу не опробованные практически... Вы понимаете, у нас сейчас всё в становлении. Зрелую теорию борьбы не создашь на пустом месте вот так, сразу...

— Скажите, — медленно проговорил Максим, — это излучение... оно действует одинаково на все народы вашего мира?

Вепрь и Зеф переглянулись.

— Не понимаю, — сказал Вепрь.

— Я имею в виду вот что. Есть здесь какой-нибудь народ, где найдётся хотя бы несколько тысяч таких, как я?

— Вряд ли, — сказал Зеф. — Разве что у этих... у мутантов. Массаракш, ты не обижайся, Мак, но ведь ты — явный мутант... Счастливая мутация, один шанс на миллион...

— Я не обижаюсь, — сказал Максим. — Значит, мутанты... Это там, дальше в лесах?

— Да, — сказал Вепрь. Он пристально глядел на Максима.

— А что там, собственно? — спросил Максим.

— Лес, потом пустыня... — ответил Вепрь.

— И мутанты?

— Да. Полузвери. Сумасшедшие дикари... Слушайте, Мак, бросьте это.

— Вы их когда-нибудь видели?

— Я видел только мёртвых, — сказал Вепрь. — Их иногда ловят в лесу, а потом вешают перед бараками для поднятия духа.

— А за что?

— За шею! — рявкнул Зеф. — Дурак! Это зверьё! Они неизлечимы, и они опаснее любого зверя! Я-то их повидал, ты такого и во сне не видел...

— А зачем туда тянут башни? — спросил Максим. — Хотят их приручить?

— Бросьте, Мак, — снова сказал Вепрь. — Это безнадежно. Они нас ненавидят... А впрочем, поступайте как знаете. Мы никого не держим.

Наступило молчание. Потом вдалеке, у них за спиной, послышался знакомый лязгающий рык. Зеф приподнялся.

— Баллиста... — сказал он раздумчиво. — Пойти её убить?.. Это недалеко, восемнадцатый квадрат... Нет, завтра.

Максим вдруг решился:

— Я ею займусь. Идите, я вас догоню.

Зеф с сомнением поглядел на него.

— Сумеешь ли? — сказал он. — Подорвёшься ещё...

— Мак, — сказал однорукий, — подумайте!

Зеф смотрел на Максима, а потом вдруг ослабилась.

— Ах вот зачем тебе танк! — сказал он. — Хитрец парень. Не-ет, меня не обманешь. Ладно, иди, ужин я тебе сберегу. Одумаешься — приходи... Да имей в виду, что многие самоходки заминированы, копайся там осторожнее... Пошли, Вепрь. Он догонит.

Вепрь хотел ещё что-то сказать, но Максим уже поднялся и зашагал к просеке. Он больше не хотел разговоров. Он шёл быстро, не оборачиваясь, держа гранатомёт под мышкой. Теперь, когда он принял решение, ему сделалось легче, и предстоящее дело зависело только от его умения и от его сноровки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Под утро Максим вывел самоходную баллисту на шоссе и развернул носом на юг. Можно было ехать, но он вылез из отсека управления, спрыгнул на изломанный бетон и присел на краю кювета, вытирая травой запачканные руки. Ржавая громадина мирно клочкотала рядом, уставя в мутное небо острую верхушку ракеты.

Он проработал всю ночь, но усталости не чувствовал. Аборигены строили прочно, машина оказалась в неплохом состоянии. Никаких мин, конечно, не обнаружилось, а ручное управление, напротив, было. Если кто-нибудь и подрывался на таких машинах, то это могло произойти только из-за изношенности котла либо от полного технического невежества. Котёл, правда, давал не больше двадцати процентов нормальной мощности, и была порядком потрёпана ходовая часть, но Максим был доволен — вчера он не надеялся и на это.

Было около шести часов утра, совсем рассвело. Обычно в это время каторжников строили в клетчатые колонны, наскоро кормили и выгоняли на работы. Отсутствие Максима было, конечно, уже замечено, и вполне возможно, что теперь он числился в бегах и был приговорён, а может быть, Зеф придумал какое-нибудь объяснение — подвернулась нога, ранен или ещё что-нибудь.

В лесу стало тихо. «Собаки», перекликавшиеся всю ночь, утомонились, ушли, наверное, в подземелье и хихикают там, потирая лапы, вспоминая, как напугали вчера двуногих... Этими «собаками» надо будет основательно заняться, но сейчас придётся оставить их в тылу. Интересно, воспринимают они излучение или нет? Странные существа... Ночью, пока он копался в двигателе, двое всё время торчали за кустами, тихонько наблюдая за ним, а потом пришёл третий и

забрался на дерево, чтобы лучше видеть. Максим, высунувшись из люка, помахал ему рукой, а потом, озорства ради, воспроизвёл как мог то четырёхсложное слово, которое вчера скандировал хор. Тот, что был на дереве, страшно рассердился, засверкал глазами, надул шерсть по всему телу и принялся выкрикивать какие-то гортанные оскорбления. Двое в кустах были, очевидно, этим шокированы, потому что немедленно ушли и больше не возвращались. А ругатель ещё долго не слезал и всё никак не мог успокоиться: шипел, плевался, делал вид, что хочет напасть, и скалил белые редкие клыки. Убрался он только под утро, поняв, что Максим не собирается вступать с ним в честную драку... Вряд ли они разумны в человеческом смысле, но существа занятые и, вероятно, представляют собой какую-то организованную силу, если сумели выжить из Крепости военный гарнизон во главе с принцем-герцогом... До чего же у них здесь мало информации, одни слухи и легенды... Хорошо бы помыться сейчас, весь извозился в ржавчине, да и котёл подтекает, кожа горит от радиации. Если Зеф и однурукий согласятся ехать, надо будет заслонить котёл тремя-четырьмя плитами, ободрать броню с бортов...

Далеко в лесу что-то бухнуло, отдалось эхом — сапёры-смертники начали рабочий день. Бессмыслица, бессмыслица... Снова бухнуло, застучал пулемёт, стучал долго, потом стих. Стало совсем светло, день выдавался ясный, небо было без туч, равномерно белое, как светящееся молоко. Бетон на шоссе блестел от росы, а вокруг танка росы не было — от брони шло нездоровое тепло.

Потом из-за кустов, напозвших на дорогу, появились Зеф и Вепрь, увидели танк и зашагали быстрее. Максим поднялся и пошёл навстречу.

— Жив! — сказал Зеф вместо приветствия. — Так я и думал. Кашку твою я, брат, того... не в чём нести. А хлеб принёс, лопай.

— Спасибо, — сказал Максим, принимая краюху.

Вепрь стоял, опершись на миноискатель, и смотрел на него.

— Лопай и удирай, — сказал Зеф. — Там, брат, за тобой приехали.

— Кто? — спросил Максим, перестав жевать.

— Нам не доложился, — сказал Зеф. — Какой-то долдон в пуговицах с ног до головы. Орал на весь лес, почему тебя нет, меня чуть не застрелил... А я знай глаза таращу и докладываю: так, мол, и так, погиб на минном поле, тело не найдено...

Он обошёл танк вокруг, сказал: «Экая пакость...», сел на обочину и стал свёртывать сигарку.

— Странно, — сказал Максим, задумчиво откусывая от краюхи. — Зачем? На доследование?..

— Может быть, это Фанк? — негромко спросил Вепрь.
— Фанк? Среднего роста, квадратное лицо, кожа шелушится?..
— Какое там! — сказал Зеф. — Здоровенная жердь, весь в прыщах, дурак дураком — Легион.

— Это не Фанк, — сказал Максим.

— Может быть, по приказу Фанка? — спросил Вепрь.

Максим пожал плечами и отправил в рот последнюю корку.

— Не знаю, — сказал он. — Раньше я думал, что Фанк имеет какое-то отношение к подполью, а теперь не знаю, что и думать...

— Тогда вам, пожалуй, действительно лучше уехать, — проговорил Вепрь. — Хотя, честно говоря, я не знаю, что хуже — мутанты или этот жандармский чин...

— Да ладно, пусть едет, — сказал Зеф. — Связным он у тебя работать всё равно не станет, а так, по крайней мере, хоть привезёт какую-нибудь информацию... если цел останется.

— Вы, конечно, со мной не поедете, — сказал Максим утвердительно.

Вепрь покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Желаю удачи.

— Ракету сбрось, — посоветовал Зеф. — А то взорвёшься с нею... И вот что. Впереди у тебя будут две заставы. Ты их проскочишь легко, только не останавливайся. Они повёрнуты на юг. А вот дальше будет хуже. Радиация ужасная, жрать нечего, мутанты, а ещё дальше — пески, безводье.

— Спасибо, — сказал Максим. — До свидания.

Он вспрыгнул на гусеницу, отвалил люк и залез в жаркую полутьму. Он уже положил руки на рычаги, когда вспомнил, что остался ещё один вопрос. Он высунулся.

— Слушайте, — сказал он, — а почему истинное назначение башен скрывают от рядовых подпольщиков?

Зеф сморщился и плюнул, а Вепрь грустно ответил:

— Потому что большинство в штабе надеется когда-нибудь захватить власть и использовать башни по-старому, но для других целей.

— Для каких — других? — мрачно спросил Максим. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

Зеф, отвернувшись, старательно заклеивал языком сигарету. Потом Максим сказал:

— Желаю вам выжить, — и вернулся к рычагам.

Танк загремел, залязгал, хрустнул гусеницами и покатился вперёд.

Вести машину было неудобно. Сиденья для водителя не было, а гряда веток и травы, которую Максим набросал ночью, очень быстро расплзлась. Обзор был отвратительный, разогнаться как следует не удавалось — на скорости тридцать километров в двигателе что-то начинало греметь и захлёбываться, горела смазка. Правда, проходимость у этого атомного одра всё ещё была прекрасная. Дорога или не дорога — ему было всё равно, кустов и неглубоких рытвин он не замечал вовсе, поваленные деревья давил в крошку. Молодые деревца, проросшие сквозь рассеянный бетон, он с лёгкостью подминал под себя, а через глубокие ямы, наполненные чёрной водой, переползал, словно бы даже фыркая от удовольствия. И курс он держал прекрасно, повернуть его было весьма нелегко.

Шоссе было довольно прямое, в отсеке грязно и душно, и в конце концов Максим поставил ручной газ, вылез наружу и удобно устроился на краю люка под решётчатым лотком ракеты. Танк пёр вперёд, словно это и был его настоящий курс, заданный давней программой. Было в нём что-то самодовольное и простоватое, и Максим, любивший машины, даже похлопал его по броне, выражая одобрение.

Жить было можно. Справа и слева уползал назад лес, мерно хлопотал двигатель, радиация наверху почти не чувствовалась, ветерок был сравнительно чистым и приятно охлаждал горящую кожу. Максим поднял голову и взглянул на качающийся нос ракеты. Пожалуй, её действительно нужно сбросить. Лишний вес. Взорваться она, конечно, не взорвётся, давно «протухла», он ещё ночью обследовал её, но весит она тонн десять, зачем такое таскать? Танк полз себе вперёд, а Максим принялся лазить по лотку, отыскивая механизм крепления. Он нашёл механизм, но всё заржавело, и пришлось повозиться; и пока он возился, танк дважды съезжал на поворотах в лес и принимался, гневно завывая, ломать деревья, и Максиму приходилось спешить к рычагам, успокаивать железного дурака и выводить его снова на дорогу. Но в конце концов механизм сработал, ракета тяжело мотнулась и ухнула на бетон, а потом грузно откатилась в кювет. Танк подпрыгнул и пошёл легче, и тут Максим увидел впереди первую заставу.

На опушке стояли две большие палатки и автофургон, дымила полевая кухня. Два легионера, голые до пояса, умывались — один сливал другому из манерки. Посередине шоссе стоял и глядел на танк часовой в чёрной накидке, а справа от шоссе торчали два столба, соединённые перекладной, и с этой перекладины что-то свисало, что-то длинное и белое, почти касаясь земли. Максим спустился в отсек, чтобы не было видно клетчатого балахона, и выставил голову.

Часовой, с изумлением поглядывая на танк, отходил к обочине, потом растерянно оглянулся на фургон. Полуголые legionеры перестали умываться и тоже глядели на танк. На грохот гусениц из палаток и из фургона вышли ещё несколько человек, один — в мундире с офицерскими шнурами. Они были очень удивлены, но не встревожены; офицер показал на танк рукой и что-то сказал, и все засмеялись. Когда Максим поравнялся с часовым, тот крикнул ему неслышно за шумом двигателя, и Максим в ответ прокричал:

— Всё в порядке, стой, где стоишь!..

Часовой тоже ничего не услышал, но на лице его выразилось удовлетворение. Пропустив танк, он снова вышел на середину шоссе и встал в прежней позе. Было ясно, что всё обошлось.

Максим повернул голову и увидел вблизи то, что свисало с перекладки. Секунду он смотрел, потом быстро присел, зажмурился и без всякой нужды ухватился за рычаги. «Не надо было смотреть, — подумал он. — Чёрт меня дёрнул поворачивать голову, ехал бы и ехал, ничего бы не знал... — Он заставил себя раскрыть глаза. — Нет, — подумал он, — смотреть надо. Надо привыкать. И надо узнавать. Нечего отворачиваться. Я не имею права отворачиваться, раз уж я взялся за это дело. Наверное, это был мутант, смерть не может так изуродовать человека. Вот жизнь уродует. Она и меня изуродует, и никуда от этого не денешься, и не надо сопротивляться, надо привыкать. Может быть, впереди у меня сотни километров дорог, уставленных виселицами...»

Когда он снова высунулся из люка и поглядел назад, заставы уже не было видно — ни заставы, ни одинокой виселицы у дороги. Хорошо бы сейчас ехать домой... Так вот ехать, ехать, ехать, а в конце — дом, мама, отец, ребята... Приехать, проснуться, умыться и рассказать им страшный сон про обитаемый остров... Он попытался представить себе Землю, но у него ничего не получилось, только было странно думать, что где-то есть чистые весёлые города, много добрых, умных людей, все друг другу доверяют... «Ты искал себе дела, — подумал он. — Ну вот, у тебя теперь есть дело — трудное дело, грязное дело, но вряд ли ты найдёшь где-нибудь когда-нибудь другое дело, столь же важное...»

Впереди на шоссе показался какой-то механизм, медленно ползущий в ту же сторону — на юг. Это был небольшой гусеничный трактор, тянувший за собой прицеп с металлической решётчатой фермой. В открытой кабине сидел человек в клетчатом балахоне и курил трубку; он равнодушно посмотрел на танк, на Максима и отвернулся. «Что это за ферма? — подумал Максим. — Какие знакомые очертания... — Потом он вдруг понял, что это секция башни. — Столкнуть бы её сейчас

в канаву, — подумал он, — и проехать по ней раза два взад-вперёд...» Он оглянулся, и выражение его лица, видимо, очень не понравилось водителю трактора — водитель вдруг затормозил и спустил одну ногу на гусеницу, как бы готовясь выпрыгнуть. Максим отвернулся.

Минут через десять он увидел вторую заставу. Это был аванпост огромной армии клетчатых рабов, а может быть, и не рабов как раз, а самых свободных людей в стране, — два временных домика с блестящими цинковыми крышами, невысокий искусственный холм, на нём серый приземистый капонир с чёрными щелями амбразур. Над капониром уже поднимались первые секции башни, а вокруг холма стояли автокраны, тракторы, валялись в беспорядке железные фермы. Лес на несколько сотен метров вправо и влево от шоссе был уничтожен, по открытому пространству кое-где копошились люди в клетчатой одежде. За домиками виднелся длинный низкий барак. Перед бараксом сохло на верёвках серое тряпье. Немного дальше у шоссе торчала деревянная вышка с площадкой; по площадке прохаживался часовой в серой форме, в глубокой каске, и стоял пулемёт на треноге. Под вышкой толпились ещё солдаты; у них был вид людей, изнемогающих от комаров и скуки. Все курили.

«Ну, здесь я тоже проеду без хлопот, — подумал Максим, — здесь конец света и всем на всё наплевать». Но он ошибся. Солдаты перестали отмахиваться от комаров и уставились на танк. Потом один, толстый, на кого-то очень похожий, поправил на голове каску, вышел на середину шоссе и поднял руку. «Это ты зря, — подумал Максим с сожалением, — это тебе ни к чему. Я решил здесь проехать, и я проеду...» Он соскользнул вниз, к рычагам, устроился поудобнее и поставил ногу на акселератор. Солдат на шоссе продолжал стоять с поднятой рукой. «Сейчас я дам газ, — подумал Максим, — взреву как следует, и он отскочит... А если не отскочит, — подумал он с внезапным ожесточением, — то, что же — на войне как на войне...»

И вдруг он узнал этого солдата. Перед ним был Гай — похудевший, осунувшийся, заросший щетиной, в мешковатом солдатском комбинезоне.

— Гай... — пробормотал Максим. — Дружище... Как же я теперь?

Он снял ногу с газа, выключил сцепление, танк замедлил ход и остановился. Гай опустил руку и неторопливо пошёл навстречу. И тут Максим даже засмеялся от радости. Всё получалось очень хорошо. Он снова включил сцепление и приготовился.

— Эй! — начальственно крикнул Гай и постучал прикладом по броне. — Кто такой?

Максим молчал, тихонько посмеиваясь.

— Есть там кто? — В голосе Гая появилась некоторая неуверенность.

Потом его подкованные каблуки загремели по броне, люк слева распахнулся, и Гай просунулся в отсек. Увидев Максима, он открыл рот, и в ту же секунду Максим схватил его за комбинезон, рванул к себе, повалил на ветки под ногами и прижал... Танк взревел ужасным рёвом и рванулся вперёд. «Разобью двигатель», — подумал Максим. Гай дёргался и ворочался, каска съехала ему на лицо, он ничего не видел и только брыкался вслепую, пытаясь вытащить из-под себя автомат. Отсек вдруг наполнился громом и лязгом — по-видимому, в тыл танку ударили автоматы и пулемёт. Это было безопасно, но неприятно, и Максим с нетерпением следил, как надвигается стена леса, всё ближе... ближе... И вот первые кусты... Кто-то клетчатый шарахнулся с дороги... И вот уже вокруг лес, и пули уже не стучат по броне, и шоссе впереди свободно на много сотен километров.

Гай наконец вытащил из-под себя автомат, но Максим содрал с него каску и увидел его потное оскаленное лицо и засмеялся, когда ярость, ужас и жажда убивать сменились на этом лице выражением сначала растерянности, потом изумления и, наконец, радости. Гай пошевелил губами — видимо, сказал: «Массаракш!» Максим бросил рычаги, притянул его к себе, мокрого, тощего, заросшего, обнял, прижал от избытка чувств, потом отпустил и, держа его за плечи, сказал:

— Гай, дружище, как я рад!

Ничего решительно не было слышно. Он глянул в смотровую щель: шоссе было прямое по-прежнему, и он снова поставил ручной газ, а сам вылез наверх и вытащил Гая за собой.

— Массаракш! — сказал помятый Гай. — Это опять ты!

: — А ты не рад? Я вот ужасно рад! — Максим только сейчас понял, как ему всегда не хотелось ехать на Юг в одиночку.

— Что всё это значит? — крикнул Гай. Первая радость у него уже прошла, он с беспокойством оглядывался по сторонам. — Куда?! Зачем?!

— На Юг! — крикнул Максим. — Хватит с меня твоего гостеприимного отечества!

— Побег?!

— Да!

— Ты с ума сошёл! Тебе подарили жизнь!

— Кто это подарил мне жизнь? Жизнь моя! Принадлежит мне!

Разговаривать было трудно, приходилось кричать, и как-то невольно вместо дружеской беседы получалась ссора. Максим соскочил

в люк и уменьшил обороты. Танк пошёл медленнее, но больше не ревел и не лязгал так громко. Когда Максим вылез обратно, Гай сидел насупленный и решительный.

— Я обязан тебя вернуть, — объявил он.

— А я обязан тебя отсюда утащить, — объявил Максим.

— Не понимаю. Ты совсем сошёл с ума. Отсюда бежать невозможно. Надо вернуться... Массаракш, возвращаться тебе тоже нельзя, тебя расстреляют... А на Юге нас съедят... Провались ты пропадом со своим сумасшествием! Связался я с тобой, как с фальшивой монетой...

— Подожди, не ори, — сказал Максим.

— Дай я тебе всё объясню.

— Не желаю ничего слушать. Останови машину!

— Да подожди ты, — уговаривал Максим. — Дай рассказать!

Но Гай не желал, чтобы ему рассказывали, Гай требовал, чтобы эта незаконно похищенная машина была немедленно остановлена и возвращена в зону. Максима дважды, трижды и четырежды обозвали болваном. Вопль «массаракш» перекрывал шум двигателя. Положение, массаракш, было ужасным. Оно было безвыходным, массаракш! Впереди, массаракш, была верная смерть. Позади, массаракш, тоже. Максим был всегда болваном и психом, массаракш, но эта его выходка, массаракш, надо полагать, последняя, массаракш и массаракш...

Максим не мешал. Он вдруг сообразил, что поле последней башни, очевидно, кончается где-то здесь, скорее всего уже кончилось; последняя застава должна находиться на самой границе крайнего поля... Пусть парень выговаривается, на обитаемом острове слова ничего не значат... «Ругайся, ругайся, а я тебя вытащу, нечего тебе там делать... Надо с кого-то начинать, и ты будешь первым. Не хочу, чтобы ты был куклой, даже если тебе это нравится — быть куклой...»

Изругав Максима вдоль и поперёк, Гай соскочил в люк и стал там возиться, пытаясь остановить машину. Это ему не удалось, и он выбрался обратно, уже в каске, очень молчаливый и деловитый. Он явно намеревался спрыгнуть и уйти обратно. Он был очень сердит. Тогда Максим поймал его за штаны, усадил рядом и принялся объяснять положение.

Он говорил больше часу, прерываясь иногда, чтобы выровнять движение танка на поворотах. Он говорил, а Гай слушал. Сначала Гай пытался перебивать, порывался соскочить на ходу, затыкал уши, но Максим говорил и говорил, повторял одно и то же снова и снова, объяснял, втолковывал, разубеждал, и Гай наконец начал прислушиваться, потом задумался, приуныл, залез обеими руками под каску и шибко почесал шевелюру; потом вдруг сам перешёл в наступление и принялся допрашивать Максима, откуда всё это стало известно, и кто докажет, что всё это не враньё, и как можно во всё это поверить, если это очевидная выдумка... Максим бил его фактами, а когда фактов не хватало, клялся, что говорит правду, а когда и это не помогало, называл Гая дубиной, куклой, роботом, а танк всё шёл и шёл на юг, всё глубже зарываясь в страну мутантов.

— Ну хорошо, — сказал наконец Максим, остервенев. — Сейчас мы всё это проверим. По моим расчётам, мы давно уже выехали из поля излучения, а сейчас примерно без десяти десять. Что вы все делаете в десять часов?

— В десять ноль-ноль — построение, — мрачно сказал Гай.

— Вот именно. Собираетесь стройными рядами и надрыгаетесь от готовности пролить кровь. Помнишь?

— Эта готовность у нас в сердце, — заявил Гай.

— Эту готовность вбивают в ваши тупые головы, — возразил Максим. — Ничего, вот сейчас мы посмотрим, какая у тебя там в сердце готовность. Который час?

— Без семи, — мрачно сказал Гай.

Некоторое время они ехали молча.

— Ну? — спросил Максим.

Гай посмотрел на часы и неуверенным голосом запел: — «Вперёд, легионеры, железные ребята...»

Максим насмешливо смотрел на него. Гай сбился и перепутал слова.

— Перестань на меня глазеть, — сердито сказал он. — Ты мне мешаешь. И вообще какое может быть пение вне строя?

— Брось, брось, — сказал Максим. — Вне строя ты, бывало, так же орал, как в строю. Смотреть на вас с дядей Кааном страшно было. Один орёт «Железных ребят». Другой тянет «Славу Творцам». А тут ещё Рада... Ну, где твоя готовность жечь и резать во славу Творцов?

— Не смей, — сказал Гай. — Ты не смеешь так говорить про Творцов. Даже если то, что ты рассказываешь, правда, это означает только, что Творцов просто обманули.

— Кто же их обманул?

— Н-ну... мало ли...

— Значит, Творцы не всемогущи?

— Не желаю на эту тему разговаривать, — объявил Гай.

Он приуныл, сгорбился, лицо его ещё больше осунулось, глаза потускнели, отвисла нижняя губа. Максим вдруг вспомнил Фишту Луковицу и Красавчика Котру из арестантского вагона. Они были наркоманами, несчастными людьми, привыкшими употреблять особенно сильные наркотические вещества. Они страшно мучались без своего зелья, не ели и не пили, а дни напролёт сидели вот так, с потухшими глазами и отвисшей губой.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил он Гая.

— Нет, — уныло ответил Гай.

— А что ты так нахохлился?

— Да так как-то... — Гай оттянул воротник и вяло повертел шейю. — Нехорошо как-то... Я лягу, а?

Не дожидаясь ответа Максима, он полез в люк и прилёг там на ветки, поджав ноги. «Вот оно как, — подумал Максим. — Это не так просто, как я думал. — Он забеспокоился. — Лучевого удара Гай не получил, из поля мы выехали почти два часа назад... Он же всю жизнь живёт в этом поле... А может быть, ему это вредно — без поля? Вдруг он заболит? Надо же, дрянь какая...» Он смотрел через люк на бледное лицо, и ему становилось всё страшнее. Наконец он не выдержал, прыгнул в отсек, выключил двигатель, выволок Гая наружу и положил на траву у шоссе.

Гай спал, бормотал что-то во сне, сильно вздрагивал. Потом его начал бить озноб, он скрючивался, сжимался, словно стараясь согреться, засовывал ладони под мышку. Максим положил его голову к

себе на колени, прижал ему пальцами виски и постарался сосредоточиться. Ему давно не приходилось делать психомассаж, но он знал, что главное — отвлечься от всего, сосредоточиться, включить больного в свою, здоровую, систему. Так он сидел минут десять или пятнадцать, а когда очнулся, то увидел, что Гаю лучше, лицо порозовело, дыхание стало ровным, он больше не мёрз. Максим устроил ему подушку из травы, посидел некоторое время, отгоняя комаров, а потом вспомнил, что им ещё ехать и ехать, а реактор течёт — для Гая это опасно, надо что-то придумать. Он поднялся и вернулся к танку.

Ему пришлось основательно повозиться, прежде чем он снял с проржавевших заклёпок несколько листов бортовой брони, а затем он набивал эти листы на керамическую перегородку, отделяющую реактор и двигатель от отсека управления. Ему оставалось прикрепить последний лист, когда он вдруг почувствовал, что вблизи появились посторонние. Он осторожно высунулся из люка, и внутри у него похолодело и съёжилось.

На шоссе, шагах в десяти перед машиной, стояли три человека, но он не сразу понял, что это люди. Правда, они были одеты и двое держали на плечах жердь, с которой свисало окровавленной головой вниз небольшое копытное животное, похожее на оленя, а на шее у третьего, поперёк цыплячьей груди, висела громоздкая винтовка непривычного вида. «Мутанты, — подумал Максим. — Вот они, мутанты...» Все рассказы и легенды, слышанные им, вдруг всплыли в памяти и сделались очень правдоподобными. Сдирают с живых кожу... людоеды... дикари... звери. Он стиснул зубы, выскочил на броню и поднялся во весь рост. Тогда тот, что был с винтовкой, смешно перебрал коротенькими ножками, выгнутыми дугой, но не двинулся с места. Он только поднял руку с двумя длинными многосуставными пальцами, громко зашипел, а потом произнёс скрипучим голосом:

— Кушать хочешь?

Максим разлепил губы и сказал:

— Да.

— Стрелять не будешь? — поинтересовался обладатель винтовки.

— Нет, — сказал Максим улыбаясь. — Ни в коем случае.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гай сидел за грубым самодельным столом и чистил автомат. Было около четверти одиннадцатого утра, мир был серым, бесцветным, сухим, в нём не было места радости, не было места движению жизни,

всё было тусклое и больное. Не хотелось думать, не хотелось ничего видеть и слышать, даже спать не хотелось — хотелось просто положить голову на стол, опустить руки и умереть. Просто умереть — и всё.

Комнатка была маленькая, с единственным окном без стекла, выходившим на огромный, загромождённый развалинами, заросший диким кустом серо-рыжий пустырь. Обои в комнате пожухли и скрутились — не то от жары, не то от старости, — паркет рассохся, в одном углу обгорел до угля. От прежних жильцов в комнате ничего не осталось, кроме большой фотографии под разбитым стеклом, на которой, если внимательно присмотреться, можно было различить какого-то пожилого господина с дурацкими бакенбардами и в смешной шляпе, похожей на жестяную тарелку.

Глаза бы всего этого не видели, сдохнуть бы сейчас или завывать последней бездомной собакой, но Максим приказал: «чисти!» «Каждый раз, — приказал Максим, постукивая каменным пальцем по столу, — каждый раз, как только тебя скрутит, садись и чисти автомат...» Значит, надо чистить. Максим всё-таки. Если бы не Максим, давно бы лёг и помер. Просил ведь его: «Не уходи ты от меня в это время, посиди, полечи». Нет. Сказал, что теперь сам должен. Сказал, что это не смертельно, что должно пройти и обязательно пройдёт, но надо перемочься, надо справиться...

«Ладно, — вяло подумал Гай, — справлюсь. Максим всё-таки. Не человек, не Творец, не бог — Максим... И ещё он сказал: «Злись! Как тебя скрутит, вспоминай, откуда это у тебя, кто тебя к этому приучил, зачем, и злись, копи ненависть. Скоро она понадобится: ты не один такой, вас таких сорок миллионов, оболваненных, отравленных...» Трудно поверить, массаракш, ведь всю жизнь в строю, всегда знали, что к чему, всё было просто, все были вместе, и хорошо было быть таким, как все. Нет, пришёл, влюбил в себя, карьеру испортил, а потом буквально за шиворот вырвал из строя и утащил в другую жизнь, где и цель непонятна, и средства непонятны, где нужно — массаракш и массаракш! — обо всём думать самому, решать самому, всё самому... Да... вытащил за шиворот. Повернул мордой назад, к родному, к гнезду, к самому дорогому и показал: помойка, гнусь, мерзость, ложь... И вот смотришь — действительно, мало красивого, себя вспомнить тошно, ребят вспомнить тошно, а уж господин ротмистр Чачу!...» Гай с сердцем загнал на место затвор и цокнул защёлкой. И снова навалилась вялость, апатия, и воли на то, чтобы вставить магазин, уже не оставалось. Плохо, ох как плохо...

Перекошенная скрипучая дверь отворилась, всунулось маленькое деловитое рыльце — в общем, даже симпатичное, если бы не лысый череп и не воспалённые веки без ресниц, — Танга, соседская девчонка.

— Дядя Мак приказали вам идти на площадь! Там уже все собрались, одного вас ждут!

Гай угрюмо покосился на неё, на тщедушное это тельце в платице из грубой мешковины, на ненормально тонкие ручки-соломинки, покрытые коричневыми пятнами, на кривые ножки, распухшие в коленях, и его замутило, и самому стало стыдно своего отворачивания, — ребёнок, а кто виноват? Он отвёл глаза и сказал:

— Не пойду. Передай, что плохо себя чувствую. Заболел.

Дверь скрипнула, и когда он снова поднял глаза, девчонки не было. Он с досадой бросил автомат на койку, подошёл к окну, высунулся. Девчонка со страшной скоростью пылила по лощине между остатками стен, по бывшей улице; за нею увязался какой-то карапузик, проковылял несколько шажков, зацепился, шлёпнулся, поднял голову, полежал некоторое время, потом взревел ужасным басом. Из-за руин выскочила мать. Гай поспешно отшатнулся, потряс головой и вернулся к столу. «Нет, не могу привыкнуть. Гадкий я, видно, человек... Ну уж попался бы мне тот, кто за всё это в ответе, тут уж я бы не промахнулся. Но всё-таки почему я не могу привыкнуть? Господи, за этот месяц я такого повидал — на сто кошмарных снов хватит...»

Мутанты жили небольшими общинами. Иные кочевали, охотились, искали места получше, искали дорогу на Север в обход легионерских пулемётов, в обход страшных областей, где они сходили с ума и умирали на месте от приступов чудовищной головной боли; иные жили оседло на фермах и в деревушках, уцелевших после боёв и взрыва трёх ядерных бомб, из которых одна взорвалась над этим городом, а две в окрестностях — там сейчас километровые проплешины блестящего, как зеркало, плака. Оседлые сеяли мелкую, выродившуюся пшеницу, возделывали странные свои огороды, где томаты были как ягоды, а ягоды — как томаты, разводили жуткий скот, на который смотреть было страшно, не то, что есть. Это был жалкий народ — мутанты, дикие южные выродки, про которых плели разную чушь и сам он плёл разную чушь, — тихие, болезненные, изуродованные карикатуры на людей. Нормальными здесь были только старики, но их оставалось очень мало, все они были больны и обречены на скорую смерть. Дети их и внуки тоже казались не жильцами на этом свете. Детей у них рождалось много, но почти все они умирали либо при рождении, либо в младенчестве. Те, что выживали, были слабыми, всё время маялись неизвестными недугами, уродливы были страсть,

но все глядели послушными, тихими, умненькими. Да что там говорить, неплохие оказались люди мутанты, добрые, гостеприимные, мирные... Вот только смотреть на них было невозможно. Даже Максима сначала корёжило с непривычки, но он-то быстро привык, ему что — он своей натуре хозяин...

Гай вставил в автомат магазин, подпёр щеку ладонью, задумался. Да, Максим...

Правда, затеял Максим на этот раз явно бессмысленное дело. Затянул он собрать мутантов, вооружить их и выбить Легион для начала хотя бы на Голубую Змею. Смешно, ей-богу! Они же еле ходят, многие помирают на ходу — мешок с зерном поднимет и помрёт, — а он хочет с ними на Легион идти. Необученные, слабые, куда им... Пусть даже соберёт он этих... разведчиков ихних. На всю эту армию, если без Максима, одного ротмистра хватит, а если с Максимом, то ротмистра с ротой. Максим это, кажется, и сам понимает. Но вот целый месяц бегал по лесу от посёлка к посёлку, от общины к общине, уговаривал стариков и уважаемых людей, тех, кого общины слушаются. Сам бегал и меня с собой повсюду таскал, угомону на него нет. Не хотят старики идти и разведчиков не отпускают... И вот теперь на это совещание надо... Не пойду.

Мир стал светлее. Было уже не так тошно глядеть вокруг, кровь быстрее побежала по жилам, зашевелились смутно какие-то надежды, что сегодняшнее совещание провалится, что Максим придёт и скажет: хватит, нечего здесь больше делать, и они двинут дальше на юг, в пустыню, где, говорят, тоже живут мутанты-выродки, но не такие жуткие, больше похожие на людей и не такие больные. Говорят, у них там что-то вроде государства, и даже армия есть. Может быть, с ними удастся кашу сварить... Правда, там всё радиоактивно, туда, говорят, сажали бомбу на бомбу, специально для заражения... Были, говорят, такие специальные бомбы.

Вспомнив про радиоактивность, Гай полез в свой вещевой мешок и вытащил коробочку с жёлтыми таблетками, бросил две штуки в рот, скривился от пронзительной горечи. Надо же, какая мерзость, но без неё здесь нельзя, здесь тоже всё заражено. А в пустыне придётся, наверное, горстями их сосать... Спасибо принцу-герцогу, мне бы без этих пилюль здесь каюк... А принц-герцог молодчина, не теряется, не отчаивается в этом аду, лечит, помогает, обходы делает, целую фабрику медикаментов организовал.

Дверь распахнулась; в комнату вошёл сердитый Максим, голый, в одних шортах, поджарый, быстрый, и видно, что злится. Увидев его, Гай надулся и стал смотреть в окно.

— Ну, не выдумывай, — сказал Максим. — Пошли.

— Не хочу, — сказал Гай. — Ну их всех! С души воротит, невозможно.

— Глупости, — возразил Максим. — Прекрасные люди, очень тебя уважают. Не будь мальчишкой.

— Да уж, уважают, — сказал Гай.

— Ещё как уважают! Давеча принц-герцог просил, чтобы ты остался здесь. «Я, говорит, умру скоро, нужен настоящий человек, чтобы меня заменить».

— Ну да, заменить... — проворчал Гай, чувствуя, однако, как внутри у него, помимо воли, всё размягчается.

— И ещё Бошку ко мне пристаёт, обращаться к тебе прямо стесняется. «Пусть, говорит, Гай останется, учить будет, защищать будет, хороших ребят воспитывать будет...» Знаешь, как Бошку разговаривает?

Гай покраснел от удовольствия, откашлялся и сказал, хмурясь, всё ещё глядя в окно:

— Ну ладно... Автомат брать?

— Возьми, — сказал Максим. — Мало ли что...

Гай взял автомат под мышку; они вышли из комнаты — Гай впереди, Максим по пятам, — спустились по трухлявой лестнице, перешагнули через кучу детишек, возившихся в пыли у порога, и пошли по улице к площади. Эх! Улица, площадь... Одно название. Сколько же здесь людей разом погибло! Говорят, раньше большой красивый город здесь был. Загубили страну, гады. Мало того что людей поперебили, поперекалечили — развели ведь ещё какую-то нечисть, какой сроду здесь никогда не бывало. Да и не только здесь...

Принц-герцог рассказывал, что до войны жили в лесу звери, похожие на собак — забыл, как называются, — умные были и очень добрые зверюги, все понимали, дрессировать их было одно удовольствие. Ну и конечно, стали их дрессировать для военных целей. А потом нашёлся умник, расшифровал их язык, оказалось, что у них язык есть, и довольно сложный, и что они вообще любят подражать, и глотка у них так устроена, что некоторых можно было даже обучить говорить по-человечески, — не всему языку, конечно, но слов по пятьдесят, по семьдесят они запоминали. В общем, диковинные были животные, нам бы с ними дружить, учиться друг у друга, друг другу помогать, — они, говорят, вымирали... Так нет же, приспособили их воевать, приспособили их ходить к противнику за военными сведениями. А потом война началась, стало не до них, вообще ни до чего стало. И вот, пожалуйста — упыри. Тоже мутанты, только не человеческие, а звериные — очень опасные существа. По Особому Южному Округу был

даже приказ о борьбе с ними, а принц-герцог, тот прямо говорит: нам здесь всем конец, будут здесь жить одни упыри...

Гай вспомнил, как однажды в лесу Бошку со своими охотниками подстрелил оленя, за которым охотились упыри, и началась драка. А мутанты — какие они драчуны? Выпалили по разу из своих дедовских, бросили ружья, сели и закрыли глаза руками, чтобы, значит, не видеть, как их рвать будут. И Максим тоже, надо сказать, растерялся... Не то чтобы растерялся, а так как-то... не хотелось ему драться. Ну, пришлось мне отдуваться за всех. Обойма кончилась — прикладом. Хорошо, упырей немного было, всего шесть голов. Двоих убили, один удрал, а троих, раненных и оглушённых, повязали и собрались утром в деревню вести на казнь. А ночью смотрю: Максим тихонько встаёт — и к ним. Посидел с ними, полечил, как он это умеет, наложением рук, потом развязал, и те, конечно, не будь дураки, дали дёру, только их и видели. Я ему говорю: «Ты что же это, Мак, зачем ты?» — «Сам не знаю, говорит, но чувствую, что нельзя их казнить. Ни людей, говорит, нельзя, ни этих... Это, говорит, не собаки никакие и не упыри...»

Да разве только упыри! А летучие мыши какие пошли! Те, что Колдуну прислуживают... Это же ужас летающий, а не мыши! А кто по ночам по деревням бродит с топотом, детей крадёт? Причём сам даже в дом не заходит, а дети, спящие так, не просыпаясь, к нему и выходят... Положим, это, может быть, и враньё, но кое-что я и сам видел. Как сейчас помню, повёл нас принц-герцог показывать самый близкий вход в Крепость. Приходим. Лужайка такая мирная, зелёная, холмик, в холме — пещера. Смотрим мы — господи боже! — вся лужайка перед входом завалена дохлыми упырями, десятка два, не меньше, причём не покалеченные, не раненые — ни одной капли крови на траве. И что самое удивительное — Максим их осмотрел и сказал: они же не мёртвые, они как бы в судороге, словно их кто-то загипнотизировал... Спрашивается: кто? Нет, жуткие места. Здесь человеку только днём можно, да и то с опаской. Если бы не Максим, рванул бы я отсюда, только пятки бы засверкали. Но если говорить честно, то куда бежать? Вокруг леса, в лесах нечисть, танк в болоте потонул... К своим бежать?.. Казалось бы, очень естественно — к своим бежать. Но какие они мне теперь свои? Тоже, если подумать, уроды, куклы, правильно Максим говорит. Что это за люди, которыми можно управлять, как машинами? Нет, это не по мне... Противно...»

Они вышли на площадь, на большой пустырь, посередине которого дико чернел какой-то оплавленный памятник, и свернули к уцелевшему домику, где обычно собирались представители, чтобы

обмениваться слухами, посоветоваться насчёт посевов или охоты, а то и просто посидеть, подремать, послушать рассказы принца-герцога о прежних временах.

В домике, в большой чистой комнате, уже собрался народ. Смотреть здесь ни на кого не хотелось. Даже принц-герцог — казалось бы, не мутант, человек, — а и тот изуродован: всё лицо в ожогах и рубцах. Вошли, поздоровались, сели в круг, прямо на пол. Бошку, сидевший рядом с плитой, снял с углей чайник, налил им по чашке чаю, крепкого, хорошего, но без сахара. Гай принял свою чашку — необыкновенной красоты чашка, цены ей нет, королевского фарфора, — поставил её перед собой, а потом упёр автомат прикладом в пол между колен, прислонился лбом к рубчатому стволу и закрыл глаза, чтобы никого не видеть.

Начал совещание принц-герцог. Никакой он был не принц и никакой не герцог, а был он главным хирургом Крепости. Когда Крепость начали ломать атомными бомбами, гарнизон восстал, выкинул белый флаг (по этому флагу свои же немедленно долбанули термоядерной); настоящего принца, командующего, солдаты разорвали на куски, увлеклись, поперебили всех офицеров, а потом спохватились, что некому командовать, а без командования нельзя: война-то продолжается, противник атакует, свои атакуют, а из солдат никто плана Крепости не знает. Получилась гигантская мышеловка, а тут ещё взорвались бактериологические бомбы, весь арсенал, и началась чума. Короче говоря, как-то само собой получилось, что половина гарнизона разбежалась кто куда, от оставшейся половины три четверти вымерли, а остальных принял на себя главный хирург — во время бунта солдаты его не тронули: врач всё-таки. Как-то повелось называть его то принцем, то герцогом, сначала в шутку, потом привыкли, а Максим для определённости называл его принцем-герцогом.

— Друзья! — сказал принц-герцог. — Надо нам обсудить предложения нашего друга Мака. Это очень важные предложения. Насколько они важны, вы можете судить хотя бы по тому, что сам Колдун к нам пожаловал и будет, может быть, с нами говорить...

Гай поднял голову. И верно: в углу, прислонившись спиной к стене, сидел сам Колдун, собственной персоной. Смотреть на него было жутко, а не смотреть невозможно. Замечательная была личность. Даже Максим смотрел на него как-то снизу вверх и говорил Гаю: «Колдун — это, брат, фигура». Был Колдун небольшого роста, плотный, чистый, ноги и руки у него были коротенькие, но сильные, и, в общем, он был не такой уж уродливый: во всяком случае, слово «уродливый» к нему не подходило. У него был огромный череп,

покрытый густым жёстким волосом, похожим на серебристый мех, маленький рот со странно сложенными губами, словно он всё время собирался свистнуть сквозь зубы, лицо, в общем, даже худощавое, но под глазами мешки, а сами глаза были длинные и узкие, с вертикальным, как у змеи, зрачком. Говорил он мало, на людях бывал редко, жил один в подвале на дальнем конце города, но авторитетом пользовался огромным из-за своих удивительных способностей. Во-первых, он был очень умён и знал всё, хотя от роду ему было всего что-то около двадцати лет и нигде он, кроме этого города, не бывал. Когда возникали какие-нибудь вопросы, к нему шли на поклон за советом. Как правило, он ничего не отвечал, и это означало, что вопрос чепуховый: как его ни решишь, всё ладно будет. Но если вопрос оказывался жизненно важным — насчёт погоды, когда что сеять, — он всегда давал совет и ни разу ещё не ошибся. Ходили к нему только старшие, и что там происходило, они помалкивали, но бытовало убеждение, что, даже давая совет, Колдун не раскрывал рта. Так, посмотрит только — и становится ясно, что нужно делать. Во-вторых, имел он власть над животными. Никогда он не требовал у общества ни еды, ни одежды: всё ему доставляли животные, разные животные — и зверьё, и насекомые, и лягушки. А главной прислугой у него были огромные летучие мыши, с которыми он, по слухам, мог объясняться, и они его понимали и слушались. Далее рассказывали, что он знает неведомое. Понять это неведомое было невозможно. На взгляд Гая, это был просто набор слов: чёрный пустой Мир до начала Мирового Света; мёртвый ледяной Мир после угасания Мирового Света; бесконечная пустыня с многими Мировыми Светами... Никто не мог объяснить, что это означает, а Мак только покачивал головой и восхищённо бормотал: «Вот это интеллект!»

Колдун сидел ни на кого не глядя, на плече у него неловко топталась слепенькая ночная птица. Колдун время от времени доставал из кармана какие-то кусочки и совал ей в клюв, тогда она замирала на секунду, потом задирала голову и как бы с трудом глотала, вытягивая шею.

— Это очень важные предложения, — продолжал принц-герцог, — а потому я прошу вас слушать внимательно, а ты, Бошку, голубчик, заваривай чай покрепче, потому что, я вижу, кое-кто уже задрёмывает. Не надо задрёмывать, не надо. Соберитесь с силами, может быть, сейчас решается ваша судьба...

Собрание одобрительно заворчал. Какого-то бельмастого оттащили за уши от стены, где он наладился было подремать, и посадили в первом ряду.

— Так я ведь ничего... — бормотал бельмастый. — Я только так, немножко. Я к тому, что говорить надобно покороче, а то пока до конца доходят, я уж и начало забываю...

— Хорошо, — согласился принц-герцог. — Покороче так покороче. Солдаты отжимают нас на юг, в пустыню. Пощады они не дают, в переговоры не вступают. Из семей, которые пытались пробраться на север, никто не вернулся. Надо полагать, они погибли. Это означает, что лет через десять — пятнадцать нас отождут в пустыню окончательно, и там мы все погибнем без пищи и без воды. Говорят, что в пустыне тоже обитают люди. Я в это не верю, но многие уважаемые старосты верят и утверждают, будто эти обитатели пустыни такие же жестокие и кровожадные, как солдаты. А мы — люди миролюбивые, сражаться мы не умеем. Многие из нас мрут, и мы, наверное, не доживём до окончательного конца, но мы сейчас правим народом и обязаны думать не только о себе, но и о наших детях. «Бошку, — сказал он, — подай, пожалуйста, чаю уважаемому Хлебопёку». По-моему, заснул Хлебопёк.

Хлебопёка разбудили, сунули ему в пятнистую руку горячую чашку; он обжёгся, зашипел, и принц-герцог продолжал:

— Наш друг Мак предлагает выход. Он пришёл к нам со стороны солдат. Солдат он ненавидит и говорит, что пощады ждать от них нельзя, все они там одурочены тиранами и горят желанием нас уничтожить. Мак хотел сначала вооружить нас и повести в бой, но убедился, что мы слабые и воевать не можем. И тогда он решил добраться до обитателей пустыни — он в них тоже верит, — договориться с ними и повести их на солдат. Что требуется от нас? Благословить эту затею, пропустить обитателей пустыни через наши земли и обеспечить их продовольствием, пока будет идти война. И ещё наш друг Мак предложил: дайте ему разрешение собрать всех наших разведчиков, которые захотят, он обучит их воевать и поведёт через Голубую Змею, чтобы поднять там восстание. Вот, коротко, как обстоят дела. Нам сейчас нужно решить, и я прошу высказываться.

Гай покосился на Максима. Друг Мак сидел, поджав под себя ногу, огромный, коричневый, неподвижный, как скала, даже не как скала, а как гигантский аккумулятор, готовый разрядиться в одно мгновение. Он смотрел в дальний угол, на Колдуна, но взгляд Гая почувствовал немедленно и повернул к нему голову. И вдруг Гай подумал, что друг Мак уже не тот, что прежде. Он вспомнил, что давно уже не улыбался Мак своей знаменитой ослепительной улыбкой, что давно он не пел своих горских песен и что глаза у него стали теперь без прежней ласковости и доброго ехидства, твёрдые стали глаза, остекленели как-

то, словно и не Максим это, а ротмистр Чачу. И ещё вспомнил Гай, что давно уже перестал друг Мак метаться во все углы, как весёлый любопытный пёс, стал сдержанным, и появилась в нём какая-то суровость, целенаправленность какая-то, взрослая деловая сосредоточенность, словно целился он самим собой в какую-то одному ему видимую мишень... Очень, очень изменился друг Мак с тех пор, как всадили в него полную обойму из тяжёлого армейского пистолета. Раньше он жалел всех и каждого, а теперь не жалеет никого. Что ж, может быть, так и надо...

Но страшное он всё-таки дело задумал, резня будет, большая резня будет...

— Что-то я не понял, — подал голос плешивый уродец, судя по одежде, нездешний. — Что же это он хочет? Чтобы варвары сюда к нам пришли? Так они же нас всех перебьют. Что я, варваров не знаю? Всех перебьют, ни одного человека не оставят.

— Они придут сюда с миром, — сказал Мак, — или не придут вовсе.

— Пусть уж лучше вовсе не приходят, — сказал плешивый. — С варварами лучше не связываться. Тогда уж лучше прямо к солдатам выйти под пулемёты. Всё как-то от своей руки погибнешь, у меня отец солдатом был, из Крепости...

— Это, конечно, верно, — проговорил Бошку задумчиво. — Но ведь, с другой-то стороны, варвары могут и солдат прогнать, и нас не тронуть. Вот тогда и станет всем хорошо.

— Почему это они вдруг нас не тронут? — возразил бельмастый. — Все нас спокон веков трогали, а эти вдруг не тронут?

— Так ведь он с ними договорится, — пояснил Бошку. — Не трогайте, мол, лесовиков, и всё тут, а иначе, мол, не приходите...

— Кто? «Кто договорится?» — спросил Хлебопёк, вертя головой.

— Да вот Мак. Мак и договорится...

— Ах, Мак... Ну, если Мак договорится, тогда, может быть, и не тронут.

— Чаю тебе дать? — спросил Бошку. — Засыпаешь ведь, Хлебопёк.

— Да не хочу я твоего чаю.

— Ну выпей чайку, чашечку только. Что это тебе — трудно?

Бельмастый вдруг поднялся.

— Пойду я, — сказал он. — Ничего из этого не выйдет. И Мака они убьют, и нас тоже не пожалеют. Чего нас жалеть? Всё равно лет через десять нам всем конец. У меня в общине уже два года дети не рождаются. Дожить бы до смерти спокойно, и ладно. А так сами решайте, как знаете. Мне всё равно.

Он вышел, перекошенный, неуклюжий, споткнувшись о порог.

— Да, Мак, — покачивая головой, проговорил Пиявка. — Извини нас, но никому мы не верим. Как можно варварам верить? Они в пустыне живут, песок жуют, песком запивают. Они страшные люди, из железной проволоки скручены, ни плакать не умеют, ни смеяться. Что мы для них? Мох под ногами. Ну вот придут они, побьют солдат, сядут здесь, лес, конечно, выжгут... Зачем им лес? Они пустыню любят. И опять же нам конец. Нет, не верю. Не верю, Мак. Пустая твоя затея.

— Да, — сказал Хлебопёк. — Не нужно это нам, Май. Дай уж нам помереть спокойно, не трогай нас. Ты солдат ненавидишь, хочешь их сокрушить, а мы-то здесь при чём? У нас ни к кому ненависти нет. Пожалей нас, Мак. Нас ведь никто никогда не жалел. И ты хоть и добрый человек, но тоже нас не жалеешь... Не жалеешь ведь, а, Мак?

Гай снова поглядел на Максима и смущённо отвёл глаза.

Максим покраснел. Покраснел до слёз, наклонил голову и закрыл лицо рукой.

— Неправда, — сказал он. — Я жалею вас. Но я не только вас жалею. Я...

— Не-ет, Мак, — настойчиво сказал Хлебопёк. — Ты только нас пожалей. Мы ведь самые несчастные люди в мире, и ты это знаешь. Ты про свою ненависть забудь. Пожалей, и всё...

— А что ему нас жалеть? — подал голос Орешник, до глаз замотанный грязными бинтами. — Он сам солдат. Когда это солдаты нас жалели? Не родился ещё солдат, который бы нас пожалел...

— Голубчики, голубчики! — сказал строго принц-герцог. — Мак — наш друг. Он хочет нам добра, хочет уничтожить наших врагов...

— А вот что получится, — рассудительно сказал плешивый из нездешних. — Положим даже, что варвары будут сильнее солдат. Побьют они солдат, порушат ихние проклятые вышки, захватят весь Север. Пусть. Нам не жалко. Пусть они там режутся. Но польза-то нам какая? Нам тогда совсем конец: на Юге будут варвары, на Севере опять же варвары, над нами всё те же варвары. Мы им не нужны, а раз не нужны — под корень нас. Это одно... Теперь положим, что солдаты варваров отобьют. Отобьют они варваров, и покатится вся эта война через нас и на юг. Что тогда? Тогда опять же нам крышка: на Севере солдаты, на Юге солдаты и над нами солдаты. Ну, а солдат мы знаем...

Собрание зашумело, зажужжало, что правильно, мол, плешивый излагает, всё точно, но плешивый ещё не кончил.

— Дайте досказать! — возмутился он. — Что вы расшумелись, в самом деле? Это же ещё не всё. Ещё может быть, что солдаты варваров перебьют, а варвары — солдат. Вот тут вроде бы нам самое и жить. Так

нет же, опять не получается. Потому что ещё упыри есть. Пока солдаты живы, упыри прячутся, пули боятся, солдатам велено упырей стрелять. А уж как солдат не станет, тут нам полная крышка. Съедят нас упыри и костей не оставят.

Эта идея страшно поразила собрание.

— Правильно говорит! — раздались голоса. — Надо же, какие головы у них на болотах... Да, братья, про упырей-то мы и забыли... А они не спят, они своего ждут... Не надо нам ничего, Мак, пусть идёт как идёт... Двадцать лет худо-бедно прожили и ещё двадцать протянем, а там, глядишь, и ещё...

— И разведчиков ему отдавать нельзя! — возвысил голос плешивый. — Мало ли что они сами хотят... Им что — они и дома не живут. Шестипалый вон днюет и ночует на той стороне. Срам сказать — грабит там и пьёт. Им хорошо, они вышек проклятых не боятся, головы у них не болят. А обществу-то каково? Дичь на Север уходит. Кто к нам её с Севера гнать будет, если не разведчики? Не давать! И приструнить их ещё надо хорошенько, совсем разбаловались. Убийства там учиняют, солдат крадут и мучают, как и не люди... Не пускать! Совсем разбалуются...

— Не пускать, не пускать... — подтвердило собрание. — Как мы без них? А мы их кормили-поили, мы их родили да вырастили, чувствовать должны, а они, знай себе, на сторону смотрят, как бы посвоевольничать...

Плешивый наконец утомился, сел на место и принялся жадно глотать остывший чай. Собрание тоже утомилось, утихло. Старики сидели неподвижно, стараясь не глядеть на Максима.

Бошку, уныло кивая, проговорил:

— Надо же, какая у нас несчастная жизнь! Ниоткуда спасения нет. И что мы кому сделали?

— Рожали нас зря, вот что, — сказал Орешник. — Не подумавши нас рожали, не вовремя... — Он протянул пустую чашку. — И мы зря рожаем. На погибель. Да, да, на погибель...

— Равновесие... — произнёс вдруг громкий хриплый голос. — Я вам уже говорил это, Мак. Вы не захотели меня понять...

Непонятно было, откуда идёт голос. Все молчали, скорбно потупившись. Только птица на плече Колдуна топталась, открывая и закрывая жёлтый клюв. Сам Колдун сидел неподвижно, закрыв глаза и сжав тонкие сухие губы.

— Но теперь, надеюсь, вы поняли, — продолжала вроде бы птица. — Вы хотите нарушить это равновесие. Что ж, это возможно, это в

ваших силах. Но спрашивается — зачем? Кто-нибудь просит вас об этом? Вы видите, что нет. Тогда что же вами движет?..

Птица нахохлилась и засунула голову под крыло, а голос всё звучал, и теперь Гай понял, что говорит сам Колдун, не разжимая губ, не двигая ни одним мускулом лица.

Это было очень страшно, и не только Гаю, но и всем собравшимся, даже принцу-герцогу. Один лишь Максим смотрел на Колдуна хмуро и с каким-то дерзким вызовом.

— Нетерпение потревоженной совести! — провозгласил Колдун. — Ваша совесть избалована постоянным вниманием, она принимается стонать при малейшем неудобстве, и разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того чтобы прикрикнуть на неё и поставить её на место. Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок. Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений... Итак, с одной стороны — стремления огромных человеческих масс, с другой стороны — ваша совесть, воплощение ваших стремлений. Ваша совесть подвигает вас на изменение порядка вещей, то есть на нарушение законов этого порядка, определяемых стремлениями масс, то есть на изменение стремлений миллионных человеческих масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш затуманенный и оглушённый совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход — и для вас, и для других.

Колдун замолчал, и все головы повернулись к Максиму. Гай не вполне уразумел, о чём тут шла речь. По-видимому, это был отголосок какого-то старого спора. И ещё ясно было, что Колдун считает Максима умным, но капризным человеком, действующим скорее по прихоти, чем по необходимости. Это было обидно. Максим был, конечно, странной личностью, но себя он не щадил и всегда всем хотел добра — не по капризу какому-нибудь, а по самому глубокому убеждению. Конечно, сорок миллионов людей, одураченных излучением, никаких перемен не хотели, но ведь они были одурачены, это было несправедливо...

— Не могу с вами согласиться, — холодно сказал Максим. — Совесть своей болью ставит задачи, разум — выполняет. Совесть задаёт

идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит, вхолостую. Что же касается противоречия моих стремлений со стремлениями масс... Существует определённый идеал: человек должен быть свободен духовно и физически. В этом мире массы ещё не признают этого идеала, и дорога к нему тяжёлая. Но когда-то нужно начинать. И я намерен начать сейчас.

— Верно, — с неожиданной лёгкостью согласился Колдун. — Совесть действительно задаёт идеалы. Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. Я ведь только это и хочу сказать, только это и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять её пыльному сквознячку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки... Впрочем, вы это и сами понимаете. Вы просто ещё не научились называть вещи своими именами. Но вы и этому научитесь. Вот ваша совесть провозгласила задачу: свергнуть тиранию этих Огненосных Творцов. Разум прикинул, что к чему, и подал совет: поскольку изнутри тиранию взорвать невозможно, ударим по ней снаружи, бросим на неё варваров... Пусть лесовики будут растоптаны, пусть русло Голубой Змеи запрудится трупами, пусть начнётся большая война, которая, может быть, приведёт к свержению тиранов, — всё для благородного идеала. Ну что же, сказала совесть, поморщившись, придётся мне немножко огрубеть ради великого дела...

— Массаракш... — прошипел Максим, красный и злой, каким Гай не видел его никогда. — Да, массаракш! Да! Всё именно так, как вы говорите! А что ещё остаётся делать? За Голубой Змеей люди превращены в ходячие, деревяшки.

— Правильно, правильно, — сказал Колдун. — Другое дело, что сам по себе план неудачен: варвары разобьются о башни и откатятся, а бедные наши разведчики, в общем, ни на что серьёзное не способны. Но в рамках того же плана вы бы могли связаться, например, с Островной Империей... Речь не об этом. Боюсь, вы вообще опоздали, Мак!.. Вы только не подумайте, что я вас отговариваю. Я хорошо вижу: вы — сила, Максим. И ваше появление здесь само по себе означает неизбежное нарушение равновесия на поверхности нашего маленького мира. Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть... И ещё советую вам помнить: не знаю, как в вашем мире, а в нашем никакая сила не остаётся долго без хозяина. Всегда находится кто-нибудь, кто старается приручить её и подчинить себе —

незаметно или под благовидным предлогом... Вот и всё, что я хотел сказать.

Колдун с неожиданной ловкостью поднялся — птица на его плече присела и растопырила крылья, — скользнул на коротеньких ножках вдоль стены и скрылся за дверью. И тотчас же следом потянулось всё собрание. Уходили, постанывая, побряхтывая, отдуваясь, ничего толком не поняв из сказанного, но явно довольные тем, что всё остаётся по-прежнему, что Колдун не разрешил опасной затеи, пожалел, значит, Колдун, не дал в обиду, и можно будет теперь доживать, как и раньше, благо впереди ещё целая вечность — лет десять, а то и больше. Последним уплелся Бошку с пустым чайником, и в комнате остались только Гай, да Мак с принцем-герцогом, да ещё в углу крепко спал притомившийся от умственных усилий Хлебопёк. В голове у Гая было смутно, да и в душе тоже. Понял он только одно: «Несчастливая моя жизнь: первую половину был куклой, болванчиком в чьих-то руках, а вторую половину, видно, придётся доживать бродягой без родины, без друзей, без завтрашнего дня...»

— Вы огорчены, Мак? — спросил принц-герцог виновато.

— Да нет, не очень, — отозвался Максим. — Скорее даже наоборот, я испытываю облегчение. Колдун прав, моя совесть ещё не готова к таким затеям. Вероятно, надо ещё побродить, посмотреть. Потренировать совесть... — Он как-то неприятно засмеялся. — Что вы мне можете предложить, принц-герцог?

Старый принц-герцог, кряхтя, поднялся и, растирая затёкшие бока, прошёлся по комнате.

— Во-первых, я не советую вам углубляться в пустыню, — сказал он. — Есть там варвары или нет их, ничего подходящего вы там для себя не найдёте. Может быть, стоит, по совету Колдуна, установить контакт с островитянами, хотя, видит бог, не знаю я, как это сделать. Вероятно, надо идти к морю и начинать оттуда... если островитяне тоже не миф и, если они захотят с вами разговаривать... Самым правильным мне кажется возвращаться назад и действовать там в одиночку. Вспомните, что сказал Колдун: вы — сила. И потом вы правы: система башен должна иметь Центр. И власть над Севером в руках у того, кто владеет этим Центром. Вам следует хорошенько это усвоить.

— Боюсь, это не для меня, — медленно проговорил Максим. — Не могу пока сказать почему, но это не для меня, я чувствую. Я не хочу владеть Центром. В одном вы правы: мне нечего делать ни здесь, ни в пустыне. Пустыня слишком далеко, а здесь не на кого опереться. Но мне предстоит ещё многое узнать: есть ещё Пандея, Хонти, есть ещё горы, есть ещё где-то Островная Империя... Вы слышали о белых

субмаринах? Нет? А я слышал, и Гай вот слышал, и мы знаем человека, который их видел и с ними сражался. Так вот: они могут сражаться... Ну ладно. — Максим вскочил. — Медлить нечего. Спасибо, принц-герцог, вы очень помогли нам. Пойдём, Гай.

Они вышли на площадь и остановились возле оплавленного памятника. Гай с тоской озирался. Вокруг в жарком мареве колыхались жёлтые развалины, было душно, смрадно, но уже не хотелось уходить отсюда, из этого страшного, но уже привычного места, и снова тащиться через леса, отдавшись на волю всех тёмных случайностей, которые подстерегают там человека на каждом вздохе... Вернуться бы сейчас в свою комнатку, поиграть с лысенькой Тангой, сделать ей наконец обещанную свистульку из стреляной гильзы, не пожалеть, массаракш, выстрелить в воздух патрон для бедной девчонки...

— Куда же вы всё-таки намерены идти? — спросил принц-герцог, прикрывая лицо от пыли своей потрёпанной, выцветшей шляпой.

— На запад, — ответил Максим. — К морю. Далеко отсюда море?

— Триста километров... — произнёс принц-герцог раздумчиво. — И придётся идти через очень заражённые места... Слушайте, — сказал он, — а может быть, сделаем так?.. — Он надолго замолчал, и Гай уже начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, но Максим не торопился, ждал. — Эх, зачем он мне! — сказал наконец принц-герцог. — Честно говоря, хранил я его для себя, думал, когда станет совсем плохо, когда нервы откажут, сяду на него и вернусь домой, а там хоть под расстрел... Да что уж теперь... Поздно.

— Самолёт? — быстро спросил Максим, с надеждой глядя на принца-герцога.

— Да. «Горный Орёл». Вам говорит что-нибудь это название? Нет, конечно... А вам, молодой человек? Тоже нет... Знаменитейший некогда бомбовоз, господа. Личный Его Императорского Высочества Принца Кирну Четырёх Золотых Знамен Именной Бомбовоз «Горный Орёл» ... Солдат, помнится, наизусть заставляли зубрить... «Рядовой такой-то! Проименуй личный бомбовоз его императорского высочества!» И тот, бывало, именуется... Да... Так вот я его сохранил. Сначала хотел на нём эвакуировать раненых, но их было слишком много. Потом, когда все раненые умерли... Э, да что рассказывать. Берите его себе, голубчик. Летите. Горючего хватит на полмира...

— Спасибо, — сказал Максим. — Спасибо, принц-герцог. Я вас никогда не забуду.

— Да что ж меня... — проговорил старик. — Не ради себя даю... А вот если удастся вам, голубчик, что-нибудь, вы этих вот не забудьте.

— Удастся, — сказал Максим. — Удастся, массаракш! Должно получиться, совесть или не совесть!.. И я никого никогда не забуду.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Гаю никогда ещё не приходилось летать на самолётах. Он и самолёт-то увидел впервые в жизни. Полицейские вертолёты и штабные летающие платформы он видел не раз и однажды даже принимал участие в облаве с воздуха: их секцию погрузили на вертолёт и высадили у шоссе, по которому пёрла к мосту толпа воспитуемых, взбунтовавшихся из-за скверной пищи. От этого воздушного броска у Гаю остались самые неприятные воспоминания: вертолёт шёл очень низко, трясло и раскачивало так, что внутренности выворачивались наизнанку, и вдобавок одуряющий рёв винта, бензиновый угар и брызжущие отовсюду фонтаны машинного масла.

Но тут было совсем другое дело.

Личный Е. И. В. Бомбовоз «Горный Орёл», поразил воображение Гаю. Это была поистине чудовищная машина, и совершенно невозможно было представить себе, что она способна подняться в воздух. Ребристое узкое тело её, изукрашенное многочисленными золотыми эмблемами, было длинным, как улица. Грозно и величественно простирались исполинские крылья, под которыми могла бы укрыться целая бригада. До них было далеко, как до крыши дома, но лопасти шести огромных пропеллеров почти касались земли. Бомбовоз стоял на трёх колёсах, в несколько человеческих ростов каждое, — два колеса подпирали носовую часть, на третьем опирался этажерчатый хвост. К блестящей стеклом кабине вела на головокружительную высоту серебристая ниточка лёгкой алюминиевой лестницы. Да, это был настоящий символ старой империи, символ великого прошлого, символ былого могущества, распространявшегося на весь континент. Гаю, задржав голову, стоял на ослабевших ногах, трепеща от благоговения, и как громом поразили его слова друга Мака:

— Ну и сундук, массаракш!.. Извините, принц-герцог, невольно вырвалось...

— Другого нет, — сухо отозвался принц-герцог. — Кстати, это лучший бомбовоз в мире. В своё время его императорское высочество совершил на нём...

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Максим. — Это я от неожиданности...

Наверху, в пилотской кабине, восхищение Гаю достигло предела. Кабина была сплошь из стекла. Огромное количество незнакомых

приборов, удивительно удобные мягкие кресла, непонятные рычаги и приспособления, пучки разноцветных проводов, странные, невиданные шлемы, лежащие наготове... Принц-герцог что-то торопливо втолковывал Маку, указывая на приборы, покачивая рычаги. Мак рассеянно бормотал: «Ну да, понятно, понятно...», а Гай, которого усадили в кресло, чтобы не мешал, с автоматом на коленях, чтобы, упаси бог, чего-нибудь не поцарапать, таращил глаза и бессмысленно вертел головой.

Бомбовоз стоял в старом, просевшем ангаре на опушке леса; перед ним далеко простиралось ровное серо-зелёное поле без единой кочки, без единого кустика. За полем, километрах в пяти, снова начинался лес, а над всем этим висело белое небо, которое, казалось, отсюда, из кабины, совсем близким, рукой подать. Гай был очень взволнован. Он плохо запомнил, как прощался со старым принцем-герцогом. Принц-герцог что-то говорил, и Максим что-то говорил; кажется, они смеялись, потом принц-герцог всплакнул, потом хлопнула дверца... Гай вдруг обнаружил, что пристёгнут к креслу широкими ремнями, а Максим в соседнем кресле быстро и уверенно щёлкает какими-то рычажками и клавишами.

Засветились циферблаты на пультах, раздался треск, громовые выхлопы, кабина задрожала мелкой дрожью, всё вокруг наполнилось тяжёлым грохотом, маленький принц-герцог далеко внизу, среди полёгших кустов и словно бы заструившейся травы, схватился обеими руками за шляпу и попятился. Гай обернулся и увидел, что лопасти гигантских пропеллеров исчезли, слились в огромные мутные круги, и вдруг всё широкое поле сдвинулось и поползло навстречу, быстрее и быстрее... Не стало больше принца-герцога, не стало ангара, было только поле, стремительно летящее навстречу, и немилосердная тряска, и громовой рёв, и, с трудом повернув голову, Гай с ужасом обнаружил, что гигантские крылья плавно раскачиваются и вот-вот отвалятся, но тут тряска пропала, поле под крыльями ухнуло вниз, и какое-то мягкое, ватное ощущение пронизало Гая от ног до головы. А под бомбовозом уже больше не было поля, да и леса не стало: лес превратился в чёрно-зелёную щётку, в огромное латаное-перелатаное одеяло, и пятнистое это одеяло медленно ползло назад. Тогда Гай догадался, что он летит.

Он в полном восторге посмотрел на Максима. Друг Мак сидел в небрежной позе, положив левую руку на подлокотник, а правой едва заметно пошевеливал самый большой и, должно быть, самый главный рычаг. Глаза у него были прищурены, губы наморщены, словно он посвистывал. Да, это был великий человек. Великий и

непостижимый. «Наверное, он всё может, — подумал Гай. — Вот он управляет этой сложнейшей машиной, которую видит впервые в жизни. Это ведь не танк какой-нибудь и не грузовик — самолёт, легендарная машина, я и не знал, что они сохранились... А он управляется с нею, как с игрушкой, словно всю жизнь только и делал, что летал в воздушных пространствах. Это просто уму непостижимо: кажется, что он многое видит впервые, к тем не менее он моментально принаравливается и делает то, что нужно. И разве только с машинами? Ведь не только машины сразу признают в нём хозяина... Захоти он, и ротмистр Чачу ходил бы с ним в обнимку... Колдун, на которого и смотреть-то боязно, и тот считал его за равного... Принц-герцог, учёный человек, главный хирург, аристократ, можно сказать, сразу почуял в нём что-то этакое, высокое... Такую машину подарил, доверил... А я ещё Раду за него хотел выдать. Что ему Рада? Так, мимолётное увлечение... Разве ему Раду нужно? Ему бы какую-нибудь графиню или, скажем, принцессу... А вот со мной дружит, надо же... И скажи он сейчас, чтобы я выкинулся вниз, — что же, очень может быть, что и выкинусь, потому что Максим... И сколько я уже из-за него узнал и повидал, в жизни столько не узнать и не увидеть... И сколько из-за него ещё узнаю и увижу, и чему от него научусь...»

Максим почувствовал на себе его взгляд, и его восторг, и его преданность, повернул голову и широко, по-старому, улыбнулся, и Гай с трудом удержался, чтобы не схватить его мощную коричневую руку и не прикинуться к ней в благодарном лобзании. «О повелитель мой, защита моя и гордость моя, прикажи — я перед тобой, я здесь, я готов, швырни меня в огонь, соедини меня с пламенем... На тысячи врагов, на разверстые жерла, навстречу миллионам пуль... Где они, где враги твои? Где эти тупые отвратительные люди в мерзких чёрных мундирах? Где этот злобный офицеришка, осмелившийся поднять на тебя руку? О чёрный мерзавец, я разорву тебя ногтями, я перегрызу тебе глотку... но не сейчас, нет... Он что-то приказывает мне, мой владыка, он что-то хочет от меня... Мак, Мак, умоляю, верни мне свою улыбку, почему ты больше не улыбаешься? Да, да, я глуп, я не понимаю тебя, я не слышу тебя, здесь такой рёв, это ревёт твоя послушная машина... Ах вот оно что, массаракш, какой я идиот, ну конечно же, шлем... Да, да, сейчас... Я понимаю, здесь шлемофон, как в танке... Слушаю тебя, прекрасный! Приказывай! Нет-нет, я не хочу опомниться! Со мной ничего не происходит, просто я твой, я хочу умереть за тебя, прикажи что-нибудь... Да, я буду молчать, я заткнусь... Это разорвёт мне лёгкие, но я буду молчать, раз ты мне приказываешь... Башня? Какая башня? А, да, вижу башню... Эти чёрные мерзавцы, подлые людоеды, убийцы

детей, они понатыкали башни везде, но мы сметём эти башни, мы пройдем железным сапогом, сметая эти башни, с огнём в очах... Веди, веди свою послушную машину на эту гнусную башню... и дай мне бомбу, я прыгну с бомбой и не промахнусь, вот увидишь! Бомбу мне, бомбу! В огонь! О!.. О-о! О-о-о!!!»

Гай с трудом вдохнул и рванул на себе ворот комбинезона. В ушах звенело, мир перед глазами плыл и покачивался. Мир был в тумане, но туман быстро рассеивался, ныли мускулы и нехорошо першило в горле. Потом он увидел лицо Максима, тёмное, хмурое, даже какое-то жестокое. Воспоминание о чём-то сладостном всплыло и тут же исчезло, но почему-то очень захотелось встать «смирно» и щёлкнуть каблуками. Впрочем, Гай понимал, что это неуместно, что Максим рассердился.

— Я что-то натворил? — спросил он виновато и опасливо осмотрелся.

— Это я натворил, — ответил Максим. — Совсем забыл об этой дряни.

— О чём?

Максим вернулся в своё кресло, положил руку на рычаг и стал смотреть вперёд.

— О башнях, — сказал он наконец.

— О каких башнях?

— Я взял слишком сильно к северу, — сказал Максим. — Мы попали под лучевой удар.

Гаю стало стыдно.

— Я орал «Железных ребят»? — спросил он.

— Хуже, — ответил Максим. — Ладно, впредь будем осторожнее.

С чувством огромной неловкости Гай отвернулся, мучительно пытаясь вспомнить, что же он тут делал, и принялся рассматривать мир внизу. Никакой башни он не увидел и, конечно, уже не увидел ни ангара, ни поля, с которого они взлетели. Внизу медленно ползло всё то же лоскутное одеяло, и ещё была видна река, тусклая металлическая змейка, исчезающая в туманной дымке далеко впереди, где в небе должно было стеной подниматься море... «Что же я тут болтал? — думал Гай. — Наверное, какую-то смертную чепуху нёс, потому что Максим очень недоволен и встревожен. Массаракш, может быть, ко мне вернулись мои жандармские привычки, и я Максима как-нибудь оскорбил?.. Где же эта проклятая башня? Хороший случай сбросить на неё бомбу...»

Бомбовоз вдруг трянуло. Гай прикусил язык, а Максим ухватился за рычаг двумя руками. Что-то было не в порядке, что-то случилось...

Гай опасно оглянулся и с облегчением обнаружил, что крыло на месте, а пропеллеры вращаются. Тогда он посмотрел вверх. В белёсом небе над головой медленно расплывались какие-то угольно-чёрные пятна. Словно капли туши в воде.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Максим. — Странная штука... — Он произнёс ещё два каких-то незнакомых слова, а потом с запинкой сказал: — Атака... небесных камней. Чепуха, так не бывает. Вероятность — ноль целых, ноль-ноль... Что я их — притягиваю?

Он снова произнёс незнакомые слова и замолчал.

Гай хотел спросить, что такое небесные камни, но тут краем глаза заметил странное движение справа внизу. Он взгляделся. Над грязно-зелёным одеялом леса медленно вспучивалась грузная желтоватая куча. Он не сразу понял, что это дым. Потом в недрах кучи блеснуло, из неё скользнуло вверх длинное чёрное тело, и в ту же секунду горизонт вдруг жутко перекосялся, встал стеной, и Гай вцепился в подлокотники. Автомат соскользнул у него с колен и покатился по полу. «Массаракш... — прошипел в наушниках голос Максима. — Вот это что такое! Ах я дурак!» Горизонт снова выровнялся. Гай поискал глазами жёлтую кучу дыма, не нашёл, стал глядеть вперёд и вдруг увидел прямо по курсу, как над лесом поднялся фонтан разноцветных брызг, снова горой вспучилось жёлтое облако, блеснул огонь, снова длинное чёрное

тело медленно поднялось в небо и лопнуло ослепительно-белым шаром. Гай прикрыл глаза рукой. Белый шар быстро померк, налился чёрным и расплылся гигантской кляксой. Пол под ногами стал проваливаться, Гай широко раскрыл рот, хватая воздух; на секунду ему показалось, что желудок вот-вот выскочит наружу. В кабине потемнело, рваный чёрный дым скользнул навстречу и в стороны, горизонт опять перекосялся, лес был теперь совсем близко слева. Гай зажмурился и съёжился в ожидании удара, боли, гибели, — воздуха не хватало, всё вокруг тряслось и вздрагивало. «Массаракш... — шипел голос Максима в наушниках. — Тридцать три раза массаракш...» И тут коротко и яростно простучало рядом в стену, словно кто-то в упор бил из пулемёта, в лицо ударила тугая ледяная струя, шлем сорвало прочь, и Гай скорчился, пряча голову от рёва и встречного ветра. «Конец», — думал он. «В нас стреляют», — думал он. «Сейчас нас собьют, и мы сгорим», — думал он... Однако ничего не происходило. Бомбовоз встряхнуло ещё несколько раз, несколько раз он провалился в какие-то ямы и снова вынырнул, а потом рёв двигателей вдруг смолк, и наступила жуткая тишина, наполненная свистящим воем ветра, рвущегося сквозь пробойны.

Гай подождал немного, затем осторожно поднял голову, стараясь не подставлять лицо ледяным струям. Максим был тут. Он сидел в напряжённой позе, держась за рычаг обеими руками, и поглядывал то на приборы, то вперёд. Мышцы под коричневой кожей вздулись. Бомбовоз летел как-то странно — неестественно задрал носовую часть. Моторы не работали. Гай оглянулся на крыло и обмер.

Крыло горело.

— Пожар! — заорал он и попытался вскочить. Ремни не пустили.

— Сиди спокойно, — сказал Максим сквозь зубы, не оборачиваясь.

Гай взял себя в руки и стал глядеть вперёд. Бомбовоз летел совсем низко. От мелькания чёрных и зелёных пятен рябило в глазах. А впереди поднималась уже блестящая, стального цвета поверхность моря. «Разобьёмся к чертям, — подумал Гай с замиранием сердца. — Проклятый принц-герцог со своим проклятым бомбовозом, массаракш, тоже мне — обломок империи, шли бы себе спокойненько пешком и горя бы не знали, а сейчас вот сгорим, а если не сгорим, так разобьёмся, а если не разобьёмся, так потонем... Максиму что — он воскреснет, а мне — конец... Не хочу».

— Не дёргайся, — сказал Максим. — Держись крепче... Сейчас...

Лес внизу вдруг кончился. Гай увидел впереди несущуюся прямо на него волнистую серо-стальную поверхность и закрыл глаза...

Удар. Хруст. Ужасающее шипение. Опять удар. И ещё удар. Всё летит к чёрту, всё погибло, конец всему... Гай вопит от ужаса. Какая-то огромная сила хватает его и пытается вырвать с корнем из кресла вместе с ремнями, вместе со всеми потрохами, разочарованно швыряет обратно, вокруг всё трещит и ломается, разит гарью и брызгается тепловой водой. Потом всё затихает. В тишине слышится плеск и журчание. Что-то шипит и потрескивает, пол начинает медленно колыхаться. Кажется, можно открыть глаза и посмотреть, как там, на том свете...

Гай открыл глаза и увидел Максима, который, нависнув над ним, расстёгивал ему ремни.

— Плавать умеешь?

«Ага, значит, мы живы».

— Умею, — ответил Гай.

— Тогда пошли.

Гай осторожно поднялся, ожидая острой боли в избитом и переломанном теле, однако тело оказалось в порядке. Бомбовоз тихонько покачивался на мелкой волне. Левого крыла у него не было, правое ещё болталось на какой-то дырчатой металлической полосе. Прямо по носу был берег — очевидно, бомбовоз круто развернуло при посадке.

Максим подобрал автомат, забросил за спину и распахнул дверцу. В кабину сейчас же хлынула вода, отчаянно завоняло бензином, пол под ногами начал медленно крениться.

— Вперёд! — скомандовал Максим, и Гай, протиснувшись мимо него, послушно бухнулся в волны.

Он погрузился с головой, вынырнул, отплёвываясь, и поплыл к берегу. Берег был близко, твёрдый берег, по которому можно ходить и на который можно падать без опасности для жизни. Максим, бесшумно разрезая воду, плыл рядом. Массаракш, он и плавает-то как рыба, словно в воде родился... Гай, отдуваясь, изо всех сил работал руками и ногами. Плыть в комбинезоне и в сапогах было очень тяжело, и он обрадовался, когда задел ногой песчаное дно. До берега было ещё порядочно, но он встал и пошёл, разгребая перед собой грязную, залитую масляными пятнами воду. Максим продолжал плыть, обогнал его и первым вышел на пологий песчаный берег. Когда Гай, пошатываясь, подошёл к нему, он стоял, расставив ноги, и смотрел на небо. Гай тоже посмотрел на небо. Там расплывалось множество чёрных клякс.

— Повезло нам, — проговорил Максим. — Штук десять выпущено было.

— Кого? — спросил Гай, похлопывая себя по уху, чтобы вытряхнуть воду.

— Ракет... Я совсем забыл про них... Сколько лет они ждали, пока мы пролетим, — дождались... И как только я не догадался!

Гай недовольно подумал, что он бы тоже мог догадаться об этом, а вот не догадался. А мог бы ещё два часа назад сказать: как же, мол, мы полетим, Мак, если в лесу полно шахт с ракетами? Нет, принц-герцог, спасибо, конечно, но лучше летали бы вы на своём бомбовозе сами... Он оглянулся на море. «Горный Орёл» почти совсем затонул, изломанный этажерчатый хвост его жалко торчал из воды.

— Ну ладно, — сказал Гай. — Как я понимаю, до Островной Империи нам теперь не добраться. Что делать будем?

— Прежде всего, — ответил Максим, — примем лекарство. Доставай.

— Зачем? — спросил Гай. Он очень не любил принцевы таблетки.

— Очень грязная вода, — сказал Максим. — У меня вся кожа горит. Давай-ка сразу таблетки по четыре, а то и по пять.

Гай поспешно достал одну из ампул, отсыпал на ладонь десяток жёлтых шариков, и они съели эту порцию пополам.

— А теперь пошли, — сказал Максим. — Возьми свой автомат.

Гай взял автомат, сплюнул едкую горечь, скопившуюся во рту, и, увязая в песке, двинулся следом за Максимом вдоль берега. Было жарко, комбинезон быстро подсох, только в сапогах ещё хлюпало. Максим шёл быстро и уверенно, как будто точно знал, куда нужно идти, хотя вокруг ничего не было видно, кроме моря слева и обширного пляжа впереди и справа, а также высоких дюн в километре от воды, за которыми время от времени появлялись растрёпанные верхушки лесных деревьев.

Они прошли километра три, и Гай всё время думал, куда же они идут и где вообще находятся. Спрашивать он не хотел, хотел сообразить сам, но, припомнив все обстоятельства, сообразил только, что где-то впереди должно быть устье Голубой Змеи, а идут они на север — непонятно куда и непонятно зачем... Соображать ему скоро надоело. Придерживая оружие, он трусцой нагнал Мака и спросил напрямик, какие у них теперь, собственно, планы.

Максим охотно ответил, что планов определённых у них с Гаем теперь нет и остаётся полагаться на случайности. Остаётся им надеяться, что какая-нибудь белая субмарина подойдёт к берегу, и они подспеют к ней раньше, чем легионеры. Однако поскольку ждать такого случая посреди сухих песков — удовольствие сомнительное, надо попытаться дойти до Курорта, который должен быть здесь где-то

недалеко. Сам город, конечно, давно разрушен, но источники там почти наверняка сохранились, и вообще будет крыша над головой. Переночуем в городе, а там посмотрим. Возможно, им придётся провести на побережье не один десяток дней.

Гай осторожно заметил, что план этот представляется ему каким-то странным, и Мак тут же согласился с этим и с надеждой в голосе спросил Гая, нет ли у того в запасе какого-нибудь другого плана, поумнее. Гай сказал, что, к сожалению, никакого другого плана у него нет, но что надобно помнить о жандармских танковых патрулях, которые, насколько ему известно, забираются вдоль побережья на юг очень далеко. Максим нахмурился и сказал, что это плохо, что надо держать ухо востро и не дать застать себя врасплох, после чего некоторое время с пристрастием расспрашивал Гая о тактике патрулей. Узнав, что танки патрулируют не столько берег, сколько море, и что от них можно легко спрятаться, залегши в дюнах, он успокоился и принялся насвистывать незнакомый марш.

Под этот марш они протопали ещё километра два, а Гай всё думал, как же им вести себя, если патруль их всё-таки заметит, и, придумав, изложил свои соображения Максиму.

— Если нас обнаружат, — сказал он, — наврём, будто меня похитили выродки, а ты за ними погнался и отбил меня; блуждали мы с тобой, блуждали по лесу и вот сегодня вышли сюда...

— А что нам это даст? — спросил Максим без особого энтузиазма.

— А то нам это даст, — сказал Гай, рассердившись, — что нас, по крайней мере, не шлёпнут сразу же на месте.

— Ну уж нет, — твёрдо сказал Максим. — Шлёпать я себя больше не дам, да и тебя тоже...

— А если танк? — с восхищением спросил Гай.

— А что танк? — сказал Максим. — Подумаешь, танк...

Он помолчал некоторое время, а потом вдруг задумчиво сказал:

— А знаешь, неплохо бы нам захватить танк.

Гай увидел, что мысль эта очень ему по душе.

— Отличная у тебя идея, Гай, — сказал Максим. — Так мы и сделаем. Захватим танк. Как только они появятся, ты сейчас же пальни в воздух из автомата, а я заложу руки за спину, и ты ведёшь меня под конвоем прямо к ним. А там уж моя забота. Но смотри держись в стороне, не попадись под руку и, главное, больше не стреляй...

Гай загорелся и тут же предложил идти по дюнам, чтобы их было видно издали. Так и сделали. Поднялись на дюны.

И сразу увидели белую субмарину.

За дюнами открывалась небольшая мелководная бухта, и субмарина возвышалась над водой в сотне метров от берега. Собственно, она совсем не была похожа на субмарину и тем более на белую. Гай решил сначала, что это не то туша какого-то исполинского двугорбого животного, не то причудливой формы скала, невесть зачем вставшая из песков. Но Максим сразу понял, что это. Он даже предположил, что субмарина заброшена, что стоит она здесь уже несколько лет и что её засосало в песках.

Так и оказалось. Когда они добрались до бухты и спустились к воде, Гай увидел, что длинный корпус и обе надстройки покрыты ржавыми пятнами, белая краска облупилась, артиллерийская площадка свёрнута на бок и пушка смотрит в воду. В обшивке зияли чёрные дыры с закопчёнными краями, — ничего живого там, конечно, остаться не могло.

— А это точно белая субмарина? — спросил Максим. — Ты видел их раньше?

— По-моему, она, — ответил Гай. — На побережье я никогда не служил, но нам показывали фотографии, ментограммы... описывали... Даже ментофильм был — «Танки в береговой обороне» ... Это она. Надо понимать, вынесло штормом в бухту, села она на мель, а тут подоспел патруль... Видишь, как её расковыряли? Просто не обшивка, а решето...

— Да, похоже... — пробормотал Максим, вглядываясь. — Пойдём посмотрим?

Гай замялся.

— Вообще-то, конечно, можно, — проговорил он неуверенно.

— А что такое?

— Да как тебе сказать...

Действительно, как ему сказать? Вот капрал Серембеш, бывалый вояка, рассказывал как-то в тёмной после отхода ко сну казарме, будто на белых субмаринах ходят не обыкновенные моряки — мёртвые моряки на них ходят, служат свой второй срок, а некоторые — из трусов, кто погиб в страхе, те дослуживают... Морские демоны шарят по дну моря, ловят утопленников и комплектуют из них экипажи... Такое ведь Маку не расскажешь — засмеёт, а смеяться здесь, пожалуй, нечего... Или, например, действительный рядовой Лепту, разжалованный из офицеров, напившись, говорил просто: «Всё это, ребята, чепуха — выродки ваши, мутанты всякие, радиация, — это всё пережить можно и одолеть можно, а главное, ребята, молитесь богу, чтобы не занёс он вас на белую субмарину; лучше, ребята, сразу потонуть, чем хоть рукой её коснуться, я-то знаю...» Совершенно неизвестно

было, почему Лепту разжаловали, но служил он прежде на побережье и командовал сторожевым катером...

— Понимаешь, — сказал Гай проникновенно, — есть всякие суеверия, легенды всякие... Я тебе о них рассказывать не буду, но вот ротмистр Чачу говорил, что все эти субмарины заразные и что запрещается подниматься на борт... приказ даже такой есть, говорят, мол, подбитые субмарины...

— Ладно, — сказал Максим. — Ты здесь постой, а я пойду. Посмотрим, какая там зараза.

Гай не успел и слова сказать, только рот раскрыл, а Максим уже прыгнул в воду, нырнул и долго не показывался; у Гая даже дух захватило его ждать, когда черноволосая голова появилась у облупленного борта точно под пробоиной. Ловко и без усилий, как муха по стене, коричневая фигура вскарабкалась на покосившуюся палубу, взлетела на носовую надстройку и исчезла. Гай судорожно вздохнул, потоптался на месте и прошёлся вдоль воды взад и вперёд, не сводя глаз с мёртвого ржавого чудища.

Было тихо, даже волны не шуршали в этой мёртвой бухте. Пустое белое небо, безжизненные белые дюны, всё сухое, горячее, застывшее. Гай с ненавистью посмотрел на ржавый остов. «Надо же, невезенье какое: другие годами служат и никаких субмарин не видят, а тут на тебе, свалились с неба, часок прошагали, и вот она, добро пожаловать... И как это я на такое дело решился?.. Это всё Максим... У него на словах всё так ладно получается, что вроде бы и думать не о чём, и бояться нечего... А может быть, я не боялся потому, что представлял себе белую субмарину живой, белой, нарядной, на палубе моряки, все в белом... А здесь труп железный... И место-то какое мёртвое, даже ветра нет... А ведь был ветер, точно помню: пока шли, дул ветер в лицо, освежающий такой ветерок...» Гай с тоской огляделся по сторонам, потом сел на песок, положил рядом автомат и стал нерешительно стаскивать правый сапог. «Надо же, тишина какая!.. А если он совсем не вернётся? Проглотила его эта падаль железная, и духа от него не осталось... Тьфу-тьфу-тьфу...»

Он вздрогнул и уронил сапог: длинный жуткий звук возник над бухтой, то ли вой, то ли визг, словно черти проскребли по грешной душе ржавым ножом. О господи, да это же просто люк открылся железный, прижавел люк... «Тьфу ты, в самом деле, даже в пот бросило! Открыл люк, значит, вылезет сейчас... Нет, не вылезает...»

Несколько минут Гай, вытянув шею, глядел на субмарину, прислушивался. Тишина. Прежняя страшная тишина, и даже ещё страшнее

после этого ржавого воя... А может быть, он, это... не открылся люк, а закрылся? Сам закрылся... Перед помертвелыми глазами Гая возникло видение: тяжёлая стальная дверь сама собой закрывается за Максимом, и сам собой медленно задвигается тяжёлый засов... Гай облизал пересохшие губы, глотнул без слюны, потом крикнул: «Эй, Мак!» Не получилось крика... так, шипение только... Господи, хоть бы звук какой-нибудь! «Эге-гей!» — завопил он в отчаянии. «Э-эи...» — мрачно откликнулись дюны, и снова стало тихо.

Тишина. И кричать больше сил не было...

Не спуская глаз с субмарины, Гай нашарил автомат, трясущимися пальцами сдвинул предохранитель и, не целясь, выпустил в бухту очередь. Протрещало коротко, бессильно и словно бы в вату. На гладкой воде взлетели фонтанчики, разошлись круги. Гай поднял ствол повыше и снова нажал спусковой крючок. На этот раз звук получился: пули загрохотали по металлу, взвизгнули рикошеты, ударило эхо. И — ничего. Ничегошеньки. Ни звука больше, словно он здесь один, словно он и был всегда один. Словно попал он сюда неизвестно как, занесло, как в бредовом сне, в это мёртвое место, только не проснуться и не очнуться. И теперь оставаться ему здесь одному навсегда.

Не помня себя Гай, как был, в одном сапоге, вошёл в воду, сначала медленно, потом всё быстрее, потом побежал, высоко задирая ноги, по пояс в воде, всхлипывая и ругаясь вслух. Ржавая громадина надвигалась Гай то брёл, разгребая воду, то бросался вплавь, добрался до борта, попытался вскарабкаться — ничего не получилось; обогнул субмарину с кормы, уцепился за какие-то тросы, вскарабкался, обдирая руки и колени, на палубу и остановился, заливаясь слезами. Ему было совершенно ясно, что он погиб. «Э-эй!» — крикнул он перехваченным голосом.

Тишина.

Палуба была пуста, на дырчатом железе налипли сухие водоросли, словно обросло железо свалявшимися волосами. Носовая надстройка огромным пятнистым грибом нависала над головой, сбоку в броне зиял широкий рваный шрам. Грохоча сапогом по железу, Гай обогнул надстройку и увидел железные скобы, ведущие наверх, ещё влажные, забросил автомат за спину, полез. Лез долго, целую вечность, в душной тишине, навстречу неминуемой смерти, навстречу вечной смерти, вскарабкался и замер, стоя на четвереньках. Чудовище уже ждало его, люк был настезь, словно бы сто лет не закрывался, и даже петли снова приржавели, — прошу, мол. Гай подполз к чёрному отверстому зеву, заглянул... Голова у него закружилась, сделалось тошно. Из железной глотки плотной массой

выпирала тишина, годы и годы застоявшейся, перепревшей тишины. И Гай вдруг представил себе, как там, в жёлтом сгнившем свете, задушенный тоннами этой тишины, насмерть бьётся один против всех добрый друг Мак, бьётся из последних сил и зовёт: «Гай! Гай!», а тишина, ухмыляясь, лениво сглатывает эти крики без остатка и всё наваливается, подминает Мака под себя, душит, давит. Это было невозможно перенести, и Гай полез в люк.

Он плакал и торопился, сорвался в конце концов и загремел вниз, пролетел несколько метров и упал на песок. Здесь был железный коридор, тускло освещённый редкими пыльными лампочками, на полу под шахтой за годы и годы нанесло тонкого песка. Гай вскочил — он всё ещё торопился, он всё ещё очень боялся опоздать — и побежал куда глаза глядят с криком:

— Я здесь, Мак!.. Я иду... Иду...

— Что ты кричишь? — недовольно спросил Максим, высовываясь словно бы из стены. — Что случилось? Палец порезал?

Гай остановился и уронил руки. Он был близок к обмороку; пришлось опереться о переборку. Сердце колотилось бешено, удары его гремели в ушах, как барабанный бой, голос не слушался. Максим некоторое время смотрел на него с удивлением, потом, должно быть, понял, протиснулся в коридор — дверь отсека снова пронзительно завизжала — и подошёл к нему, взял за плечи, встряхнул, потом прижал к себе, обнял, и несколько секунд Гай в блаженном забытии лежал лицом на его груди, постепенно приходя в себя.

— Я думал... тебя здесь... что ты тут... что тебя...

— Ничего, ничего, — сказал Максим ласково. — Это я виноват, надо было тебя сразу позвать. Но тут странные вещи, понимаешь.

Гай отстранился, вытер мокрым рукавом нос, потом вытер мокрой ладонью лицо и только теперь ощутил стыд.

— Тебя нет и нет, — сказал он сердито, пряча глаза. — Я зову, я стреляю... Неужели трудно было отозваться?

— Массаракш, я ничего не слышал, — виновато сказал Максим. — Понимаешь, здесь великолепный радиоприёмник... Я и не знал, что у вас умеют делать такие мощные...

— «Приёмник, приёмник» ... — ворчал Гай, протискиваясь сквозь полуоткрытую дверь. — Ты тут развлекаешься, а человек из-за тебя чуть не свихнулся... Что это у них здесь?

Это было довольно обширное помещение с истлевшим ковром на полу, с тремя полукруглыми плафонами в потолке, из которых горел только один. Посередине стоял круглый стол, вокруг стола — кресла. На стенах висели какие-то странные фотографии в рамках, картины,

лохмотьями свисали остатки бархатной обивки. В углу потрескивал и завывал большой радиоприёмник — Гай таких никогда не видел.

— Тут что-то вроде кают-компаний, — сказал Максим. — Ты походи, посмотри, тут есть на что посмотреть.

— А экипаж? — спросил Гай.

— Никого нет. Ни живых, ни мёртвых. Нижние отсеки залиты водой. По-моему, они все там...

Гай с удивлением посмотрел на него. Максим отвернулся, лицо у него было озабоченное.

— Должен тебе сказать, — проговорил он, — это, кажется, хорошо, что мы до Империи не долетели. Ты посмотри, посмотри...

Он подсел к приёмнику и принялся крутить верньеры, а Гай огляделся, не зная, с чего начать, потом подошёл к стене и стал смотреть развешанные фотографии. Некоторое время он никак не мог понять, что это за снимки. Потом сообразил: рентгенограммы. На него смотрели смутные, все, как один, оскаленные черепа. На каждом снимке была неразборчивая надпись, словно кто-то ставил автографы. Члены экипажа? Знаменитости какие-нибудь?.. Гай пожал плечами. Дядюшка Каан, может быть, что-нибудь и разобрал бы здесь, а мы — люди простые...

В дальнем углу он увидел большой красочный плакат, красивый плакат, в три краски... Правда, плесенью тронулся... На плакате было синее море, из моря выходил, наступив одной ногой на чёрный берег, оранжевый красавец в незнакомой форме, очень мускулистый и с непропорционально маленькой головой, состоящей наполовину из мощной шеи. В одной руке богатырь сжимал свиток с непонятной надписью, а другой — вонзал в сушу пылающий факел. От пламени факела занимался пожаром какой-то город, в огне корчились гнусного вида уродцы, и ещё дюжина уродцев окарачь разбежалась в стороны. В верхней части плаката было что-то написано большими хвостатыми буквами. Буквы были знакомые, но слова из них складывались совершенно непризносимые.

Чем дальше Гай смотрел на плакат, тем меньше плакат ему нравился. Он почему-то вспомнил плакат в казарме: там изображался чёрный орёл-легионер (тоже с очень маленькой головой и могучими мышцами), смело отстригающий гигантскими ножницами голову гнусному бородавчатому змею, высунувшемуся из моря. На лезвиях ножниц было, помнится, написано: на одном — «Боевой», на другом — «Легион». «Ага... — сказал про себя Гай, в последний раз бросая взгляд на плакат. — Это мы ещё посмотрим... Посмотрим мы ещё, кто кого прижжёт, массаракш!»

Он отвернулся от плаката, сделал несколько шагов в сторону и остолбенел.

С изящной лакированной полки глядело на него стеклянными глазами знакомое лицо, квадратное, с русой чёлкой над бровями, с приметным шрамом на правой щеке... Ротмистр Пудураш. Огненосный герой, командир роты в Бригаде Мёртвых-но-Незабвенных, потопитель одиннадцати белых субмарин, погибший в неравном бою. Его бюст, увенчанный букетом бессмертника, красовался на каждом плацу, а голова его, ссохшаяся, с жёлтой, мёртвой кожей, была почему-то здесь. Гай отступил. Да, это самая настоящая голова.

А вон ещё голова — незнакомое острое лицо... И ещё голова... И ещё... Сколько их здесь!

— Мак! — сказал Гай. — Ты видел?

— Да, — сказал Максим.

— Это головы! — сказал Гай. — Настоящие головы...

— Посмотри альбомы на столе, — сказал Максим.

Гай с трудом оторвал взгляд от жуткой коллекции, повернулся и нерешительно подошёл к столу. Приёмник что-то кричал на незнакомом языке, раздавалась музыка, тарахтели разряды, и снова кто-то говорил — вкрадчиво, бархатным, значительным голосом: «Истребление, полное и окончательное истребление...»

Гай наугад взял один из альбомов и откинул твёрдую, оклеенную кожей обложку. Портрет. Странное длинное лицо с пушистыми бакенбардами, свисающими со щёк на плечи, волосы надо лбом выбриты, нос крючком, разрез ноздрей непривычный. Неприятное лицо, невозможно представить его себе улыбающимся. Незнакомый мундир, какие-то значки или медали в два ряда... Ну и тип... Наверное, какая-нибудь шишка. Гай перекинул страницу. Тот же тип в компании с другими типами на мостике белой субмарины, по-прежнему угрюмый, хотя остальные скалят зубы. На заднем плане, не в фокусе, — что-то вроде набережной, какие-то неизвестные постройки, мутные силуэты диковинных деревьев... Следующая страница. У Гая захватило дух: горящий «дракон» со свёрнутой набок башней; из открытого люка свисает тело легионера-танкиста, и ещё два тела, одно на другом, в сторонке, а над ними, расставив моги, всё тот же тип с пистолетом в опущенной руке, в шапке, похожей на артиллерийскую гильзу. Дым от «дракона» густой, чёрный, но места знакомые — этот самый берег, песчаный пляж и дюны позади... Гай весь напрягся, переворачивая страницу, и не зря. Толпа мутантов, человек двадцать, все голые, целая куча уродов, стянутых одной верёвкой. Несколько деловитых пиратов в колпаках, с дымящимися факелами, а сбоку опять этот тип — что-то, видимо, приказывает, протянув правую руку, а левая рука лежит на рукоятке кортика. До чего же жуткие эти уроды, смотреть страшно... Но дальше пошло ещё страшнее.

Та же куча мутантов, но уже сгоревшая. Тип — поодаль, нюхает цветочек, беседует с другим типом, повернувшись к трупам спиной...

Огромное дерево в лесу, сплошь увешанное телами. Висят кто за руки, кто за ноги, и уже не уроды — на одном клетчатый комбинезон воспитуемого, на другом — чёрная куртка легионера.

Старик, привязанный к столбу. Лицо искажено, кричит, зажмурившись. Тип тут как тут — с озабоченным видом проверяет медицинский шприц...

Потом опять повешенные, горящие, сгоревшие мутанты, воспитуемые, легионеры, рыбаки, крестьяне, мужчины, женщины, старики, детишки... Панорамный снимок: линия пляжа, на дюнах — четыре машины, все горят, на переднем плане две чёрные фигурки с поднятыми руками... Хватит. Гай захлопнул и отшвырнул альбом, посидел несколько секунд, потом с проклятием сбросил все альбомы на пол, вскочил и обежал вокруг стола.

— Это ты с ними хочешь договариваться?! — заорал он Максиму в спину. — Хочешь их привести к нам?! Этого палача?! — Он подскочил к альбомам и пнул их ногой.

Максим выключил приёмник.

— Не бесись, — сказал он. — Ничего я уже больше не хочу. И нечего на меня орать, если вы виноваты, проспали свой мир, массараکش, оскотинели, как последнее зверьё! Что теперь с вами делать? — Он вдруг оказался возле Гая, схватил его за грудь. — Что мне теперь делать с вами? — гаркнул он. — Что? Что? Не знаешь? Ну, говори!

Гай молча ворочал шеей, слабо отпихиваясь. Максим отпустил его.

— Сам знаю, — сказал он угрюмо. — Никого нельзя приводить. Кругом зверьё... На них самих насыпать нужно... — Он подхватил с пола один из альбомов и стал рывками переворачивать листы. — Какой мир загадили! — говорил он. — Какой мир! Ты посмотри, какой мир!..

Гай глядел ему через руку. В этом альбоме не было никаких ужасов, просто пейзажи разных мест, удивительной красоты и чёткости цветные фотографии — синие бухты, окаймлённые пышной зеленью, ослепительной белизны города над морем, водопад в горном ущелье, какая-то великолепная автострада и поток разноцветных автомобилей на ней, и какие-то древние замки, и снежные вершины над облаками, и кто-то весело мчится по снежному склону горы на лыжах, и смеющиеся девушки играют в морском прибое.

— Где это всё теперь? — говорил Максим. — Куда вы всё это девали? Разменяли на железо? Эх вы... человечки... — Он бросил альбом на стол. — Пошли.

Он с яростью навалился на дверь, со скрежетом и визгом распахнул её настежь и зашагал по коридору. На палубе он спросил:

— Есть хочешь?

— Угу... — ответил Гай.

— Ладно, — сказал Максим. — Сейчас будем есть. Поплыли.

Гай выбрался на берег первым, сразу же снял сапог, разделся и разложил одежду на просушку. Максим всё ещё плавал, и Гай не без тревоги следил за ним: очень уж глубоко нырял друг Мак и очень уж подолгу оставался под водой. Нельзя так, опасно так, как ему воздуху хватает?.. Наконец Максим всё-таки вышел, волоча за жабры огромную мощную рыбину. У рыбины был обалделый вид, никак она понять не могла, как же это её словили голыми руками. Максим отшвырнул её подальше от воды и сказал:

— По-моему, эта годится. Почти неактивна. Тоже, наверное, мутант. Прими таблетки, а я её сейчас приготовлю. Её можно сырой есть, я тебя научу, — сасими называется. Не ел? Давай нож...

Гай подал ему нож, и Максим ловко и быстро разделал рыбину.

Потом, когда они наелись сасими — ничего не скажешь, оказалось вполне съедобно, — и улеглись нагишом на горячем песке, Максим после долгого молчания спросил:

— Если бы мы попали в руки патрулей, сдались бы, куда бы они нас отправили?

— Как — куда? Тебя — по месту отбывания, меня — по месту службы... А что?

— Это точно?

— Куда же точнее... Инструкция самого генерал-коменданта. А почему ты спрашиваешь?

— Сейчас пойдём искать легионеров, — сказал Максим.

— Танк захватывать?

— Нет. По твоей легенде. Ты похищен выродками, а каторжник тебя спас.

— Сдаваться? — Гай сел. — Как же так?.. И мне тоже? Обратное излучение?

Максим молчал.

— Я же опять болванчиком заделаюсь... — беспомощно сказал Гай.

— Нет, — сказал Максим. — То есть да, конечно... но это уже будет не так, как прежде... Ты, конечно, будешь немножко болванчиком, но ведь теперь ты будешь верить уже в другое, в правильное... Это, конечно, тоже... Но всё-таки лучше, много лучше...

— Да зачем? — с отчаянием закричал Гай. — Зачем это тебе нужно?

Максим провёл ладонью по лицу.

— Видишь ли, Гай, дружище, — сказал он, — началась война. То ли мы напали на хонтийцев, то ли они на нас... одним словом, война...

Гай с ужасом смотрел на него. Война... Рада... Господи, да зачем это всё? Опять всё сначала...

— Нам нужно быть там, — продолжал Максим. — Мобилизация уже объявлена, всех зовут в ряды, даже нашего брата каторжника амнистируют — и в ряды... и нам надо быть вместе, Гай. Хорошо бы мне попасть к тебе под начало...

Гай почти не слушал его. Вцепившись пальцами в волосы, он раскачивался из стороны в сторону и твердил про себя: «Зачем, зачем, будьте вы прокляты!.. Будьте вы тридцать три раза прокляты!..»

Максим тряхнул его за плечо.

— А ну-ка возьми себя в руки! — сказал он жёстко. — Не разваливайся. Нам сейчас драться придётся, разваливаться некогда... — Он встал и снова потёр лицо. — Правда, с вашими окаянными башнями... Массаракш, никакие башни им не помогут... Одевайся скорее, и пойдём. Нам надо торопиться.

— Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь! Я опаздываю.
— Слушаюсь. Рада Гаал... Она изъята из ведения господина государственного прокурора и находится в наших руках.

— Где?

— У нас, в особняке «Хрустальный лебедь». Считаю своим долгом ещё раз выразить сомнение в разумности этой акции. Вряд ли такая женщина может помочь нам управиться с Маком. Таких легко забывают, и даже если Мак...

— Вы считаете, что Умник глупее вас?

— Нет, но...

— Умник знает, кто выкрал женщину?

— Боюсь, что да.

— Ладно, пусть знает... С этим, пожалуй, всё. Дальше что?

— Сенди Чичаку встречался с Дергунчиком. Дергунчик, по-видимому, согласился свести его с Графом при условии...

— Стоп. Какой Чичаку? Лобастый Чик?

— Да.

— Дела подполья меня сейчас не интересуют. По делу Мака у вас всё? Тогда слушайте. Эта чёртова война спутала все планы. Я уезжаю и вернусь дней через тридцать — сорок. За это время, Фанк, вы должны закончить дело Мака. К моему приезду Мак должен быть здесь, в этом доме. Дайте ему должность, пусть работает, свободы его не стесняйте, но дайте ему понять — очень, очень мягко! — что от его поведения зависит судьба Рады... Ни в коем случае не давайте им встречаться... Покажите ему институт, расскажите, над чем мы работаем... в разумных пределах, конечно. Расскажите обо мне, опишите меня как умного, доброго, справедливого человека, крупного учёного. Дайте ему мои статьи... кроме совершенно секретных. Намекните, что я в оппозиции к правительству. У него не должно быть ни малейшего желания покинуть институт. У меня всё. Вопросы есть?

— Да. Охрана?

— Никакой. Это бессмысленно.

— Слежка?

— Очень осторожная... А лучше не надо. Не спугните его. Главное — чтобы он не захотел покинуть институт... Массаракш, и в такое время я должен уезжать!.. Ну, теперь всё?

— Последний вопрос, извините, Странник.

— Да?

— Кто он всё-таки такой? Зачем он вам?

Странник поднялся, подошёл к окну и сказал, не оборачиваясь:

— Я боюсь его, Фанк. Это очень, очень, очень опасный человек.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В двухстах километрах от хонтийской границы, когда эшелон надолго застрял на запасных путях возле какой-то тусклой, замызганной станции, новоиспечённый рядовой второго разряда Зеф, договорившись по-хорошему с охранником, сбегал к колонке за кипятком и вернулся с портативным приёмником. Он сообщил, что на станции творится совершенный бедлам, грузятся сразу две бригады, генералы перелаялись между собой, зазевались, и он, Зеф, смешавшись с окружавшей их толпой ординарцев, денщиков, адъютантов позаимствовал этот приёмник у одного из них.

Теплушка встретила это сообщение смачным одобрительным ржанием. Все сорок человек немедленно сгрудились вокруг Зефа. Долгое время не могли устроиться, кому-то дали по зубам, чтобы не пихался, ругались и жаловались друг на друга, пока Максим наконец не гаркнул: «Тихо, подонки!» Тогда все успокоились. Зеф включил приёмник и принялся ловить все станции подряд.

Сразу выяснились любопытные вещи. Во-первых, оказалось, что война ещё не началась. Никаких кровопролитных сражений не было. Хонтийская Боевая Лига в ужасе орала на весь мир о том, что эти бандиты, эти узурпаторы, эти так называемые Огненосные Творцы воспользовались гнусной провокацией своих наймитов в лице так называемой и пресловутой Хонтийской Унии Справедливости и теперь сосредоточивают свои силы на границах многострадальной Хонти. В свою очередь, Хонтийская Уния костила Хонтийскую Лигу, этих платных агентов Огненосных Творцов, последними словами и обстоятельно рассказывала, как кто-то превосходными силами вытеснил чьи-то истощённые предшествующими боями подразделения через границу и не даёт им возможности вернуться обратно, каковое обстоятельство и послужило предлогом для так называемых Огненосных Творцов к варварскому вторжению, которого следует ожидать с минуты на минуту. И Лига, и Уния при этом почти в одинаковых выражениях туманно намекали на какие-то атомные ловушки, готовые к встрече коварного врага.

Кроме того, Зеф поймал какие-то передачи на языках, известных только ему, и сообщил, что княжество Ондол, оказывается, ещё существует и, более того, продолжает совершать разбойничьи налёты на остров Хаззалг. (Ни один человек в вагоне, кроме Зефа, никогда прежде не слышал ни об этом княжестве, ни о таком острове.) Однако

главным образом эфир был забит невообразимой руганью между командирами частей и соединений, которые тужились протиснуться к Главному Плацдарму по двум расхлябанным железнодорожным ниточкам.

Уголовники считали, что главное — перейти границу, а там каждый человек будет сам себе хозяин и каждый захваченный город будут отдавать на три дня. Политические смотрели на положение более мрачно, не ждали от будущего ничего хорошего и прямо заявляли, что посылают их на убой, подрывать собой атомные мины, никто из них живой не останется, так что хорошо бы добраться до фронта и там где-нибудь залечь, чтобы не нашли. Точки зрения спорящих были настолько противоположны, что настоящего разговора не получилось, и диспут очень скоро выродился в однообразную ругань по адресу паршивых тыловиков, которые вторые сутки не дают жрать и уже, поди, успели разворовать весь положенный шнапс. Об этом предмете штрафники готовы были говорить ночь напролёт, поэтому Максим и Зеф выбрались из толпы и полезли на нары, криво сбитые из неструганных досок.

Зеф был голоден и зол, он наладился было поспать, но Максим ему не дал. «Спать будешь потом, — строго сказал он. — Завтра, может быть, будем на фронте, а до сих пор ни о чём толком не договорились...» Зеф проворчал, что договариваться не о чём, что утро вечера мудренее, что Максим сам не слепой и должен видеть, в какой они оказались трясине, что с этими людишками каши не сварить. Максим возразил, что речь пока идёт не о каше. До сих пор непонятно, зачем эта война, кому она понадобилась, и пусть Зеф будет любезен не спать, когда с ним разговаривают, а поделится своими соображениями.

Зеф, однако, не собирался быть любезным и не скрывал этого. Он ворчал, зевал, перематывал портянки, обзывался, но, понукаемый, взбадриваемый и подхлёстываемый, в конце концов разговорился и изложил свои представления о причинах войны.

Таких возможных причин было, по его мнению, по крайней мере, три. Может быть, они действовали все разом, а может быть, преобладала какая-нибудь одна. А может быть, существовала четвёртая, которая ему, Зефу, пока ещё не пришла в голову. Прежде всего экономика. Каждому ясно: когда экономика в паршивом состоянии, лучше всего затеять войну, чтобы сразу всем заткнуть глотки. Вепрь, зубы съевший в вопросе влияния экономики на политику, предсказывал эту войну ещё несколько лет назад. Башни башнями, а нищета нищетою. Внущать голодному человеку, что он сыт, долго нельзя, не

выдерживает психика, а править сумасшедшим народом — удовольствие маленькое, особенно если учесть, что умалишённые излучению не поддаются... Другая возможная причина — колониальный вопрос. Рынки сбыта, дешёвые рабы, сырьё — всё, во что могут вложить личные капиталы Огненосные Творцы. Наконец, нужно иметь в виду, что уже много лет идёт грызня между Департаментом общественного здоровья и военными. Тут уж кто кого съест. Департамент общественного здоровья — организация жуткая и ненасытная, но, если военные действия пойдут хоть сколько-нибудь успешно, господа генералы возьмут эту организацию к ногтю. Правда, если из войны ничего путного не получится, к ногтю будут взяты господа генералы, и поэтому нельзя исключить возможность, что вся эта затея есть хитроумная провокация Департамента общественного здоровья. Между прочим, на то и похоже, судя по беспорядку, который везде творится, а также по тому, что уже неделю орём на весь мир, а военные действия, оказывается, ещё и не начинались. А может быть, массаракш, и не начнутся...

Когда Зеф дошёл до этого места, загремели и залязгали буфера, вагон содрогнулся, снаружи послышались крики, свистки, топот, и эшелон тронулся. Уголовники грянули песню: «И снова ни жратвы нам и ни шнапса...»

— Ладно, — сказал Максим. — Это у тебя получается вполне правдоподобно. Ну, а как тебе представляется ход войны, если она всё-таки начнётся? Что тогда произойдёт?

Зеф агрессивно прорычал, что он не какой-нибудь генерал, и без всякого перехода стал рассказывать, как всё это ему представляется. Оказалось, что за время короткой передышки между концом мировой и началом гражданской войны хонтийцы успели отгородиться от своего бывшего сюзерена мощной линией минно-атомных полей. Кроме того, у хонтийцев, несомненно, была атомная артиллерия, и у их политиканов хватило разума все эти богатства в гражданской войне не использовать, а приберечь для нас. Так что картина вторжения мыслится примерно следующим образом. На острие Главного Плацдарма выстроят три или четыре штрафные танковые бригады, подопрут их с тыла армейской корпуснёй, а за армейцами пустят заградотряды легионеров на тяжёлых танках, оборудованных излучателями. Выродки вроде меня будут рваться вперёд, спасаясь от лучевых ударов, армейщина будет рваться вперёд в приступе лучевого энтузиазма, а уклонения от такой нормы, которые неизбежно возникнут, будут уничтожаться огнём жандармерии. Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по жандармским машинам, но они,

надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимоистреблением — Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в горло Лиге. Тем временем наши доблестные войска глубоко проникнут на территорию противника, и начнётся самое интересное, чего мы, к сожалению, уже не увидим. Наш славный бронированный поток потеряет компактность и станет расплзаться по стране, неумолимо уходя из зоны действия излучателей. Если Максим не наврал про Гая, у оторвавшихся немедленно начнётся лучевое похмелье, тем более сильное, что энергии на подстёгивание во время прорыва легионеры жалеть не будут...

— Массаракш! — завопил Зеф. — Я так и вижу, как эти кретины выбираются из танков, ложатся на землю и просят их пристрелить. И добрые хонтийцы, не говоря уже о хонтийских солдатах, озверевшие от всего этого безобразия, им, конечно, не откажут... Резня может случиться небывалая!

Поезд набирал скорость, вагон сильно покачивало. В дальнем углу уголовники резались в кости — играли на охранника; металась под потолком лампа, на нижних нарах кто-то монотонно бубнил — должно быть, молился.

Табачный дым ел глаза.

— Я думаю, в генштабе это учитывают, — продолжал Зеф, — а потому никаких стремительных прорывов не будет. Будет вялая позиционная война, хонтийцы, при всей их глупости, сообразят когда-нибудь, в чём дело, и примутся охотиться за излучателями... В общем, не знаю я, что будет, — заключил он. — Я не знаю даже, дадут ли нам утром пожрать. Боюсь, что опять не дадут: с какой стати?

Они помолчали. Потом Максим сказал:

— Ты уверен, что мы поступили правильно? Что наше место здесь?

— Приказ штаба, — пробурчал Зеф.

— Приказ приказом, — возразил Максим, — а у нас тоже есть головы на плечах. Может быть, правильное было бы удрать вместе с Вепрем. Может быть, в столице мы были бы полезнее.

— Может быть, — сказал Зеф. — А может быть, и нет. Вепрь рассчитывает на атомные бомбёжки... Многие башни будут разрушены, образуются свободные районы... А если бомбёжек не будет? Никто ничего не знает, Мак. Я очень хорошо представляю себе, какой бедлам сейчас творится в штабе... — Он задумался, поглаживая бороду. — Вепрь вот плёл нам насчёт бомбёжки, но, по-моему, он не для этого подался в столицу. Я его знаю, он до этих вождистов давно добирался... Так что очень возможно, что и у нас в штабе головы полетят...

— Значит, в штабе тоже бедлам, — медленно сказал Максим. — Тоже не готовы...

— Как они могут быть готовы? — возразил Зеф. — Одни мечтают уничтожить башни, другие — сохранить башни... Подполье — это тебе не политическая партия, это винегрет, салат с озёрными грибками...

— Да, салат... — повторил Максим. — Грустно. Я надеялся, что подполье всё-таки намерено как-то использовать войну... трудности, возможную революционную ситуацию...

— Подполье ни черта не знает, — угрюмо сказал Зеф. — Откуда мы знаем, что это такое — война с излучателями за спиной?

— Грош вам цена, — сказал Максим, не удержавшись.

Зеф немедленно вскипел.

— Ну, ты! — гаркнул он. — Полегче! Кто ты такой, чтобы определять нам цену? Откуда ты явился, массаракш, что требуешь от нас того и этого? Боевое задание тебе? Изволь. Всё увидеть, выжить, вернуться, доложить. Тебе это кажется слишком лёгким? Прекрасно! Тем лучше для нас... И хватит. Отстань от меня, массаракш. Я хочу спать.

Он демонстративно повернулся к Максиму спиной и вдруг заорал игрокам в кости:

— Эй, там, гробокопатели! Спать! Пошли по нарам! Да поживее, а то схлопочете!..

Максим лёг на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в низкий вагонный потолок. По потолку что-то ползало. Тихо и злобно переругивались укладывающиеся спать гробокопатели. Сосед слева стонал и взвизгивал во сне, — он был обречён и спал, может быть, последний раз в жизни. И все они вокруг, всхрапывающие, сопящие, ворочающиеся, спали, наверное, последний раз в жизни. Мир был тускло-жёлт, душен, безнадёжен. Стучали колёса, вопил паровоз, несло гарью в маленькое зарешечённое окошечко...

«Всё сгнило здесь, — думал Максим. — Ни одного живого человека. Ни одной ясной головы. И опять я сел в галошу, потому что надеялся на кого-то или на что-то. Ни на что здесь нельзя надеяться. Ни на кого здесь нельзя рассчитывать. Только на себя. А что я один? Уж настолько-то историю я знаю. Человек один не может ни черта... Может быть, Колдун прав? Может быть, отстраниться? Спокойно и холодно, с высоты своего знания неминуемого будущего, взирать, как кипит, варится, плавится сырьё, как поднимаются и падают наивные, неловкие, неумелые борцы, следить, как время выковыывает из них булат и погружает этот булат для закалки в потоки кровавой грязи, как сыплется трупами окалина... Нет, не умею. Даже думать в таких категориях неприятно... Страшная штука, однако, — установившееся

равновесие сил. Но ведь Колдун сказал, что я — тоже сила. И есть конкретный враг, значит есть точка приложения для силы... Шлёпнут меня здесь, — подумал он вдруг. — Обязательно. «Но не завтра!» — строго сказал он себе. — Это случится, когда я проявлю себя как сила, не раньше. Да и то — посмотрим... Центр, — подумал он. — Центр. Вот что нужно искать, вот на что нужно направить организацию. И я их направлю. Они у меня будут заниматься делом... Ты у меня будешь заниматься делом, приятель. Ишь как храпит. Храпи, храпи, завтра я тебя вытащу... Ладно, надо спать. И когда же мне удастся поспать по-человечески? В большой просторной комнате, на свежих простынях... Что у них здесь за обычай — спать по многу раз на одной простыне?.. Да, на свежих простынях, а перед сном прочесть хорошую книгу, потом убрать стену в сад, выключить свет и заснуть... А утром позавтракать с отцом и рассказать ему про этот вагон... Маме об этом, конечно, рассказывать нельзя... Мама, ты имей в виду, я жив, всё в порядке, и завтра со мной ничего не случится... А поезд всё идёт, давно не было остановок, очевидно, кто-то где-то сообразил, что без нас войны не начать... Как там Гай в своём капральском вагоне? Дико ему, наверное, сейчас: там у них энтузиазм... О Раде я давно не думал. Дай-ка я подумаю о Раде... Нет. Не время... Ладно, Максим, дружище, бедное пушечное мясо, спи». Он приказал себе и тут же заснул.

Во сне он видел Солнце, Луну, звёзды. Всё сразу, такой был странный сон.

Спать пришлось недолго. Поезд остановился, со скрежетом откатилась тяжёлая дверь, и зычный голос рявкнул: «Четвёртая рота! Вылетай!» Было пять часов утра, светало, стоял туман, и сыпал мелкий дождик. Штрафники, конвульсивно позёвывая, трясясь от озноба, вяло полезли из вагона. Капралы были уже тут как тут, злобно и нетерпеливо хватили за ноги, сдёргивали на землю, особенно флегматичным давали по шее, орали: «Разбирайся по экипажам! Становись!.. Куда лезешь, скотина? Из какого взвода?.. Ты, мордастый, тебе сколько раз повторять?.. Куда полезли? А ну, живо, живо, живо!.. Разбирайтесь!»

Кое-как разобрались по экипажам, выстроились перед вагонами. Какой-то бедолага, заплутавшись в тумане, бегал, искал свой взвод — на него орали со всех сторон. Мрачный, невыспавшийся Зеф, борода дыбом, хрипел угрюмо и явственно: «Давайте, давайте, стройте, мы вам сегодня навоюем...» Пробежавший капрал походя съездил его по уху. Максим сейчас же выставил ногу — капрал покатился в грязь. Экипажи довольно заржали. «Бригада, смир-р-рна!» — заорал кто-то невидимый. Завопили, надсаживаясь, командиры батальонов,

подхватили командиры рот, забежали командиры взводов. Никто «смирно» не встал, блицтрегеры сутулились, засунув руки в рукава, приплясывали на месте, счастливчики богатеи курили, не скрываясь; по рядам шли разговорчики, что жрать, по всему видно, снова не дадут, и катись они куда подальше с такой войной. «Бригада, во-о-ольна-а! — заорал Зеф зычным голосом. — Р-разойдись! Оправиться!» Экипажи с готовностью разошлись было, но снова засуетились капралы, и вдруг вдоль вагонов побежали, растягиваясь в редкую шеренгу, легионеры в блестящих чёрных плащах, с автоматами наизготовку. И следом за ними вдоль вагонов набегала испуганная тишина; экипажи торопливо строились, подравнивались, кое-кто из блицтрегеров по старинной привычке заложил руки за голову и расставил ноги.

Железный голос из тумана сказал негромко, но очень слышно: «Если кто-нибудь из мерзавцев раскроет пасть, прикажу стрелять». Все замерли. Томно потянулись минуты, заполненные ожиданием. Туман понемногу рассеивался, открывая неказистую станционную постройку, мокрые рельсы, телеграфные столбы. Справа, перед фронтом бригады, обнаружилась тёмная кучка людей. Оттуда доносились негромкие голоса, кто-то раздражённо рявкнул: «Исполняйте приказание!»

Максим покосился назад — позади неподвижно стояли легионеры, глядели из-под капюшонов с подозрением и ненавистью.

От кучки людей отделилась мешковатая фигура в маскировочном комбинезоне. Это был командир бригады экс-полковник Анипсу, разжалованный и посаженный за торговлю казённым горючим на чёрном рынке.

Помотав перед собою тростью и дёрнув головой, он начал речь:

— Солдаты!.. Я не ошибся, я обращаюсь к вам как к солдатам, хотя все мы — и я в том числе — пока ещё обыкновенные отбросы общества... Будьте благодарны, что вам разрешают нынче вступить в бой. Через несколько часов почти все вы сдохнете, и это будет хорошо. Но те из вас, кто уцелеет, заживут на славу. Солдатский паёк, шнапс и всё такое... Сейчас мы пойдём на позиции, и вы сядете в машины. Дело пустяковое — пройти на гусеницах полтора-два километра... Танкисты из вас, как из бутылки молоток, сами знаете, но зато всё, до чего доберётесь, — ваше. Это я вам говорю, ваш боевой товарищ Анипсу. Дороги назад нет, зато есть дорога вперёд. Кто попытается — сожгу на месте. Это особенно касается водителей... Вопросов нет. Бр-р-ригада! Напра-во! Вперёд... сомкнись! Дубьё, сороконожки! Сомкнись

приказано! Капралы, массаракш! Куда смотрите?.. Стадо! Разобраться по четыре... Капралы, разберите этих свиней по четыре! Массаракш...

С помощью легионеров капралам удалось построить бригаду в колонну по четыре, после чего снова была подана команда «смирно». Максим оказался совсем недалеко от командира бригады. Экс-полковник был вдребезги пьян. Он стоял покачиваясь, опершись на трость, то и дело тряс головой и потирал ладонью свирепую сизую морду. Командиры батальонов, тоже вдребезги пьяные, держались у него за спиной — один бессмысленно хихикал, другой с тупым упорством пытался разжечь сигарету, а третий всё хватался за кобуру и шарил по рядам налитыми глазами. В рядах завистливо принюхивались, слышалось льстиво-одобрительное ворчание. «Давайте, давайте... — бормотал Зеф. — Мы вам навоюем...» Максим раздражённо толкнул его локтем.

— Замолчи, — сказал он сквозь зубы. — Надоело. В это время к полковнику подошли двое — жандармский ротмистр с трубкой в зубах и какой-то грузный мужчина, штатский, в длинном плаще с поднятым воротником и в шляпе. Максиму штатский показался странно знакомым, и он стал присматриваться. Штатский что-то сказал полковнику вполголоса. «Га?» — произнёс полковник, обращая на него мутный взор. Штатский снова заговорил, показывая большим пальцем через плечо на колонну штрафников. Жандармский ротмистр равнодушно попыхивал трубочкой. «Это зачем?» — гаркнул полковник. Штатский достал какую-то бумагу; полковник отстранил бумагу рукой. «Не дам, — сказал он. — Все, как один, должны подохнуть...» Штатский настаивал. «А я плевал! — отвечал полковник. — И на Департамент ваш плевал. Все подохнут... Верно я говорю?» — спросил он ротмистра. Ротмистр был согласен. Штатский схватил полковника за рукав комбинезона и дёрнул к себе, и полковник чуть не упал со своей трости. Хихикающий батальонный залился идиотским смехом. Лицо полковника почернело от негодования, он полез в кобуру и вытащил огромный армейский пистолет. «Считаю до десяти, — объявил он штатскому. — Раз... два...» Штатский плюнул и пошёл прочь вдоль колонны, вглядываясь в лица штрафников, а полковник всё считал и, досчитав до десяти, открыл огонь. Тут ротмистр наконец забеспокоился и убедил его спрятать оружие. «Все должны подохнуть, — объявил полковник. — Вместе со мной... Бр-р-ригада! Слушай команду! Ш-ша-гом... м-марш! К чертям свинячьим в пекло!»

И бригада двинулась. По расхлябанной, разъезженной гусеницами колее, скользя и хватаясь друг задруга, штрафники спустились

в болотистую лощину, свернули и зашагали прочь от железной дороги. Здесь колонну нагнали командиры взводов. Гай пошёл рядом с Максимом; он был бледен, играл желваками и сначала долго молчал, хотя Зеф сразу спросил его, что слышно. Лощина постепенно расширялась, появились кусты, впереди замаячил лесок. У обочины дороги торчал, завалившись гусеницей в мокрую рытвину, огромный неуклюжий танк, какой-то древний, совсем не похожий на патрульные танки береговой охраны, — с маленькой квадратной башней и маленькой пушечкой. Возле танка возились угрюмые люди в замасленных куртках. Блицтрегеры шагали вразброд, засунув руки в карманы, подняв жёсткие воротники. Многие осторожно поглядывали по сторонам — нельзя ли смыться? Кустики были очень соблазнительные, но на склонах лощины маячили через каждые двести — триста шагов чёрные фигуры с автоматами. Навстречу, ныряя в колдобинах, проползли три грузовика-цистерны. Водители были мрачны и не смотрели на блицтрегеров. Дождь усиливался, настроение падало. Шли молча, покорно, как скот, всё реже озираясь.

— Слушай, взводный, — проворчал Зеф, — неужели нам так и не дадут пожрать?

Гай достал из кармана краюху хлеба и сунул ему в руку.

— Всё, — сказал он. — До самой смерти.

Зеф погрузил краюху в бороду и принялся отчётливо работать челюстями. «Бред какой-то, — подумал Максим. — Ведь все знают, что идут на верную смерть. И всё-таки идут. Значит, на что-нибудь надеются? Значит, у каждого есть какой-то план? Да, ведь они ничего не знают об излучении... Каждый думает, где-нибудь там, по дороге, сверну, выскочу из танка и прилягу, а дураки пусть наступают... Об излучении нужно писать листовки, кричать в общественных местах, радиостанции организовывать, хотя приёмники действуют только на двух частотах... Всё равно, врываться в паузы. Не на башни тратить людей, а на контрпропаганду... Впрочем, всё это потом, потом, сейчас нельзя отвлекаться. Сейчас надо всё замечать. Искать малейшие щёлки... На станции танков не было и пушек тоже, везде только стрелки-легионеры. Это надо иметь в виду. Лощина хорошая, глубокая, а охрану, вероятно, снимут, как только мы пройдем... Да нет, при чём здесь охрана — все побегут вперёд, как только включают излучатели...» Он с удивительной отчётливостью представил себе, как это будет. Врубаются излучатели. Танки блицтрегеров с рёвом устремляются вперёд. За ними валят валом армейцы. Вся прифронтовая полоса пустеет... «Трудно представить себе глубину этой полосы, неизвестен радиус действия излучателей, но уж два-три километра

наверняка. В полосе глубиной два-три километра не останется ни одного человека с ясной головой. Кроме меня. Э, нет, не только два-три километра. Больше. Все стационарные установки, все башни — всё будет включено, и, наверное, на максимальную мощность. Весь приграничный район сойдёт с ума... Массаракш, как же быть с Зефом, он же этого не выдержит... — Максим покосился на мерно двигающуюся рыжую бороду мировой знаменитости. — Ничего, выдержит. В крайнем случае, придётся помочь, хотя, боюсь, будет не до того. И ещё Гай — с него ведь глаз нельзя будет спускать... Да, придётся поработать. Ладно. В конце концов, в этом мутном водовороте я всё равно буду полным хозяином и остановить меня никто не сможет, да и не захочет...»

Прошли лесок, и сразу стал слышен слитный гул громкоговорителей, треск выхлопов, раздражённые крики. Впереди, на пологом травянистом склоне, поднимающемся к северу, стояли в три ряда танки. Между ними бродили люди, слоился сизый дым.

— А вот и наши гробы! — весело и громко произнёс кто-то впереди.

— Ты посмотри, что они нам дают, — сказал Гай. — Довоенные машины, хлам имперский, консервные банки... Слушай, Мак, мы что же, так и подохнем здесь? Ведь это же погибель верная...

— Сколько до границы? — спросил Максим. — И что там вообще — за гребнем?

— Там равнина, — ответил Гай. — Как стол. Граница километрах в трёх, потом начинаются холмы, они тянутся до самой...

— Речки нет?

— Нет.

— Овраги?

— Н-нет... Не помню. А что? Максим поймал его руку, крепко сжал.

— Не падай духом, мальчик, — сказал он. — Всё будет хорошо.

Гай с отчаянной надеждой глядел на него снизу вверх. Глаза у него запали, скулы обтянуло.

— Правда? — сказал он. — А то ведь я никакого выхода не вижу. Оружие отобрали, в танках вместо снарядов болванки, пулемётов нет. Впереди смерть, позади смерть.

— Ага! — злорадно сказал Зеф, ковыряя в зубах. — Замочил штанишки? Это тебе не каторжников по зубам щёлкать...

Колонна втянулась в интервал между рядами танков и остановилась. Разговаривать стало трудно. Прямо на траве были установлены громадные раструбы громкоговорителей, бархатный магнитофонный бас вещал: «Там, за гребнем лощины, коварный враг. Только вперёд.

Только вперёд. Рычаги на себя — и вперёд. На врага. Вперёд... Там, за гребнем лощины, коварный враг... Рычаги на себя — и вперёд...». Потом голос оборвался на полуслове, и принялся орать полковник. Он стоял на радиаторе своего вездехода, батальонные держали его за ноги.

— Солдаты! — орал полковник. — Хватит болтать языком! Все по машинам! Главным образом, водители, потому что на остальных мне наплевать. Но всякого, кто останется... — Он извлёк свой пистолет и показал всем. — Понятно, болваны? Господа ротные, развести экипажи по танкам!..

Началась толкотня. Полковник, шатаясь на радиаторе, как жердь, продолжал что-то выкрикивать, но его не стало слышно, потому что громкоговорители снова принялись долдонить, что впереди враг и потому — рычаги на себя. Все блицтрегеры ринулись к третьему ряду танков. Началась драка, в воздухе заметались подкованные ботинки. Огромная серая толпа медленно кишела вокруг танков заднего ряда. Некоторые танки начали двигаться, с них сыпались люди. Полковник совсем посинел от натуги и наконец принялся палить поверх голов. Из леса чёрной цепью бежали legionеры.

— Пошли, — сказал Максим, твёрдо взял Гая и Зефа за плечи и бегом повёл к крайней машине в первом ряду — угрюмой, пятнистой, с бессильно поникшим орудийным стволом.

— Подожди... — растерянно лепетал Гай, оглядываясь. — Мы же четвёртая рота, мы же вон там, мы же во втором ряду...

— Иди, иди, — сердито сказал Максим. — Может быть, ты ещё и взводом покомандовать хочешь?

— Солдатская косточка, — сказал Зеф. — Уймись, мамаша...

Кто-то сзади схватил Максима за пояс. Максим, не оборачиваясь, попробовал освободиться — не удалось. Он оглянулся. За спиной, ухватившись цепко одной рукою, а другой вытирая окровавленный нос, тащился четвёртый член экипажа, водитель, уголовник по кличке Крючок.

— Ага, — сказал Максим. — Я и забыл о тебе. Давай-давай, не отставай...

Он с неудовольствием отметил про себя, что в суматохе забыл об этом человеке, которому по плану была отведена немаловажная роль. Тут грянули жандармские автоматы, по броне с мяукающим визгом запрыгали пули, и пришлось согнуться и бежать опрометью. Забежав за крайний танк, Максим остановился.

— Слушай мою команду, — сказал он. — Крючок, заводи. Зеф, в башню! Гай, проверь нижние люки... Да тщательно проверь, голову сниму!

Он пошёл вокруг танка, осматривая траки. Вокруг стреляли, орали, монотонно бубнили репродукторы, но он дал себе слово не отвлекаться и не отвлекался, только отметил про себя: репродукторы — Гай — не забыть. Траки были в сносном состоянии, но ведущие колёса внушали опасение. «Ничего, сойдёт, мне на нём не долго ездить...» Из-под танка ловко выполз Гай, уже грязный, с ободранными руками.

— Приржавели люки! — прокричал он. — Я их не закрыл, пусть будут открыты, правильно?

«Там, за гребнем лощины, коварный враг! — вещал магнитофонный голос. — Только вперёд. Только вперёд. Рычаги на себя...»

Максим поймал Гая за воротник и притянул к себе.

— Ты меня любишь? — сказал он, уставясь в расширенные глаза. — Веришь мне?

— Да! — выдохнул Гай.

— Только меня слушай. Больше никого не слушай. Всё остальное — враньё. Я твой друг, только я, больше никто. Запоминай. Я приказываю: запоминай.

Обалдевший Гай быстро-быстро кивал, неслышно повторяя:

— Да, да. Да. Только ты. Больше никто...

— Мак! — заорал кто-то прямо в ухо.

Максим обернулся. Перед ним стоял тот странно знакомый штатский в длинном плаще, но уже без шляпы. Массаракш... Квадратное шелушащееся лицо, красные отёчные глаза... Это же Фанк! На щеке кровавая царапина, губа разбита...

— Массаракш! — орал Фанк, стараясь перекрыть шум. — Вы оглохли, что ли? Узнаёте меня?

— Фанк! — сказал Максим. — Откуда вы здесь?

Фанк вытер с губы кровь.

— Пошли! — прокричал он. — Быстрее!

— Куда?

— К чёрту отсюда! Пошли!

Он схватил Максима за комбинезон и потащил. Максим отбросил его руку.

— Нас убьют! — крикнул он. — Легионеры!

Фанк замотал головой.

— Пошли! У меня на вас пропуск! — И, видя, что Максим не двигается: — Я ищу вас по всей стране! Еле нашёл! Пошли немедленно!

— Я не один! — крикнул Максим.

— Не понимаю!

— Я не один! — гаркнул Максим. — Нас трое! Один я не пойду!

— Вздор! Не говорите глупостей! Что за дурацкое благородство? Жить надоело? — Фанк поперхнулся от крика, схватился за горло и зашёлся кашлем.

Максим огляделся. Бледный Гай с дрожащими губами смотрел на него, держал его за рукав — конечно, всё слышал.

В соседний танк двое легионеров забивали прикладами лежащего блицтрегера.

— Один пропуск! — проорал Фанк сорванным голосом. — Один! — Он показал палец.

Максим замотал головой.

— Нас трое! — Он показал три пальца. — Я никуда без них не пойду!

Из бокового люка высунулась веником рыжая бородача Зефа. Фанк оближал губы. Он явно не знал, что делать.

— Кто вы такой? — крикнул Максим. — Зачем я вам нужен?

Фанк мельком взглянул на него и стал смотреть на Гая.

— Этот с вами? — крикнул он.

— Да! И этот тоже!

Глаза у Фанка стали дикими. Он сунул руку под плащ, вытащил пистолет и направил ствол на Гая. Максим изо всех сил ударил его по руке снизу вверх, и пистолет взлетел высоко в воздух. Максим, сам ещё не совсем поняв, что произошло, задумчиво проводил его взглядом. Фанк согнулся, сунув повреждённую руку под мышку. Гай коротко и точно, как на занятиях, ударил его по шее, и он повалился ничком. Рядом вдруг возникли легионеры, ощеренные, потные от работы, осунувшиеся от бешенства.

— В машину! — рявкнул Максим Гаю, наклонился и подхватил Фанка под мышки.

Фанк был грузен и с трудом пролез в люк. Максим нырнул следом, получив на прощание удар прикладом по задней части. В танке было темно и холодно, как в склепе, густо воняло соляжкой. Зеф оттащил Фанка от люка и уложил на пол.

— Кто такой? — гаркнул он.

Максим не успел ответить. Крючок, долго и безуспешно терзавший стартёр, наконец завёл машину. Всё вокруг затряслось и загремело. Максим махнул рукой, пролез в башню и высунулся наружу. Между танками уже не было никого, кроме легионеров. Все двигатели работали, стоял адский рёв, густое душное облако выхлопов завлакивало склон. Некоторые танки двигались, кое-где из башен торчали

головы; блицтрегер, высунувшийся из соседней машины, делал Максиму какие-то знаки, кривил распухшую, в синяках физиономию. Вдруг он исчез; двигатели взревели с удвоенной силой, и все танки с лязгом и дребезжаньем одновременно рванулись вперёд и вверх по склону.

Максим почувствовал, что его схватили поперёк туловища и тянут вниз. Он нагнулся и увидел вытаращенные, ставшие идиотскими глаза Гая. Как тогда, в бомбовозе, Гай хватал Максима руками, беспрерывно бормотал что-то, лицо его стало отвратительным, не было в нём больше ни мальчишества, ни наивной мужественности — сплошное бессмыслие и готовность стать убийцей. «Началось, — подумал Максим, брезгливо пытаясь отстранить несчастного парня. — Началось, началось... Включили излучатели, началось...»

Танк, содрогаясь, карабкался на гребень, клочья дёрна летели из-под гусениц. Позади ничего уже не было видно за сизым дымом, а впереди вдруг распахнулась серая глинистая равнина, и замаячили вдаль плоские холмы на хонтийской стороне, и танковая лавина, не сбавляя хода, повалила туда. Рядов больше не было, все машины мчались наперегонки, задевая друг друга, бессмысленно ворочая башнями... У одного танка на полном ходу слетела гусеница: он волчком завертелся на месте, перевернулся; вторая гусеница сорвалась и тяжёлой блестящей змеёй взлетела в небо; ведущие колёса продолжали бешено крутиться, а из нижних люков выскочили два человек в сером, спрыгнули на землю и, размахивая руками, побежали вперёд, вперёд, только вперёд, на коварного врага... Блеснул огонь, сквозь лязг и рёв звонким треском прорвался пушечный выстрел, и сразу все танки принялись палить, длинные красные языки вылетали из пушек, танки приседали, подпрыгивали, окутывались густым чёрным дымом нечистого пороха, и через минуту всё затянуло чёрно-жёлтой тучей, а Максим всё смотрел, не в силах оторвать глаз от этого грандиозного в своей преступной нелепости зрелища, терпеливо отдирая от себя цепкие руки Гая, который тащил, звал, умолял, жаждал прикрыть своей грудью от всех опасностей... Люди, заводные куклы, звери... Люди.

Потом Максим опомнился. Пора было отбирать управление. Он спустился вниз, мимоходом похлопал Гая по плечу, цепляясь за какие-то металлические скобы, огляделся в тесном шатающемся ящике, чуть не задохнулся от газолинового смрада, разглядел мертвенно-бледное лицо Фанка с закаченными глазами, Зефа, скорчившегося под снарядным ящиком, оттолкнул жмущегося к нему Гая и пролез к водителю.

Крючок держал рычаги на себя и изо всех сил поддавал газу. Он пел, он орал таким дурным голосом, что его было слышно, и Максим даже разобрал слова «благодарственной песни». Теперь надо было как-то утихомирить его, занять его место и отыскать в этом дыму удобный овраг, или глубокую рытвину, или какой-нибудь холм, чтобы было где укрыться от атомных взрывов... Но получилось не по плану. Как только он принялся осторожно разжимать кулаки Крючка, закованные на рычагах, преданный Гай, увидевший, что его господину оказывается неповиновение, просунулся сбоку и страшно ударил ополоумевшего Крючка огромным гаечным ключом в висок. Крючок осел, размяк и выпустил рычаги. Максим, расвирепев, отшвырнул Гая в сторону, но было уже поздно, и не было времени ужасаться и сострадать. Он оттащил труп, уселся и взял управление.

В смотровой люк почти ничего не было видно: небольшой участок глинистой почвы, поросшей редкими травинками, и дальше — сплошная пелена сизой гари. Не могло быть и речи найти что-нибудь в этой мгле. Оставалось одно: замедлить ход и осторожно двигаться до тех пор, пока танк не углубится в холмы. Впрочем, замедлять ход тоже было опасно. Если атомные мины начнут рваться прежде, чем он доберётся до холмов, можно ослепнуть, да и вообще сгореть... Гай тёрся то справа, то слева, заглядывал в лицо, искал приказаний.

— Ничего, дружище... — бормотал Максим, отстраняя его локтями. — Это пройдёт... Всё пройдёт, всё... Потерпи ещё немного...

Гай видел, что с ним говорят, и точил слезу от огорчения, что опять, как тогда, в бомбовозе, не слышит ни слова.

Танк проскочил через густую струю чёрного дыма: слева кто-то горел. Проскочили, и пришлось сразу круто свернуть, чтобы не наехать на мёртвого, расплющенного гусеницами человека. Вынырнул из дыма и скрылся покосившийся пограничный знак, за ним пошли изодранные, смятые проволочные ограждения. Из неприметного ровика высунулся на миг человек в странной белой каске, яростно потряс вздетыми кулаками и тотчас исчез, словно растворился в земле. Дымная пелена впереди понемногу рассеивалась, и Максим увидел бурые круглые холмы совсем близко и заляпанную грязью корму танка, ползущего почему-то наискосок к общему движению, и ещё один горящий танк. Максим отвернул влево, целясь машиной в глубокое, заросшее кустарником седло между двумя холмами повыше. Он был уже близко, когда навстречу брызнул огонь, и весь танк загудел от страшного удара. От неожиданности Максим дал полный газ, кусты и облако белёсого дыма над ними прыгнули навстречу, мелькнули белые каски, искажённые ненавистью лица, вздетые кулаки,

потом под гусеницами что-то железно затрещало, ломаясь. Максим стиснул зубы, взял круто вправо и повёл машину подальше от этого места, по косогору, сильно кренясь, едва не переворачиваясь, огибая холм, и въехал наконец в узкую лощину, поросшую молоденькими деревцами. Здесь он решил остановиться.

Он откинул передний люк, высунулся по пояс и огляделся. Место было подходящее, со всех сторон танк обступали высокие бурые склоны. Максим заглушил двигатель, и сразу же Гай завопил хриплым фальцетом какую-то преданную чушь, что-то нелепо рифмованное, какую-то самодельную оду в честь величайшего и любимейшего Мака; такую песню мог бы сочинить пёс, если бы научился пользоваться человеческим языком.

— Замолчи! — приказал Максим. — Вытащи этих людей наружу и уложи возле машины... Стой, я ещё не кончил! Делай это осторожно, это мои любимые друзья, наши любимые друзья...

— А ты куда? — спросил Гай с ужасом.

— Я буду здесь, рядом.

— Не уходи... — заныл Гай.

— Или позволь, я пойду с тобой...

— Ты меня не слушаешься, — строго сказал Максим. — Делай, что я приказал. И делай осторожно, помни, что это наши друзья...

Гай принялся причитать, но Максим уже не слушал. Он выбрался из танка и побежал вверх по склону холма. Где-то недалеко продолжали идти танки, натужно ревели двигатели, лязгали гусеницы, изредка бухали пушки. Высоко в небе провизжал снаряд. Максим, пригнувшись, взбежал на вершину, присел на корточки

между кустами и ещё раз от всего сердца похвалил себя за такой удачный выбор места.

Внизу — рукой подать — оказался широкий проход между холмами, и по этому проходу, вливаясь с покрытой дымом равнины, сгрудившись, гусеница к гусенице, сплошным потоком шли танки — низкие, приплюснутые, мощные, с огромными плоскими башнями и длинными пушками. Это были уже не штрафники, это проходила регулярная армия. Несколько минут Максим, оглушённый и оторопевший, наблюдал это зрелище, жуткое и неправдоподобное, как исторический кинофильм. Воздух шатался и вздрагивал от неистового грохота и рёва, холм трепетал под ногами, как испуганное животное, и всё-таки Максиму казалось, будто машины идут в мрачном, угрожающем молчании. Он отлично знал, что там, под броневыми листами, заходятся в хрипе ошалевшие солдаты, но все люки были наглухо закрыты, и казалось, что каждая машина — один сплошной слиток неодухотворенного металла... Когда прошли последние танки, Максим оглянулся назад, вниз, и его танк, накренившийся среди деревьев, показался ему жалкой жестяной игрушкой, дряхлой пародией на настоящий боевой механизм. Да, внизу прошла Сила, чтобы встретиться с другой, ещё более страшной Силой, и, вспомнив об этой другой Силе, Максим поспешно скатился вниз, в рощу.

Обогнув танк, он остановился.

Они лежали рядком: белый до синевы Фанк, похожий на мертвеца; скорченный, постанывающий Зеф, вцепившийся грязно-белыми пальцами в свою рыжую шевелюру, и весело улыбающийся Крючок с мёртвыми глазами куклы. Приказ был выполнен в точности. Но Гай, весь ободранный, весь в крови, тоже лежал поодаль, отвернув от неба обиженное мертвенное лицо, раскинув руки, и вокруг него трава была смята и затоптана, и валялась сплюснутая белая каска в тёмных пятнах, а из развороченных кустов торчали ещё чьи-то ноги в сапогах.

— Массаракш... — пробормотал Максим, с ужасом представив себе, как здесь несколько минут назад схватились насмерть два рычащих и воющих пса, каждый во славу своего хозяина...

И в этот момент та, другая Сила нанесла ответный удар.

Максиму этот удар пришёлся по глазам. Он зарычал от боли, изо всех сил зажмурился и упал на Гая, уже поняв, что тот мёртв, но стараясь закрыть его своим телом. Это было чисто рефлекторное — он ни о чём не успел подумать и ничего не успел ощутить, кроме боли в глазах, — он был ещё в падении, когда его мозг отключил себя.

Когда окружающий мир снова сделался возможным для человеческого восприятия, сознание включилось снова. Прошло, вероятно, очень мало времени, несколько секунд, но Максим очнулся, весь покрытый обильным потом, с пересохшим горлом, и голова у него звенела, как будто его ударили доской по уху. Всё вокруг изменилось, мир стал багровым, мир был завален листьями и обломанными ветвями, мир был наполнен раскалённым воздухом, с красного неба дождём валились вырванные с корнем кусты, горящие сучья, комья горячей сухой земли. И стояла болезненно-звонящая тишина. Живых и мёртвых раскатило по сторонам. Гай, засыпанный листьями, лежал ничком шагах в десяти. Рядом с ним сидел Зеф; одной рукой он по-прежнему держался за голову, а другой закрывал глаза. Фанк скатился вниз, застрял в промоине и теперь ворочался там, тёрся лицом о землю. Танк тоже снесло ниже и развернуло. Прислонясь к гусенице спиной, мёртвый Крючок по-прежнему весело улыбался...

Максим вскочил, разбросав наваленные ветки. Он подбежал к Гаю, схватил его, поднял, поглядел в стеклянные глаза, прижался щекой к щеке, проклял и трижды проклял этот мир, в котором он так одинок и беспомощен, где мёртвые становятся мёртвыми навсегда, потому что ничего нет, потому что нечем сделать их живыми... Кажется, он плакал, колотил кулаками по земле, топтал белую каску, а потом Зеф начал протяжно кричать от боли, и тогда он пришёл в себя и, не глядя вокруг, не чувствуя больше ничего, кроме ненависти и жажды убивать, побрёл снова наверх, на свой наблюдательный пост...

Здесь тоже всё переменялось. Кустов больше не было, спёкшаяся глина дымилась и потрескивала, обращённый к северу склон холма горел. На севере багровое небо сливалось со сплошной стеной чёрно-коричневого дыма, и над этой стеной поднимались, распухая на глазах, ярко-оранжевые, какие-то маслянисто-жирные тучи. И туда, где возносились к лопнувшей от удара небесной тверди тысячи тысяч тонн раскалённого праха, испепелённые до атомов надежды выжить и жить, в эту адскую топку, устроенную несчастными дураками для несчастных дураков, тянул с юга, словно в поддувало, лёгкий сыроватый ветер.

Максим поглядел вниз, на проход между холмами. Проход был пуст, взрытая гусеницами и обожжённая атомным ударом глина курилась, тысячи огоньков плясали на ней — тлели листья и догорали сорванные сучья. А равнина на юге казалась очень широкой и очень пустынной; её больше не заволакивали пороховые газы, она была красна под красным небом, на ней неподвижно чернели одинокие коробочки — испорченные и повреждённые танки штрафников, и по

ней уже приближалась к холмам редкая изломанная цепочка странных машин.

Они были похожи на танки, только вместо артиллерийской башни на каждой был установлен высокий решётчатый конус с тусклым округлым предметом на верхушке. Они шли быстро, мягко переваливаясь на неровностях, и они были не чёрные, как танки несчастных блицтрегеров, не серо-зелёные, как армейские танки прорыва, — они были жёлтые, ярко-весело-жёлтые, как жандармские патрульные автомобили... Правого фланга шеренги уже не было видно за холмами, и Максим успел насчитать всего восемь излучателей. В них чудилась какая-то наглость хозяев положения; они шли в бой, но не считали нужным ни скрываться, ни маскироваться; они нарочито выставлялись напоказ и своей окраской, и своим уродливым пятиметровым горбом, и отсутствием обычного вооружения. Те, кто вёл эти машины и управлял ими, считали себя, должно быть, в полной безопасности. Впрочем, вряд ли они об этом думали; они просто спешили вперёд, подстёгивая лучевыми бичами железное стадо, которое катилось сейчас через ад, и они наверняка ничего не знали об этих бичах, как не знали и того, что бичи эти хлещут их самих... Максим увидел, что левофланговый излучатель направляется в лощину, и пошёл ему навстречу, вниз по склону холма.

Он шёл во весь рост. Он знал, что ему придётся силой выковыривать чёрных погонщиков из железной скорлупы, и он хотел этого. Никогда в жизни он ничего так не хотел, как хотелось ему сейчас почувствовать под пальцами живую плоть... Когда он спустился в лощину, излучатель был уже совсем близко. Жёлтая машина катилась прямо на него, слепо уставясь стекляшками перископов, решётчатый конус грузно раскачивался не в такт приседаниям машины, и теперь видно было, что на вершине качается серебристый шар, густо утыканный длинными блестящими иглами...

Они и не подумали остановиться, и Максим, уступив дорогу, пропустил их, пробежал несколько метров рядом и вскочил на броню.

Часть пятая ЗЕМЛЯНИН

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Государственный прокурор спал чутко, и мурлыканье телефона сразу разбудило его. Не раскрывая глаз, он взял наушник и хрипло сказал:

— Слушаю.

Мяукающий голос референта произнёс, как бы извиняясь:

— Семь часов, ваше превосходительство...

— Да, — сказал прокурор, всё ещё не раскрывая глаз. — Да. Благодарю.

Он включил свет, откинул одеяло и сел. Некоторое время он сидел, уставясь на свои тощие бледные ноги, и с грустным удивлением размышлял о том, что вот уже шестой десяток пошёл, но не помнит он ни одного дня, когда бы ему дали выспаться. Всё время кто-нибудь будит. Когда он был поручиком, его будил после попойки скотина денщик. Когда он был председателем Чёрного трибунала, его будил дурак секретарь с неподписанными приговорами. Когда он был школяром, его будила мать, чтобы он шёл на занятия, и это было самое мерзкое время, самые скверные пробуждения. И всегда ему говорили: надо! Надо, ваше благородие... Надо, господин председатель... Надо, сыночек... А сейчас это «надо» говорит себе он сам... Он встал, накинул халат, плеснул в лицо горсть одеколona, вставил зубы, посмотрел, массируя щёки, в зеркало, скривился неприязненно и прошёл в кабинет.

Тёплое молоко уже стояло на столе, а под крахмальной салфеточкой — блюдце с солоноватым печеньем. Это надо было выпить и съесть как лекарство, но сначала он подошёл к сейфу, отвалил дверцу, взял зелёную папку и положил её на стол рядом с завтраком. Хрустя печеньем и прихлёбывая молоко, он тщательно осматривал папку, пока не убедился, что со вчерашнего вечера её никто не раскрывал. Как много переменилось, подумал он. Всего три месяца прошло, а как всё переменилось!.. Он машинально взглянул на жёлтый телефон и несколько секунд не мог отвести от него глаз. Телефон молчал — яркий, изящный, как весёлая игрушка... страшный, как тикающая адская машина, которую невозможно разрядить...

Прокурор судорожно, двумя руками вцепился в зелёную папку, зажмурился. Он ощутил, что страх нарастает, и поспешил одёрнуть себя. Нет, так дело не пойдёт, сейчас надо хранить абсолютное спокойствие и рассуждать совершенно бесстрастно... «Выбора у меня всё равно нет. Значит, риск... Ну что же: риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму. И я его сведу к минимуму. Да, массаракш, к минимуму!.. Вы, кажется, не уверены в этом, Умник? Ах, вы сомневаетесь? Вы всегда сомневаетесь, Умник, есть у вас такое качество, вы — молодец... Ну что же, попытаемся развеять ваши сомнения. Слыхали вы про такого человека — его зовут Максим Каммерер? Неужели слыхали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слыхали про такого человека. Вы сейчас услышите о нём первый раз. Очень прошу вас, выслушайте и составьте о нём самое объективное, самое непредубеждённое суждение. Мне очень важно знать ваше объективное мнение, Умник: от этого, знаете ли, зависит теперь целостность моей шкуры. Моей бледной, с синими прожилками, такой дорогой мне шкуры...»

Он прожевал последнее печенье и залпом допил молоко.

Потом вслух сказал: «Приступим».

Он раскрыл папку.

«Прошлое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только, как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое. И если нам так уж понадобится прошлое нашего Мака, мы в конце концов выведем его из настоящего. Это называется экстраполяцией... Наш Мак начинает своё настоящее с того, что бежит с торги. Вдруг. Неожиданно. Как раз в тот момент, когда мы со Странником тянем к нему руки. Вот панический рапорт генерал-коменданта, классический вопль идиота, который нашкодил и не чаёт уйти от наказания: он ни в чём не виноват, он сделал всё по инструкции, он не знал, что объект добровольно поступил в сапёры-смертники, а объект поступил и подорвался на минном поле. Не знал... Вот и мы со Странником не знали. А надо было знать! Объект — человек неожиданный, вы должны были ожидать чего-либо подобного, господин Умник... Да, тогда это поразило меня, но теперь-то мы понимаем, в чём дело: кто-то объяснил нашему Маку про башни, он решил, что в Стране Творцов ему делать нечего, и удрал на Юг, симулировав гибель... — Прокурор опустил голову на руку, вяло потёр лоб. — Да, тогда всё это и началось... Это был первый промах в серии моих промахов: я поверил, что он погиб. А как я мог не поверить? Какой нормальный

человек побежит на Юг?.. Любой бы поверил. А вот Странник не поверил».

Прокурор взял очередной рапорт.

«О этот Странник! Умница Странник, гений Странник... Вот как мне надо было действовать — как он! Я был уверен, что Мак погиб: Юг есть Юг. А он наводнил всё Заречье своими агентами. Жирный Фанк — ах, не добрался я до него в своё время, не прибрал к рукам! — этот жирный, облезлый боров похудел, мотаясь по стране, вынюхивая и высматривая, а его Кура подох от лихорадки на Шестой трассе, а его Тапа-Петушок был захвачен горцами, а потом Пятьдесят Пятый — не знаю, кто он такой, — попался пиратам аж на побережье, но успел сообщить, что Мак там появлялся. Сдался патрулям и направлен обратно в свою колонну...

Вот как поступают люди с головой: они ни во что не верят и никого не жалеют. Вот как я должен был поступить тогда. Бросить все дела, заняться только Маком, ведь я уже тогда прекрасно понимал, какая это страшная сила — Мак, а я вместо этого сцепился с Дергунчиком и проиграл, а потом связался с этой идиотской войной и тоже проиграл... Я и сейчас бы проиграл, но мне наконец повезло: Мак объявился в столице, в логове Странника, и я узнал об этом раньше, чем Странник. Да, Странник, да, хрящеухий, теперь проиграл ты. Надо же было тебе уехать именно сейчас! И ты знаешь, Странник, меня даже не огорчает то обстоятельство, что опять осталось неизвестным, куда и зачем ты уехал. Уехал, и ладно. Ты, конечно, во всём положился на своего Фанка, а твой Фанк привёз тебе Мака, но вот ведь беда — свалился твой Фанк после своих военных приключений, лежит без памяти в дворцовом госпитале — важная фигура, таких только в дворцовый госпиталь! — и теперь я не промахнусь, теперь он будет там лежать, сколько мне понадобится. Тебя нет, Фанка нет, а наш Мак есть, и это получилось очень удачно...»

Прокурор ощутил радость и, заметив это, сейчас же погасил её.

«Опять эмоции, массараکش... Спокойнее, Умник. Ты познакомишься с новым человеком по имени Мак, ты должен быть очень объективен. Тем более, что этот новый Мак так не похож на старого, теперь он совсем взрослый, теперь он знает, что такое финансы и детская преступность. Поумнел, посуровел наш Мак... Вот он пробился в штаб подполья (рекомендатели: Мемо Грамену и Аллу Зеф), как гром с ясного неба обрушился там на них с предложением раскрыть всему подполью истинное назначение башен; штаб взвыл, но ведь убедил их Мак!

Запугал их там, запутал; приняли они эту идею, поручили Маку разработку... В обстановке он разобрался быстро и верно. И они там это поняли — поняли, с кем имеют дело. Или просто почувствовали... Вот последнее донесение: фракция просветителей привлекла его к обсуждению программы перевоспитания, и он с радостью согласился. Сразу предложил кучу идей. Идейки не бог весть какие, но не в этом дело, перевоспитание — вообще идиотизм, важно то, что он уже больше не террорист, ничего он не хочет взрывать, никого не хочет убивать; важно то, что занялся он своей карьерой, активно зарабатывает себе авторитет в штабе, произносит речи, критикует, лезет наверх; важно то, что он имеет идеи, жаждет их осуществить, а это именно то, что вам нужно, господин Умник...»

Прокурор откинулся на спинку кресла.

«И вот ещё то, что нужно. Донесения об образе жизни. Много работает — и в лаборатории и дома, — тоскует по-прежнему по той девушке, по Раде Гаал, занимается спортом, почти ни с кем не дружит, не курит, почти не пьёт, в еде очень умерен. С другой стороны, обнаруживает явную склонность к роскоши в быту и знает себе цену: полагающийся по штату автомобиль принял как должное, выразив недовольство его малой мощностью и уродливостью; недоволен также квартирой — считает её слишком тесной и лишённой элементарных удобств; жилище своё украсил оригинальными картинами и антикварными произведениями искусства, истратив на них почти весь аванс... И так далее. Хороший материал, очень хороший материал... А кстати, сколько у него денег, чем он сейчас располагает? Так, руководитель темы в лаборатории химического синтеза... Недурно его устроили. И ещё больше, наверное, наобещали. Хотел бы я знать, как ему объяснили, зачем он понадобился Страннику. Это знает Фанк, жирная свинья, но он не скажет, скорее подохнет... Ах, если бы как-нибудь вытянуть из него всё, что он знает! С каким наслаждением я бы потом его прикончил... Сколько он крови мне испортил, этакая скотина... И Раду эту он у меня украл, а ведь как бы она мне сейчас пригодилась — Рада... Какое это оружие, когда имеешь дело с чистым, честным, мужественным Маком!.. Впрочем, сейчас это, может быть, не так уж и плохо... Не я держу под замком твою возлюбленную, Мак, это всё Странник, это всё его интриги, этого шантажиста...»

Прокурор вздрогнул: жёлтый телефон тихонько звякнул. Только звякнул, и больше ничего. Тихонько, даже мелодично. Ожил на долю секунды и снова замер, словно напомнил о себе... Прокурор, не

отрывая от него глаз, провёл по лбу дрожащими пальцами. Нет, ошибка... Конечно, ошибка. Мало ли что, телефон — аппарат сложный, искра там какая-нибудь проскочила... Он вытер пальцы о халат. И сейчас же телефон грянул. Как выстрел в упор... Как нож по горлу... Как падение с крыши на асфальт... Прокурор взял наушник. Он не хотел брать наушник, он даже не знал, что берёт наушник, он даже вообразил, будто не берёт наушник, а быстро на цыпочках бежит в спальню, одевается, выкатывает машину из гаража и на предельной скорости гонит... Куда?

— Государственный прокурор, — сказал он хрипло и прокашлялся.

— Умник? Это Канцлер говорит.

Вот... Вот оно... Сейчас: «Ждём тебя через часок...»

— Я узнал, — сказал он бессильно. — Здравствуй, Канцлер.

— Сводку читал?

— Нет.

«Ах не читал? Ну приезжай, мы тебе сейчас сами прочитаем...»

— Всё, — сказал Канцлер. — Прогладили войну.

Прокурор глотнул. Надо было что-то сказать. Надо было срочно что-то сказать, лучше всего — пошутить. Тонко пошутить... «Боже, помоги мне тонко пошутить!..»

— Молчишь? А что я тебе говорил? Не лезь в эту кашу, штатских держись, а не военных. Эх ты, Умник...

— Ты — Канцлер, — выдавил из себя прокурор. — Все мы — твои дети. Дети ведь вечно не слушаются родителей...

Канцлер хихикнул.

— Дети... — сказал он. — А где это сказано: «Если чадо твоё ослушается тебя...» Как там дальше, не помнишь, Умник?

Боже мой, боже мой! «Сотри его с лица земли». Он так и сказал тогда: «Сотри его с лица земли», и Странник взял со стола тяжёлый чёрный пистолет, неторопливо поднял и два раза выстрелил, и чадо охватило руками пробитую лысину и повалилось на ковёр...

— Память отшибло? — сказал Канцлер. — Эх ты, Умник... Что собираешься делать, Умник?

— Я ошибся... — прохрипел прокурор. — Ошибка... Это всё из-за Дергунчика...

— Ошибся... Ну ладно, подумай, Умник. Поразмысли. Я тебе ещё позвоню.

И всё. И нет его. И неизвестно, куда звонить ему — плакать, умолять... «Глупо, глупо. Никому не помогало... Ладно... Подожди... Да подожди ты, трус!» Он с размаху ударил раскрытой рукой о край стола — чтобы в кровь, чтобы больно, чтобы перестать дрожать... Это немного помогло, но он ещё наклонился, открыл другой рукой нижний ящик стола, достал фляжку, зубами вытащил пробку и сделал несколько глотков. Его ударило в жар. «Вот так... Спокойно... Мы ещё посмотрим... Это гонка: кто быстрее. Умника так просто не возьмёшь, с ним вы ещё повозитесь. Умника так сразу не вызовешь. Если бы могли вызвать, то уже вызвали бы... Это ничего, что он позвонил. Он всегда так. Время есть. Два дня, три дня, четыре дня... Время есть! — прикрикнул он на себя. — Не психуй...» Он поднялся и торопливо пошёл кругами по кабинету.

«У меня есть на вас управа. У меня есть Мак. У меня есть человек, который не боится излучения. Для которого не существует преград. Который желает переменить порядок вещей. Который нас ненавидит. Человек чистый и, следовательно, открытый всем соблазнам. Человек, который поверит мне. Человек, который захочет встретиться со мной... Он уже сейчас хочет встретиться со мной: мои агенты уже много раз говорили ему, что государственный прокурор добр, справедлив, большой знаток законов, настоящий страж законности, что Творцы его недолюбливают и терпят его только потому, что не доверяют друг другу... Мои агенты уже показывали меня ему, тайком, в благоприятных обстоятельствах, и моё лицо ему понравилось... И — самое главное! — ему под строжайшим секретом намекнули, что я знаю, где находится Центр. Он прекрасно владеет лицом, но мне сказали, что в этот момент он выдал себя... Вот какой человек у меня есть — человек, который очень хочет захватить Центр и может это сделать, единственный из всех... То есть этого человека у меня пока нет, но

сети расставлены, наживка проглочена, и сегодня я его подсеку. Или я пропал... Пропал... Пропал...»

Он круто повернулся и с ужасом взглянул на жёлтый телефон.

Он больше не мог сдержать воображения. Он видел эту тесную комнату, обтянутую фиолетовым бархатом, душную, прокисшую, без окон, голый обшарпанный стол и пять золочёных кресел... «А мы, все остальные, стояли: я, Странник с глазами жаждущего убийцы и этот лысый палач... растяпа, болтун: знал ведь, где Центр, столько людей загубил, чтобы узнать, где Центр, и — трепло, пьяница, хвостун! — разве можно о таких вещах кому-нибудь говорить? Тем более родичам... особенно таким родичам. А ещё начальник Департамента общественного здоровья, глаза и уши Огненосных Творцов, броня и секира нации... Канцлер сказал, жмурясь: «Сотри его с лица земли», Странник выстрелил в упор два раза, и Барон проворчал с неудовольствием: «Опять всю обивку забрызгали...» И они опять стали спорить, почему в комнате воняет, а я стоял на ватных ногах и думал: «Знают или не знают?», и Странник стоял, оскалась, как голодный хищник, и глядел на меня, словно догадывался... Ни черта он не догадался... Теперь-то я понимаю, почему он всегда так хлопотал, чтобы никто не проник в тайну Центра. Он всегда знал, где находится Центр, и только искал случая захватить Центр самому... Опоздал, Странник, опоздал... И ты, Канцлер, опоздаешь. И ты, Барон. А о тебе, Дергунчик, и речи нет...»

Он отдёрнул портьеру и приложил лоб к холодному стеклу. Он почти задушил свой страх и, чтобы растоптать его окончательно, до последней искорки, он представил себе, как Мак с боем внезапно врывается в аппаратную Центра...

Но это мог бы сделать и Волдырь с личной охраной, с этой бандой своих родных и двоюродных братьев, племянников, побратимов, выкормышей, с этими жуткими подонками, которые никогда ничего не слыхали о законе, которые всегда знали только один закон: стреляй первым... Нужно было быть Странником, чтобы поднять руку на Волдыря. В тот же вечер они напали на него прямо у ворот его особняка, изрешетили машину, убили шофёра, убили секретаршу и загадочным образом полегли сами, все до единого, все двадцать четыре человека с двумя пулемётами... Да, Волдырь тоже мог бы ворваться в аппаратную, но там бы он и завяз, дальше бы он не прошёл, потому что дальше — барьер депрессионного излучения, а теперь, может быть, и два лучевых барьера; хватило бы и одного, никто не пройдёт там: выродок свалится в обморок от боли, а простой лояльный гражданин падёт на колени и примется тихо плакать от смертной тоски... Только

Мак там пройдёт и запустит свои умелые руки в генераторы, и прежде всего переключит Центр, всю систему башен, на депрессионное поле. Затем, уже совершенно беспрепятственно, он поднимется в радиостудию и поставит там плёнку с заранее подготовленной речью на многоцикловую передачу... Вся страна от хонтийской границы до Заречья — в депрессии, миллионы дураков валяются, обливаясь слезами, не желая пошевелить пальцем, а репродукторы уже ревут во всю глотку, что Огненосные Творцы — преступники, их зовут так-то и так-то, они находятся там-то и там-то, убейте их, спасайте страну, это говорю вам я, Мак Сим, живой бог на земле (или там... законный наследник императорского престола, или великий диктатор — что ему больше понравится). К оружию, мой Легион. К оружию, моя армия! К оружию, мои подданные!.. А сам в это время спускается обратно в аппаратную и переключает генераторы на поле повышенного внимания, и вот уже вся страна слушает, развесив уши, стараясь не упустить ни слова, заучивая наизусть, повторяя про себя. А громкоговорители ревут, башни работают, и так длится ещё час, а потом он переключает излучатели на восторг, всего полчаса восторга — и конец передачам... И когда я прихожу в себя — массаракш, полтора часа адской боли, но надо, массаракш, выдержать! — Канцлера уже нет, никого из них нет, есть Мак, великий бог Мак, и его верный советник, бывший государственный прокурор, а ныне — глава правительства великого Мака... А, бог с ним, с правительством, я буду просто жив, и мне ничего не будет угрожать, а там мы посмотрим... Мак не из тех, кто бросает полезных друзей, он не бросает даже бесполезных друзей, а я буду очень полезным другом. О, каким полезным другом я ему буду!..»

Он оборвал себя и вернулся к столу, покосился на жёлтый телефон, усмехнулся, снял наушник зелёного телефона и вызвал заместителя начальника Департамента специальных исследований.

— Головастик? Доброе утро, это Умник. Как ты себя чувствуешь? Как желудок?.. Ну, прекрасно... Странника ещё нет?.. Ага. Ну ладно... Мне позвонили от Барона и приказали немножко вас проинспектировать... Нет-нет, я думаю, это чистая формальность, я всё равно у вас ни черта не понимаю, но ты подготовь там какой-нибудь рапорт... проект заключения инспекции и всё такое. И позаботься, чтобы все были на местах, а не как в прошлый раз... Ум-гу... Часов в одиннадцать, наверное... Ты сделай так, чтобы в двенадцать я уже смог уехать со всеми документами... Ну, до встречи. Пойдём страдать... А ты тоже страдаешь? Или вы уже, может быть, давно выдумали защиту, только от начальства скрываете? Ну-ну, я шучу... Пока.

Он положил наушник и взглянул на часы. Было без четверти десять. Он громко застонал и потащился в ванную. Опять этот кошмар... полчаса кошмара. От которого нет защиты... От которого нет спасения... От которого жить не хочется... Как это всё-таки обидно: Странника придётся пощадить.

Ванна уже была полна горячей воды. Прокурор сбросил халат, стянул ночную рубашку и сунул под язык болеутолитель. И так всю жизнь. Одна двадцать четвёртая всей жизни — ад. Больше четырёх процентов... И это — не считая вызовов во Дворец. Ну, вызовы скоро кончатся, а эти четыре процента останутся до конца... «Впрочем, это мы ещё посмотрим. Когда всё установится, я возьмусь за Странника сам...» Он залез в ванну, устроился поудобнее, расслабился и стал придумывать, как он возьмётся за Странника. Но он не успел ничего придумать. Знакомая боль ударила в темя, прокатилась по позвоночнику, запустила коготь в каждую клетку, в каждый нерв и принялась драть — методично, люто, в такт бешеным толчкам сердца...

Когда всё кончилось, он ещё немного полежал в томном изнеможении — адские муки тоже имеют свои достоинства: полчаса кошмара дарили ему несколько минут райского блаженства, — затем вылез, растёрся перед зеркалом, приоткрыл дверь, принял от камердинера свежее бельё, оделся, вернулся в кабинет, выпил ещё один стакан тёплого молока, на этот раз смешанного с целебной водой, съел вязкой кашицы с древесным мёдом, посидел немножко просто так, окончательно приходя в себя, а потом позвонил дневному референту и велел подавать автомобиль.

К Департаменту специальных исследований вела правительственная трасса, пустая в это время дня, обсаженная кудрявыми деревьями, похожими на искусственные. Шофёр гнал без остановок у светофоров, время от времени включая гулкую басовитую сирену. К высоким железным воротам Департамента подъехали без трёх минут одиннадцать. Легионер в парадном мундире подошёл, нагнулся, глядяваясь, узнал и отдал честь. Тотчас же ворота распахнулись, открылся густой сад, белые и жёлтые корпуса жилых домов, а за ними — гигантский стеклянный параллелепипед института. Медленно проехали по автомобильной дорожке с грозными предупреждениями насчёт скорости, миновали детскую площадку, приземистое здание бассейна, пёстрое весёлое здание клуба-ресторана — и всё это в зелени, в облаках зелени, в тучах зелени, и прекрасный, чистейший воздух, и — массараکش! — какой-то запах стоит удивительный, нигде такого не бывает, ни в каком поле, ни в каком лесу... «Ох уж этот Странник, всё это

его затеи, чёртовы деньги ухлопаны на это, но зато как его здесь любят. Вот как надо жить, вот как надо устраиваться. Ухлопаны чёртовы деньги, Султан был страшно недоволен, он и сейчас ещё недоволен... Риск? Да, риск, конечно, был, рискнул Странник, но зато теперь его Департамент — это его Департамент: здесь его не предадут, не подси-дят... Пятьсот человек у него здесь, в основном молодёжь; газет они не читают, радио не слушают — времени, видите ли, нет, важные научные исследования... Так что излучение здесь бьёт мимо цели, вернее, совсем в другую цель. Да, Странник, я бы на твоём месте долго ещё тянул с защитными шлемами. Может быть, ты и тянешь? Навер-няка тянешь... Но, чёрт возьми, как тебя ухватить? Вот если бы нашёлся второй Странник... Да, второй такойловищи нет во всём мире. И он это знает. И он очень внимательно следит за каждым более или менее талантливым человеком. Прибирает к рукам с юных лет, обласкивает, отдаляет от родителей — а родители-то до смерти, ду-раки, рады! — и вот, глядишь, ещё один солдатик становится в твой строй... Ох как это здорово, что Странника сейчас нет, какая это удача!»

Машина остановилась, референт распахнул дверцу. Прокурор вы-лез, поднялся по ступенькам в застеклённый вестибюль. Головастик со своими референтами уже ждал его. Прокурор с надлежащей скукой на лице вяло пожал Головастику руку, посмотрел на референтов и позволил препроводить себя в лифт. В кабину вошли по регламенту: господин государственный прокурор, за ним господин заместитель начальника Департамента, следом референт государственного проку-рора и старший из референтов господина заместителя начальника. Прочих оставили в вестибюле. В кабинет Головастика вошли опять по регламенту: господин прокурор, за ним Головастик; референта про-курора и старшего референта Головастика оставили за дверью в при-ёмной. Прокурор сейчас же утомлённо погрузился в кресло, а Голова-стик немедленно засуетился, забил пальцами по кнопкам на краю стола и, когда в кабинет сбежалась целая орава секретарей, приказал подать чай.

Первые несколько минут прокурор для развлечения разглядывал Головастика. У Головастика был на редкость виноватый вид. Он избе-гал смотреть в глаза, то и дело приглаживал волосы, судорожно поти-рал руки, неестественно покашливал и совершал множество бессмыс-ленных, суетливых движений. У него всегда был такой вид. Внеш-ность и поведение были его основным капиталом. Он вызывал непре-рывные подозрения в нечистой совести и навлекал на себя непрерыв-ные тщательнейшие проверки. Департамент общественного здоровья

изучил его жизнь по часам. И поскольку жизнь его была безукоризненна, а каждая новая проверка лишь подтверждала этот неожиданный факт, продвижение Головастика по служебной лестнице происходило с редкостной быстротой.

Прокурор всё это прекрасно знал: он лично три раза доскональнейшим образом проверял Головастика, и тем не менее сейчас, рассматривая его, забавляясь им, он вдруг поймал себя на мысли, что Головастик, ей-богу, знает, пройдоха, где находится Странник, и ужасно боится, что это из него сейчас вытянут. И прокурор не удержался.

— Привет от Странника, — сказал он небрежно, постукивая пальцами по подлокотнику.

Головастик быстро посмотрел на прокурора и тут же отвёл глаза.

— М-м... да... — сказал он, покусывая губу. — Кхе... Сейчас вот... гм... чай принесут...

— Он просил тебя позвонить, — сказал прокурор ещё небрежнее.

— Что?.. А-а... Ладно... Чай у меня сегодня будет исключительный. Новая секретарша прямо-таки знаток в чаях... То есть... кхе... А куда ему позвонить?

— Не понимаю, — сказал прокурор.

— Нет, я к тому, что... гм... если ему позвонить, то надо же знать... кхе... телефон... он же никогда телефона не оставляет... — Головастик вдруг засуетился, мучительно покраснел, захлопал по столу ладонями, нашёл карандаш. — Куда он велел позвонить?

Прокурор отступился.

— Это я пошутил, — сказал он.

— А?.. Что?.. — На лице Головастика мгновенно, сменяя друг друга, промелькнуло множество подозрительнейших выражений. — А! Пошутил? — Он загоготал фальшивым смехом. — Это ты ловко меня... Вот потеха! А я уж думал... Га-га-га!.. А вот и чаёк!

Прокурор принял из холёных рук холёной секретарши стакан крепкого горячего чая и сказал:

— Ладно, пошутили, и хватит. Времени мало. Где твоя бумага?

Головастик, совершив массу ненужных движений, извлёк из стола и протянул прокурору проект инспекционного акта. Судя по тому, как он при этом сокращался и ёжился, проект был набит фальшивой информацией, имел целью ввести инспектора в заблуждение и вообще был составлен с подрывными намерениями.

— Н-нута-с... — проговорил прокурор, причмокивая кусочком сахара. — Что тут у тебя?.. «Акт проверочного обследования» ... Н-ну... Лаборатория интерференции... Лаборатория спектральных

исследований... Лаборатория интегрального излучения... Ничего не понимаю, чёрт ногу сломит! Как ты во всём этом разбираешься?

— А я... гм... Я, знаешь, тоже не разбираюсь, я ведь по специальности... гм... администратор... моё дело... это... общее руководство...

Головастик прятал глаза, покусывал губы, с размаху ерошил волосы, и уже было совершенно ясно, что никакой он не администратор, а хонтийский шпион с высшим специальным образованием. Ну и фигура!..

Прокурор снова обратился к акту. Он сделал глубокомысленное замечание о перерасходе средств, допущенном группой усиления мощности; спросил, кто такой Зон Баруту, не родственник ли он Мору Баруту, знаменитому писателю-пропагандисту; отпустил упрёк по поводу безлинзового рефрактометра, который стоил сумасшедших денег, а до сих пор не запущен, и подвёл итог по работам сектора исследований и совершенствования излучения, сказавши, что существенных сдвигов ему не видится («И слава богу», — мысленно добавил он) и что это его мнение должно быть обязательно занесено в белой вариант акта.

Часть акта, касающуюся работ сектора защиты от излучения, он просмотрел ещё более небрежно.

— Топчетесь на месте, — объявил он. — По физической защите вообще ничего не добились, по физиологической — и того меньше... Физиологическая защита — это вообще не то, что нам нужно: чего это ради я дам себя кромсать, ещё идиотом сделаете... А вот химики молодцы — ещё минуту выиграли. В прошлом году минуту, да в позапрошлом году полторы... Что же это получается? Значит, теперь я могу принять пилюлю и вместо тридцати минут буду мучиться двадцать две... Что ж, неплохо. Почти тридцать процентов... Запиши-ка моё мнение: усилить темпы работы по физической защите, поощрить работников отдела химической защиты. Всё. — Он перебросил листки Головастику. — Прикажи это отпечатать начисто... и моё мнение. А сейчас, проформы ради, проводи-ка меня... ну, скажем... э-э... У физиков я прошлый раз был. Проводи-ка ты меня к химикам, посмотрю, как там у них...

Головастик вскочил и снова ударил по кнопкам, а прокурор поднялся с видом крайнего утомления.

В сопровождении Головастика и дневного референта он неторопливо пошёл по лабораториям отдела химической защиты, вежливо улыбаясь людям с одним шевроном на рукаве халата, похлопывая иногда по плечу бесшевронных, приостанавливаясь около

двухшеvronных, чтобы пожать руку, понимающе покивать головой и осведомиться, нет ли претензий.

Претензий не было. Все вроде бы работали или делали вид, что работают, — у них не поймёшь. Мигали какие-то лампочки на каких-то приборах, варились какие-то жидкости в каких-то сосудах, пахло какой-то дрянью, кое-где мучали животных. Было у них здесь чисто, светло, просторно; люди казались сытыми и спокойными, энтузиазма не проявляли, с инспектором держались вполне корректно, но без всякой теплоты и, уж во всяком случае, без приличествующего подострастия.

И во многих комнатах — будь то кабинет или лаборатория — висел портрет Странника: над рабочим столом, рядом с таблицами и графиками, в простенке между окнами, над дверью; иногда портрет лежал под стеклом на столе. Это были фотографии, рисунки карандашом или углём; один портрет был даже написан масляной краской. Здесь можно было увидеть Странника, играющего в мяч; Странника, читающего лекцию; Странника, грызущего яблоко; Странника сурового, задумчивого, усталого, разъярённого и даже Странника, хохочущего во всю глотку. Эти сукины дети даже рисовали на него шаржи и вешали их на самых видных местах... Прокурор представил, как он входит в кабинет младшего советника юстиции Фильтика и обнаруживает там карикатуру на себя. Массаракш, это было невообразимо, невозможно!

Он улыбался, похлопывал, жал руки, а сам всё время думал, что вот второй раз он уже здесь с прошлого года и всё вроде бы по-старому, но раньше он как-то не обращал на это внимания... А теперь вот обратил. Почему только теперь?.. А, вот почему! Что такое был для меня Странник год или два назад? Формально — один из нас, фактически — кабинетная фигура, не имеющая ни влияния на политику, ни своего места в политике, ни своих целей в политике. Однако с тех пор он успел многое. Общегосударственного масштаба операция по изъятию иностранных шпионов — это его акция. Прокурор сам вёл эти процессы и был тогда потрясён, поняв, что имеет дело не с обычными липовыми шпионами-выродками, а с настоящими матёрыми разведчиками, заброшенными Островной Империей для сбора научной и экономической информации. Странник выудил их всех, всех до единого, и с тех пор стал неизменным шефом особой контрразведки.

Далее: именно Странник раскрыл заговор лысого Волдыря, фигуры жуткой, сидевшей очень прочно, сильно и опасно копавшей под шефство Странника над контрразведкой. И сам же его шлёпнул, никому не доверил. Он всегда выступал открыто, никогда не

маскировался и действовал только в одиночку — никаких коалиций, никаких уний, никаких временных союзов. Так он свалил одного за другим трёх начальников Военного департамента — те даже пикнуть не успевали, а их уже вызывали наверх, — пока не добился, чтобы поставили Дергунчика, панически боящегося войны... Это он год назад зарубил проект «Золото», представленный наверх Имперским Союзом промышленности и финансов... Тогда казалось, что Странник вот-вот слетит, потому что проект вызвал восторг у самого Канцлера, но Странник ему как-то доказал, что все выгоды проекта — сугубо временные, а через десять лет начнётся повальная эпидемия сумасшествия и полная разруха... Он всё время как-то ухитрялся им доказывать; никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог. И, в общем-то, понятно почему. Он никогда ничего не боялся. Да, он долго сидел у себя в кабинете, но в конце концов понял свою истинную цену. Понял, что он нужен всем нам, кто бы мы ни были и как бы ни дрались между собой. Потому что только он может создать защиту, только он может избавить нас от мучений... А сопляки в белых халатах рисуют на него карикатурочки...

Референт распахнул перед прокурором очередную дверь, и прокурор увидел своего Мака. Мак в белом халате с шевроном на рукаве сидел на подоконнике и смотрел наружу. Если бы какой-нибудь советник юстиции позволил себе в служебное время торчать на подоконнике и считать галок, его можно было бы со спокойной совестью пустить по этапу, как явного бездельника и даже саботажника. В данном же случае, массараکش, ничего сказать было нельзя. Ты его за шиворот, а он тебе: «Позвольте! Я ставлю мысленный эксперимент! Отойдите и не мешайте!»

Великий Мак считал галок. Он мельком взглянул на вошедших, вернулся было к своему занятию, но тут же снова оглянулся и всмотрелся более пристально. «Узнал, — подумал прокурор. — Узнал, умница моя...» Он вежливо улыбнулся Маку, похлопал по плечу молоденького лаборанта, крутившего арифмометр, и, остановившись посередине комнаты, огляделся.

— Ну-с... — произнёс он в пространство между Маком и Головастиком — А здесь у нас что делается?

— Господин Сим, — сказал Головастик, краснея, подмигивая и потирая руки, — объясните господину инспектору, чем вы... кхе... гм...

— А ведь я вас знаю, — сказал великий Мак, как-то неожиданно возникая в двух шагах от прокурора. — Простите, если я не ошибаюсь, вы — государственный прокурор.

Да, иметь дело с Маком было нелегко — весь тщательно продуманный план полетел к чёрту сразу же: Мак и не подумал ничего скрывать, он ничего не боялся, ему было любопытно, он смотрел на прокурора с высоты своего огромного роста, как на некое странное экзотическое животное...

Надо было перестраиваться на ходу.

— Да, — с холодным удивлением произнёс прокурор, переставая улыбаться. — Насколько мне известно, я действительно государственный прокурор, хотя мне непонятно... — Он нахмурился и вгляделся в лицо Мака. Мак широко улыбался. — Ба-ба-ба! — воскликнул прокурор. — Ну конечно же... Мак Сим, он же Максим Каммерер! Однако, позвольте, вы же погибли. Массаракш, как вы сюда попали?

— Длинная история, — ответил Мак, махнув рукой. — Между прочим, я тоже удивлён, увидев вас здесь. Никогда не предполагал, что наши занятия интересуют Департамент юстиции...

— Ваши занятия интересуют самых неожиданных людей, — сказал прокурор. Он взял Мака под руку, отвёл его к дальнему окну и доверительным шёпотом осведомился: — Когда вы нам подарите пилюли? Настоящие пилюли, на все тридцать минут...

— А вы разве тоже?.. — спросил Мак. — Впрочем, да, естественно...

Прокурор горестно покачал головой и с тяжёлым вздохом закатил глаза.

— Наше благословение и наше проклятие, — проговорил он. — Счастье нашего государства и горе его правителей... Массаракш, я ужасно рад, что вы живы, Мак! Должен вам сказать, что дело, по которому вы проходили, было одним из немногих в моей карьере, оставивших у меня чувство досадной неудовлетворённости... Нет-нет, не пытайтесь отрицать: по букве закона вы были виновны, с этой стороны всё в порядке... Вы напали на башню, кажется, убили легионера, за это, знаете ли, по головке не гладят. Но вот по существу... Признаюсь, рука у меня дрогнула, когда я подписывал ваш приговор. Как будто я приговаривал ребёнка, не обижайтесь. В конце концов, ведь это была затея скорее наша, чем ваша, и вся ответственность...

— Я не обижаюсь, — сказал Мак. — И вы не далеки от истины: выходка с этой башней была ребяческая... Слава богу, что нас тогда не расстреляли.

— Это было всё, что я мог сделать, — сказал прокурор. — Помнится, я был очень огорчён, узнав о вашей гибели... — Он засмеялся и дружески стиснул локоть Мака. — Чертовски рад, что всё кончилось так благополучно. Чертовски рад сделать знакомство... — Он поглядел на часы. — Слушайте, Мак, а почему вы здесь? Нет-нет, я не

собираюсь вас арестовывать, это не моё дело, пусть теперь вами занимается военная комендатура. Но что вы делаете в этом институте? Разве вы химик? Да ещё... — Он показал пальцем на шеврон.

— Я — всё понемножку, — сказал Мак. — Немножко химик, немножко физик...

— Немножко подпольщик, — сказал прокурор, благодушно смеясь.

— Очень немножко, — решительно сказал Мак.

— Немножко фокусник... — сказал прокурор.

Мак внимательно посмотрел на него.

— Немножко фантазёр, — продолжал прокурор, — немножко авантюрист...

— Это уже не специальности, — возразил Мак. — Это, если угодно, просто свойства всякого порядочного учёного.

— И порядочного политика, — сказал прокурор.

— Редкостное сочетание слов, — заметил Мак.

Прокурор вопросительно посмотрел на него, потом сообразил и снова засмеялся.

— Да, — сказал он. — Политическая деятельность имеет свою специфику. Никогда не опускайтесь до политики, Мак, оставайтесь со своей химией... — Он посмотрел на часы и с досадой сказал: — Ах, проклятье, совершенно нет времени, а так хотелось бы с вами поболтать... Я смотрел ваше досье, вы — любопытнейшая личность... Но вы, вероятно, тоже сильно заняты...

— Да, — сказал умница Мак. — Хотя, конечно, не так сильно, как государственный прокурор.

— Так, — произнёс прокурор с комическим упрёком. — А ваше начальство уверяет нас, будто вы работаете днём и ночью... Я, например, не могу сказать этого о себе. У государственного прокурора случаются свободные вечера... Вы удивитесь, но у меня есть к вам масса вопросов, Мак. Признаться, я хотел побеседовать с вами ещё тогда, после процесса. Но — дела, бесконечные дела...

— Я к вашим услугам, — сказал Мак. — Тем более, что у меня тоже есть к вам вопросы.

«Ну-ну! — мысленно одёрнул его прокурор. — Не надо так откровенно, мы здесь не одни». Вслух он сказал спокойно:

— Прекрасно! Всё, что в моих силах... А теперь, прошу меня простить, бегу...

Он пожал огромную ладонь своего Мака, уже пойманного Мака, окончательно попавшегося на удочку Мака. «Он прекрасно мне подыгрывал, он несомненно хочет встретиться, и сейчас я его

подсеку...» Прокурор остановился в дверях, щёлкнул пальцами и сказал, повернувшись:

— Позвольте, Мак, а что вы делаете сегодня вечером? Я только что сообразил, что у меня сегодня свободный вечер...

— Сегодня? — сказал Мак. — Ну что же... Правда, сегодня у меня...

— Приходите вдвоём! — воскликнул прокурор. — Ещё лучше — я познакомлю вас с женой, получится прекрасный вечер... Восемь часов вас устроит? Я пришлю за вами машину. Договорились?

— Договорились.

«Договорились!» — ликуя, думал прокурор, обходя последние лаборатории отдела, улыбаясь, похлопывая и пожимая. «Договорились!» — думал он, подписывая акт в кабинете у Головастика. «Договорились, массаракш, договорились!» — кричал он про себя торжествующе по дороге домой...

Он отдал распоряжение шофёру. Он приказал референту сообщить в Департамент, что господин прокурор занят... Никого не принимать, отключить телефон и вообще убираться к дьяволу с глаз долой, но так, впрочем, чтобы всё время оставаться под рукой. Он вызвал жену, поцеловал её в шею, вскользь припомнив, что не виделись они уже дней десять, и попросил её распорядиться насчёт ужина, хорошего, лёгкого, вкусного ужина на четверых, быть за столом паинькой и приготовиться встретить очень интересного человека. И побольше вин, самых лучших и разных.

Потом он заперся в кабинете, опять выложил на стол дело в зелёной папке и принялся продумывать заново, с самого начала. Его обеспокоили только один раз: курьер из Военного департамента принёс последнюю фронтовую сводку. Фронт развалился. Кто-то надоумил хонтийцев обратить внимание на жёлтые машины, и вчера ночью они расстреляли и уничтожили атомными снарядами до девяноста пяти процентов танков-излучателей. О судьбе прорвавшейся армии сведений больше не поступало... Это был конец. Это был конец войне. Это был конец генералу Шекагу и генералу Оду. Это был конец Очкарику, Чайнику, Туче и другим, помельче. Очень возможно, что это был конец Графу. И уж, конечно, это был бы конец Умнику, если бы Умник не был умником...

Он растворил сводку в стакане с водой и пошёл ходить кругами по кабинету. Он испытывал огромное облегчение. Теперь он, по крайней мере, точно знал, когда его вызовут наверх. Сначала они покончат с Бароном и будут не меньше суток выбирать между Дергунчиком и Зубом. Затем им придётся повозиться с Очкариком и Тучей. Это ещё сутки. Ну, Чайника они прихлопнут мимоходом, а вот генерал Шекагу

один отнимет у них не меньше двух суток. А потом, и только потом... Потом у них уже больше не будет никакого «потом» ...

Он не выходил из кабинета до самого приезда гостя.

Гость произвёл самое приятное впечатление. Он был великолепен. Он был настолько великолепен, что прокурорша, женщина холодная, светская в самом страшном смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже не женщина, а старый боевой товарищ, при первом взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно — она словно знала, какую роль должен сыграть Мак в её судьбе.

— А почему вы один? — удивилась она. — Муж заказал ужин на четверых...

— Да, действительно, — подтвердил прокурор, — я понял так, что вы придёте со своей дамой. Я помню эту девушку, она из-за вас чуть не попала в беду...

— Она попала в беду, — сказал Мак спокойно. — Но об этом мы поговорим потом, с вашего разрешения. Куда прикажете идти?..

Ужинали долго, весело, много смеялись, немножко пили. Прокурор рассказывал последние сплетни. Прокурорша очень мило загибала нескромные анекдоты, а Мак в юмористических тонах описал свой полёт на бомбовозе. Хохоча над его рассказом, прокурор с ужасом думал, что бы сейчас с ним было, если бы хоть одна ракета попала в цель...

Когда всё было съедено и выпито, прокурорша извинилась и предложила мужчинам доказать, что они способны просуществовать без дамы хотя бы час. Прокурор воинственно принял этот вызов, схватил Мака под руку и повлёк его в кабинет угощать вином, которое имели возможность дегустировать всего три десятка человек в стране.

Они расположились в мягких креслах по сторонам низенького столика в самом уютном углу кабинета, пригубили драгоценное вино и посмотрели друг на друга. Мак был очень серьёзен. Умница Мак явно знал, о чём пойдёт разговор, и прокурор вдруг отказался от первоначального плана беседы, хитроумной, изматывающей, построенной на полунамёках, рассчитанной на постепенное взаимопризнание. Судьба Рады, интрига Странника, козни Творцов — всё это не имело никакого значения. Он с удивительной, доводящей до отчаяния отчётливостью осознал, что всё его мастерство в такого рода беседах окажется лишним с этим человеком. Мак либо согласится, либо откажется. Это было предельно просто, так же, как и то, что прокурор либо будет жить, либо будет раздавлен через несколько дней. У него

дрогнули пальцы, он поспешно поставил рюмку на столик и начал без всяких предисловий:

— Я знаю, Мак, что вы — подпольщик, член штаба и активный враг существующего порядка. Кроме того, вы — беглый каторжник и убийца экипажа танка специального назначения... Теперь обо мне. Я — государственный прокурор, доверенное лицо правительства, допущенное к высшим государственным тайнам, и тоже враг существующего порядка. Я предлагаю вам свергнуть Огненосных Творцов. Когда я говорю «вам», я имею в виду вас и только вас: вашей организации это не касается. Прошу понять, что вмешательство подполья может только испортить дело. Я предлагаю вам заговор, который базируется на знании самой главной государственной тайны. Я сообщу вам эту тайну. Только мы двое должны знать её. Если её узнает кто-нибудь третий, мы будем уничтожены в ближайшее же время. Имейте в виду, что подполье и штаб кишат провокаторами. Поэтому не вздумайте доверяться кому-нибудь, и в особенности близким друзьям...

Они расположились в мягких креслах по сторонам низенького столика...

Он залпом осушил свою рюмку, не почувствовав вкуса, наклонился к Маку и продолжал:

— Я знаю, где находится Центр. Вы — единственный человек, который способен этот Центр захватить. Я предлагаю вам разработанный план захвата Центра и последующих действий. Вы исполняете этот план и становитесь во главе государства. Я остаюсь при вас политическим и экономическим советником, поскольку в такого рода делах вы ни черта не смыслите. Ваша политическая программа мне в общих чертах известна. Не возражаю. Согласен уже просто потому, что ничего не может быть хуже нынешнего положения. Всё. Я закончил. Слово за вами.

Мак молчал. Он крутил в пальцах драгоценный бокал с драгоценным вином и молчал. Прокурор ждал. Он не чувствовал своего тела. Ему казалось, что его здесь нет, что он висит где-то в небесной пустоте, смотрит вниз и видит мягко освещённый уютный уголок, молчащего Мака и рядом с ним в кресле нечто мёртвое, окоченевшее, безгласное и бездыханное...

Потом Мак спросил:

— Сколько у меня шансов остаться в живых при захвате Центра?

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал прокурор. Вернее, это ему почудилось, что он сказал, потому что Мак сдвинул брови и снова уже громче повторил свой вопрос.

— Пятьдесят на пятьдесят, — хрипло сказал прокурор. — Может быть, даже больше. Не знаю.

Мак снова долго молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Где находится Центр?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Около полудня раздался телефонный звонок. Максим взял наушник. Голос прокурора сказал:

— Прошу господина Сима.

— Я вас слушаю, — отозвался Максим. — Здравствуйте.

Он сразу почувствовал, что случилось неладное.

— Он приехал, — сказал прокурор. — Начинайте немедленно. Это возможно?

— Да, — сказал Максим сквозь зубы. — Но вы мне кое-что обещали...

— Я ничего не успел, — сказал прокурор. В голосе его прорвалась паническая нотка. — И теперь уже не успеть. Начинайте немедленно, нельзя ждать ни минуты! Вы слышите, Мак?

— Хорошо, — сказал Максим. — У вас всё?

— Он едет к вам. Он будет у вас через тридцать — сорок минут.

— Понял. Теперь всё?

— Всё. Давайте, Мак, давайте. С богом!

Максим бросил наушник и несколько секунд посидел, соображая. «Массаракш, всё летит кувырком... Впрочем, подумать я ещё успею...» Он снова схватил наушник.

— Профессора Аллу Зефа.

— Да! — рявкнул Зеф.

— Это Мак...

— Массаракш, я же просил не приставать ко мне сегодня...

— Заткнись и слушай. Немедленно спускайся в холл и жди меня...

— Массаракш, я занят!

Максим скрипнул зубами и покосился на лаборанта. Лаборант прилежно считал на арифмометре.

— Зеф, — сказал Максим, — немедленно спускайся в холл. Тебе понятно? Немедленно! — Он отключился и набрал номер Вепря. Ему повезло: Вепрь оказался дома. — Это Мак. Выходите на улицу и ждите меня, есть срочное дело.

— Хорошо, — сказал Вепрь. — Иду.

Бросив наушник, Максим полез в стол, вытащил первую попавшуюся папку и перелистал бумаги, лихорадочно соображая, всё ли

готово. «Машина в гараже, бомба в багажнике, горючего полный бак... Оружия нет, и чёрт с ним, не надо оружия... Документы в кармане. Вепрь ждёт... Это я молодец, хорошо придумал про Вепря... Правда, он может отказаться... Нет, вряд ли он откажется, я бы не отказался... Всё... Кажется, всё...» Он сказал лаборанту:

— Меня вызывают, скажи, что я в Департаменте строительства. Буду через час-два. Пока.

Он взял папку под мышку, вышел из лаборатории и сбежал по лестнице. Зеф уже расхаживал по холлу. Увидев Максима, он остановился, заложил руки за спину и набычился.

— Какого дьявола, массаракш... — начал он ещё издали.

Максим, не задерживаясь, схватил его под руку и потащил к выходу.

— Что за дьявольщина? — бормотал Зеф, упираясь. — Куда? Зачем?..

Максим вытолкнул его за дверь и по асфальтовой дорожке поволол за угол к гаражам. Вокруг было пусто, только на газоне вдалеке прерывисто стрекотала травокосилка.

— Да куда ты меня, в конце концов, тащишь? — заорал Зеф.

— Молчи, — сказал Максим. — Слушай. Собери немедленно всех наших. Всех, кого поймаешь... К чёрту вопросы! Слушай! Всех, кого поймаешь. С оружием. Напротив ворот есть павильон, знаешь?.. Засядьте там. Ждите. Примерно через тридцать минут... Ты меня слушаешь, Зеф?

— Ну? — спросил Зеф нетерпеливо.

— Примерно через тридцать минут к воротам подъедет Странник...

— Он приехал?

— Не перебивай. Примерно через тридцать минут к воротам, может быть, подъедет Странник. Если не подъедет — хорошо. Просто сидите и ждите меня. А если подъедет — расстреляйте его.

— Ты что, свихнулся? — сказал Зеф, останавливаясь. Максим пошёл дальше, а Зеф с проклятиями побежал следом: — Нас же всех перебьют, массаракш! Охрана!.. Шпики вокруг!..

— Сделайте всё, что сможете, — сказал Максим. — Странника надо застрелить...

Они подошли к гаражу. Максим навалился на засов и откатил дверь.

— Какая-то безумная затея... — сказал Зеф. — Зачем? Почему Странника? Вполне приличный дядька, его все здесь любят...

— Как хочешь, — холодно сказал Максим. Он открыл багажник, ощупал сквозь промасленную бумагу запал с часовым механизмом и снова захлопнул крышку. — Я ничего не могу тебе сейчас рассказать. Но у нас есть шанс. Единственный... — Он сел за руль и вставил ключ в зажигание. — И ещё имей в виду: если вы не прикончите этого приличного дядьку, он прикончит меня. У тебя очень мало времени. Действуй, Зеф.

Он включил двигатель и задом медленно выехал из гаража.

Зеф стоял в дверях. Первый раз в жизни Максим видел такого Зефа — испуганного, ошеломлённого, растерявшегося. «Прощай, Зеф», — сказал он про себя на всякий случай.

Машина подкатила к воротам. Легионер с каменным лицом неторопливо записал номер, открыл багажник, заглянул, закрыл багажник, вернулся к Максиму и строго спросил:

— Что вывозите?

— Рефрактометр, — сказал Максим, протягивая пропуск и разрешение на вывоз.

— «Рефрактометр РЛ-7, инвентарный номер...» — пробормотал легионер. — Сейчас я запишу...

Он неторопливо полез в карман за блокнотом.

— побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь, — сказал Максим.

— Кто подписывал разрешение?

— Не знаю... Наверное, Головастик.

— Не знаете... Расписывался бы разборчиво, всё было бы в порядке...

Он наконец отворил ворота. Максим выкатил на трассу и выжал из своей тележки всё, что было можно. «Если ничего не выйдет, — подумал он, — и я останусь жив, придётся удирать... Проклятый Странник, почуял, чёртов сын, вернулся... А что я буду делать, если выйдет? Ничего не готово, схемы Дворца нет — не успел Умник, и фотографии Творцов он тоже не достал... Ребята не готовы, плана действий никакого нет... проклятый Странник! Если бы не он, у меня было бы ещё три дня на разработку плана... и армия... и штаб, массаракш! Вот кто сразу оживится! Вот с кого надо начинать. Ну, это дело Вепря, он будет рад этим заняться, он в этом разбирается. И ещё маячат где-то белые субмарины... Массаракш, ведь ещё война! Да, война, кажется, кончилась. Впрочем, кто знает, что они ещё там готовят...» Максим свернул с центральной улицы в узкий проулок между двумя гигантскими небоскрёбами розового камня и по булыжной мостовой подкатил к ветхому, почерневшему домику. Вепрь уже ждал, покуривая сигарету, прислонившись спиной к фонарному столбу. Когда машина

остановилась, он бросил окурок и, протиснувшись через маленькую дверцу, сел рядом с Максимом. Он был спокоен и холоден, как всегда.

— Здравствуйте, Мак, — сказал он. — Что случилось?

Максим развернул машину и снова выехал на главную улицу.

— Что такое термическая бомба, знаете? — спросил он.

— Слышал, — ответил Вепрь.

— Хорошо. С синхронными запалами имели когда-нибудь дело?

— Вчера, например, — сказал Вепрь.

— Отлично.

Некоторое время они ехали молча. Здесь было большое движение, и Максим отключился, сосредоточившись на том, чтобы прорваться, пробиться, протиснуться между огромными грузовиками и старыми облезлыми автобусами, и никого не задеть, и не дать никому задеть себя, и попасть под зелёный свет, а потом снова попасть под зелёный свет, не теряя хотя бы ту жалкую скорость, которую они имели, и наконец их автомобиль вырвался на Лесное шоссе, на знакомую автостраду, обсаженную огромными деревьями.

«Забавно, — подумал вдруг Максим. — По этой самой дороге я въезжал в этот мир, вернее, меня ввозил бедняга Фанк, а я ничего не соображал и думал, что он специалист по пришельцам. А теперь по этой же дороге я, возможно, выезжаю из этого мира и из мира вообще, да ещё увожу с собой хорошего человека...» Он покосился на Вепря. Лицо Вепря было совершенно спокойно: он сидел, выставив локоть протеза в окно, и ждал, когда ему объяснят. Может быть, он удивлялся, может быть, волновался, но это не было заметно, и Максим почувствовал гордость, что такой человек доверяет ему и полагается на него без оглядки.

— Я вам очень благодарен, Вепрь, — сказал он.

— Вот как? — произнёс Вепрь, повернув к нему сухое желтоватое лицо.

— Помните, однажды на заседании штаба вы отозвали меня в сторону и дали мне несколько разумных советов?

— Помню.

— Так вот, я вам за это благодарен. Я вас послушался.

— Да, я заметил. Вы меня этим даже несколько разочаровали.

— Вы были правы тогда, — сказал Максим. — Я послушался ваших советов, и в результате дело повернулось так, что мне предоставляется возможность проникнуть в Центр.

Вепрь дёрнулся.

— Сейчас? — быстро спросил он.

— Да. Приходится спешить, я ничего не успел приготовить. Меня могут убить, и тогда всё будет напрасно. Поэтому я взял с собой вас.

— Говорите.

— Я войду в здание, вы останетесь в машине. Через некоторое время поднимется тревога, может быть, начнётся стрельба. Это не должно вас касаться. Вы продолжаете сидеть в машине и ждать. Вы ждёте... — Максим подумал, прикидывая. — Вы ждёте двадцать минут. Если в течение этого времени вы получите лучевой удар, значит, всё обошлось. Можете падать в обморок со счастливой улыбкой на лице... Если нет — выходите из машины. В багажнике лежит бомба с синхронным запалом на десять минут. Выгрузите бомбу на мостовую, включите запал и уезжайте. Будет паника. Очень большая паника. Постарайтесь выжать из неё всё, что только можно.

Некоторое время Вепрь размышлял.

— Вы не разрешите мне позвонить кое-куда? — спросил он.

— Нет, — сказал Максим.

— Видите ли, — сказал Вепрь, — если вас не убьют, то, насколько я понимаю, вам наверняка понадобятся люди, готовые к бою. Если вас убьют, люди понадобятся мне. Вы ведь для этого меня и взяли, на случай если вас убьют... Но один я смогу только начать, а времени будет мало, и людей надо предупредить заранее. Вот я и хочу их предупредить.

— Штаб? — спросил Максим неприязненно.

— Ни в коем случае. У меня есть своя группа.

Максим молчал. Впереди уже поднималось серое пятиэтажное здание с каменной стеной вдоль фронтона. То самое. Где-то там бродила по коридорам Рыба, орал и плевался разгневанный Бегемот. И там был Центр. Круг замыкался.

— Ладно, — сказал Максим. — У входа есть телефон-автомат. Когда я войду внутрь — но не раньше, — можете выйти из машины и позвонить.

— Хорошо, — сказал Вепрь.

Они уже подъезжали к повороту с автострады. Почему-то Максим вспомнил Раду и представил себе, что с нею станется, если он не вернётся. Плохо ей будет. А может быть, и ничего. Может быть, наоборот, её выпустят... «Всё равно — одна. Гая нет, меня нет... Бедная девочка...»

— У вас есть семья? — спросил он Вепря.

— Да. Жена.

Максим покусал губу.

— Извините, что так неловко получилось, — пробормотал он.

— Ничего, — спокойно сказал Вепрь. — Я попрощался. Я всегда прощаюсь, когда ухожу из дому... Вот это, значит, и есть Центр? Кто бы мог подумать...

Максим остановился на стоянке, втиснувшись между ветхой малолитражкой и роскошным правительственным лимузином.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — Пожелайте мне удачи, Вепрь.

— От всей души... — сказал Вепрь. Голос его осёкся, и он закашлялся. — Всё-таки я дожил до этого дня, — пробормотал он.

Максим положил щёку на руль.

— Хорошо бы этот день пережить... — сказал он. — Хорошо бы увидеть вечер...

Вепрь посмотрел на него с тревогой.

— Неохота идти, — объяснил Максим. — Ох, неохота... Кстати, Вепрь, имейте в виду и расскажите своим друзьям. Вы живёте не на внутренней поверхности шара. Вы живёте на внешней поверхности шара. И таких шаров ещё множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых — гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее. Не верите? Ну и чёрт с вами. Я пошёл.

Он распахнул дверцу и вылез наружу. Он прошёл по асфальтированной стоянке и стал подниматься по каменной лестнице, ступенька за ступенькой, нащупывая в кармане входной пропуск, который сделал для него прокурор, и внутренний пропуск, который где-то украл для него прокурор, и простую розовую картонку, изображающую пропуск, который прокурор так и не сумел ни сделать, ни украсть для него. Было жарко, небо блестело, как алюминий, непроницаемое небо обитаемого острова. Каменные ступени жгли сквозь подмётки, а может быть, это только казалось. Всё было глупо. Вся затея была бездарной. «На кой чёрт всё это делать, если подготовиться толком не успели... А вдруг там сидит не один офицер, а два? Или даже три офицера сидят в этой комнатке и ждут меня с автоматами наготове?.. Ротмистр Чачу стрелял из пистолета, калибр тот же, только пуль будет больше, и я уже не тот, что прежде, он уже основательно укатал меня, мой обитаемый остров. И уползти на этот раз не дадут... Я — дурак. Был дурак и дураком остался. Купил меня господин прокурор, поймал на удочку... Но как он мне поверил? Уму непостижимо... Хорошо бы сейчас удрать в горы, подышать чистым горным воздухом. Так мне и не довелось побывать в здешних горах... Очень люблю горы... Такой умный, недоверчивый человек — и доверил мне такую драгоценность! Величайшее сокровище этого мира! Это гнусное, отвратительное, подлое сокровище... Будь оно проклято, массаракш, и ещё раз массаракш, и ещё тридцать три раза массаракш!»

Он открыл стеклянную дверь и протянул легионеру входной пропуск. Потом он пересёк вестибюль — мимо девицы в очках, которая всё ставила штампы, мимо администратора в каскетке, который всё ругался с кем-то по телефону, — и у входа в коридор показал другому легионеру внутренний пропуск. Легионер кивнул ему — они были уже, можно сказать, знакомы, последние три дня Максим приходил сюда ежедневно.

Дальше.

Он прошёл по длинному, без дверей, коридору и свернул налево. Здесь он был всего второй раз. Первый раз — позавчера, по ошибке («Вам, собственно, куда нужно, сударь?» — «Мне, собственно, нужно в шестнадцатую комнату, капрал». — «Вы ошиблись, сударь. Вам — в следующий коридор». — «Извините, капрал, виноват. Действительно...»).

Он подал капралу внутренний пропуск и покосился на двух здоровенных легионеров с автоматами, неподвижно стоящих по сторонам двери напротив. Потом взглянул на дверь, в которую ему предстояло войти. «Отдел специальных перевозок». Капрал внимательно рассматривал пропуск, потом, всё ещё продолжая рассматривать, нажал какую-то кнопку в стене — за дверью зазвенел звонок. «Теперь он там приготовился, офицер, который сидит рядом с зелёной портьерой. Или два офицера приготовились. Или, может быть, даже три офицера... Они ждут, когда я войду. И если я испугаюсь их и выскочу обратно, меня встретит капрал и встретят легионеры, охраняющие дверь без таблички, за которой, должно быть, полным-полно солдат».

Капрал вернул пропуск и сказал:

— Прошу. Приготовьте документы.

Максим, доставая розовую картонку, раскрыл дверь и шагнул в комнату.

Массаракш.

Так и есть.

Не одна комната. Три. Анфиладой. И в конце — зелёная портьера. И ковровая дорожка из-под ног до самой портьеры. По крайней мере, тридцать метров.

И не два офицера. Даже не три. Шестеро.

Двое в армейском сером — в первой комнате. Уже навели автоматы.

Двое в жандармском чёрном — во второй комнате. Ещё не навели, но тоже готовы.

Двое в штатском — по сторонам зелёной портьеры в третьей комнате.

Один повернул голову...

Ну, Мак!

Он рванулся вперёд. Получилось что-то вроде тройного прыжка с места. Он ещё успел подумать: не порвать бы сухожилия.

Туго ударил в лицо воздух.

Зелёная портьера.

Штатский слева смотрит в сторону, шея открыта. Ребром ладони.

Штатский справа, вероятно, мигает. Веки неподвижно полуопущены. Сверху по темени — и в лифт.

В лифте темно. Где кнопка? Массаракш, где кнопка?

Медленно и гулко застучал автомат, и сразу — второй. Ну что ж, отличная реакция. Ду-ут... ду-ут... ду-ут...

Но это пока ещё в дверь, в то место, где они меня видели. Они ещё не поняли, что произошло. Это просто рефлекс.

Кнопка!

Поперёк портьеры косо, сверху вниз, медленно движется тень — падает кто-то из штатских.

Массаракш, вот она, на самом видном месте...

Он нажал кнопку, и кабина пошла вниз. Лифт был скоростной, кабина ползла довольно быстро. Заболела толчковая нога. «Неужели всё-таки растянул?.. Впрочем, теперь это неважно... Массаракш, да ведь я уже прорвался!»

Кабина остановилась, Максим выскочил, и сейчас же в шахте загрохотало, зазвенело, полетели щепки. Сверху в три ствола били по

крыше кабины. «Ладно, ладно, бейте... Сейчас они сообразят, что не стрелять надо, а поднять лифт обратно и спуститься самим... Проморгали, растерялись...

Он огляделся. Массаракш, опять не то... Не один вход, а три. Три совершенно одинаковых тоннеля... Ага, это просто сменные генераторы. Один работает, два на профилактике... Какой же сейчас работает? Так. Кажется, вот этот...

Он бросился в средний тоннель. За спиной зарычал лифт. «Нет-нет, уже поздно... Не те скорости, не успеете... хотя тоннель, надо сказать, длинный, и нога болит... Ну, вот и поворот, теперь вы меня вообще не достанете...» Он добежал до генераторов, басовито урчащих под стальной плитой, остановился и несколько секунд отдышал, опустив руки. «Так, три четверти дела сделано, даже семь восьмых... Осталась чепуха, одна вторая одной тридцать четвёртой... Сейчас они спустятся в лифте, сунутся в тоннель; они наверняка ни черта не знают, депрессионное излучение погонит их обратно... Что ещё может случиться? Швырнут по коридору газовую гранату. Вряд ли, откуда она у них... Вот тревогу они уже, наверное, подняли. Творцы могли бы, конечно, выключить депрессионный барьер... Ох, не решатся они, не решатся и не успеют, потому что им же надо собраться впятером, с пятью ключами, договориться, сообразить, не проделка ли это одного из них, не провокация ли это... Ну в самом деле, кто в целом мире может прорваться сюда через лучевой барьер? Странник, если он тайно изобрёл защиту? Его задержали бы шестеро с автоматами... А больше некому... И вот, пока они будут ругаться, выяснять, соображать, я закончу дело...»

В тоннеле за углом ударили в темноту автоматы. «Разрешается. Не возражаю...» Он наклонился над распределяющим устройством, осторожно снял кожух и зашвырнул в угол. «М-да, крайне примитивная штука. Хорошо, что я сообразил подчитать кое-что по здешней электронике...» Он запустил пальцы в схему... «А если бы не сообразил? А если бы Странник приехал позавчера? Н-да, господа мои... Массаракш, как током бьётся!.. Да, господа мои, оказался бы я в положении эмбриомеханика, которому надо срочно разобраться... даже не знаю в чём... В паровом котле? Разобрался бы эмбриомеханик... В верблюжьей упряжи?... Да, в верблюжьей упряжи! А? Ну как, эмбриомеханик, разобрался бы? Вряд ли... Массаракш, да что у них здесь всё без изоляции?... Ага, вот ты где... Ну, с богом, как говорит господин государственный прокурор!»

Он сел прямо на пол перед распределителем и тыльной стороной руки вытер лоб. Дело было сделано. Огромной силы удар

депрессивного поля обрушился на всю страну — от Заречья до хонтийской границы, от океана до Алебастрового хребта.

Автоматы за углом перестали стрелять. Господа офицеры были в депрессии. Сейчас я посмотрю, что это такое: господа офицеры в депрессии.

Господин прокурор впервые в жизни обрадовался лучевому удару. Не желаю смотреть на этого типа. Огненосные Творцы, так и не успев разобраться и сообразить, корчатся от боли, откинув копыта, как говаривал ротмистр Чачу. Ротмистр Чачу, кстати, тоже в глубокой депрессии, и мысль об этом меня восхищает.

Зеф с ребятами тоже лежат, откинув копыта. Простите, ребята, но так надо.

Странник! Как это здорово: страшный Странник тоже лежит, откинув копыта, расстелив по полу свои огромные уши — самые огромные уши во всей стране. Впрочем, может быть, его уже пристрелили. Это было бы ещё лучше.

Рада, моя маленькая бедная Рада, лежит в депрессии... Ничего, девочка, это, наверное, не больно и вообще скоро кончится...

Вепрь...

Он вскочил. Сколько прошло времени? Он рванулся назад по тоннелю. Вепрь тоже лежит, откинув копыта, но если он услышал стрельбу, у него могли не выдержать нервы... Это, конечно, в высшей степени сомнительно — нервы у Вепря, но кто знает!..

Он подбежал к лифту, на секунду задержавшись взглянуть на господ офицеров в депрессии. Зрелище было тяжёлое: все трое плакали, побросав автоматы; у них не было даже сил утереть слёзы. «Ладно, поплачьте, это полезно, поплачьте над моим Гаем, поплачьте над Птицей... над Гэлом... над моим Лесником... Надо полагать, вы не плакали с детства, и, уж во всяком случае, вы не плакали над теми, кого убивали. Так поплачьте хоть перед смертью...»

Лифт стремглав вынес его на поверхность. Анфилада комнат была полна народа: офицеры, солдаты, капралы, армейцы, legionеры, штатские, все при оружии, все лежат, сидят пригорюнясь, некоторые плачут в голос, один бормочет, трясёт головой и стучит себя в грудь кулаком... А этот вот застрелился... Массаракш, страшная штука — Чёрное Излучение, недаром Творцы приберегали его про чёрный день...

Он выбежал в вестибюль, перепрыгивая через бессильно шевелившихся людей, чуть не кубарем скатился по каменным ступенькам и остановился перед своим автомобилем, с облегчением переводя дух.

Нервы у Вепря выдержали. Вепрь полулежал на переднем сиденье с закрытыми глазами.

Максим вытащил из багажника бомбу, освободил её от промасленной бумаги, осторожно взял под мышку и, не торопясь, вернулся к лифту. Он тщательно осмотрел запал, включил часовой механизм, уложил бомбу в кабину и нажал кнопку. Кабина провалилась, унося в преисподнюю огненное озеро, которое выльется на свободу через десять минут. Точнее, через девять минут с секундами...

В автомобиле он осторожно посадил Вепря более или менее прямо, сел за руль и вывел машину со стоянки. Серое здание нависало над ним, тяжёлое, нелепое, обречённое, битком набитое обречёнными людьми, не способными ни передвигаться, ни понимать, что происходит.

Это было гнездо, жуткое змеиное гнездо, набитое отборнейшей дрянью, специально, заботливо отобранной дрянью, — эта дрянь собрана здесь специально для того, чтобы превращать в дрянь всех, до кого достаёт гнусная ворожба излучения башен. Все они там враги, и каждый ни на секунду не задумался бы изрешетить пулями, предать, распять меня, Вепря, Зефа, Раду, всех моих друзей и любимых... И всё же хорошо, что я вспомнил об этом только сейчас. Раньше такая мысль мне бы помешала. Я бы сразу вспомнил Рыбу... Единственный человек в обречённом змеином гнезде, да и то — Рыба... А что — Рыба? — подумал он. — Что я о ней, в конце концов, знаю? Что она учила меня говорить? И убирала за мной постель?.. Ну-ка, оставь Рыбу в покое, ты отлично понимаешь, что дело не только в Рыбе. Дело в том, что с сегодняшнего дня ты выходишь драться всерьёз, насмерть, как все здесь дерутся, и драться тебе придётся с дурачьём — со злобным дурачьём, которое оболванено излучением; с хитрым, невежественным, жадным дурачьём, которое направляло это излучение; с благоустраемленным дурачьём, которое радо было бы с помощью излучения превратить кукол злобных, осатаневших, в кукол умилённых, квазидобрых... И все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твоё дело... Колдун сказал: пусть совесть не мешает мыслить ясно и пусть разум научится при необходимости заглушать совесть. Правильно, — подумал он. — Горькая правильность, страшная правильность... То, что я сейчас сделал, здесь называется подвигом. И Вепрь дожил до этого дня. И в этот день верили, как в добрую сказку, Лесник, Птица, Зелёный, и Гэл Кетшеф, и мой Гай, и ещё десятки, и сотни, и тысячи людей, которых я никогда не видел... И всё-таки мне нехорошо. И если я хочу, чтобы в дальнейшем мне доверяли и шли за мной, я никогда и никому не должен рассказывать, что главный мой

подвиг я совершил не тогда, когда скакал и бегал под пулями, а вот сейчас, когда ещё есть время пойти и разрядить бомбу, а я гоню и гоню машину прочь от проклятого места...

Он гнал по прямой автостраде, там, где полгода назад Фанк вёз его на своём роскошном лимузине в обгон бесконечной колонны броневиков, мчал, чтобы передать из рук в руки Страннику... И теперь понятно зачем... Неужели он уже тогда знал, что я нейтрален к излучению, что я ничего не понимаю и мною можно вертеть как угодно? Значит, знал Странник, знал, проклятый! И значит, это действительно дьявол, самый страшный человек в стране и, может быть, на планете. «Он знает всё», — сказал государственный прокурор, боязливо оглядываясь через плечо... Нет, не всё. Ты обставил Странника, Мак. Ты выиграл у дьявола. И теперь надо его добить, пока не поздно, пока он ещё не очухался, а может быть, его уже добились — прямо у ворот его собственного логова... Ох, не верю, не верю, не по плечу это ребятам, у Волдыря было двадцать четыре родственника с пулемётами... Массаракш! Я не успел даже сообщить Генералу на каторгу, чтобы он был готов поднять политических и гнать их эшелонам сюда. Но что бы там ни случилось, со Странником я должен покончить. Суметь покончить со Странником и суметь продержаться несколько часов, пока армию и Легион не свалит лучевое голодание. Никто ведь из них не знает о лучевом голодании, даже Странник, наверное, не знает, откуда ему знать, ведь во всей стране только я вывозил бедного Гая за пределы лучевого поля...

На шоссе было полно машин. Все они стояли кое-как — поперёк, наискосок, завалившись в кюветы. Раздавленные депрессией водители и пассажиры сидели, пригорюнясь, на подножках, бессильно свисали с сидений, валялись у обочин. Всё это мешало, всё время приходилось притормаживать, огибать, объезжать, и Максим не сразу заметил, что навстречу ему, со стороны города, тоже огибая и объезжая, но, почти не притормаживая, движется плоский ярко-жёлтый правительственный автомобиль.

Они встретились на сравнительно свободном участке шоссе и прыснули друг мимо друга, едва не столкнувшись, и Максим успел заметить голый череп, круглые зелёные глаза и огромные оттопыренные уши и весь поджался, потому что всё снова шло кувырком... «Странник! Массаракш! Вся страна валяется в депрессии, все выродки валяются в обмороке, а этот гад, этот дьявол опять как-то вывернулся! Значит, он всё-таки придумал свою защиту... И оружия нет... — Максим посмотрел в зеркальце: длинная жёлтая машина разворачивалась. — Ну что ж, придётся обойтись без оружия. Уж с этим-

то совесть меня мучить не будет... — Максим нажал на акселератор. — Скорость, скорость... Ну, милая, ещё...» Жёлтый плоский капот надвигался, рос, уже видны над рулём зелёные пристальные глаза...

Ну, Мак!

Максим растопырился, упёрся, одной рукой загородил Вепря и изо всех сил надавил на тормоз.

В раздирающем вое и визге тормозов жёлтый капот со скрежетом и хрустом вломился ему в багажник и, сминаясь гармошкой, встал дыбом. Посыпались стёкла. Максим ногой вышиб дверь и вывалился наружу. Больно было ужасно, боль была в пятке, в разбитом колене, в ободранной руке, но он забыл о ней через мгновение, потому что Странник уже стоял перед ним. Это было невозможно, но это было. Дьявол, дьявол — длинный, сухой, грозный, с отведённой для удара рукой...

Максим бросился на него, вложив в этот бросок всё, что у него ещё оставалось. Мимо! И страшный удар в затылок... Мир накренился, чуть не упал, но не упал всё-таки, а Странник снова перед глазами, снова голый череп, пристальные зелёные глаза и рука, отведённая для удара... «Стоп, остановись, он промахнётся... Ага!.. Куда это он смотрит?.. Ну, нас на это не купишь...» Странник с застывшим лицом уставился поверх головы Максима, и Максим бросился снова и на этот раз попал. Длинный чёрный человек согнулся пополам и медленно повалился на асфальт. Тогда Максим перевёл дух и обернулся.

Серый куб Центра был прекрасно виден отсюда, и он больше не был кубом. Он плющился на глазах, стекал и проваливался внутрь себя; над ним поднимался дрожащий знойный воздух, и пар, и дым, и что-то ослепительно белое, жаркое даже здесь, страшно и весело выглядывало сквозь длинные вертикальные трещины и оконные дыры... Ладно, там всё в порядке... Максим с торжеством повернулся к Страннику. Дьявол лежал на боку, обхватив живот длинными руками, глаза его были закрыты. Максим осторожно придвинулся. Из покорёженной малолитражки высунулся Вепрь. Он возился и ёрзал, пытаясь выбраться наружу. Максим остановился рядом со Странником и наклонился, примериваясь, как ударить, чтобы покончить сразу. Массаракш, проклятая рука не поднималась на лежащего... И тут Странник приоткрыл глаза и сипло произнёс:

— Dummkopf! Rotznase!

Максим не сразу его понял, а когда понял, у него подкосились ноги.

Дурак...

Сопляк...

Дурак...

Сопляк...

Потом из серой гулкой пустоты ясно и отчётливо донёлся голос Вепря:

— Отойдите-ка, Мак, у меня пистолет.

Максим, не глядя, поймал его за руку.

Странник с трудом сел, всё ещё держась за живот.

— М-мальчишка... — прошипел он с трудом. — Не стойте столбом... ищите машину, живо, живо... Да не стойте же, поворачивайтесь!

Максим тупо огляделся. Шоссе оживало. Центра больше не было — он превратился в лужу расплавленного металла, в пар, в смрад; башни больше не работали, куклы перестали быть куклами. Ошеломлённые люди, приходя в себя, хмуро озирались, топтались возле своих машин, пытаясь сообразить, что с ними произошло, как они сюда попали, зачем они здесь и что делать дальше.

— Кто вы такой? — спросил Вепрь.

— Не ваше дело, — сказал Странник по-немецки. Ему было больно, он кряхтел и задыхался.

— Не понимаю, — сказал Вепрь, приподнимая ствол пистолета.

— Каммерер... — позвал Странник. — Заткните глотку своему террористу... и ищите машину...

— Какую машину?.. — сказал Максим тупо и беспомощно.

— Массаракш... — прокряхтел Странник. Он кое-как поднялся, всё ещё сутулясь, прижимая ладонь к животу; неверными шагами подошёл к Максиму автомобильчику и пролез внутрь. — Садитесь... быстро! — сказал он уже из-за руля. Потом он оглянулся через плечо на окрашенный пламенем столб дыма. — Что вы туда подбросили? — спросил он безнадежно.

— Термическую бомбу.

— В подвал или в вестибюль?

— В подвал, — сказал Максим.

Странник застонал, посидел немного, откинув голову, потом включил двигатель. Машина затряслась и задрезбезжала.

— Да садитесь же вы наконец! — заорал он.

— Кто это такой? — спросил Вепрь. — Хонтиец?

Максим помотал головой, рывком открыл заднюю заклинившуюся дверцу и сказал ему:

— Полезайте.

Сам он обошёл машину и сел рядом со Странником. Автомобиль дёрнулся, в нём что-то завизжало, треснуло, но он уже катился по

шоссе, нелепо вихляя, дребезжа незакрывающимися дверцами и громко стреляя глушителем.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил Странник.

— Погодите... — попросил Максим. — Скажите хоть, кто вы такой?

— Я — работник Галактической безопасности, — сказал Странник горько. — Я сижу здесь уже пять лет. Мы готовим спасение этой несчастной планеты. Тщательно, бережно, с учётом всех возможных последствий. Всех, понимаете?.. А вот кто вы такой? Кто вы такой, что лезете не в своё дело, путаете нам карты, взрываете, стреляете, — кто вы такой?

— Я не знал... — произнёс Максим упавшим голосом. — Откуда мне было знать?..

— Да, конечно, вы ничего не знали. Но вы же знали, что самодеятельное вмешательство запрещено, вы же работник ГСП... Должны были знать... На Земле мать по нему с ума сходит... девицы какие-то звонят непрерывно... отец работу забросил... Что вы намеревались делать дальше?

— Застрелить вас, — сказал Максим.

— Что-о-о?

Машина вильнула.

— Да, — покорно сказал Максим. — А что мне было делать? Мне сказали, что вы здесь главный негодяй, и... — Он замялся.

Странник искоса глядел на него круглым зелёным глазом.

— И в это не трудно было поверить, так?

— Да, — сказал Максим.

— Ну ладно. А дальше?

— А дальше должна начаться революция.

— Чего это ради?

— Но Центр-то ведь разрушен... излучения больше нет...

— Ну и что же?

— Теперь они сразу поймут, что их угнетают, что жизнь у них дрянная, и поднимутся...

— Куда они поднимутся? — сказал Странник печально. — Кто поднимется? Огненосные Творцы живут и здравствуют, Легион цел и невредим, армия отобилизована, в стране военное положение... На что вы рассчитывали?

Максим покусал губу. Можно было бы, конечно, изложить этому печальному чудовищу свои планы, перспективы и прочее, но что толку? Раз ничего не готово, раз всё так получилось...

— Рассчитывать они будут сами. — Он показал через плечо на Вепря. — Вот этот человек, например, пусть рассчитывает... Моё дело было — дать им возможность рассчитывать.

— Ваше дело... — пробормотал Странник. — Ваше дело было — сидеть в уголке и ждать, пока я вас поймаю...

— Да, наверное, — сказал Максим. — В следующий раз я буду иметь это в виду...

— Сегодня отправитесь на Землю, — жёстко сказал Странник.

— И не подумаю, — возразил Максим.

— Сегодня вы отправитесь на Землю! — повысив голос, повторил Странник. — На этой планете у меня хватает забот и без вас. Забирайте свою Раду и отправляйтесь...

— Рада у вас? — быстро спросил Максим.

— Да. Давно у меня. Жива и здорова, не беспокойтесь.

— За Раду — спасибо, — сказал Максим. — Большое спасибо...

Машина въехала в город. На главной улице гудела, чадила и ворочалась чудовищная пробка. Странник свернул в проулок и поехал трущобами. Тут всё было мёртво. На углах столбом, руки за спиной, лицо под боевой каской, торчали чины военной полиции. Да, здесь на события отреагировали быстро — общая тревога и все на местах. Как только очнулись от депрессии. «Может быть, не надо было сразу взрывать? Может быть, надо было действовать по плану прокурора?.. Нет, нет, массаракш! Пусть всё идёт, как идёт. Пусть он мне не выговаривает зря. Пусть они сами разберутся, что к чему, они ведь обязательно разберутся, как только у них прояснится в голове...» Странник снова вывернул на магистраль.

Вепрь деликатно похлопал его по плечу стволом пистолета.

— Будьте добры, высадите меня. Вот здесь. Вон, где люди стоят...

Возле газетного киоска, засунув руки глубоко в карманы длинных серых плащей, стояли люди — человек пять, а больше на тротуарах никого не было, — очевидно, депрессионный удар сильно напугал жителей, и они попрятались кто куда.

— А что вы намерены делать? — спросил Странник, замедляя ход.

— Дышать свежим воздухом, — ответил Вепрь. — Сегодня на редкость славная погода...

— Это наш человек, — сказал ему Максим. (Странник страшно ослабил.) — При нём можно говорить всё.

Автомобиль остановился у обочины. Люди в плащах осторожно зашли за киоск. Видно было, как они выглядывают оттуда.

— Наш? — переспросил Вепрь и поднял бровь. — Чей это — наш?

Максим в затруднении поглядел на Странника. Странник и не думал помогать ему.

— Впрочем, ладно, — сказал Вепрь. — Вам я верю. Мы сейчас займёмся штабом. Я полагаю, что начинать нужно со штаба. Вы знаете, о чём я говорю, — там есть люди, которых надо убрать, пока они не оседлали движение...

— Правильная мысль... — пробурчал вдруг Странник. — Между прочим, я вас, кажется, узнаю. Вы — Тик Феску, по кличке Вепрь. Так?

— Совершенно верно, — вежливо сказал Вепрь. Потом он сказал Максиму: — А вы займитесь Творцами. Это трудное дело, но оно как раз для вас. Где вас искать?

— Погодите, Вепрь, — сказал Максим. — Я чуть не забыл. Через несколько часов вся страна на много суток свалится от лучевого голодания. Все будут абсолютно беспомощны...

— Все? — с сомнением спросил Вепрь.

— Все, кроме выродков... Это время, эти несколько суток нужно использовать.

Вепрь подумал.

— Что ж, прекрасно, — сказал он. — Если это правда... Впрочем, мы-то будем заниматься как раз выродками. Так где же вас всё-таки искать?

Максим не успел ответить.

— По прежнему телефону, — сказал Странник. — И на прежнем месте. И вот что. Создавайте свой комитет. Восстанавливайте организацию, что была при империи. Кое-кто из ваших людей работает у меня в институте... Массаракш! — прошипел он вдруг. — Ни времени нет, ни людей нужных под руками нет... Чёрт бы вас подрал, Максим!

— Самое главное, — сказал Вепрь, положив руку Максиму на плечо, — что больше нет Центра. Вы молодец, Мак. Спасибо... — Он стиснул Максиму плечо и неловко, цепляясь протезом, полез наружу. Потом его вдруг прорвало. — Господи! — произнёс он, стоя рядом с машиной с закрытыми глазами. — Неужели его на самом деле больше нет? Это же... это...

— Закройте дверь, — сказал Странник. — Покрепче, крепче...

Автомобиль с места рванулся вперёд. Максим оглянулся. Вепрь стоял посреди кучки людей в серых плащах и что-то говорил, размахивая здоровой рукой с пистолетом. Люди стояли неподвижно. Они ещё не поняли. Или не верили.

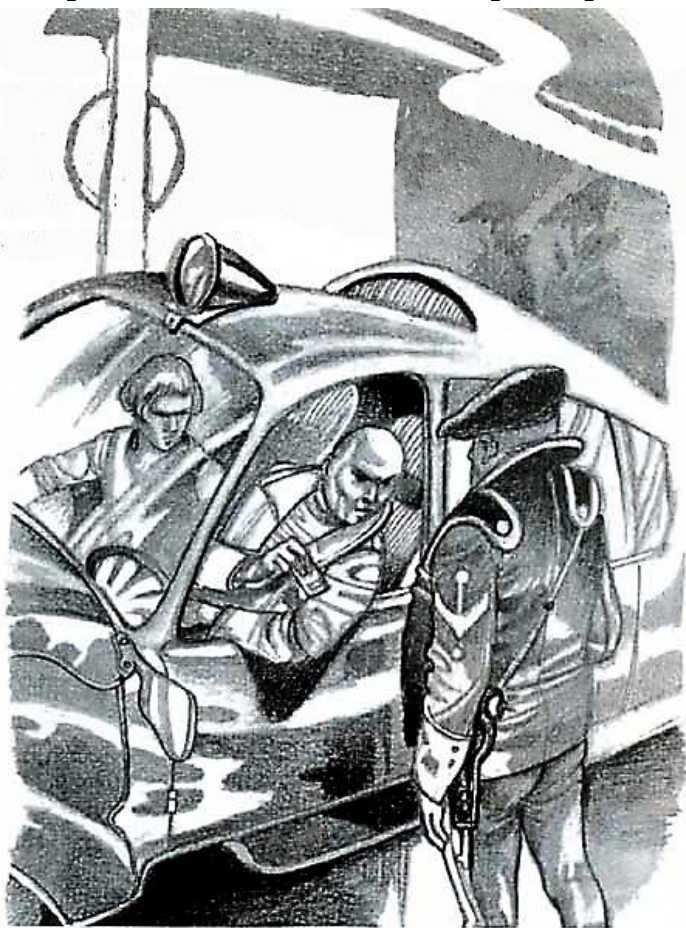
Улица была пуста. Вдоль тротуара катили навстречу бронетранспортёры с легионерами, а далеко впереди, там, где был поворот к институту, уже стояли поперёк дороги машины и перебежали фигурки в

чёрном. И вдруг в колонне бронетранспортёров объявилась до отвращения знакомая ярко-оранжевая патрульная машина с длинной телескопической антенной.

— Массаракш... — пробормотал Максим. — Я совсем забыл про эти штуки!

— Ты многое забыл, — сказал Странник. — Ты забыл про передвижные излучатели, ты забыл про Островную Империю, ты забыл про экономику... Тебе известно, что в стране инфляция? Тебе вообще известно, что такое инфляция? Тебе известно, что надвигается голод, что земля не родит? Тебе известно, что мы не успели создать здесь ни запасов хлеба, ни запасов медикаментов? Ты знаешь, что это твоё лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к сумасшествию? — Он вытер ладонью могучий залысый лоб. — Нам нужны врачи... двенадцать тысяч врачей. Нам нужны белковые синтезаторы. Нам необходимо дезактивировать сто миллионов гектаров заражённой почвы — для начала. Нам нужно остановить вырождение биосферы... Массаракш, нам нужен хотя бы один землянин на Островах, в адмиралтействе этого мерзавца... Никто не может там удержаться, никто из наших не может хотя бы вернуться и рассказать толком, что там происходит...

Максим молчал. Они подъехали к машинам, загораживающим проезд. Темнолицый коренастый офицер, странно знакомо отмахивая рукой, подошёл к ним и каркающим голосом

потребовал документы. Странник зло и нетерпеливо сунул ему под нос блестящий жетон. Офицер угрюмо откозырял и взглянул на Максима. Это был господин ротмистр... нет, теперь уже бригадир Боевого Легиона Чачу! Глаза его расширились.

— Этот человек с вами, ваше превосходительство? — спросил он.

— Да. Немедленно прикажите пропустить меня.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но этот человек...

— Немедленно пропустить! — гаркнул Странник громовым голосом.

Бригадир Чачу снова угрюмо козырнул, повернулся па каблуках и махнул солдатам. Один из грузовиков отъехал, и Странник бросил машину в открывшийся проход.

— Вот так-то, — проговорил он. — А ты думал — раз-два, и всё... Пристрелить Странника, повесить Творцов, разогнать трусов и фашистов в штабе — и конец революции...

— Я никогда так не думал, — сказал Максим. Он чувствовал себя очень несчастным, раздавленным, беспомощным, безнадежно глупым.

Странник покосился на него, грустно улыбнулся, и тут Максим вдруг увидел, что никакой это не дьявол, и никакой это не Странник, и никакое это не чудовище, — очень немолодой, очень добрый и очень уязвимый человек, угнетённый сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской холодного убийцы, ужасно огорчённый очередной помехой, поломавшей тщательно разработанный план, и особенно расстроенный тем, что помехой на этот раз оказался свой же — землянин...

— Не поспел я за тобой, — сказал он печально. — Проглядел я тебя, недооценил. Так, думал, мальчишка, жалко его, попал как кур в оцип... — Он снова усмехнулся и вздохнул. — Быстрые вы, однако, там ребята, в ГСП...

— Нет, — сказал Максим. — Вы не казните так. Я ведь не казнюсь... Простите, как вас зовут?

— Зовите меня Рудольф.

— Да... Я вот не казнюсь, Рудольф. И не собираюсь. Я собираюсь работать. Делать революцию.

— Собирайся лучше домой, — посоветовал Странник уже без всякой надежды.

— Я дома, — сказал Максим нетерпеливо. — Не будем об этом больше... Меня интересуют передвижные излучатели. Что с ними делать?

— С ними ничего не надо делать, — ответил Странник. — Подумай лучше, что делать с инфляцией...

— Я спрашиваю про излучатели, — сказал Максим.

Странник вздохнул.

— Они работают от аккумуляторов, — объяснил он. — И зарядить их можно только у меня в Департаменте. Через трое суток они сдохнут... Но вот через месяц должно начаться вторжение. Обычно нам удавалось сбивать субмарины с курса, и до побережья доходили только единицы. А на этот раз они готовят армаду... Я рассчитывал на депрессионное излучение, а теперь их придётся просто топить... — Он помолчал. — Значит, ты дома. Ну, предположим... Чем же ты конкретно намерен теперь заниматься?

Они подъезжали к Департаменту. Тяжёлые ворота были закрыты наглухо, в каменной ограде чернели амбразуры, которых раньше здесь не было. Департамент стал похож на крепость, готовую к бою. А около павильончика стояли трое, и рыжая борода Зефа горела в зелени, как экзотический цветок.

— Не знаю, — сказал Максим. — Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придётся, буду топить субмарины... Но свою главную задачу я знаю твёрдо: пока я жив, никому здесь не удастся построить ещё один Центр. Даже с самыми лучшими намерениями...

Странник промолчал. Ворота были уже совсем близко. Зеф продрался через живую изгородь и вышел на дорогу. Через плечо у него висел автомат, и было издали видно, что Зеф зол, ничего не понимает и сейчас со страшными проклятиями потребует объяснений, почему его, массаракш, оторвали от работы, задурили ему голову Странником и заставляют как мальчишку торчать среди цветочков уже второй час подряд.

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

Стояли звери
Около двери,
В них стреляли,
Они умирали.

(Стишок очень маленького мальчика.)

1 июня 78-го года

Сотрудник КОМКОНа-2 Максим Каммерер

В 13.17 Экселенц вызвал меня к себе. Глаз он на меня не поднял, так что я видел только его лысый череп, покрытый бледными старческими веснушками, – это означало высокую степень озабоченности и недовольствия. Однако не моими делами, впрочем.

– Садись.

Я сел.

– Надо найти одного человека, – сказал он и вдруг замолчал. Надолго. Собрал кожу на лбу в сердитые складки. Фыркнул. Можно было подумать, что ему не понравились собственные слова. То ли форма, то ли содержание. Экселенц обожает абсолютную точность формулировок.

– Кого именно? – спросил я, чтобы вывести его из филологического ступора.

– Льва Вячеславовича Абалкина. Прогрессора. Отбыл позавчера на Землю с Полярной станции Саракша. На Земле не зарегистрировался. Надо его найти.

Он снова замолчал и тут впервые поднял на меня свои круглые, неестественно зеленые глаза. Он был в явном затруднении, и я понял, что дело серьезное.

Прогрессор, не считавший нужным зарегистрироваться по возвращении на Землю, хотя и является, строго говоря, нарушителем порядка, но заинтересовать своей особой нашу Комиссию, да еще самого Экселенца, конечно же, никак не может. А между тем Экселенц был в столь явном затруднении, что у меня появилось ощущение, будто он вот-вот откинется на спинку кресла, вздохнет с каким-то даже облегчением и проворчит: «Ладно. Извини. Я сам этим займусь». Такие случаи бывали. Редко, но бывали.

– Есть основания предполагать, – сказал Экселенц, – что Абалкин скрывается.

Лет пятнадцать назад я бы жадно спросил: «От кого?» Однако с тех пор прошло пятнадцать лет, и времена жадных вопросов давно миновали.

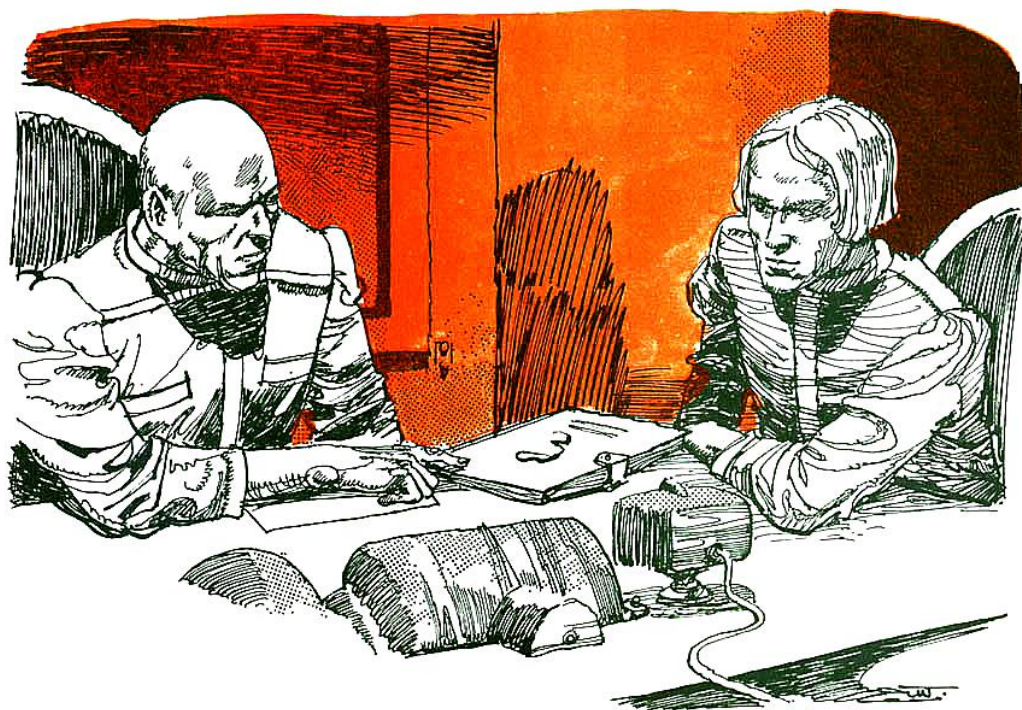
– Ты его найдешь и сообщишь мне, – продолжал Экселенц. – Никаких силовых контактов. Вообще никаких контактов. Найти, установить наблюдение и сообщить мне. Не больше и не меньше.

Я попытался отделаться солидным понимающим кивком, но он смотрел на меня так пристально, что я счел необходимым нарочито неторопливо и вдумчиво повторить приказ.

– Я должен обнаружить его, взять под наблюдение и сообщить вам. Ни в коем случае не пытаться его задержать, не попадаться ему на глаза и тем более не вступать в разговоры.

– Так, – сказал Экселенц. – Теперь следующее.

Он полез в боковой ящик стола, где всякий нормальный сотрудник держит справочную кристаллотеку, и извлек оттуда некий громоздкий предмет, название которого я поначалу вспомнил на хонтийском: «заккурапия», что в точном переводе означает – «вместилище документов». И только когда он водрузил это вместилище на стол

перед собой и сложил на нем длинные узловатые пальцы, у меня вырвалось:

– Папка для бумаг!

– Не отвлекайся, – строго сказал Экселенц. – Слушай внимательно. Никто в Комиссии не знает, что я интересуюсь этим человеком. И ни в коем случае не должен знать. Следовательно, работать ты будешь один. Никаких помощников. Всю свою группу переподчинишь Клавдию, а отчитываться будешь передо мной. Никаких исключений.

Надо признаться, это меня ошеломило. Просто такого еще никогда не было. На Земле я с таким уровнем секретности никогда еще не встречался. И, честно говоря, даже представить себе не мог, что такое возможно. Поэтому я позволил себе довольно глупый вопрос:

– Что значит – никаких исключений?

– Никаких – в данном случае означает просто «никаких». Есть еще несколько человек, которые в курсе этого дела, но поскольку ты с ними никогда не встретишься, то практически о нем знаем только мы двое. Разумеется, в ходе поисков тебе придется говорить со многими людьми. Каждый раз ты будешь пользоваться какой-нибудь легендой. О легендах изволь позаботиться сам. Без легенды будешь разговаривать только со мной.

– Да, Экселенц, – сказал я смиренно.

– Далее, – продолжал он. – Видимо, тебе придется начать с его связей. Все, что мы знаем о его связях, находится здесь. – Он постучал пальцем по папке. – Не слишком много, но есть с чего начать. Возьми.

Я принял папку. С такой я тоже на Земле еще не встречался. Корки из тусклого пластика были стянуты металлическим замком, и на верхней было вытиснено кармином: «ЛЕВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АБАЛКИН». А ниже почему-то – «07».

– Слушайте, Экселенц, – сказал я. – Почему в таком виде?

– Потому что в другом виде этих материалов нет, – холодно ответил он. – Кстати, кристаллокопирование не разрешаю. Других вопросов у тебя нет?

Разумеется, это не было приглашением задавать вопросы. Просто небольшая порция яда. На этом этапе вопросов было множество, и без предварительного ознакомления с папкой их не имело смысла задавать. Однако я все же позволил себе два.

– Сроки?

– Пять суток. Не больше.

Ни за что не успеть, подумал я.

– Могу я быть уверен, что он – на Земле?

– Можешь.

Я встал, чтобы уйти, но он еще не отпустил меня. Он смотрел на меня снизу вверх пристальными зелеными глазами, и зрачки у него сужались и расширялись, как у кота. Конечно же, он ясно видел, что я недоволен заданием, что задание представляется мне не только странным, но и, мягко выражаясь, нелепым. Однако по каким-то причинам он не мог сказать мне больше, чем уже сказал. И в то же время не хотел отпустить меня без того, чтобы не сказать хоть что-нибудь.

– Помнишь, – проговорил он, – на планете по имени Саракш некто Сикорски по прозвищу Странник гонялся за шустрым молокососом по имени Мак...

Я помнил.

– Так вот, – сказал Экселенц. – Сикорски тогда не поспел. А мы с тобой должны поспеть. Потому что планета теперь называется не Саракш, а Земля. А Лев Абалкин – не молокосос.

– Загадками изволите говорить, шеф? – сказал я, чтобы скрыть охватившее меня беспокойство.

– Иди работай, – сказал он.

1 июня 78-го года

Кое-что о Льве Абалкине, Прогрессоре

Андрей и Сандро все еще дожидались меня и были потрясены, когда я переподчинил их Клавдию. Они даже заартачились было, но беспокойство мое не проходило, я рявкнул на них, и они удалились, обиженно ворча и бросая на папку недоверчиво-встревоженные взгляды. Эти взгляды возбудили во мне новую и совершенно неожиданную заботу: где мне теперь держать это чудовищное «вместилище документов»?

Я уселся за стол, положил папку перед собой и машинально взглянул на регистратор. Семь сообщений за четверть часа, которые я провел у Экселенца. Признаюсь, не без удовольствия я переключил всю свою рабочую связь на Клавдия. Затем я занялся папкой.

Как я и ожидал, в папке не было ничего, кроме бумаги. Двести семьдесят три пронумерованных листка разного цвета, разного качества, разного формата и разной степени сохранности. Я не имел дела с бумагой добрых два десятка лет, и первым моим побуждением было засунуть всю эту грудку в транслятор, но я, разумеется, вовремя спохватился. Бумага так бумага. Пусть будет бумага.

Все листки были очень неудобно, но прочно схвачены хитроумным металлическим устройством на магнитных защелках, и я не

сразу заметил самую обыкновенную радиокарточку, подsunутую под верхний зажим. Эту радиogramму Экселенц получил сегодня, за шестнадцать минут до того, как вызвал меня к себе. Вот что в ней было:

01.06. – 13.01. СЛОН – СТРАННИКУ.

НА ВАШ ЗАПРОС О ТРИСТАНЕ ОТ 01.06. – 07.11 СООБЩАЮ: 31.05. – 19.34. ЗДЕСЬ ПОЛУЧЕНА ИНФОРМАЦИЯ КОМАНДИРА БАЗЫ САРАКШ-2. ЦИТИРУЮ: ПРОВАЛ ГУРОНА (АБАЛКИН, ШИФРОВАЛЬЩИК ШТАБА ГРУППЫ ФЛОТОВ «Ц» ОСТРОВНОЙ ИМПЕРИИ). 28.05. ТРИСТАН (ЛОФФЕНФЕЛЬД, ВЫЕЗДНОЙ ВРАЧ БАЗЫ) ВЫЛЕТЕЛ ДЛЯ РЕГУЛЯРНОГО МЕДОСМОТРА ГУРОНА. СЕГОДНЯ 29.05. – 17.13. НА ЕГО БОТЕ ПРИБЫЛ НА БАЗУ ГУРОН. ПО ЕГО СЛОВАМ, ТРИСТАН ПРИ НЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛ СХВАЧЕН И УБИТ КОНТРРАЗВЕДКОЙ ШТАБА «Ц». ПЫТАЯСЬ СПАСТИ ТЕЛО ТРИСТАНА И ДОСТАВИТЬ ЕГО НА БАЗУ, ГУРОН РАСКРЫЛ СЕБЯ. СПАСТИ ТЕЛО ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ. ПРИ ПРОРЫВЕ ГУРОН ФИЗИЧЕСКИ НЕ ПОСТРАДАЛ, НО НАХОДИТСЯ НА ГРАНИ ПСИХИЧЕСКОГО СПАЗМА. ПО ЕГО НАСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОСЬБЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ РЕЙСОВЫМ 611. ЦИТАТА ОКОНЧЕНА.

СПРАВКА: 611 ПРИБЫЛ НА ЗЕМЛЮ 30.05. – 22.32. АБАЛКИН НА СВЯЗЬ С КОМКОНОМ НЕ ВЫХОДИЛ, НА ЗЕМЛЕ К МОМЕНТУ СЕГОДНЯ 12.53 НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. НА ОСТАНОВКАХ ПО МАРШРУТУ 611 (ПАНДОРА, КУРОРТ) НА ТОТ ЖЕ МОМЕНТ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН ТАКЖЕ.

СЛОН.

Прогрессоры. Так. Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю Прогрессоров, хотя сам был, по-видимому, одним из первых Прогрессоров еще в те времена, когда это понятие употреблялось только в теоретических выкладках. Впрочем, надо сказать, что в своем отношении к Прогрессорам я не оригинален. Это не удивительно: подавляющее большинство землян органически не способно понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я их, и некогда разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико, и я его понимаю, я ведь сам был таким, пока не попал на Саракш. Я прекрасно помню это видение мира, когда любой носитель разума априорно воспринимается как существо, этически равное тебе, когда невозможна сама постановка вопроса, хуже он тебя или лучше, даже если его этика и мораль отличаются от твоей...

И тут мало теоретической подготовки, недостаточно модельного кондиционирования – надо самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и накопить не один десяток тошных воспоминаний, чтобы понять наконец, и даже не просто понять, а вплавить в мировоззрение эту некогда тривиальнейшую мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и научаешься смелости сначала действовать, а уж потом разбираться.

По-моему, в этом сама суть Прогрессора: умение решительно разделить на своих и чужих. Именно за это умение дома к ним относятся с опасливым восторгом, с восторженной опаской, а сплошь и рядом – с несколько брезгливой настороженностью. И тут ничего не поделаешь. Приходится терпеть – и нам, и им. Потому что либо Прогрессоры, либо нечего Земле соваться во внеземные дела... Впрочем, к счастью, нам в КОМКОНе-2 достаточно редко приходится иметь дело с Прогрессорами.

Я прочитал радиogramму и внимательно перечитал ее еще раз. Странно. Выходит, Экселенц интересуется главным образом неким Тристаном, он же Лоффенфельд. Ради того, чтобы узнать нечто об этом Тристане, он поднялся сегодня в несусветную рань сам и не постеснялся подняться из постели нашего Слона, который, как всем известно, ложится спать с петухами...

Еще одна странность: можно подумать, что он заранее знал, какой будет ответ. Ему понадобилось всего четверть часа, чтобы принять решение о розыске Абалкина и приготовить для меня папку с его бумагами. Можно подумать, что эта папка была у него уже под рукой...

И самое странное: конечно, Абалкин – последний человек, который видел хотя бы труп Тристана, но если Экселенцу Абалкин понадобился только как свидетель по делу Тристана, то к чему была эта зловещая притча о некоем Страннике и некоем молокососе?

О, разумеется, у меня были версии. Двадцать версий. И среди них ослепительным алмазом сверкнула, например, такая: Гурон-Абалкин перевербован имперской разведкой, он убивает Тристана-Лоффенфельда и скрывается на Земле, имея целью внедрить себя во Всемирный совет...

Я еще раз перечитал радиogramму и отложил ее в сторону. Ладно. Лист № 1. Абалкин Лев Вячеславович. Кодовый номер такой-то. Генетический код такой-то. Родился 6 октября 38-го года. Воспитание:

школа-интернат 241, Сыктывкар. Учитель: Федосеев Сергей Павлович. Образование: школа Прогрессоров № 3 (Европа). Наставник: Горн Эрнст-Юлий. Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика. Профессиональные показания: зоопсихология, теоретическая ксенология. Работа: февраль 58-го – сентябрь 58-го, дипломная практика, планета Саракш, опыт контакта с расой голованов в естественной обстановке...

Тут я остановился. Вот так так! А ведь я же его, пожалуй, помню! Правильно, это было в 58-м. Явилась целая компания – Комов, Раулингсон, Марта... и этот угрюмоватый парнишка-практикант. Экселенц (в те времена – Странник) приказал мне бросить все дела и переправить их через Голубую Змею в Крепость под видом экспедиции Департамента науки... Мосластый такой парень с очень бледным лицом и длинными прямыми черными волосами, как у американского индейца. Правильно! Они все звали его (кроме Комова, конечно) Левушкой-ревушкой, или просто Ревушкой, но не потому, разумеется, что он был плакса, а потому, что голос у него был зычный, взрывающий, как у тахорга... Тесен мир! Ладно, посмотрим, что с ним стало дальше.

Март 60-го – июль 62-го, планета Саракш, руководитель-исполнитель операции «Человек и голованы». Июль 62-го – июнь 63-го, планета Пандора, руководитель-исполнитель операции «Голован в Космосе». Июнь 63-го – сентябрь 63-го, планета Надежда, участие совместно с голованом Щекном в операции «Мертвый мир». Сентябрь 63-го – август 64-го, планета Пандора, курсы переподготовки. Август 64-го – ноябрь 66-го, планета Гиганда, первый опыт самостоятельного внедрения – младший бухгалтер службы охотничьего собаководства, псарь маршала Нагон-Гига, егермейстер герцога Алайского (см. лист № 66) ...

Я посмотрел лист № 66. Это оказался клочок бумаги, небрежно откуда-то выданный и сохранивший складки от помятостей. На нем размашистым почерком было написано: «Руди! Чтобы ты не беспокоился. Божьим попусцием на Гиганде встретились двое наших близнецов. Уверяю тебя – совершенная случайность и без последствий. Если не веришь, загляни в 07 и 11. Меры уже приняты». Неразборчивая вычурная подпись. Слово «совершенная» подчеркнуто трижды. На обороте бумажки – какой-то печатный текст арабской вязью.

Я поймал себя на том, что чешу в затылке, и вернулся к листу № 1.

Ноябрь 66-го – сентябрь 67-го, планета Пандора, курсы переподготовки. Сентябрь 67-го – декабрь 70-го, планета Саракш, внедрение

в республику Хонти – унионист-подпольщик, выход на связь с агентурой Островной Империи (первый этап операции «Штаб»). Декабрь 70-го, планета Саракш, Островная Империя – заключенный концентрационного лагеря (до марта 71-го без связи), переводчик комендатуры концентрационного лагеря, солдат строительных частей, старший солдат в Береговой Охране, переводчик штаба отряда Береговой Охраны, переводчик-шифровальщик флагмана 2-го подводного флота группы «Ц», шифровальщик штаба группы флотов «Ц». Наблюдающий врач: с 38-го по 53-й – Леканова Ядвига Михайловна; с 53-го по 60-й – Крэсеску Ромуальд; с 60-го – Лоффенфельд Курт.

Все. Больше на листе № 1 ничего не было. Впрочем, на обороте крупно, во всю страницу было изображено размытыми коричневыми полосами (словно бы гуашью) что-то вроде стилизованной буквы «Ж».

Ну что ж, Лев Абалкин, Левушка-ревушка, теперь я о тебе кое-что знаю. Теперь я уже могу начинать искать тебя. Я знаю, кто твой Учитель. Я знаю, кто твой Наставник. Я знаю твоих наблюдающих врачей... А вот чего я не знаю, так это – зачем и кому нужен этот лист № 1? Ведь если бы человеку понадобилось узнать, кто есть Лев Абалкин, он мог бы вызвать информаторий (я вызвал БВИ), набрал бы имя или кодовый номер (я набрал кодовый номер) и спустя... раз-и-два-и-три-и... четыре секунды получил бы возможность узнать все, что один человек имеет право знать о другом, постороннем ему человеке.

Пожалуйста: Абалкин Лев и так далее, кодовый номер, генетический код, родился тогда-то, родители (кстати, почему в листе № 1 не указаны родители?): Абалкина Стелла Владимировна и Цюрупа Вячеслав Борисович, школа-интернат в Сыктывкаре, Учитель, школа Прогрессоров, Наставник... Все совпадает. Так. Прогрессор, работает с 60-го: планета Саракш. Гм. Немного. Только официальные данные. По-видимому, в дальнейшем решил не утруждать себя сообщением новых сведений службе БВИ... А это что? «Адрес на Земле: не зарегистрирован».

Я набрал новый запрос: «По каким адресам регистрировался на Земле кодовый номер такой-то?» Через две секунды последовал ответ: «Последний адрес Абалкина на Земле – школа Прогрессоров № 3 (Европа)». Тоже любопытная деталь. Либо Абалкин за последние восемнадцать лет на Земле не был ни разу, либо человек он крайне нелюдимый, не регистрируется никогда и никаких сведений о себе подавать не желает. И то, и другое представить себе, конечно, можно, однако выглядит это в достаточной мере непривычно...

Как известно, в БВИ содержатся только те сведения, которые человек хочет сообщить о себе сам. А что содержится в листе № 1? Я решительно не вижу в этом листе ничего такого, что Абалкину стоило бы скрывать. Все там изложено гораздо подробнее, но ведь за такого рода подробностями никому и в голову не пришло бы обращаться в БВИ. Обратись в КОМКОН-1, и там тебе все это изложат. А чего не знают в КОМКОНе, легко выяснить, потолкавшись на Пандоре среди Прогрессоров, проходящих там рекондиционирование или просто валяющихся на Алмазном Пляже у подножия величайших в обитаемом Космосе песчаных дюн...

Ладно, господь с ним, с этим листом № 1. Хотя в скобках отметим, что мы так и не поняли, зачем он нужен вообще, да еще такой подробный... А если уж он такой подробный, то почему в нем нет ни слова о родителях?

Стоп. Это, скорее всего, меня не касается. А вот почему он, вернувшись на Землю, не зарегистрировался в КОМКОНе? Это можно объяснить: психический спазм. Отвращение к своему делу. Прогрессор на грани психического спазма возвращается на родную планету, где он не был по меньшей мере восемнадцать лет. Куда он пойдет? По-моему, к маме идти в таком состоянии непристойно. Абалкин не похож на сопляка, точнее – не должен быть похож. Учитель? Или Наставник? Это возможно. Это вполне вероятно. Поплакаться в жилетку. Это я по себе знаю. Причем скорее Учитель, чем Наставник. Ведь Наставник в каком-то смысле все-таки коллега, а у нас – отвращение к делу... Стоп. Да стоп же! Что это со мной? Я посмотрел на часы. На два документа у меня ушло тридцать четыре минуты. Причем я ведь даже пока еще не изучал их, я только ознакомился с ними.

Я заставил себя сосредоточиться и вдруг понял, что дело плохо. Я вдруг осознал, что мне совсем неинтересно думать о том, КАК найти Абалкина. Мне гораздо интереснее понять, ПОЧЕМУ его так нужно найти. Разумеется, я немедленно разозлился на Экселенца, хотя простая логика подсказывала мне, что, если бы это помогло мне в поисках, шеф непременно представил бы все необходимые объяснения. А раз он не объяснил мне, ПОЧЕМУ надо искать и найти Абалкина, значит, это ПОЧЕМУ не имеет никакого отношения к вопросу КАК.

И тут же я понял еще одну вещь. Вернее, не понял, а почувствовал. А еще точнее – заподозрил. Вся эта громоздкая папка, все это обилие бумаги, вся эта пожелтевшая писанина ничего не дадут мне, кроме, может быть, еще нескольких имен и огромного количества новых вопросов, опять-таки не имеющих никакого отношения к вопросу КАК.

1 июня 78-го года

Вкратце о содержании папки

К 14.23 я закончил опись содержимого.

Большую часть бумаг составляли документы, написанные, как я понял, рукой самого Абалкина.

Во-первых, это был его отчет об участии в операции «Мертвый мир» на планете Надежда – семьдесят шесть страниц, исписанных отчетливым крупным почерком почти без помарок. Я бегло проглядел эти страницы. Абалкин рассказывал, как он с голованом Щекном в поисках какого-то объекта (я не уловил, какого именно) пересек покинутый город и одним из первых вступил в контакт с остатками несчастных аборигенов.

Полтора десятка лет назад Надежда и ее дикая судьба были на Земле притчей во языцех, да они и оставались до сих пор притчей во языцех, как грозное предупреждение всем обитаемым мирам во Вселенной и как свидетельство самого недавнего по времени и самого масштабного вмешательства Странников в судьбы других цивилизаций. Теперь считается твердо установленным, что за свое последнее столетие обитатели Надежды потеряли контроль над развитием технологии и практически необратимо нарушили экологическое равновесие. Природа была уничтожена. Отходы промышленности, отходы безумных и отчаянных экспериментов в попытках исправить положение загадили планету до такой степени, что местное человечество, пораженное целым комплексом генетических заболеваний, обречено было на полное одичание и неизбежное вымирание. Генные структуры взбесились на Надежде. Собственно, насколько я знаю, до сих пор никто у нас так и не понял механику этого бешенства. Во всяком случае, модель этого процесса до сих пор не удалось воспроизвести ни одному нашему биологу. Бешенство генных структур. Внешне это выглядело как стремительное, нелинейное по времени ускорение темпов развития всякого мало-мальски сложного организма. Если говорить о человеке, то до двенадцати лет он развивался в общем нормально, а затем начинал стремительно взрослеть и еще более стремительно стареть. В шестнадцать лет он выглядел тридцатипятилетним, а в девятнадцать, как правило, умирал от старости.

Разумеется, такая цивилизация не имела никакой исторической перспективы, но тут пришли Странники. Впервые, насколько нам известно, они активно вмешались в события чужого мира. Теперь можно считать установленным, что им удалось вывести подавляющее большинство населения Надежды через межпространственные

тоннели и, видимо, спасти. (Куда были выведены эти миллиарды несчастных больных людей, где они сейчас и что с ними случилось – мы, конечно, не знаем и, похоже, узнаем не скоро.)

Абалкин принимал участие лишь в самом начале операции «Мертвый мир», и роль, которая ему в ней отводилась, была достаточно скромной. Хотя, если взглянуть на это с принципиальной стороны, он был первым (и пока единственным) Прогрессором-землянином, которому довелось работать в паре с представителем разумной негуманоидной расы.

Проглядывая этот отчет, я обнаружил, что Абалкин упоминает там довольно много имен, но у меня сложилось впечатление, что для дела следует взять на заметку одного только Щекна. Мне было известно, что сейчас на Земле пребывает целая миссия голованов, и, пожалуй, имело смысл выяснить, нет ли среди них этого Щекна. Абалкин писал о нем с такой теплотой, что я не исключал возможности встречи его с давним приятелем. К этому моменту я уже отметил для себя, что у Абалкина особое отношение к «меньшим братьям»: на голованов он потратил несколько лет жизни, на Гиганде стал псарем... и вообще.

И был в папке еще один отчет Абалкина – о его операции на Гиганде. Операция, впрочем, была, на мой взгляд, пустяковая: егермейстер его высочества герцога Алайского пристраивал курьером в банк своего бедного родственника. Егермейстером был Лев Абалкин, а бедным родственником – некий Корней Яшмаа. Как мне показалось, материал этот был для меня совершенно бесполезен. Кроме Корнея Яшмаа, насколько я мог заметить при беглом просмотре, в нем не содержалось ни одного земного имени. Мелькали какие-то Зогги, Нагон-Гиги, шталмейстеры, сиятельства, бронемастеры, конференц-директора, гоф-дамы... Я взял на заметку этого Корнея, хотя и было ясно, что он вряд ли мне понадобится. Всего во втором отчете содержалось двадцать четыре страницы, и больше отчетов Льва Абалкина о своей работе в папке не оказалось. Это показалось мне странным, и я положил себе подумать как-нибудь в дальнейшем: почему из всех многочисленных отчетов профессионального Прогрессора в папку 07 попали только два, и именно эти два?..

Оба отчета были выполнены в манере «лаборант» и, на мой взгляд, сильно смахивали на школьные сочинения в жанре «Как я провел каникулы у бабушки». Писать такие отчеты – одно удовольствие, читать их, как правило, – сущее мучение. Психологи (засевшие в штабах) требуют, чтобы отчеты содержали не столько объективные данные о событиях и фактах, сколько сугубо субъективные

ощущения, личные впечатления и поток сознания автора. При этом манеру отчета («лаборант», «генерал», «артист») автор не выбирает – ему ее предписывают, руководствуясь какими-то таинственными психологическими соображениями. Воистину, есть ложь, беспардонная ложь и статистика, но не будем, друзья, забывать и о психологии!

Я не психолог, во всяком случае, не профессионал, но я подумал, что, может быть, и мне удастся извлечь из этих отчетов что-нибудь полезное о личности Льва Абалкина.

Просматривая содержимое папки, я то и дело обнаруживал однообразные, я бы сказал, просто одинаковые и совершенно непонятные мне документы: синеватые листы плотной бумаги с зеленым обрезаем и выдавленной в верхнем левом углу монограммой, изображающей то ли китайского дракона, то ли птеродактиля. На каждом таком листе уже знакомым мне размашистым почерком иногда стилем, иногда фломастером, а пару раз почему-то лабораторным электродным карандашом было написано: «Тристан 777». Ниже стояли дата и все та же замысловатая подпись. Насколько можно было судить по датам, такие листки закладывались в папку с 60-го года примерно раз в три месяца, так что папка на четверть состояла из них.

И еще двадцать две страницы занимала переписка Абалкина с его руководством. Переписка эта навела меня на некоторые размышления.

В октябре 63-го года Абалкин направляет в КОМКОН-1 рапорт, в котором выражает пока еще кроткое недоумение по поводу того, что операция «Голован в Космосе» свернута без консультации с ним, хотя операция эта развивалась вполне успешно и обещала богатую перспективу.

Неизвестно, какой ответ получил Абалкин на этот свой рапорт, но в ноябре того же года он пишет совершенно отчаянное письмо Комову с просьбой возобновить операцию «Голован в Космосе» и одновременно очень резкое письмо в КОМКОН, в котором протестует против направления его, Абалкина, на курсы переподготовки. (Заметим, что все это он почему-то делает в письменной форме, а не обычным порядком.)

Как явствует из дальнейших событий, переписка эта никакого действия не возымела, и Абалкин отправляется работать на Гиганду. Три года спустя, в ноябре 66-го, он снова пишет в КОМКОН с Пандоры и просит направить его на Саракш для продолжения работы с голованами. На этот раз его просьбу удовлетворяют, но только отчасти: его посылают на Саракш, но не на Голубую Змею, а в Хонти унионистом-подпольщиком.

С курсов переподготовки в феврале и августе 67-го года он еще дважды пишет в КОМКОН (Бадеру, а потом и самому Горбовскому), указывая на нецелесообразность использования его, хорошего специалиста по голованам, в качестве резидента. Тон его писем становится все резче, письмо Горбовскому, например, я иначе как оскорбительным не назвал бы. Любопытно было бы мне узнать, что ответил душка Леонид Андреевич на этот взрыв ярости и презрительного негодования.

И уже будучи резидентом в Хонти, в октябре 67-го года Абалкин посылает Комову свое последнее письмо: развернутый план форсирования контактов с голованами, включающий обмен постоянными миссиями, привлечение голованов к зоопсихологическим работам, проводящимся на Земле, и т. д. и т. п. Я никогда специально не следил за работой в этой области, но у меня сложилось такое впечатление, что этот план сейчас принят и осуществляется. А если это так, то положение парадоксальное: план осуществляется, а инициатор его торчит резидентом то в Хонти, то в Островной Империи.

В общем, эта переписка оставила у меня какое-то тягостное впечатление. Ну ладно, пусть в проблеме голованов я не специалист, мне трудно судить, вполне возможно, что план Абалкина совершенно тривиален, и употреблять такие громкие слова, как инициатор, не имеет смысла. Но дело не только и не столько в этом! Парень, видимо, прирожденный зоопсихолог. «Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика... Профессиональные показания: зоопсихология, теоретическая ксенология...» И тем не менее из парня делают Прогрессора. Не спорю, существует целый класс Прогрессоров, для которых зоопсихология – хлеб насущный. Например, те, кто работает с леонидьянами или с теми же голованами. Так нет же, парню приходится работать с гуманоидами, работать резидентом, боевиком, хотя он пять лет кричит на весь КОМКОН: «Что вы со мной делаете?» А потом они удивляются, что у него психический спазм!

Конечно, Прогрессор – это такая профессия, где железная, я бы сказал, военная дисциплина совершенно неизбежна. Прогрессор сплошь и рядом вынужден делать не то, что ему хочется, а то, что приказывает КОМКОН. На то он и Прогрессор. И, наверное, резидент Абалкин много ценнее для КОМКОНа, нежели зоопсихолог Абалкин. Но все-таки есть в этой истории какое-то нарушение меры, и недурно было бы поговорить на эту тему с Горбовским или с Комовым... И что бы там ни натворил этот Абалкин (а он явно что-то натворил), я, ей-богу, на его стороне.

Впрочем, все это, по-видимому, к моей задаче отношения не имеет.

Еще я заметил, что не хватает трех пронумерованных страниц после первого отчета Абалкина, двух страниц – после второго его отчета и двух страниц – после последнего письма Абалкина Комову. Я решил не придавать этому значения.

1 июня 78-го года

Почти все о возможных связях Льва Абалкина

Я составил предварительный список возможных связей Льва Абалкина на Земле, и оказалось у меня в этом списке всего восемнадцать имен. Практически для меня представляли интерес только шесть человек, и я расставил их в порядке убывания вероятности (по моим представлениям, конечно) того, что Лев Абалкин посетит их. Выглядело это так:

Учитель Сергей Павлович Федосеев.

Мать Стелла Владимировна Абалкина.

Отец Вячеслав Борисович Цюрупа.

Наставник Эрнст-Юлий Горн.

Наблюдающий врач школы Прогрессоров Ромуальд Крэсеску.

Наблюдающий врач школы-интерната Ядвига Михайловна Леканова.

Во втором эшелоне у меня оставались Корней Яшмаа, голован Щекн, Яков Вандерхузе и еще человек пять, как правило – Прогрессоров. Что же касается таких персон, как Горбовский, Бадер, Комов, то я выписал их скорее для проформы. Обращаться к ним нельзя было уже хотя бы потому, что их никакими легендами не проймешь, а разговаривать напрямую я не имел права, даже если бы они сами обратились ко мне по этому делу.

В течение десяти минут информаторий выдал мне следующие малоутешительные сведения.

Родители Льва Абалкина не существовали – по крайней мере, в обычном смысле этого слова. Возможно, они не существовали вообще. Дело в том, что сорок с лишним лет назад Стелла Владимировна и Вячеслав Борисович в составе группы «Йормала» на уникальном звездолете «Тьма» совершили погружение в Черную Дыру ЕН 200056. Связи с ними не было, да и не могло быть, по современным представлениям. Лев Абалкин, оказывается, был их посмертным ребенком. Конечно, слово «посмертный» в этом контексте не совсем точно: вполне можно было допустить, что родители его еще живы и

будут жить еще миллионы лет в нашем времяисчислении, но, с точки зрения землянина, они, конечно, все равно что мертвы. У них не было детей, и, уходя навсегда из нашей Вселенной, они, как и многие супружеские пары до них и после них в подобной ситуации, оставили в Институте Жизни материнскую яйцеклетку, оплодотворенную отцовским семенем. Когда стало ясно, что погружение удалось, что они более не вернуться, клетку активировали, и вот на свет появился Лев Абалкин – посмертный сын живых родителей. По крайней мере, теперь мне стало понятно, почему в листе № 1 родители Абалкина не упоминались вовсе.

Эрнста-Юлия Горна, Наставника Абалкина по школе Прогрессоров, уже не было в живых. В 72-м году он погиб на Венере при восхождении на пик Строгова.

Врач Ромуальд Крэсеску пребывал на некоей планете Лу, совершенно, по-видимому, вне пределов досягаемости. Я никогда даже не слышал о такой планете, но, поскольку Крэсеску является Прогрессором, следовало предположить, что планета эта обитаема. Любопытно, однако, что старикан (сто шестнадцать лет!) оставил в БВИ свой последний домашний адрес, сопроводив его таким характерным посланием: «Моя внучка и ее муж всегда будут рады принять по этому адресу любого из моих питомцев». Надо полагать, питомцы любили своего старикана и частенько навещали его. Мне следовало иметь в виду это обстоятельство.

С остальными двумя мне повезло.

Сергей Павлович Федосеев, Учитель Абалкина, жил и здравствовал на берегу Аятского озера в усадьбе с предостерегающим названием «Комарики». Ему тоже уже было за сто, и был он, по-видимому, человек либо чрезвычайно скромный, либо замкнутый, потому что не сообщал о себе ничего, кроме адреса. Все остальные данные были официальные: окончил то-то и то-то, археолог, Учитель. Все. Как говорится, яблочко от яблони... Весь в своего ученика Льва Абалкина. А между тем, когда я послал в БВИ соответствующий дополнительный запрос, выяснилось, что Сергей Павлович – автор более тридцати статей по археологии, участник восьми археологических экспедиций (Северо-Западная Азия) и трех евразийских конференций Учителей. Кроме того, он у себя в «Комариках» организовал регионального значения личный музей по палеолиту Северного Урала. Такой вот человек. Я решил с ним связаться в ближайшее же время.

А вот с Ядвигой Михайловной Лекановой меня ожидал небольшой сюрприз. Врачи-педиатры редко меняют свою профессию, и я как-то уже представлял себе этакую старушку – божий одуванчик,

согнувшуюся под невообразимым грузом специфического и, по сути, самого ценного в мире опыта, бодренько семенящую все по той же территории Сыктывкарской школы. Черта с два – семенящую! Некоторое время она действительно педиатрствовала и именно в Сыктывкаре, но потом она переквалифицировалась в этнолога, и мало того – она занималась последовательно: ксенологией, патоксенологией, сравнительной психологией и левелометрией, и во всех этих не так уж тесно связанных между собой науках она явно преуспела, если судить по количеству опубликованных ею работ и по ответственности постов, ею занимаемых. За последние четверть века ей довелось работать в шести различных организациях и институтах, а сейчас она работала в седьмом – в передвижном Институте земной этнологии в бассейне Амазонки. Адреса у нее не было, желающим предлагалось устанавливать с нею связь через стационар Института в Манаосе. Что ж, и на том спасибо, хотя сомнительно, конечно, чтобы мой клиент в своем нынешнем состоянии потащился к ней в эти все еще первобытные дебри.

Было совершенно очевидно, что начинать следует с Учителя. Я взял папку под мышку, сел в машину и вылетел на Аятское озеро.

1 июня 78-го года

Учитель Льва Абалкина

Вопреки моим опасениям, усадьба «Комарики» стояла на высоком обрыве над самой водой, открытая всем ветрам, и никаких комариков там не оказалось. Хозяин встретил меня без удивления и достаточно приветливо. Мы расположились на веранде в плетеных креслах у овального антикварного столика, на котором имели место миска со свежей малиной, кувшин с молоком и несколько стаканов.

Я вторично извинился за вторжение, и вновь мои извинения были приняты молчаливым кивком. Он смотрел на меня со спокойным ожиданием и как бы равнодушно, и вообще лицо у него было малоподвижное, как, впрочем, у большинства этих стариков, которые в свои сто с лишним лет сохраняют полную ясность мысли и совершенную крепость тела. Лицо у него было угловатое, коричневое от загара, почти без морщин, с мощными густыми бровями, торчащими над глазами вперед, словно солнцезащитные козырьки. Забавно, что правая бровь у него была черная, как смоль, а левая – совершенно белая, именно белая, а не седая.

Я обстоятельно представился и изложил свою легенду. Я был журналист, по профессии – зоопсихолог, и сейчас собирал материалы для

книги о контактах человека с головами... Вы наверняка знаете, сказал я, что ваш ученик Лев Вячеславович Абалкин сыграл в этих контактах очень видную роль. Я и сам был когда-то знаком с ним, но это было давно, с тех пор я растерял все свои связи. Сейчас я попытался его разыскать, но в КОМКОНе мне сказали, что Льва Вячеславовича нет на Земле, а когда он вернется – совершенно неизвестно. Между тем мне хотелось бы узнать как можно больше о его детстве, как у него все это начиналось, почему так, а не иначе, – движение психологии исследователя, вот что меня интересует в первую очередь. К сожалению, Наставника его уже нет в живых, друзей его я не знаю, но зато я имею возможность побеседовать с вами, с его Учителем. Я лично убежден, что все в человеке начинается с детства, причем с самого раннего детства...

Признаться, у меня все время теплилась некоторая надежда, что в самом начале моего вранья я буду прерван возгласом: «Позвольте, позвольте! Но ведь Лев был у меня буквально вчера!» Однако меня не прервали, и мне пришлось договорить все до конца – изложить с самым умным видом все свои скороспелые суждения о том, что творческая личность формируется в детстве, именно в детстве, а не в отрочестве, не в юности и уж, конечно, не в зрелом возрасте, именно формируется, а не то чтобы просто закладывается или там зарождается... Мало того, когда я наконец выдохся совсем, старик молчал еще целую минуту, а потом вдруг спросил, кто такие эти головы.

Я удивился самым искренним образом. Получалось, что Лев Абалкин не удосужился похвалиться успехами перед своим Учителем! Знаете ли, надо быть в высшей степени нелюдимым и замкнутым человеком, чтобы не похвалиться перед своим Учителем своими успехами.

Я с готовностью объяснил, что головы – это разумная киноидная раса, возникшая на планете Саракш в результате лучевых мутаций.

– Киноиды? Собаки?

– Да. Разумные собакообразные. У них огромные головы, отсюда – головы.

– Значит, Лева занимается собакообразными... Добился своего...

Я возразил, что совсем не знаю, чем занимается Лева сейчас, однако двадцать лет назад он головами занимался, и с большим успехом.

– Он всегда любил животных, – сказал Сергей Павлович. – Я был убежден, что ему следует стать зоопсихологом. Когда комиссия по распределению направила его в школу Прогрессоров, я протестовал

как мог, но меня не послушались... Впрочем, там было все сложнее, может быть, если бы я не стал протестовать...

Он замолчал и налил мне в стакан молока. Очень, очень сдержанный человек. Никаких возгласов, никаких: «Лева! Как же! Это был такой замечательный мальчишка!» Конечно, вполне может быть, что Лева не был замечательным мальчишкой...

– Так что бы вы хотели узнать от меня конкретно? – спросил Сергей Павлович.

– Все! – ответил я быстро. – Каким он был. Чем увлекался. С кем дружил. Чем славился в школе. Все, что вам запомнилось.

– Хорошо, – сказал Сергей Павлович без всякого энтузиазма. – Попробую.

Лев Абалкин был мальчик замкнутый. С самого раннего детства. Это была первая его черта, которая бросалась в глаза. Впрочем, замкнутость эта не была следствием чувства неполноценности, ощущения собственной ущербности или неуверенности в себе. Это была скорее замкнутость всегда занятого человека. Как будто он не хотел тратить время на окружающих, как будто он был постоянно и глубоко занят своим собственным миром. Грубо говоря, этот мир, казалось, состоял из него самого и всего живого вокруг – за исключением людей. Это не такое уж редкое явление среди ребяташек, просто он был ТАЛАНТЛИВ в этом, а удивляло в нем как раз другое: при всей своей явной замкнутости он охотно и прямо-таки с наслаждением выступал на всякого рода соревнованиях и в школьном театре, особенно в театре. Но, правда, всегда соло. В пьесах участвовать он отказывался категорически. Обычно он декламировал, даже пел с большим вдохновением, с необычным для него блеском в глазах, он словно раскрывался на сцене, а потом, сойдя в партер, снова становился самим собой – уклончивым, молчаливым, неприступным. И таким он был не только с Учителем, но и с ребятами, и так и не удалось разобраться, в чем же тут причина. Можно предполагать только, что его талант в общении с живой природой настолько возобладал над всеми остальными движениями его души, что окружающие ребята – да и вообще все люди – были ему просто неинтересны. На самом деле, конечно, все это было гораздо сложнее – эта его замкнутость, эта погруженность в собственный мир явились результатом тысячи микрособытий, которые остались вне поля зрения Учителя. Учитель вспомнил такую сценку: после проливного дождя Лев ходил по дорожкам парка, собирал червяков-выползков и бросал обратно в траву. Ребятам это показалось смешным, и были среди них такие, кто умел не только

смеяться, но и жестоко высмеивать. Учитель, не говоря ни слова, присоединился к Леве и стал собирать выползков вместе с ним...

– Но боюсь, он мне не поверил. Вряд ли мне удалось убедить его, что судьба червяков меня интересует на самом деле. А у него было еще одно заметное качество: абсолютная честность. Я не помню ни одного случая, чтобы он соврал. Даже в том возрасте, когда дети врут охотно и бессмысленно, получая от вранья чистое, бескорыстное удовольствие. А он не врал. И, более того, он презирал тех, кто врет. Даже если ввали бескорыстно, для интереса. Я подозреваю, что в его жизни был какой-то случай, когда он впервые с ужасом и отвращением понял, что люди способны говорить неправду. Этот момент я тоже пропустил... Впрочем, вряд ли это вам нужно. Вам ведь гораздо интереснее узнать, как проклевывался в нем будущий зоопсихолог...

И Сергей Павлович принялся рассказывать, как зоопсихолог проклевывался в Леве Абалкине.

Назвался груздем – полезай в кузов. Я слушал с самым внимательным видом, в надлежащих местах вставлял «Ах, вот как?», а один раз даже позволил себе вульгарное восклицание: «Черт возьми, это как раз то, что мне нужно!» Иногда я очень не люблю свою профессию.

Потом я его спросил:

– А друзей у него, значит, было не много?

– Друзей у него не было совсем, – сказал Сергей Павлович. – Я не виделся с ним с самого выпуска, но другие ребята из его группы говорили мне, что он с ними тоже не встречается. Им неловко об этом рассказывать, но, как я понял, он просто уклоняется от встреч.

И вдруг его прорвало.

– Ну почему вас интересует именно Лев? Я выпустил в свет сто семьдесят два человека. Почему вам из них понадобился именно Лев? Поймите, я не считаю его своим учеником! Не могу считать! Это моя неудача! Единственная моя неудача! С самого первого дня и десять лет подряд я пытался установить с ним контакт, хоть тоненькую ниточку протянуть, между нами. Я думал о нем в десять раз больше, чем о любом другом своем ученике. Я выворачивался наизнанку, но все, буквально все, что я предпринимал, оборачивалось во зло...

– Сергей Павлович! – сказал я. – Что вы говорите? Абалкин – великолепный специалист, ученый высокого класса, я лично встречался с ним...

– И как вы его нашли?

– Замечательный мальчишка, энтузиаст... Это как раз была первая экспедиция к голованам. Его все там ценили, сам Комов возлагал на него такие надежды... И они оправдались, эти надежды, заметьте!

– У меня прекрасная малина, – сказал он. – Самая ранняя малина в регионе. Попробуйте, прошу вас...

Я осекся и принял блюдце с малиной.

– Голованы... – проговорил он с горечью. – Возможно, возможно. Но, видите ли, я и сам знаю, что он талантлив. Только моей-то заслуги никакой в этом нет...

Некоторое время мы молча поедали малину с молоком. Я почувствовал, что он вот сейчас, с минуты на минуту переведет разговор на меня. Он явно не собирался больше говорить о Льве Абалкине, и простая вежливость требовала теперь поговорить обо мне. Я быстро сказал:

– Очень вам благодарен, Сергей Павлович. Вы дали мне массу интересного материала. Единственно только жаль, что у него не было друзей. Я очень рассчитывал найти какого-нибудь его друга.

– Я могу, если хотите, назвать вам имена его одноклассников... – Он замолчал и вдруг сказал: – Вот что. Попробуйте найти Майю Глумову.

Выражение лица его меня поразило. Совершенно невозможно было представить, что именно он сейчас вспомнил, какие ассоциации возникли у него, в связи с этим именем, но можно было поручиться наверняка, что самые неприятные. Он даже весь пошел бурыми пятнами.

– Школьная подруга? – спросил я, чтобы скрыть неловкость.

– Нет, – сказал он. – То есть она, конечно, училась в нашей школе. Майя Глумова. По-моему, она стала потом историком.

1 июня 78-го года

Маленький инцидент с Ядвигой Михайловной

В 19.23 я вернулся к себе и принялся искать Майю Глумову, историка. Не прошло и пяти минут, как информационная карточка лежала передо мной.

Майя Тойвовна Глумова была на три года моложе Льва Абалкина. После школы она окончила курсы персонала обеспечения при КОМ-КОНе-1 и сразу приняла участие в печально знаменитой операции «Ковчег», а затем поступила на историческое отделение Сорбонны. Специализировалась вначале по ранней эпохе первой НТР, после чего занялась историей первых космических исследований. У нее был сын Тойво Глумов одиннадцати лет, а о муже она не сообщала ничего. В настоящее время – о чудо! – она работала сотрудником спецфонда Музея внеземных культур, который располагался в трех кварталах от

нас, на Площади Звезды. И жила она совсем неподалеку – на Аллее Канадских Елей.

Я позвонил ей немедленно. На экране появилась серьезная бело-брысая личность со вздернутым облупленным носом, окруженным богатыми россыпями веснушек. Несомненно, это был Тойво Глумов-младший. Глядя на меня прозрачными северными глазами, он объяснил, что мамы нет дома, что она собиралась быть дома, но потом позвонила и сказала, что вернется завтра прямо на работу. Что ей передать? Я сказал, что ничего передавать не надо, и попрощался.

Так. Придется ждать до утра, а утром она будет долго вспоминать, кто же это такой Лев Абалкин, и затем, вспомнив, скажет со вздохом, что ничего не слыхала о нем вот уже двадцать пять лет.

Ладно. У меня в списке первоочередников оставался еще один человек, на которого, впрочем, никаких особых надежд я возлагать не осмеливался. В конце концов, после четвертьвековой разлуки люди охотно встречаются с родителями, очень часто – со своим Учителем, нередко – со школьными друзьями, но лишь в каких-то особенных, я бы сказал, специальных случаях память возвращает их к своему школьному врачу. Тем более если учесть, что этот школьный врач пребывает в экспедиции, в глуши, на другой стороне планеты, а нуль-связь, согласно сводке, уже второй день работает неуверенно из-за флюктуаций нейтринного поля.

Но мне просто ничего больше не оставалось. Сейчас в Манаосе был день, и если уж вообще звонить, то звонить надо было сейчас.

Мне повезло. Ядвига Михайловна Леканова оказалась как раз в пункте связи, и я смог поговорить с нею немедленно, на что никак не рассчитывал. Было у Ядвиги Михайловны полное, до блеска загорелое лицо с пышным темным румянцем, кокетливые ямочки на щеках, сияющие синие глазки и мощная шапка совершенно серебряных волос. Она обладала каким-то трудноуловимым, но очень милым дефектом речи и глубоким бархатным голосом, наводившим на совершенно неуместные игривые мысли о том, что совсем недавно эта дама могла при желании вскружить голову кому угодно. И, по всему видно, кружила.

Я извинился, представился и изложил ей свою легенду. Она прищурилась, вспоминая, сдвинула соболиные брови.

– Лев Абалкин?.. Лева Абалкин... Простите, как вас зовут?

– Максим Каммерер.

– Простите, Максим, я не совсем поняла. Вы выступаете от себя лично или как представитель какой-то организации?

– Да как вам сказать... Я договорился с издательством, они заинтересовались...

– Но вы сами – просто журналист или все-таки работаете где-нибудь? Не бывает же такой профессии – журналист...

Я почтительно хихикнул, лихорадочно соображая, как быть.

– Видите ли, Ядвига Михайловна, это довольно трудно сформулировать... Основная профессия у меня... н-ну, пожалуй, Прогрессор... хотя, когда я начинал работать, такой профессии еще не существовало. В недалеком прошлом я – сотрудник КОМКОНа... да и сейчас связан с ним в известном смысле...

– Ушли на вольные хлеба? – сказала Ядвига Михайловна.

Она по-прежнему улыбалась, но теперь в ее улыбке не хватало чего-то очень важного. И в то же время – весьма и весьма обычного.

– Вы знаете, Максим, – сказала она, – я с удовольствием с вами поговорю о Леве Абалкине, но с вашего позволения – через некоторое время. Давайте я вам позвоню... через час-полтора.

Она все еще улыбалась, и я понял, чего не хватает теперь в ее улыбке, – самой обыкновенной доброжелательности.

– Ну разумеется, – сказал я. – Как вам будет удобно...

– Извините меня, пожалуйста.

– Нет, это вы должны меня извинить...

Она записала номер моего канала, и мы расстались. Странный какой-то получился разговор. Словно она узнала откуда-то, что я вру. Я пощупал уши. Уши у меня горели. Пр-р-роклятая профессия... «И началась самая увлекательная из охот – охота на человека...» О тем-пора, о морес! Как они часто все-таки ошибались, эти классики... Ладно, подождем. И ведь придется, наверное, лететь в этот Манаос. Я запросил сводку. Нуль-связь была по-прежнему неустойчивой. Тогда я заказал стратолет, раскрыл папку и принялся читать отчет Льва Абалкина об операции «Мертвый мир».

Я успел прочитать страниц пять, не больше. В дверь стукнули, и через порог шагнул Экселенц. Я поднялся.

Нам редко приходится видеть Экселенца иначе как за его столом, и всегда как-то забываешь, какая это костлявая громадина. Безупречно белая полотняная пара болталась на нем как на вешалке, и вообще было в нем что-то от циркача на ходулях, хотя движения его вовсе не были угловатыми.

– Сядь, – сказал он, сложился пополам и опустился в кресло передо мной.

Я тоже поспешно сел.

– Докладывай, – приказал он.

Я доложил.

– Это все? – спросил он с неприятным выражением.

– Пока все.

– Плохо, – сказал он.

– Так уж и плохо, Экселенц... – сказал я.

– Плохо! Наставник умер. А школьные друзья? Я вижу, они у тебя даже не запланированы! А его одноклассники по школе Прогрессоров?

– К сожалению, Экселенц, у него, по-видимому, не было друзей. В интернате, во всяком случае, а что касается Прогрессоров...

– Уволь меня от этих рассуждений. Проверь все. И не отвлекайся. При чем здесь детский врач, например?

– Я стараюсь проверить все, – сказал я, начиная злиться.

– У тебя нет времени мотаться на стратолетах. Занимайся архивами, а не полетами.

– Архивами я тоже займусь. Я собираюсь заняться даже этим голованом. Щекном. Но у меня намечен определенный порядок... Я во все не считаю, что детский врач – это совсем уж пустая трата времени...

– Помолчи-ка, – сказал он. – Дай мне твой список.

Он взял список и долго изучал его, время от времени пошевеливая костлявым носом. Я голову готов был дать на отсечение, что он уставился на какую-то одну строчку и смотрит на нее, не отрывая глаз. Потом он вернул мне листок и сказал:

– Щекн – это неплохо. И легенда твоя мне нравится. А все остальное – плохо. Ты поверил, что у него не было друзей. Это неверно. Тристан был его другом, хотя в папке ты не найдешь об этом ничего. Ищи. И эту... Глумову... Это тоже хорошо. Если у них там была любовь, то это шанс. А Леканову оставь. Это тебе не нужно.

– Но она же все равно позвонит!

– Не позвонит, – сказал он.

Я посмотрел на него. Круглые зеленые глаза не мигали, и я понял, что да, Леканова не позвонит.

– Послушайте, Экселенц, – сказал я. – Вам не кажется, что я работал бы втрое успешней, если бы знал, в чем тут дело?

Я был уверен, что он отрежет: «Не кажется». Вопрос мой был чисто риторическим... Я просто хотел продемонстрировать ему, что атмосфера таинственности, окружавшая Льва Абалкина, не осталась мною не замеченной и мешает мне.

Но он сказал другое:

– Не знаю. Полагаю, что нет. Все равно я пока не могу ничего сказать. Да и не хочу.

- Тайна личности? – спросил я.
– Да, – сказал он. – Тайна личности.

Из отчета Льва Абалкина

...К десяти часам порядок движения устанавливается окончательно. Идем посередине улицы: впереди по оси маршрута – Щекн, за ним и левее – я. От принятого порядка движения – прижимаясь к стенам – пришлось отказаться, потому что тротуары завалены осыпавшейся штукатуркой, битыми кирпичами, осколками оконного стекла, проржавевшей кровельной жестью, и уже дважды обломки карнизов без всякой видимой причины обрушивались чуть ли не нам на головы.

Погода не меняется, небо по-прежнему в тучах, налетает порывами влажный теплый ветер, гонит по разбитой мостовой неопределенный мусор, рябит вонючую воду в черных застойных лужах. Налетают, рассеиваются и снова налетают полчища комаров. Штурмовые волны комаров. Целые комариные смерчи. Очень много крыс – шуршат в грудях мусора, грязно-рыжими стайками перебегают из подъезда в подъезд, столбиками торчат в пустых оконных проемах. Глаза у них как бусинки, поблескивают настороженно. Непонятно, чем они питаются в этой каменной пустыне. Разве что змеями. Змей тоже очень много, особенно вблизи канализационных люков, где они собираются в спутанные шевелящиеся клубки. Чем питаются здесь змеи – тоже непонятно. Разве что крысами. Змеи, впрочем, какие-то вялые, совсем не агрессивные, хотя и не трусливые. Занимаются какими-то своими делами, ни на кого и ни на что не обращая внимания.

Город безусловно и давно покинут. Тот человек, которого мы встретили на окраине, был, конечно, сумасшедший и забрел сюда случайно.

Сообщение от группы Рэма Желтухина. Он пока вообще никого не встретил. Он в восторге от своей свалки и клянется в ближайшее время определить индекс здешней цивилизации с точностью до второго знака. Я пытаюсь представить себе эту свалку – гигантскую, без начала и без конца, завалившую полмира. У меня портится настроение, и я перестаю об этом думать.

Мимикридный комбинезон работает неудовлетворительно. Защитная окраска, соответствующая фону, проявляется на мимикриде с задержкой на пять минут, а иногда и вовсе не проявляется, а вместо нее возникают удивительной красоты и яркости пятна самых чистых спектральных цветов. Надо думать, здесь в атмосфере есть что-то

такое, что сбивает с толку отрегулированный химизм этого вещества. Эксперты комиссии по камуфляжной технике отказались от надежды отладить работу комбинезона дистанционно. Они дают мне рекомендации, как произвести регулировку на месте. Я следую этим рекомендациям, в результате чего комбинезон мой теперь разрегулирован окончательно.

Сообщение от группы Эспады. Судя по всему, при высадке в тумане они промахнулись на несколько километров: ни возделанных полей, ни поселений, замеченных с орбиты, они не наблюдают. Наблюдают океан и побережье, покрытое километровой ширины полосой черной коросты – похоже, застывшим мазутом. У меня снова портится настроение.

Эксперты категорически протестуют против решения Эспады полностью отключить камуфляж. Маленький, но шумный скандальчик в эфире. Щекн ворчливо замечает:

– Пресловутая человеческая техника! Смешно...

На нем нет никакого комбинезона, и нет на нем тяжелого шлема с преобразователями, хотя все это было для него специально приготовлено. Он отказался от всего этого, как обычно, без объяснения причин.

Он бежит по полустертой осевой линии проспекта вразвалку, слегка занося вбок задние ноги, как это делают иногда наши собаки, толстый, мохнатый, с огромной круглой головой, как всегда повернутой влево, так что правым глазом он смотрит строго вперед, а левым словно бы косится на меня. На змей он не обращает внимания вовсе, как и на комаров, а вот крысы его интересуют, но только с гастрономической точки зрения. Впрочем, сейчас он сыт.

Мне кажется, он уже сделал для себя кое-какие выводы и по поводу города, и, возможно, по поводу всей этой планеты. Он равнодушно уклонился от осмотра на диво сохранившегося особняка в седьмом квартале, совершенно неуместного своей чистотой и элегантностью среди ободранных временем слепых, заросших диким ползуном зданий. Он только брезгливо обнюхал двухметровые колеса военной бронированной машины, пронзительно и свежо воняющей бензином, полупогребенной под развалинами рухнувшей стены, и он без всякого любопытства наблюдал за сумасшедшей пляской давешнего бедняги-аборигена, который выскочил на нас, звеня бубенчиками, гримасничая, весь в развевающихся разноцветных то ли лохмотьях, то ли лентах. Все эти странности Щекну безразличны, он почему-то не желал выделить их из общего фона катастрофы, хотя поначалу, на первых километрах пути, он был явно возбужден, искал

что-то, поминутно нарушая порядок движения, что-то вынюхивал, фыркая и отплевываясь, бормоча неразборчиво на своем языке...

– А вот что-то новенькое, – говорю я.

Это что-то вроде кабины ионного душа – цилиндр высотой метра в два и метр в диаметре из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Овальная дверца во всю его высоту распахнута. Похоже, что когда-то эта кабина стояла вертикально, а потом подложили под нее сбоку заряд взрывчатки, и теперь ее сильно накренило, так что край ее днища приподнялся вместе с приросшим к нему пластом асфальта и глинистой земли. В остальном она не пострадала, да там в ней и нечему было страдать – внутри она пустая, как пустой стакан.

– Стакан, – говорит Вандерхузе. – Но с дверцей.

– Ионный душ, – говорю я. – Но без оборудования. Или, например, кабина регулировщика. Я видел очень похожие на Саракше, только там они из жести и стекла. Кстати, на тамошнем сленге они так и называются: «стакан».

– А что он регулирует? – с любопытством осведомляется Вандерхузе.

– Уличное движение на перекрестках, – говорю я.

– До перекрестка далековато, как ты полагаешь? – говорит Вандерхузе.

– Ну, значит, это ионный душ, – говорю я.

Диктую ему донесение. Приняв донесение, он осведомляется:

– А вопросы?

– Два естественных вопроса: зачем эту штуку здесь поставили и кому она помешала? Обращаю внимание: никаких проводов и кабелей нет. Щекн, у тебя есть вопросы?

Щекн более чем равнодушен – он чешется, повернувшись к кабине задом.

– Мой народ не знает таких предметов, – сообщает он высокомерно. – Моему народу это неинтересно. – И он снова принимается чесаться с самым откровенным вызовом.

– У меня все, – говорю я Вандерхузе, и Щекн тут же поднимается и трогается дальше.

Его народу это, видите ли, неинтересно, думаю я, шагая следом и левее. Мне хочется улыбнуться, но улыбаться ни в коем случае нельзя. Щекн не терпит такого рода улыбок, чуткость его к малейшим оттенкам человеческой мимики поразительна. Странно, откуда у голованов эта чуткость? Ведь физиономии их (или морды?) почти совсем лишены мимики – по крайней мере, на человеческий глаз. У обыкновенной дворняги мимика значительно богаче. А вот в человеческих

улыбках он разбирается великолепно. Вообще голованы разбираются в людях в сто раз лучше, чем люди в голованах. И я знаю – почему. Мы стесняемся. Они разумны, и нам неловко их исследовать. А вот они подобной неловкости не ощущают. Когда мы жили у них в Крепости, когда они укрывали нас, кормили, поили, оберегали, сколько раз я вдруг обнаруживал, что надо мной произвели очередной эксперимент! И Марта жаловалась Комову на то же, и Раулингсон, и только Комов никогда не жаловался – я думаю просто потому, что он слишком самолюбив для этого. А Тарасконец в конце концов просто сбежал. Уехал на Пандору, занимается своими чудовищными тахоргами и счастлив... Почему Щекна так заинтересовала Пандора? Он всеми правдами и неправдами оттягивал отлет. Надо будет потом проверить, точно ли, что группа голованов попросила транспорт для переселения на Пандору.

– Щекн, – говорю я, – тебе хотелось бы жить на Пандоре?

– Нет, мне нужно быть с тобой.

Ему нужно быть. Вся беда в том, что в их языке всего одна модальность. Никакой разницы между «нужно», «должно», «хочется», «может» не существует. И когда Щекн говорит по-русски, он использует эти понятия словно бы наугад. Никогда нельзя точно сказать, что он имеет в виду. Может быть, он хотел сказать сейчас, что любит меня, что ему плохо без меня, что ему нравится быть только со мной. А может быть, что это его обязанность – быть со мной, что ему поручено быть со мной и что он намерен честно выполнить свой долг, хотя больше всего на свете ему хочется пробираться через оранжевые джунгли, жадно ловя каждый шорох, наслаждаясь каждым запахом, которых на Пандоре хоть отбавляй...

Впереди справа, от грязно-белого балкона на третьем этаже отделяется пласт штукатурки и с шумом обрушивается на тротуар. Возмущенно пищат крысы. Комариный столб вырывается из кучи мусора и крутится в воздухе. Через улицу узорчатой металлической лентой заструилась огромная змея, свернулась спиралью перед Щекном и угрожающе подняла ромбическую голову. Щекн даже не останавливается – небрежно и коротко взмахивает передней лапой, ромбическая голова отлетает на тротуар, а он уже трусит дальше, оставив позади извивающееся клубком обезглавленное тело.

Эти чудачки боялись отпустить меня вдвоем со Щекном! Первоклассный боец, умница, с невероятным чутьем на опасность, абсолютно бесстрашен – не по-человечески бесстрашен... Но. Разумеется, не обходится и без некоторого «но». Если придется, я буду драться за Щекна как за землянина, как за самого себя. А Щекн? Не знаю.

Конечно, на Саракше они дрались за меня, дрались, и убивали, и гибли, прикрывая меня, но всегда, мне казалось, почему-то, что не за меня они дрались, не за друга своего, а за некий отвлеченный, хотя и очень дорогой для них принцип... Я дружу со Щекном уже пять лет, у него еще перепонки между пальцами не отпали, когда мы с ним познакомились, я учил его языку и как пользоваться Линией Доставки. Я не отходил от него, когда он болел своими странными болезнями, в которых наши врачи так и не сумели ничего понять. Я терпел его дурные манеры, мирился с его бесцеремонными высказываниями, прощал ему то, что не прощаю никому в мире. И до сих пор я не знаю, кто для него...

Вызов с корабля. Вандерхузе сообщает, что Рэм Желтухин нашел на своей свалке ружье. Информация пустяковая. Просто Вандерхузе хочется, чтобы я не молчал. Он очень беспокоится, добрая душа, когда я долго молчу. Мы говорим о пустяках.

Пока мы говорим о пустяках, Щекн ныряет в ближайший подъезд. Оттуда доносится возня, писк, хруст и чавканье. Щекн снова появляется в дверях. Он энергично жует и обирает с морды крысиные хвосты.

Каждый раз, когда я нахожусь на связи, Щекн принимается вести себя как собака – то кормится, то чешется, то ищется. Он прекрасно знает, что я этого не люблю, и устраивает демонстрации, словно мстит мне за то, что я отвлекаюсь от нашего с ним одиночества вдвоем.

Он приносит мне свои извинения, ссылаясь на то, что это вкусно и что он не мог удержаться. Я говорю с ним сухо.

Начинается мелкий морозящий дождь. Проспект впереди заволакивает серая зыбкая мгла. Мы минуем семнадцатый квартал (поперечная улица вымощена булыжником), проходим мимо проржавевшего автофургона на спущенных баллонах, мимо неплохо сохранившегося, облицованного гранитом здания с фигурными решетками на окнах первого этажа, и слева от нас начинается парк, отделенный от проспекта низкой каменной оградой.

В тот момент, когда мы проходим мимо покосившейся арки ворот, из мокрых, буйно разросшихся кустов с шумом и бубенчиковым звоном выскакивает на ограду пестрый нелепый длинный человек.

Он худой как скелет, желтолицый, с впалыми щеками и остекленелым взглядом. Мокрые рыжие патлы торчат во все стороны, ходунном ходят разболтанные и словно бы многосуставчатые руки, а голенастые ноги беспрерывно дергаются и приплясывают на месте, так что из-под огромных ступней разлетаются в стороны палые листья и размокшая цементная крошка.

Весь он от шеи до ног обтянут чем-то вроде трико в разноцветную клетку – красную, желтую, синюю и зеленую, и беспрестанно звенят бубенчики, нашитые в беспорядке на его рукавах и штанинах, и дробно и звонко щелкают в замысловатом ритме узловатые пальцы. Паяц. Арлекин. Его ужимки были бы, наверное, смешными, если бы не были так страшны в этом мертвом городе под серым сеющим дождем на фоне одичалого парка, превратившегося в лес. Это, без всякого сомнения, безумец. Еще один безумец.

В первое мгновение мне кажется, что это тот же самый, с окраины. Но тот был в разноцветных ленточках и в дурацком колпаке с колокольчиком, и был гораздо ниже ростом, и не казался таким изможденным. Просто оба они были пестрые, и оба сумасшедшие, и представляется совершенно невероятным, чтобы первые два аборигена, встреченные на этой планете, оказались сумасшедшими клоунами.

– Это не опасно, – говорит Щекн.

– Мы обязаны ему помочь, – говорю я.

– Как хочешь. Он будет нам мешать.

Я и сам знаю, что он будет нам мешать, но делать нечего, и я начинаю придвигаться к пляшущему паяцу, готовя в перчатке присоску с транквилизатором.

– Опасно сзади! – говорит вдруг Щекн.

Я круто оборачиваюсь. Но на той стороне улицы ничего особенного: двухэтажный особняк с остатками ядовито-фиолетовой покраски, фальшивые колонны, ни одного целого стекла, дверной пролом в полтора этажа зияет тьмой. Дом как дом, однако Щекн смотрит именно на него в позе самого напряженного внимания. Он присел на напружиненных лапах, низко пригнул голову и настропалил маленькие треугольные уши. У меня холодок проливается между лопаток: с самого начала маршрута Щекн еще ни разу не становился в эту редкую позу. Позади отчаянно дребезжат колокольчики, и вдруг становится тихо. Только шорох дождя.

– В котором окне? – спрашиваю я.

– Не знаю. – Щекн медленно поводит тяжелой головой справа налево. – Ни в каком окне. Хочешь – посмотрим? Но уже меньше... – Тяжелая голова медленно поднимается. – Все. Как всегда.

– Что?

– Как сначала.

– Опасно?

– С самого начала опасно. Слабо. А сейчас было сильно. И опять как сначала.

– Люди? Зверь?

– Очень большая злоба. Непонятно.

Я оглядываюсь на парк. Сумасшедшего паяца больше нет, и ничего нельзя различить в мокрой плотной зелени.

Вандерхузе страшно обеспокоен. Я диктую донесение. Вандерхузе боится, что это была засада и что паяц должен был меня отвлекать. Никак ему не понять, что в этом случае засада бы удалась, потому что паяц меня действительно отвлек так, что я ничего не видел и не слышал, кроме него. Вандерхузе предлагает выслать к нам группу поддержки, но я отказываюсь. Задание у нас пустяковое, и, скорее всего, нас самих скоро снимут с маршрута и перебросят в поддержку хотя бы тому же Эспаде.

Сообщение от группы Эспады: его обстреляли. Трассирующими пулями. Похоже, предупредительный обстрел. Эспада продолжает движение. Мы – тоже. Вандерхузе взволнован до последней крайности, голос у него совсем жалобный.

Пожалуй, с капитаном нам не повезло. У Эспады капитан – Прогрессор. У Желтухина капитан – Прогрессор. А у нас – Вандерхузе. Все это оправданно, разумеется: Эспада – это группа контакта, Рэм – основной поставщик информации, а мы со Щекном – просто пешие разведчики в пустом безопасном районе. Вспомогательная группа. Но

когда что-нибудь случится, – а ведь всегда что-нибудь случается, – то рассчитывать нам придется только на себя. В конце концов, старый милый Вандерхузе – это всего-навсего звездолетчик, опытный космический волк. В плоть и кровь впиталась у него инструкция Об/З: «При обнаружении на планете признаков разумной жизни НЕМЕДЛЕННО стартовать, уничтожив по возможности все следы своего пребывания...» А здесь – предупредительный обстрел, очевиднейшее нежелание вступать в контакт, и никто не только не собирается стартовать немедленно, а наоборот, продолжает движение и вообще прет на рожон...

Дождь прекращается. По мокрому асфальту прыгают лягушки. Становится ясно, чем здесь питаются змеи. А чем питаются лягушки? Комарами. Дома становятся все выше, все роскошнее. Облезлая, заплесневелая роскошь. Длиннейшая колонна разномастных грузовиков, остановившихся у обочины с левой стороны. Движение здесь, видимо, было левосторонним. Многие грузовики открытые, в кузовах громоздится домашний скарб. Похоже на следы массовой эвакуации, только непонятно, почему они двигались к центру города. Может быть, в порт?

Щекн вдруг останавливается и выставляет из густой шерсти на макушке треугольные уши. Мы совсем недалеко от перекрестка, перекресток пуст, и проспект за ним тоже пуст, насколько позволяет видеть серая дымка.

– Вонь, – говорит Щекн. И чуть помедлив: – Звери. – И еще помедлив: – Много. Идут сюда. Слева.

Теперь я тоже слышу запах, но это всего лишь запах мокрой ржавчины от грузовиков. И вдруг: тысяченогий топот и костяное постукивание, взвизги, приглушенное рычание, сопение и фырканье. Тысячи ног. Тысячи глоток. Стая. Я озираюсь, ища подходящий подъезд, чтобы отсидеться.

– Дрянь, – говорит Щекн. – Собаки.

В ту же секунду из переулка слева хлынуло. Собаки. Сотни собак. Тысячи. Плотный серо-желто-черный поток, топочущий, сопящий, остро воняющий мокрой псиной. Голова потока уже втянулась в переулок направо, а поток все льется и льется, но вот несколько тварей отделяются от стаи и круто поворачивают к нам – крупные облезлые животные, худущие, в клочьях свалявшейся шерсти. Бегающие нечистые глазки, желтые слюнявые клыки. Тоненько, словно бы жалобно, потявкывая, они приближаются к нам трусцой и не прямо, а по какой-то замысловатой дуге, горбя бугристые туловища и заводя под себя подрагивающие хвосты.

– В дом! – вопит Вандерхузе. – Что же вы стоите? В дом!

Я прощу его не шуметь. Сую руку под клапан комбинезона и беру за рукоятку скорчера. Щекн говорит:

– Не надо. Я сам.

Он медленно, вразвалку направляется навстречу собакам. Он не принимает боевой позы. Он просто идет.

– Щекн, – говорю я. – Давай не будем связываться.

– Давай, – отзывается Щекн, не останавливаясь.

Я не понимаю, что он задумал, и, держа скорчер стволом вниз в опущенной руке, иду вдоль колонны грузовиков параллельным курсом. Мне надо увеличить сектор обстрела на тот случай, если грязно-желтый поток разом повернет на нас. Щекн все идет, а собаки остановились. Они пятятся, поворачиваются к Щекну боком, еще сильнее горбясь и совершенно упрятав хвосты между ногами, и, когда до ближайшей остается десяток шагов, они вдруг с паническим визгом бросаются наутек и мгновенно сливаются со стаей.

А Щекн все идет. Прямо по осевой, неторопливо, вразвалочку, словно перекресток перед ним совершенно пуст. Тогда я стискиваю зубы, поднимаю скорчер на изготовку и перехожу на осевую позади Щекна. Грязно-желтый поток уже совсем рядом. От нестерпимой вони (или от страха?) выворачивает наизнанку. Я стараюсь глядеть прямо перед собой и думаю: два удара влево и сразу же удар вправо, два влево и сразу вправо...

И тут внезапно над перекрестком поднимается отчаянный визг. Стая разрывается, очищая дорогу. Давя друг друга, карабкаясь друг на друга, кусая и топча друг друга, визжа, воя, рыча, псы устремляются долой с перекрестка. Через несколько секунд в переулке справа не осталось ни одной собаки, а переулок слева забит шевелящейся массой косматых тел, упирающихся лап и оскаленных пастей. И над этой массой столбом поднимается белесый вонючий пар, и тысячеголосый вой отчаяния и смертельного ужаса забивает мне уши, словно ватой.

Мы пересекаем перекресток, усеянный клочьями грязной шерсти, вопящий ад остается за спиной, и тогда я заставляю себя остановиться и поглядеть назад. Середина перекрестка по-прежнему пуста. Стая повернула. Обтекая колонну грузовых машин, она двигается теперь от нас по проспекту в сторону окраины. Визг и вой понемногу стихают, еще минута – и все становится как прежде: слышится только деловитый тысячелапый топот, костяное постукивание, сопение, фырканье. Я перевожу дух и засовываю скорчер обратно в кобуру. Я здорово перетрусил.

Вандерхузе устраивает нам разнос. Мы получаем выговор. Оба. За наглость и мальчишество. Вообще говоря, Щекн чрезвычайно чувствителен к репримандам, но сейчас он почему-то не протестует. Он только ворчит: «Скажи ему, что никакого риска не было. – И добавляет: – Почти...» Я диктую донесение об инциденте. Я не понял, что произошло на перекрестке, и естественно, что еще меньше меня понимает Вандерхузе. Я уклоняюсь от его расспросов. Напираю главным образом на то, что сейчас стая движется в направлении корабля.

– Если они дойдут до вас, пугните их огнем, – заключаю я.

Вандерхузе еще раз выражает нам свое неудовольствие и разрешает продолжать движение. Я совершенно отчетливо представляю себе, как он, выразив неудовольствие, привычным щелчком взбивает левую бакенбарду, подправляет правую, а затем, откинувшись в кресле, принимается вновь настороженно ревизовать обзорные экраны в покорном ожидании очередной неминуемой неприятности.

Мы проходим до конца двадцать второго квартала, и тут я замечаю, что живность совершенно исчезла с улицы – ни одной крысы, ни одной змеи, и даже лягушек совсем не видно. Попрятались из-за собак, думаю я нерешительно. Я знаю, что это не так. Это – Щекн.

На четвертом году нашего знакомства вдруг обнаружилось, что Щекн неплохо владеет английским языком. Примерно тогда же я выяснил, что Щекн сочиняет музыку – ну, не симфоническую, конечно, а песенки, простенькие песенные мелодии, очень милые, вполне приемлемые для слуха землян. А теперь вот еще что-то.

Он косит на меня желтым глазом.

– Как ты догадался про огонь? – осведомляется он.

Я настораживаюсь. Оказывается, я догадался про огонь! Когда же это я успел?

– Смотри про какой огонь, – говорю я наугад.

– Ты не понимаешь, о чем я говорю? Или не хочешь говорить?

Огонь, огонь, торопливо думаю я. Я чувствую, что сейчас мне, может быть, доведется узнать нечто важное. Если не торопиться. Если подавать точные реплики. Когда же это я говорил об огне? Да! «Пугните их огнем».

– Каждый ребенок знает, что животные боятся огня, – говорю я. – Поэтому я и догадался. Разве это было так уж трудно – догадаться?

– По-моему, это было трудно, – ворчит Щекн. – До сих пор ты не догадывался.

Он замолкает и перестает косить глазом. Поговорили. Все-таки он умница. Соображает, что либо я не понял, либо не хочу говорить при посторонних... И в том и в другом случае разговор лучше закруглить...

Итак, я догадался про огонь. На самом деле я ни о чем не догадался. Я просто сказал Вандерхузе: «Пугните их огнем». А Щекн решил, что я о чем-то догадался. Огонь, огонь... У Щекна, естественно, не было никакого огня... Значит, был! Только я его не видел, а собаки видели. Вот так так, этого только еще не хватало. Ай да Щекн!

– А ты и обжигал их тоже? – спрашиваю я вкрадчиво.

– Огонь обжигает, – отзывается Щекн сухо.

– И это умеет любой голован?

– Только земляне называют нас голованами. Южные выродки называют нас упырями. А в устье Голубой Змеи нас зовут мороками. А на Архипелаге – «цзеху» ... В русском языке нет соответствия. Это значит – «подземный житель, умеющий покорять и убивать силой своего духа».

– Понятно, – говорю я.

Всего лишь пять лет понадобилось мне, чтобы узнать: оказывается, мой ближайший друг, от которого я никогда ничего не скрывал, обладает способностью покорять и убивать силой своего духа. Будем надеяться, что только собачек, а вообще-то – кто его знает... Всего-навсего пять лет дружбы. Черт подери, почему меня это так задевает, в конце концов?

Щекн улавливает горечь в моем голосе мгновенно, но истолковывает ее по-своему.

– Не жадничай, – говорит он. – Зато у вас есть много такого, чего у нас нет и никогда не будет. Ваши машины и ваша наука...

Мы выходим на площадь и сразу останавливаемся, потому что видим пушку. Она стоит слева за углом, приземистая, словно бы припавшая к мостовой, – длинный ствол с тяжелым набалдашником дульного тормоза, низкий широкий щит, размалеванный камуфляжными зигзагами, широко раздвинутые трубчатые станины, толстенькие колеса на резиновом ходу... С этой позиции был сделан не один выстрел, но давно, очень давно. Стреляные гильзы, рассыпанные вокруг, насквозь проедены зеленой и красной окисью, крючья станин распороли асфальт до земли и тонут теперь в густой траве, и даже маленькое деревце успело пробиться возле левой станины. Проржавевший замок откинут, прицела нет вовсе, а в тылу позиции валяются сгнившие, полураспавшиеся зарядные ящики, все пустые. Здесь стреляли до последнего снаряда.

Я гляжу поверх щита и вижу, куда стреляли. Точнее, сначала я вижу громадные, заросшие плющом пробоины в стене дома напротив, и только потом в глаза мне бросается некая архитектурная несообразность. У подножия дома с пробоинами совершенно ни к селу ни

к городу стоит небольшой тускло-желтый павильон, одноэтажный, с плоской крышей, и теперь мне ясно, что стреляли именно по нему, прямой наводкой, почти в упор, с пятидесяти метров, а зияющие дыры в стене дома над ним – это промахи, хотя с такого расстояния промахнуться, казалось, было бы невозможно. Впрочем, промахов не так уж и много, и можно только поражаться прочности этого невзрачного желтого сооружения, принявшего на себя столько попаданий и все же не превратившегося в груды мусора.

Расположен павильон нелепо, и поначалу, мне кажется, будто страшными ударами снарядов его сдвинуло с места, отбросило назад, загнало на тротуар и почти воткнуло углом в стену дома. Но это, конечно, не так. Снаряды пробивали в желтом фасаде круглые отверстия с оплавленными и закопченными краями и рвались внутри, так что широкие створки просторного входа выбило наружу и, перекосившись, они висят теперь на каких-то невидимых ниточках. Внутри, несомненно, возник пожар, и все, что там было, выгорело дотла, а языки пламени оставили черные следы над входом и кое-где над пробоинами. Но стоит павильон, конечно же, именно там, где его поставили с самого начала какие-то чудаковатые архитекторы, совершенно загородив тротуар и отхватив часть мостовой, что, несомненно, должно было мешать движению транспорта.

Все, что здесь случилось, случилось очень давно, много лет назад, и давно уже исчезли запахи пожаров и стрельбы, но странным образом сохранилась и давила на душу атмосфера лютой ненависти, ярости, бешенства, которые двигали тогда неведомыми артиллеристами.

Я принимаюсь диктовать очередное донесение, а Щекн, усевшись поодаль и брюзгливо отвесив губу, демонстративно громко бурчит, кося желтым глазом: «Люди... Какое же тут может быть сомнение... Разумеется, люди... Железо и огонь, развалины, всегда одно и то же...» Видимо, он тоже ощущает эту атмосферу, и, наверное, еще более интенсивно, чем я. Он ведь вдобавок вспоминает сейчас свои родные края – леса, начиненные смертоубийственной техникой, выжженные до пепла пространства, где мертво торчат обугленные радиоактивные стволы деревьев, и сама земля пропитана ненавистью, страхом и гибелью...

На этой площади нам делать больше нечего. Разве что строить гипотезы и рисовать в воображении картины, одна другой ужаснее. Мы идем дальше, а я думаю, что в эпохи глобальных катастроф цивилизации выплескивают на поверхность бытия всю мерзость, все подонки, скопившиеся за столетия в генах социума. Формы этой накипи чрезвычайно многообразны, и по ним можно судить, насколько

неблагополучна была данная цивилизация к моменту катаклизма, но очень мало можно сказать о природе этого катаклизма, потому что самые разные катаклизмы – будь то глобальная пандемия, или всемирная война, или даже геологическая катастрофа – выплескивают на поверхность одну и ту же накипь: ненависть, звериный эгоизм, жестокость, которая кажется оправданной, но не имеет на самом деле никаких оправданий...

Сообщение от Эспады: он вступил в контакт. Приказ Комова: всем группам подготовить трансляторы для приема лингвистической информации. Я завожу руку за спину и на ощупь щелкаю тумблером портативного переводчика...

2 июня 78-го года

Майя Глумова, подруга Льва Абалкина

Я не стал предупреждать Майю Тойвовну о своем визите, а прямо в девять утра направился на Площадь Звезды.

На рассвете прошел небольшой дождь, и огромный куб музея из нетесаного мрамора влажно сверкал под солнцем. Еще издали я увидел перед главным входом небольшую пеструю толпу, а подойдя вплотную, услышал недовольные и разочарованные восклицания. Оказывается, со вчерашнего дня музей был закрыт для посетителей по случаю подготовки какой-то новой экспозиции. Толпа состояла главным образом из туристов, но особенно негодовали в ней научные работники, выбравшие именно это утро для того, чтобы поработать с экспонатами. Не было им никакого дела до новых экспозиций. Заранее надо было предупреждать их о такого рода административных маневрах. А теперь вот считайте, что день у них пропал... Сумятицу усугубляли кибернетические уборщики, которых, видимо, забыли перепрограммировать, и теперь они бессмысленно блуждали в толпе, путаясь у всех под ногами, шарахаясь от раздраженных пинков и поминутно вызывая взрывы злорадного хохота своими бессмысленными попытками пройти сквозь закрытые двери.

Уяснив обстановку, я не стал здесь задерживаться. Мне неоднократно приходилось бывать в этом музее, и я знал, где расположен служебный вход. Я обогнул здание и по тенистой аллейке прошел к широкой низкой дверце, едва заметной за сплошной стеной каких-то вьющихся растений. Эта пластиковая, под мореный дуб дверца тоже была заперта. У порога маялся еще один киберуборщик. Вид у него был безнадежно унылый: за ночь он, бедняга, основательно

разрядился, а теперь здесь, в тени, шансов вновь накопить энергию у него было немного.

Я отодвинул его ногой и сердито постучал. Отозвался замогильный голос:

– Музей внеземных культур временно закрыт для переоборудования центральных помещений под новую экспозицию. Просим прощения, приходите к нам через неделю.

– Массаракш! – произнес я вслух, озираясь в некоторой растерянности.

Никого вокруг, естественно, не было, и только кибер озабоченно стрекотал у меня под ногами. Видимо, его заинтересовали мои туфли.

Я снова отпихнул его и снова стукнул кулаком в дверь.

– Музей внеземных культур... – затянул было замогильный голос и вдруг смолк.

Дверь распахнулась.

– То-то же, – сказал я и вошел.

Кибер остался за порогом.

– Ну? – сказал я ему. – Заходи.

Но он попятился, словно бы не решаясь, и в ту же секунду дверь снова захлопнулась.

В коридорах стоял не очень сильный, но весьма специфический запах. Я уже давно успел заметить, что каждый музей обладает своим запахом. Особенно мощно пахло в зоологических музеях, но и здесь тоже паховало основательно. Внеземными культурами, надо полагать.

Я заглянул в первое попавшееся помещение и обнаружил там двух совсем молоденьких девчушек, которые с молекулярными паяльниками в руках возились в недрах некоего сооружения, более всего напоминающего гигантский моток колючей проволоки. Я спросил, где мне найти Майю Тойвовну, получил подробные указания и пошел блуждать по переходам и залам Спецсектора предметов материальной культуры не выясненного назначения. Здесь я никого не встретил. Широкие массы сотрудников пребывали, по-видимому, в центральных помещениях, где и занимались новой экспозицией, а здесь не было никого и ничего, кроме предметов не выясненного назначения. Но уж зато предметов этих я нагляделся по дороге досыта, и у меня мимоходом сложилось убеждение, что назначение их как было невыясненным, так и останется таковым во веки веков, аминь.

Майю Тойвовну я нашел в ее кабинете-мастерской. Когда я вошел, она подняла мне навстречу лицо – красивая, мало того – очень милая женщина, прекрасные каштановые волосы, большие серые глаза,

слегка вздернутый нос, сильные обнаженные руки с длинными пальцами, свободная синяя блузка-безрукавка в вертикальную черно-белую полоску. Прелестная женщина. Над правой бровью у нее была маленькая черная родинка.

Она глядела на меня рассеянно, и даже не на меня, а как бы сквозь меня, глядела и молчала. На столе перед нею было пусто, только обе руки ее лежали на столе, как будто она положила их перед собой и забыла о них.

– Прошу прощения, – сказал я. – Меня зовут Максим Каммерер.

– Да. Слушаю вас.

Голос у нее тоже был рассеянный, и сказала она неправду: не слушала она меня. Не слышала она меня и не видела. И вообще ей было явно не до меня сегодня. Любой приличный человек на моем месте извинился бы и потихоньку ушел. Но я не мог позволить себе быть приличным человеком. Я был сотрудником КОМКОНа-2 на работе. Поэтому я не стал ни извиняться, ни тем более уходить, а просто уселся в первое попавшееся кресло и, изобразив на физиономии простодушную приветливость, спросил:

– Что это у вас сегодня с музеем? Никого не пускают...

Кажется, она немножко удивилась:

– Не пускают? Разве?

– Ну я же вам говорю! Еле-еле пропустили через служебный вход.

– А, да... Простите, кто вы такой? У вас ко мне дело?

Я повторил, что я Максим Каммерер, и принялся излагать свою легенду.

И тут произошла удивительная вещь. Едва я произнес имя Льва Абалкина, как она словно бы проснулась. Рассеянность исчезла с ее лица, она вся вспыхнула и буквально впилась в меня своими серыми глазами. Но она не произнесла ни слова и выслушала меня до конца. Она только медленно подняла со стола свои безвольно лежавшие руки, скрестила длинные пальцы и положила на них подбородок.

– Вы сами его знали? – спросила она.

Я рассказал об экспедиции в устье Голубой Змеи.

– И вы обо всем этом напишете?

– Разумеется, – сказал я. – Но этого мало.

– Мало – для чего? – спросила она.

На лице ее появилось странное выражение – словно она с трудом сдерживала смех. У нее даже глаза заблестели.

– Понимаете, – начал я снова, – мне хочется показать становление Абалкина как крупнейшего специалиста в своей области. На стыке зоопсихологии и социопсихологии он произвел что-то вроде...

– Но он же не стал специалистом в своей области, – сказала она. – Они же сделали его Прогрессором. Они же его... Они...

Нет, не смех она сдерживала, а слезы. И теперь перестала сдерживать. Упала лицом в ладони и разрыдалась. О Господи! Женские слезы – это вообще ужасно, а тут я вдобавок ничего не понимал. Она рыдала бурно, самозабвенно, как ребенок, вздрагивая всем телом, а я сидел дурак дураком и не знал, что делать. В таких случаях всегда протягивают стакан воды, но в кабинете-мастерской не было ни стакана, ни воды, ни каких-либо заменителей – только стеллажи, уставленные предметами неизвестного назначения.

А она все плакала, слезы струйками протекали у нее между пальцами и капали на стол, она судорожно вздыхала, всхлипывала и все не открывала лица, а потом вдруг принялась говорить и говорила так, будто думала вслух – перебивая самое себя, без всякого порядка и без всякой цели...

...Он лупил ее – ого, еще как! Стоило ей поднять хвост, как он выдал ей по первое число. Ему было наплевать, что она девчонка и младше его на три года, – она принадлежала ему, и точка. Она была его вещью, его собственной вещью. Стала сразу же, чуть ли не в тот день, когда он увидел ее. Ей было пять лет, а ему восемь. Он бегал

кругами и выкрикивал свою собственную считалку: «Стояли звери около двери, в них стреляли, они умирали!» Десять раз, двадцать раз подряд. Ей стало смешно, и вот тогда он выдал ей впервые...

...Это было прекрасно – быть его вещью, потому что он любил ее. Он больше никого и никогда не любил. Только ее. Все остальные были ему безразличны. Они ничего не понимали и не умели понять. А он выходил на сцену, пел песни и декламировал – для нее. Он так и говорил: «Это для тебя. Тебе понравилось?» И прыгал в высоту – для нее. И нырял на тридцать два метра – для нее. И писал стихи по ночам – тоже для нее. Он очень ценил ее, свою собственную вещь, и все время стремился быть достойным такой ценной вещи. И никто ничего об этом не знал. Он всегда умел сделать так, чтобы никто ничего об этом не знал. До самого последнего года, когда об этом узнал его Учитель...

...У него было еще много собственных вещей. Весь лес вокруг интерната был его очень большой собственной вещью. Каждая птица в этом лесу, каждая белка, каждая лягушка в каждой канаве. Он повелевал змеями, он начинал и прекращал войны между муравейниками, он умел лечить оленей, и все они были его собственными, кроме старого лося по имени Рекс, которого он признал равным себе, но потом с ним поссорился и прогнал его из леса...

...Дура, дура! Сначала все было так хорошо, а потом она подросла и вздумала освободиться. Она прямо объявила ему, что не желает больше быть его вещью. Он отлупил ее, но она была упряма, она стояла на своем, проклятая дура. Тогда он снова отлупил ее, жестоко и беспощадно, как лупил своих волков, пытавшихся вырваться у него из повиновения. Но она-то была не волк, она была упрямее всех его волков вместе взятых. И тогда он выхватил из-за пояса свой нож, который самолично выточил из кости, найденной в лесу, и с бешеной улыбкой медленно и страшно вспорол себе руку от кисти до локтя. Он стоял перед ней с бешеной улыбкой, кровь хлестала у него из руки, как вода из крана, и он спросил: «А теперь?» И он еще не успел поваляться, как она поняла, что он был прав. Был прав всегда, с самого начала. Но она, дура, дура, дура, так и не захотела признать этого...

...А в последний его год, когда она вернулась с каникул, ничего уже не было. Что-то случилось. Наверное, они уже взяли его в свои руки. Или узнали обо всем и, конечно же, ужаснулись, идиоты. Проклятые разумные кретины. Он посмотрел сквозь нее и отвернулся. И больше уже не смотрел на нее. Она перестала существовать для него, как и все остальные. Он утратил свою вещь и примирился с потерей. А когда он снова вспомнил о ней, все уже было по-другому. Жизнь уже навсегда

перестала быть таинственным лесом, в котором он был владыкой, а она – самым ценным, что он имел. Они уже начали превращать его, он был уже почти Прогрессор, он уже был на полпути в другой мир, где предают и мучают друг друга. И видно было, что он стоит на этом пути твердой ногой, он оказался хорошим учеником, старательным и способным. Он писал ей, она не отвечала. Он звал ее, она не откликнулась. А надо было ему не писать и не звать, а приехать самому и отлупить, как встарь, и тогда все, может быть, стало бы по-прежнему. Но он уже больше не был владыкой. Он стал всего лишь мужчиной, каких было много вокруг, и он перестал ей писать...

...Последнее его письмо, как всегда написанное от руки, – он признавал только письма от руки, никаких кристаллов, никаких магнитных записей, только от руки, – последнее его письмо пришло как раз оттуда, из-за Голубой Змеи. «Стояли звери около двери, – писал он, – в них стреляли, они умирали». И больше ничего не было в этом последнем его письме...

Она лихорадочно выговаривалась, всхлипывая и сморкаясь в смятые лабораторные салфетки, и вдруг я понял, и через секунду она сказала это сама: она виделась с ним вчера. Как раз в то самое время, когда я звонил ей и беседовал с конопатым Тойво, и когда я дозванивался до Ядвиги, и когда я разговаривал с Экселенцем, и когда я валялся дома, изучая отчет об операции «Мертвый мир», – все это время она была с ним, смотрела на него, слушала его, и что-то там у них происходило такое, из-за чего она сейчас плакалась в жилетку незнакомому человеку.

2 июня 78-го года

Майя Глумова и журналист Каммерер

Она замолчала, словно опомнившись, и я тоже опомнился – только на несколько секунд раньше. Ведь я был на работе. Надо было работать. Долг. Чувство долга. Каждый обязан исполнять свой долг. Эти затхлые, шершавые слова. После того, что мне довелось услышать. Плюнуть на долг и сделать все возможное, чтобы вытащить эту несчастную женщину из трясины ее непонятного отчаяния. Может быть, это и есть мой настоящий долг?

Но я знал, что это не так. Это не так по многим причинам. Например, потому что я не умею вытаскивать людей из трясины отчаяния. Просто не знаю, как это делается. Не знаю даже, с чего здесь начинают. И поэтому мне больше всего хотелось сейчас встать, извиниться

и уйти. Но и этого я, конечно, не сделаю, потому что мне надо непременно узнать, где они встречались и где он сейчас...

Она вдруг снова спросила:

– Кто вы такой?

Она задала этот вопрос голосом надтреснутым и сухим, и глаза у нее уже были сухие и блестящие, совсем больные глаза.

Пока я не пришел, она сидела здесь одна, хотя вокруг было полным-полно ее коллег и даже, наверное, друзей, все равно она была одна, может быть, даже кто-то и подходил к ней и пытался заговорить с нею, но она все равно оставалась одна, потому что здесь никто ничего не знал и не мог знать о человеке, переполнившем ее душу этим страшным отчаянием, этим жгучим, обессиливающим разочарованием и всем прочим, что скопилось в ней за эту ночь, рвалось наружу и не находило выхода, и вот появился я и назвал имя Льва Абалкина – словно полоснул скальпелем по невыносимому нарыву. И тогда ее прорвало, и на какое-то время она ощутила огромное облегчение, сумела наконец выкричаться, выплакаться, освободиться от боли, разум ее освободился, и тогда я перестал быть целителем, а стал тем, кем и был на самом деле, – совершенно чужим, посторонним и случайным человеком. И сейчас ей становилось ясно, что на самом деле я не могу быть совсем уж случайным человеком, потому что таких случайностей не бывает. Не бывает так, чтобы расстаться с возлюбленным двадцать лет назад, двадцать лет ничего не знать о нем, двадцать лет не слышать его имени, а потом, двадцать лет спустя, снова встретиться с ним и провести с ним ночь, страшную и горькую, страшнее и горше любой разлуки, и чтобы наутро, впервые за двадцать лет, услышать его имя от совершенно случайного, чужого, постороннего человека...

– Кто вы такой? – спросила она надтреснутым и сухим голосом.

– Меня зовут Максим Каммерер, – ответил я в третий раз, всем видом своим изображая крайнюю растерянность. – Я в некотором роде журналист... Но ради бога... Я, видимо, попал не вовремя... Понимаете, я собираю материал для книги о Льве Абалкине...

– Что он здесь делает?

Она мне не верила. Может быть, она чувствовала, что я ищу не материал о Льве Абалкине, а самого Льва Абалкина. Мне надо было приспособливаться. И побыстрее. И я, разумеется, приспособился.

– В каком смысле? – спросил журналист Каммерер озадаченно и с некоторой даже тревогой.

– У него здесь задание?

Журналист Каммерер обалдел.

– З-задание? Н-не совсем понимаю... – Журналист Каммерер был жалок. Без всякого сомнения, он был не готов к такой встрече. Он попал в дурацкое положение помимо своей воли и совершенно не представлял себе, как из этого положения выпутаться. Больше всего на свете журналисту Каммереру хотелось убежать. – Майя Тойвовна, ведь я... Ради бога, вы не подумайте только... Считайте, что я ничего здесь не слышал... Я уже все забыл!.. Меня здесь вообще не было!.. Но если я могу чем-то помочь вам...

Журналист Каммерер лепетал бессвязицу и был багров от смущения. Он уже не сидел. Он в предупредительной и крайне неудобной позе как бы нависал над столом и все пытался ободряюще взять Майю Тойвовну за локоть. Он был, вероятно, довольно противен на вид, но уж наверняка совершенно безвреден и глуповат.

– ...У меня, видите ли, такая манера работы... – бормотал он в жалкой попытке как-то оправдаться. – Вероятно, спорная, не знаю, но раньше мне всегда это удавалось... Я начинаю с периферии: друзья, сотрудники... Учителя, разумеется... Наставники... а потом уже – так сказать, во всеоружии – приступаю к главному объекту исследования... Я справлялся в КОМКОНе, мне сказали, что Абалкин вот-вот должен вернуться на Землю... С Учителем я уже поговорил... С врачом... Потом решил – с вами... Но не вовремя... Простите и еще раз простите. Я же не слепой, я вижу, что получилось какое-то крайне неприятное совпадение...

И он таки успокоил ее, этот неуклюжий и глуповатый журналист Каммерер. Она откинулась в кресле и прикрыла лицо ладонью. Подозрения исчезли, проснулся стыд, и навалилась усталость.

– Да, – сказала она. – Это совпадение...

Теперь журналисту Каммереру следовало повернуться и удалиться на цыпочках. Но не такой он был человек, этот журналист. Не мог он вот так, попросту, оставить в одиночестве измученную, расстроенную женщину, без всякого сомнения нуждающуюся в помощи и поддержке.

– Разумеется, совпадение, и не более того... – бормотал он. – И забудем, и ничего не было... Потом, когда-нибудь, когда вам будет удобно... угодно... Я бы с величайшей благодарностью, разумеется... Конечно, это не в первый раз случается в моей работе, что я сначала беседую с главным объектом, а потом уже... Майя Тойвовна, может быть, позвать кого-нибудь? Я мигом...

Она молчала.

– Ну и не надо, ну и правильно... Зачем? Я посижу здесь с вами... на всякий случай...

Она наконец отняла руку от глаз.

– Не надо вам со мной сидеть, – устало сказала она. – Ступайте лучше к своему главному объекту...

– Нет-нет-нет! – запротестовал журналист Каммерер. – Успею. Объект, знаете, объектом, а я бы не хотел оставлять вас одну... Времени у меня сколько угодно... – Он посмотрел на часы с некоторой тревогой. – А объект теперь никуда не денется! Теперь я его поймаю... Да его и дома-то сейчас, скорее всего, нет. Знаю я этих Прогрессоров в отпуске... Бродит, наверное, по городу и предается сентиментальным воспоминаниям...

– Его нет в городе, – сказала Майя Тойвовна, пока еще сдерживаясь. – Вам до него два часа лету...

– Два часа лету? – Журналист Каммерер был неприятно поражен. – Позвольте, но у меня определенно сложилось впечатление...

– Он на Валдае! Курорт «Осинушка»! На озере Велье! И имейте в виду, что нуль-Т не работает!

– М-м-м! – очень громко произнес журналист Каммерер.

Двухчасовое воздушное путешествие, безусловно, не входило в его планы на сегодняшний день. Можно было даже заподозрить, что он вообще противник воздушных путешествий.

– Два часа... – забормотал он. – Так-так-так... Я как-то совсем по-другому это себе представлял... Прошу извинить меня, Майя Тойвовна, но, может быть, с ним можно как-то связаться отсюда?

– Наверное, можно, – сказала Майя Тойвовна совсем уже угасшим голосом. – Я не знаю его номера... Послушайте, Каммерер, дайте мне остаться одной. Все равно вам сейчас от меня никакого толку.

И вот только теперь журналист Каммерер осознал всю неловкость своего положения до конца. Он вскочил и бросился к двери. Спихватился, вернулся к столу. Пробормотал нечленораздельные извинения. Снова бросился к двери, опрокинув по дороге кресло. Продолжая бормотать извинения, поднял кресло и поставил его на место с величайшей осторожностью, словно оно было из хрусталя и фарфора. Попятился, кланяясь, выдал задом дверь и вывалился в коридор.

Я осторожно прикрыл дверь и некоторое время постоял, растирая тыльной стороной ладони затекшие мускулы лица. От стыда и отвращения к самому себе меня мутило.

2 июня 78-го года

«Осинушка». Доктор Гоаннек

С восточного берега «Осинушка» выглядела как россыпь белых и красных крыш, утопающих в красно-зеленых зарослях рябины. Была там еще узкая полоска пляжа и деревянный на вид причал, к которому приткнулось стадо разноцветных лодок. На всем озаренном солнцем косогоре не видно было ни души, и только на причале восседал, свесив босые ноги, некто в белом – надо полагать, удил рыбу, очень уж был неподвижен.

Я бросил одежду на сиденье и без лишнего шума вошел в воду. Хороша была вода в озере Велье, чистая и сладкая, плыть было одно удовольствие.

Когда я вскарабкался на причал и, вытряхивая воду из уха, запрыгал на одной ноге по горячим от солнца доскам, некто в белом отвлекся наконец от поплавка и, оглядев меня через плечо, осведомился с интересом:

– Так и бредете из Москвы в одних трусах?

Опять это был старикан лет под сто, сухой и тощий, как его бамбуковая удочка, только не желтый с лица, а скорее коричневый или даже, я бы сказал, почти черный. Возможно, по контрасту со своими незапятнанно белыми одеждами. Впрочем, глаза у него были молодые – маленькие, синенькие и веселенькие. Ослепительно белая каскетка с исполинским противосолнечным козырьком прикрывала его, несомненно, лысую голову и делала похожим не то на отставного жокея, не то на марк-твеневского школьника, удравшего из воскресной школы.

– Говорят, здесь рыбы необыкновенное количество, – сказал я, опускаясь рядом с ним на корточки.

– Вранье, – сказал он. Кратко сказал. Увесисто.

– Говорят, здесь время можно неплохо провести, – сказал я.

– Смотря кому, – сказал он.

– Модный курорт, говорят, здесь, – сказал я.

– Был, – сказал он.

Я иссяк. Мы помолчали.

– Модный курорт, юноша, – наставительно произнес он, – был здесь три сезона тому назад. Или, как выражается мой правнук Брячеслав, «тому обратно». Теперь, видите ли, юноша, мы не мыслим себе отдыха без ледяной воды, без гнуса, без сыроядения и диких дебрей... «Дикие скалы – вот мой приют», видите ли... Таймыр и

Баффинова Земля, знаете ли... Космонавт? – спросил он вдруг. – Прогрессор? Этнолог?

– Был, – сказал я не без злорадства.

– А я врач, – сказал он, не моргнув глазом. – Полагаю, вам я не нужен? Последние три сезона я редко кому здесь был нужен. Впрочем, опыт показывает, что пациент склонен идти косяком. Например, вчера я понадобился. Спрашивается: почему бы и не сегодня? Вы уверены, что я вам не нужен?

– Только как приятный собеседник, – сказал я искренне.

– Ну что ж, и на том спасибо, – отозвался он с готовностью. – Тогда пойдете пить чай.

И мы пошли пить чай.

Доктор Гоаннек обитал в обширной бревенчатой избе при медицинском павильоне. Изба была оборудована всем необходимым, как-то: крыльцом с балясинами, резными наличниками, коньковым петухом, русской ультразвуковой печью с автоматической настройкой, ванной и двухспальной лежанкой, а также двухэтажным погребом, подключенным, впрочем, к Линии Доставки. На задах, в зарослях могучей крапивы, имела место кабина нуль-Т, искусно выполненная в виде деревянного нужника.

Чай у доктора состоял из: ледяного свекольника, пшенной каши с тыквой и шипучего, с изюмом, кваса. Собственно чая, чая как такового, не было, – по глубокому убеждению доктора Гоаннека, потребление крепкого чая способствовало камнеобразованию, а жидкий чай представлял собою кулинарный нонсенс.

Доктор Гоаннек был старожилом «Осинушки» – он принял здешнюю практику двенадцать сезонов назад. Он видывал «Осинушку» и заурядным курортом, каких тысячи, и в пору совершенно фантастического взлета, когда в курортологии на время возобладала идея, будто только средняя полоса способна сделать отдыхающего счастливым. Не покинул он ее и теперь, в период ее, казалось бы, безнадежного упадка.

Нынешний сезон, начавшийся, как всегда, в апреле, привел в «Осинушку» всего лишь троих.

В середине мая здесь побывала супружеская чета абсолютно здоровых ассенизаторов, только что прибывших из Северной Атлантики, где они разгребали огромную кучу радиоактивной дряни. Эта пара – негр банту и малайка – перепутала полушария и явилась сюда покататься, видите ли, на лыжах. Побродив несколько дней по окрестным лесам, они в одну прекрасную ночь скрылись в неизвестном

направлении, и только через неделю от них пришла с Фолклендских островов телеграмма с подобающими извинениями.

Да вот еще вчера рано утром объявился неожиданно-негаданно в «Осинушке» некий странный юноша. Почему странный? Во-первых, непонятно, как он сюда попал. Не было при нем ни наземного, ни воздушного транспорта – за это доктор Гоаннек мог поручиться своей бессонницей и чутким слухом. Не явился он сюда и пешком – не был он похож на человека, путешествующего пешком: пеших туристов, доктор Гоаннек безошибочно определял по запаху. Оставалась нуль-транспортировка. Но, как известно, последние несколько дней нуль-связь барахлит из-за флюктуаций нейтринного поля, а значит, в «Осинушку» нуль-транспортировкой можно было попасть только по чистой случайности. Однако спрашивается: если этот юноша попал сюда чисто случайно, почему он сразу же набросился на доктора Гоаннека, словно именно в докторе Гоаннеке он нуждался всю свою жизнь?

Этот последний пункт показался путешествующему в трусах туристу Каммереру несколько туманным, и доктор Гоаннек не замедлил дать соответствующие разъяснения. Странному юноше не нужен был именно доктор Гоаннек лично. Ему нужен был любой доктор, но зато чем скорее, тем лучше. Дело в том, что юноша жаловался на нервное истощение, и таковое истощение действительно имело место, причем настолько сильное, что такому опытному врачу, как доктор Гоаннек, это было видно невооруженным глазом. Доктор Гоаннек счел необходимым тут же произвести всестороннее и тщательное обследование, которое, к счастью, не обнаружило никакой патологии. Замечательно, что этот благоприятный диагноз произвел на юношу прямо-таки целительное действие. Он буквально расцвел на глазах и уже через два-три часа как ни в чем не бывало принимал гостей.

Нет-нет, гости прибыли самым обыкновенным образом – на стандартном глайдере... Собственно, не гости, а гостя. И очень правильно: для молодого человека нет и не может быть более целительной психотерапии, нежели очаровательная молодая женщина. В обширной практике доктора Гоаннека аналогичные случаи имели место достаточно часто. Вот, например... Доктор Гоаннек привел пример номер один. Или, скажем... Доктор Гоаннек привел пример номер два. Соответственно, и для молодых женщин лучшей психотерапией является... И доктор Гоаннек привел примеры за номерами три, четыре и пять.

Чтобы не ударить в грязь лицом, турист Каммерер поспешил ответить примером из своего личного опыта, когда он в бытность свою

Прогрессором тоже однажды оказался на грани нервного истощения, однако этот жалкий и неудачный пример был отвергнут доктором Гоаннеком с негодованием. С Прогрессорами, оказывается, все обстоит совершенно иначе – гораздо сложнее, а в известном смысле, наоборот, гораздо проще. Во всяком случае, доктор Гоаннек никогда не позволил бы себе без консультации со специалистом применять какие бы то ни было психотерапевтические средства к странному юноше, если бы таковой был Прогрессором...

Но странный юноша, разумеется, не был Прогрессором. Говоря в скобках, он, пожалуй, никогда и не смог бы стать Прогрессором: у него для этого малопригодный тип нервной организации. Нет, не Прогрессором он был, а то ли артистом, то ли художником, которого постигла крупная творческая неудача. И это было далеко не первый и даже не десятый случай в богатой практике доктора Гоаннека. Помнится... И доктор Гоаннек принялся извергать случаи один другого краше, заменяя при этом, разумеется, подлинными именами всевозможными Иксами, Бетами и даже Альфами...

Турист Каммерер, бывший Прогрессор и человек вообще грубоватый по натуре, довольно невежливо прервал это поучительное повествование, заявив, что лично он нипочем не согласился бы жить на одном курорте с ополоумевшим артистом. Это было опрометчивое замечание, и туриста Каммерера незамедлительно поставили на место. Прежде всего, слово «ополоумевший» было проанализировано, вдребезги раскритиковано и отмечено прочь как медицински безграмотное, а вдобавок еще и вульгарное. И только затем доктор Гоаннек с необычайным ядом в голосе сообщил, что упомянутый ополоумевший артист, предчувствуя, видимо, нашествие бывшего Прогрессора Каммерера и все связанные с этим неудобства, сам отказался от мысли делить с ним курорт и еще утром отбыл на первом попавшемся глайдере. При этом он так спешил избежать встречи с туристом Каммерером, что даже не успел попрощаться с доктором Гоаннеком.

Бывший Прогрессор Каммерер остался, впрочем, совершенно нечувствителен к яду. Он принял все за чистую монету и выразил полное удовлетворение тем обстоятельством, что курорт свободен от нервно-истощенных работников искусства и теперь можно без помех и со вкусом выбрать себе подходящее место для постоя.

– Где жил этот неврастеник? – прямо спросил он и тут же пояснил: – Это я – чтобы туда зря не ходить.

Разговор этот происходил уже на крыльце с балясинами. Несколько шокированный доктор молча указал на живописную избу с

большим синим номером шесть, стоявшую несколько отдельно от прочих строений, на самом обрыве.

– Превосходно, – объявил турист Каммерер. – Значит, туда мы не пойдем. А пойдем мы с вами сначала вон туда... Мне нравится, что там как будто рябина поуще...

Было совершенно несомненно, что изначально общительный доктор Гоаннек намеревался предложить, а в случае сопротивления и навязать свою особу в качестве проводника и рекомендателя «Осинушки». Однако турист и бывший Прогрессор Каммерер казался ему теперь излишне бесцеремонным и толстокожим.

– Разумеется, – сухо сказал он. – Я вам советую пройти по этой вот тропинке. Отыщите коттедж номер двенадцать...

– Как? А вы?

– Увольте. У меня, знаете ли, обыкновение после чая отдыхать в гамаке...

Несомненно, одного-единственного жалобного взгляда было бы достаточно, чтобы доктор Гоаннек немедленно смягчился и изменил бы своему обыкновению во имя законов гостеприимства. Поэтому толстокожий и вульгарный Каммерер поспешил наложить последний мазок.

– Пр-р-проклятые годы, – сочувственно произнес он, и дело было сделано.

Кипя безмолвным негодованием, доктор Гоаннек направился к своему гамаку, а я нырнул в заросли рябины, обогнул медицинский павильон и наискосок по косоугору направился к избе неврастеника.

2 июня 78-го года

В избе номер шесть

Мне было ясно, что, скорее всего, «Осинушка» больше никогда не увидит Льва Абалкина и что в его временном жилище я не найду ничего для себя полезного. Но две вещи были для меня совсем неясны. Действительно, как Лев Абалкин попал в эту «Осинушку» и зачем? С его точки зрения, если он действительно скрывается, гораздо логичнее и безопаснее было бы обратиться к врачу в любом большом городе. Например, в Москве, до которой отсюда десять минут лету, или хотя бы в Валдае, до которого отсюда лету две минуты. Скорее всего, он попал сюда совершенно случайно: либо не обратил внимания на предупреждение о нейтринной буре, либо ему было все равно куда попадать. Ему нужен был врач, срочно, позарез. Зачем?

И еще одна странность. Неужели опытный столетний врач мог ошибиться настолько, чтобы признать матерого Прогрессора непригодным к этой профессии? Вряд ли. Тем более что вопрос о профессиональной ориентации Абалкина встает передо мной не впервые... Выглядит это достаточно беспрецедентно. Одно дело направить в Прогрессоры человека вопреки его профессиональным склонностям, и совсем другое дело – определить Прогрессором человека с противоположенной нервной организацией. За такие штучки надо снимать с работы – и не временно, а навсегда, потому что пахнет это уже не напрасной растратой человеческой энергии, а человеческими смертями... Кстати, Тристан уже умер... И я подумал, что потом, когда я найду Льва Абалкина, мне непременно надо будет найти тех людей, по вине которых заварилась вся эта каша.

Как я и ожидал, дверь временного обиталища Льва Абалкина заперта не была. В маленьком холле было пусто, на низком круглом столике под газосветной лампой восседал игрушечный медвежонок-панда и важно кивал головой, освещивая рубиновыми глазками.

Я заглянул направо, в спальню. Видимо, сюда не заходили года два, а то и все три – даже световая автоматика не была там задействована, а над застеленной кроватью темнели в углу паутинные заросли с дохлыми пауками.

Обогнув столик, я прошел на кухню. Кухней пользовались. На откидном столе имели место грязные тарелки, окно Линии Доставки было открыто, и в приемной камере красовался невостребованный пакет с гроздьё бананов. Видимо, там, у себя в штабе «Ц», Лев Абалкин привык пользоваться услугами денщика. Впрочем, вполне можно было предположить, что он не знал, как запускается киберуборщик...

Кухня в какой-то мере подготовила меня к тому, что я увидел в гостиной. Правда, в очень малой мере. Весь пол был усеян клочьями рваной бумаги. Широкая кушетка разорена – цветастые подушки валялись как попало, а одна оказалась на полу в дальнем углу комнаты. Кресло у стола было опрокинуто, на столе в беспорядке располагались блюда с подсохшей едой и опять-таки грязные тарелки, а среди всего этого торчала початая бутылка вина. Еще одна бутылка, оставив за собой липкую дорожку на ковре, откатилась к стене. Бокал с остатками вина был почему-то только один, но, поскольку оконная портьера была содрана и висела на последних нитках, я как-то сразу предположил, что второй бокал улетел в распахнутое настежь окно.

Мятая бумага валялась не только на полу, и не вся она была мятая. Несколько листков белели на кушетке, рваные клочки попали в блюда с едой, и вообще блюда и тарелки были несколько сдвинуты в

сторону, а на освободившемся пространстве лежала целая пачка бумаги.

Я сделал несколько осторожных шагов, и сейчас же что-то острое впилося мне в босую подошву. Это был кусочек янтаря, похожий на коренной зуб с двумя корнями. Он был просверлен насквозь. Я опустился на корточки, огляделся и обнаружил еще несколько таких же кусочков, а остатки янтарного ожерелья валялись под столом, у самой кушетки.

Все еще на корточках, я подобрал ближайший клочок бумаги и расправил его на ковре. Это была половинка листа обычной писчей бумаги, на которой кто-то изобразил стилем человеческое лицо. Детское лицо. Некий пухлощекий мальчишка лет двенадцати. По-моему, ябеда. Рисунок был выполнен несколькими точными, уверенными штрихами. Очень и очень приличный рисунок. Мне вдруг пришло в голову, что я, может быть, ошибаюсь, что вовсе не Лев Абалкин, а на самом деле какой-то профессиональный художник, претерпевший творческую неудачу, оставил здесь после себя весь этот хаос.

Я собрал всю разбросанную бумагу, поднял кресло и устроился в нем.

И опять все это выглядело довольно странно. Кто-то быстро и уверенно рисовал на листках какие-то лица, по преимуществу детские, каких-то зверушек, явно земных, какие-то строения, пейзажи, даже, по-моему, облака. Было там несколько схем и как бы кроков, набросанных рукой профессионального топографа, – рощицы, ручьи, болота, перекрестки дорог, и тут же, среди лаконичных топографических знаков, – почему-то крошечные человеческие фигурки, сидящие, лежащие, бегущие, и крошечные изображения животных – не то оленей, не то лосей, не то волков, не то собак, и почему-то некоторые из этих фигурок были перечеркнуты.

Все это было непонятно и уж, во всяком случае, никак не увязывалось с хаосом в комнате и с образом имперского штабного офицера, не прошедшего рекондиционирования. На одном из листочков я обнаружил превосходно выполненный портрет Майи Глумовой, и меня поразило выражение то ли растерянности, то ли недоумения, очень умело схваченное на этом улыбающемся и в общем-то веселом лице. Был там еще и шарж на Учителя, Сергея Павловича Федосеева, причем мастерский шарж: именно таким был, вероятно, Сергей Павлович четверть века назад. Увидев этот шарж, я сообразил наконец, что за строения изображены на рисунках – четверть века назад такова была типовая архитектура евразийских школ-интернатов... И все это

рисовалось быстро, точно, уверенно, и почти сейчас же рвалось, сминалось, отбрасывалось.

Я отложил бумаги и снова оглядел гостиную. Внимание мое привлекла голубая тряпочка, валявшаяся под столом. Я подобрал ее. Это был измятый и изодранный женский носовой платок. Я, конечно, сразу же вспомнил рассказ Акутагавы, и мне представилось, как Майя Тойвовна сидела вот в этом самом кресле перед Львом Абалкиным, смотрела на него, слушала его, и на лице ее блуждала улыбка, за которой лишь слабой тенью проступало выражение то ли растерянности, то ли недоумения, а руки ее под столом безжалостно терзали и рвали носовой платок...

Я отчетливо видел Майю Глузову, но я никак не мог представить себе, что же такое видела и слышала она. Все дело было в этих рисунках. Если бы не они, я бы легко увидел перед собою на этой развороченной кушетке обыкновенного имперского офицера, только что из казармы и вкушающего заслуженный отдых. Но рисунки были, и что-то очень важное, очень сложное и очень темное скрывалось за ними...

Делать здесь было больше нечего. Я потянулся к видеofону и набрал номер Экселенца.

2 июня 78-го года

Неожиданная реакция Экселенца

Он выслушал меня, ни разу не перебив, что само по себе было уже достаточно дурным признаком. Я попробовал утешить себя мыслью, что недовольство его связано не со мной, а с какими-то другими, далекими от меня обстоятельствами. Но, выслушав меня до конца, он сказал угрюмо:

– С Глузовой у тебя почти ничего не получилось.

– Меня связывала легенда, – сказал я сухо.

Он не спорил.

– Что думаешь делать дальше? – спросил он.

– По-моему, сюда он больше не вернется.

– По-моему, тоже. А к Глузовой?

– Трудно сказать. Вернее, совсем ничего не могу сказать. Не понимаю. Но шанс, конечно, остается.

– Твое мнение: зачем он вообще с нею встречался?

– Вот этого я и не понимаю, Экселенц. Судя по всему, они здесь занимались любовью и воспоминаниями. Только любовь эта была не совсем любовь, а воспоминания – не просто воспоминания. Иначе Глузова не была бы в таком состоянии. Конечно, если он напился как

свинья, он мог ее как-то оскорбить... Особенно если вспомнить, какие у них были странные отношения в детстве...

– Не преувеличивай, – проворчал Экселенц. – Они уже давно не дети. Поставим вопрос так: если он теперь снова позовет ее или придет к ней сам, примет она его?

– Не знаю, – сказал я. – Скорее всего – да. Он все еще очень много значит для нее. Она не могла бы прийти в такое отчаяние из-за человека, к которому равнодушна.

– Литература, – проворчал Экселенц и вдруг гаркнул: – Ты должен был узнать, зачем он ее вызвал! О чем они говорили! Что он ей сказал!

Я разозлился.

– Ничего этого я узнать не мог, – сказал я. – Она была в истерике, а когда пришла в себя, перед ней сидел идиот-журналист со шкурой толщиной в дюйм...

Он прервал меня:

– Тебе придется встретиться с ней еще раз.

– Тогда разрешите мне изменить легенду!

– Что ты предлагаешь?

– Например, так. Я из КОМКОНа. На некоей планете произошло несчастье. Лев Абалкин – свидетель. Но несчастье это так его потрясло, что он бежал на Землю и теперь никого не хочет видеть... Психически надломлен, почти болен. Мы ищем его, чтобы узнать, что там произошло...

Экселенц молчал, предложение мое ему явно не нравилось. Некоторое время я смотрел на его недовольную веснушчатую лысину, заклонившую экран, а затем, сдерживаясь, заговорил снова:

– Поймите, Экселенц, теперь нельзя уже больше врать, как раньше. Она уже успела сообразить, что я появился у нее не случайно. Я ее разубедил, кажется, но, если я снова появлюсь в том же ампула, это же будет явный вызов здравому смыслу! Либо она поверила, что я – журналист, и тогда ей не о чем со мной говорить, она просто пошлет к черту толстокожего идиота. Либо она не поверила, и тогда пошлет тем более. Я бы послал, например. А вот если я – представитель КОМКОНа, тогда я имею право спрашивать, и уж я постараюсь спросить так, чтобы она ответила.

По-моему, все это звучало достаточно логично. Во всяком случае, никакого другого пути я придумать сейчас не мог. И во всяком случае, в роли идиота-журналиста я к ней больше не пойду. В конце концов, Экселенцу виднее, что более важно: найти человека или сохранить тайну розыска.

Он спросил, не поднимая головы:

– Зачем тебе понадобилось утром заходить в музей?

Я удивился:

– То есть как – зачем? Чтобы поговорить с Глумовой...

Он медленно поднял голову, и я увидел его глаза. Зрачки у него были во всю радужку. Я даже отпрянул. Было несомненно, что я сказал нечто ужасное. Я залепетал как школьник:

– Но ведь она же там работает... Где же мне было с ней разговаривать? Дома я ее не застал...

– Глумова работает в Музее внеземных культур? – отчетливо выговаривая слова, спросил он.

– Ну да, а что случилось?

– В Спецсекторе объектов невыясненного назначения... – тихо проговорил он. То ли спросил, то ли сообщил. У меня холод продрал по хребту, когда я увидел, как левый угол его тонкогубого рта пополз влево и вниз.

– Да, – сказал я шепотом.

Я уже снова не видел его глаз. Снова весь экран заслонила блестящая лысина.

– Экселенц...

– Помолчи! – гаркнул он. И мы оба надолго замолчали.

– Так, – сказал он наконец обычным голосом. – Отправляйся домой. Сиди дома и никуда не выходи. Ты можешь понадобиться мне в любую минуту. Но скорее всего – ночью. Сколько тебе нужно времени на дорогу?

– Два с половиной часа.

– Почему так долго?

– Мне еще озеро надо переплыть.

– Хорошо. Вернешься домой – доложи мне. Торопись.

И экран погас.

Из отчета Льва Абалкина

...Снова усиливается дождь, туман становится еще гуще, так что дома справа и слева почти невозможно разглядеть с середины улицы. Эксперты впадают в панику – им померещилось, что теперь отказывают биооптические преобразователи. Я их успокаиваю. Успокоившись, они наглеют и пристают, чтобы я включил противотуманный прожектор. Я включаю им прожектор. Эксперты ликуют было, но тут Щекн усаживается на хвост посередине мостовой и объявляет, что он не сделает более ни шагу, пока не уберут эту дурацкую радугу, от

которой у него болят уши и чешется между пальцами. Он, Щекн, превосходно видит все и без этих нелепых прожекторов, а если эксперты и не видят чего-нибудь, то им и видеть-то ничего не надо, пусть-ка они лучше займутся каким-нибудь полезным делом, например, приготовят к его, Щекна, возвращению овсяную похлебку с бобами. Взрыв возмущения. Вообще-то эксперты побаиваются Щекна. Любой землянин, познакомившись с голованом, рано или поздно начинает его побаиваться. Но в то же время, как это ни парадоксально, тот же землянин не способен относиться к головану иначе как к большой говорящей собаке (ну, там, цирк, чудеса зоопсихологии, то-се...).

Один из экспертов имеет неосторожность пригрозить Щекну, что его оставят без обеда, если он будет упрячиться. Щекн повышает голос. Выясняется, что он, Щекн, всю свою жизнь прекрасно обходился без экспертов. Более того, мы здесь чувствовали себя до сих пор особенно хорошо именно тогда, когда экспертов не было ни видно и ни слышно. Что же касается персонально того эксперта, который, судя по всему, нацелился сейчас потрепать его, Щекна, овсяную похлебку с бобами... И так далее, и так далее, и так далее.

Я стою под дождем, который все усиливается и усиливается, слушаю всю эту экспертно-бобовую белиберду и никак не могу стряхнуть с себя какое-то дремучее оцепенение. Мне чудится, будто я присутствую на удивительно глупом театральном представлении без начала и конца, где все действующие лица поперезабыли свои роли и несут отсебятину в тщетной надежде, что кривая вывезет. Это представление затеяно как бы специально для меня, чтобы как можно дольше удерживать меня на месте, не дать сдвинуться ни на шаг дальше, а тем временем за кулисами кто-то торопливо делает так, чтобы мне стало окончательно ясно: все без толку, ничего сделать нельзя, надо возвращаться домой...

С огромным трудом я беру себя в руки и выключаю проклятый прожектор. Щекн сейчас же обрывает на полуслове длинное, тщательно продуманное оскорбление и как ни в чем не бывало устремляется вперед. Я шагаю следом, слушая, как Вандерхузе наводит порядок у себя на борту: «Срам!.. Мешать полевой группе!.. Немедленно удалю из рубки!.. Отстраню!.. Базар!..»

– Развлекаешься? – тихонько спрашиваю я Щекна.

Он только косится выпуклым глазом.

– Склочник, – говорю я. – И все вы, голованы, склочники и скандалисты...

– Мокро, – невпопад отзывается Щекн. – И полно лягушек. Ступить некуда... Опять грузовики, – сообщает он.

Из тумана впереди явственно и резко тянет вонюю мокрого ржавого железа, и минуту спустя мы оказываемся посреди огромного беспорядочного стада разнообразных автомашин.

Здесь и обыкновенные грузовики, и грузовики-фургоны, и гигантские автоплатформы, и крошечные каплевидные легковушки, и какие-то чудовищные самоходные устройства с восемью колесами в человеческий рост. Они стоят посередине улицы и на тротуарах, кое-как, вкривь и вкось, упираясь друг в друга бамперами, иногда налезая друг на друга, – невообразимо ржавые, полуразвалившиеся, распадающиеся от малейшего толчка. Их сотни. Идти быстро невозможно, приходится обходить, протискиваться, перебираться, и все они нагружены домашним скарбом, и скарб этот тоже давно сгнил, истлел, проржавел до неузнаваемости...

Где-то на краю сознания жалобно бубнят усмиренные эксперты, встревоженно гудит Вандерхузе, но мне не до них. Я с проклятьями вытягиваю ноги из вонючей трясины полусгнившего тряпья и сейчас же с проклятьями проваливаюсь в недра каких-то огромных ящиков, где в грудях затхлой бумаги отчаянно пищат голые розовые крысята, и с проклятьями выкатываюсь, проламывая плечом какую-то гнилую деревянную стенку, под дождь, в лужу, распугивая лягушек... Хрустит и скрипит под ногами битое стекло, раскатываются в стороны какие-то то ли банки, то ли подшипники, прочное на вид никелированное железо разваливается в прах, когда рука пытается опереться на него, а один раз стенка фургона, гигантского, как трансконтинентальный контейнер, вдруг сама собой раскалывается поперек, и с гнилым хрюканьем вываливаются оттуда потоки неузнаваемого мусора в густых клубах отвратительно воняющей пыли...

А потом как-то неожиданно этот безобразный лабиринт кончается.

То есть вокруг по-прежнему машины, сотни машин, но теперь они стоят в относительном порядке, выстроившись по обе стороны мостовой и на тротуарах, а середина улицы совершенно свободна.

Я гляжу на Щекна. Щекн яростно отряхивается, чешется всеми четырьмя лапами сразу, вылизывает спину, плюется, изрыгает проклятия и снова принимается отряхиваться, чесаться и вылизываться.

Вандерхузе тревожно осведомляется, почему мы сошли с маршрута и что это был за склад. Я объясняю, что это был не склад. Мы дискутируем на тему: если это следы эвакуации, то почему аборигены эвакуировались с окраины в центр.

– Обрато я этой дорогой не пойду, – объявляет Щекн и яростным шлепком припечатывает к мостовой пробирающуюся мимо лягушку.

В два часа пополудни Штаб распространяет первое итоговое сообщение. Экологическая катастрофа, но цивилизация погибла по какой-то другой причине. Население исчезло, так сказать, в одночасье, но оно не истребило себя в войнах и не эвакуировалось через Космос – не та технология, да и вообще планета представляет собой не кладбище, а помойку. Жалкие остатки аборигенов прозябают в сельской местности, кое-как обрабатывают землю, совершенно лишены культурных навыков, однако прекрасно управляют с магазинными винтовками. Вывод для нас со Щекном: город должен быть абсолютно пуст. Мне этот вывод представляется сомнительным. Щекну тоже.

Улица расширяется, дома и ряды машин по обе стороны от нас совершенно исчезают в тумане, и я чувствую перед собой открытое пространство. Еще несколько шагов, и впереди из тумана возникает приземистый квадратный силуэт. Это опять броневик – совершенно такой же, как тот, что попал под обвалившуюся стену, но этот брошен давным-давно, он просел под собственной тяжестью и словно бы врос в асфальт. Все люки его распахнуты настежь. Два коротких пулеметных ствола, некогда грозно уставленных навстречу каждому, кто выходил на площадь, теперь уныло поникли, ржавые капли сочатся из них и лениво стекают на покатый лобовик. Проходя мимо, я

машинально толкаю распахнутую боковую дверцу, но она приржавела намертво.

Перед собой я не вижу ничего. Туман на этой площади какой-то особенный, неестественно густой, словно он отстаивался здесь много лет и за эти годы слежался, свернулся, как молоко, и просел под собственной тяжестью.

– Под ноги! – командует вдруг Щекн.

Я гляжу под ноги и ничего не вижу. Зато до меня вдруг доходит, что под подошвами уже не асфальт, а что-то мягкое, пружинящее, склизкое, словно толстый мокрый ковер. Я приседаю на корточки.

– Можешь включить свой прожектор, – ворчит Щекн.

Но я уже и без всякого прожектора вижу, что асфальт здесь почти сплошняком покрыт довольно толстой неаппетитной коркой, какой-то спрессованной влажной массой, обильно проросшей разноцветной плесенью. Я вытаскиваю нож, поддеваю пласт этой корки – от заплесневелой массы отдирается не то тряпочка, не то обрывок ремешка, а под ремешком этим мутной зеленью проглядывает что-то округлое (пуговица? пряжка?), и медленно распрямляются какие-то то ли проволочки, то ли пружинки...

– Они все здесь шли... – говорит Щекн со странной интонацией.

Я поднимаюсь и иду дальше, ступая по мягкому и скользкому. Я пытаюсь укротить свое воображение, но теперь у меня это не получается. Все они шли здесь, вот этой же дорогой, побросав свои ненужные больше легковушки и фургоны, сотни тысяч и миллионы вливались с проспекта на эту площадь, обтекая броневик с грозно и бессильно уставленными пулеметами, шли, роняя то небольшое, что пытались унести с собой, спотыкались и роняли, может быть, даже падали сами и тогда уже не могли подняться, и все, что падало, втаптывалось, втаптывалось и втаптывалось миллионами ног. И почему-то казалось, что все это происходило ночью – человеческая каша была озарена мертвенным неверным светом, и стояла тишина, как во сне...

– Яма... – говорит Щекн.

Я включаю прожектор. Никакой ямы нет. Насколько хватает луч, ровная гладкая площадь светится бесчисленными тусклыми огоньками люминесцирующей плесени, а в двух шагах впереди влажно чернеет большой, примерно двадцать на сорок, прямоугольник гладкого голого асфальта. Он словно аккуратно вырезан в этом проплесневелом мерцающем ковре.

– Ступеньки! – говорит Щекн как бы с отчаянием. – Дырчатые! Глубоко! Не вижу...

У меня мурашки ползут по коже: я никогда еще не слышал, чтобы Щекн говорил таким странным голосом. Не глядя, я опускаю руку, и пальцы мои ложатся на большую лобастую голову, и я ощущаю нервное подрагивание треугольного уха. Бесстрашный Щекн испуган. Бесстрашный Щекн прижимается к моей ноге совершенно так же, как его предки прижимались к ногам своих хозяев, учуяв за порогом пещеры незнакомое и опасное...

– Дна нет... – говорит он с отчаянием. – Я не умею понять. Всегда бывает дно. Они все ушли туда, а дна нет, и никто не вернулся... Мы должны туда идти?

Я опускаюсь на корточки и обнимаю его за шею.

– Я не вижу здесь ямы, – говорю я на языке голованов. – Я вижу только ровный прямоугольник асфальта.

Щекн тяжело дышит. Все мускулы его напряжены, и он все теснее прижимается ко мне.

– Ты не можешь видеть, – говорит он. – Ты не умеешь. Четыре лестницы с дырчатыми ступенями. Стерты. Блестят. Все глубже и глубже. И никуда. Я не хочу туда. Не приказывай.

– Дружище, – говорю я. – Что это с тобой? Как я могу тебе приказывать?

– Не проси, – говорит он. – Не зови. Не приглашай.

– Мы сейчас уйдем отсюда, – говорю я.

– Да. И быстро!

Я диктую донесение. Вандерхузе уже переключил мой канал на Штаб, и, когда я заканчиваю, вся экспедиция уже в курсе. Начинается галдеж. Выдвигаются гипотезы, предлагаются меры. Шумно. Щекн понемножку приходит в себя: косит желтым глазом и то и дело облизуется. Наконец вмешивается сам Комов. Галдеж прекращается. Нам приказано продолжать движение, и мы охотно подчиняемся.

Мы огибаем страшный прямоугольник, пересекаем площадь, минуем второй броневик, запирающий проспект с противоположной стороны, и снова оказываемся между двумя колоннами брошенных автомашин. Щекн снова бодро бежит впереди, он снова энергичен, сварлив и заносчив. Я усмехаюсь про себя и думаю, что на его месте я сейчас, несомненно, мучился бы от неловкости за тот панический приступ почти детского страха, с которым не удалось совладать там, на площади. А вот Щекн ничем таким не мучается. Да, он испытал страх и не сумел скрыть этого, и не видит здесь ничего стыдного и неловкого. Теперь он рассуждает вслух:

– Они все ушли под землю. Если бы там было дно, я бы уверил тебя, что все они живут сейчас под землей очень глубоко, не слышно.

Но там нет дна! Я не понимаю, где они там могут жить. Я не понимаю, почему там нет дна и как это может быть.

– Попытайся объяснить, – говорю я ему. – Это очень важно.

Но Щекн не может объяснить. Очень страшно, твердит он. Планеты круглые, пытается объяснить он, и эта планета тоже круглая, я сам видел, но на той площади она вовсе не круглая. Она там как тарелка. И в тарелке дырка. И дырка эта ведет из одной пустоты, где находимся мы, прямо в другую пустоту, где нас нет.

– А почему я не видел этой дырки?

– Потому что она заклеена. Ты не умеешь. Заклеивали от таких, как ты, а не от таких, как я...

Потом он вдруг сообщает, что снова появилась опасность. Небольшая опасность, обыкновенная. Очень давно не было совсем, а теперь опять появилась.

Через минуту от фасада дома справа отваливается и рушится балкон третьего этажа. Я быстро спрашиваю Щекна, не уменьшилась ли опасность. Он, не задумываясь отвечает, что да, уменьшилась, но ненамного. Я хочу его спросить, с какой стороны угрожает нам теперь эта опасность, но тут в спину мне ударяет плотный воздух, в ушах свистит, шерсть на Щекне поднимается дыбом.

По проспекту проносится словно маленький ураган. Он горячий, и от него пахнет железом. Еще несколько балконов и карнизов с шумом обрушиваются по обеим сторонам улицы. С длинного приземистого дома срывает крышу, и она – старая, дырявая, рыхлая, – медленно крутясь и разваливаясь на куски, проплывает над мостовой и исчезает в туче гнойно-желтой пыли.

– Что там у вас происходит? – вопит Вандерхузе.

– Сквозняк какой-то... – отзываюсь я сквозь зубы.

Новый удар ветра заставляет меня пробежаться вперед помимо воли. Это как-то унижительно.

– Абалкин! Щекн! – гремит Комов. – Держитесь середины! Подальше от стен! Я продуваю площадь, у вас возможны обвалы...

И в третий раз короткий горячий ураган проносится вдоль проспекта, как раз в тот момент, когда Щекн пытается развернуться носом к ветру. Его сбивает с ног и юзом волочит по мостовой в унижительной компании с какой-то зазевавшейся крысой.

– Все? – раздраженно спрашивает он, когда ураган стихает. Он даже не пытается подняться на ноги.

– Все, – говорит Комов. – Можете продолжать движение.

– Огромное вам спасибо, – говорит Щекн, ядовитый, как самая ядовитая змея.

В эфире кто-то хихикает, не сдержавшись. Кажется, Вандерхузе.

– Приношу свои извинения, – говорит Комов. – Мне нужно было разогнать туман.

В ответ Щекн изрыгает самое длинное и замысловатое проклятие на языке голованов, поднимается, бешено встряхивается и вдруг замирает в неудобной позе.

– Лев, – говорит он. – Опасности больше нет. Совсем. Сдуло.

– И на том спасибо, – говорю я.

Информация от Эспады. Чрезвычайно эмоциональное описание Главного Гаттауха. Я вижу его перед собой как живого: невообразимо грязный, вонючий, покрытый лишаями старикашка лет двухсот на вид, утверждает, будто ему двадцать один год, все время хрипит, кашляет, отхаркивается и сморкается, на коленях постоянно держит магазинную винтовку и время от времени палит в божий свет поверх головы Эспады, на вопросы отвечать не желает, а все время норовит задавать вопросы сам, причем ответы выслушивает нарочито невнимательно и каждый второй ответ во всеуслышание объявляет ложью...

Перспект вливается в очередную площадь. Собственно, это не совсем площадь – просто справа располагается полукруглый сквер, за которым желтеет длинное здание с вогнутым фасадом, уставленным фальшивыми колоннами. Фасад желтый, и кусты в сквере какие-то вяло-желтые, словно в канун осени, и поэтому я не сразу замечаю посередине сквера еще один «стакан».

На этот раз он целехонек и блестит как новенький, будто его только сегодня утром установили здесь, среди желтых кустов, – цилиндр высотой метра в два и метр в диаметре, из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Он стоит совершенно вертикально, и овальная дверца его плотно закрыта.

На борту у Вандерхузе вспышка энтузиазма, а Щекн лишний раз демонстрирует свое безразличие и даже презрение ко всем этим предметам, «не интересным его народу»: он немедленно принимается чесаться, повернувшись к «стакану» задом.

Я обхожу «стакан» кругом, потом берусь двумя пальцами за выступ на овальной дверце и заглядываю внутрь. Одного взгляда мне вполне достаточно – заполняя своими чудовищными суставчатыми мослами весь объем «стакана», выставив перед собой шипастые полуметровые клешни, тупо и мрачно глянул на меня двумя рядами мутно-зеленых белым гигантский ракопаук с Пандоры во всей своей красе.

Не страх во мне сработал, а спасительный рефлекс на абсолютно непредвиденное. Я и ахнуть не успел, как уже изо всех сил упирался

плечом в захлопнутую дверцу, а ногами – в землю, с головы до ног мокрый от пота, и каждая жилка у меня дрожит.

А Щекн уже рядом, готовый к немедленной и решительной схватке, – покачивается на вытянутых напружиненных ногах, выжидательно поводя из стороны в сторону лобастой головой. Ослепительно белые зубы его влажно блестят в уголках пасти. Это длится всего несколько секунд, после чего он сварливо спрашивает:

– В чем дело? Кто тебя обидел?

Я нашариваю рукоять скорчера, заставляю себя оторваться от проклятой дверцы и принимаюсь пятиться, держа скорчер на изготовку. Щекн отступает вместе со мной, все более раздражаясь.

– Я задал тебе вопрос! – заявляет он с негодованием.

– Ты что же, – говорю я сквозь зубы, – до сих пор ничего не чувствуешь?

– Где? В этой будке? Там ничего нет!

Вандерхузе с экспертами взволнованно галдят над ухом. Я их не слушаю. Я и без них знаю, что можно, например, подпереть дверцу бревном – если найдется – или сжечь ее целиком из скорчера. Я продолжаю пятиться, не спуская глаз с дверцы «стакана».

– В будке ничего нет! – настойчиво повторяет Щекн. – И никого нет. И много лет никого не было. Хочешь, я открою дверцу и покажу тебе, что там ничего нет?

– Нет, – говорю я, кое-как управляясь со своими голосовыми связками. – Уйдем отсюда.

– Я только открою дверцу...

– Щекн, – говорю я. – Ты ошибаешься.

– Мы никогда не ошибаемся. Я иду. Ты увидишь.

– Ты ошибаешься! – рявкаю я. – Если ты сейчас же не пойдешь за мной, значит, ты мне не друг и тебе на меня наплевать!

Я круто поворачиваюсь на каблуках (скорчер в опущенной руке, предохранитель снят, регулятор на непрерывный разряд) и шагаю прочь. Спина у меня огромная, во всю ширину проспекта, и совершенно беззащитная.

Щекн с чрезвычайно недовольным и брезгливым видом шлепает лапами слева и позади. Ворчит и задирается. А когда мы отходим шагов на двести, и я совсем уже успокаиваюсь и принимаюсь искать ходы к примирению, Щекн вдруг исчезает. Только когти шарахнули по асфальту. И вот он уже около будки, и поздно уже кидаться за ним, хватать за задние ноги, волочить дурака прочь, и скорчер мой теперь уже совершенно бесполезен, а проклятый голован приоткрывает дверцу и долго, бесконечно долго смотрит внутрь «стакана» ...

Потом, так и не издав ни единого звука, он снова прикрывает дверцу и возвращается. Щекн униженный. Щекн уничтоженный. Щекн, безоговорочно признающий свою полную непригодность и готовый поэтому претерпеть в дальнейшем любое с ним обращение. Он возвращается к моим ногам и усаживается боком, уныло опустив голову. Мы молчим. Я избегаю глядеть на него. Я гляжу на «стакан», чувствуя, как струйки пота на висках высыхают и стягивают кожу, как уходит из мышц мучительная дрожь, сменяясь тоскливой тягучей болью, и больше всего на свете мне хочется сейчас прошипеть: «С-с-скотина!..» и со всего размаха, с рыдающим выдохом залепить оплеуху по этой унылой, дурацкой, упрямой, безмозглой лобастой башке. Но я говорю только:

– Нам повезло. Почему-то они здесь не нападают...

Сообщение из Штаба. Предполагается что «прямоугольник Щекна» является входом в межпространственный тоннель, через который и было выведено население планеты. Предположительно, Странниками...

Мы идем по непривычно пустому району. Никакой живности, даже комары куда-то исчезли. Мне это скорее не нравится, но Щекн не обнаруживает никаких признаков беспокойства.

– На этот раз вы опоздали, – ворчит он.

– Да, похоже на то, – отзываюсь я с готовностью.

После инцидента с ракопауком Щекн заговаривает впервые. Кажется, он склонен поговорить о постороннем. Склонность эта проявляется у него не часто.

– Странники, – ворчит он. – Я много раз слышал: Странники, Странники... Вы совсем ничего о них не знаете?

– Очень мало. Знаем, что это сверхцивилизация, знаем, что они намного мощнее нас. Предполагаем, что они не гуманоиды. Предполагаем, что они освоили всю нашу Галактику, причем очень давно. Еще мы предполагаем, что у них нет дома – в нашем или в вашем понимании этого слова. Поэтому мы и называем их Странниками...

– Вы хотите с ними встретиться?

– Да как тебе сказать... Комов отдал бы за это правую руку. А я бы, например, предпочел, чтобы мы не встретились с ними никогда...

– Ты их боишься?

Мне не хочется обсуждать эту проблему. Особенно сейчас.

– Видишь ли, Щекн, – говорю я, – это длинный разговор. Ты бы все-таки поглядывал по сторонам, а то, я смотрю, ты стал какой-то рассеянный.

– Я поглядываю. Все спокойно.

- Ты заметил, что здесь вся живность исчезла?
- Это потому, что здесь часто бывают люди, – говорит Щекн.
- Вот как? – говорю я. – Ну, ты меня успокоил.
- Сейчас их нет. Почти.

Кончается сорок второй квартал, мы подходим к перекрестку. Щекн объявляет вдруг:

- За углом человек. Один.

Это дряхлый старик в длинном черном пальто до пят, в меховой шапке с наушниками, завязанными под взлохмаченной грязной бородой, в перчатках веселой ярко-желтой расцветки, в нелепых башмаках с матерчатым верхом. Двигается он с огромным трудом, еле ноги волочит. До него метров двадцать, но и на этом расстоянии отчетливо слышно, как он тяжело, с присвистом дышит, а иногда постанывает от напряжения.

Он грузит тележку на высоких тонких колесиках, что-то вроде детской коляски. Убредает в разбитую витрину, надолго исчезает там и так же медленно выбирается обратно, опираясь одной рукой о стену, а другой, скрюченной, прижимает к груди по две, по три банки с яркими этикетками. Каждый раз, подобравшись к своей коляске, он обессиленно опускается на трехногий складной стульчик, некоторое время сидит неподвижно, отдыхая, а затем принимается так же медленно и осторожно переключать банки из-под скрюченной руки на тележку. Потом снова отдыхает, будто спит сидя, и снова поднимается на трясущихся ногах и направляется к витрине – длинный, черный, согнутый почти пополам.

Мы стоим на углу, почти не прячась, потому что нам ясно: старик ничего не видит и не слышит вокруг. По словам Щекна, он здесь совсем один, вокруг никого больше нет, разве что очень далеко. У меня нет ни малейшего желания вступить с ним в контакт, но, по-видимому, придется это сделать – хотя бы для того, чтобы помочь ему с этими банками. Но я боюсь его испугать. Я прошу Вандерхузе показать его Эспаде, пусть Эспада определит, кто это такой – «колдун», «солдат» или «человек».

Старик в десятый раз разгрузил свои банки и опять отдыхает, сгорбившись на трехногом стульчике. Голова его мелко трясется и клонится все ниже на грудь. Видимо, он засыпает.

– Я ничего подобного не видел, – объявляет Эспада. – Поговорите с ним, Лев...

- Уж очень он стар, – с сомнением говорит Вандерхузе.
- Сейчас умрет, – ворчит Щекн.

– Вот именно, – говорю я. – Особенно если я появлюсь перед ним в этом моем радужном балахоне...

Я не успеваю договорить. Старик вдруг резко подается вперед и мягко валится боком на мостовую.

– Все, – говорит Щекн. – Можно подойти посмотреть, если тебе интересно.

Старик мертв, он не дышит, и пульс не прощупывается. Судя по всему, у него обширный инфаркт и полное истощение организма. Но не от голода. Просто он очень, невообразимо дряхл. Я стою на коленях и смотрю в его зеленовато-белое костистое лицо со щетинистыми серыми бровями, с приоткрытым беззубым ртом и провалившимися щеками. Очень человеческое, совсем земное лицо. Первый нормальный человек в этом городе. И мертвый. И я ничего не могу сделать, потому что у меня с собой только полевая аппаратура.

Я вкалываю ему две ампулы некрофага и говорю Вандерхузе, чтобы сюда прислали медиков. Я не собираюсь здесь задерживаться. Это бессмысленно. Он не заговорит. А если и заговорит, то не скоро. Перед тем как уйти, я еще с минуту стою над ним, смотрю на коляску, наполовину загруженную консервными банками, на опрокинутый стульчик и думаю, что старик, наверное, всюду таскал за собой этот стульчик и поминутно присаживался отдохнуть...

Около восемнадцати часов начинает смеркаться. По моим расчетам, до конца маршрута остается еще часа два ходу, и я предлагаю Щекну отдохнуть и поесть. В отдыхе Щекн не нуждается, но, как всегда, не упускает случая лишний раз перекусить.

Мы устраиваемся на краю обширного высохшего фонтана под сенью какого-то мифологического каменного чудища с крыльями, и я вскрываю продовольственные пакеты. Вокруг мутно светлеют стены мертвых домов, стоит мертвая тишина, и приятно думать, что на десятках километров пройденного маршрута уже нет мертвой пустоты, а работают люди.

Во время еды Щекн никогда не разговаривает, однако, насытившись, любит поболтать.

– Этот старик, – произносит он, тщательно вылизывая лапу, – его действительно оживили?

– Да.

– Он снова живой, ходит, говорит?

– Вряд ли он говорит и тем более ходит, но он живой.

– Жаль, – ворчит Щекн.

– Жаль?

– Да. Жаль, что он не говорит. Интересно было бы узнать, что ТАМ...

– Где?

– Там, где он был, когда стал мертвым.

Я усмехаюсь:

– Ты думаешь, там что-нибудь есть?

– Должно быть. Должен же я куда-то деваться, когда меня не станет.

– Куда девается электрический ток, когда его выключают? – спрашиваю я.

– Этого я никогда не мог понять, – признается Щекн. – Но ты рассуждаешь неточно. Да, я не знаю, куда девается электрический ток, когда его выключают. Но я также не знаю, откуда он берется, когда его включают. А вот откуда взялся я – это мне известно и понятно.

– И где же ты был, когда тебя еще не было? – коварно спрашиваю я.

Но для Щекна это не проблема.

– Я был в крови своих родителей. А до этого – в крови родителей своих родителей.

– Значит, когда тебя не будет, ты будешь в крови своих детей...

– А если у меня не будет детей?

– Тогда ты будешь в земле, в траве, в деревьях...

– Это не так! В траве и деревьях будет мое тело. А вот где буду я сам?

– В крови твоих родителей тоже был не ты сам, а твое тело. Ты ведь не помнишь, каково тебе было в крови твоих родителей...

– Как это – не помню? – удивляется Щекн. – Очень многое помню!

– Ну да, действительно... – бормочу я, сраженный. – У вас же генетическая память...

– Называть это можно как угодно, – ворчит Щекн. – Но я действительно не понимаю, куда я денусь, если сейчас умру. Ведь у меня нет детей.

Я принимаю решение прекратить этот спор. Мне ясно: я никогда не сумею доказать Щекну, что ТАМ ничего нет. Поэтому я молча сворачиваю продовольственный пакет, укладываю его в заплечный мешок и усаживаюсь поудобнее, вытянув ноги.

Щекн тщательно вылизал вторую лапу, привел в идеальный порядок шерстку на щеках и снова заводит разговор.

– Ты меня удивляешь, Лев, – объявляет он. – И все вы меня удивляете. Неужели вам здесь не надоело?

– Мы работаем, – возражаю я лениво.

– Зачем работать без всякого смысла?

– Почему же – без смысла? Ты же видишь, сколько мы узнали всего за один день.

– Вот я и спрашиваю: зачем вам узнавать то, что не имеет смысла? Что вы будете с этим делать? Вы все узнаете и узнаете и ничего не делаете с тем, что узнаете.

– Ну, например? – спрашиваю я.

Щекн – великий спорщик. Он только что одержал одну победу и теперь явно рвется одержать вторую.

– Например, яма без дна, которую я нашел. Кому и зачем может понадобиться яма без дна?

– Это не совсем яма, – говорю я. – Это скорее дверь в другой мир.

– Вы можете пройти в эту дверь? – осведомляется Щекн.

– Нет, – признаюсь я. – Не можем.

– Зачем же вам дверь, в которую вы все равно не можете пройти?

– Сегодня не можем, а завтра сможем.

– Завтра?

– В широком смысле. Послезавтра. Через год...

– Другой мир, другой мир... – ворчит Щекн. – Разве вам тесно в этом?

– Как тебе сказать... Тесно, должно быть, нашему воображению.

– Еще бы! – ядовито произносит Щекн. – Ведь стоит вам попасть в другой мир, как вы сейчас же начинаете переделывать его наподобие вашего собственного. И конечно же, вашему воображению снова становится тесно, и тогда вы ищете еще какой-нибудь мир и опять принимаетесь переделывать его...

Он вдруг резко обрывает свою филиппику, и в то же мгновение я ощущаю присутствие постороннего. Здесь. Рядом. В двух шагах. Возле постамента с мифологическим чудищем.

Это совершенно нормальный абориген – судя по всему, из категории «человеков» – крепкий статный мужчина в брезентовых штанах и брезентовой куртке на голое тело, с магазинной винтовкой, висящей на ремне через шею. Копна нечесаных волос спадает ему на глаза, а щеки и подбородок выскоблены до гладкости. Он стоит у постамента совершенно неподвижно, и только глаза его неторопливо перемещаются с меня на Щекна и обратно. Судя по всему, в темноте он видит не хуже нас. Мне непонятно, как он ухитрился так бесшумно и незаметно подобраться к нам.

Я осторожно завожу руку за спину и включаю линган транслятора.

– Подходи и садись, мы друзья, – одними губами говорю я.

Из лингана с полусекундным замедлением несутся гортанные, не лишённые приятности звуки.

Незнакомец вздрагивает и отступает на шаг.

– Не бойся, – говорю я. – Как тебя зовут? Меня зовут Лев, его зовут Щекн. Мы не враги. Мы хотим с тобой поговорить.

Нет, ничего не получается. Незнакомец отступает еще на шаг и наполовину укрывается за постаментом. Лицо его по-прежнему ничего не выражает, и неясно даже, понимает ли он, что ему говорят.

– У нас вкусная еда, – не сдаюсь я. – Может быть, ты голоден или хочешь пить? Садись с нами, и я с удовольствием тебя угощу...

Мне вдруг приходит в голову, что аборигену должно быть довольно странно слышать это «мы» и «с нами», и я торопливо перехожу на единственное число. Но это не помогает. Абориген совсем скрывается за постаментом, и теперь его не видно и не слышно.

– Уходит, – ворчит Щекн.

И я тут же снова вижу аборигена – он длинным, скользящим, совершенно бесшумным шагом пересекает улицу, ступает на противоположный тротуар и, так ни разу и не оглянувшись, скрывается в подворотне.

2 июня 78-го года

Лев Абалкин воочию

Около 18.00 ко мне ввалились (без предупреждения) Андрей и Сандро. Я спрятал папку в стол и сразу же строго сказал им, что не потерплю никаких деловых разговоров, поскольку теперь они подчинены не мне, а Клавдию. Кроме того, я занят.

Они принялись жалобно ныть, что пришли вовсе не по делам, что соскучились и что нельзя же так. Что-что, а ныть они умеют. Я смягчился. Был открыт бар, и некоторое время мы с удовольствием говорили о моих кактусах. Потом я вдруг совершенно случайно обнаружил, что говорим мы уже не столько о кактусах, сколько о Клавдии, и это еще было как-то оправданно, поскольку Клавдий своей шишковатостью и колючестью мне самому напоминал кактус, но я и ахнуть не успел, как эти юные провокаторы чрезвычайно ловко и естественно съехали на дело о биореакторах и о Капитане Немо.

Не подавая виду, я дал им войти в раж, а затем, в самый кульминационный момент, когда они уже решили, что их начальник вполне готов, предложил им убираться вон. И я бы их выгнал, потому что здорово разозлился и на них, и на себя, но тут (опять же без предупреждения) заявила Алена. Это судьба, подумал я и отправился на

кухню. Все равно было уже время ужинать, а даже юным провокаторам известно, что при посторонних о наших делах разговаривать не полагается.

Получился очень милый ужин. Провокаторы, забыв обо всем на свете, распускали хвосты перед Аленой. Когда она их срезала, распускал хвост я – просто для того, чтобы не давать супу остыть в горшке. Кончился этот парад петухов великим спором: куда теперь пойти. Сандро требовал идти на «Октопусов» и притом немедленно, потому что лучшие вещи у них бывают вначале. Андрей горячился, как самый настоящий музыкальный критик, его выпады против «Октопусов» были страстны и поразительно бессодержательны, его теория современной музыки поражала своей свежестью и сводилась к тому, что нынче ночью самое время опробовать под парусом его новую яхту «Любомудр». Я стоял за шарады или, в крайнем случае, фанты. Алена же, смекнувшая, что я сегодня никуда не пойду и вообще занят, расстроилась и принялась хулиганить. ««Октопусов» – в реку! – требовала она. – По бим-бом-брамселям! Давайте шуметь!» И так далее.

В самый разгар этой дискуссии, в 19.33, закурлыкал видеофон. Андрей, сидевший ближе всех к аппарату, ткнул пальцем в клавишу. Экран осветился, но изображения на нем не было. И слышно не было ничего, потому что Сандро вопил во всю мочь: «Острова, острова, острова!..», совершая при этом нелепые телодвижения в попытках подражать неподражаемому Б.Туарегу, между тем как Алена, закусив удила, противостояла ему «Песней без слов» Глиэра (а может быть, и не Глиэра).

– Ша! – гаркнул я, пробираясь к видеофону.

Стало несколько тише, но аппарат по-прежнему молчал, мерцая пустым экраном. Вряд ли это был Экселенц, и я успокоился.

– Подождите, я перетащу аппарат, – сказал я в голубоватое мерцание.

В кабинете я поставил видеофон на стол, повалился в кресло и сказал:

– Ну вот, здесь потише... Только имейте в виду, я вас не вижу.

– Простите, я забыл... – произнес низкий мужской голос, и на экране появилось лицо – узкое, иссиня-бледное, с глубокими складками от крыльев носа к подбородку. Низкий широкий лоб, глубоко запавшие большие глаза, черные прямые волосы до плеч.

Любопытно, что я сразу узнал его, но не сразу понял, что это он.

– Здравствуйте, Мак, – сказал он. – Вы меня узнаете?

Мне нужно было несколько секунд, чтобы привести себя в порядок. Я был совершенно не готов.

– Позвольте, позвольте... – затынул я, лихорадочно соображая, как мне следует себя вести.

– Лев Абалкин, – напомнил он. – Помните? Саракш, Голубая Змея...

– Господи! – вскричал журналист Каммерер, в прошлом Мак Сим, резидент Земли на планете Саракш. – Лева! А мне сказали, что вас на Земле нет и неизвестно, когда будете... Или вы еще там?

Он улыбался:

– Нет, я уже здесь... Но я вам помешал, кажется?

– Вы мне никак не можете помешать! – проникновенно сказал журналист Каммерер. Не тот журналист Каммерер, который навещал Майю Глумову, а, скорее, тот, который навещал Учителя. – Вы мне нужны! Ведь я пишу книгу о голованах!..

– Да, я знаю, – перебил он. – Поэтому я вам и звоню. Но, Мак, я ведь уже давно не имею дела с голованами.

– Это как раз не важно, – возразил журналист Каммерер. – Важно, что вы были первым, кто имел с ними дело.

– Положим, первым были вы.

– Нет. Я их просто обнаружил, вот и все. И вообще, о себе я уже написал. И о самых последних работах Комова материал у меня подобран. Как видите, пролог и эпилог есть, не хватает пусячка –

основного содержания... Послушайте, Лева, нам надо обязательно встретиться. Вы надолго на Землю?

– Не очень, – сказал он. – Но встретимся мы обязательно. Правда, сегодня я не хотел бы...

– Положим, сегодня и мне было бы не совсем удобно, – быстро подхватил журналист Каммерер. – А вот как насчет завтрашнего дня?

Какое-то время он молча всматривался в меня. Я вдруг сообразил, что никак не могу определить цвет его глаз – уж очень глубоко они сидели под нависшими бровями.

– Поразительно, – проговорил он. – Вы совсем не изменились. А я?

– Честно? – спросил журналист Каммерер, чтобы что-нибудь сказать.

Лев Абалкин снова улыбнулся.

– Да, – сказал он. – Двадцать лет прошло. И, вы знаете, Мак, я вспоминаю о тех временах как о самых счастливых. Все было впереди, все еще только начиналось... И, вы знаете, я вот сейчас вспоминаю эти времена и думаю: до чего же мне чертовски повезло, что начинал я с такими руководителями, как Комов и как вы, Мак...

– Ну-ну, Лев, не преувеличивайте, – сказал журналист Каммерер. – При чем здесь я?

– То есть как это – при чем здесь вы? Комов руководил, Раулингсон и я были на подхвате, а ведь всю координацию осуществляли вы!

Журналист Каммерер вытаращил глаза. Я – тоже, но я вдобавок еще и насторожился.

– Ну, Лев, – сказал журналист Каммерер, – вы, брат, по молодости лет ни черта, видно, не поняли в тогдашней субординации. Единственное, что я тогда для вас делал, это обеспечивал безопасность, транспорт и продовольствие... Да и то...

– И поставляли идеи! – вставил Лев Абалкин.

– Какие идеи?

– Идея экспедиции за Голубую Змею – ваша?

– Ну, в той мере, что я сообщ...

– Так! Это раз. Идея о том, что с головами должны работать Прогрессоры, а не зоопсихологи, – это два!

– Погодите, Лев! Это Комова идея! Да мне вообще было на вас всех наплевать! У меня в это время было восстание в Пандее! Первый массовый десант Океанской Империи! Вы-то должны понимать, что такое... Господи! Да если говорить честно, я о вас и думать тогда забыл! Зеф вами тогда занимался, Зеф, а не я! Помните рыжего аборигена?..

Лев Абалкин смеялся, обнажая ровные белые зубы.

– И нечего оскаливаться! – сказал журналист Каммерер сердито. – Вы же ставите меня в дурацкое положение. Вздор какой! Не-ет, голубчики, видно, я вовремя взялся за эту книгу. Надо же, какими идиотскими легендами все это обросло!..

– Ладно, ладно, я больше не буду, – сказал Абалкин. – Мы продолжим этот спор при личной встрече...

– Вот именно, – сказал журналист Каммерер. – Только спора никакого не будет. Не о чем здесь спорить. Давайте так...

Журналист Каммерер поиграл кнопками настольного блокнота.

– Завтра в десять ноль-ноль – у меня... Или, может быть, вам удобнее...

– Давайте у меня, – сказал Лев Абалкин.

– Тогда диктуйте адрес, – скомандовал журналист Каммерер. Он еще не остыл.

– Курорт «Осинушка», – сказал Лев Абалкин. – Коттедж номер шесть.

2 июня 78-го года

Кое-какие догадки о намерениях Льва Абалкина

Сандро и Андрею я приказал быть свободными. Совершенно официально. Пришлось сделать официальное лицо и говорить официальным тоном, что, впрочем, удалось мне без всякого труда, потому что я действительно хотел остаться один и как следует подумать.

Мгновенно поняв мое настроение, Алена притихла и беспрекословно согласилась не заходить в кабинет и вообще беречь мой покой. Насколько я знаю, она абсолютно неправильно представляет себе мою работу. Например, она убеждена, что моя работа опасна. Но некоторые азы она усвоила прочно. В частности, если я вдруг оказываюсь занят, то это не означает, что на меня накатило вдохновение или что меня вдруг осенила ослепительная идея, – это означает просто, что возникла какая-то срочная задача, которую нужно действительно срочно решить.

Я дернул ее за ухо и затворился в кабинете, оставив ее прибираться в гостиной.

Откуда он узнал мой номер? Это просто. Номер я оставлял Учителю. Кроме того, ему могла рассказать обо мне Майя Глумова. Значит, либо он еще раз общался с Майей Тойвовной, либо решил все-таки повидаться с Учителем. Несмотря ни на что. Двадцать лет не давал о себе знать, а сейчас вот вдруг решил повидаться. Зачем?

С какой целью он мне звонил? Например, из сентиментальных побуждений. Воспоминания о первой настоящей работе. Молодость, самое счастливое время в жизни. Гм. Сомнительно... Альтруистическое желание помочь журналисту (и первооткрывателю возлюбленных голованов) в его работе, одобренное, скажем, здоровым честолюбием. Чушь. Зачем он в этом случае дает мне фальшивый адрес? А может быть, не фальшивый? Но если не фальшивый, значит, он не скрывается, значит, Экселенц что-то путает... В самом деле, откуда следует, что Лев Абалкин скрывается?

Я быстренько вызвал информаторий, узнал номер и позвонил в «Осинушку», коттедж номер шесть. Никто не отозвался. Как и следовало ожидать.

Ладно, оставим пока это. Далее. Что было главным в нашем разговоре? Кстати, один раз я чуть не проболтался. Язык себе за это откусить мало. «Вы-то должны понимать, что такое десант группы флотов «Ц»!» – «Интересно, откуда вы знаете, Мак, о группе флотов «Ц» и, главное, почему вы, собственно, решили, что я об этом что-нибудь знаю?» Разумеется, ничего этого он бы не сказал, но он бы подумал и все понял. И после такого позорного прокола мне оставалось бы только в самом деле уйти в журналистику... Ладно, будем надеяться, что он ничего не заметил. У него тоже было не так уж много времени, чтобы анализировать и оценивать каждое мое слово. Он явно добивался какой-то своей цели, а все прочее, к цели не относящееся, надо думать, пропускал мимо ушей...

Но чего же он добивался? Зачем это он попытался приписать мне свои заслуги и заслуги Комова вдобавок? И главное, вот так, в лоб, едва успев поздороваться... Можно подумать, что я действительно распространяю легенды о своем приоритете, будто бы именно мне принадлежат все фундаментальные идеи относительно голованов, что я все это себе присвоил, а он об этом узнал и дает мне понять, что я – дерьмо. Во всяком случае, усмешка у него была двусмысленная... Но это же вздор! О том, что именно я открыл голованов, знают сейчас только самые узкие специалисты, да и те, наверное, забыли об этом за ненужностью...

Чушь и ерунда, конечно. Но факт остается фактом: мне только что позвонил Лев Абалкин и сообщил, что, по его мнению, основоположником и корифеем современной науки о голованах являюсь я, журналист Каммерер. Больше наш разговор не содержал ничего существенного. Все остальное – светская шелуха. Ну, правда, еще фальшивый (скорее всего) адрес в конце...

Конечно, напрашивается еще одна версия. Ему было все равно, о чем говорить. Он мог позволить себе говорить любую чушь, потому что он позвонил только для того, чтобы увидеть меня. Учитель или Майя Глумова говорят ему: тобой интересуется некий Максим Каммерер. Вот как? – думает скрывающийся Лев. Очень странно! Стоило мне прибыть на Землю, и вот мною уже интересуется Максим Каммерер. А ведь я знал Максима Каммерера! Что это? Совпадение? Лев Абалкин не верит в совпадения. Дай-ка я позвоню этому человеку и посмотрю, точно ли это Максим Каммерер, в прошлом Мак Сим... А если это действительно он, то посмотрим, как он будет себя вести...

Я почувствовал, что попал в точку. Он звонит и на всякий случай отключает изображение. На тот самый случай, если я НЕ Максим Каммерер. Он видит меня. Не без удивления, наверное, но зато с явным облегчением. Это самый обыкновенный Максим Каммерер, у него вечеринка, развеселое шумство, абсолютно ничего подозрительного. Что ж, можно обменяться десятком ничего не значащих фраз, назначить свидание и сгинуть...

Но! Это не вся правда и не только правда. Есть здесь две шероховатости. Во-первых. Зачем ему вообще понадобилось тогда вступать в разговор? Посмотрел бы, послушал, убедился, что я есть я, и благополучно отключился бы. Ошибочное соединение, кто-то не туда попал. И все.

А во-вторых, я ведь тоже не вчера родился. Я же видел, что он не просто разговаривает со мной. Он еще и наблюдает за моей реакцией. Он хотел убедиться, что я есть я и что я определенным образом реагирую на какие-то его слова. Он говорит заведомую чушь и внимательно следит, как я на эту чушь реагирую... Опять-таки странно. На заведомую чушь все люди реагируют одинаково. Следовательно, либо я рассуждаю неправильно, либо... Либо, с точки зрения Абалкина, эта чушь вовсе не чушь. Например, по каким-то совершенно неизвестным мне причинам Абалкин действительно допускает, что моя роль в исследовании голованов чрезвычайно велика. Он звонит мне, чтобы проверить это свое допущение, и по моей реакции убеждается, что это допущение неверно.

Вполне логично, но как-то странно. При чем здесь голованы? Вообще-то говоря, в жизни Льва Абалкина голованы сыграли роль, прямо скажем, фундаментальную. Стоп!

Если бы мне сейчас предложили изложить вкратце самую суть биографии этого человека, я бы, наверное, сказал так: ему нравилось работать с голованами, он больше всего на свете хотел работать с голованами, он уже весьма успешно работал с голованами, но работать

с головами ему почему-то не дали... Черт побери, а что тут было бы удивительного, если бы у него наконец лопнуло терпение и он плюнул бы на этот свой штаб «Ц», на КОМКОН, на дисциплину, плюнул на все и вернулся на Землю, чтобы, черт возьми, раз и навсегда выяснить, почему ему не дают заниматься любимым делом, кто – персонально – мешает ему всю жизнь, с кого он может спросить за крушение взлелеянных планов, за горькое свое непонимание происходящего, за пятнадцать лет, потраченных на безмерно тяжкую и нелюбимую работу... Вот он и вернулся!

Вернулся и сразу наткнулся на мое имя. И вспомнил, что я был, по сути, куратором его первой работы с головами, и захотелось ему узнать, не принимал ли я участия в этом беспрецедентном отчуждении человека от любимого дела, и он узнал (с помощью нехитрого приема), что нет, не участвовал – занимался, оказывается, отражением десантов и вообще был не в курсе...

Вот как, например, можно было бы объяснить давешний разговор. Но только этот разговор и ничего больше. Ни темную историю с Тристаном, ни темную историю с Майей Глумовой, ни тем более причину, по которой Льву Абалкину понадобилось скрываться, объяснить этой гипотезой было нельзя. Да елки-палки, если бы эта моя гипотеза была правильной, Лев Абалкин должен был бы сейчас ходить по КОМКОНу и лупить своих обидчиков направо и налево, как человек несдержанный и с артистической нервной организацией... Впрочем, что-то здоровое в этой моей гипотезе все-таки было, и возникали кое-какие практические вопросы. Я решил задать их Экселенцу, но сначала следовало позвонить Сергею Павловичу Федосееву.

Я взглянул на часы: 21.51. Будем надеяться, что старик еще не лег.

Действительно, оказалось, что старик еще не лег. С некоторым недоумением, словно бы не узнавая, он смотрел с экрана на журналиста Каммерера. Журналист Каммерер рассыпался в извинениях за неурочный звонок. Извинения были приняты, однако выражение недоумения не исчезло.

– У меня к вам буквально один-два вопроса, Сергей Павлович, – сказал журналист Каммерер озабоченно. – Вы ведь встречались с Абалкиным?

– Да. Я дал ему ваш номер.

– Вы меня простите, Сергей Павлович... Он только что позвонил мне..., и он разговаривал со мною как-то странно... – Журналист Каммерер с трудом подбирал слова. – У меня возникло впечатление... Я понимаю, что это, скорее всего, ерунда, но ведь всякое может случиться... В конце концов, он мог вас неправильно понять...

Старик насторожился.

– В чем дело? – спросил он.

– Вы ведь рассказали ему обо мне?.. Н-ну, о нашем с вами разговоре?..

– Естественно. Я не понимаю вас. Разве я не должен был рассказывать?

– Да нет, дело не в этом. Видимо, он все-таки неверно вас понял. Представьте себе, мы не виделись с ним пятнадцать лет. И вот, едва поздоровавшись, он с каким-то болезненным сарказмом принимается восхвалять меня за то... Короче говоря, он фактически обвинил меня в том, что я претендую на его приоритет в работе с головами! Уверяю вас, без всяких, без малейших на то оснований... Поймите, я в этом вопросе выступаю только как журналист, как популяризатор, и никак не более того...

– Позвольте, позвольте, молодой человек! – Старик поднял руку.

– Успокойтесь, пожалуйста. Разумеется, ничего подобного я ему не говорил. Хотя бы уже просто потому, что я в этом совсем не разбираюсь...

– Ну... может быть... вы как-то недостаточно точно сформулировали...

– Позвольте, я вообще ему ничего такого не формулировал! Я ему сказал, что некий журналист Каммерер пишет о нем книгу и обратился ко мне за материалом. Номер у журналиста такой-то. Позвони ему. Все. Вот все, что я ему сказал.

– Ну тогда я не понимаю, – сказал журналист Каммерер почти в отчаянии. – Я поначалу решил, что он как-то неверно вас понял, но если это не так... Тогда я не знаю... Тогда это что-то болезненное. Манья какая-то. Вообще эти Прогрессоры, может быть, и ведут себя вполне достойно у себя на работе, но на Земле они иногда совершенно распускаются... Нервы у них сдают, что ли...

Старик завесил глаза бровями.

– Н-ну, знаете ли... В конце концов, не исключено, что Лева действительно меня недопонял... А точнее сказать, недослышал... Разговор у нас получился мимолетный, я спешил, был сильный ветер, очень шумели сосны, а вспомнил я о вас в самый последний момент...

– Да нет, я ничего такого не хочу сказать... – попятился журналист Каммерер. – Возможно, что это именно я недопонял Льва... Меня, знаете ли, кроме прочего, потряс его вид... Он сильно изменился, сделался каким-то недобрым... Вам не показалось, Сергей Павлович?

Да, Сергею Павловичу это тоже показалось. Понуждаемый и подталкиваемый не слишком скрываемой обидой простодушно-

общительного журналиста Каммерера, он постепенно и очень сбивчиво, стыдясь за своего ученика и за какие-то, видимо, свои мысли, рассказал, как это все у них произошло.

Примерно в 17.00 С.П.Федосеев покинул на глайдере свою усадьбу «Комарики» и взял курс на Свердловск, где у него было назначено некое заседание некоего клуба. Через пятнадцать минут его буквально атаковал и заставил приземлиться в диком сосновом бору невесть откуда взявшийся глайдер, водителем которого оказался Лев Абалкин. На поляне, среди шумящих сосен, между учеником и Учителем состоялся краткий разговор, построенный Львом Абалкиным по уже известной мне схеме.

Едва поздоровавшись, фактически не давши старому Учителю раскрыть рта и не тратя времени на объятия, он обрушился на старика с саркастическими благодарностями. Он язвительно благодарил несчастного Сергея Павловича за те невероятные усилия, которые тот якобы приложил, чтобы убедить комиссию по распределению направить абитуриента Абалкина не в Институт зоопсихологии, куда абитуриент по глупости своей и неопытности намеревался поступить, а в школу Прогрессоров, каковые усилия увенчались блистательным успехом и сделали всю дальнейшую жизнь Льва Абалкина столь безмятежной и счастливой.

Потрясенный старик за столь наглое извращение истины закатил, естественно, своему бывшему ученику оплеуху. Приведя его таким образом в подобающее состояние молчания и внимания, он спокойно объяснил ему, что на самом деле все было наоборот. Именно он, С.П.Федосеев, прочил Льва Абалкина в зоопсихологи, уже договорился относительно него в Институте и представил комиссии соответствующие рекомендации. Именно он, С.П.Федосеев, узнав о нелепом, с его точки зрения, решении комиссии, устно и письменно протестовал вплоть до регионального Совета Просвещения. И именно он, С.П.Федосеев, был в конце концов вызван в Евразийский сектор и высечен там как мальчишка за попытку недостаточно квалифицированной дезавуации решения комиссии по распределению. («Мне предъявили там заключение четырех экспертов и как дважды два доказали, что я – старый дурак, а прав, оказывается, председатель комиссии по распределению доктор Серафимович...»)

Дойдя до этого пункта, старик замолчал.

– И что же он? – осмелился спросить журналист Каммерер.

Старик горестно пожевал губами:

– Этот дурачок поцеловал мне руку и бросился к своему глайдеру.

Мы помолчали. Потом старик добавил:

– Вот тут-то я и вспомнил про вас... Откровенно говоря, мне показалось, что он не обратил на это внимания... Может быть, следовало рассказать ему о вас поподробнее, но мне было не до того... Мне показалось почему-то, что я больше никогда его не увижу...

2 июня 78-го года **Короткий разговор**

Экселенц был дома. Облаченный в строгое черное кимоно, он восседал за рабочим столом и занимался любимым делом: рассматривал в лупу какую-то уродливую коллекционную статуэтку.

– Экселенц, – сказал я, – мне надо знать, вступал ли Лев Абалкин на Земле в контакт с кем-нибудь еще.

– Вступал, – сказал Экселенц и посмотрел на меня, как мне показалось, с интересом.

– Могу я узнать – с кем?

– Можешь. Со мной.

Я осекся. Экселенц подождал немного и приказал:

– Докладывай.

Я доложил. Оба разговора – дословно, выводы свои – вкратце, а в конце добавил, что, по моему мнению, следует ожидать, что Абалкин должен в ближайшее время выйти на Комова, Раулингсона, Горячеву и других людей, так или иначе причастных к его работе с головами. А также на этого доктора Серафимовича – тогдашнего председателя комиссии по распределению. Поскольку Экселенц молчал и не опускал головы, я позволил себе задать вопрос:

– Можно узнать, о чем он говорил с вами? Меня очень удивляет, что он вообще вышел на вас.

– Тебя это удивляет... Меня тоже. Но никакого разговора у нас не было. Он проделал такую же штуку, что и с тобой: не включил изображение. Полюбовался на меня, узнал, наверное, и отключился.

– Почему вы, собственно, думаете, что это был он?

– Потому что он связался со мной по каналу, который был известен только одному человеку.

– Так, может быть, этот человек...

– Нет, этого быть не может... Что же касается твоей гипотезы, то она несостоятельна. Лев Абалкин сделался превосходным резидентом, он любил эту работу и не согласился бы променять ее ни на что.

– Хотя по типу нервной организации быть Прогрессором ему...

– Это не твоя компетенция, – сказал Экселенц резко. – Не отвлекайся. К делу. Приказ отыскать Абалкина и взять его под наблюдение

я отменяю. Иди по его следам. Я хочу знать, где он бывал, с кем встречался и о чем говорил.

– Понял. А если я все-таки наткнулся на него?

– Возьмешь у него интервью для своей книги. А потом доложишь мне. Не больше и не меньше.

2 июня 78-го года

Кое-что о тайнах

Около 23.30 я быстренько принял душ, заглянул в спальню и убедился, что Алена дрыхнет без задних ног. Тогда я вернулся в кабинет.

Я решил начать со Щекна. Щекн, естественно, не землянин и даже не гуманоид, и поэтому потребовался весь мой опыт и вся моя, скажу не хвастаясь, сноровка в обращении с информационными каналами, чтобы получить те сведения, которые я получил. Замечу в скобках, что подавляющее большинство моих однопланетников понятия не имеет о реальных возможностях этого восьмого (или теперь уже девятого?) чуда света – Большого Всепланетного Информатория. Вполне допускаю, впрочем, что и я, при всем своем опыте и всей своей сноровке, отнюдь не имею права претендовать на совершенное умение пользоваться его необъятной памятью.

Я послал одиннадцать запросов – три из них, как выяснилось, оказались лишними – и получил в результате следующую информацию о головане Щекне.

Полное его имя было, оказывается, Щекн-Итрч. С семьдесят пятого года и по сей день он числился членом постоянной миссии народа голованов на Земле. Судя по его функциям при сношениях с земной администрацией, он являлся чем-то вроде переводчика-референта миссии, истинное же его положение было неизвестно, ибо взаимоотношения внутри коллектива миссии оставались для землян тайной за семью печатями. Судя по некоторым данным, Щекн возглавлял что-то вроде семейной ячейки внутри миссии, причем до сих пор не удалось толком разобраться ни в численности, ни в составе этой ячейки, а между тем эти факторы играли, по-видимому, весьма большую роль при решении целого ряда важных вопросов дипломатического свойства.

Вообще фактических данных о Щекне, как и обо всей миссии в целом, набралось множество. Некоторые из них были поразительны, но все они со временем вступали в противоречие с новыми фактами либо полностью опровергались последующими наблюдениями. Похоже было, что наша ксенология склонялась к тому, чтобы поднять (или

опустить – как кому нравится) руки перед этой загадкой. И многие весьма порядочные ксенологи присоединились к мнению Раулингсона, сказавшего еще лет десять назад в минуту слабости: «По-моему, они просто морочат нам голову!..»

Впрочем, все это меня мало касалось. Мне только следовало и в дальнейшем не забывать слова Раулингсона.

Располагалась миссия на реке Телон в Канаде, северо-западнее Бэйкер-лейк. Голованы, оказывается, пользовались полной свободой передвижения, причем пользовались ею весьма охотно, хотя и не признавали никакого транспорта, кроме нуль-Т. Резиденция для миссии была возведена в строгом соответствии с проектом, представленным самими голованами, однако от удовольствия заселить ее голованы вежливо уклонились, а расположились вокруг в самодельных подземных помещениях или, говоря попросту, в норах. Телекоммуникации они не признавали, и втуне пропали старания наших инженеров, создавших видеоаппаратуру, специально приспособленную для их слуха, зрения и удобного манипулирования. Голованы признавали только личные контакты. Значит, придется лететь в Бэйкер-лейк.

Покончив со Щекном, я решил все-таки найти доктора Серафимовича. Мне удалось это без особого труда, то есть удалось получить информацию о нем. Он, оказывается, умер двенадцать лет назад в возрасте ста восемнадцати лет. Доктор педагогики, постоянный член Евразийского Совета Просвещения, член Всемирного совета по педагогике Валерий Маркович Серафимович. Жаль.

Я взялся за Корнея Яшмаа. Прогрессор Корней Янович Яшмаа уже два года имел адресом виллу «Лагерь Яна» в десятке километров к северу от Антонова, в приволжской степи. У него был обширный послужной список, из которого явствовало, что вся его профессиональная деятельность была связана с планетой Гиганда. Видимо, это был очень крупный практический работник и незаурядный теоретик в области экспериментальной истории, но все подробности его карьеры разом вылетели у меня из головы, едва до меня дошли два малоприметных обстоятельства.

Первое: Корней Янович Яшмаа был посмертным сыном.

Второе: Корней Янович Яшмаа родился 6 октября 38-го года.

Различие с Львом Абалкиным состояло только в том, что родителями Корнея Яшмаа были не члены группы «Йормала», а супружеская чета, трагически погибшая во время эксперимента «Зеркало».

Я не поверил собственной памяти и полез в папку. Все было точно. И никуда, разумеется, не девалась записка на обороте арабского текста: «...встретились двое наших близнецов. Уверю тебя –

совершенная случайность...» Случайность. Ну, там у них, на Гиганде, может быть, и произошла некая случайность: Лев Абалкин, посмертный сын, родившийся 6 октября 38-го года, встретился с Корнеем Яшмаа, посмертным сыном, родившимся 6 октября 38-го года... А у меня это что – тоже случайность? «Близнецы». От разных родителей. «Если не веришь, загляни в 07 и 11». Так. «07» – передо мной. Значит, где-то в недрах нашего департамента есть еще и «11». И логично предположить, что есть и «01», «02» и так далее... Кстати, минус мне, что я не сразу обратил внимание на этот странный шифр: «07». Дела у нас (конечно, не в папках, а в кристаллозаписи) обозначаются обычно либо фантастическими словосочетаниями, либо названиями предметов...

Между прочим, что это за эксперимент «Зеркало»? Никогда о таком не слышал... Мысль эта прошла как-то вторым планом, и я набрал запрос в БВИ почти машинально. Ответ меня удивил: «ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ. ПРЕДЪЯВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ДОПУСК». Я набрал код своего допуска и повторил запрос. На этот раз карточка с ответом выскочила с задержкой на несколько секунд: «ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ. ПРЕДЪЯВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ДОПУСК». Я откинулся на спинку кресла. Вот это да! Впервые в моей практике допуска КОМКОНа-2 оказалось недостаточно для получения информации от БВИ.

И вот тут я с совершенной отчетливостью ощутил, что вышел за пределы своей компетенции. Я как-то сразу вдруг понял, что передо мною – огромная и мрачная тайна, что судьба Абалкина со всеми ее загадками и непонятностями не сводится просто к тайне личности Абалкина – она переплетена с судьбами множества других людей, и касаться этих судеб я не смею ни как работник, ни как человек.

И дело, конечно, было не в том, что БВИ отказался дать мне информацию по какому-то там эксперименту «Зеркало». Я был совершенно уверен, что к тайне этот эксперимент никакого отношения не имеет. Отказ БВИ был просто направляющей затрещиной, заставившей меня оглянуться назад. Эта затрещина как бы прояснила мое зрение, я сразу связал между собою все – и странное поведение Ядвиги Лекановой, и необычный уровень секретности, и непривычность этого «вместилища документов», и странный шифр, и отказ Экселенца ввести меня полностью в курс дела, и даже его исходную установку не вступать с Абалкиным ни в какие контакты... А теперь вот еще – фантастическое совпадение обстоятельств и дат появления на свет Льва Абалкина и Корнея Яшмаа.

Была тайна. Лев Абалкин был только частью этой тайны. И я понял теперь, почему Экселенц поручил это дело именно мне. Наверняка ведь были люди, посвященные в эту тайну полностью, но они, видимо, не годились для розыска. Было достаточно людей, которые провели бы этот розыск не хуже, а может быть, и лучше меня, но Экселенц, безусловно, понимал, что розыск рано или поздно приведет к тайне, и тут важно было, чтобы у человека хватило деликатности вовремя остановиться. Но если даже по ходу розыска тайна будет раскрыта, важно было, чтобы этому человеку Экселенц доверял как самому себе.

А ведь тайна Льва Абалкина – это вдобавок еще и тайна личности! Совсем плохо. Самая сумеречная тайна из всех мыслимых – о ней ничего не должна знать сама личность... Простейший пример: информация о неизлечимой болезни личности. Пример посложнее: тайна проступка, совершенного в неведении и повлекшего за собой необратимые последствия, как это случилось в незапамятные времена с царем Эдипом...

Ну что ж, Экселенц сделал правильный выбор. Я не люблю тайн. В наше время и на нашей планете все тайны, на мой взгляд, отдают какой-то гадостью. Признаю, что многие из них вполне сенсационны и способны потрясти воображение, но лично мне всегда неприятно в них посвящаться, а еще неприятнее – посвящать в них ни в чем не повинных посторонних людей. У нас в КОМКОНе-2 большинство работников придерживается той же точки зрения, и, наверное, именно поэтому утечка информации у нас случается крайне редко. Но моя брезгливость к тайнам, видимо, все-таки превышает среднюю норму. Я даже стараюсь никогда не употреблять принятого термина «раскрыть тайну», я говорю обычно «раскопать тайну» и кажусь себе при этом ассенизатором в самом первоначальном смысле этого слова.

Вот как сейчас, например.

Из отчета Льва Абалкина

...В темноте город становится плоским, как старинная гравюра. Тускло светится плесень в глубине черных оконных проемов, а в редких сквериках и на газонах мерцают маленькие мертвенные радуги – это распустились на ночь бутоны неведомых светящихся цветов. Тянет слабыми, но раздражающими ароматами. Из-за крыш выползает и повисает над проспектом первая луна – огромный иззубренный серп, заливший город неприятным оранжевым светом.

У Щекна это светило вызывает какое-то необъяснимое отвращение. Он поминутно неодобрительно взглядывает на него и каждый раз при этом судорожно приоткрывает и захлопывает пасть, словно его тянет повыть, а он сдерживается. Это тем более странно, что на его родном Саракше луну увидеть невозможно из-за атмосферной рефракции, а к земной Луне он всегда относился совершенно индифферентно, насколько мне это известно, во всяком случае.

Потом мы замечаем детей.

Их двое. Держась за руки, они тихонько бредут по тротуару, словно стараясь прятаться в тени. Идут они туда же, куда и мы со Щекном. Судя по одежде – мальчики. Один повыше, лет восьми, другой совсем маленький, лет четырех или пяти. По-видимому, они только что вывернули из какого-то бокового переулочка, иначе я бы увидел их издалека. Идут уже давно, не первый час, очень устали и едва передвигают ноги... Младший вообще уже не идет, а волочится, держась за руку старшего. У старшего на широкой лямке через плечо болтается плоская сумка, он ее все время поправляет, а она бьет его по коленкам.

Транслятор сухим бесстрастным голосом переводит: «Устал, болят ноги... Иди, тебе сказано... Иди... Нехороший человек... Ты сам нехороший, дурной человек... Змея с ушами... Ты сам несъедобный

крысиный хвост...» Так. Остановились. Младший выворачивает свою руку из руки старшего и садится. Старший поднимает его за ворот, но младший снова садится, и тогда старший дает ему по шее. Из транслятора валом валят «крысы», «змеи», «дурнопахнущие животные» и прочая фауна. Потом младший принимается громко рыдать, и транслятор недоуменно замолкает. Пора вмешаться.

– Здравствуйте, ребята, – говорю я одними губами.

Я подошел к ним вплотную, но они только сейчас замечают меня. Младший моментально перестает плакать – глядит на меня, широко раскрыв рот. Старший тоже глядит, но исподлобья, неприязненно, и губы у него плотно сжаты. Я опускаюсь перед ним на корточки и говорю:

– Не бойся. Я добрый. Обижать не буду.

Я знаю, что линганы не передают интонацию, и поэтому стараюсь подбирать простые успокаивающие слова.

– Меня зовут Лев, – говорю я. – Я вижу, вы устали. Хотите, я вам помогу?

Старший не отвечает. Он по-прежнему глядит исподлобья – с большим недоверием и настороженностью, а младший вдруг заинтересовывается Щекном и не сводит с него глаз – видно, что ему и страшно, и интересно сразу. Щекн с самым добропорядочным видом сидит в сторонке, отвернув лобастую голову.

– Вы устали, – говорю я. – Вы хотите есть и пить. Сейчас я вам дам вкусенького...

И тут старшего прорывает. Вовсе они не устали, и не надо им ничего вкусенького. Сейчас он расправится с этой крысоухой змеей, и они пойдут дальше. А кто будет им мешать, тот получит пулю в брюхо. Вот так.

Очень хорошо. Никто им не собирается мешать. А куда они идут?

Куда им надо, туда они и идут.

А все-таки? Вдруг им по дороге? Тогда крысоухую змею можно было бы поднести на плече...

В конце концов все улаживается. Съедается четыре плитки шоколада и выпивается две фляги тонизатора. В маленькие рты выдавливаются по полтюбика фруктовой массы. Внимательно обследуется радужный комбинезон Льва и (после краткого, но чрезвычайно энергичного спора) позволяется один раз (только один!) погладить Щекна (но ни в коем случае не по голове, а только по спине). На борту у Ван-дерхузе все рыдают от умиления и раздается мощное сюсюканье.

Далее выясняется следующее.

Мальчики – братья, старшего зовут Иядрудан, а младшего Притулатан. Жили они довольно далеко отсюда (уточнить не удастся) с отцом в большом белом доме с бассейном во дворе. Совсем еще недавно с ними вместе жили две тетки и еще один брат – самый старший, ему было восемнадцать лет, – но они все умерли. После этого отец никогда не брал их с собой за продуктами, он стал ходить сам, один, а раньше они ходили всей семьей. Вокруг много продуктов – и там-то, и там-то, и там-то (уточнить не удастся). Уходя один, отец каждый раз приказывал: если он не вернется до вечера, надо взять Книгу, выходить на этот вот проспект и идти все время вперед и вперед до красивого стеклянного дома, который светится в темноте. Но входить в этот дом не надо – надо сесть рядом и ждать, когда придут люди и отведут их туда, где будут и отец, и мама, и все. Почему ночью? А потому, что ночью на улицах не бывает дурных людей. Они бывают только днем. Нет, мы никогда их не видели, но много раз слышали, как они звенят колокольчиками, играют песенки и выманивают нас из дому. Тогда отец и старший брат хватили свои винтовки и всаживали им пулю в брюхо... Нет, больше никого они не знают и не видели. Правда, когда-то давно к ним в дом приходили какие-то люди с винтовками и целый день спорили с отцом и со старшим братом, а потом и мама с обеими тетками вмешалась. Все они громко кричали, но отец, конечно, всех переспорил, эти люди ушли и больше никогда не приходили...

Маленький Притулатан засыпает сразу же, как только я беру его на закорки. Иядрудан, напротив, отказывается от какой-либо помощи. Он только позволил мне приладить половчее свою сумку с Книгой и теперь с независимым видом идет рядом, засунув руки в карманы. Щекн бежит впереди, не принимая участия в разговоре. Всем своим видом он демонстрирует полное равнодушие к происходящему, но на самом деле он так же, как и все мы, заинтригован очевидным предположением, что цель мальчиков – некое светящееся здание – как раз и есть тот самый объект «Пятно-96».

...Что написано в Книге, Иядрудан пересказать не умеет. В эту Книгу все взрослые каждый день записывали обо всем, что случается. Как Притулатана укусил ядовитый муравей. Как вода вдруг стала уходить из бассейна, но отец ее остановил. Как тетка умерла – открывала консервную банку, мама смотрит, а тетка уже мертвая... Иядрудан эту Книгу не читал, он плохо умеет читать и не любит, у него плохие способности. Вот у Притулатана очень хорошие способности, но он еще маленький и ничего не понимает. Нет, им никогда не было скучно. Какая может быть скука в доме, где пятьсот семь комнат? А в каждой

комнате полно всяких диковинных вещей, даже таких, что сам отец ничего не мог сказать, зачем они и для чего. Только вот винтовки там ни одной не нашлось. Винтовки теперь – редкость. Может быть, в соседнем доме нашлась бы винтовка, но отец настрого запретил выходить на улицу... Нет, из своей винтовки отец стрелять не давал. Он говорил, что нам это ни к чему. Вот когда мы уйдем к светящемуся дому и добрые люди, которые нас там встретят, отведут нас к маме, вот уж там-то мы будем стрелять сколько захотим... А может быть, это ты отведишь нас к маме? Тогда почему у тебя нет винтовки? Ты добрый человек, но винтовки у тебя нет, а отец говорил, что все добрые люди – с винтовками...

– Нет, – говорю я. – Не сумею я тебя отвести к маме. Я здесь чужой и сам бы хотел встретиться с добрыми людьми.

– Жалко, – говорит Иядрудан.

Мы выходим на площадь. Объект «Пятно-96» вблизи похож на гигантскую старинную шкатулку голубого хрусталя во всем ее варварском великолепии, сверкающую бесчисленными драгоценными камнями и самоцветами. Ровный бело-голубой свет пронизывает ее изнутри, озаряя растрескавшийся, проросший черной щетиной сорняков асфальт и мертвые фасады домов, окаймляющих площадь. Стены этого удивительного здания совершенно прозрачны, а внутри сверкает и переливается веселый хаос красного, золотого, зеленого, желтого, так что не сразу замечаешь широкий, как ворота, приветливо распахнутый вход, к которому ведут несколько низких плоских ступеней.

– Игрушки!.. – благоговейно шепчет Притулатан и принимается ерзать, сползая с меня.

Только теперь я понимаю, что шкатулку наполняют вовсе не драгоценности, а разноцветные игрушки, сотни и тысячи разноцветных, чрезвычайно аляповатых игрушек – несуразно огромные, ярко размалеванные куклы, уродливые деревянные автомобили и великое множество какой-то разноцветной мелочи, которую трудно разглядеть на таком расстоянии.

Маленький способный Притулатан немедленно принимается ныть и кланчить, чтобы все пошло в этот волшебный дом, это ничего, что папа не велел, мы только на минуточку зайдем, возьмем вон тот грузовик и сейчас же начнем ждать добрых людей... Иядрудан пытается пресечь его, сначала словесно, а когда это не помогает, то крутанув ему ухо, и нытье теряет членораздельность. Транслятор бесстрастно высыпает в окружающее пространство целый мешок «крысоухих змей», возмущенно галдит борт Вандерхузе, требуя успокоить

и утешить, и вдруг все, включая способного Притулатана, разом замолкают.

У ближайшего угла вдруг объявляется давешний абориген с винтовкой. Мягко и бесшумно ступая по голубым бликам, положив руки на винтовку, висящую поперек груди, он подходит прямо к детям. На нас со Щекном он даже не смотрит. Крепко берет затихшего Притулатана за левую руку, а просиявшего Иядрудана – за правую и ведет их прочь, через площадь, прямо к светящемуся зданию – к маме, к отцу, к безграничным возможностям стрелять сколько угодно.

Я смотрю им вслед. Все вроде бы идет так, как должно идти, и в то же время какая-то мелочь, какой-то суший пустяк портит всю картину. Какая-то капелька дегтя...

– Ты узнал? – спрашивает Щекн.

– Что именно? – отзываюсь я раздраженно, потому что мне никак не удастся избавиться от этой неведомой соринки, которая портит весь вид.

– Погаси в этом здании свет и выстрели десяток раз из пушки...

Я почти не слышу его. Я вдруг все понимаю про эту соринку. Абориген удаляется, держа детишек за руки, и я вижу, как винтовка в такт шагам раскачивается у него на груди, словно маятник – слева направо, справа налево... Она не может так раскачиваться. Не может так лихо мотаться туда-сюда тяжелая магазинная винтовка весом уж никак не меньше полупуда. Так может мотаться игрушечная винтовка – деревянная, пластмассовая. У этого «доброего человека» винтовка не настоящая...

Я не успеваю додумать до конца все. Игрушечная винтовка у аборигена. Аборигены стреляют снайперски. Может быть, игрушечная винтовка – из этого игрушечного павильона?.. Погаси в этом павильоне свет и расстреляй его из пушки... Это ведь точно такой же павильон... Нет, ничего я не успел додумать до конца.

Слева сыплются кирпичи, с хрустом раскалывается о тротуар деревянная рама. По уродливому фасаду шестиэтажного дома, третьего от угла, сверху вниз, наискосок, через черные провалы окон скользит широкая желтая тень – скользит так легко, так невесомо, не верится, что это после нее рушатся с фасада пласты штукатурки и обломки кирпичей. Что-то кричит Вандерхузе, ужасно, в два голоса визжат на площади дети, а тень уже на асфальте – такая же невесомая, полупрозрачная, огромная. Бешеное движение десятков ног почти неразличимо, и в этом мелькании темнеет, вспучиваясь и опадая, длинное членистое тело, несущее перед собой высоко задранные хватательные клешни, на которых лежит неподвижный лаковый блик...

Скорчер оказывается у меня в руке сам. Я превращаюсь в автоматический дальномер, занятый только тем, чтобы измерять расстояние между ракопауком и детскими фигурками, улепетывающими наискосок через площадь. (Где-то там еще абориген со своей фальшивой винтовкой, он тоже бежит изо всех сил, чуть отставая от детей, но за ним я не слежу.) Расстояние стремительно сокращается, все совершенно ясно, и, когда ракопук оказывается у меня на траверзе, я стреляю.

В этот момент до него двадцать метров. Мне не так уж часто приходилось стрелять из скорчера, и я потрясен результатом. От краснолиловой вспышки я на мгновение слепну, но успеваю увидеть, что ракопук словно бы взрывается. Сразу. Весь целиком, от клешней до кончика задней ноги. Как перегретый паровой котел. Гремит короткий гром, эхо пошло отражаться и перекачиваться по площади, а на месте чудовища вспухает плотная, на вид даже как бы твердая туча белого пара.

Все кончено. Облако пара расплзается с тихим шипением, панические визги и топот затихают в глубине темного переулка, а драгоценная шкатулка павильона как ни в чем не бывало сияет посередине площади прежним своим варварским великолепием...

– Черт знает, какая дрянь страшная, – бормочу я. – Откуда они здесь взялись – за сто парсеков от Пандоры?.. А ты что, опять его не учуял?

Щекн не успевает ответить. Гремит винтовочный выстрел, эхом прокатывается по площади, и сразу же за ним – второй. Где-то совсем близко. Как будто за углом. Ну ясно, из того переулка, куда они все убежали...

– Щекн, держись слева, не высывайся! – командую я уже на бегу.

Я не понимаю, что там происходит, в этом переулке. Скорее всего, на детей напал еще один ракопук... Значит, винтовка все-таки не игрушечная? И тут из темноты переулка выходят и останавливаются, преграждая нам дорогу, трое. И двое из них вооружены настоящими магазинными винтовками, и два ствола направлены прямо на меня.

Все очень хорошо видно в голубовато-белом свете: рослый седой старик в сером мундире с блестящими пуговицами, а по сторонам его и чуть позади – двое крепких парней с винтовками на изготовку, тоже в серых мундирах, опоясанных ремнями с патронными сумками.

– Очень опасно... – щелкает Щекн на языке голованов. – Повторяю: очень!

Я перехожу на шаг и с некоторым усилием заставляю себя спрятать скорчер в кобуру. Я останавливаюсь перед стариком и спрашиваю:

– Что с детьми?

Дула винтовок направлены мне прямо в живот. В брюхо. Лица у парней угрюмые и совершенно безжалостные.

– С детьми все в порядке, – отвечает старик.

Глаза у него светлые и как будто даже веселые. В лице его нет той тяжеловесной мрачности, как у вооруженных парней. Обыкновенное морщинистое лицо старого человека, не лишенное даже известного благообразия. Впрочем, может быть, мне это только, кажется, может быть, все дело в том, что вместо винтовки у него в руке блестящая, отполированная трость, которой он легонько и небрежно похлопывает себя по голенищу высокого сапога.

– В кого стреляли? – спрашиваю я.

– В нехорошего человека, – переводит транслятор ответ.

– Вы, наверное, и есть те самые добрые люди с винтовками? – спрашиваю я.

Старик задирает брови:

– Добрые люди? Что это значит?

Я объясняю ему то, что мне объяснил Иядрудан. Старик кивает.

– Понятно. Да, мы – те самые добрые люди. – Он разглядывает меня с головы до ног. – А у вас дела, я вижу, идут неплохо... Переводящая машинка за спиной... У нас тоже такие были когда-то, но огромные, на целые комнаты... А такого ручного оружия у нас и вовсе никогда не было. Ловко вы этого нехорошего человека срезали! Как из пушки. Давно прилетели?

– Вчера, – говорю я.

– А вот мы свои летающие машины так и не наладили. Некому налаживать. – Он снова откровенно разглядывает меня. – Да, вы молодцы. А у нас тут, как видите, полный развал. Как вам удалось? Отбились? Или средства какие-нибудь нашли?

– Развал у вас действительно полный, – говорю я осторожно. – Целые сутки я у вас здесь, и все равно ничего не понимаю...

Мне ясно, что он принимает меня за кого-то другого. На первых порах это может быть даже и к лучшему. Только надо осторожно, очень осторожно...

– Я знаю, что вы ничего не понимаете, – говорит старик. – И это по меньшей мере странно... Неужели у вас всего этого не было?

– Нет, – отвечаю я. – Такого у нас не было.

Старик вдруг раздражается длинной фразой, на которую транслятор немедленно откликается: «Язык не кодируется».

– Не понимаю, – говорю я.

– Не понимаете... А мне казалось, что я неплохо владею языком Загорья.

– Я не оттуда, – возражаю я. – И никогда там не был.

– Откуда же вы?

Я принимаю решение.

– Это сейчас не важно, – говорю я. – Не будем говорить о нас. У нас все в порядке. Мы не нуждаемся в помощи. Будем говорить о вас. Я мало что понял, но одно очевидно: вы в помощи нуждаетесь. В какой именно? Что нужно в первую очередь? Вообще, что у вас здесь происходит? Вот о чем мы сейчас будем говорить. И давайте сядем, я весь день на ногах. У вас найдется, где можно было бы посидеть и спокойно поговорить?

Некоторое время он молча шарит взглядом по моему лицу.

– Не хотите говорить, откуда вы... – произносит он наконец. – Что ж, это ваше право. Вы сильнее. Только это глупо. Я и так знаю: вы с Северного Архипелага. Вас не тронули только потому, что не заметили. Ваше счастье. Но хочется спросить, где вы были эти последние сорок лет, пока нас здесь гноили заживо? Жили в свое удовольствие, будьте вы прокляты!

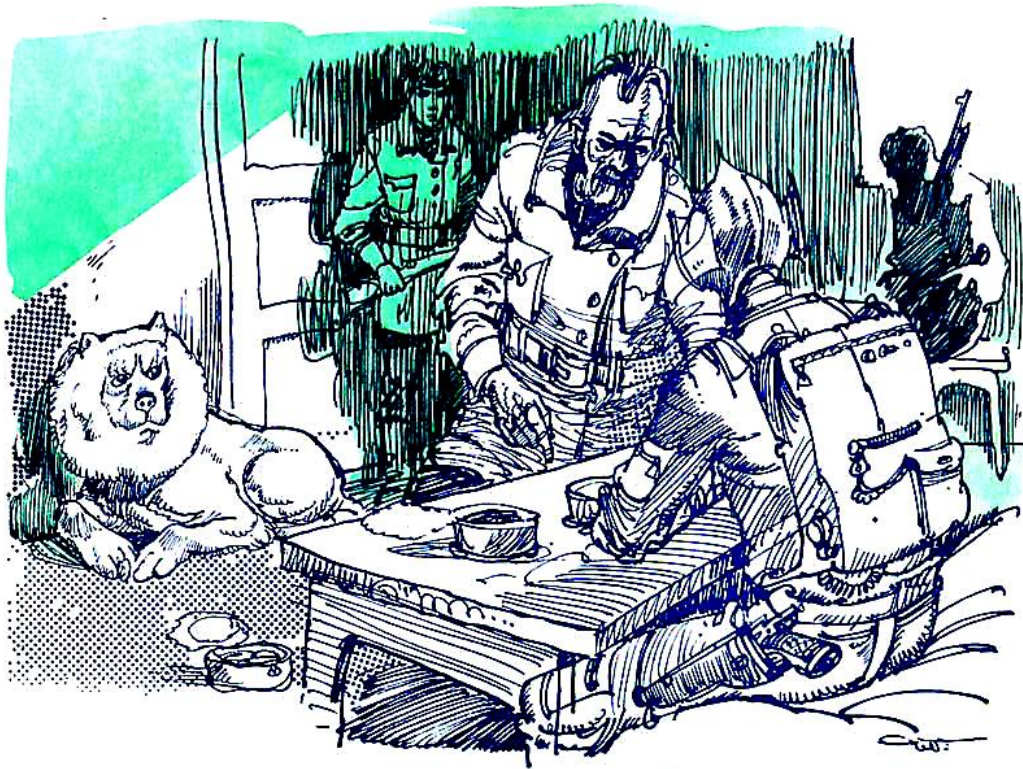
– Не вы одни терпите бедствие, – возражаю я вполне искренне. – Теперь вот очередь дошла до вас.

– Мы очень рады, – говорит он. – Пойдемте сядем и побеседуем.

Мы входим в подъезд дома напротив, поднимаемся на второй этаж и оказываемся в грязноватой комнате, где всего-то и есть – стол посередине, огромный диван у стены да два табурета у окна. Окна выходят на площадь, и комната озарена бело-голубым светом павильона. На диване кто-то спит, завернувшись с головой в глянцеви́тый плащ. На столе – консервные банки и большая металлическая фляга.

Едва войдя в комнату, старик принимается наводить порядок. Он поднимает на ноги спящего и гонит его куда-то из дому. Один из угрюмых парней получает приказ занять пост и усаживается на табурет у окна, где и сидит потом все время, не отрывая глаз от площади. Второй угрюмый парень принимается ловко вскрывать банки с консервами, а потом встает у дверей, прислонившись плечом к притолоке.

Мне предлагается сесть на диван, после чего меня задвигают столом и обставляют банками с консервами. Во фляге оказывается обыкновенная вода, довольно чистая, хотя и с железистым привкусом.

Щекн тоже не забудь. Солдат, которого согнали с дивана, ставит перед ним на пол открытую банку консервов. Щекн не возражает. Правда, он не ест консервов, а отходит к двери и предусмотрительно устраивается рядом с постовым. При этом он старательно чешется, фыркает и облизывается, изо всех сил притворяясь обыкновенной собакой.

Между тем старик берет второй табурет, усаживается напротив меня, и переговоры начинаются.

Прежде всего старик представляется. Разумеется, он оказывается гаттаухом, и притом не просто гаттаухом, но и гаттаух-окамбомоном, что следует, по-видимому, переводить, как «правитель всей территории и прилегающих районов». Под его правлением находится весь город, порт и дюжина племен, обитающих в радиусе до пятидесяти километров. Что происходит за пределами этого радиуса, он представляет себе плохо, но полагает, что там примерно то же самое. Общая численность населения его области составляет сейчас не более пяти тысяч человек. Ни промышленности, ни сколько-нибудь правильно организованного сельского хозяйства в области не существует. Есть, правда, лаборатория в пригороде. Хорошая лаборатория, в свое время одна из лучших в мире, и руководит ею по сей день сам Драудан

(«...странно, что вы никогда о нем не слышали... ему тоже повезло – он оказался долгожителем, как и я...»), но ничего они там так и не добились за все эти сорок лет. И видимо, не добьются.

– А поэтому, – заключает старик, – давайте не будем ходить вокруг да около и торговаться давайте не будем. У меня условие только одно: если лечить, то всех. Без исключения. Если это условие вам годится, все остальные можете ставить сами. Любые. Принимаю безоговорочно. Если же нет, тогда вы лучше к нам не суйтесь. Мы, конечно, все здесь погибнем, но и вам житья не будет, пока хоть один из нас еще жив.

Я молчу. Я все жду, что Штаб хоть что-нибудь мне подскажет. Ну хоть что-нибудь! Но там, похоже, тоже ничего не понимают.

– Я хотел бы вам напомнить, – говорю я наконец, – что я по-прежнему ничего не понимаю в ваших делах.

– Так задавайте вопросы! – говорит старик резко.

– Вы сказали: лечить. У вас эпидемия?

Лицо у старика делается каменным. Он долго глядит мне в глаза, а потом утомленно облокачивается на стол и трет пальцами лоб.

– Я же вас предупредил: не надо ходить вокруг да около. Мы же не собираемся торговаться. Скажите ясно и просто: есть у вас всеобщее лекарство? Если есть, диктуйте условия. Если нет, нам не о чем разговаривать.

– Так мы с вами не сдвинемся с мертвой точки, – говорю я. – Давайте исходить из того, что я абсолютно ничего о вас не знаю. Проспал я эти сорок лет, например. Не знаю, какая у вас болезнь, не знаю, какое вам нужно лекарство...

– И про Нашествие ничего не знаете? – говорит старик, не открывая глаз.

– Почти ничего.

– И про Всеобщий Угон ничего не знаете?

– Почти ничего. Знаю, что все ушли. Знаю, что в этом как-то замешаны пришельцы из Космоса. Больше ничего.

– При-шерь-зы... из Коз-мо-за... – с трудом повторяет старик по-русски.

– Люди с луны... Люди с неба... – говорю я.

Он оскаливает желтые крепкие зубы.

– Не с неба и не с луны. «Из-под земли!» – говорит он. – Значит, кое-что вы все-таки знаете...

– Я прошел через город. И многое видел.

– А у вас там не было совсем ничего? Совсем?

– Ничего подобного не было, – говорю я твердо.

– И вы ничего не заметили? Не заметили гибели человечества? Перестаньте врать! Чего вы хотите добиться этим враньем?

– Лев! – шелестит у меня под шлемом голос Комова. – Разыгравай вариант «Кретин»!

– Я – лицо подчиненное, – объявляю я строго. – Я знаю только то, что мне положено знать! Я делаю только то, что мне приказано делать! Если мне прикажут врать, я буду врать, но сейчас я такого приказа не имею.

– А какой же приказ вы имеете?

– Провести разведку в вашем районе и доложить все обстоятельства.

– Какая чушь! – с усталым отворачиванием говорит старик. – Ну хорошо. Будь, по-вашему. Вам зачем-то надо, чтобы я рассказывал всем известные вещи... Ладно. Слушайте.

Оказывается, во всем виновата раса отвратительных нелюдей, расплодившаяся в недрах планеты. Четыре десятка лет назад эта раса предприняла нашествие на местное человечество. Нашествие началось с невиданной пандемии, которую нелюди обрушили разом на всю планету. Возбудителя пандемии обнаружить не удалось до сих пор. А выглядела эта болезнь так: начиная с двенадцатилетнего возраста, вполне нормальные дети начинали стремительно стареть. Темп развития человеческого организма по достижении критической возрастной точки ускорялся в геометрической прогрессии. Шестнадцатилетние юноши и девушки выглядели сорокалетними, в восемнадцать лет начиналась старость, а двадцатилетие переживали только единицы.

Пандемия свирепствовала три года, после чего нелюди впервые заявили о своем существовании. Они предложили всем правительствам организовать переброску населения «в соседний мир», то есть к себе, в недра земли. Они пообещали, что там, в соседнем мире, пандемия исчезнет сама собой, и тогда миллионы и миллионы испуганных людей ринулись в специальные колодцы, откуда, разумеется, никто с тех пор так и не вернулся. Так сорок лет тому назад погибла местная цивилизация.

Конечно, не все поверили и не все испугались. Оставались целые семьи и группы семей, целые религиозные общины. В чудовищных условиях пандемии они продолжали свою безнадежную борьбу за существование и за право жить так, как жили их предки. Однако нелюди и эту жалкую долю процента прежнего населения не оставили в покое. Они организовали настоящую охоту за детьми, за этой последней надеждой человечества. Они наводнили планету

«нехорошими людьми». Сначала это были подделки под людей, имеющие вид веселых размалеванных дядей, звенящих бубенчиками и играющих веселые песенки. Глупые детишки с радостью шли за ними и навсегда исчезали в янтарных «стаканах». Тогда же на главных площадях появились такие вот сияющие в ночи игрушечные лавки – ребенок заходил туда и исчезал бесследно.

– Мы делали все, что могли. Мы вооружились – в покинутых арсеналах было полно оружия. Мы научили детей бояться «нехороших людей», а затем и уничтожать их из винтовок. Мы разрушали кабины и расстреливали в упор игрушечные лавки, пока не поняли, что умнее будет поставить возле них часовых и перехватывать неосторожных детей у порога. Но это было только начало...

Нелюди с неистощимой выдумкой выбрасывали на поверхность все новые и новые типы охотников за детьми. Появились «чудовища». Из винтовки почти невозможно попасть в такое, когда оно нападает на ребенка. Появились гигантские яркие бабочки – они падали на ребенка, окутывали его крыльями и исчезали вместе с ним. Эти бабочки вообще неуязвимы для пуль. Наконец последняя новинка: появились гады, совершенно неотличимые от обыкновенного бойца. Эти просто берут ничего не подозревающего ребенка за руку и уводят с собой. Некоторые из них умеют даже разговаривать...

– Мы прекрасно знаем, что шансов выжить у нас практически нет. Пандемия не прекращается, а мы сначала надеялись на это. Только один человек на сто тысяч остается незараженным. Вот я, например, Друдан... и еще один мальчик – он вырос на моих глазах, ему сейчас восемнадцать, и он выглядит на восемнадцать... Если вы не знали всего этого, то знайте. Если знали, тогда имейте в виду, что мы прекрасно понимаем свое положение. И мы готовы согласиться на любые ваши условия – готовы на вас работать, готовы вам подчиняться... На все условия, кроме одного: если лечить, то всех. Никакой элиты, никаких избранных!

Старик замолкает, тянется к кружке с водой и жадно пьет. Солдат, стоящий у дверей, переминается с ноги на ногу и зевает, прикрывая рот ладонью. На вид ему лет двадцать пять. А на самом деле? Тринадцать? Пятнадцать? Подросток...

Я сижу неподвижно, стараясь сохранить каменное лицо. Подсознательно я ожидал чего-нибудь в этом роде, но то, что я услышал от очевидца и пострадавшего, почему-то никак не укладывается у меня в сознании. Факты, которые изложил старик, сомнения у меня не вызывают, но это – как во сне: каждый элемент в отдельности полон смысла, а все вместе выглядит совершенно нелепо. Может быть, все

дело в том, что мне в плоть и кровь вьелось некое предвзятое мнение о Странниках, безоговорочно принятое у нас на Земле?

– Откуда вы знаете, что они нелюди? – спрашиваю я. – Вы их видели? Вы лично?

Старик кряхтит. Лицо его делается страшным.

– Половину своей бессмысленной жизни я бы отдал, чтобы увидеть перед собой хотя бы одного, – сишло произносит он. – Вот этими руками... Сам... Но я, конечно, их не видел. Слишком они осторожны и трусливы... Да их, наверное, никто не видел, кроме этих поганых предателей из правительства сорок лет назад... А по слухам, они вообще формы не имеют, как вода, скажем, или пар...

– Тогда непонятно, – говорю я. – Зачем существам, не имеющим формы, заманивать несколько миллиардов людей к себе в подземелья?

– Да будьте вы прокляты! – говорит старик, повысив голос. – Это же НЕЛЮДИ! Как мы с вами можем судить, что нужно нелюдям? Может быть, рабы. Может быть, еда... А может быть, строительный материал для своих гадов... Какая разница? Они разрушили наш мир! Они и теперь не дают нам покоя, травят нас, как крыс...

И тут лицо его вдруг страшно искажается. С поразительной для своего возраста прытью он отскакивает к противоположной стене, с грохотом отшвырнув табуретку. Я и глазом моргнуть не успел, а он уже держит обеими руками большой никелированный револьвер, наставив его прямо на меня. Сонные стражи проснулись и с таким же выражением недоверия и ужаса на лицах, ставших вдруг совсем ребяческими, не отрывая от меня глаз, беспорядочно шарят вокруг себя в поисках своих винтовок.

– Что случилось? – говорю я, стараясь не шевелиться.

Никелированный ствол ходит ходуном, а стражи, нащупав наконец оружие, дружно клацают затворами.

– Твоя дурацкая одежда все-таки заработала, – щелкает Щекн на своем языке. – Тебя почти не видно. Только лицо. Ты не имеешь формы, как вода или пар. Впрочем, старик уже раздумал стрелять. Или мне все-таки убрать его?

– Не надо, – говорю я по-русски.

Старик наконец подает голос. Он блее стены и говорит запинаясь, но не от страха, конечно, а от ненависти. Мощный все-таки старик.

– Проклятый подземный оборотень! – говорит он. – Положи руки на стол! Левую на правую! Вот так...

– Это недоразумение, – говорю я сердито. – Я не оборотень. У меня специальная одежда. Она может делать меня невидимым, только плохо работает.

– Ах, одежда? – издевательски произносит старик. – На Северном Архипелаге научились делать одежду-невидимку!

– На Северном Архипелаге очень многое научились делать, – говорю я. – Спрячьте, пожалуйста, ваше оружие и давайте разберемся спокойно.

– Дурак ты, – говорит старик. – Хоть бы на карту нашу удосужился взглянуть. Нет никакого Северного Архипелага... Я тебя сразу раскусил, только все никак не мог поверить в такую наглость...

– Неужели тебе не унижительно? – щелкает Щекн. – Давай ты возьмешь на себя старика, а я – обоих молодых...

– Пристрели собаку! – командует старик стражу, не отрывая взгляда от меня.

– Я тебе покажу «собаку»! – на чистейшем местном наречии произносит Щекн. – Старый болтливый козел!

Тут нервы у мальчишек не выдерживают, и начинается пальба...

3 июня 78-го года Снова Майя Глумова

Я сильно переборщил с громкостью видеофона. Аппарат у меня над ухом мелодично взревел, как незнакомец в коротких штанишках в разгар ухаживания за миссис Никльби. Я бомбой вылетел из кресла, на лету нашаривая клавишу приема.

Звонил Экселенц. Было 07.03.

– Хватит спать, – произнес он довольно благодушно. – В твои годы я не имел обыкновения спать.

До каких, интересно, пор мне выслушивать от него про мои годы? Мне уже сорок пять... И, кстати, в мои годы он таки спал. Он и сейчас не дурак поспать.

– А я и не спал, – соврал я.

– Тем лучше, – сказал он. – Значит, ты можешь приступить к работе немедленно. Найди эту Глумову. Выясни у нее следующее. Виделась ли она с Абалкиным со вчерашнего дня. Говорил ли Абалкин с ней о ее работе. Если говорил, что именно его интересовало. Не выражал ли он желания зайти к ней в музей. Все. Не больше и не меньше.

Я откликаюсь на эту кодовую фразу:

– Выяснить у Глумовой, виделась ли она с ним еще раз, был ли разговор о работе, если был, то что интересовало, не выражал ли желания посетить музей.

– Так. Ты предлагал сменить легенду. Не возражаю. КОМКОН разыскивает Прогрессора Абалкина для получения от него показаний касательно некоего несчастного случая. Расследование связано с тайной личности и потому проводится негласно. Не возражаю. Вопросы есть?

– Хотел бы я знать, при чем здесь этот музей... – пробормотал я как бы про себя.

– Ты что-то сказал? – осведомился Экселенц.

– Предположим, у них не было никаких разговоров про этот треклятый музей. Могу я в этом случае попытаться выяснить, что все-таки произошло между ними при первой встрече?

– Тебе это важно?

– А вам?

– Мне – нет.

– Очень странно, – сказал я, глядя в сторону. – Мы знаем, что хотел выяснить Абалкин у меня. Мы знаем, что он хотел выяснить у Федосеева. Но мы представления не имеем, чего он добивался от Глумовой...

Экселенц сказал:

– Хорошо. Выясняй. Но только так, чтобы это не помешало выяснению главных вопросов. И не забудь надеть радиобраслет. Наденька его прямо сейчас, чтобы я это видел...

Я со вздохом извлек из ящика стола браслет и нацепил его на левое запястье. Браслет жал.

– Вот так, – сказал Экселенц и отключился.

Я направился в душ. Из кухни раздавался гром и лязг – Алена орудовала утилизатором. Пахло кофе. Я принял душ, и мы позавтракали. Алена в моем халате восседала напротив меня и была похожа на китайского божка. Она объявила, что у нее сегодня доклад, и предложила прочесть мне его вслух для тренировки. Я уклонился, сославшись на обстоятельства. «Опять?» – спросила она сочувственно и в то же время агрессивно. Опять, признался я не без вызова. Проклятье, сказала она. Не спорю, сказал я. «Это надолго?» – спросила она. У меня еще три дня срока, сказал я. А если не успеешь? – спросила она. Тогда всему конец, сказал я. Она бегло глянула на меня, и я понял, что она опять представляет себе всякие ужасы. Скучища, сказал я, надоело. Отбарабаню это дело, и поедем с тобой куда-нибудь подальше отсюда. Я не смогу, сказала она грустно. «Неужели тебе не надоело?» –

спросил я. Чепухой ведь занимаетесь... Вот так с ней и нужно. Она мгновенно оцетинилась и принялась доказывать, что занимается не чепухой, а дьявольски интересными и нужными вещами. В конце концов мы договорились, что через месяц поедем на Новую Землю. Это теперь модно...

Я вернулся в кабинет и, не садясь, набрал номер дома Глумовой. Никто не откликнулся. Было 07.51. Яркое солнечное утро. В такую погоду до восьми часов спать мог только наш Слон. Майя Глумова, наверно, уже отправилась на работу, а веснушчатый Тойво вернулся в свой интернет.

Я прикинул свое расписание на сегодняшний день. В Канаде сейчас поздний вечер. Насколько я знаю, голованы ведут преимущественно ночной образ жизни, так что ничего плохого не случится, если я отправлюсь туда часа через три-четыре... Кстати, как сегодня насчет нуль-Т? Я запросил справочную. Нуль-транспортировка возобновила нормальную работу с четырех утра. Таким образом, я сегодня успеваю и к Щекну, и к Корнею Яшмаа.

Я сходил на кухню, выпил еще одну чашку кофе и проводил Алену на крышу до глайдера. Простились мы с преувеличенной сердечностью: у нее начался преддокладный мандраж. Я старательно махал ей рукой, пока она не скрылась из виду, а потом вернулся в кабинет.

Интересно, что ему дался этот музей? Музей как музей... Какое-то отношение к работе Прогрессоров, в частности к Саракшу, он, конечно, имеет... Тут я вспомнил расширенные во всю радужку зрачки Экселенца. Неужели он тогда в самом деле испугался? Неужели мне удалось испугать Экселенца? И чем! Обыкновенным и вообще-то случайным сообщением, что подруга Абалкина работает в Музее внеземных культур... В Спецсекторе объектов не выясненного назначения... Пардон! Спецсектор он назвал сам. Я сказал, что Глумова работает в Музее внеземных культур, а он мне объявил: в Спецсекторе объектов не выясненного назначения... Я вспомнил анфилады комнат, уставленные, увешанные, перегородженные, заполненные диковинами, похожими на абстрактные скульптуры или на топологические модели... И Экселенц допускает, что имперского штабного офицера, натворившего что-то такое в сотне парсеков отсюда, может хоть что-нибудь заинтересовать в этих комнатах...

Я набрал номер рабочего кабинета Глумовой и несколько остолбенел. С экрана приятно улыбался мне Гриша Серосовин, по прозвищу Водолей, из четвертой подгруппы моего отдела. В течение нескольких секунд я наблюдал за последовательной сменой выражений на румяной Гришиной физиономии. Приятная улыбка,

растерянность, официальная готовность выслушать распоряжение и, наконец, снова приятная улыбка. Слегка теперь натянутая. Парня можно было понять. Если уж я сам испытал некоторое остолбенение, то ему слегка растеряться сам бог велел. Конечно же, меньше всего он ожидал увидеть на экране начальника своего отдела, но в общем справился он вполне удовлетворительно.

– Здравствуйте, – сказал я. – Попросите, если можно, Майю Тойвовну.

– Майя Тойвовна... – Гриша огляделся. – Вы знаете, ее нет. По моему, она сегодня еще не приходила. Передать ей что-нибудь?

– Передайте, что звонил Каммерер, журналист. Она должна меня помнить. А вы что же – новичок? Что-то я вас...

– Да, я тут только со вчерашнего дня... Я тут, собственно, посторонний, работаю с экспонатами...

– Ага, – сказал я. – Ну что ж... Спасибо. Я еще позвоню.

Так-так-так. Экселенц принимает меры. Похоже, он просто уверен, что Лев Абалкин появится в музее. И именно в секторе этих самых объектов. Попробуем понять, почему он выбрал именно Гришу. Гриша у нас без году неделя. Сообразительный, хорошая реакция. По образованию – экзобиолог. Может быть, именно в этом все дело. Молодой экзобиолог начинает свое первое самостоятельное исследование. Что-нибудь вроде: «Зависимость между топологией артефакта и биоструктурой разумного существа». Все тихо, мирно, изящно, прилично. Между прочим, Гриша еще и чемпион отдела по субаксу...

Ладно. Это я, кажется, понял. Пусть. Глумова, надо полагать, где-то задерживается. Например, беседует где-нибудь с Львом Абалкиным. А кстати, он ведь мне назначил на сегодня свидание в 10.00. Наверняка соврал, но, если мне действительно предстоит лететь на это свидание, сейчас самое время позвонить ему и узнать, не изменились ли у него планы. И я тут же, не теряя времени, позвонил в «Оси-нушку».

Коттедж номер шесть отозвался немедленно, и я увидел на экране Майю Глумову.

– А, это вы... – произнесла она с отвращением.

Невозможно передать, какая обида, какое разочарование были на лице ее. Она здорово сдала за эти сутки – ввалились щеки, под глазами легли тени, тоскливые больные глаза были широко раскрыты, губы запеклись. И только секунду спустя, когда она медленно откинулась от экрана, я отметил, что прекрасные волосы ее тщательно и не без кокетства уложены и что поверх строго-элегантного серого платья с закрытым воротом лежит на груди ее то самое янтарное ожерелье.

– Да, это я... – сказал журналист Каммерер растерянно. – Доброе утро. Я, собственно... Что, Лев у себя?

– Нет, – сказала она.

– Дело в том, что он назначил мне свидание... Я хотел...

– Здесь? – живо спросила она, снова придвинувшись к экрану. – Когда?

– В десять часов. Я просто хотел на всякий случай узнать... а его, оказывается, нет...

– А он вам точно назначил? «Как он сказал?» – совсем по-детски спросила она, жадно на меня глядя.

– Как он сказал?.. – медленно повторил журналист Каммерер. Вернее, уже не журналист Каммерер, а я. – Вот что, Майя Тойвовна. Не будем себя обманывать. Скорее всего, он не придет.

Теперь она смотрела на меня, словно не верила своим глазам.

– Как это?.. Откуда вы знаете?

– Ждите меня, – сказал я. – Я вам все расскажу. Через несколько минут я буду.

– Что с ним случилось? – пронзительно и страшно крикнула она.

– Он жив и здоров. Не беспокойтесь. Ждите, я сейчас...

Две минуты на одевание. Три минуты до ближайшей кабины нуль-Т. Черт, очередь у кабины... Друзья, очень прошу вас, разрешите мне пройти перед вами, очень важно... Спасибо большое, спасибо!.. Так. Минута на поиски индекса. Что за индексы у них там, в провинции!.. Пять секунд на набор индекса. И я шагаю из кабины в пустынный бревенчатый вестибюль курортного клуба. Еще минуту стою на широком крыльце и верчу головой. Ага, мне туда... Ломлюсь напрямик через заросли рябины пополам с крапивой. Не наскочить бы на доктора Гоаннека...

Она ждала меня в холле – сидела за низким столом с медвежонком, держа на коленях видеофон. Войдя, я непроизвольно взглянул на приоткрытую дверь гостиной, и она сейчас же торопливо сказала:

– Мы будем разговаривать здесь.

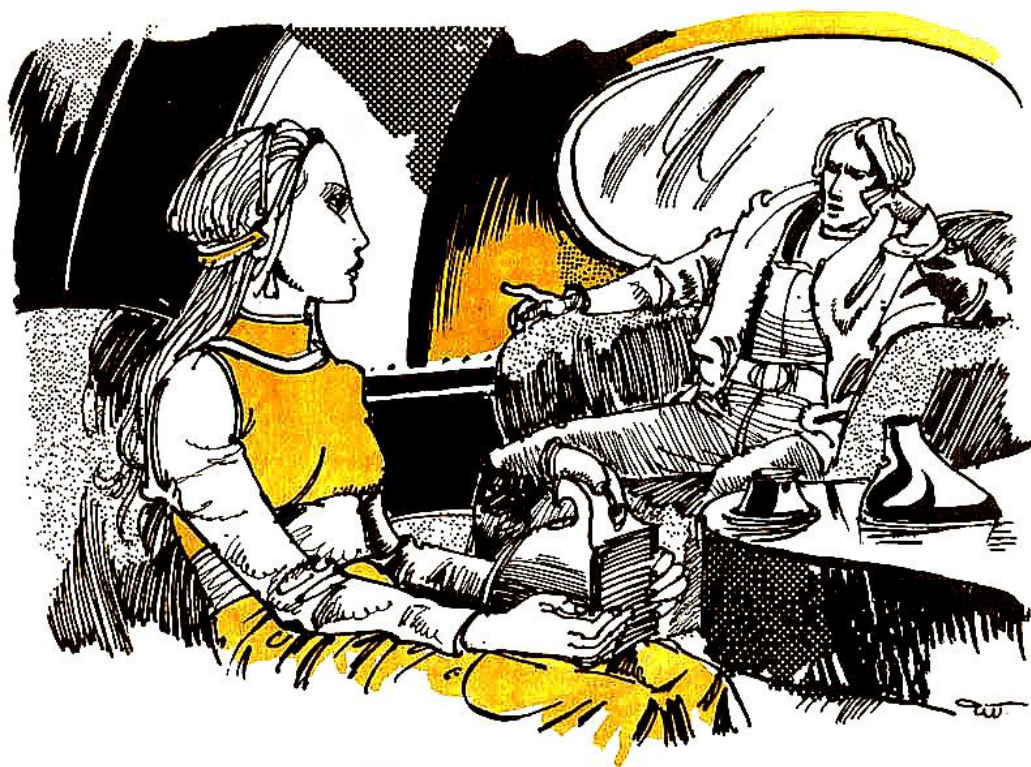
– Как вам будет угодно, – отозвался я.

Нарочито неторопливо я осмотрел гостиную, кухню и спальню. Везде было чисто прибрано, и, конечно, никого там не было. Краем глаза я видел, что она сидит неподвижно, положив руки на видеофон, и смотрит прямо перед собой.

– Кого вы искали? – спросила она холодно.

– Не знаю, – честно признался я. – Просто разговор у нас с вами будет деликатный, и я хотел убедиться, что мы одни.

– Кто вы такой? – спросила она. – Только не врите больше.

Я изложил ей легенду номер два, разъяснил про тайну личности и добавил, что за вранье не извиняюсь – просто я пытался сделать свое дело, не подвергая ее излишним волнениям.

– А теперь, значит, вы решили больше со мной не церемониться? – сказала она.

– А что прикажете делать?

Она не ответила.

– Вот вы сидите здесь и ждете, – сказал я. – А ведь он не придет. Он водит вас за нос. Он всех нас водит за нос, и конца этому не видно. А время идет.

– Почему вы думаете, что он сюда не вернется?

– Потому что он скрывается, – сказал я. – Потому что он врет всем, с кем ему приходится разговаривать.

– Зачем же вы сюда звонили?

– А затем, что я никак не могу его найти! – сказал я, понемногу свиредея. – Мне приходится ловить любой шанс, даже самый idiotский...

– Что он сделал? – спросила она.

– Я не знаю, что он сделал. Может быть, ничего. Я ищу его не потому, что он что-то сделал. Я ищу его, потому что он – единственный свидетель большого несчастья. И если мы его не найдем, мы так и не узнаем, что же там произошло...

– Где – там?

– Это неважно, – сказал я нетерпеливо. – Там, где он работал. Не на Земле. На планете Саракш.

По лицу ее было видно, что она впервые слышит про планету Саракш.

– Почему же он скрывается? – спросила она тихо.

– Мы не знаем. Он на грани психического срыва. Он, можно сказать, болен. Возможно, ему что-то чудится. Возможно, это какая-то идея фикс.

– Болен... – сказала она, тихонько качая головой. – Может быть... А может быть, и нет... Что вам от меня надо?

– Вы виделись с ним еще раз?

– Нет, – сказала она. – Он обещал позвонить, но так и не позвонил.

– Почему же вы ждете его здесь?

– А где мне еще его ждать? – спросила она.

В голосе ее было столько горечи, что я отвел глаза и некоторое время молчал. Потом спросил:

– А куда он собирался вам звонить? На работу?

– Наверное... Не знаю. В первый раз он позвонил на работу.

– Он позвонил вам в музей и сказал, что приедет к вам?

– Нет. Он сразу позвал меня к себе. Сюда. Я взяла глайдер и полетела.

– Майя Тойвовна, – сказал я, – меня интересуют все подробности вашей встречи... Вы рассказывали ему о себе, о своей работе. Он вам рассказывал о своей... Постарайтесь вспомнить, как это было.

Она покачала головой.

– Нет. Ни о чем таком мы не разговаривали... Конечно, это действительно странно... Мы столько лет не виделись... Я уже потом сообразила, уже дома, что я так ничего о нем и не узнала... Ведь я его спрашивала: где ты был, что делал... но он отмахивался и кричал, что это все чушь, ерунда...

– Значит, он расспрашивал вас?

– Да нет же! Все это его не интересовало... Кто я, как я... одна или у меня кто-либо есть... чем я живу... Он был как мальчишка... Я не хочу об этом говорить.

– Майя Тойвовна, не надо говорить о том, о чем вы не хотите говорить...

– Я ни о чем не хочу говорить!

Я поднялся, сходил на кухню и принес ей воды. Она жадно выпила весь стакан, проливая воду на свое серое платье.

– Это никого не касается, – сказала она, отдавая мне стакан.

– Не говорите о том, что никого не касается, – сказал я, усаживаясь. – О чем он вас спрашивал?

– Я же вам говорю: он ни о чем не спрашивал! Он рассказывал, вспоминал, рисовал, спорил... как мальчишка... Оказывается, он все помнит! Чуть ли не каждый день! Где стоял он, где стояла я, что сказал Рекс, как смотрел Вольф... Я ничего не помнила, а он все кричал на меня и заставлял вспоминать, и я вспоминала... И как он радовался, когда я вспоминала что-нибудь такое, чего не помнил он сам!..

Она замолчала.

– Это все – о детстве? – спросил я, подождав.

– Ну конечно! Ведь я же вам говорю, это никого не касается, это только наше с ним!.. Он и правда был как сумасшедший... У меня уже не было сил, я засыпала, а он будил меня и кричал в ухо: а кто тогда свалился с качелей? И если я вспоминала, он хватал меня в охапку, бегал со мною по дому и орал: правильно, все так и было, правильно!

– И он не спрашивал вас, что сейчас с Учителем, со школьными друзьями?

– Я же вам объясняю: он ни о чем не спрашивал и ни о ком не спрашивал! Можете вы это понять? Он рассказывал, вспоминал и требовал, чтобы я тоже вспоминала...

– Да, понимаю, понимаю, – сказал я. – А что он, по-вашему, намеревался делать дальше?

Она посмотрела на меня как на журналиста Каммерера.

– Ничего-то вы не понимаете, – сказала она.

И в общем-то она была, конечно, права. Ответы на вопросы Экселенца я получил: Абалкин НЕ интересовался работой Глумовой, Абалкин НЕ намеревался использовать ее для проникновения в музей. Но я действительно совершенно не понимал, какую цель преследовал Абалкин, устраивая эти сутки воспоминаний. Сентиментальность... дань детской любви... возвращение в детство... В это я не верил. Цель была практическая, заранее хорошо продуманная, и достиг ее Абалкин, не возбудив у Глумовой никаких подозрений. Мне было ясно, что сама Глумова об этой цели ничего не знает. Ведь она тоже не поняла, что же было у них там на самом деле...

И оставался еще один вопрос, который мне следовало бы выяснить. Ну хорошо. Они вспоминали, любили друг друга, пили, снова вспоминали, засыпали, просыпались, снова любили и снова

засыпали... Что же тогда привело ее в такое отчаяние, на грань истерики? Разумеется, здесь открывался широчайший простор для самых разных предположений. Например – связанных с привычками штабного офицера Островной Империи. Но могло быть и что-нибудь другое. И это другое вполне могло оказаться весьма ценным для меня. Тут я остановился в нерешительности: либо оставить в тылу что-то, может быть, очень важное, либо решиться на отвратительную бестактность, рискуя не узнать в результате ничего существенного...

Я решил.

– Майя Тойвовна, – произнес я, изо всех сил стараясь выговаривать слова твердо, – скажите, чем было вызвано такое ваше отчаяние, которому я был невольным свидетелем в прошлую нашу встречу?

Я выговаривал эту фразу, не осмеливаясь глядеть ей в глаза. Я бы не удивился, если бы она тут же приказала мне убираться вон или даже просто шарахнула меня видеофоном по голове. Однако она не сделала ни того, ни другого.

– Я была дура, – сказала она довольно спокойно. – Дура истеричная. Мне почудилось тогда, что он выжал меня как лимон и выбросил за порог. А теперь я понимаю: ему и в самом деле не до меня. Для деликатности у него не остается ни времени, ни сил. Я все требовала у него объяснений, а он ведь не мог мне ничего объяснить. Он же знает, наверное, что вы его ищете...

Я встал.

– Большое спасибо, Майя Тойвовна, – сказал я. – По-моему, вы неправильно поняли наши намерения. Никто не хочет ему вреда. Если вы встретитесь с ним, постарайтесь, пожалуйста, внушить ему эту мысль.

Она не ответила.

3 июня 78-го года

Кое-что о впечатлениях Экселенца

С обрыва было видно, что доктор Гоаннек за отсутствием пациентов занят рыбной ловлей. Это было удачно, потому что до его избы с нуля-Т-нужником было ближе, чем до курортного клуба. Правда, по дороге, оказывается, располагалась пасека, которую я опрометчиво не заметил во время своего первого визита, так что теперь мне пришлось спасаться, прыгая через какие-то декоративные плетни и сшибая на скаку декоративные же макитры и крынки. Впрочем, все обошлось благополучно. Я взбежал на крыльцо с балясинами, проник в знакомую горницу и, не садясь, позвонил Экселенцу.

Я думал отделаться коротким докладом, но разговор получился довольно длинный, так что пришлось вынести видеофон на крыльцо, чтобы не захватил меня врасплох говорливый и обидчивый доктор Гоаннек.

– Почему она там сидит? – спросил Экселенц задумчиво.

– Ждет.

– Он ей назначил?

– Насколько я понимаю, нет.

– Бедняга... – проворчал Экселенц. Потом он спросил: – Ты возвращаешься?

– Нет, – сказал я. – У меня еще остались этот Яшмаа и резиденция голованов.

– Зачем?

– В резиденции, – ответил я, – сейчас пребывает некий голован по имени Щекн-Итрч, тот самый, который участвовал вместе с Абалкиным в операции «Мертвый мир» ...

– Так.

– Насколько я понял из отчета Абалкина, у них сложились какие-то не совсем обычные отношения...

– В каком смысле – необычные?

Я замялся, подбирая слова:

– Я бы рискнул назвать это дружбой, Экселенц... Вы помните этот отчет?

– Помню. Понимаю, что ты хочешь сказать. Но ответ мне на такой вот вопрос: как ты выяснил, что голован Щекн находится на Земле?

– Ну... Это было довольно сложно. Во-первых...

– Достаточно, – прервал он меня и замолчал выжидательно.

До меня не сразу, правда, но дошло. Действительно. Это мне, сотруднику КОМКОНа-2, при всем моем солидном опыте работы с БВИ, было довольно сложно разыскать Щекна. Что же тогда говорить о простом Прогрессоре Абалкине, который вдобавок двадцать лет проторчал в Глубоком Космосе и понимает в БВИ не больше, чем двадцатилетний школяр!

– Согласен, – сказал я. – Вы, конечно, правы. И все-таки согласитесь: задача эта вполне выполнима. Было бы желание.

– Соглашаюсь. Но дело не только в этом. Тебе не приходило в голову, что он бросает камни по кустам?

– Нет, – сказал я честно.

Бросать камни по кустам – в переводе с нашей фразеологии означает: пускать по ложному следу, подсовывать фальшивые улики,

короче говоря, морочить людям голову. Разумеется, теоретически вполне можно было допустить, что Лев Абалкин преследует некую вполне определенную цель, а все его эскапады с Глумовой, с Учителем, со мной – все это мастерски организованный фальшивый материал, над смыслом которого мы должны бесплодно ломать голову, попусту теряя время и силы и безнадежно отвлекаясь от главного.

– Не похоже, – сказал я решительно.

– А вот у меня есть впечатление, что похоже, – сказал Экселенц.

– Вам, конечно, виднее, – отозвался я сухо.

– Бесспорно, – согласился он. – Но, к сожалению, это только впечатление. Фактов у меня нет. Однако, если я НЕ ошибаюсь, представляется маловероятным, чтобы в его ситуации он вспомнил бы о Щекне, потратил бы массу сил, чтобы разыскать его, бросился бы в другое полушарие, ломал бы там какую-нибудь комедию, – и все это только для того, чтобы бросить в кусты лишний камень. Ты согласен со мной?

– Видите ли, Экселенц, я не знаю его ситуации, и, наверное, именно поэтому у меня нет вашего впечатления.

– А какое есть? – спросил он с неожиданным интересом.

Я попытался сформулировать свое впечатление:

– Только не разбрасывание камней. В его поступках есть какая-то логика. Они связаны между собой. Более того, он все время применяет один и тот же прием. Он не тратит времени и сил на выдумывание новых приемов – он ошарашивает человека каким-то заявлением, а потом слушает, что бормочет этот ошарашенный... Он хочет что-то узнать, что-то о своей жизни... точнее, о своей судьбе. Что-то такое, что от него скрыли... – Я замолчал, а потом сказал: – Экселенц, он каким-то образом узнал, что с ним связана тайна личности.

Теперь мы молчали оба. На экране покачивалась веснушчатая лысина. Я чувствовал, что переживаю исторический момент. Это был один из тех редчайших случаев, когда мои доводы (не факты, добытые мной, а именно доводы, логические умозаключения) заставляли Экселенца пересмотреть свои представления.

Он поднял голову и сказал:

– Хорошо. Навести Щекна. Но имей в виду, что нужнее всего ты здесь, у меня.

– Слушаюсь, – сказал я и спросил: – А как насчет Яшмаа?

– Его нет на Земле.

– Почему же? – сказал я. – Он на Земле. Он в «Лагере Яна», под Антоновом.

– Он уже три дня как на Гиганде.

– Понятно, – сказал я, делая потуги быть ироничным. – Это же надо, какое совпадение! Родился в тот же день, что и Абалкин, тоже посмертный ребенок, тоже фигурирует под номером...

– Хорошо, хорошо, – проворчал Экселенц. – Не отвлекайся.

Экран погас. Я отнес видеофон на место и спустился во двор. Там я осторожно пробрался через заросли гигантской крапивы и прямо из деревянного нужника доктора Гоаннека шагнул под ночной дождь на берег реки Телон.

3 июня 78-го года

Застава на реке Телон

Невидимая река шумела сквозь шуршание дождя где-то совсем рядом, под обрывом, а прямо передо мною мягко отсвечивал легкий металлический мост, над которым светило большое табло на линкосу: «ТЕРРИТОРИЯ НАРОДА ГОЛОВАНОВ». Немного странно было видеть, что мост начинается прямо из высокой травы – не было к нему не только подъезда, но даже какой-нибудь паршивенькой тропинки. В двух шагах от меня светило одиноким окошком округлое приземистое здание казарменно-казематного вида. От него пахло на меня незабываемым Саракшем – запахом ржавого железа, мертвечины, затаившейся смерти. Странные все-таки места попадают на нас на Земле. Казалось бы, и дома ты, и все уже здесь знаешь, и все привычно и мило, так нет же – обязательно рано или поздно наткнешься на что-нибудь ни с чем не сообразное... Ладно. Что думает по поводу этого здания журналист Каммерер? О! У него, оказывается, уже сложилось по этому поводу вполне определенное мнение.

Журналист Каммерер отыскал в округлой стене дверь, решительно толкнул ее и оказался в сводчатой комнате, где не было ничего, кроме стола, за которым сидел, подперши подбородок кулаками, длинноволосый юнец, похожий кудрями и нежным длинным ликом на Александра Блока, нарядившегося по вычурной своей фантазии в яркое и пестрое мексиканское пончо. Синие глаза юнца встретили журналиста Каммерера взглядом, совершенно лишенным интереса и слегка утомленным.

– Ну и архитектура здесь у вас, однако! – произнес журналист Каммерер, отряхивая с плеч дождевые брызги.

– А им нравится, – безразлично возразил Александр Б., не меняя позы.

– Быть этого не может! – саркастически сказал журналист Каммерер, озираясь, на что бы присесть.

Свободных стульев в помещении не было, равно как и кресел, диванов, кушеток и скамеек. Журналист Каммерер посмотрел на Александра Б. Александр Б. смотрел на него с прежним безразличием, не обнаруживая ни тени намерения быть любезным или хотя бы просто вежливым. Это было странно. Вернее, непривычно. Но чувствовалось, что здесь это в порядке вещей.

Журналист Каммерер уже открыл было рот, чтобы представиться, но тут вдруг Александр Б. с какой-то усталой покорностью опустил на свои бледные щеки дивные ресницы и с механической проникновенностью транспортного кибера принялся наизусть зачитывать свой текст:

– Дорогой друг! К сожалению, вы проделали свой путь сюда совершенно напрасно. Вы не найдете здесь абсолютно ничего для себя интересного. Все слухи, которыми вы руководствовались, направляясь к нам, чрезвычайно преувеличены. Территория народа голованов ни в малейшей степени не может рассматриваться как некий развлекательно-познавательный комплекс. Голованы – замечательный, весьма самобытный народ – говорят о себе: «Мы любознательны, но вовсе не любопытны». Миссия голованов представляет здесь свой народ в качестве дипломатического органа и не является объектом неофициальных контактов и уж тем более – праздного любопытства. Уважаемый друг! Самое уместное, что вы можете сейчас сделать, – это пуститься в обратный путь и убедительно объяснить всем вашим знакомым истинное положение вещей.

Александр Б. замолк и томно приподнял ресницы. Журналист Каммерер пребывал перед ним по-прежнему, и это его, видимо, совсем не удивило.

– Разумеется, прежде чем мы простимся, я отвечу на все ваши вопросы.

– А вставать при этом вы не обязаны? – поинтересовался журналист Каммерер.

Что-то вроде оживления засветилось в синих очах.

– Откровенно говоря, да, – признался Александр Б. – Но вчера я расшиб колено, до сих пор болит ужасно, так что вы уж извините...

– Охотно, – сказал журналист Каммерер и присел на край стола. – Я вижу, вы замучены любопытствующими.

– За мое дежурство вы – шестая компания.

– Я один как перст! – возразил журналист Каммерер.

– Компания есть счетное слово, – возразил Александр Б., оживляясь еще более. – Ну, например, как ящик. Ящик консервов. Штука

ситца. Или коробка конфет. Ведь может так случиться, что в коробке осталась всего одна конфета. Как перст.

– Ваши объяснения удовлетворили меня полностью, – сказал журналист Каммерер. – Но я не любопытствующий. Я пришел по делу.

– Восемьдесят три процента всех компаний, – немедленно откликнулся Александр Б., – являются сюда именно по делу. Последняя компания – из пяти экземпляров, включая малолетних детей и собаку, – искала здесь возможности договориться с руководителями миссии об уроках языка голованов. Но в огромном большинстве это собиратели ксенофольклора. Поветрие! Все собирают ксенофольклор. Я тоже собираю ксенофольклор. Но у голованов нет фольклора! Это же утка! Шутник Лонг Мюллер выпустил книжонку на манер Оссиана, и все походили с ума... «О лохматые древа, тысячехвостые, затаившие скорбные мысли свои в пушистых и теплых стволах! Тысячи тысяч хвостов у вас и ни одной головы!..» А у голованов, между прочим, понятия хвоста нет вообще! Хвост у них – орган ориентировки, и если уж переводить адекватно, то получится не хвост, а компас... «О тысячекомпасовые деревья!» Но вы, я вижу, не фольклорист.

– Нет, – честно признался журналист Каммерер. – Я гораздо хуже. Я журналист.

– Пишете книгу о голованах?

– В каком-то смысле. А что?

– Нет, ничего. Пожалуйста. Не вы первый, не вы последний. Вы голованов-то когда-нибудь видели?

– Да, конечно.

– На экране?

– Нет. Дело в том, что именно я открыл их на Саракше...

Александр Б. даже привстал:

– Так вы – Каммерер?

– К вашим услугам.

– Нет уж, это я к вашим услугам, доктор! Приказывайте, требуйте, распоряжайтесь...

Я моментально вспомнил разговор Каммерера с Абалкиным и торопливо пояснил:

– Я всего лишь открыл их и не более того. Я вовсе не специалист по голованам. И меня интересуют сейчас не голованы вообще, а только один-единственный голован, переводчик миссии. Так что, если вы не возражаете... Я пройду туда к ним?

– Да помилуйте, доктор! – Александр Б. всплеснул руками. – Вы, кажется, подумали, что мы здесь сидим, так сказать, на страже?

Ничего подобного! Пожалуйста, проходите! Очень многие так и делают. Объяснишь ему, что слухи, мол, преувеличены, он покивает, спрашивается, а сам выйдет – и шмыг через мост...

– Ну?

– Через некоторое время возвращается. Очень разочарованный. Ничего и никого не видел. Леса, сопки, распадки, очаровательные пейзажи – это все, конечно, есть, а голованов нет. Во-первых, голованы ведут ночной образ жизни, во-вторых, живут они под землей, а самое главное – они встречаются только с теми, с кем хотят встретиться. Вот на этот случай мы здесь и дежури́м – на положении, так сказать, связных...

– А кто это – вы? – спросил журналист Каммерер. – КОМКОН?

– Да. Практиканты. Дежури́м здесь по очереди. Через нас идет связь в обе стороны... Вам кого именно из переводчиков?

– Мне нужен Щекн-Итрч.

– Попробуем. Он вас знает?

– Вряд ли. Но скажите ему, что я хочу поговорить с ним про Льва Абалкина, которого он знает наверняка.

– Еще бы! – сказал Александр Б. и придвинул к себе селектор.

Журналист Каммерер (да, признаться, и я сам) с восхищением, переходящим в благоговение, наблюдал, как этот юноша с нежным лицом романтического поэта вдруг дико выкатил глаза и, свернув изящные губы в немыслимую трубку, защелкал, закричал, загукал, как тридцать три голована сразу (в мертвом ночном лесу, у развороченной бетонной дороги, под мутно фосфоресцирующим небом Саракша), и очень уместными казались эти звуки в этом сводчатом казематно-пустом помещении с шершавыми голыми стенами. Потом он замолчал и склонил голову, прислушиваясь к сериям ответных щелчков и гуканий, а губы и нижняя челюсть его продолжали странно двигаться, словно он держал их в постоянной готовности к продолжению беседы. Зрелище это было скорее неприятное, и журналист Каммерер при всем своем благоговении счел все-таки более деликатным ответи глаза.

Впрочем, беседа продолжалась не слишком долго. Александр Б. откинулся на спинку стула и, ласково массируя нижнюю челюсть длинными бледными пальцами, произнес, чуть задышавшись:

– Кажется, он согласился. Впрочем, не хочу вас слишком обнадеживать: я вовсе не уверен, что все понял правильно. Два смысловых слоя я уловил, но, по-моему, там был еще и третий... Короче говоря, ступайте через мост, там будет тропинка. Тропинка идет в лес. Он вас там встретит. Точнее, он на вас посмотрит... Нет. Как бы это сказать...

Вы знаете, не так трудно понять голована, как трудно его перевести. Вот, например, эта рекламная фраза: «Мы любознательны, но не любопытны». Это, между прочим, образец хорошего перевода. «Мы не любопытны» можно понимать так, что «мы не любопытствуем попусту», и в то же самое время – «мы для вас неинтересны». Понимаете?

– Понимаю, – сказал журналист Каммерер, слезая со стола. – Он на меня посмотрит, а там уж решит, стоит ли со мной разговаривать. Спасибо за хлопоты.

– Какие хлопоты! Это моя приятная обязанность... Подождите, возьмите мой плащ, дождь на дворе...

– Спасибо, не надо, – сказал журналист Каммерер и вышел под дождь.

3 июня 78-го года Щекн-Итрч, голован

Было по местному времени около трех часов утра, небо было кругом обложено, а лес был густой, и этот ночной мир казался мне серым, плоским и мутноватым, как скверная старинная фотография.

Конечно, он первым обнаружил меня и, наверное, минут пять, а может быть и все десять, следовал параллельным курсом, прячась в густом подлеске. Когда же я наконец заметил его, он понял это почти мгновенно и сразу оказался на тропинке передо мною.

– Я здесь, – объявил он.

– Вижу, – сказал я.

– Будем говорить здесь, – сказал он.

– Хорошо, – сказал я.

Он сейчас же сел, совершенно как собака, разговаривающая с хозяином, – крупная, толстая, большеголовая собака с маленькими треугольными ушами торчком, с большими круглыми глазами под массивным, широким лбом. Голос у него был хрипловатый, и говорил он без малейшего акцента, так что только короткие, рубленые фразы и несколько преувеличенная четкость артикуляции выдавали в его речи чужака. И еще – от него попахивало. Но не мокрой псиной, как можно было бы ожидать, запах был скорее неорганический – что-то вроде нагретой канифоли. Станный запах, скорее механизма, чем живого существа. На Саракше, помнится, голованы пахли совсем не так.

– Что тебе нужно? – спросил он прямо.

– Тебе сказали, кто я?

– Да. Ты – журналист. Пишешь книгу про мой народ.

– Это не совсем так. Я пишу книгу о Льве Абалкине. Ты его знаешь.

– Весь мой народ знает Льва Абалкина.

Это была новость.

– И что же твой народ думает о Льве Абалкине?

– Мой народ не думает о Льве Абалкине. Он его знает.

Кажется, здесь начинались какие-то лингвистические болота.

– Я хотел спросить: как твой народ относится к Льву Абалкину?

– Он его знает. Каждый. От рождения и до смерти.

Мы с журналистом Каммерером посоветовались и решили пока оставить эту тему. Мы спросили:

– Что ты можешь рассказать о Льве Абалкине?

– Ничего, – коротко ответил он.

Вот этого я боялся больше всего. Боялся до такой степени, что подсознательно отвергал саму возможность такого положения и был к нему совершенно не готов. Я растерялся самым жалким образом, а он поднес переднюю лапу к морде и принялся шумно выкусывать между когтями. Не по-собачьи, а так, как это делают иногда наши кошки.

Впрочем, у меня хватило самообладания. Я вовремя сообразил, что, если бы эта псина-сапиенс действительно не хотела иметь со мной никакого дела, она бы просто уклонилась от встречи.

– Я знаю, что Лев Абалкин – твой друг, – сказал я. – Вы жили и работали вместе. Очень многие земляне хотели бы знать, что думает об Абалкине его друг и сотрудник голован.

– Зачем? – спросил он все так же коротко.

– Опыт, – ответил я.

– Беспольный опыт.

– Беспольного опыта не бывает.

Теперь он принялся за другую лапу и через несколько секунд проворчал невнятно:

– Задавай конкретные вопросы.

Я подумал.

– Мне известно, что в последний раз ты работал с Абалкиным пятнадцать лет назад. Приходилось тебе после этого работать с другими землянами?

– Приходилось. Много.

– Ты почувствовал разницу?

Задавая этот вопрос, я, собственно, ничего особенного не имел в виду. Но Щекн вдруг замер, затем медленно опустил лапу и поднял лобастую голову. Глаза его на мгновение озарились мрачным красным светом. Однако и секунды не прошло, как он вновь принялся глотать свои когти.

– Трудно сказать, – проворчал он. – Работы разные, люди тоже разные. Трудно.

Он уклонился. От чего? Мой невинный вопрос заставил его как бы споткнуться. Он растерялся на целую секунду. Или здесь опять лингвистика? Вообще-то лингвистика – вещь неплохая. Будем атаковать. Прямо в лоб.

– Ты с ним встретился, – объявил я. – Он снова пригласил тебя работать. Ты согласился?

Это могло означать: «Если бы ты с ним встретился, и он бы снова пригласил тебя работать, – ты бы согласился?» Или на выбор: «Ты с ним встречался, и он (как мне стало известно) приглашал тебя работать. Ты дал ему согласие?» Лингвистика. Не спорю, это был довольно жалкий маневр, но что мне оставалось делать?

И лингвистика выручила-таки.

– Он не приглашал меня работать, – возразил Щекн.

– Тогда, о чем же вы говорили? – удивился я, развивая успех.

– О прошлом, – буркнул он. – Никому не интересно.

– Как тебе показалось, – спросил я, мысленно вытирая со лба трудовой пот, – он сильно изменился за эти пятнадцать лет?

– Это тоже не интересно.

– Нет. Это очень интересно. Я тоже видел его недавно и обнаружил, что он сильно изменился. Но я – землянин, а мне надо знать твое мнение.

– Мое мнение: да.

– Вот видишь! И в чем же он, по-твоему, изменился?

– Ему больше нет дела до народа голованов.

– Вот как? – искренне удивился я. – А со мной он только о голованах и говорил...

Глаза его опять озарились красным. Я понял это так, что мои слова снова его смутили.

– Что он тебе сказал? – спросил он.

– Мы спорили: кто из землян сделал больше для контактов с народом голованов.

– А еще?

– Все. Только об этом.

– Когда это было?

– Позавчера. А почему ты решил, что ему больше нет дела до народа голованов?

Он вдруг объявил:

– Мы теряем время. Не задавай пустых вопросов. Задавай настоящие вопросы.

– Хорошо. Задаю настоящий вопрос. Где он сейчас?

– Не знаю.

– Что он намеревался делать?

– Не знаю.

– Что он тебе говорил? Мне важно каждое его слово.

И тут Щекн принял странную, я бы даже сказал, неестественную позу: присел на напружиненных лапах, вытянул шею и уставился на меня снизу вверх. Затем, мерно покачивая тяжелой головой вправо и влево, он заговорил, отчетливо выговаривая слова:

– Слушай внимательно, понимай правильно и запоминай надолго. Народ Земли не вмешивается в дела народа голованов. Народ голованов не вмешивается в дела народа Земли. Так было, так есть и так будет. Дело Льва Абалкина есть дело народа Земли. Это решено. А потому. Не ищи того, чего нет. Народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину.

Вот это да!

У меня вырвалось:

– Он просил убежища? У вас?

– Я сказал только то, что сказал: народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину. Больше ничего. Ты понял это?

– Я понял это. Но меня не интересует это. Повторяю вопрос: что он тебе говорил?

– Я отвечу. Но сначала повтори то главное, что я тебе сказал.

– Хорошо, я повторю. Народ голованов не вмешивается в дело Абалкина и отказывает ему в убежище. Так?

– Так. И это главное.

– Теперь отвечай на мой вопрос.

– Отвечаю. Он спросил меня, есть ли разница между ним и другими людьми, с которыми я работал. Точно такой же вопрос, какой задавал мне ты.

Едва кончив говорить, он повернулся и скользнул в заросли. Ни одна ветка, ни один лист не шевельнулись, а его уже не было. Он исчез.

Ай да Щекн! «...Я учил его языку и как пользоваться Линией Доставки. Я не отходил от него, когда он болел своими странными болезнями... Я терпел его дурные манеры, мирился с его бесцеремонными высказываниями, прощал ему то, чего не прощаю никому в мире... Если придется, я буду драться за него как за землянина, как за самого себя. А он? Не знаю...» Ай да Щекн-Итрч!

3 июня 78-го года

Экселенц доволен

– Очень любопытно! – сказал Экселенц, когда я закончил доклад.
– Ты правильно сделал, Мак, что настоял на визите в этот зверинец.

– Не понимаю, – отозвался я, с раздражением отдирая колючие репы от мокрой штанины. – Вы видите в этом какой-то смысл?

– Да.

Я вытаращился на него:

– Вы всерьез допускаете, что Лев Абалкин мог просить убежища?

– Нет. Этого я не допускаю.

– Тогда о каком смысле идет речь? Или это снова камень в кусты?

– Может быть. Но дело не в этом. Неважно, что имел в виду Лев Абалкин. Реакция голованов – вот что важно. Впрочем, ты не ломай себе над этим голову. Ты привез мне важную информацию. Спасибо. Я доволен. И ты будь доволен.

Я снова принялся отдирать репы. Что и говорить, он, несомненно, был доволен. Зеленые глазищи его так и горели, даже в сумраке кабинета было заметно. Вот точно так же смотрел он, когда я, молодой, веселый, запыхавшийся, доложил ему, что Тихоня Прешт взят наконец с поличным и сидит внизу в машине с кляпом во рту, совершенно

готовый к употреблению. Это я взял Тихоню, но мне тогда было еще невдомек то, что прекрасно понимал Странник: саботажу теперь конец, и эшелоны с зерном уже завтра двинутся в Столицу...

Вот и сейчас он тоже явно понимал нечто такое, что было мне невдомек, но я-то не испытывал даже самого элементарного удовлетворения. Никого я не взял, никто не ждал допроса с кляпом во рту, а только метался по огромной ласковой Земле загадочный человек с изуродованной судьбой, метался, не находя себе места, метался как отравленный, и сам отравлял всех, с кем встречался, отчаянием и обидой, предавал сам и сам становился жертвой предательства...

– Я тебе еще раз напоминаю, Мак, – сказал вдруг Экселенц негромко. – Он опасен. И он тем более опасен, что сам об этом не знает.

– Да кто же он такой, черт возьми? – спросил я. – Сумасшедший андроид?

– У андроида не может быть тайны личности, – сказал Экселенц. – Не отвлекайся.

Я засунул репьи в карман куртки и сел прямо.

– Сейчас ты можешь идти домой, – сказал Экселенц. – До девятнадцати ноль-ноль ты свободен. Затем будь поблизости, в черте города, и жди моего вызова. Возможно, сегодня ночью он попытается проникнуть в музей. Тогда будем брать.

– Хорошо, – сказал я без всякого энтузиазма.

Он откровенно оценивающе осмотрел меня.

– Надеюсь, ты в форме, – проговорил он. – Брать будем вдвоем, а я уже слишком стар для таких упражнений.

4 июня 78-го года

Музей внеземных культур. Ночь

В 01.08 радиобраслет у меня на запястье пискнул, и приглушенный голос Экселенца пробормотал скороговоркой: «Мак, музей, главный вход, быстро...»

Я захлопнул колпак кабины, чтобы не ударило воздухом, и включил двигатель на форсаж с места. Глайдер свечкой взмыл в звездное небо. Три секунды на торможение. Двадцать две секунды на планирование и ориентировку. На Площади Звезды пусто. Перед главным входом тоже никого. Странно... Ага. Из кабины нуль-Т на углу музея появляется черная тощая фигура. Скользит к главному входу. Экселенц.

Глайдер бесшумно сел перед главным входом. Немедленно на пульте вспыхнула сигнальная лампочка, и мягкий голос кибер-

инспектора произнес с укоризной: «Посадка глайдеров на Площади Звезды не разрешается...» Я откинул колпак и выскочил на мостовую. Экселенц уже возился у дверей, орудуя магнитной отмычкой. «Посадка глайдеров на Площади Звезды...» – проникновенно вещал кибер-инспектор.

– Заткни его... – не оборачиваясь, проворчал Экселенц сквозь зубы.

Я захлопнул колпак. В ту же секунду главный вход распахнулся.

– За мной! – бросил Экселенц и нырнул во тьму.

Я нырнул следом. Совсем как в старые времена.

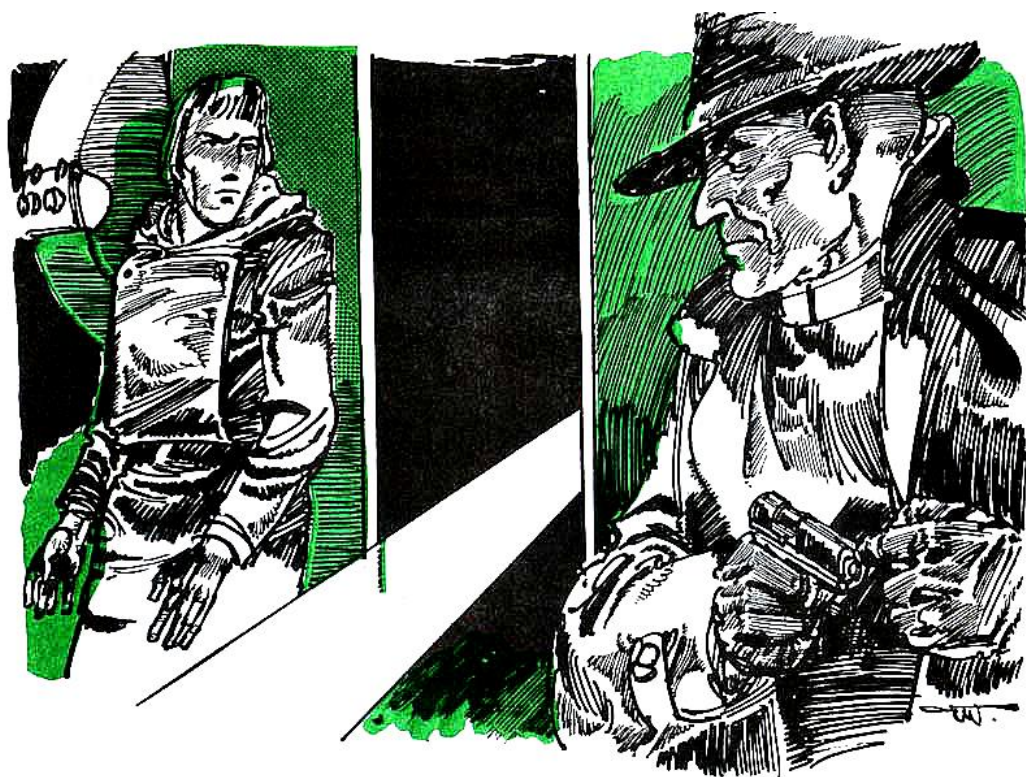
Он несся передо мной огромными неслышными скачками, длинный, тощий, угловатый, снова легкий и ловкий, обтянутый черным, похожий на тень средневекового демона, и я мельком подумал, что уж такого Экселенца наверняка не видывал ни один из нынешних наших сопляков, а видывал разве что старина Слон, да Петр Ангелов, да еще я – полтора десятка лет назад.

Он вел меня по сложной извилистой кривой из зала в зал, из коридора в коридор, безошибочно ориентируясь между стендами и витринами, среди статуй и макетов, похожих на безобразные механизмы, и среди механизмов и аппаратов, похожих на безобразные статуи. Нигде не было света – видимо, автоматика была заранее отключена, – но он ни разу не ошибся и не сбился с пути, хотя я знал, что ночное зрение у него много хуже моего. Он здорово подготовился к этому ночному броску, наш Экселенц, и все получалось у него пока очень и очень неплохо, если не считать дыхания. Дышал он слишком громко, но тут уж ничего нельзя было поделаться. Возраст. Проклятые годы.

Внезапно он остановился и, едва я встал рядом, сжал пальцы на моем плече. В первый момент я испугался, что у него схватило сердце, но тут же понял: мы прибыли на место, и он просто пережидает отдышку.

Я огляделся. Пустые столы. Стеллажи вдоль стен, уставленные инопланетными диковинами. Ксенографические проекторы у дальней стены. Все это я уже видел. Я уже был здесь. Это была мастерская Майи Тойвовны Глумовой. Вот это ее стол, а в этом вот кресле сидел журналист Каммерер...

Экселенц отпустил мое плечо, шагнул к стеллажам, согнулся и пошел вдоль стеллажей, не разгибаясь, – он что-то там высматривал. Потом остановился, с натугой поднял что-то и направился к столу, расположенному прямо перед входом. Слегка откинувшись корпусом назад, он нес на опущенных руках длинный предмет – какой-то плоский брусок с закругленными углами. Осторожно, без малейшего стука

он поставил этот предмет на стол, на мгновение замер, прислушиваясь, а потом вдруг как фокусник потянул из нагрудного кармана длиннющую пеструю шаль с бахромой. Ловким движением он расправил ее и набросил поверх этого своего бруска. Потом он повернулся ко мне, нагнулся к моему уху и едва слышно прошептал:

– Когда он прикоснется к платку – бери его. Если он прежде заметит нас – бери его. Встань здесь.

Я встал по одну сторону двери, Экселенц – по другую.

Сначала я ничего не слышал. Я стоял, прижавшись спиной к стене, механически прикидывал различные варианты развития событий и глядел на платок, расстеленный на столе. Интересно, чего это ради Лев Абалкин станет к нему прикасаться. Если ему так уж нужен этот брусок, то как он узнает, что брусок спрятан под платком? И что это за брусок? Похож на футляр для переносного интравизора. Или для какого-то музыкального инструмента. Впрочем, вряд ли. Тяжеловат. Ничего не понимаю. Это явно приманка, но если это приманка, то не для человека...

Тут я услышал шум. Надо сказать, шум был основательный: где-то в недрах музея обрушилось что-то обширное, металлическое,

разваливающееся в падении. Я моментально вспомнил гигантский моток колючей проволоки, который давеча так старательно обрабатывали молекулярными паяльниками местные девчушки. Я глянул на Экселенца. Экселенц тоже прислушивался и тоже недоумевал.

Звон, лязг и дребезг постепенно прекратились, и снова стало тихо. Странно. Чтобы Прогрессор, профессионал, мастер скрадывания, ниндзя, вломился сослепу в такое громоздкое сооружение? Невероятно. Конечно, он мог зацепиться рукавом за одну-единственную торчащую колючку... Нет, не мог. Прогрессор – не мог. Или здесь, на безопасной Земле, Прогрессор уже успел слегка подразболтаться?.. Сомнительно. Впрочем, посмотрим. В любом случае он сейчас застыл на одной ноге и прислушивается, и будет так прислушиваться минут пять...

Он и не подумал стоять на одной ноге и прислушиваться. Он явно приближался к нам, причем движение его сопровождалось целой какофонией шумов, разнообразных и совершенно неуместных для Прогрессора. Он волочил ноги и звучно шаркал подошвами. Он задевал за притолоки и за стены. Один раз он налетел на какую-то мебель и разразился серией невнятных восклицаний с преобладанием шипящих. А когда на экраны проекторов упали слабые электрические отсветы, мои сомнения превратились в уверенность.

– Это не он, – сказал я Экселенцу почти вслух.

Экселенц кивнул. Вид у него был недоумевающий и угрюмый. Теперь он стоял боком к стене и лицом ко мне, раздвинув ноги и набычившись, и легко было представить себе, как через минуту он схватит лже-Прогрессора обеими руками за грудки и, равномерно его встряхивая, прорычит ему в лицо: «Кто ты такой и что ты здесь делаешь, мелкий сукин сын?»

И так ясно я представил себе эту картину, что поначалу даже не удивился, когда он левой рукой оттянул на себе борт черной куртки, а правой принялся засовывать за пазуху свой любимый «герцог» двадцать шестого калибра, – он словно бы освобождал руки для предстоящего хватания и встряхивания.

Но когда до меня дошло, что все это время он стоял с этой восьмизарядной верной смертью в руке, я попросту обмер. Это могло означать только одно: Экселенц готов был убить Льва Абалкина. Именно убить, потому что никогда Экселенц не обнажал оружия для того, чтобы пугать, грозить или вообще производить впечатление, – только для того, чтобы убивать.

Я был так ошеломлен, что забыл обо всем на свете. Но тут в мастерскую ворвался толстый столб яркого белого света, и, зацепившись в последний раз за притолоку, в дверь проследовал лже-Абалкин.

Вообще-то говоря, он был даже чем-то похож на Льва Абалкина: крепенький, ладный, невысокого роста, с длинными черными волосами до плеч. Он был в белом просторном плаще и держал перед собой электрический фонарик «турист», а в другой руке у него был то ли маленький чемоданчик, то ли большой портфель. Войдя, он остановился, провел лучом фонарика по стеллажам и произнес:

– Ну, кажется, это здесь.

Голос у него был скрипучий, а тон – нарочито бодрый. Таким тоном говорят сами с собой люди, когда им страшно, неловко, немножечко стыдно, словом, когда они чувствуют себя не в своей тарелке. «Одной ногой в канаве», как говорят хонтийцы.

Теперь я видел, что это, собственно, старый человек. Может быть, даже старше Экселенца. У него был длинный острый нос с горбинкой, длинный острый подбородок, впалые щеки и высокий, очень белый лоб. В общем, он был похож не столько на Льва Абалкина, сколько на Шерлока Холмса. Пока я мог сказать о нем с совершенной точностью только одно: этого человека я раньше никогда в жизни не видел.

Бегло оглядевшись, он подошел к столу, поставил на цветастый платок прямо рядом с нашим брусом свой чемоданчик-портфель, а сам, подсвечивая себе фонариком, принялся осматривать стеллажи, неторопливо и методично, полку за полкой, секцию за секцией. При этом он непрерывно бормотал что-то себе под нос, но разобрать можно было только отдельные слова: «...Ну, это всем известно... бур-бур-бур... Обыкновенный иллизиум... бур-бур-бур... Хлам и хлам... бур-бур... Может быть, и не на месте... Засунули, запихали, запрятали... бур-бур-бур...»

Экселенц следил за всеми этими манипуляциями, заложивши руки за спину, и на лице его было очень непривычное и несвойственное ему выражение какой-то безнадежной усталости или, может быть, усталой скуки, словно было перед ним нечто безмерно надоевшее, осточертевшее на всю жизнь и вместе с тем неотвязное, чему он давно уже покорился и от чего давно уже отчаялся избавиться. Признаться, поначалу меня несколько удивило, что же это он отказывается от такого естественного намерения – взять за грудки обеими руками и с наслаждением встряхнуть. Однако теперь, глядя на его лицо, я понимал: это было бы бессмысленно. Встряхивай, не встряхивай – ничего не изменится, все вернется на круги своя: будет ползать и шарить, бормотать под нос, стоять одной ногой в канаве, опрокидывать

экспонаты в музеях и срывать тщательно подготовленные и продуманные операции...

Когда старик добрался до самой дальней секции, Экселенц тяжело вздохнул, подошел к столу, уселся на край его рядом с портфелем и сказал брюзгливо:

– Ну что вы там ищете, Бромберг? Детонаторы?

Старик Бромберг тоненько взвизгнул и шарахнулся в сторону, повалив стул.

– Кто здесь? – завопил он, лихорадочно шаря лучом вокруг себя. – Кто это?

– Да я это, я! – отозвался Экселенц еще более брюзгливо. – Перестаньте вы трястись!

– Кто? Вы? Какого дьявола! – Луч уперся в Экселенца. – А! Сикорски! Ну, я так и знал!..

– Уберите фонарь, – приказал Экселенц, заслоня лицо ладонью.

– Я так и знал, что это ваши штучки! – завопил старикан Бромберг. – Я сразу понял, кто стоит за всем этим спектаклем!

– Уберите фонарь, а то я его расколочу! – гаркнул Экселенц.

– Попрошу на меня не орать! – взвизгнул Бромберг, но луч отвел. – И не смейте прикасаться к моему портфелю!

Экселенц встал и пошел на него.

– Не смейте ко мне подходить! – завопил Бромберг. – Я вам не мальчишка! Стыдитесь! Ведь вы же старик!

Экселенц подошел к нему, отобрал фонарь и поставил на ближайший столик рефлектором вверх.

– Присядьте, Бромберг, – сказал он. – Надо поговорить.

– Эти ваши разговоры... – пробурчал Бромберг и уселся.

Поразительно, но теперь он был совершенно спокоен. Бодренький почтенный старичок. По-моему, даже веселый.

4 июня 78-го года

Айзек Бромберг. Битва железных старцев

– Давайте попробуем поговорить спокойно, – предложил Экселенц.

– Попробуем, попробуем! – бодро отозвался Бромберг. – А что это за молодой человек подпирает стену у дверей? Вы обзавелись телохранителем?

Экселенц ответил не сразу. Может быть, он намеревался отослать меня. «Максим, ты свободен», – и я бы, конечно, ушел. Но это бы меня оскорбило, и Экселенц, разумеется, это понимал. Вполне

допускаю, впрочем, что у него были и еще какие-то соображения. Во всяком случае, он слегка повел рукой в мою сторону и сказал:

– Это Максим Каммерер, сотрудник КОМКОНа. Максим, это доктор Айзек Бромберг, историк науки.

Я поклонился, а Бромберг немедленно заявил:

– Я так и знал. Разумеется, вы побоялись, что не справитесь со мной один на один, Сикорски... Садитесь, садитесь, молодой человек, устраивайтесь поудобнее. Насколько я знаю вашего руководителя, разговор у нас получится длинный...

– Сядь, Мак, – сказал Экселенц.

Я сел в знакомое кресло для посетителей.

– Так я жду ваших объяснений, Сикорски, – произнес Бромберг. – Что означает эта засада?

– Я вижу, вы сильно напугались.

– Какой вздор! – мгновенно воспламенился Бромберг. – Чуть какая! Слава богу, я не из пугливых! И уж если кто меня сумеет испугать, Сикорски...

– Но вы так ужасно завопили и повалили так много мебели...

– Ну, знаете ли, если бы у вас над ухом в абсолютно пустом здании, ночью...

– Абсолютно незачем ходить в абсолютно пустые здания по ночам...

– Во-первых, это абсолютно не ваше дело, Сикорски, куда и когда я хожу! А во-вторых, когда еще вы мне прикажете сюда ходить? Днем меня не пускают. Днем здесь устраивают какие-то подозрительные ремонты, какие-то нелепые перемены экспозиции... Слушайте, Сикорски, сознайтесь: ведь это ваша затея – закрыть доступ в музей! Мне нужно срочно освежить в памяти кое-какие данные. Я являюсь сюда. Меня не пускают. Меня! Члена Ученого совета этого музея! Я звоню директору: в чем дело? Директор, милейший Грант Хочикян, мой в каком-то смысле ученик... Бедняга мнетя, бедняга красен от стыда за себя и передо мной... Но он ничего не может сделать, он обещал! Его попросили весьма уважаемые люди, и он обещал! Любопытно узнать, кто его попросил? Может быть, некий Рудольф Сикорски? Нет! О, нет! Никто здесь даже не слышал имени Рудольфа Сикорски! Но меня не проведешь! Я-то сразу понял, чьи уши торчат из-за кулис. И я бы все-таки хотел узнать, Сикорски, почему вы вот уже битый час молчите и не отвечаете на мой вопрос? Зачем вам все это понадобилось, спрашиваю я! Закрытие музея! Позорная попытка изъять из музея принадлежащие ему экспонаты! Ночные засады! И кто, черт подери, выключил здесь электричество? Я не знаю, что бы я

стал делать, если бы у меня в глайдере не оказалось фонарика! Я шишку набил себе вот здесь, черт бы вас побрал! И я там что-то повалил! От души надеюсь – хочу надеяться! – что это был всего лишь макет... И молитесь богу, Сикорски, чтобы это был только макет, потому что, если это оригинал, вы у меня сами будете его собирать! До последнего велдинга! А если этого последнего велдинга не окажется, вы у меня как миленький отправитесь на Тагору...

Голос его сорвался, и он мучительно заперхал, стуча себя обоими кулаками в грудь.

– Я получу когда-нибудь ответы на свои вопросы? – яростно просипел он сквозь перханье.

Я сидел как в театре, и все это производило на меня впечатление скорее комическое, но тут я глянул на Экселенца и обомлел.

Экселенц, Странник, Рудольф Сикорски, эта ледяная глыба, этот покрытый изморозью гранитный монумент Хладнокровия и Выдержки, этот безотказный механизм для выкачивания информации, – он до макушки налился темной кровью, он тяжело дышал, он судорожно сжимал и разжимал костлявые веснушчатые кулаки, а знаменитые уши его пылали и жутковато подергивались. Впрочем, он еще сдерживался, но, наверное, только он один знал, чего это ему стоило.

– Я хотел бы знать, Бромберг, – сдавленным голосом произнес он, – зачем вам понадобились детонаторы.

– Ах вы хотели бы это знать! – ядовито прошептал доктор Бромберг и подался вперед, заглядывая Экселенцу в лицо с такого малого расстояния, что длинный нос его едва не оказался в зубах у моего шефа. – А что бы вы еще хотели обо мне знать? Может быть, вас интересует мой стул? Или, например, о чем я давеча беседовал с Пильгуем?

Упоминание имени Пильгуя в таком контексте мне не понравилось. Пильгуй занимался биогенераторами, а мой отдел уже второй месяц занимался Пильгуем. Впрочем, Экселенц пропустил Пильгуя мимо ушей. Он сам посунулся вперед, да так стремительно, что Бромберг едва успел отшатнуться.

– Вашим стулом извольте интересоваться сами! – прорычал он. – А я хотел бы знать, почему это вы позволяете себе взламывать музей и почему тянете свои лапы к детонаторам, хотя вам было совершенно ясно сказано, что на ближайшие несколько дней...

– Вы, кажется, собираетесь критиковать мое поведение? Ха! Кто? Сикорски! Меня! Обвинять во взломе! Хотел бы я знать, как вы сами проникли в этот музей! А? Отвечайте!

– Это не относится к делу, Бромберг!

– Вы взломщик, Сикорски! – объявил Бромберг, простирая к Экселенцу длинный извилистый палец. – Вы докатились до взлома!

– Это вы докатились до взлома, Бромберг! – взревел Экселенц. – Вы! Вам было совершенно ясно и недвусмысленно сказано: доступ в музей прекращен! Любой нормальный человек на вашем месте...

– Если нормальный человек сталкивается с очередным актом тайной деятельности, его долг...

– Его долг – немножечко пошевелить мозгами, Бромберг! Его долг – сообразить, что он живет не в Средние Века. Если он столкнулся с тайной, с секретом, то это не чей-то каприз и не злая воля...

– Да, не каприз и не злая воля, а ваша потрясающая самоуверенность, Сикорски, ваша смехотворная, поистине средневековая, идиотски-фанатическая убежденность в том, что именно вам дано решать, чему быть скрытым, а чему – открытым! Вы – глубокий старик, Сикорски, но вы так и не поняли, что это прежде всего аморально!..

– Мне смешно разговаривать о морали с человеком, который ради удовлетворения своего детского чувства протеста идет на взлом! Вы – не просто старик, Бромберг, вы – жалкий старикашка, впавший в детство!..

– Прекрасно! – сказал Бромберг, вдруг снова успокаиваясь. Он сунул руку в карман своего белого плаща, извлек оттуда и со стуком положил на стол перед Экселенцем какой-то блестящий предмет. – Вот мой ключ. Мне, как и всякому сотруднику этого музея, полагается ключ от служебного хода, и я им воспользовался, чтобы прийти сюда...

– Посреди глухой ночи и вопреки запрету директора музея? – У Экселенца не было ключа, у него была магнитная отмычка, и ему оставалось одно – наступать.

– Посреди глухой ночи, но все-таки с ключом! А где ваш ключ, Сикорски? Покажите мне, пожалуйста, ваш ключ!

– У меня нет ключа! Он мне не нужен! Я нахожусь здесь по долгу, а не потому, что мне попала вожжа под хвост, старый вы, истеричный дурак!

И что тут началось! Я уверен, что никогда раньше стены этой скромной мастерской не слышали таких взрывов сиплого рева вперемежку со скрипучими воплями. Таких эпитетов. Такой вакханалии эмоций. Таких абсурдных доводов и еще более абсурдных контрдоводов. Да что там стены! В конце концов, это были всего лишь стены тихого академического учреждения, далекого от житейских страстей. Но я, человек уже не первой молодости, всякого, казалось бы,

повидавший, даже я никогда и нигде не слыхивал ничего подобного, во всяком случае от Экселенца.

То и дело поле сражения целиком заволакивалось дымом, в котором не различить было уже предмета спора, и только подобно раскаленным ядрам проносились навстречу друг другу разнообразные «безответственные болтуны», «феодалные рыцари плаща и кинжала», «провокаторы-общественники», «плешивые агенты тайной службы», «склеротические демагоги» и «тайные тюремщики идей». Ну, а менее экзотические «старые ослы», «ядовитые сморчки» и «ма-разматики» всех видов сыпались градом наподобие шрапнели...

Однако порой дым рассеивался, и тогда моему изумленному и замороженному взору открывались воистину поразительные ретроспективы. Я понимал тогда, что сражение, случайным свидетелем которого я оказался, было лишь одной из бесчисленных, невидимых миру схваток беззвучной войны, начавшейся еще в те времена, когда родители мои только оканчивали школу.

Довольно быстро я вспомнил, кто такой этот Айзек Бромберг. Разумеется, я слышал о нем и раньше, может быть, еще когда сопливым мальчишкой работал в Группе Свободного Поиска. Одну из его книг – «Как это было на самом деле» – я, безусловно, читал: это была история «Массачусеттского кошмара». Книга эта, помнится, мне не понравилась – слишком сильно было в ней памфлетное начало, слишком усердствовал автор, сдирая романтические покровы с этой действительно страшной истории, и слишком много места уделил он подробностям дискуссии о политических принципах подхода к опасным экспериментам, дискуссии, которой я в то время несколько не интересовался.

В определенных кругах, впрочем, имя Бромберга было известно и пользовалось достаточным уважением. Его можно было бы назвать «крайним левым» известного движения дзюистов, основанного еще Ламондуа и провозглашавшего право науки на развитие без ограничений.

Экстремисты этого движения исповедуют принципы, которые на первый взгляд представляются совершенно естественными, а на практике сплошь да рядом оказываются неисполнимыми при каждом заданном уровне развития человеческой цивилизации (помню огромный шок, который я испытал, ознакомившись с историей цивилизации Тагоры, где эти принципы соблюдались неукоснительно с незапамятных времен их Первой Промышленной Революции).

Каждое научное открытие, которое может быть реализовано, обязательно будет реализовано. С этим принципом трудно спорить, хотя

и здесь возникает целый ряд оговорок. А вот как поступать с открытием, когда оно уже реализовано? Ответ: держать его последствия под контролем. Очень мило. А если мы не предвидим всех последствий? А если мы переоцениваем одни последствия и недооцениваем другие? Если, наконец, совершенно ясно, что мы просто не в состоянии держать под контролем даже самые очевидные и неприятные последствия? Если для этого требуются совершенно невообразимые энергетические ресурсы и моральное напряжение (как это, кстати, и случилось с Массачусеттской машиной, когда на глазах у ошеломленных исследователей зародилась и стала набирать силу новая, нечеловеческая цивилизация Земли)?

Прекратить исследование! – приказывает обычно в таких случаях Всемирный совет.

Ни в коем случае! – провозглашают в ответ экстремисты. Усилить контроль? Да. Бросить необходимые мощности? Да. Рискнуть? Да! В конце концов, «кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет» (из выступления патриарха экстремистов Дж. Гр. Пренсона). Но никаких запретов! Морально-этические запреты в науке страшнее любых этических потрясений, которые возникали или могут возникнуть в результате самых рискованных поворотов научного прогресса. Точка зрения, безусловно, импонирующая своей динамикой, находящая безотказных апологетов среди научной молодежи, но чертовски опасная, когда подобные принципы исповедует крупный и талантливый специалист, сосредоточивший под своим влиянием динамичный талантливый коллектив и значительные энергетические мощности.

Именно такие экстремисты-практики и были основными клиентами нашего КОМКОНа-2. Старикан же Бромберг был экстремистом-теоретиком, и именно по этой причине, вероятно, он ни разу не попал в поле моего зрения. Зато у Экселенца, как я теперь видел, он всю жизнь просидел в почках, печени и в желчном пузыре.

По роду своей деятельности мы в КОМКОНе-2 никогда никому и ничего не запрещаем. Для этого мы просто недостаточно разбираемся в современной науке. Запрещает Всемирный совет. А наша задача сводится к тому, чтобы реализовать эти запрещения и преграждать путь к утечке информации, ибо именно утечка информации в таких случаях сплошь и рядом приводит к самым жутким последствиям.

Очевидно, Бромберг либо не хотел, либо не мог понять этого. Борьба за уничтожение всех и всяческих барьеров на пути распространения научной информации сделалась буквально его идеей фикс. Он обладал фантастическим темпераментом и неиссякаемой энергией. Связи его в научном мире были неисчислимы, и стоило ему

прослышать, что где-то результаты многообещающих исследований сданы на консервацию, как он приходил в зоологическое неистовство и рвался разоблачать, обличать и срывать покровы.

Ничего решительно невозможно было с ним сделать. Он не признавал компромиссов, поэтому договориться с ним было невозможно, он не признавал поражений, поэтому его невозможно было победить. Он был неуправляем, как космический катаклизм.

Но, по-видимому, даже самая высокая и абстрактная идея нуждается в достаточно конкретной точке приложения. И такой точкой, конкретным олицетворением сил мрака и зла, против которых он сражался, стал для него КОМКОН-2 вообще и наш Экселенц в особенности. «КОМКОН-2! – ядовито шипел он, подскакивая к Экселенцу и тут же отскакивая назад. – О, ваше иезуитство!.. Взять всем известную аббревиатуру – Комиссия по Контактam с иными цивилизациями! Благодарно, возвышенно! Прославлено! И спрятать за нею вашу зловонную контору! Комиссия по Контролю, видите ли! Команда Консерваторов, а не Комиссия по Контролю! Компания Конспираторов!..»

Экселенцу он за эти полвека надоел безмерно. Причем, насколько я понял, именно надоел – как надоедает кусачая муха или назойливый комар. Разумеется, он был не в состоянии нанести нашему делу сколько-нибудь существенный вред. Это было просто не в его силах. Но зато в его силах было постоянно гундеть и бубнить, галдеть и трещать, отрывать от дела, не давать покоя, запускать ядовитые шпильки, требовать неукоснительного выполнения всех формальностей, возбуждать общественное мнение против засилия формалитета, одним словом – утомлять до изнеможения. Я не удивился бы, если бы оказалось, что двадцать лет назад Экселенц нырнул в кровавую кашу на Саракше главным образом для того, чтобы хоть немножко отдохнуть от Бромберга. Мне было особенно обидно за Экселенца еще и потому, что Экселенц, человек не только принципиальный, но и в высшей степени справедливый, полностью, видимо, отдавал себе отчет в том, что деятельность Бромберга, если отвлечься от формы ее, несет и некую положительную социальную функцию: это был тоже вид социального контроля – контроль над контролем.

Но уж что касается ядовитого старикана Бромберга, то он был, по-видимому, начисто лишен самого элементарного чувства справедливости и всю нашу работу отметал с порога, считал безусловно вредной и пламенно, искренне ненавидел. При этом формы, в которые выливалась его ненависть, были настолько одиозны, сами манеры этого настырного старика были до такой степени невыносимы, что Экселенц, при всем своем хладнокровии и нечеловеческой выдержке,

совершенно терял лицо и превращался в склочного, глупого и злобного крикуна, по-видимому, каждый раз, когда сталкивался вот так, лицом к лицу, с Бромбергом. «Вы – невежественный мозгляк! – сорванным голосом хрипел он. – Вы паразитируете на промахах гигантов! Сами вы не способны изобрести соуса к макаронам, а беретесь судить о будущем науки! Вы же только дискредитируете дело, которое хватаетесь защищать, вы – смакователь дешевых анекдотов!..»

Видимо, старики давненько не сталкивались нос к носу и сейчас с особым остервенением изливали друг на друга накопившиеся запасы яда и желчи. Зрелище это было во многих отношениях поучительное, хотя оно и находилось в вопиющем противоречии с широко известными тезисами о том, что человек по природе добр и что он же звучит гордо. Больше всего они походили не на человекoв, а на двух старых облезлых бойцовых петухов. Впервые я понял, что Экселенц уже глубокий старик.

Однако при всей своей неэстетичности этот спектакль обрушил на меня целую лавину поистине бесценной информации. Многих намеков я просто не понял – речь, видимо, шла о делах, давно уже закрытых и забытых. Некоторые упоминавшиеся истории были мне хорошо знакомы. Но кое-что я и услышал, и понял впервые.

Я узнал, например, что такое операция «Зеркало». Оказывается, так были названы глобальные, строго засекреченные маневры по отражению возможной агрессии извне (предположительно – вторжения Странников), проведенные четыре десятка лет назад. Об этой операции знали буквально единицы, и миллионы людей, принимавших в ней участие, даже не подозревали об этом. Несмотря на все меры предосторожности, как это почти всегда бывает в делах глобального масштаба, несколько человек погибли. Одним из руководителей операции и ответственным за сохранение секретности был Экселенц.

Я узнал, как возникло дело «Урод». Как известно, Ионафан Перейра по собственной инициативе прекратил свою работу в области теоретической евгеники. Консервируя всю эту область, Всемирный совет следовал, по сути, именно его рекомендациям. Так вот, оказывается, это наш дорогой Бромберг разнюхал, а затем пламенно разболтал детали теории Перейры, в результате чего пятерка дьявольски талантливых сорвиголов из Швейцеровской лаборатории в Бамако затеяла и едва не довела до конца свой эксперимент с новым вариантом хомо супер.

История с андроидами в общих чертах была мне известна и раньше, главным образом потому, что ее всегда приводят в качестве классического примера неразрешимой этической проблемы. Однако

любопытно было узнать, что доктор Бромберг отнюдь не считает вопрос с андроидами закрытым. Проблема «субъект или объект?» в данном случае для него не существует вовсе. На тайну личности ученых, занимавшихся андроидами, ему наплевать, а право антроидов на тайну личности он полагает нонсенсом и катахрезой. Все подробности этой истории должны быть опубликованы в назидание потомству, а работы с андроидами должны продолжаться...

И так далее.

Среди историй, о которых я никогда ничего не слышал раньше, мое внимание привлекла одна. Речь шла о каком-то предмете, который они называли то саркофагом, то инкубатором. С этим саркофагом-инкубатором они в своем споре каким-то неуловимым образом связывали «детонаторы» – по-видимому, те самые, за которыми явился сюда Бромберг и которые лежали сейчас на столе передо мною, накрытые цветастой шалью. О детонаторах, впрочем, упоминалось вскользь, хотя и неоднократно, а главным образом склока клубилась вокруг «дымовой завесы отвратительной секретности», поставленной Экселенцем вокруг саркофага-инкубатора. Именно в результате этой секретности доктор имярек, получивший уникальные результаты по антропометрии и физиологии кроманьонцев (при чем тут кроманьонцы?), вынужден был держать эти результаты под спудом, тормозя таким образом развитие палеоантропологии. А другой доктор имярек, разгадавший принцип работы саркофага-инкубатора, оказался в двусмысленном и стыдном положении человека, которому научная общественность приписывает открытие этого принципа, в результате чего он вообще оставил научное поприще и малюет теперь посредственные пейзажи...

Я насторожился. Детонаторы были связаны с таинственным саркофагом. За детонаторами явился сюда Бромберг. Детонаторы Экселенц выставил как приманку для Льва Абалкина. Я стал слушать с удвоенным вниманием, надеясь, что в пылу свары старики выболтают что-нибудь еще и я наконец узнаю нечто существенное о Льве Абалкине. Но я услышал это существенное только тогда, когда они, наоборот, угомонились.

4 июня 78-го года

Лев Абалкин у доктора Бромберга

Они угомонились разом, одновременно, как будто у них одновременно иссякли последние остатки энергии. Замолчали. Перестали сверлить друг друга огненными взорами. Бромберг, отдуваясь,

вытащил старомодный носовой платок и принялся утирать лицо и шею. Экселенц, не глядя на него, полез за пазуху (я испугался – не за пистолетом ли), извлек капсулу, выкатил на ладонь белый шарик и положил его под язык, а капсулу протянул Бромберг.

– И не подумаю! – заявил Бромберг, демонстративно отворачиваясь.

Экселенц продолжал протягивать ему капсулу. Бромберг искоса, как петух, посмотрел на нее. Потом сказал с пафосом:

– Яд, мудрецом тебе предложенный, возьми, из рук же дурака не принимай бальзама...

Он взял капсулу и тоже выкатил себе на ладонь белый шарик.

– Я в этом не нуждаюсь! – объявил он и кинул шарик в рот. – Пока еще не нуждаюсь...

– Айзек, – сказал Экселенц и причмокнул, – что вы будете делать, когда я умру?

– Спляшу качучу, – сказал Бромберг мрачно. – Не говорите глупостей.

– Айзек, – сказал Экселенц, – зачем вам все-таки понадобились детонаторы?.. Подождите, не начинайте все сначала. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела. Если бы вы заинтересовались детонаторами неделю назад или на будущей неделе, я бы никогда не стал задавать вам этот вопрос. Но они понадобились вам именно сегодня. Именно в ту ночь, когда за ними должен был прийти совсем другой человек. Если это просто невероятное совпадение, то так и скажите, и мы расстанемся. У меня голова разболелась...

– А кто это должен был за ними прийти? – подозрительно спросил Бромберг.

– Лев Абалкин, – сказал Экселенц утомленно.

– Кто это такой?

– Вы не знаете Льва Абалкина?

– В первый раз слышу, – сказал Бромберг.

– Верю, – сказал Экселенц.

– Еще бы! – сказал Бромберг высокомерно.

– Вам я верю, – сказал Экселенц. – Но я не верю в совпадения... Слушайте, Айзек, неужели это так трудно – просто, без кривляний, рассказать, почему вы именно сегодня пришли за детонаторами...

– Мне не нравится слово «кривлянья»! – сказал Бромберг сварливо, но уже без прежнего задора.

– Я беру его назад, – сказал Экселенц.

Бромберг снова принялся утираться.

– У меня секретов нет, – объявил он. – Вы знаете, Рудольф, я ненавижу все и всяческие секреты. Это вы сами поставили меня в положение, когда я вынужден кривляться и ломать комедию. А между тем все очень просто. Сегодня утром ко мне явился некто... Вам обязательно нужно имя?

– Нет.

– Некий молодой человек. О чем мы с ним говорили – несущественно, я полагаю. Разговор носил достаточно личный характер. Но во время разговора я заметил у него вот здесь... – Бромберг ткнул пальцем в сгиб локтя правой руки, – довольно странное родимое пятно. Я даже спросил его: «Это что – татуировка?» Вы знаете, Рудольф, татуировки – мое хобби... «Нет, – ответил он. – Это родимое пятно». Больше всего оно было похоже на букву «Ж» в кириллице или, скажем, на японский иероглиф «сандзю» – «тридцать». Вам это ничего не напоминает, Рудольф?

– Напоминает, – сказал Экселенц.

Мне это тоже что-то напомнило, что-то совсем недавнее, что-то, показавшееся и странным, и несущественным одновременно.

– Вы что – сразу сообразили? – спросил Бромберг с завистью.

– Да, – сказал Экселенц.

– А вот я – не сразу. Молодой человек уже давно ушел, а я все сидел и вспоминал, где я мог видеть такой значок... Причем не просто похожий на него, а именно такой в точности. В конце концов вспомнил. Мне надо было проверить, понимаете? Под рукой – ни одной репродукции. Я бросаюсь в музей – музей закрыт...

– Мак, – сказал Экселенц, – будь добр, подай нам сюда эту штуку, которая под шалью.

Я повиновался.

Брусок был тяжелый и теплый на ощупь. Я поставил его на стол перед Экселенцем. Экселенц подвинул его поближе к себе, и теперь я видел, что это действительно футляр из гладко отполированного материала ярко-янтарного цвета с едва заметной, идеально прямой линией, отделяющей слегка выпуклую крышку от массивного основания. Экселенц попытался приподнять крышку, но пальцы его скользили, и ничего у него не получалось.

– Дайте-ка мне, – нетерпеливо сказал Бромберг. Он оттолкнул Экселенца, взялся за крышку обеими руками, поднял ее и отложил в сторону.

Вот эти штуки они, по-видимому, и называли детонаторами: круглые серые блямбы миллиметров семидесяти в диаметре, уложенные одним рядом в аккуратные гнезда. Всего детонаторов было

одиннадцать, и еще два гнезда были пусты, и видно было, что дно их выстлано белесоватым ворсом, похожим на плесень, и ворсинки эти заметно шевелились, словно живые, да они, вероятно, и были в каком-то смысле живые.

Однако прежде всего в глаза мне бросились довольно сложные иероглифы, изображенные на поверхности детонаторов, по одному на каждом, и все разные. Они были большие, розовато-коричневые, слегка расплывшиеся, как бы нанесенные цветной тушью на влажную бумагу. И один из них я узнал сразу – чуть расплывшаяся стилизованная буква «Ж» или, если угодно, японский иероглиф «сандзю» – маленький оригинал увеличенной копии на обороте листа номер один в деле номер ноль-семь. Этот детонатор был третьим слева, если смотреть от меня, и Экселенц, подвесив над ним свой длинный указательный палец, произнес:

– Он?

– Да, да, – нетерпеливо отозвался Бромберг, отпихивая его руку.
– Не мешайте. Вы ничего не понимаете...

Он вцепился ногтями в края детонатора и принялся осторожными движениями как бы вывинчивать его из гнезда, бормоча при этом: «Здесь совсем не в этом дело... Неужели вы воображаете, что я был способен перепутать... Чутье какая...» И он вытянул наконец детонатор из гнезда и стал осторожно поднимать его над футляром все выше и выше, и видно было, как тянутся за серым толстеньким диском тонкие белесоватые нити, утоньшаются, лопаются одна за другой, и когда лопнула последняя, Бромберг повернул диск нижней поверхностью вверх, и я увидел там среди шевелящихся полупрозрачных ворсинок тот же иероглиф, только черный, маленький и очень отчетливый, словно его вычеканили в сером материале.

– Да! – сказал Бромберг торжествующе. – Точно такой. Я так и знал, что не могу ошибиться.

– В чем именно? – спросил Экселенц.

– Размер! – сказал Бромберг. – Размер, детали, пропорции. Вы понимаете, родимое пятно у него не просто похоже на этот значок – оно в точности такое же... – Он пристально посмотрел на Экселенца. – Слушайте, Рудольф, услуга за услугу. Вы что – их всех пометили?

– Нет, конечно.

– Значит, у них это было с самого начала? – спросил Бромберг, постукивая себя пальцем по сгибу правой руки.

– Нет. Эти значки появились у них в возрасте десяти-двенадцати лет.

Бромберг осторожно ввинтил детонатор обратно в гнездо и удовлетворенно повалился в кресло.

– Ну что же, – произнес он. – Так я все это и понял... Ну-с, господин полицей-президент, чего же стоит вся эта ваша секретность? Канал его у меня есть, и едва золотоперстый Феб озарит верхушки этих ваших архитектурных уродов, как я немедленно свяжусь с ним, и мы всласть поговорим... И не пытайтесь меня отговаривать, Сикорски! – вскричал он, размахивая пальцем перед носом Экселенца. – Он сам пришел ко мне, а я сам – понимаете? – сам, вот этой своей старой головой, сообразил, кто передо мною, и теперь он мой! Я не проникал в ваши паршивые тайны! Немножко везенья, немножко сообразительности...

– Хорошо, хорошо, – сказал Экселенц. – Ради бога. Никаких возражений. Он ваш, встречайтесь, говорите. Но только с ним, пожалуйста. Больше ни с кем.

– Н-ну... – с ироническим сомнением протянул Бромберг.

– А впрочем, как вам будет угодно, – сказал вдруг Экселенц. – Все это сейчас не важно... Скажите, Айзек, о чем вы с ним разговаривали?

Бромберг сложил руки на животе и покрутил большими пальцами. Победы, одержанные им над Экселенцем, были настолько велики и очевидны, что он, без сомнения, мог позволить себе быть великодушным.

– Разговор, надо признаться, был довольно сумбурный, – сказал он. – Теперь-то я, конечно, понимаю, что этот кроманьонец просто морочил мне голову...

Сегодня, а вернее, вчера утром к нему явился молодой человек лет сорока – сорока пяти и представился как Александр Дымок, конфигурактор сельскохозяйственной автоматики. Роста среднего, очень бледное лицо, длинные черные прямые волосы, как у индейца. Он пожаловался, что на протяжении многих месяцев пытается и никак не может выяснить обстоятельства исчезновения своих родителей. Он изложил Бромбергу в высшей степени загадочную и чертовски соблазнительную в своей загадочности легенду, которую он якобы собрал по крупицам, не брезгуя даже самыми малодостоверными слухами. Легенда эта у Бромберга записана во всех подробностях, но излагать ее сейчас вряд ли имеет смысл. Собственно, визит Александра Дымка преследовал единственную цель: не может ли Бромберг, крупнейший в мире знаток запрещенной науки, пролить хоть какой-нибудь свет на эту историю.

Крупнейший знаток Бромберг окунулся в свою картотеку, но ничего о супругах Дымок не обнаружил. Молодой человек был заметно

огорчен этим обстоятельством и совсем уже собрался было уходить, когда в голову ему пришла счастливая мысль. Не исключено, сказал он, что фамилия его родителей вовсе и не Дымок. Не исключено также, что вся его легенда не имеет ничего общего с действительностью. Может быть, доктор Бромберг попытается вспомнить, не происходило ли в науке каких-то загадочных и впоследствии запрещенных к широкой публикации событий в годы, близкие к дате рождения Александра Дымка (февраль 36-го), поскольку родителей своих он потерял то ли в годовалом, то ли в двухлетнем возрасте...

Знаток Бромберг снова полез в свою картотеку, но на этот раз в хронологическую ее часть. За период с 33-го по 39-й годы он обнаружил в общей сложности восемь различных инцидентов, в том числе и историю с саркофагом-инкубатором. Вместе с Александром Дымком они тщательно проанализировали каждый из этих инцидентов и пришли к выводу, что ни один из них не может быть связан с судьбой супругов Дымок.

– Отсюда я, старый дурак, сделал заключение, что судьба подарила мне историю, которая в свое время совершенно ускользнула из поля моего зрения. Представляете себе? Не запрет ваш какой-нибудь паршивый, а исчезновение двух биохимиков! Уж этого бы я вам не простил, Сикорски!

И еще битых два часа Бромберг допрашивал Александра Дымка, требуя от него вспомнить все самые мельчайшие подробности, любые, даже самые нелепые, слухи, взял с него торжественное обещание пройти глубокое ментоскопирование, так что молодой человек на протяжении последнего часа явно мечтал только об одном – поскорее убраться восвояси...

Уже в самом конце разговора Бромберг совершенно случайно заметил родимое пятно. Это родимое пятно, не имеющее, казалось бы, никакого отношения к делу, каким-то необъяснимым образом застряло у Бромберга в мозгу. Молодой человек уже давно ушел. Бромберг уже успел сделать несколько запросов в БВИ, поговорить с двумя-тремя специалистами по поводу супругов Дымок (безрезультатно), но этот проклятый значок никак не шел у него из головы. Впервые, Бромберг был совершенно уверен, что уже видел его где-то и когда-то, а во-вторых, его не покидало ощущение, что об этом значке или о чем-то, связанном с этим значком, упоминалось в его беседе с Александром Дымком. И только восстановив в памяти самым скрупулезным образом всю эту беседу фразу за фразой, он добрался наконец до саркофага, вспомнил детонаторы, и поразительная догадка о том, кто таков на самом деле Александр Дымок, осенила его.

Первым его движением было немедленно позвонить мальчику и сообщить, что тайна его происхождения раскрыта. Но присущая ему, Бромбергу, научная добросовестность требовала прежде всего абсолютной достоверности, не допускающей никаких инотолкований. Он, Бромберг, знал совпадения и покруче. Поэтому он бросился сначала звонить в музей...

– Все понятно, – сказал Экселенц мрачно. – Спасибо вам, Айзек. Значит, теперь он знает о саркофаге...

– А почему бы ему об этом и не знать? – вскинулся Бромберг.

– Действительно, – медленно проговорил Экселенц. – Почему бы и нет?

Тайна личности Льва Абалкина

21 декабря 37-го года отряд Следопытов под командой Бориса Фокина высадился на каменистом плато безымянной планетки в системе ЕН 9173, имея задачей обследовать обнаруженные здесь еще в прошлом веке развалины каких-то сооружений, приписываемых Странникам.

24 декабря интравизионная съемка зафиксировала под развалинами наличие обширного помещения в толще скальных пород на глубине более трех метров.

25 декабря Борис Фокин с первой же попытки и без всяких неожиданностей проник в это помещение. Оно было выполнено в форме полусферы радиусом в десять метров. Полусфера эта была облицована янтаринном, материалом, весьма характерным для цивилизации Странников, и содержала громоздкое устройство, которое с легкой руки одного из Следопытов стали называть саркофагом.

26 декабря Борис Фокин запросил и получил из соответствующего отдела КОМКОНа разрешение на обследование саркофага своими силами.

Действуя, по своему обыкновению, изнуряюще методично и осторожно, он провозился с саркофагом трое суток. За это время удалось определить возраст находки (сорок – сорок пять тысяч лет), обнаружить, что саркофаг потребляет энергию, и даже установить несомненную связь между саркофагом и расположенными над ним развалинами. Уже тогда была высказана гипотеза, впоследствии подтвердившаяся, что указанные «развалины» вовсе развалинами не являются, а представляют собой часть обширной, охватывающей всю поверхность планетки, системы, предназначенной для поглощения и

трансформации всех видов даровой энергии, как планетарной, так и космической (сейсмика, флюктуации магнитного поля, метеоявления, излучение центрального светила, космические лучи и так далее).

29 декабря Борис Фокин связался непосредственно с Комовым и потребовал к себе лучшего специалиста-эмбриолога. Комов, разумеется, запросил объяснений, но Борис Фокин от объяснений уклонился и предложил Комову прибыть лично, но при этом обязательно в сопровождении эмбриолога. Когда-то в далекой молодости Комову приходилось работать вместе с Фокиным, и у него осталось от Фокина впечатление скорее нелестное. Поэтому сам он лететь и не подумал, однако эмбриолога послал – правда, далеко не самого лучшего, а просто первого же согласившегося – некоего Марка ван Блеркома (впоследствии Комов неоднократно рвал на себе волосы, вспоминая об этом своем решении, ибо Марк ван Блерком оказался закадычным другом небезызвестного Айзека П. Бромберга).

30 декабря Марк ван Блерком убыл в распоряжение Бориса Фокина и уже через несколько часов отправил Комову открытым текстом поразительное сообщение. В этом сообщении он утверждал, что так называемый саркофаг представляет собой на самом деле не что иное, как своего рода эмбриональный сейф совершенно

фантастической конструкции. В сейфе содержится тринадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс, причем все они представляются вполне жизнеспособными, хотя и пребывают в латентном состоянии.

Необходимо отдать должное двум участникам этой истории: Борису Фокину и члену КОМКОНа Геннадию Комову. Борис Фокин каким-то шестым чувством угадал, что об этой находке не следует орать на весь мир: радиограмма Марка ван Блеркома была первой и последней открытой радиограммой в последующем радиообмене отряда с Землей. Поэтому вся эта история отразилась в потоке массовой информации на нашей планете лишь в виде коротенького сообщения, впоследствии не подтвердившегося и потому почти не привлечшего внимания.

Что же касается Геннадия Комова, то он не только сразу ухватил суть возникающей на глазах проблемы, но и каким-то образом сумел представить себе целый ряд вообразимых последствий этой проблемы. Прежде всего он потребовал от Фокина и Блеркома подтверждения полученных данных (спецкодом по сверхсрочному каналу) и, получив это подтверждение, немедленно собрал совещание тех руководителей КОМКОНа, которые являлись одновременно членами Всемирного совета. Среди них были такие корифеи, как Леонид Горбовский и Август-Иоганн Бадер, молодой и горячий Кирилл Александров, осторожный, вечно сомневающийся Махино Синода, а также энергичный шестидесятидвухлетний Рудольф Сикорски.

Комов проинформировал собравшихся и поставил вопрос ребром: что теперь делать? Очевидно, можно было закрыть саркофаг и оставить все как есть, ограничившись на будущее пассивным наблюдением. Можно было попытаться инициировать развитие яйцеклеток и посмотреть, что из этого получится. Наконец, можно было во избежание грядущих осложнений уничтожить находку.

Разумеется, Геннадий Комов, человек в то время уже достаточно опытный, прекрасно понимал, что ни это чрезвычайное совещание, ни даже десяток последующих проблему не решат. Своим нарочито резким выступлением он преследовал только одну цель: шокировать собравшихся и побудить их к дискуссии.

Надо сказать, цели своей он достиг. Из всех участников совещания только Леонид Горбовский и Рудольф Сикорски сохранили видимое хладнокровие. Горбовский – потому что был разумным оптимистом. Сикорски же – потому что уже тогда был руководителем КОМКОНа-2. Было произнесено множество слов – безудержно горячих и нарочито спокойных, вполне легкомысленных и исполненных глубокого

смысла, давно забытых и таких, что вошли впоследствии в лексикон докладов, легенд, отчетов и рекомендаций. Как и следовало ожидать, единственное решение совещания свелось к тому, чтобы завтра же собрать новое, расширенное совещание с привлечением других членов Всемирного совета – специалистов по социальной психологии, педагогике и средствам массовой информации.

На протяжении всего совещания Рудольф Сикорски молчал. Он не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы высказываться за то или иное решение проблемы. Однако долгий опыт работы в области экспериментальной истории, а также вся совокупность известных ему фактов о деятельности Странников однозначно приводили его к выводу: какое бы решение ни принял в конце концов Всемирный совет, решение это, как и все обстоятельства дела, надлежит на неопределенное время сохранить в кругу лиц с самым высоким уровнем социальной ответственности. В этом смысле он и высказался под занавес. «Решение оставить все как есть и пассивно наблюдать решением на самом деле не является. Истинных решений всего два: уничтожить или инициировать. Неважно, когда будет принято одно из этих решений – завтра или через сто лет, – но любое из них будет неудовлетворительным. Уничтожить саркофаг – это значит совершить необратимый поступок. Мы все здесь знаем цену необратимым поступкам. Инициировать – это значит пойти на поводу у Странников, конечные намерения которых нам, мягко выражаясь, непонятны. Я ничего не предрешаю и вообще не считаю себя вправе голосовать за какое бы то ни было решение. Единственное, о чем я прошу и на чем я настаиваю, – разрешите мне немедленно принять меры против утечки информации. Ну, хотя бы для того только, чтобы нас не захлестнуло океаном некомпетентности...»

Эта маленькая речь произвела известное впечатление, и разрешение было дано единогласно, тем более что все понимали: спешить не следует, а создать условия для спокойной и обстоятельной работы совершенно необходимо.

31 декабря состоялось расширенное совещание. Присутствовало восемнадцать человек, в том числе приглашенный Горбовским Председатель Всемирного совета по социальным проблемам. Все согласились, что саркофаг был найден совершенно случайно, а значит – преждевременно. Все согласились далее, что, прежде чем принимать какое бы то ни было решение, надобно попытаться понять, а если и не понять, то, по крайней мере, представить себе изначальный замысел Странников. Было высказано несколько более или менее экзотических гипотез.

Кирилл Александров, известный своими антропоморфистскими взглядами, высказал предположение, что саркофаг есть хранилище генофонда Странников. Все известные мне доказательства негуманности Странников, заявил он, являются по сути своей косвенными. На самом же деле Странники вполне могут оказаться генетическими двойниками человека. Такое предположение не противоречит ни одному из доступных фактов. Исходя из этого, Александров предлагал все исследования прекратить, вернуть находку в первоначальное состояние и покинуть систему ЕН 9173.

По мнению Августа-Иоганна Бадера, саркофаг есть – да! – хранилище генофонда, но никаких не Странников, а именно землян. Сорок пять тысяч лет тому назад Странники, допуская теоретически возможность генетического вырождения немногочисленных тогда племен хомо сапиенс, пытались таким образом принять меры к восстановлению земного человечества в будущем.

Под тем же лозунгом «не будем плохо думать о Странниках» выступил и престарелый Пак Хин. Он, как и Бадер, был убежден, что мы имеем дело с генофондом землян, но полагал, будто Странники выступают здесь с целями скорее просветительскими. Саркофаг есть своеобразная «бомба времени», вскрыв которую современные земляне получают возможность воочию ознакомиться с особенностями облика, анатомии и физиологии своих далеких предков.

Геннадий Комов поставил вопрос значительно шире. По его мнению, любая цивилизация, достигшая определенного уровня развития, не может не стремиться к контакту с иным разумом. Однако контакт между гуманоидными и негуманоидными цивилизациями чрезвычайно затруднен, если только вообще возможен. Не имеем ли мы дело с попыткой применить принципиально новый метод контакта – создать существо-посредника, гуманоида, в генотипе которого закодированы некие существенные характеристики негуманоидной психологии. В этом смысле мы должны рассматривать находку как начало принципиально нового этапа и в истории землян, и в истории негуманоидных Странников. По мнению Комова, яйцеклетки должны быть несомненно и немедленно инициированы. Его, Комова, мало смущает заведомая преждевременность находки: Странники, рассчитывая темпы развития человечества, легко могли ошибиться на несколько столетий.

Гипотеза Комова вызвала оживленную дискуссию, во время которой впервые прозвучало сомнение в том, что современная педагогика способна успешно применить свою методику к воспитанию людей, психика которых в значительной степени отличается от гуманоидной.

Одновременно осторожнейший Махиросинода, крупный специалист по Странникам, задал вполне резонный вопрос: почему, собственно, уважаемый Геннадий, да и некоторые другие товарищи, так уверены в благорасположенности Странников к землянам? Мы не имеем никаких свидетельств того, что Странники вообще способны на благорасположенность к кому бы то ни было, в том числе и к гуманоидам. Напротив, факты (немногочисленные, правда) свидетельствуют скорее о том, что Странники абсолютно равнодушны к чужому разуму и склонны относиться к нему как к средству для достижения своих целей, а вовсе не как к партнеру по контакту. Не кажется ли уважаемому Геннадию, что высказанную им гипотезу можно в равной степени развить в прямо противоположном направлении, а именно – предположить, что гипотетические существа-посредники должны, по замыслу Странников, выполнять задачи, с нашей точки зрения, скорее негативные. Почему бы, следуя логике уважаемого Геннадия, не предположить, что саркофаг есть, так сказать, идеологическая бомба замедленного действия, а существа-посредники – своего рода диверсанты, предназначенные для внедрения в нашу цивилизацию. Диверсанты – разумеется, слово одиозное. Но вот у нас сейчас появилось новое понятие – Прогрессор – человек Земли, деятельность которого направлена на ускорение прогресса отсталых гуманоидных цивилизаций. Почему не допустить, что гипотетические существа-посредники – это своего рода Прогрессоры Странников? Что мы, в конце концов, знаем о точке зрения Странников на темпы и формы нашего, человеческого прогресса?..

Совещание немедленно раскололось на две фракции – оптимистов и пессимистов. Точка зрения оптимистов представлялась, разумеется, гораздо более правдоподобной. Действительно, трудно и даже, пожалуй, невозможно было представить себе сверхцивилизацию, способную не то, чтобы на грубую агрессию, но хотя бы даже на сколько-нибудь бестактное экспериментирование с младшими братьями по разуму. В рамках всех существующих представлений о закономерностях развития Разума точка зрения пессимистов выглядела, мягко выражаясь, искусственной, надуманной и архаичной. Но, с другой стороны, всегда оставался шанс, пусть даже ничтожный, на какой-то просчет. Могла ошибаться общая теория прогресса. Могли ошибаться ее интерпретаторы. И главное, могли ошибиться сами Странники. Последствия такого рода ошибок для судеб земного человечества не поддавались ни учету, ни контролю.

Именно тогда воображению Рудольфа Сикорски впервые представился апокалиптический образ существа, которое ни анатомически,

ни физиологически не отличается от человека, более того, ничем не отличается от человека психически – ни логикой, ни чувствами, ни мироощущением. Это существо живет и работает в самой толще человечества, несет в себе неведомую грозную программу, и страшнее всего то, что оно само ничего не знает об этой программе и ничего не узнает о ней даже в тот неопределимый момент, когда программа эта включится наконец, взорвет в нем землянина и поведет его... Куда? К какой цели? И уже тогда Рудольфу Сикорски стало безнадежно ясно, что никто – и в первую очередь он сам, Рудольф Сикорски, – не имеет права успокаивать себя ссылкой на ничтожную вероятность и фантастичность такого предположения.

В самый разгар совещания Геннадию Комову передали очередную шифровку от Фокина. Он прочитал ее, изменился в лице и надтреснутым голосом объявил: «Плохо дело – Фокин и ван Блерком сообщают, что все тринадцать яйцеклеток совершили первое деление».

Это был скверный Новый год для всех посвященных. С раннего утра 1 января и до вечера 3 января нового 38-го года шло практически непрерывное заседание спонтанно образовавшейся Комиссии по инкубатору. Саркофаг теперь называли инкубатором, и обсуждался, по сути дела, всего один вопрос: как, учитывая все обстоятельства, организовать судьбу тринадцати будущих новых граждан планеты Земля.

Вопрос об уничтожении инкубатора больше не поднимался, хотя все члены Комиссии, в том числе и те, кто изначально ратовал за инициацию яйцеклеток, чувствовали себя не в своей тарелке. Их не покидала смутная тревога, им казалось, что 31 декабря они в каком-то смысле утратили самостоятельность и теперь вынуждены следовать плану, навязанному им извне. Впрочем, обсуждение носило вполне конструктивный характер.

Уже в эти дни были в общих чертах сформулированы принципы режима воспитания будущих новорожденных, намечены их няни, наблюдающие врачи, Учителя, возможные Наставники, а также основные направления антропологических, физиологических и психологических исследований. Были назначены и немедленно направлены в группу Фокина специалисты по ксенотехнологии вообще и по ксенотехнике Странников в частности – на предмет самого тщательного изучения саркофага-инкубатора, для предупреждения «неловких действий», а главным образом – в надежде, что удастся обнаружить какие-то детали этой машины, которые впоследствии помогут уточнить и конкретизировать программу предстоящей работы с «подкидышами». Были даже разработаны различные варианты

организации общественного мнения на случай реализации каждой из высказанных гипотез о целях Странников...

Рудольф Сикорски в дискуссии участия не принимал. Слушал он вполуха, а все внимание свое сосредоточил на том, чтобы учесть каждого, кто хоть в малейшей степени оказывался причастным к развивающимся событиям. Список рос с угнетающей быстротой, но он понимал, что с этим пока ничего сделать нельзя, что так или иначе в этой странной и опасной истории обязательно окажется замешано много людей.

Вечером 3 января на заключительном заседании, когда были подведены итоги и стихийно образовавшиеся подкомиссии были оформлены организационно, он потребовал слова и объявил примерно следующее.

Мы проделали здесь неплохую работу и более или менее подготовились к возможному развитию событий – насколько это возможно при нашем нынешнем уровне информированности и в той, прямо скажем, бездарной ситуации, в которой мы оказались помимо своей воли и по воле Странников. Мы договорились не совершать необратимых поступков – в этом, собственно, суть всех наших решений. Но! Как руководитель КОМКОНа-2, организации, ответственной за безопасность земной цивилизации в целом, я предлагаю вам ряд требований, которые нам надлежит неукоснительно выполнять в нашей деятельности впредь.

Первое. Все работы, хотя бы мало-мальски связанные с этой историей, должны быть объявлены закрытыми. Сведения о них не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах. Основание: всем хорошо известный Закон о тайне личности.

Второе. Ни один из «подкидышей» не должен быть посвящен в обстоятельства своего появления на свет. Основание: тот же Закон.

Третье. «Подкидыши» немедленно по появлении на свет должны быть разделены, а в дальнейшем надлежит принять меры к тому, чтобы они не только ничего не знали друг о друге, но и не встречались бы друг с другом. Основание: достаточно элементарные соображения, которые я не намерен здесь приводить.

Четвертое. Все они должны получить в дальнейшем внеземные специальности, с тем чтобы сами обстоятельства их жизни и работы естественным образом затрудняли бы им возвращение на Землю даже на короткие сроки. Основание: та же элементарная логика. Мы вынуждены пока идти на поводу у Странников, но должны делать все возможное, чтобы в дальнейшем (и чем скорее, тем лучше) с проторенной для нас дороги свернуть.

Как и следовало ожидать, «Четыре требования Сикорски» вызвали взрыв недоброжелательства. Участники совещания, как и все нормальные люди, терпеть не могли каких бы то ни было тайн, закрытых тем, умалчиваний, да и вообще КОМКОНа-2. Но Сикорски правильно предвидел, что психологи и социологи, отдавши дань понятным эмоциям, возьмутся за ум и решительно встанут на его сторону. С Законом о тайне личности шутки плохи. Можно было легко и без всяких натяжек представить себе целый ряд неприятнейших ситуаций, которые могли бы возникнуть в будущем при нарушении первых двух «Требований». Попробуйте-ка представить себе психику человека, который узнает о себе, что появился он на свет из инкубатора, запущенного сорок пять тысяч лет тому назад неведомыми чудовищами с неведомой целью, да еще при этом знает, что и всем вокруг это известно. А если у него хоть мало-мальски развито воображение, он с неизбежностью придет к представлению о том, что он, землянин до мозга костей, никогда ничего не знавший и не любивший кроме Земли, несет в себе, может быть, какую-то страшную угрозу для человечества. Представление это способно нанести человеку такую психическую травму, с которой не справятся и самые лучшие специалисты...

Доводы психологов были подкреплены внезапным и необычно резким выступлением Махино Синоды, который прямо заявил, что мы здесь слишком много думаем о тринадцати еще не родившихся сопляках и слишком мало думаем о потенциальной опасности, которую они могут представлять для древней Земли. В результате все «Четыре требования» были приняты большинством голосов, и Рудольфу Сикорски было тут же поручено разработать и провести в жизнь соответствующие мероприятия. И вовремя.

5 января Рудольфу Сикорски позвонил слегка встревоженный Леонид Андреевич Горбовский. Оказывается, полчаса назад он имел беседу со своим старым другом – тагорским ксенологом, аккредитованным последние два года при Московском университете. В ходе беседы тагорянин как бы вскользь осведомился, подтвердилось ли промелькнувшее несколько дней назад сообщение о необычной находке в системе ЕН 9173. Застигнутый этим невинным вопросом врасплох, Горбовский принялся мямлить нечто невразумительное насчет того, что он давно уже не Следопыт, что это вне его сферы интересов, что он в общем-то не в курсе, и в конце концов с облегчением и совершенно искренне объявил, что сообщения этого не читал. Тагорянин немедленно перевел разговор на другую тему, но у Горбовского тем не менее остался от этой части беседы самый неприятный осадок.

Рудольф Сикорски понял, что этот разговор еще будет иметь продолжение. И не ошибся.

7 января его неожиданно посетил только что прибывший с Тагоры коллега, так сказать, по роду деятельности, высокопочтенный доктор Ас-Су. Целью этого визита было уточнение ряда действительно существующих деталей, касающихся намечаемого расширения сферы деятельности официальных наблюдателей, Тагоры на нашей планете. Когда деловая часть разговора была закончена, и маленький доктор Ас-Су принялся за свой любимый земной напиток (холодный ячменный кофе с синтетическим медом), высокие стороны принялись обмениваться забавными и страшными историческими анекдотами, излагать которые друг другу они были издавна большими мастерами и любителями.

В частности, доктор Ас-Су рассказал, как полтора года земных лет назад при закладке фундамента Третьей Большой Машины тагорские строители обнаружили в базальтовой толще Приполярного Континента поразительное устройство, которое в терминах землян можно было бы назвать хитроумно сконструированным садком, содержащим двести три личинки тагорян в латентном состоянии. Возраст находки сколько-нибудь точно установить не удалось, однако ясно было, что этот садок был заложен задолго до Великой Генетической Революции, то есть еще в те времена, когда каждый тагорянин в своем развитии проходил стадию личинки...

– Поразительно, – пробормотал Сикорски. – Неужели уже в те времена ваш народ обладал настолько развитой технологией?

– Разумеется, нет! – ответил доктор Ас-Су. – Безусловно, это была затея Странников.

– Но зачем?

– Слишком трудно ответить на этот вопрос. Мы даже и не пытались на него ответить.

– И что же дальше случилось с этими двумя сотнями маленьких тагорян?

– Хм... Вы задаете странный вопрос. Личинки начали спонтанно развиваться, и мы, разумеется, немедленно уничтожили это устройство со всем его содержимым... Неужели вы можете представить себе народ, который поступил бы в этой ситуации иначе?

– Могу, – сказал Сикорски.

На другой день, 8 января 38-го года, Высокий Посол Единой Тагоры отбыл на родину в связи с состоянием здоровья. Еще через несколько дней на Земле и на всех других планетах, где селились и работали земляне, не осталось ни одного тагорянина. А еще через месяц

все без исключения земляне, работавшие на Тагоре, были поставлены перед необходимостью вернуться на Землю. Связь с Тагорой прекратилась на двадцать пять лет.

Тайна личности Льва Абалкина (продолжение)

Они все родились в один день – 6 октября 38-го года, – пять девочек и восемь мальчиков, крепкие, горластые, абсолютно здоровые человеческие младенцы. К моменту их появления на свет все уже было готово. Их приняли и осмотрели медицинские светила, члены Всемирного совета и консультанты Комиссии по Тринадцати, обмыли и спеленали их и в тот же день в специально оборудованном корабле доставили на Землю. К вечеру в тринадцати яслях, разбросанных по всем шести материкам, заботливые няни уже хлопотали над тринадцатью сиротами и посмертными детьми, которые никогда не увидят своих родителей и единой матерью которых отныне становилось все огромное доброе человечество. Легенды об их происхождении уже были подготовлены самим Рудольфом Сикорски и по специальному разрешению Всемирного совета введены в БВИ.

Судьба Льва Вячеславовича Абалкина, как и судьбы остальных двенадцати его «единоутробных» сестер и братьев, была отныне запрограммирована на много лет вперед, и много лет она абсолютно ничем не отличалась от судеб сотен миллионов его обычных, земных сверстников.

В яслях он, как и полагается всякому младенцу, сначала лежал, потом ползал, потом ковылял, потом забегал. Его окружали такие же младенцы, и над ним хлопотали заботливые взрослые, такие же, как и в сотнях тысяч других яслей планеты.

Правда, ему повезло, как немногим. В тот самый день, когда его принесли в ясли, туда же поступила на работу простым наблюдающим врачом Ядвига Михайловна Леканова – один из крупнейших в мире специалистов по детской психологии. Почему-то захотелось ей спуститься с горних высот чистой науки и вернуться к тому, с чего она начинала несколько десятилетий назад. А когда шестилетний Лева Абалкин был переведен со всей своей группой в Сыктывкарскую школу-интернат 241, та же Ядвига Михайловна сочла, что пора ей теперь поработать с детишками школьного возраста, и перевелась наблюдающим врачом в эту же школу.

Лева Абалкин рос и развивался как вполне обычный мальчик, склонный, может быть, к легкой меланхолии и замкнутости, но никакие отклонения его психотипа от нормы не превышали средних

значений и значительно уступали крайним возможным отклонениям. Так же благополучно обстояло у него дело и с физическим развитием. Он не отличался от прочих ни повышенной хрупкостью, ни какой-нибудь выдающейся силой. Короче говоря, это был крепкий, здоровый, вполне обыкновенный мальчик, выделявшийся среди своих однокашников, по преимуществу – славян, разве что иссиня-черными прямыми волосами, которыми он очень гордился и все норовил отращивать до плеч. Так было до ноября сорок седьмого года.

16 ноября, проводя регулярный осмотр, Ядвига Михайловна обнаружила у Левы на сгибе правого локтя небольшой синяк с припухлостью. Синяк у мальчишки – невеликая редкость, и Ядвига Михайловна не обратила на него никакого внимания, а потом, разумеется, забыла бы о нем, если бы через неделю, 23 ноября, не оказалось, что синяк не только не исчез, но странно трансформировался. Его уже, собственно, нельзя было назвать синяком, это было уже нечто вроде татуировки – желто-коричневый маленький значок в виде стилизованной буквы «Ж». Осторожные расспросы показали, что Лева Абалкин понятия не имеет, откуда у него это взялось и почему. Было совершенно ясно, что до сих пор он попросту не знал и не замечал, что у него что-то там появилось на сгибе правого локтя.

Поколебавшись, Ядвига Михайловна сочла своей обязанностью сообщить об этом маленьком открытии доктору Сикорски. Доктор Сикорски принял информацию без всякого интереса, однако в конце декабря вдруг вызвал Ядвигу Михайловну по видеофону и осведомился, как обстоят дела с родимым пятном у Льва Абалкина. Без изменений, ответила несколько удивленная Ядвига Михайловна. Если вас не затруднит, попросил доктор Сикорски, как-нибудь незаметно для мальчика сфотографируйте это пятно и перешлите фотографию мне.

Лев Абалкин был первым из «подкидышей», у кого на сгибе правого локтя появился значок. В течение последующих двух месяцев родимые пятна, имеющие более или менее замысловатые формы, появились еще у восьми «подкидышей» при совершенно сходных обстоятельствах: синяк с припухлостью вначале, никаких внешних причин, никаких болезненных ощущений, а через неделю – желто-коричневый значок. К концу 48-го года «клеймо Странников» носили уже все тринадцать. И тогда было сделано поистине удивительное и страшноватое открытие, вызвавшее к жизни понятие «детонатор».

Кто первым ввел это понятие, определить теперь уже невозможно. По мнению Рудольфа Сикорски, оно как нельзя более точно и грозно определяло суть дела. Еще в 39-м году, через год после рождения «подкидышей», ксенотехники, занимавшиеся демонтажом

опустевшего инкубатора, обнаружили в его недрах длинный ящик из янтарина, содержащий тринадцать серых круглых дисков со значками на них. В недрах инкубатора были обнаружены тогда предметы и более загадочные, чем этот ящик-футляр, и поэтому никто специального внимания на него не обратил. Футляр был транспортирован в Музей внеземных культур, описан в закрытом издании «Материалы по саркофагу-инкубатору» как элемент системы жизнеобеспечения, успешно выдержал вялый натиск какого-то исследователя, попытавшегося понять, что это такое и для чего может пригодиться, а затем отфутболен в уже переполненный Спецсектор предметов материальной культуры невыясненного назначения, где и был благополучно забыт на целых десять лет.

В начале 49-го года помощник Рудольфа Сикорски по делу «подкидышей» (назовем его, например, Иванов) вошел в кабинет своего начальника и положил перед ним проектор, включенный на 211-й странице шестого тома «Материалов по саркофагу». Экселенц глянул и обомлел. Перед ним была фотография «элемента жизнеобеспечения 15/156А»: тринадцать серых круглых дисков в гнездах янтарного футляра. Тринадцать замысловатых иероглифов, тех самых, над которыми он уже даже перестал ломать голову, прекрасно знакомых по тринадцати фотографиям тринадцати сгибов детских локтей. По значку на локоть. По значку на диск. По диску на локоть.

Это не могло быть случайностью. Это должно было что-то означать. Что-то очень важное. Первым движением Рудольфа Сикорски было немедленно затребовать из музея этот «элемент 15/156А» и спрятать к себе в сейф. От всех. От себя. Он испугался. Он просто испугался. И страшнее всего было то, что он даже не понимал, почему ему страшно.

Иванов был тоже испуган. Они взглянули друг на друга и поняли друг друга без слов. Одна и та же картина стояла перед их глазами: тринадцать загорелых, исцарапанных бомб с веселым гиканьем носятся по-над речками и лазают по деревьям в разных концах Земного шара, а здесь, в двух шагах, тринадцать детонаторов к ним в зловещей тишине ждут своего часа.

Это была минута слабости, конечно. Ведь ничего страшного не произошло. Ниоткуда, собственно, не следовало, что диски со значками – это детонаторы к бомбам, возбудители скрытой программы. Просто они привыкли уже предполагать самое худшее, когда дело касалось «подкидышей». Но если даже эта паника воображения и не обманывала их, даже в этом самом крайнем случае ничего страшного пока не произошло. В любой момент детонаторы можно было

уничтожить. В любой момент их можно было изъять из музея и отправить за тридевять земель, на край обитаемой Вселенной, а при необходимости – и еще дальше.

Рудольф Сикорски позвонил директору музея и попросил его доставить экспонат номер такой-то в распоряжение Всемирного совета – к нему, Рудольфу Сикорски, в кабинет. Последовал несколько удивленный, безукоризненно вежливый, но недвусмысленный отказ. Выяснилось (Сикорски прежде и представления об этом не имел), что экспонаты из музея, причем не только из Музея внеземных культур, но и из любого музея на Земле, не выдаются – ни частным лицам, ни Всемирному совету, ни даже Господу Богу. Если бы даже самому Господу Богу потребовалось поработать с экспонатом номер такой-то, ему пришлось бы для этого явиться в музей, предъявить соответствующие полномочия и там, в стенах музея, производить необходимые исследования, для которых, впрочем, ему, Господу Богу, были бы созданы все необходимые условия: лаборатории, любое оборудование, любая консультация и так далее, и тому подобное.

Дело оборачивалось неожиданной стороной, но первый шок уже прошел. В конце концов, хорошо уже и то, что бомбе для воссоединения с детонатором понадобятся, по меньшей мере, «соответствующие полномочия». И в конце концов, только от Рудольфа Сикорски зависело сделать так, чтобы музей превратился в тот же самый сейф, только размерами побольше. И вообще, какого дьявола? Откуда бомбам знать, где находятся детонаторы и что они вообще существуют? Нет-нет, это была минута слабости. Одна из немногих подобных минут в его жизни.

Детонаторами занялись вплотную. Соответственно подобранные люди, снабженные соответствующими полномочиями и рекомендациями, провели в прекрасно оборудованных лабораториях музея цикл тщательно продуманных исследований. Результаты этих исследований можно было бы со спокойной совестью назвать нулевыми, если бы не одно странное и даже, прямо скажем, трагическое обстоятельство.

С одним из детонаторов был проведен эксперимент на регенерацию. Эксперимент дал отрицательные результаты: в отличие от многих предметов материальной культуры Странников, детонатор номер 12 (значок «М готическое»), будучи разрушен, не восстановился. А спустя два дня в Северных Андах попала под горный обвал группа школьников из интерната «Темпладо» – двадцать семь девчонок и мальчишек во главе с Учителем. Многие получили ушибы и ранения,

но все остались живы – кроме Эдны Ласко, личное дело № 12, значок «М готическое».

Безусловно, это могло быть случайностью. Но исследования детонаторов были приостановлены, и через Всемирный совет удалось провести их как запрещенные.

И было еще одно происшествие, но много позже, уже в 62-м году, когда Рудольф Сикорски, по местному прозвищу «Странник», резидентствовал на Саракше.

Дело в том, что именно благодаря его отсутствию на Земле группе психологов, входящих в состав Комиссии по Тринадцати, удалось добиться разрешения на частичное раскрытие тайны личности одному из «подкидышей». Для эксперимента был выбран Корней Яшмаа – номер 11, значок «Эльбрус». После тщательной подготовки ему была рассказана вся правда о его происхождении. Только о нем. Больше ни о ком.

Корней Яшмаа кончал тогда школу Прогрессоров. Судя по всем обследованиям, это был человек с чрезвычайно устойчивой психикой и очень сильной волей, весьма незаурядный человек по всем своим задаткам. Психологи не ошиблись. Корней Яшмаа воспринял информацию с поразительным хладнокровием – видимо, окружающий мир интересовал его много больше, чем тайна собственного происхождения. Осторожное предупреждение психологов о том, что в нем, возможно, заложена скрытая программа, которая в любой момент может направить его деятельность против интересов человечества, – это предупреждение нисколько не взволновало его. Он откровенно признался, что хотя и понимает свою потенциальную опасность, но совершенно в нее не верит. Он охотно согласился на регулярное самонаблюдение, включающее, между прочим, ежедневное обследование индикатором эмоций, и даже сам предложил сколь угодно глубокое ментоскопирование. Словом, Комиссия могла быть довольна: по крайней мере один из «подкидышей» стал теперь сознательным и сильным союзником Земли.

Узнав об этом эксперименте, Рудольф Сикорски поначалу разочлился, но потом решил, что в конечном итоге такой эксперимент может оказаться полезным. С самого начала он настаивал на сохранении тайны личности «подкидышей» прежде всего из соображений безопасности Земли. Он не хотел, чтобы в распоряжении «подкидышей», когда и, если программа заработает, кроме этой подсознательной программы были бы еще и вполне сознательные сведения о них самих и о том, что с ними происходит. Он предпочел бы, чтобы они стали метаться, не зная, чего они ищут, и с неизбежностью совершая

нелепые и странные поступки. Но в конце концов, для контроля было бы даже полезно иметь одного (но не больше!) из «подкидышей», располагающего полной информацией о себе. Если программа вообще существует, то она, безусловно, организована так, что никакое сознание справиться с нею будет не в силах. Иначе Странникам не стоило и огород городить. Но, без всякого сомнения, поведение человека, осведомленного о программе, должно будет резко отличаться от поведения прочих.

Однако психологи и не думали останавливаться на достигнутом. Ободренные успехом с Корнеем Яшмаа, они спустя три года (Рудольф Сикорски все еще сидел на Саракше) повторили эксперимент с Томасом Нильсоном (номер 02, значок «Косая звезда»), зрителем заповедника на Горгоне. Показания были вполне благоприятны, и несколько месяцев Томас Нильсон действительно продолжал благополучно работать, по всей видимости, нимало не смущенный тайной своей личности. Он вообще был человеком скорее флегматичным и не склонным к проявлению эмоций.

Он аккуратно выполнял все рекомендованные процедуры по самонаблюдению, относился к своему положению даже с некоторым свойственным ему тяжеловатым юмором, но, правда, наотрез отказался от ментоскопирования, сославшись при этом на чисто личные мотивы. А на сто двадцать восьмой день после начала эксперимента Томас Нильсон погиб на своей Горгоне при обстоятельствах, не исключающих возможности самоубийства.

Для Комиссии вообще и для психологов в особенности это был страшный удар. Престарелый Пак Хин объявил о своем выходе из Комиссии, бросил институт, учеников, родных и удалился в самоизгнание. А на сто тридцать второй день сотрудник КОМКОНа-2, в обязанности которого входил, в частности, ежемесячный осмотр янтарного футляра, доложил в панике, что детонатор номер 02, значок «Косая звезда», исчез начисто, не оставив после себя в гнезде, высланном шевелящимися волокнами псевдоэпителия, даже пыли.

Теперь существование некоей, мягко выражаясь, полумистической связи между каждым из «подкидышей» и соответствующим детонатором не вызывало никаких сомнений. И никаких сомнений ни у кого из членов Комиссии не вызывало теперь, что в обозримом будущем землянам, пожалуй, не дано будет разобраться в этой истории.

4 июня 78-го года
Дискуссия ситуации

Все это и еще многое другое рассказал мне Экселенц той же ночью, когда мы вернулись из музея к нему в кабинет.

Уже светало, когда он кончил рассказывать. Замолчав, он грузно поднялся и, не глядя на меня, пошел заваривать кофе.

– Можешь спрашивать, – проворчал он.

К этому моменту лишь одно чувство, пожалуй, владело мною почти безраздельно – огромное, безграничное сожаление о том, что я все это узнал и вынужден был теперь принимать в этом участие. Конечно, будь на моем месте любой нормальный человек, ведущий нормальную жизнь и занятый нормальной работой, он воспринял бы эту историю как одну из тех фантастических и грозных баек, которые возникают на самых границах между освоенным и неведомым, докатываются до нас в неузнаваемо искаженном виде и обладают тем восхитительным свойством, что, как бы грозны и страшны они ни были, к нашей светлой и теплой Земле они прямого отношения не имеют и никакого существенного влияния на нашу повседневную жизнь не

оказывают, – все это как-то, кем-то и где-то всегда улаживалось, улаживается сейчас или непременно уладится в самом скором времени.

Но я-то, к сожалению, не был нормальным человеком в этом смысле слова. Я, к сожалению, и был как раз одним из тех, на долю которых выпало улаживать. И я понимал, что с этой тайной на плечах мне ходить теперь до конца жизни. Что вместе с тайной я принял на себя еще одну ответственность, о которой не просил и в которой, право же, не нуждался. Что отныне я обязан принимать какие-то решения, а значит – должен теперь досконально понять хотя бы то, что уже понято до меня, а желательнее и еще больше. А значит – увязнуть в этой тайне, отвратительной, как все наши тайны, и даже, наверное, еще более отвратительной, чем они, – увязнуть в ней еще глубже, чем до сих пор. И какую-то совсем детскую благодарность ощущал я к Экселенцу, который до последнего момента старался удержать меня на краю этой тайны. И какое-то еще более детское, почти капризное раздражение против него – за то, что он все-таки не удержал.

– У тебя нет вопросов? – осведомился Экселенц.

Я спохватился:

– Значит, вы полагаете, что программа заработала и он убил Тристана?

– Давай рассуждать логически. – Экселенц расставил чашечки, аккуратно разлил кофе и уселся на место. – Тристан был его наблюдающим врачом. Регулярно раз в месяц они встречались где-то в джунглях, и Тристан проводил профилактический осмотр. Якобы в порядке рутинного контроля за уровнем психической напряженности Прогрессора, а на самом деле – для того, чтобы убедиться: Абалкин остается человеком. На всем Саракше один только Тристан знал номер моего спецканала. Тридцатого мая, самое позднее – тридцать первого, я должен был получить от него три семерки, «все в порядке». Но двадцать восьмого, в день, назначенный для осмотра, он гибнет. А Лев Абалкин бежит на Землю. Лев Абалкин бежит на Землю, Лев Абалкин скрывается, Лев Абалкин звонит мне по спецканалу, который был известен только Тристану... – Он залпом выпил свой кофе и помолчал, жуя губами. – По-моему, ты не понял самого главного, Мак. Мы теперь имеем дело не с Абалкиным, а со Странниками. Льва Абалкина больше нет. Забудь о нем. На нас идет автомат Странников. – Он снова помолчал. – Я, откровенно говоря, вообще не представляю, какая сила была способна заставить Тристана назвать мой номер кому бы то ни было, а тем более – Льву Абалкину. Я боюсь, его не просто убили...

– Значит, вы полагаете, что программа гонит его на поиски детонатора?

– Мне больше нечего предполагать.

– Но ведь он понятия не имеет о детонаторах... Или это тоже Тристан?

– Тристан ничего не знал. И Абалкин ничего не знает. Знает программа!

– А как ведет себя Яшмаа? И остальные?

– Все в пределах нормы. Но ведь и значки появились у них не одновременно. Абалкин был первым.

Это надо было понимать так, что в отношении остальных Экселенц уже принял необходимые меры, и слава богу, мне не надо было знать, что это за меры. Меня это не касалось. Пока. Я сказал:

– Вы только поймите меня правильно, Экселенц. Не подумайте, что я пытаюсь смягчить, сгладить, приуменьшить. Но ведь вы не видели его. И вы не видели людей, с которыми он общался... Я все понимаю: гибель Тристана – бегство – звонок, по-вашему, спецканалу – скрывается – выходит на Глумову, у которой хранятся детонаторы... Выглядит это совершенно однозначно. Этакая безупречная логическая цепочка. Но ведь есть и другое! Встречается с Глумовой – и ни слова о музее, только детские воспоминания и любовь. Встречается с Учителем – и только обида, будто бы Учитель испортил ему жизнь... Разговор со мной – обида, будто я украл у него приоритет... Кстати, зачем ему было вообще встречаться с Учителем? Со мной еще туда-сюда: скажем, он хотел проверить, кто его выслеживает... А с Учителем зачем? Теперь Щекн – дурацкая просьба об убежище, что вообще уже ни в какие ворота не лезет!

– Лезет, Мак. Все лезет. Программа – программой, а сознание – сознанием. Ведь он не понимает, что с ним происходит. Программа требует от него нечеловеческого, а сознание тщится трансформировать это требование во что-то хоть мало-мальски осмысленное... Он мечется, он совершает странные и нелепые поступки. Чего-то вроде этого я и ожидал... Для того и нужна была тайна личности: мы имеем теперь хоть какой-то запас времени... А насчет Щекна ты не понял ни черта. Никакой просьбы об убежище там не было. Голованы почувяли, что он больше не человек, и демонстрируют нам свою лояльность. Вот что там было...

Он не убедил меня. Логика его была почти безупречна, но ведь я видел Абалкина, я разговаривал с ним, я видел Учителя и Майю Тойвовну, я разговаривал с ними. Абалкин метался – да. Он совершал странные поступки – да, но эти поступки не были нелепыми. За ними

стояла какая-то цель, только я никак не мог понять, какая. И потом, Абалкин был жалок, он не мог быть опасен...

Но все это была только моя интуиция, а я знал цену интуиции. Дешево она стоила в наших делах. И потом, интуиция – это из области человеческого опыта, а мы как-никак имели дело со Странниками...

– Можно еще кофе? – попросил я.

Экселенц поднялся и пошел заваривать новую порцию.

– Я вижу, ты сомневаешься, – сказал он, стоя ко мне спиной. – Я бы и сам сомневался, если бы только имел на это право. Я – старый рационалист, Мак, и я навидался всякого, я всегда шел от разума, и разум никогда не подводил меня. Мне претят все эти фантастические кунштюки, все эти таинственные программы, составленные кем-то там сорок тысяч лет назад, которые, видите ли, включаются и выключаются по непонятному принципу, все эти мистические внепространственные связи между живыми душами и дурацкими кругляшками, запрятанными в футляр... Меня с души воротит от всего этого!

Он принес кофе и разлил по чашкам.

– Если бы мы с тобой были обыкновенными учеными, – продолжал он, – и просто занимались бы изучением некоего явления природы, с каким бы наслаждением я объявил все это цепью идиотских случайностей! Случайно погиб Тристан – не он первый, не он последний. Подруга детства Абалкина случайно оказалась хранительницей детонаторов. Он совершенно случайно набрал номер моего спецканала, хотя собирался звонить кому-то другому... Клянусь тебе, это маловероятное сцепление маловероятных событий, казалось бы, мне все-таки гораздо более правдоподобным, чем идиотское, бездарное предположение о какой-то там вельзевуловой программе, якобы заложенной в человеческие зародыши... Для ученых все ясно: не изобретай лишних сущностей без самой крайней необходимости. Но мы-то с тобой не ученые. Ошибка ученого – это, в конечном счете, его личное дело. А мы ошибаться не должны. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях – мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах. И слава богу, если окажется, что это была всего лишь флюктуация, и над нами будет хохотать весь Всемирный совет и все школяры в придачу... – Он с раздражением отодвинул от себя чашку.

– Не могу я пить этот кофе, и есть я не могу уже четвертый день подряд...

– Экселенц, – сказал я, – ну что вы, в самом деле... Ну почему обязательно черт с рогами? В конце концов, что плохого мы можем сказать о Странниках? Ну, возьмите вы операцию «Мертвый мир» ... Ведь они там как-никак население целой планеты спасли! Несколько миллиардов человек!

– Утешаешь... – сказал Экселенц, мрачно усмехаясь. – А ведь они там не население спасали. Они планету спасали от населения! И очень успешно... А куда делось население – этого нам знать не дано...

– Почему – планету? – спросил я, растерявшись.

– А почему – население?

– Ну ладно, – сказал я. – Дело даже не в этом. Пусть вы правы: программа, детонаторы, черт с рогами... Ну что он нам может сделать? Ведь он один.

– Мальчик, – сказал Экселенц почти нежно, – ты думаешь над этим едва полчаса, а я ломаю голову вот уже сорок лет. И не только я. И мы ничего не придумали, вот что хуже всего. И никогда ничего не придумаем, потому что самые умные и опытные из нас – это всегонавсего люди. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что они могут. И никогда не узнаем. Единственная надежда – что в наших метаниях, судорожных и беспорядочных, мы будем то и дело совершать шаги, которых они не предусмотрели. Не могли они предусмотреть все. Этого никто не может. И все-таки каждый раз, решаясь на какое-то действие, я ловлю себя на мысли, что именно этого они от меня и ждали, что именно этого-то делать не следует. Я дошел до того, что, старый дурак, радуюсь, что мы не уничтожили этот проклятый саркофаг сразу же, в первый же день... Вот тагоряне уничтожили – и посмотри теперь на них! Этот жуткий тупик, в который они уперлись... Может быть, это как раз и есть следствие того самого разумного, самого рационального поступка, который они совершили полтора века назад... Но ведь, с другой-то стороны, сами себя они в тупике не считают! Это тупик с нашей, человеческой точки зрения! А со своей точки зрения они процветают и благоденствуют и, безусловно, полагают, что обязаны этим своевременному радикальному решению... Или вот мы решили не допускать взбесившегося Абалкина к детонаторам. А может быть, именно этого они от нас и ждали?

Он положил лысый череп на ладони и замотал головой.

– Мы все устали, Мак, – проговорил он. – Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными и все чаще говорим друг другу: «А, обойдется!» Раньше

Горбовский был в меньшинстве, а теперь семьдесят процентов Комиссии приняли его гипотезу. «Жук в муравейнике» ... Ах, как это было бы прекрасно! Как хочется верить в это! Умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии, все тонкости их социальной организации. А муравьи-то перепуганы, а муравьи-то суетятся, переживают, жизнь готовы отдать за родимую кучу, и невдомек им, беднягам, что жук сползет в конце концов с муравейника и убредет своей дорогой, не причинив никому никакого вреда... Представляешь, Мак? Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи! Все будет хорошо... А если это не «Жук в муравейнике»? А если это «Хорек в курятнике»? Ты знаешь, что это такое, Мак, – хорек в курятнике?..

И тут он взорвался. Он грохнул кулаками по столу и заорал, уставясь на меня бешеными зелеными глазами:

– Мерзавцы! Сорок лет они у меня вычеркнули из жизни! Сорок лет они делают из меня муравья! Я ни о чем другом не могу думать! Они сделали меня трусом! Я шарахаюсь от собственной тени, я не верю собственной бездарной башке... Ну, что ты вытаращился на меня? Через сорок лет ты будешь такой же, а может быть, и гораздо скорее, потому что события пойдут вскачь! Они пойдут так, как мы, старичье, и не подозревали, и мы всем гуртом уйдем в отставку, потому что нам с этим не справиться. И все это навалится на вас! А вам с этим тоже ведь не справиться! Потому что вы...

Он замолчал. Он уже смотрел не на меня, а поверх моей головы. И он медленно поднимался из-за стола. Я обернулся.

На пороге, в проеме распахнутой двери, стоял Лев Абалкин.

4 июня 78-го года

Лев Абалкин в натуре

– Лева! – произнес Экселенц изумленно-растроганным голосом. – Боже мой, дружнице! А мы с ног сбились, вас разыскивая!

Лев Абалкин сделал движение и вдруг сразу оказался возле стола. Без сомнения, это был настоящий Прогрессор новой школы, профессионал, да еще из лучших, наверное, – мне приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы удерживать его в своем темпе восприятия.

– Вы – Рудольф Сикорски, начальник КОМКОНа-2, – произнес он тихим, удивительно бесцветным голосом.

– Да, – отозвался Экселенц, радушно улыбаясь. – А почему так официально? Садитесь, Лева...

– Я буду говорить стоя, – сказал Лев Абалкин.

– Бросьте, Лева, что за церемонии? Садитесь, прошу вас. Нам предстоит долгий разговор, не правда ли?

– Нет, не правда, – сказал Абалкин. На меня он даже не взглянул.
– У нас не будет долгого разговора. Я не хочу с вами разговаривать.

Экселенц был потрясен.

– Как это – не хотите? – спросил он. – Вы, дорогой мой, на службе, вы обязаны отчетом... Мы до сих пор не знаем, что случилось с Тристаном... Как это – не хотите?

– Я – один из «тринадцати»?

– Этот Бромберг... – проговорил Экселенц с досадой. – Да, Лева. К сожалению, вы – один из «тринадцати».

– Мне запрещено находиться на Земле? И я всю жизнь должен оставаться под надзором?

– Да, Лева. Это так.

Абалкин великолепно владел собой. Лицо его было совершенно неподвижно, и глаза были полузакрыты, словно он дремал стоя. Но я-то чувствовал, что перед нами человек в последнем градусе бешенства.

– Так вот, я пришел сюда сказать, – произнес Абалкин все тем же тихим бесцветным голосом, – что вы поступили с нами глупо и гнусно. Вы исковеркали мою жизнь и в результате ничего не добились. Я – на Земле и более не намерен Землю покидать. Прошу вас иметь в виду, что и надзора вашего я больше не потерплю и избавляться от него буду беспощадно.

– Как от Тристана? – небрежно спросил Экселенц.

Абалкин, казалось, не слышал этой реплики.

– Я вас предупредил, – сказал он. – Теперь пеняйте на себя. Я намерен теперь жить по-своему и прошу больше не вмешиваться в мою жизнь.

– Хорошо. Не будем вмешиваться. Но скажите мне, Лев, разве вам не нравилась ваша работа?

– Теперь я сам буду выбирать себе работу.

– Очень хорошо. Великолепно. А в свободное от работы время пораскиньте, пожалуйста, мозгами и попробуйте представить себя на нашем месте. Как бы вы поступили с «подкидышами»?

Что-то вроде усмешки промелькнуло на лице Абалкина.

– Здесь нет материала для размышлений, – сказал он. – Здесь все очевидно. Надо было мне все рассказать, сделать меня своим сознательным союзником...

– А вы бы через пару месяцев покончили с собой? Страшно ведь, Лева, ощущать себя угрозой для человечества, это не всякий выдержит...

– Чепуха. Это все бредни ваших психологов. Я – землянин! Когда я узнал, что мне запрещено жить на Земле, я чуть не спятил! Только андроидам запрещено жить на Земле. Я мотался как сумасшедший – искал доказательств, что я не андроид, что у меня было детство, что я работал с головами... Вы боялись свести меня с ума? Ну, так это вам почти удалось!

– А кто сказал, что вам запрещено жить на Земле?

– А что – это неправда? – осведомился Абалкин. – Может быть, мне разрешено жить на Земле?

– Теперь – не знаю... Наверное, да. Но посудите сами, Лева! На всем Саракше только один Тристан знал, что вы не должны возвращаться на Землю. А он вам этого сказать не мог... Или все-таки сказал?

Абалкин молчал. Лицо его по-прежнему оставалось неподвижным, но на матово-бледных щеках проступили серые пятна, словно следы старых лишаев, – он сделался похож на пандейского дервиша.

– Ну, хорошо, – сказал, подождав, Экселенц. Он демонстративно разглядывал свои ногти. – Пусть Тристан вам это все-таки рассказал. Не понимаю, почему он это сделал, но – пусть. Тогда почему он не рассказал вам остального? Почему он не рассказал вам, что вы – «подкидыш»? Почему не объяснил причин запрета? Ведь были же причины – и весьма существенные, что бы вы об этом ни думали...

Медленная судорога прошла по серому лицу Абалкина, и оно вдруг потеряло твердость и словно бы обвисло – рот полуоткрылся, и широко раскрылись, как бы в удивлении, глаза, и я впервые услышал его дыхание.

– Я не хочу об этом говорить... – громко и хрипло произнес он.

– Очень жаль, – сказал Экселенц. – Нам это очень важно.

– А мне важно только одно, – сказал Абалкин. – Чтобы вы оставили меня в покое.

Лицо его сделалось, как прежде, твердым, опустились веки, с матовых щек медленно сходили серые пятна. Экселенц заговорил совсем другим тоном:

– Лева. Разумеется, мы оставим вас в покое. Но я умоляю вас, если вы вдруг почувствуете в себе что-то непривычное, непривычное ощущение... какие-нибудь странные мысли... просто больным себя почувствуете... Умоляю, сообщите об этом. Ну, пусть не мне. Горбовскому. Комову. Бромбергу, в конце концов...

Тут Абалкин повернулся к нему спиной и пошел к двери. Экселенц почти кричал ему вслед, протягивая руку:

– Только сразу же! Сразу! Пока вы еще землянин! Пусть я виноват перед вами, но Земля-то не виновата ни в чем!..

– Сообщу, сообщу, – сказал Абалкин через плечо. – Лично вам.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд Экселенц молчал, вцепившись обеими руками в подлокотники кресла, и напряженно прислушивался. Затем командовал вполголоса:

– За ним. Ни в коем случае не упускать. Связь через браслет. Я буду в музее.

4 июня 78-го года Завершение операции

Выйдя из здания КОМКОНа-2, Лев Абалкин неторопливо, праздной походкой проследовал по улице Красных Кленов, зашел в кабину уличного видеофона и с кем-то переговорил. Разговор длился две минуты с небольшим, после чего Лев Абалкин все так же неторопливо, заложив руки за спину, свернул на бульвар и устроился там на скамейке возле постамента с барельефом Строгова.

По-моему, он очень внимательно прочитал все, что было высечено на постаменте, потом рассеянно огляделся и минут двадцать сидел в позе человека, отдыхающего от тяжелой работы: раскинул руки поверх спинки скамьи, откинул голову и вытянул на середину аллеи скрещенные ноги. К нему собрались белки, одна прыгнула на плечо и ткнулась ему мордочкой в ухо. Он громко рассмеялся, взял ее в ладони и, подобрав ноги, посадил на колено. Белка так и осталась сидеть. По-моему, он разговаривал с нею. Солнце только что взошло, улицы были почти пусты, а на бульваре, кроме него, не было ни души.

Я не питал, конечно, никаких иллюзий, что мне удалось остаться незамеченным. Безусловно, он знал, что я не спускаю с него глаз, и, наверное, уже прикинул про себя, как ему от меня избавиться при необходимости. Но не это меня занимало. Меня беспокоил Экселенц. Я не понимал, что он затеял.

Он приказал мне найти Абалкина. Он хотел встретиться с Абалкиным, чтобы поговорить с ним один на один. По крайней мере, так было вначале, три дня назад. Потом он убедился, а точнее сказать – убедил себя, что Абалкин неизбежно должен выйти на детонаторы. Тогда он устроил засаду. О разговорах тет-а-тет речи уже не было. Был приказ «брать его, как только он прикоснется к платку». И был

пистолет. По-видимому, на тот случай, если взять не удастся. Хорошо. Теперь Абалкин приходит к нему сам. И простым глазом видно, что Экселенцу нечего сказать Абалкину. Ничего удивительного: Экселенц убежден, что программа работает, а в этом случае разговаривать с Абалкиным бессмысленно. (Работает ли программа на самом деле – на этот счет у меня было свое мнение, но оно роли не играло. Прежде всего мне надо было понять замысел Экселенца.)

Итак, он отпускает Абалкина. Вместо того чтобы взять его прямо в кабинете и отдать в распоряжение врачей и психологов, он его отпускает. Над Землей нависла угроза. Чтобы ее предотвратить, достаточно изолировать Абалкина. Это можно было бы сделать самыми элементарными средствами. И поставить точку по крайней мере на этом деле. Но он отпускает Абалкина, а сам идет в музей. Это может означать только одно: он совершенно уверен, что Абалкин в ближайшее время тоже явится в музей. За детонаторами. За чем же еще? (Казалось бы, чего проще – сунуть этот янтарный футляр в списанный «призрак» и загнать в подпространство до скончания времен... К сожалению, делать этого, конечно, нельзя: это был бы необратимый поступок.)

Абалкин является в музей (или прорывается с боем – ведь там его ждет Гриша Серосовин) ... В общем, он является в музей и снова видит там Экселенца. Картина. И вот там-то происходит настоящий разговор...

Экселенц его убьет, подумал я. Господи помилуй, в панике подумал я. Он сидит здесь и играет с белочками, а через час Экселенц его убьет. Ведь это же просто, как репа. Экселенц для того и ждет его в музее, чтобы досмотреть это кино до конца, чтобы понять, своими глазами увидеть, как это все происходит, как автомат Странников отыскивает дорогу, как он находит янтарный футляр (глазами? по запаху? шестым чувством?), как он открывает этот футляр, как выбирает свой детонатор, что он намеревается делать с детонатором... Только намеревается, не больше, ведь в ту же секунду Экселенц нажмет спусковой крючок, потому что рисковать дальше будет уже нельзя...

И я сказал себе: ну нет, этого не будет.

Нельзя сказать, чтобы я тщательно продумал все последствия своего поступка. Если говорить откровенно, я их не продумывал вовсе. Просто я вошел в аллею и направился прямо к Абалкину.

Когда я подошел, он глянул на меня искоса и отвернулся. Я сел рядом.

– Лева, – сказал я, – уезжайте отсюда. Сейчас же.

– Кажется, я просил оставить меня в покое, – сказал он прежним тихим и бесцветным голосом.

– Вас не оставят в покое. Дело зашло слишком далеко. Никто не сомневается в вас лично. Но вы для нас больше не Лева Абалкин. Левы Абалкина больше нет. Вы для нас – автомат Странников.

– А вы для меня – банда взбесившихся от страха идиотов.

– Не спорю, – сказал я. – Но именно поэтому вам надо удирать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Летите на Пандору, Лева, поживите там несколько месяцев, докажите им, что никакой программы внутри вас нет.

– А зачем? – сказал он. – Чего это ради я должен кому-то что-то доказывать? Это, знаете ли, унижительно.

– Лева, – сказал я, – если бы вы встретили перепуганных детей, неужели вам показалось бы унижительным покривляться и повалить дурака перед ними, чтобы их успокоить?

Он впервые глянул мне прямо в глаза. Он смотрел долго, почти не мигая, и я понял, что он не верит ни одному моему слову. Перед ним сидел взбесившийся от страха идиот и старательно врал, чтобы снова загнать его на край Вселенной, но теперь уже навсегда, теперь уже без всякой надежды на возвращение.

– Бесплезно, – сказал он. – Прекратите эту болтовню и оставьте меня в покое. Мне пора.

Он осторожно отогнал белок и поднялся. Я тоже поднялся.

– Лева, – сказал я, – вас убьют.

– Ну, это не так просто сделать, – небрежно отозвался он и пошел вдоль аллеи.

Я пошел рядом с ним. Я все время говорил. Нес какую-то чушь, что-де это не тот случай, когда можно позволить себе обижаться, что глупо-де рисковать жизнью из-за одной только гордости, что-де стариков тоже надо бы понять – они сорок лет живут как на иголках... Он отмалчивался или отвечал колкостями. Пару раз он даже улыбнулся – мое поведение, кажется, забавляло его. Мы прошли до конца аллеи и свернули на Сиреневую улицу. Мы шли к Площади Звезды.

Людей на улице было уже довольно много. Это не входило в мои планы, но и не особенно им мешало. Может же человеку стать дурно на улице, и в таких случаях должен же кто-то доставить потерявшего сознание человека к ближайшему врачу... Я доставлю его на наш ракетодром, это недалеко, он даже не успеет очухаться. Там всегда наготове два-три дежурных «призрака». Я вызову туда Глумову, и мы втроем высадимся на зеленой Ружене, в моем старом лагере. По дороге я ей все объясню, и провались она в тартарары – тайна личности

Льва Абалкина... Так. Вон у обочины подходящий глайдер. Свободный. Как раз то, что нужно...

Когда я очухался, голова моя покоилась на теплых коленях незнакомой пожилой женщины, а я был словно на дне колодца, и на меня сверху вниз встревоженно глядели незнакомые лица, и кто-то предлагал не тесниться и дать мне больше воздуха, и еще кто-то заботливо подсовывал к моему носу ядовито пахнущую ампулу, а рассудительный голос вещал в том смысле, что оснований для особой тревоги никаких нет – может же стать человеку дурно на улице...

Тело мое казалось мне туго надутым воздушным шаром, который с тихим звоном колышется над самой землей. Боли не было. Судя по всему, я попался на самый обыкновенный «поворот вниз», проведенный, правда, из такой позиции, из которой его никто и никогда не проводит.

– Ничего, он уже очнулся, все будет в порядке...

– Лежите, лежите, пожалуйста, вам просто стало дурно...

– Сейчас будет врач, ваш друг уже побежал за врачом...

Я сел. Меня поддерживали за плечи. Внутри меня по-прежнему звенело, но голова была совершенно ясной. Я должен был встать, однако пока это было не в моих силах. Сквозь частокол ног и тел, окружавших меня, я видел, что глайдер исчез. И все-таки Абалкин не сумел довести дело до конца. Попади он на два сантиметра левее, я провалялся бы без памяти до вечера. Но то ли он промахнулся, то ли сработал у меня в последнее мгновение защитный рефлекс...

Со свистящим шелестом рядом опустился глайдер, и прямо через борт его сквозь толпу устремился сухопарый мужчина, на ходу вопрошая: «Что тут случилось? Я врач! В чем дело?..»

И откуда только у меня ноги взялись! Я вскочил ему навстречу и, схватив за рукав, толкнул к пожилой женщине, которая только что поддерживала мою голову и все еще стояла на коленях:

– Женщине плохо, помогите ей...

Язык едва слушался меня. В ошарашенной тишине я продрался к глайдеру, перевалился через борт на сиденье и включил двигатель. Я еще успел услышать изумленно-протестующий вопль: «Но позвольте же!..» – а в следующее мгновение подо мной распахнулась залитая утренним солнцем Площадь Звезды.

Все было как в повторном сне. Как шесть часов назад. Я бежал из зала в зал, из коридора в коридор, лавируя между стендами и витринами, среди статуй и макетов, похожих на бессмысленные механизмы, среди механизмов и аппаратов, похожих на уродливые статуи, только теперь все вокруг было залито ярким светом, и я был один, и

ноги подо мной подкашивались, и я не боялся опоздать, потому что был уверен, что обязательно опоздаю.

Уже опоздал.

Уже.

Треснул выстрел. Негромкий сухой выстрел из «герцога». Я споткнулся на ровном месте. Все. Конец. Я побежал из последних сил. Впереди справа мелькнула между безобразными формами фигура в белом лабораторном халате. Гриша Серосовин по прозвищу Водолей. Тоже опоздал.

Треснули еще два выстрела, один за другим... «Лева. Вас убьют». – «Это не так просто сделать...» Мы ворвались в мастерскую Майи Тойвовны Глумовой одновременно – Гриша и я.

Лев Абалкин лежал посередине мастерской на спине, а Экселенц, огромный, сторбленный, с пистолетом в отставленной руке, мелкими шажками осторожно приближался к нему, а с другой стороны, придерживаясь за край стола обеими руками, к Абалкину приближалась Глумова.

У Глумовой было неподвижное, совсем равнодушное лицо, а глаза ее были страшно и неестественно скошены к переносице.

Шафранная лысина и слегка обвисшая, обращенная ко мне щека Экселенца были покрыты крупными каплями пота.

Остро, кисло, противоестественно воняло пороховой гарью.

И стояла тишина.

Лев Абалкин был еще жив. Пальцы его правой руки бессильно и упрямо скребли по полу, словно пытались дотянуться до лежащего в сантиметре от них серого диска детонатора. Со знаком в виде то ли стилизованной буквы «Ж», то ли японского иероглифа «сандзю».

Я шагнул к Абалкину и опустился возле него на корточки. (Экселенц каркнул мне что-то предостерегающее.) Абалкин стеклянными глазами смотрел в потолок. Лицо его было покрыто давешними серыми пятнами, рот окровавлен. Я потрогал его за плечо. Окровавленный рот шевельнулся, и он проговорил:

– Стояли звери около двери...

– Лева, – позвал я.

– Стояли звери около двери, – повторил он настойчиво. – Стояли звери...

И тогда Майя Тойвовна Глумова закричала.

Оглавление

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Часть первая

РОБИНЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	24
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	36

Часть вторая

ЛЕГИОНЕР

ГЛАВА ПЯТАЯ.....	47
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	56
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	69
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	83

Часть третья

ТЕРРОРИСТ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	101
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	112
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	119
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	130

Часть четвёртая

КАТОРЖНИК

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	142
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	164
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	174
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	190
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	209

Часть пятая

ЗЕМЛЯНИН

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 228

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 247

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

1 июня 78-го года

Сотрудник КОМКОНа-2 Максим Каммерер..... 267

1 июня 78-го года

Кое-что о Льве Абалкине, Прогрессоре 270

1 июня 78-го года

Вкратце о содержании папки..... 276

1 июня 78-го года

Почти все о возможных связях Льва Абалкина280

1 июня 78-го года

Учитель Льва Абалкина..... 282

1 июня 78-го года

Маленький инцидент с Ядвигой Михайловной 286

Из отчета Льва Абалкина 290

2 июня 78-го года

Майя Глумова, подруга Льва Абалкина 302

2 июня 78-го года

Майя Глумова и журналист Каммерер 307

2 июня 78-го года

«Осинушка». Доктор Гоаннек 311

2 июня 78-го года

В избе номер шесть.....315

2 июня 78-го года

Неожиданная реакция Экселенца 318

Из отчета Льва Абалкина 320

	2 июня 78-го года	
Лев Абалкин воочию		334
	2 июня 78-го года	
Кое-какие догадки о намерениях Льва Абалкина		338
	2 июня 78-го года	
Короткий разговор		344
	2 июня 78-го года	
Кое-что о тайнах		345
Из отчета Льва Абалкина		348
	3 июня 78-го года	
Снова Майя Глумова.....		362
	3 июня 78-го года	
Кое-что о впечатлениях Экселенца		370
	3 июня 78-го года	
Застава на реке Телон.....		373
	3 июня 78-го года	
Щекн-Итрч, голован.....		377
	3 июня 78-го года	
Экселенц доволен		381
	4 июня 78-го года	
Музей взеземных культур. Ночь.....		382
	4 июня 78-го года	
Айзек Бромберг. Битва железных старцев		387
	4 июня 78-го года	
Лев Абалкин у доктора Бромберга		395
Тайна личности Льва Абалкина.....		401
Тайна личности Льва Абалкина (продолжение)		411
	4 июня 78-го года	
Дискуссия ситуации		417
	4 июня 78-го года	

Лев Абалкин в натуре	422
4 июня 78-го года	
Завершение операции.....	425

Журнальные иллюстрации, подходят к завершению.

Пояснение к читателям:

Почему, я собираю данную серию сборников?

С юных лет, являюсь поклонником творчества авторов.

Почему, с журнальными иллюстрациями?

Часто, в журналах, иллюстрации бывают более живыми и выразительными, чем в книгах. Они великолепно передают атмосферу, и органично вписываются в содержание книги.

Почему такая компоновка сборников?

Так, вышло само-собой. Как начал, так и пошло.

Для чего?

Читатель, всегда должен иметь, АЛЬТЕРНАТИВУ!

Когда издательство выпускает книгу, у него есть множество ограничивающих факторов. Цена с правами, договора на иллюстрации с художниками, и всё прочее ...

Потому, часто, книга, начинает терять «в весе».

Иллюстрации, меняются на что-то непонятное, вида коллажа или еще чего.

И, довольно часто, выходит «то», что сейчас, лежит на прилавках, а многие читатели, заняты поиском, старых первоизданий, насыщенных иллюстрациями.

Электронка, позволяет дополнить текст, тем содержанием, которое уже сейчас, становится довольно трудно найти ...

Идея, работа с текстом и иллюстрациями by formally

Дополнение, по иллюстрациям:

Есть у меня, большое «ПОЖЕЛАНИЕ» к сканирующим, и огромная, к ним благодарность, за безвозмездный труд. Но!

Пусть сканы, будут хотя-бы в 300DPI, для возможности дальнейшей обработки иллюстраций.

Ведь не все, смотрят иллюстрации, на «огромном» дисплее, своего телефона.

Ну, это так, пожелание...